ПИСЬМА

ИЗЪ

БОЛГАРІИ

въ 1877 г.

Евг. Утина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 2 л., 7.
1879

87111

Ивану Александровичу Гончарову
искренно уважающий автор
на снисходительное суж

11558

ЖАРАМЗИНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

ПИСЬМА

ИЗЪ

БОЛГАРІИ

въ 1877 г.

ПРОВЕРЕНО 1954 г.

1333

Евг. Утина.

И5г
Проверено
1979
МУЗЕЙ КНИГИ
ИНВ. № 734
УЛЬЯНОВСКОГО
ДВОРЦА КНИГИ
им. В. И. ЛЕНИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр. 2 л., 7.

1879

Пр. 66

(443)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			страницы.
ГЛАВА	I.	Передъ войной	1 — 20
—	II.	До Дуная	21 — 58
—	III.	На Дунаѣ	59 — 74
—	IV.	Въ Систовѣ—и до Тырнова	75 — 99
—	V.	Наше гражданское управленіе	100 — 134
—	VI.	Отъ Тырнова до Казанлыка	135 — 171
—	VII.	Тяжелые дни: Эски-Загры и наше отступленіе	172 — 230
—	VIII.	Болгары и наши недоразумѣнія	231 — 303
—	IX.	Поѣздка въ Добруджу	304 — 315
—	X.	На пути къ Плевнѣ	316 — 340
—	XI.	„Третья Плевна“	341 — 372
—	XII.	Послѣ пораженія	373 — 413
—	XIII.	Интендантство и поставщики	414 — 445
—	XIV.	Военно-медицинское управленіе	446 — 471

ГЛАВА I.

Передъ войною.

Никто изъ насъ, безъ сомнѣнія, не забылъ тѣхъ зимнихъ вечеровъ конца 1876 г. и начала 1877 г., которые мы всѣ проводили въ оживленныхъ спорахъ о томъ, что̀ такъ томило и волновало почти всю Россію, въ спорахъ—быть или не быть войнѣ. Боже мой, сколько этотъ вопросъ поднималъ другихъ вопросовъ, столь же жгучихъ и ѣдкихъ. Оно и не мудрено: война заставляетъ подводить итоги всему пережитому, передѣланному; война—это тотъ день судный, въ который каждому будетъ воздано по дѣламъ его; война срываетъ повязку съ глазъ, и если въ общественномъ тѣлѣ существуютъ недуги, то они скоро обнаружатся во всей глубинѣ ихъ.

Теперь, послѣ того, что я побывалъ на театрѣ войны, послѣ того, что я вблизи видѣлъ и у своихъ и у чужихъ, и присмотрѣлся къ движенію той громадной машины, которая во время войны должна работать на всѣхъ парахъ, всѣ наши споры особенно живо возстаютъ въ моей памяти; мнѣ даже кажется, что только тогда вы найдете въ разсказѣ моемъ о всемъ, что̀ привелось увидѣть и услышать на мѣстѣ, отвѣтъ на многіе возбуждавшіеся вопросы, когда вы припомните, около чего вертѣлись всѣ наши споры. Не разъ въ теченіи тревожныхъ дней, полныхъ печали и скорби, я переносился мысленно изъ той несчастной Болгаріи, ради которой широкимъ

ручьемъ полилась лучшая русская кровь, къ нашимъ зимнимъ вечерамъ, вспоминая страстныя рѣчи одного оптимиста и мрачныя филиппики другого — пессимиста, которые вели между собою въ нашемъ небольшомъ дружескомъ кружкѣ горячую распрю, оба воодушевленные одинаково сильною любовію къ своей родинѣ.

Поле для споровъ было дѣйствительно самое широкое. Всѣ струны общественной жизни были натянуты до послѣдней возможности, вездѣ и во всемъ чувствовалась какая-то неувѣренность въ будущемъ, все, что́ говорилось въ Европѣ, казалось направленнымъ къ одной цѣли — къ униженію нравственному и матеріальному, съ одной стороны, чести, съ другой — значенія Россіи. Долгое время, начиная съ 1875 года, мы оставались, если и не равнодушными, то все-таки только зрителями той, если хотите, безумной, но во всякомъ случаѣ геройской борьбы, которая велась горстью герцеговинцевъ и боснякoвъ противъ пятисотъ-лѣтняго суроваго турецкаго господства. Долгое время, рискуя даже утратить то обаяніе, которымъ мы, гораздо болѣе волею судебъ, чѣмъ твердою, сознательною политикою, пользовались у южныхъ славянъ, — мы участвовали въ той стряпнѣ, которую не безъ лукавства предлагалъ австрійскій первый министръ въ образѣ ноты, заключавшей въ себѣ проектъ необходимыхъ реформъ. На нашихъ глазахъ, даже при долѣ участія русскаго общества, правда, микроскопической, изнемогала Сербія въ неравномъ бою съ тѣмъ государствомъ, которое мы поспѣшили обозвать умирающимъ „больнымъ человѣкомъ". Съ состраданіемъ, но безъ той рѣшимости пресѣчь зло, какая является только какъ результатъ сознающей свою силу общественной воли, прислушивались мы къ воплямъ и страдальческимъ стонамъ десятковъ тысячъ болгаръ, замученныхъ, истекавшихъ кровью подъ свирѣпыми ударами турецкихъ ятагановъ. Каждый день приносилъ съ собою новое извѣстіе, и каждое изъ этихъ извѣстій, казалось, вонзало все глубже и глубже острую иглу въ сердце Россіи.

Дипломатическая травля русскаго національнаго достоинства, повидимому, никогда не должна была прекратиться, и отъ обиды, наносимой ему составленіемъ смиреннаго берлинскаго меморандума, мы переходили къ новой обидѣ—гордому отказу англійскаго правительства дать ему свою санкцію. Когда же конецъ?—спрашивало себя истомившееся напряженнымъ ожиданіемъ русское общество, но конецъ этотъ не приходилъ, и какъ одинъ день смѣняетъ другой, такъ одинъ ударъ слѣдовалъ за другимъ,—ударъ, наносимый нашей внѣшней политикѣ.

Откуда же это колебаніе нашей политики? что̀ означаетъ эта слабость, эта боязливость?—раздавались вопросы:— или правы тѣ, которые дерзаютъ утверждать, что русское государство, это—колоссъ на глиняныхъ ногахъ! Но вѣдь это неправда, развѣ Россія не сильна, развѣ она не представляетъ собою одно изъ могущественныхъ государствъ Европы, вѣдь мы, шутя, можемъ выставить въ полѣ болѣе милліона геройскаго войска,—чего же мы боимся?

— Наша политика подвергается униженію,—слышался отвѣтъ пессимиста,—потому что у насъ нѣтъ опредѣленной политики, основанной на широкомъ пониманіи національныхъ стремленій, наша политика на дипломатическомъ ристалищѣ терпитъ пораженіе за пораженіемъ, потому что мы не можемъ твердо опереться на то начало, которое съ-разу привлекло бы на нашу сторону всѣ славянскіе народы, на начало полнаго національнаго освобожденія. А не можемъ мы на него опереться,—доканчивалъ тотъ же голосъ,—потому, что такое начало стало бы въ прямое противорѣчіе съ господствующими понятіями, съ существующимъ общественнымъ строемъ. Вотъ почему нашей политикѣ суждено не разъ еще испытывать горькія неудачи!

Къ счастью, пророчество этого пессимиста, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, не оправдалось, и всѣмъ дипломатическимъ уловкамъ былъ положенъ предѣлъ энергическимъ словомъ: ни шагу дальше! Турція смирилась

передъ русскимъ ультиматумомъ,—и Сербія была спасена отъ конечнаго погрома.

Точно свѣжимъ воздухомъ пахнуло на русское общество, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ его жизни въ тяжелой, спертой атмосферѣ. Поворотъ назадъ былъ немыслимъ, русская политика, казалось, вступила на путь твердой національной политики. Но и то, что́ казалось, не было еще дѣйствительностью,—горькая дипломатическая чаша не была еще испита до дна. Потянулись константинопольскія конференціи, на которыхъ твердость турецкой политики съ особенною яркостью выставляла на видъ ничтожество политики другихъ европейскихъ государствъ, и чѣмъ смѣлѣе и рѣзче дѣлался тонъ турецкихъ государственныхъ людей, тѣмъ скромнѣе и смиреннѣе становились предъявляемыя къ Турціи требованія. Но скромность и смиреніе не были вознаграждены. Константинопольскія конференціи дали въ результатѣ нѣсколько исписанныхъ листовъ бумаги, которые, увы! не были еще послѣдними. Къ цѣлому вороху дипломатическихъ рѣшеній и бумагъ, такъ удачно кѣмъ-то окрещенныхъ именемъ макулатуры, долженъ былъ прибавиться еще самый робкій изъ робкихъ—лондонскій протоколъ, отвергая который, Турція, въ то время по крайней мѣрѣ такъ казалось, спасала честь Россіи.

Во все это время, пока дипломатія занималась обидною для русской политики эквилибристикою, изъ-за избитыхъ и заигранныхъ мотивовъ этой дребезжащей шарманки слышался стонъ, доносившійся къ намъ съ Балканскаго полуострова, и потому не мудрено, что русское общество находилось точно въ лихорадкѣ, переходя отъ увѣренности въ томъ, что война будетъ объявлена, къ горькому сомнѣнію, и отъ сомнѣнія къ другой увѣренности, что войны не будетъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней или, вѣрнѣе, вечеровъ перемежающейся лихорадки, когда стрѣлка политическаго барометра стояла передъ словомъ: война! въ нашемъ небольшомъ кружкѣ происходилъ ожесточенный споръ,

главнымъ образомъ между тѣмъ же оптимистомъ и пессимистомъ, изъ которыхъ первый съ горячностью доказывалъ неизбѣжность войны и радовался ея приближенію, а послѣдній, глядя на всѣ событія сквозь черную призму, только сумрачно качалъ головою и не переставалъ повторять: нѣтъ, мы не должны воевать, война только разоритъ Россію!

— Чего же вы хотите?—восклицалъ оптимистъ:— не того ли, чтобы Россія отказалась отъ своего историческаго призванія, чтобы мы покорно сносили позоръ, обрушиваемый на нашу голову цѣлою Европою, чтобы мы оставались бездушными зрителями тѣхъ злодѣйствъ, которыя разразились надъ бѣдными южными славянами? Если вы этого желаете, тогда вы правы, тогда мы не должны воевать; но помните, что тогда мы обрекаемъ себя на китайскій застой, тогда роль Россіи, какъ сильной славянской державы, сыграна до конца, и намъ уже болѣе никогда не подняться. Помните однако, что та́къ можетъ только разсуждать человѣкъ, который не любитъ своей родины.

— Ну, что же,—возражалъ ему пессимистъ,—договаривайте до конца, провозгласите скорѣй, что я врагъ Россіи; въ самомъ дѣлѣ, какое я имѣю право быть несогласенъ съ вашимъ мнѣніемъ. Но, нѣтъ, это неправда,— съ горячностью продолжалъ пессимистъ,—я люблю Россію не менѣе другого, и, можетъ быть, именно потому, что я люблю ее, я и говорю: война при настоящемъ положеніи нашихъ внутреннихъ дѣлъ, не имѣетъ никакого смысла. Чего вы хотите? спрошу я васъ въ свою очередь: чтобы мы бросились въ войну, навязали себѣ, быть можетъ, на руки чуть не всю Европу, которая относится къ намъ съ такою враждебностью, и чтобы, въ концѣ-концовъ, мы снова потерпѣли такое же пораженіе, какъ послѣ Восточной войны...

— Позвольте васъ прервать,—остановилъ его оптимистъ, чувствуя, что его противникъ зашелъ слишкомъ далеко.—Вы, кажется, забыли, что отъ времени Восточной

войны насъ отдѣляютъ болѣе нежели двадцать лѣтъ,— и какія двадцать лѣтъ! Вы забыли, что Россія стала иная, что цѣлый рядъ совершённыхъ реформъ измѣнилъ ее, выражаясь словами короля Лира, съ головы до пятокъ! и что 53-му году до 77-го года какъ до звѣзды небесной далеко.

— Вы ошибаетесь, — настаивалъ на своемъ пессимистъ,—я ничего не забываю! Я нисколько не отрицаю значенія совершённыхъ реформъ, но эти реформы—вы не можете съ этимъ не согласиться — не измѣнили коренным образомъ общественнаго строя, и потому едва ли вы правы, говоря, что 53-му до 77-го года какъ до звѣзды небесной далеко. Я признаю важность земской реформы, но все же за земской реформой серьёзнаго и въ смыслѣ политическомъ воспитательнаго значенія я признать не могу. Я далеко не отвергаю благодѣянія и судебной реформы, но это не мѣшаетъ мнѣ сознавать, что, благодаря различнымъ условіямъ общественнаго строя, не вездѣ однако и не во всемъ она находитъ себѣ примѣненіе. Общество могло быть благодарно за предоставленныя ему льготы въ печати, но все-таки эти льготы не предоставляютъ возможности обсуждать всѣ общественные вопросы. Я признаю величіе крестьянской реформы, но и это не мѣшаетъ мнѣ все-таки видѣть, что матеріальное по крайней мѣрѣ положеніе русскаго крестьянина нисколько не лучше, а можетъ быть и хуже матеріальнаго положенія тѣхъ болгаръ, изъ-за которыхъ вы хотите проливать русскую кровь, и все это потому, что рядомъ съ крестьянскою реформою до сихъ поръ не была еще проведена податная реформа и не измѣнена система налоговъ. Я весьма цѣню все то, что́ было сдѣлано правительствомъ для народнаго образованія, но я не могу все-таки не признать, что средній уровень образованія русской народной массы ниже средняго уровня болгарскаго населенія. Я прекрасно понимаю...

— Къ чему вы все это говорите,—перебилъ его оптимистъ,—какое, скажите на милость, имѣетъ все это

отношеніе къ нашему спору, какая связь между тѣми вопросами, которые вы поднимаете, съ предпринимаемою нами войною? Внутренніе вопросы остаются все тѣ же, но оттого святая цѣль войны ничего не теряетъ въ своей святости. Вы хотите доказывать, что всѣ совершённыя реформы не обновили всецѣло, всесторонне русскую жизнь, русскаго человѣка, но объ этомъ никто не споритъ. Я не вижу только отношенія...

— Вглядитесь поглубже, и вы его прекрасно поймете! Когда я напомнилъ вамъ о Восточной войнѣ и ея результатахъ, вы возразили, что между тѣмъ временемъ и настоящимъ нѣтъ ничего общаго. Я же утверждаю, что общаго есть очень много. Я заговорилъ о совершённыхъ реформахъ не для того, конечно, чтобы умалять ихъ значеніе, — никто больше меня не признаетъ ихъ важности,—но только для того, чтобы доказать вамъ, что всѣмъ этимъ реформамъ не суждено было вызвать въ русскомъ народѣ самодѣятельности, что русскій общественный строй во многомъ остался тотъ же, чѣмъ онъ былъ во время Восточной войны,—а вы знаете не хуже меня, что тѣ же причины вызываютъ тѣ же послѣдствія. Вы говорите, что не видите связи между внутренними вопросами и внѣшнею войною, но эта связь бьетъ въ глаза. Задались ли вы хоть разъ вопросомъ: какого рода войну мы хотимъ предпринять?

— Что вы хотите сказать?—было отвѣтомъ оптимиста: — кто же не знаетъ, что эта война должна быть войною за освобожденіе южныхъ славянъ!

— Вотъ потому-то, что эта война будетъ называться войною за освобожденіе, потому-то я и говорю, что начинать ее преждевременно. Такую войну можно начинать съ увѣренностью, что она принесетъ благіе политическіе плоды только тогда, когда освобождающій народъ достигъ уже самъ такого внутренняго развитія, пріобрѣлъ такое значеніе въ общественномъ строѣ, что никто не имѣлъ бы ему права сказать: „врачу! исцѣлися самъ!“ До тѣхъ же поръ, пока народъ самъ не достигъ извѣст-

наго періода зрѣлости, до тѣхъ поръ война за освобожденіе другого народа не представляетъ достаточныхъ гарантій серьёзнаго успѣха...

Много, конечно, можно было сдѣлать возраженій противъ такого рода аргументаціи, но оптимистъ, вмѣстѣ со всѣми нами защищавшій войну, предпочелъ перенести споръ на другую почву.

— Пусть будетъ по-вашему,—говорилъ онъ,—пусть народъ не достигъ еще того развитія, при которомъ онъ самъ ясно сознаетъ свою историческую роль и у себя доказываетъ умѣнье управлять своими дѣлами,—все это идеалъ, который, можетъ быть, долго еще не будетъ достигнутъ,—но слѣдуетъ ли изъ того, что внутренняя политика не удовлетворяетъ вашимъ требованіямъ, чтобы мы оставляли подъ самымъ отвратительнымъ игомъ (съ которымъ можетъ развѣ поспорить татарское иго, до сихъ поръ отзывающееся на нашихъ нравахъ) нѣсколько милліоновъ близкаго, родного намъ населенія?

— Вы были бы правы,—отвѣчалъ ему пессимистъ,—если бы война, успѣшный или неуспѣшный ходъ военныхъ дѣйствій стояли въ полной независимости отъ внутренняго общественнаго строя; но неужели не научила насъ достаточно исторія, что если внутренній организмъ страдаетъ какою-нибудь хроническою болѣзнію, то при этомъ внѣшнія силы мало надежны. Припомните только нашу восточную кампанію, для которой наступилъ судъ исторіи, припомните франко-нѣмецкую кампанію, и скажите по совѣсти, можете ли вы признать, что разбитъ былъ русскій славный солдатъ, что уведенъ былъ въ нѣмецкій плѣнъ храбрый французскій солдатъ; нѣтъ, если вы справедливы, вы должны будете согласиться, что тогда разбита была у насъ наша внутренняя политика, у французовъ — ихъ сгнившій до мозга костей государственный строй, установленный второю имперіею и лишившій страну свободы.

— Ни съ однимъ изъ вашихъ доводовъ,—возражалъ оптимистъ,—я согласиться не могу. Допуская даже, что

вы, говоря о несовершенствѣ нашей внутренней политики, правы,—все же я не могу не замѣтить, что если нашъ организмъ и страдаетъ хроническою болѣзнію, то, конечно, турецкій государственный строй зараженъ ею еще гораздо больше. Слѣдуя вашей же теоріи, я утверждаю, что война наша будетъ успѣшна, такъ какъ на полѣ брани встрѣтятся два, хотя по-вашему и нездоровыхъ организма, то все-таки нашъ, какъ болѣе здоровый, долженъ восторжествовать надъ турецкимъ, какъ наиболѣе испорченнымъ. Далѣе, я утверждаю,—продолжалъ съ горячностью оптимистъ,—что сравненіе съ восточною и французскою кампаніею также невѣрно, и по двумъ причинамъ: во-первыхъ, какъ въ ту, такъ и въ другую кампанію и русское и французское общественное мнѣніе было придавлено, его не спрашивали, оно было противъ войны, между тѣмъ какъ теперь это общественное мнѣніе громко стоитъ за войну и почти ея требуетъ, и, во-вторыхъ, какъ Россія въ 53 г., такъ Франція въ 70 г. были совершенно не приготовлены въ военномъ отношеніи, между тѣмъ какъ мы,—и вы это хорошо знаете, съ увѣренностью доканчивалъ онъ,—можемъ быть не готовы во всемъ другомъ, но ужъ въ военномъ отношеніи, конечно, готовы и можемъ выдержать борьбу и не съ такимъ государствомъ, какъ развалившаяся Турція!

Кто не испытывалъ въ своей жизни какого-то чувства, не то досады, не то безсильной злобы, когда волей-неволей приходится сознавать, что противникъ вашъ въ спорѣ, затрогивающемъ самыя чувствительныя струны вашего внутренняго строя, приводитъ неотразимые доводы противъ всего того, что̀ вы защищаете со всею страстностью просто вѣрующаго человѣка, и съ энергіею выбиваетъ васъ изъ позицій, казавшихся вамъ неприступными,—выбиваетъ просто силою своей неумолимой логики такъ, что вы внутренно начинаете признавать себя побѣжденнымъ! Подобнаго рода чувство испытывалъ, мнѣ кажется, оптимистъ, когда онъ слушалъ, какъ его противникъ, слѣдуя за нимъ по пятамъ, разбивалъ всѣ его доводы.

— Я охотно вѣрю, — говорилъ послѣдній, — что мы останемся побѣдителями, если наша война ограничится войною съ одною Турціею, хотя и на такую войну я не смотрю съ такимъ пренебреженіемъ, какъ вы. Война эта будетъ стоить много денегъ, она сдѣлаетъ состояніе финансовъ еще болѣе невыносимымъ, но въ этомъ отношеніи я менѣе тревожусь: пусть будетъ, что̀ будетъ, если вы утверждаете, что въ эту минуту идетъ дѣло не только о чести Россіи, но и о спасеніи жизни нѣсколькихъ милліоновъ людей. Но война эта будетъ стоить крови, обильной крови русскаго народа, а про то, что́ сто́итъ крови, груды труповъ самаго цвѣтущаго населенія, про то, простите, я никогда не рѣшусь сказать, какъ говорятъ очень многіе, что это будетъ не война, а военная прогулка, тріумфальный маршъ въ Константинополь. Мы побѣдимъ, это несомнѣнно, потому что, во-первыхъ, мы представляемъ несравненно бо́льшую физическую силу, а что касается до нравственныхъ силъ, то я согласенъ, что Турція страдаетъ еще больше отъ хронической болѣзни. Внутренній строй турецкой имперіи совершенно не отвѣчаетъ самымъ умѣреннымъ требованіямъ XIX вѣка; я не увѣренъ, чтобы турки способны были усвоить себѣ начала европейской цивилизаціи, но я все-таки не могу такъ презрительно относиться къ тѣмъ попыткамъ политическаго движенія, которыя обнаруживаются въ странѣ, обзываемой вами страною варваровъ...

Послѣднія слова, ясно дававшія понимать, что рѣчь пойдетъ о турецкой конституціи, придуманной Митхадомъ, вызвали всеобщую улыбку, но она не смутила пессимиста, и онъ продолжалъ свое.

— Смѣйтесь, если хотите, но я доскажу свою мысль. Я не придаю такъ же, какъ и вы, особенно серьёзнаго значенія турецкой конституціи, я знаю очень хорошо, что она не будетъ соблюдаться, что это не будетъ дѣйствительная конституція, а только отпечатанный листъ бумаги. Но не относитесь съ такимъ презрѣніемъ къ этому листу бумаги; конечно, онъ не обезпечитъ въ

Турціи политической свободы, что̀, я согласенъ, немыслимо, но онъ дастъ возможность двумъ-тремъ человѣкамъ, которые могутъ отыскаться въ странѣ, высказать громко то, что̀ чувствуется, быть можетъ, многими, бросить истину въ глаза всѣмъ, произнести во всеуслышаніе слово серьёзнаго осужденія, и этого одного будетъ достаточно, чтобы этотъ фарсъ, какъ вы называете турецкую конституцію, потерялъ характеръ своей водевильности. Вы не можете не согласиться, что, при извѣстныхъ условіяхъ, публично сказанное слово правды одно уже составляетъ цѣлый переворотъ въ общественной жизни.

Защита турецкой конституціи вызвала цѣлую бурю; градъ опроверженій посыпался на голову пессимиста. Онъ пересталъ отстаивать свое мнѣніе, но въ его глазахъ можно было прочесть такой же отвѣтъ, какой, разсказываютъ, далъ Галилей осудившимъ его судьямъ. Какъ этотъ твердилъ про себя: e pur se muove!—такъ и онъ видимо говорилъ про себя: а все-таки я правъ!

Пессимистъ перешелъ къ разбору другого довода своего противника, къ тому доводу, который заключался въ словахъ: свободное общественное мнѣніе выразилось за войну;—и сталъ съ энергіею доказывать, что у насъ не существуетъ общественнаго мнѣнія, такъ какъ не существуетъ тѣхъ условій, при которыхъ оно вырабатывается.

— То, что̀ вы называете общественнымъ мнѣніемъ,—продолжалъ онъ,—это мнѣніе нѣсколькихъ газетъ и журналовъ, которые притомъ не высказываютъ его со всею откровенностью. Я предвижу ваше возраженіе, вы говорите: кто же въ этомъ виноватъ?—виновато само общество, виноваты журналисты, издатели, редакторы, виновата вся пишущая братья, у которой недостаетъ гражданскаго мужества говорить то, что̀ они думаютъ! Но позвольте за нихъ заступиться. Развѣ возможно требовать отъ простыхъ смертныхъ, чтобы они перестали ими быть, и сдѣлались героями, чтобы они презирали всякій

страхъ и подвергали опасности свое достояніе, спокойствіе своей жизни? Гражданское мужество, конечно, прекрасно, но, во-первыхъ, оно дается политическимъ воспитаніемъ, въ которомъ мы стоимъ еще на складахъ, и часто вмѣсто б а — ба, говоримъ: б-а — бе; а, во-вторыхъ, и безъ сомнѣнія, — это самое печальное, — такое гражданское мужество пропало бы безслѣдно. Вотъ почему, — заканчивалъ свою филиппику суровый пессимистъ, — я и утверждаю, что у насъ нѣтъ настоящаго общественнаго мнѣнія, такого, какое существуетъ въ Европѣ, а если его нѣтъ, то я и не могу знать, какъ въ дѣйствительности относится общество къ вопросу о войнѣ, и какъ высказалось бы оно, если бы на его отвѣтственности лежало рѣшить: быть войнѣ или не быть. Какъ я не знаю, сочувствуетъ ли общество, народъ предпринимаемой войнѣ, такъ точно также я не знаю, готовы мы къ войнѣ, или нѣтъ? Вы утверждаете, что готовы, а я васъ спрашиваю: откуда вамъ это извѣстно? Я не забылъ того, какъ мы были готовы, приступая къ восточной кампаніи; я помню также, насколько оказалась готовою французская имперія, когда ея министры торжественно провозглашали: nous sommes archiprêts! — мы разъготовы!

— Эти сравненія неумѣстны, — горячо возражалъ оптимистъ: — про Францію я не могу говорить, эта страна предала себя въ руки хищниковъ, но Восточная война — дѣло другое. Тогда мы заблуждались, и дорого заплатили за свои иллюзіи, но тогда у насъ армія состояла изъ крѣпостныхъ, а теперь изъ свободныхъ людей, тогда вооруженіе, интендантство, медицинское управленіе — все было плохо; тогда Россія блуждала во мракѣ, а теперь мы знаемъ, что все военное вѣдомство преобразовано, и что военное министерство не безплодно тратило до двухъсотъ милліоновъ въ годъ!

Аргументъ этотъ былъ не лишенъ силы, но пессимистъ все-таки не сдавался и не переставалъ твердить:

„я ничего не знаю; дай Богъ, чтобы вы были правы, мнѣ остается только вѣрить намъ на́-слово“.

Споры эти производили тогда тяжелое впечатлѣніе. Колебаніе было неизбѣжно. Кому вѣрить,—тому ли, кто такъ мрачно смотрѣлъ на прошедшее, настоящее и даже будущее, — или тому, который слѣпо вѣрилъ, что самая святость дѣла—или, вѣрнѣе, святость цѣли—даетъ уже ручательство за несомнѣнный успѣхъ. Одно только будущее могло разрѣшить это сомнѣніе. Такого рода колебаніе, конечно, испытывали многіе, и если я рѣшился воспроизвести частицу возникавшихъ между нами споровъ, то именно потому, что тѣ же сомнѣнія, тѣ же колебанія, тѣ же свѣтлыя мечты и то же мрачное настроеніе сказывались не только среди насъ, но во многихъ углахъ и въ различныхъ концахъ Россіи. Тяжелы были эти сомнѣнія, но, безспорно, они были плодотворны. Не всѣхъ, можетъ быть, но многихъ должны были они пробудить послѣ того летаргическаго сна, которымъ покоилась значительная часть общества; многіе выходили изъ того полусознательнаго состоянія, въ которое ихъ погружала замертвѣвшая общественная жизнь, многіе протирали глаза и, точно послѣ просонья, спрашивали себя: „гдѣ я?“ Кто́ изъ насъ въ послѣднія нѣсколько лѣтъ не испытывалъ, ка́къ вялая жизнь, съ ея мелкими заботами, съ ея эгоистическими интересами, дрянными вопросиками—опускала ихъ въ какую-то непролазную тину, на днѣ которой скрывались общественные интересы; эта жизнь усыпляла чуть не стремленіе даже быть полезнымъ своему обществу, быть вѣрнымъ сыномъ своей родины! Нравственная дремота кругомъ сначала успокоивала ваши бурные порывы, ваши чистыя стремленія служить не только самому себѣ, но служить обществу, среди котораго вы живете, а затѣмъ мало-по-малу это успокоеніе вело за собою полнѣйшее равнодушіе ко всему, что̀ не касалось васъ лично, а отъ этого равнодушія не далеко уже было и до совершеннаго паденія. Страшная эпидемія свирѣпствовала внутри почти каждаго изъ насъ,

внутри громаднаго большинства русскаго люда; это — эпидемія нравственнаго приниженія, точно выѣдавшая даже сознаніе своего долга передъ обществомъ. Не много было людей, которые не поддались вліянію этой злой эпидеміи и остались глухи къ тому, что̀ такъ настойчиво нашептывала она намъ, а нашептывала она разлагающія человѣка слова: „уйди въ скорлупу личныхъ, эгоистическихъ стремленій, въ скорлупу такъ-называемой „практической“ жизни, „практическихъ“ интересовъ“. Того, кто не хотѣлъ подчиниться этому правилу, кто оставался твердъ въ своемъ убѣжденіи, что долгъ человѣка—быть прежде всего слугою своего общества, того мы готовы были забросать камнями и спѣшили обозвать безумцемъ. Часъ пробужденія долженъ же былъ когда-нибудь наступить. Небо заволокло тучами; все ближе и ближе сталъ доноситься раскатъ грома, подулъ благотворный вѣтеръ и началось тяжелое пробужденіе общества. Эпидемія не успѣла докончить своего дѣла общественнаго разложенія, — точно воскресло замертвѣвшее чувство любви, состраданія къ ближнему, и когда личные интересы встрѣтились съ крупными интересами родины, народа, эти личные интересы показались та́къ мелки, та́къ ничтожны! „Практическая“ жизнь, „практическіе“ интересы, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ исключительнаго господства, вызвали, наконецъ, противъ себя благотворную для общества реакцію,—эти первыя минуты общественнаго пробужденія не могли не повліять на усиленіе сочувствія къ судьбѣ южныхъ славянъ!

— Пусть вы будете правы во всемъ, — продолжалъ свой споръ оптимистъ,—но неужели же вы не признаете, что эта война однимъ своимъ приближеніемъ вызываетъ пробужденіе общества, разрушаетъ апатію, сковавшую его въ послѣдніе годы; что война воскреситъ въ обществѣ ту самодѣятельность, сильную, здоровую, въ которой вы отказываете ему... Неужели вы не согласитесь, что сочувствіе, высказанное Черногоріи, Сербіи, что состраданіе, самое неподдѣльное, самое безграничное къ

горькой участи несчастнаго болгарскаго народа, не служатъ достаточнымъ ручательствомъ, что мы сознали историческое призваніе Россіи, что мы принесемъ имъ все, чѣмъ богаты мы сами,—а разъ, что это сознаніе существуетъ, разъ, что мы поняли, что мы должны ихъ освободить отъ варварскаго турецкаго ига, половина успѣха уже на нашей сторонѣ. Другую половину предоставимъ оружію.

— Нѣтъ, я ни въ чемъ съ вами не согласенъ,— отвѣчалъ пессимистъ. — Я не вижу еще пробужденія общества, я не вижу въ немъ сознательнаго отношенія къ своимъ силамъ, къ своему положенію; я вижу пока только извѣстную кичливость своею силою, что́ никогда не служитъ добрымъ предвозвѣстникомъ серьёзнаго отношенія къ дѣлу. Если мы не повторяемъ теперь извѣстной фразы: „шапками закидаемъ!“ то только потому, что за эти слова мы были осмѣяны и поруганы, но въ дѣйствительности мы не далеко ушли отъ нея. Прислушайтесь къ тому, что̀ говорится, присмотритесь къ тому, что печатается нашими газетами—и вы услышите, вы прочтете только одно: „близокъ часъ, когда Россія обнажитъ свой мечъ—и тогда русская сила заставитъ смириться передъ собою всѣхъ ея враговъ!“ Скажите сами: къ чему это все, и доказываетъ ли такое настроеніе пробужденіе общества? Пробудитъ ли его успѣхъ, торжество русскаго оружія? — сомнѣваюсь: успѣхъ, пожатые лавры имѣютъ свойство еще болѣе опьянять побѣдителя! Пробудитъ ли его неудача?—можетъ быть: исторія говоритъ — *за!* но, признаюсь, я вовсе не желаю покупать это пробужденіе дорогою цѣною цѣлаго моря пролитой крови, многихъ полей, усѣянныхъ трупами русскаго народа. Я не согласенъ съ вами и въ томъ, что мы поняли, наконецъ, историческое призваніе Россіи, что мы прониклись сочувствіемъ къ родственнымъ намъ славянскимъ народамъ, подвластнымъ турецкому господству. Наше отношеніе къ славянамъ самое поверхностное: мы ихъ не знаемъ и до сихъ поръ не особенно интересовались

знать; наше сочувствіе похоже на сочувствіе слабыхъ нервныхъ женщинъ, которыя вдругъ кого-нибудь начнутъ жалѣть и при каждомъ словѣ прибавляютъ: „ахъ, какой ужасъ!“ Вчера, ложась спать, не думали ни о какихъ славянахъ,—сегодня по-утру проснулись—и вдругъ воспылали сочувствіемъ. Къ нашему историческому призванію мы относимся съ тѣмъ же легкомысліемъ, съ тою же поверхностностью, какъ и ко всему остальному. „Россія,—повторяется на тысячу ладовъ,—должна быть оплотомъ, на который опирались бы всѣ славяне: — ея роль опредѣлена: она должна быть руководительницею, освободительницею всѣхъ славянскихъ племенъ“. Прекрасно; я не отрицаю историческаго призванія Россіи, но я только говорю, что для того, чтобы она могла выполнить эту высокую роль, намъ нужно еще много поработать надъ самими-собою; у насъ—внутри, дома, у себя, еще слишкомъ много работы, чтобы мы могли съ успѣхомъ приступить къ осуществленію нашей задачи. Иначе повторится та же исторія, какая случилась уже съ однимъ изъ славянскихъ племенъ. Развѣ мы покончили наши счеты съ Польшею? Развѣ мы съумѣли примирить ее съ собою и заставить желать эту самую Польшу, что́ должно придти рано или поздно, тѣснаго сплоченія съ Россіею? А почему? — да все потому же, что мы неумѣлыми руками, не подготовивъ себя внутренней работой, принялись за выполненіе нашей исторической роли. Развѣ, спрашиваю я васъ, незаконны опасенія, что мы также мало умѣлы окажемся и въ дѣлѣ освобожденія Болгаріи и другихъ славянскихъ народностей? Вы говорите, что мы понесемъ имъ все, чѣмъ мы богаты, но, во-первыхъ, и богаты-то мы не очень, все богатство наше лежитъ еще подъ спудомъ, — а, во-вторыхъ, если мы понесемъ имъ то, что́ у насъ есть, то это еще вовсе не рѣшенный вопросъ: захотятъ ли они нашихъ даровъ, нашихъ благодѣяній? Я боюсь, что, если они примутъ наши дары, не справившись съ нашимъ инвентаремъ, то очень скоро окажется, что въ концѣ-концовъ вышло только одно пе-

чальное недоразумѣніе. Вотъ отчего, чтобы подвести итогъ всѣмъ нашимъ спорамъ, я и говорю, что эта война будетъ войною изъ-за минутнаго сантиментализма, а не войною изъ-за историческаго призванія, изъ-за хорошо понятыхъ и глубоко-продуманныхъ интересовъ всѣхъ славянскихъ народовъ.

Вопросъ былъ поставленъ ребромъ, и потому послѣднія слова пессимиста не могли не вызвать самаго горячаго возраженія.

— Вы не правы, двадцать разъ не правы,—заговорилъ оптимистъ.—Вы твердите только одно, что мы не достигли того внутренняго развитія, которое даетъ право народу принять на себя роль освободителя другихъ угнетенныхъ національностей, и вамъ ни до чего, повидимому, нѣтъ больше дѣла. Но вы забываете только одно, что исторія не сообразуется съ вашими теоріями; она не выжидаетъ того момента, когда вы произнесете: теперь мы готовы! Историческій ходъ событій не подчиняется, къ несчастію, нашимъ соображеніямъ. Онъ идетъ своимъ чередомъ, и горе тѣмъ націямъ, которыя не желаютъ во̀-время понять той задачи, которая выпала на ихъ долю. Исторія выдвинула на очередь славянскій вопросъ: можетъ быть, оно и жаль, что онъ выдвинулся въ то время, когда мы еще не достигли до необходимаго для нашихъ цѣлей внутренняго развитія, но дѣлать не́чего,—беритесь за дѣло съ тѣми силами, которыя у васъ подъ руками, или иначе исторія обгонитъ васъ и вы утратите навсегда выпавшее на вашу долю значеніе въ государственной жизни Европы. Теперь или никогда! кричитъ намъ исторія. Если теперь мы откажемся отъ нашей роли въ движеніи славянскихъ народовъ, то роль эта не возвратится къ намъ болѣе никогда. Если теперь мы будемъ равнодушно смотрѣть на страданія этихъ народовъ и останемся глухи къ доносящимся стонамъ, то славянскія племена отвернутся отъ насъ навсегда, и когда мы, приготовленные, наконецъ, къ роли освободителей, простремъ на нихъ наше мило-

стивое вниманіе, они отвѣтятъ намъ однимъ словомъ: поздно! Я не говорю уже, насколько желаемый вами образъ дѣйствій отвѣчалъ бы достоинству, чести Россіи; я не хочу даже заикаться о томъ, насколько гуманно относиться безразлично къ тѣмъ звѣрствамъ, которымъ въ продолженіи цѣлыхъ пяти вѣковъ подвергаются южные славяне; васъ, повидимому, не особенно трогаютъ такія слова, какъ честь, достоинство вашей родины, васъ не смущаютъ ни бѣдствія, ни страданія родственныхъ намъ племенъ, у васъ крѣпкій щитъ, на которомъ вырѣзаны слова: у насъ и своего дѣла довольно! Прекрасно, бросимъ въ сторону честь, достоинство страны, забудемъ о гуманности и будемъ разсуждать практически—объ интересахъ, пользѣ, выгодѣ Россіи. Я утверждаю, что отъ этой войны въ значительной степени зависитъ будущность Россіи, какъ славянскаго государства, ея сила и значеніе. Вы спросите: какимъ образомъ?—Извольте, я готовъ объяснить свою мысль. Въ Европѣ существуютъ двѣ расы, живущія одна рядомъ съ другой, двѣ расы, которыя не любятъ взаимно одна другую, которыхъ близкое сосѣдство не разъ уже давало поводъ къ столкновеніямъ. Между этими двумя расами существуютъ и старые и новые счеты. Эти двѣ расы: славянская и германская. Столкновеніе сильное, грозное между этими двумя расами неизбѣжно. Весь вопросъ во времени. Пока они живутъ въ мирѣ, на устахъ у нихъ дружба, но загляните въ сердце этихъ народовъ и вы прочтете: война. Есть ли, скажите, въ Германіи, есть ли въ Россіи человѣкъ, слѣдящій за историческимъ развитіемъ, за политическою жизнію народовъ, который не думалъ бы, что рано или поздно произойдетъ страшное столкновеніе, рѣшительная борьба между этими двумя народами. Я думаю, что нѣтъ. Оба народа должны исподволь приготовляться къ этой борьбѣ. Что́ дѣлать—эпоха братства народовъ еще не наступила и повидимому долго не наступитъ. Они должны подготовляться для того, чтобы минута борьбы не застигла ихъ врасплохъ. Единство—

это сила народовъ. Германія достигла своего, — не во имя братскаго сліянія, а путемъ огня и желѣза она сплотилась въ одно грозное цѣлое. Она стоитъ передъ нами во всеоружіи и каждую минуту готова къ бою. Чтó сдѣлала Германія, то должна сдѣлать и Россія, хотя бы только для уравновѣшенія силъ. Какъ Пруссія соединила въ одно цѣлое всѣхъ нѣмцевъ, такъ Россія должна сплотить во-едино всѣхъ славянъ. Только тогда, когда всѣ славянскіе народы сольются въ одно цѣлое, они получатъ возможность спокойно взирать на всѣ предстоящія опасности. Ничья угроза не будетъ имъ болѣе страшна. Какъ же, скажите, мы можемъ достигнуть такого объединенія,—а въ немъ лежитъ наша сила,—если теперь, въ эту страшную минуту, мы отвернемся отъ славянъ, которые взываютъ къ намъ о помощи? Вы сомнѣваетесь, примутъ ли они наши дары,—да, они примутъ одинъ даръ—это братскую помощь, которую подаетъ сильный слабому, и за нее мы, конечно, не потребуемъ никакого матеріальнаго вознагражденія. Вы были бы правы, если бы мы задумали вести войну съ завоевательными цѣлями, если бы мы желали навязать южнымъ славянамъ наше господство со всѣми его недугами, со всѣми тѣми замашками могучихъ властителей, которыя такъ мало намъ удавались до сихъ поръ, но вѣдь мы поняли наше заблужденіе и теперь мы хотимъ только одного, это—освобожденія родственныхъ намъ племенъ отъ дикаго турецкаго господства, и затѣмъ предоставимъ имъ полную свободу устроить свою судьбу, какъ имъ заблагоразсудится. Исторія научила насъ, что связь, устанавливаемая симпатіею, расположеніемъ, на которое дастъ намъ право пролитая за нихъ русская кровь, гораздо прочнѣе той связи, которая устанавливается штыкомъ. Вы резюмировали нашъ споръ, говоря, что предпринятая война будетъ войною изъ-за сантиментализма, дайте же и мнѣ резюмировать его и сказать вамъ, что война эта будетъ не только законна, свята, но и вполнѣ отвѣчающею ясно понятымъ русскимъ

интересамъ! Вотъ почему всѣми силами моей души я желаю этой войны. Она необходима, неизбѣжна ради спасенія милліоновъ замученныхъ болгаръ, ради спасенія чести, достоинства, силы русскаго народа...

Кто былъ правъ въ этомъ спорѣ, пессимистъ или оптимистъ? Чувство было всецѣло на сторонѣ послѣдняго, разсудокъ тревожился мрачными предсказаніями перваго. А исторія шла своимъ чередомъ, приближая дѣло къ кровавой развязкѣ. Нѣтъ ничего томительнѣе ожиданія; между тѣмъ, прошло еще много тревожныхъ дней, прежде чѣмъ русскія войска перешли черезъ границу, и Россія съ волненіемъ прочла манифестъ 12-го апрѣля 1877 года.

ГЛАВА II.

До Дуная.

Война была объявлена. Исчезло то возбужденное, напряженное до послѣднихъ предѣловъ состояніе общества, въ которомъ оно томилось долгіе мѣсяцы, и когда каждый двадцать разъ на день говорилъ про себя:— Господи! хотя бы поскорѣе былъ какой-нибудь конецъ! чѣмъ все это должно разрѣшиться! Умолкли всѣ споры, и теперь всѣ, какъ тѣ, которые страстно желали войны, такъ и тѣ, которые были самыми рѣшительными противниками ея, всѣ слились въ одномъ горячемъ желаніи—успѣха нашему оружію, торжества Россіи надъ ея старымъ врагомъ. Всѣ жаждали быстрыхъ, рѣшительныхъ дѣйствій, потому что всѣ понимали, что чѣмъ скорѣе послѣдуетъ успѣхъ, тѣмъ меньше будетъ пролито дорогой русской крови, тѣмъ меньше потребуется матеріальныхъ жертвъ отъ русскаго чернаго люда, который одинъ почти несетъ на себѣ всѣ тягости кровавой войны. Не успѣла наша армія подойти къ Дунаю, какъ всѣ съ нетерпѣніемъ стали ждать счастливой вѣсти: мы перешли черезъ Дунай! А эта добрая вѣсточка заставляла себя ждать. Нетерпѣливые каждое утро судорожно схватывали газету, надѣясь прочесть желанную телеграмму. Казалось, все должно совершаться по мановенію волшебнаго жезла. Но если переходъ черезъ Дунай

не совершался такъ быстро, какъ его желали, то тѣмъ не менѣе оттуда, съ береговъ Дуная, шли только радостныя вѣсти. Всѣ очевидцы въ одинъ голосъ говорили, что армія великолѣпна, что всѣ приготовленія къ войнѣ доведены до совершенства, наше оружіе блестѣло, наша артиллерія внушала почтеніе, на генеральный штабъ, на начальствующихъ лицъ просто молились, и общество готово было бы закидать каменьями всякаго, кто позволилъ бы себѣ не только не признавать, но усомниться въ великихъ талантахъ, геніѣ всѣхъ тѣхъ, на чью долю выпала великая честь вести въ бой русское войско. Послѣ самыхъ блистательныхъ побѣдъ нѣмецкіе или французскіе полководцы стараго времени не пользовались въ своей странѣ такою обширною популярностью, какою пользовались у насъ тѣ генералы, которые становились во главѣ штабовъ или корпусовъ. О комъ бы вы ни заговорили, вы сейчасъ слышали отвѣтъ:

— О, это замѣчательный человѣкъ!

— Да, позвольте! нужно еще посмотрѣть, какъ онъ покажетъ себя, каковъ будетъ въ дѣлѣ!

Куда!—никто не хотѣлъ слушать того дерзкаго, который рѣшался относиться такъ скептически. Словомъ, все было удивительно! Какъ было не радоваться, въ самомъ дѣлѣ, той картинѣ, которая предстала передъ глазами русскаго общества. Много ли, всего двадцать лѣтъ прошло со времени крымской кампаніи, и мы стали неузнаваемы—и для себя и для другихъ. Тогда—все было плохо, кромѣ русскаго солдата, тогда вездѣ обнаруживалось воровство, вездѣ бездарность, во всемъ: въ интендантствѣ, медицинскомъ управленіи, путяхъ сообщенія, почтѣ и т. д.,—обнаружилось полное разложеніе, которое, выйдя на свѣтъ божій, заставило вздрогнуть всѣ классы общества. Теперь всѣ отзывались съ восторгомъ о всѣхъ частяхъ военнаго управленія; армія будетъ сыта, армія будетъ хорошо одѣта и обута, за ранеными будетъ отличный уходъ, волей-неволей оборотная сторо-

на войны забывалась, и точно сквозь туманное стекло казалось, что мы будемъ присутствовать при великолѣпныхъ манёврахъ. Наэлектризованы были почти всѣ. Въ воздухѣ чувствовалось заразительное опьяненіе. Первыя вѣсти не только поддерживали его, но еще усиливали. Взрывъ одного турецкаго монитора, взрывъ другого, геройскій подвигъ тутъ, геройскій подвигъ тамъ; исторія выбросила уже на поверхность нѣсколько именъ храбрецовъ; но имъ нельзя было удивляться: въ русскомъ солдатѣ, въ русскомъ морякѣ Россія узнала своихъ дѣтей. Общій колоритъ нашего общества былъ ярко-розовый. Правда, переходъ черезъ Дунай замедлился. Прошло уже два мѣсяца съ объявленія войны, а мы все еще стояли противъ враждебнаго берега, не рѣшаясь перейти на него, но вѣдь мы знали причину—вода Дуная была слишкомъ высока! Въ обществѣ начинало чувствоваться уже какое-то безпокойство, нетерпѣливые уже поговаривали: „да вѣдь такъ нельзя, не вѣкъ же намъ стоять на этомъ берегу!“ Вдругъ 15-го іюня въ одинъ мигъ облетѣла весь Петербургъ счастливая новость: „переправа совершилась!“ Восторгамъ и ликованію не было конца. И какъ было не радоваться! Переправа не стоила и тысячи человѣкъ, когда разсчитывали, что она при счастьѣ будетъ стоить десяти, если не болѣе. Сдержанный, холодный Петербургъ вдругъ преобразился. На улицахъ, въ домахъ былъ праздникъ. Вездѣ толпился народъ, по двадцати разъ перечитывая одну и ту же радостную телеграмму. Увѣренность въ быстромъ торжествѣ еще болѣе укрѣпилась, мало уже кто сомнѣвался, что вся эта война будетъ только однимъ тріумфальнымъ маршемъ въ Константинополь. И какъ могло быть иначе, когда всѣмъ было извѣстно, что турки не одѣты, не обуты, голодны, солдаты не получаютъ жалованья, армій не существуетъ, а тотъ сбродъ турецкой челяди, который зовется арміею, не имѣетъ ни ружей, ни пушекъ!

— Да правда ли все это?—иной разъ рисковалъ робко спросить кто-нибудь.

— Какъ же вы можете сомнѣваться! Вѣдь это почти оффиціальныя данныя! Что же нибудь понимаютъ наши агенты въ Константинополѣ.

Богъ-знаетъ, откуда явилось убѣжденіе въ обществѣ, что нашъ константинопольскій посланникъ во всѣхъ своихъ донесеніяхъ и частныхъ разговорахъ настойчиво утверждалъ, что турецкой арміи не существуетъ, что есть какой-то сбродъ, который разбѣжится, какъ только покажутся русскія войска, и что одного, двухъ корпусовъ, собственно говоря, было бы достаточно, чтобы явиться передъ стѣнами Константинополя.

Успѣшная переправа черезъ Дунай, ничтожность сопротивленія со стороны турокъ оправдывали такое самоувѣренное отношеніе къ дѣлу, которое все на бо́льшую и бо́льшую высоту поднимало энтузіазмъ русскаго общества. Правда, впереди были еще сильныя турецкія крѣпости, тяжелый переходъ черезъ Балканы, но теперь все казалось легко, крѣпости должны были пасть, какъ падаютъ карточные домики, а до Балканъ турецкій сбродъ будетъ уже разсѣянъ по вѣтру. Энтузіазмъ заразителенъ, высокое настроеніе общества какъ-бы невольно заставляетъ подчиняться ему, и потому меня еще болѣе поражала та настойчивость въ своемъ скептицизмѣ, съ которою нашъ пессимистъ, несмотря на всѣ отзывы о состояніи нашей арміи, несмотря на удачный переходъ черезъ Дунай, продолжалъ защищать свое убѣжденіе, говоря:

— Подождемъ, увидимъ, что̀ будетъ дальше! Можетъ быть, вблизи, на мѣстѣ, оно ужъ и вовсе не такъ все блестяще, какъ о томъ говорятъ.

Я возражалъ, защищался, нападалъ.

— Мы споримъ по пусту, — отвѣчалъ мнѣ пессимистъ, — можетъ быть, вы и правы, что я разсуждаю ужъ очень абстрактно и не обладаю достаточнымъ количествомъ фактовъ. Ну, что-жъ, съѣздите сами на театръ войны, присмотритесь поближе, соберите добрый запасъ

фактовъ, и если все, что̀ вы оттуда вывезете, будетъ противъ меня, я охотно признаю себѣ побѣжденнымъ и перейду на сторону оптимиста, къ которому вы, кажется, тяготѣете.

Быть вблизи великихъ событій, самому присмотрѣться къ тому, что̀ тамъ дѣлается—мысль эта была соблазнительна, и я рѣшился ее осуществить. Черезъ два-три дня послѣ нашей переправы черезъ Дунай, я покинулъ Петербургъ, и уѣхалъ въ Болгарію.

Вокзалъ николаевской желѣзной дороги не походилъ на тотъ обыкновенный, хорошо всѣмъ петербуржцамъ знакомый вокзалъ, къ которому мы привыкли въ мирное время. Среди обычной суеты, давки, рѣзко выдѣлялись группы офицеровъ и солдатъ, которые пришли сюда провожать, одни—своихъ товарищей, другіе—начальниковъ, уѣзжавшихъ на Дунай. Проводы были оживленные, вспрысканные нѣсколькими бутылками шампанскаго, эти-то именно группы придавали вокзалу его необычный видъ. Впрочемъ, если бы не знать, что тамъ, на берегу Дуная, льется уже кровь, и что люди эти ѣдутъ туда, чтобы стать въ ряды русскаго войска, можетъ быть, на эти группы никто бы и не обратилъ вниманія, но теперь было иное дѣло. При томъ нервномъ возбужденіи, въ которомъ невольно находился почти каждый русскій, самыя обыкновенныя вещи получали оттѣнокъ какой-то торжественности. Такъ было и тутъ, эти группы служили тѣмъ притягательнымъ центромъ, на который направлялись всѣ взоры. Кто же не знаетъ, что настроеніе человѣка опредѣляетъ его точку зрѣнія, а настроены всѣ были высоко.

Въ самомъ прощаніи, казалось, было что-то особое. Люди пріѣзжаютъ, уѣзжаютъ, разстаются, и въ обыкновенное время никому и не приходитъ въ голову, что прощаются навсегда, что больше никогда не увидятся. Теперь было не то. Каждый прощавшійся особенно горячо пожималъ руку отъѣзжавшему, и это горячее пожатіе говорило: кто знаетъ, вернешься ли ты? Мысль

о смерти протискалась въ эту толпу людей. А смерть, вѣдь, всегда поражаетъ воображеніе людей. Послышался послѣдній звонокъ, еще разъ воздухъ огласился криками: „возвращайся, да хранитъ тебя Богъ!“ и толпа исчезла изъ нашихъ глазъ. Большой вагонъ былъ весь полонъ. Обыкновенно,—объ этомъ уже двадцать разъ писалось,—когда нѣсколько русскихъ ѣдутъ вмѣстѣ, то почти всегда каждый сидитъ себѣ букою въ своемъ углу, хочется ему заговорить, да нѣтъ, ждетъ, пока заговоритъ его сосѣдъ, и такъ доѣзжаютъ до конечнаго пункта своего путешествія, не проронивъ ни слова, въ то время, когда смертельно хотѣлось болтать. На этотъ разъ случилось иначе: разговоръ почти съ той минуты, когда тронулся поѣздъ, сдѣлался общимъ. Нужно ли говорить, о чемъ всѣ толковали? Война была тѣмъ цементомъ, который соединялъ всѣхъ насъ. Разговоръ шелъ самый оживленный.

Слушая его, мнѣ невольно припомнились слова пессимиста, что онъ не видитъ общаго сочувствія къ войнѣ. Будь онъ здѣсь, — разсуждалъ я самъ съ собою,—онъ бы встрѣтилъ сейчасъ же первое доказательство противнаго. Но въ то самое время, когда мысль эта промелькнула у меня въ головѣ, до меня долетѣли слова изъ противоположнаго угла вагона:

— У насъ, на югѣ, къ этой войнѣ относятся съ большимъ равнодушіемъ. Она не вызываетъ почти никакого сочувствія. Всѣ настроены какъ-то апатично и мнѣ кажется, что сдѣлана большая ошибка. Если бы война была объявлена вмѣстѣ съ мобилизаціей, тогда дѣло другое, тогда дѣйствительно относились къ войнѣ всѣ горячо, а теперь жаръ уже остылъ! Поздно! упустили надлежащую минуту, точно нарочно ждали нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы всѣ немножко, или даже множко, поуспокоились!

Такъ разсуждалъ одинъ южный помѣщикъ, жившій постоянно подъ Симферополемъ и говорившій съ тономъ человѣка, который знаетъ, что онъ говоритъ.

— Чѣмъ же вы, однако, объясняете такое равнодушіе?—спросилъ его кто-то.

— Да очень просто! Народъ понимаетъ это дѣло совсѣмъ особымъ образомъ. Видитъ онъ практическую цѣль войны или нѣтъ? Если видитъ, если эта цѣль ясна, напр., необходимость отстоять свою землю, даже, болѣе широко, свою родину, или если онъ пойметъ практическую цѣль, результатъ войны, тогда онъ будетъ сочувствовать; если же такой цѣли онъ не видитъ, ну, тогда кончено. Впрочемъ, въ этомъ необразованные классы, мнѣ кажется, сходятся съ образованными. Мы, вѣдь, тоже ясно не видимъ цѣли этой войны!

— Вы, однако, говорите,—возразилъ тотъ же господинъ,—что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ существовало сочувствіе,—какая же разница?

— Да какъ вамъ сказать? Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ было временное возбужденіе, а теперь оно улеглось. Видите ли, заговорили тогда о звѣрствахъ, жестокостяхъ надъ христіанами, вотъ и была опредѣленная цѣль войны: за вѣру Христову!—а потомъ какъ-то меньше стали объ этомъ говорить, ну, воодушевленіе и выдохлось. Да, жаль, что не объявили войны въ ноябрѣ, тогда бы дѣло другое! Впрочемъ, и то правда, что время религіозныхъ войнъ прошло!

Какимъ-то диссонансомъ прозвучали эти слова. Что же это? неужели правъ былъ пессимистъ, утверждая, что сочувствіе наше къ дѣлу освобожденія болгаръ не серьёзно, и что знать даже мы не можемъ, существуетъ такое сочувствіе въ народныхъ массахъ или нѣтъ! Но какъ было не поспѣшить себя успокоить размышленіемъ, что, вѣдь, весь этотъ разговоръ представляется не чѣмъ инымъ, какъ единичнымъ фактомъ, а на единичныхъ фактахъ, кто же не знаетъ, нельзя строитъ никакихъ заключеній. Да, прекрасно,—продолжала работать мысль, —ну, а что̀ если такихъ фактовъ наберется много? Но такое разсужденіе, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту,

было ничѣмъ инымъ, какъ варьяціею на тэму: у страха глаза велики,—и я не сталъ больше думать о немъ.

Мнѣ хотѣлось заговорить о чемъ-нибудь другомъ, и я обратился къ одному изъ моихъ сосѣдей, гвардейскому офицеру, котораго такъ тепло провожали не только офицеры, но и солдаты, и обратился съ банальнымъ вопросомъ:

— Вы ѣдете въ дѣйствующую армію? на Дунай?

— Да, на Дунай, — отвѣчалъ онъ, — только не въ дѣйствующую армію.

— Какъ такъ?

— Я ѣду служить въ Болгарію по гражданскому управленію, подъ начальство князя Черкасскаго.

Мнѣ не трудно покаяться, что я имѣлъ самое смутное понятіе о гражданскомъ управленіи, которое предполагалось ввести въ этой странѣ. Какъ-то трудно укладывалось въ головѣ понятіе о гражданскомъ управленіи, вводимомъ во время самой войны. Желаніе воспользоваться представившимся случаемъ, чтобы разъяснить себѣ этотъ вопросъ, было вполнѣ естественно, но это желаніе не могло быть удовлетворено. Мой спутникъ имѣлъ такъ же мало понятія о гражданскомъ управленіи князя Черкасскаго, какъ и я. Онъ блуждалъ въ совершенныхъ потемкахъ во всемъ, что̀ касалось устройства этого управленія, его будущей дѣятельности, его правъ и обязанностей. Гвардейскій офицеръ, отправляющійся служить по гражданскому управленію!—странно какъ-то показалось мнѣ это, и я рѣшился разъяснить для себя мое недоумѣніе.

— Вы, вѣроятно, служили прежде по гражданской части?

— Нѣтъ, никогда! Я всю свою жизнь былъ военнымъ. Воспитывался въ корпусѣ, поступилъ затѣмъ въ полкъ и до послѣдней минуты оставался въ строю.

— Но вы, вѣроятно, почему-либо, занимались Болгаріею, изучали этотъ край, интересовались имъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно отвѣчалъ офицеръ,—я

никогда не занимался Болгаріею и никогда ее не изучалъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, въ послѣднее время вы стали изучать исторію Болгаріи, прочли нѣсколько сочиненій, словомъ, познакомились съ тою страною, которою вы ѣдете управлять?

И на этотъ вопросъ, увы! послѣдовалъ точно также категорически отрицательный отвѣтъ. Этотъ второй, хотя опять-таки, конечно, единичный фактъ, наводилъ однако на тревожныя мысли. „Вѣдь дѣло-то не совсѣмъ ладно", невольно шевелилось въ головѣ. Какъ-то дико казалось, что для управленія Болгаріею призываются люди, не только не приготовленные къ административной дѣятельности, но люди, неполучившіе высшаго образованія и которые во всю свою жизнь не занимались ни чѣмъ инымъ, какъ исключительно военнымъ дѣломъ.

— Позвольте васъ спросить,—кто-то не безъ смущенія спросилъ офицера,—кто же пригласилъ васъ на эту должность?

— Приглашеніе шло отъ имени князя Черкасскаго,— отвѣчалъ нашъ весьма симпатичный спутникъ: — вѣдь онъ назначается губернаторомъ всей Болгаріи. Онъ обратился съ просьбою, чтобы изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ дали ему по два, по три офицера для занятія должностей окружныхъ начальниковъ, вице-губернаторовъ и губернаторовъ по гражданскому управленію Болгаріи.

Этотъ отвѣтъ, повидимому, удовлетворилъ всѣхъ. Если князь Черкасскій считаетъ за благо приглашать для управленія Болгаріею людей, совершенно неприготовленныхъ къ такому дѣлу, то, вѣдь, конечно, у него есть на то свои основанія. Князь Черкасскій,—кому это было не извѣстно,—пользуется у насъ репутаціею такого умнаго, такого серьёзнаго государственнаго человѣка,— человѣка, всею душою отдающагося тому дѣлу, которому онъ себя посвящаетъ, что порицать его образъ дѣйствій никому и не приходило въ голову. Конечно, оно показалось нѣсколько страннымъ, но, вѣдь, кто не помнитъ

словъ Гамлета, обращенныхъ къ его другу, Гораціо, что въ мірѣ есть много страннаго, непонятнаго для простыхъ смертныхъ. Такъ могло быть и тутъ. Можетъ быть, будущій управитель Болгаріи былъ и правъ; можетъ быть, для новаго дѣла требуются новые люди, не зараженные рутиною, вѣдь новое вино требуетъ новыхъ мѣховъ. Строго говоря, такимъ назначеніямъ не было и основанія удивляться, и потому никто не сталъ возражать, когда одинъ изъ принимавшихъ участіе въ разговорѣ замѣтилъ, что въ такихъ назначеніяхъ онъ ничего страннаго не видитъ.

— Тò, чтò пригодно для насъ,—заговорилъ онъ,—чтò удается въ Россіи, то точно также пригодно и для Болгаріи. Вѣдь идутъ же дѣла у насъ, и идутъ недурно, а между тѣмъ пересчитайте, многіе ли изъ лицъ, занимающихъ губернаторскія мѣста, и занимающихъ ихъ съ честью, получили высшее образованіе? Много ли лицъ, которыя были приготовлены для такихъ должностей своею предшествовавшею дѣятельностью? А между тѣмъ, посмотрите, какъ они быстро усвоиваютъ себѣ всю необходимую опытность. Служилъ себѣ человѣкъ всю свою жизнь въ гвардіи, получаетъ затѣмъ высокій административный постъ, и смотришь—черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ такъ привыкъ къ своей новой дѣятельности, что можно подумать, что весь вѣкъ свой ничѣмъ инымъ и не занимался. Такова ужъ натура русскаго человѣка—необыкновенная способность примѣняться ко всякой дѣятельности, недаромъ же и сложилась русская поговорка: не боги горшки обжигаютъ.

Конечно, такое разсужденіе было успокоительно, но тѣмъ не менѣе этотъ фактъ — приглашеніе человѣка, прослужившаго всю свою жизнь въ гвардіи, для гражданскаго управленія Болгаріи, произвелъ на меня какое-то особое впечатлѣніе. Точно тѣнь выросла передъ моими глазами — фигура пессимиста, и припомнились мнѣ его слова: „это еще не рѣшенный вопросъ, будутъ ли болгары благодарны за тѣ дары, которые мы понесемъ имъ!“

Несмотря на всю увѣренность, съ которою развивалъ свой доводъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, онъ все-таки не убѣдилъ меня, и чѣмъ больше я думалъ о немъ, тѣмъ болѣе росло мое смущеніе. Наше управленіе имѣетъ свои крайне самобытныя традиціи, съ которыми цѣлыми вѣками свыкся, повидимому, русскій народъ; но если и у насъ традиціонная политика, нельзя сказать, чтобы приносила ужъ очень блестящіе результаты, то тѣмъ менѣе представлялось основанія пересаживать это чисто-мѣстное растеніе на болгарскую почву. Правда, болгарская почва цѣлые пять вѣковъ обработывалась турецкими пашами, но вѣдь именно отъ этой-то обработки мы и рѣшились освободить болгарскій народъ.

Я не имѣлъ, разумѣется, ни малѣйшаго желанія обобщать встрѣтившагося мнѣ факта,—напротивъ, я хорошо понималъ, что князь Черкасскій, этотъ, какъ всѣ увѣряли, либеральный государственный человѣкъ, эта гордость Москвы, не могъ не понимать, что въ освобождаемую Болгарію не совсѣмъ удобно переносить тѣ начала, съ которыми мы освоились въ теченіи многихъ вѣковъ, но тѣмъ не менѣе факты эти производили не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Для меня это была первая капля той студеной воды, которая такъ скоро неудержимо нахлынула волной и на русское общество, подмывая его высокое настроеніе. Но нѣтъ ничего опаснѣе, какъ поддаваться первымъ впечатлѣніямъ, торопиться подводить итоги — вотъ почему, чтобы быть свободнымъ отъ всякаго предубѣжденія противъ гражданскаго управленія въ Болгаріи и противъ лица, который долженъ былъ сдѣлаться его главнымъ центромъ, я постарался какъ-бы вычеркнуть изъ своей памяти все то, что́ пришлось услышать еще на пути изъ Петербурга въ Москву.

Пріѣхать въ Москву при началѣ войны и не быть въ самомъ высокомъ настроеніи,—нѣтъ, лучше за тысячу верстъ было объѣхать Москву. Наша древняя столица ликовала, торжествовала, захлебывалась нашимъ тріумфальнымъ шествіемъ въ Константинополь въ сто-кратъ

болѣе, нежели приличный, бездушный, какъ называютъ его москвичи, Петербургъ. Странный этотъ городъ— Москва. Если это сердце, то во всякомъ случаѣ не голова Россіи. Москва будетъ увлекаться чѣмъ вамъ угодно, если выкрикиваніе и подбрасываніе шапокъ чуть не до Ивана-Великаго можетъ быть названо серьёзнымъ увлеченіемъ; но поразмыслить, вдуматься во что-либо Москва рѣшительно не способна. Въ Москвѣ есть, безъ сомнѣнія, умные люди, есть общественные дѣятели, извѣстные публицисты, знаменитые ораторы, рѣчи которыхъ, хотя бы по поводу войны, прогремѣли на всю Россію; но во всемъ, что̀ пишется, во всемъ, что̀ говорится,— такъ и бьетъ въ носъ—у однихъ какая-то недостойная лесть и желаніе прислужиться, у другихъ—самое чистое, безъ всякой примѣси, постное масло. Начнутъ за здравіе, а, смотришь, кончатъ непремѣнно за упокой. Цѣльныхъ людей, за немногими исключеніями, въ Москвѣ вовсе нѣтъ, какъ то бывало прежде. У одного вывихъ въ головѣ, у другого—въ совѣсти, у третьяго—и тутъ и тамъ. Цѣльные умные люди какъ-то рѣдко уживаются въ Москвѣ. Прежде бывали тутъ кружки́ замѣчательныхъ людей, имена которыхъ вѣчно останутся дороги русскому обществу, но этихъ людей всегда тянуло прочь изъ Москвы, и большинство изъ нихъ кончили свое жизненное поприще далеко отъ первоначальной колыбели. Нигдѣ не совершается столько чудесныхъ превращеній, какъ въ Москвѣ. Одинъ, являющійся сегодня рьянымъ приверженцемъ хотя бы англійской конституціи,—смотришь, завтра является еще болѣе рьянымъ приверженцемъ палки или кнута, какъ эмблемы цѣлой государственной системы. Другой изъ либеральнаго государственнаго человѣка, какимъ считалъ онъ себя или какимъ, по грустному недоразумѣнію, считали его другіе, быстро превращается въ самаго жалкаго, и, къ счастью, неудачнаго искателя министерскаго портфеля. Но что̀ всего ужаснѣе, это нетерпимость, грубая, невѣжественная нетерпимость Москвы. Посмѣйте вы въ чемъ-нибудь не согласиться

съ тѣми божками, которыхъ завела для своего обихода Москва, желая, впрочемъ, чтобы имъ поклонялась не только вся Россія, но и вся вселенная, и вы тотчасъ прослывете врагомъ отечества.—Вы не соглашаетесь! вотъ какъ! ну, такъ вы не патріотъ, вы красный, вы предатель, вы измѣнникъ, вы врагъ отечества. Долой съ васъ маску!

Москва всегда производила на меня такое впечатлѣніе, но никогда еще не испытывалъ я его съ такою силою, какъ въ этотъ разъ, когда, отправляясь на Дунай, проѣздомъ я остановился въ нашей первопрестольной столицѣ, присвоившей себѣ роль выразительницы общественнаго мнѣнія цѣлой Россіи. Москва была разукрашена вся флагами. Быть можетъ, за ночь получено извѣстіе о новой побѣдѣ, и я уже радовался ей, когда на мой вопросъ о причинѣ торжества я получилъ отвѣтъ, что Москва продолжаетъ праздновать переходъ черезъ Дунай и съ того дня не снимала еще флаговъ. А холодный и бездушный Петербургъ вывѣсилъ флаги на одинъ, на два дня, и успѣлъ уже прибрать ихъ до новой побѣды! Не знаю, можетъ быть, Москва такъ и не снимала своего праздничнаго убора съ самаго 15-го іюня.

— А что, каковы мы?—спрашивала меня одна очень умная женщина, но тѣмъ не менѣе увлеченная общимъ духомъ, какъ только я вошелъ въ комнату.

— Да что же, мы ничего,—хорошо!

— Нѣтъ, вы-то теперь—понимаете весь тотъ вздоръ, который говорился по поводу этой войны, сами-то вы каетесь? Я вамъ всегда говорила, что у насъ окажутся и великіе полководцы и замѣчательные люди, я вамъ развѣ не предсказывала, что мы удивимъ всю Европу!

— Теперь-то вы будете нападать на Москву,—продолжали меня добивать,—кому же честь и слава, какъ не Москвѣ, которая повела за собою Россію?

Я попробовалъ возражать, замѣтивъ, что чѣмъ же особенно Москва себя проявила.

— Какъ чѣмъ? такъ вы и теперь еще не понимаете? А рѣчи Аксакова? это, по-вашему, ничего; да вы читали, какой восторгъ?

— Читалъ, разумѣется, но только что́ же вы находите удивительнаго? есть мѣста, гдѣ слышится фрондированіе, но, согласитесь, что въ концѣ-концовъ отъ рѣчей Аксакова сильно отзывается постнымъ масломъ!

Лучше мнѣ было бы не произносить этихъ словъ! Цѣлая буря разразилась надъ моею головою. Не́чего дѣлать, пришлось спустить свой флагъ. Я понялъ, что всякія возраженія были напрасны. Москва пожертвовала два милліона. Петербургъ сдѣлалъ то же, но разговоровъ въ Москвѣ объ этомъ пожертвованіи было на четыре милліона, въ то время какъ о петербургскомъ пожертвованіи никто почти и не говорилъ.

— По вашему ничего — эти два милліона, которые пожертвовала Москва,—Петербургъ способенъ на такое дѣло?

— Да Петербургъ развѣ не сдѣлалъ того же?

— Ужъ лучше вы не говорите о пожертвованіи Петербурга: можно было подумать, что онъ далъ ихъ изъ-подъ палки: думали, разсуждали, мѣрили, нельзя ли меньше, откуда достать—то ли дѣло Москва!

— Да вѣдь развѣ обсуждать такой вопросъ предосудительно? Отчего же и не подумать, откуда взять денегъ, особенно когда ихъ нѣтъ?

— Есть минуты, когда думать позорно!—было мнѣ отвѣтомъ, и этотъ отвѣтъ заставилъ меня окончательно смириться. Я торопился покинуть Москву. Случалось вамъ когда-нибудь угорѣть? Именно такое чувство я испытывалъ въ Москвѣ.

— Да куда вы ѣдете?—спрашивали меня.

— На Дунай!

— Это, значитъ, къ шапочному разбору!

Я естественно недоумѣвалъ.

— Да вѣдь когда вы пріѣдете туда, война уже будетъ кончена, армія будетъ за Балканами!

— Что же! вашими бы устами да медъ пить!

Разсужденіе въ вагонѣ на тэму, что война не вызываетъ особеннаго сочувствія, очевидно, должно было совершенно стушеваться въ Москвѣ. Ужъ тутъ ли не сочувствіе? Правда, сочувствіе черезчуръ шумное, не въ мѣру кичливое, но тѣмъ не менѣе поддерживавшее въ васъ самое высокое воинственное настроеніе.

— Но чѣмъ выше былъ поднятъ тонъ въ Москвѣ, тѣмъ разительнѣе показался мнѣ контрастъ съ тѣмъ спокойствіемъ, излишнею холодностью, равнодушіемъ, почти апатіею, которую мнѣ пришлось наблюдать по дорогѣ изъ Москвы въ Кіевъ. Война вѣдь раскрываетъ всѣ поры народной жизни, всѣ помыслы она направляетъ туда, гдѣ луга орошаются кровью и поля удобряются трупами. Если война сильно охватила собою всѣ слои общества, всю народную массу, то, проѣзжая по странѣ, вы всюду будете чувствовать духъ войны, всюду она будетъ вашимъ неизмѣннымъ спутникомъ, каждую минуту вы будете наталкиваться на явленія, которыя не позволятъ вамъ сосредоточиться ни на какой посторонней мысли, въ сердцѣ, въ голосѣ у васъ безъ перерыва будетъ звучать одна только нота—война, война!

Я невольно припоминалъ другую войну, войну франко-прусскую, припоминалъ свое путешествіе по Франціи въ ту тяжелую годину. Гдѣ бы вы ни были, куда бы вы ни вошли, все говорило вамъ о войнѣ. Не было другого разговора, не было другой мысли, какъ только о войнѣ. Входите вы въ вагонъ, вы слышите оживленный разговоръ о войнѣ; выходите на станцію—вы встрѣчаетесь съ группами людей, которые стоятъ на платформѣ, въ залѣ, и все разсуждаетъ, споритъ, читаетъ. Вездѣ масса газетъ, чуть не каждый часъ получаются депеши, и продавцы газетъ и депешъ подвергаются такому напору со стороны публики, что они не знаютъ, куда имъ дѣваться. Всюду, куда вы ни войдете, вы видите передъ собою женщину, всю въ черномъ, которая не знаетъ другихъ словъ, какъ только: pour nos pauvres blessés! Отъ про-

стого блузника до изящнаго господина, все живетъ одною мыслію—мыслію о войнѣ. Вездѣ и во всемъ чувствовалось дыханіе войны, и это дыханіе разогрѣвало ледяныя сердца, отъ него таяли всѣ личные, эгоистическіе стремленія и помыслы, думы, надежды, отчаяніе—все сосредоточивалось около одного центра—войны. Сама природа, казалось, и та нашептывала вамъ: война! Не тó увидѣлъ я, проѣзжая отъ Москвы до Кіева. Все дышало необыкновеннымъ, безпредѣльнымъ спокойствіемъ, нигдѣ не было замѣтно и признаковъ того сильнаго движенія, которое обыкновенно влечетъ за собою война. Вы входите въ вагонъ, и вы слышите, что люди говорятъ о совершенно постороннихъ предметахъ, смѣются, болтаютъ, острятъ; ухаживаютъ за своими сосѣдками, точно то, чтó творится тамъ, вдалекѣ, вовсе и не касается насъ. Заговоритъ кто-нибудь о войнѣ, разговоръ продолжится двѣ-три минуты, и упадетъ. Жизни въ немъ нѣтъ. Поѣздъ останавливается, вы входите въ станціонную залу, въ сторонѣ стоитъ лавка, гдѣ продаются газеты, и около этого столика пусто, никто къ нему не подходитъ. Вы желаете знать послѣднія извѣстія, спрашиваете депеши, ихъ нѣтъ,—не получаются. Все идетъ своимъ чередомъ, все спокойно, нѣтъ и слѣда какого-нибудь оживленія, волненія. Если бы къ намъ въ то время пріѣхалъ какой-нибудь иностранецъ, не знавшій бы послѣднихъ событій, то онъ проѣхалъ бы почти черезъ всю Россію и не догадался бы даже, что Россія находится въ войнѣ, и притомъ въ популярной войнѣ съ своимъ заклятымъ врагомъ. Всюду тѣ же спокойныя лица, тѣ же безконечныя поля, засѣянныя рожью, гречихой, картофелемъ, тѣ же то безпечные, то дѣловые разговоры, и въ итогѣ получается впечатлѣніе, что точно все покоится крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ, спятъ и природа и люди. Хоть бы подошелъ къ вамъ кто-нибудь съ кружкой съ краснымъ крестомъ, хоть бы произнесъ кто-нибудь эти священныя слова: для раненыхъ! Нѣтъ, ничего. Волей-неволей сравнивалъ я время войны у насъ съ временемъ войны во

Франціи, гдѣ слѣпой, кажется, увидѣлъ бы, гдѣ глухой услышалъ бы все, что вызывало въ этой странѣ тяжелые стоны. А тутъ, у насъ, апатія точно сковала всѣхъ людей. Правда, тамъ война превратилась въ родникъ всѣхъ бѣдствій, здѣсь же война начиналась при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ; но неужели же, невольно думалось мнѣ, необходимо несчастіе, бѣдствіе своей родины, неужели нуженъ позоръ для того, чтобы встряхнуть эту апатію, чтобы заставить жизнь бить сильнымъ, неудержимымъ ключомъ?

До самаго Кіева мнѣ постоянно припоминались слова пессимиста да разсужденія того молодого южнаго помѣщика, съ которымъ я совершалъ путь отъ Петербурга до Москвы, и волей-неволей я готовъ былъ склониться на ихъ сторону и повторить вмѣстѣ съ ними: да, серьёзнаго, глубоко общаго сочувствія у насъ нѣтъ къ этой борьбѣ за славянское дѣло, мы не въ силахъ еще справиться съ нашею историческою ролью! Только въ Кіевѣ впервые можно было замѣтить что-то необычное, какое-то движеніе, чуждое мирному времени; въ Кіевѣ можно было чувствовать уже, что Россія дѣйствительно переживаетъ эпоху войны, что гдѣ-то льется русская кровь: на улицахъ попадается много офицеровъ въ походной формѣ, около станціи желѣзной дороги стоитъ готовый къ отправленію артиллерійскій паркъ, двигаются вагоны, биткомъ набитые солдатами, на троттуарахъ толпится кучка людей, и кто-то вслухъ читаетъ только-что полученную депешу: непріятель бомбардируетъ Евпаторію.

— Начинается! — говоритъ кто-то: — разорятъ въ конецъ южный берегъ Крыма, скверное дѣло! — и лица вытягиваются, забота о родинѣ вызываетъ тяжелую думу.

Въ кіевской лаврѣ раздаются слова молитвы о русскомъ воинствѣ, и толпа набожно, какъ одинъ человѣкъ, творитъ крестное знаменіе. „Въ пользу раненыхъ“, слышится въ церкви, и мужикъ вытаскиваетъ свою трудовую копѣечку. Куда-то она пойдетъ? Начиная отъ Кіева, чѣмъ болѣе приближаешься къ Кишиневу, тѣмъ война

все громче и громче говоритъ о себѣ. По пути встрѣчаешь уже военные поѣзды, изъ всѣхъ вагоновъ высовываются солдаты, и часто воздухъ оглашается громкимъ смѣхомъ, лихими, идущими прямо изъ сердца веселыми пѣснями. Только два-три мѣсяца спустя понялъ я, что̀ значитъ солдатская пѣсня отъ души, когда солдату легко на сердцѣ, когда онъ съ радостью и вѣрою идетъ на врага, и другая пѣснь, также солдатская, также веселая по словамъ, но только слова-то эти поются съ унылою душою, съ тревожнымъ духомъ, и не веселятъ они васъ, а вызываютъ только боль, обиду, жалость, состраданіе. Но время это еще впереди.

Теперь же слышатся только веселыя пѣсни. Одну затягиваютъ за другою, и какъ далеки всѣ эти люди отъ мысли о той вражьей пулѣ, которая встрѣтитъ ихъ въ кровавомъ бою, отъ той братской могилы на чужой сторонѣ, которая приметъ къ себѣ не одного изъ этихъ горемычныхъ. Заговорите съ нимъ о смерти, это слово не смутитъ ихъ, они знаютъ, что смерть въ бою, это— славная смерть, а „славная“ — для нихъ не фраза. Не страшитъ ихъ смерть, когда духъ у нихъ бодръ, когда они знаютъ, что не даромъ польется ихъ дорогая кровь. Но не все однѣ пѣсни слышатся изъ солдатскихъ вагоновъ. Сколько разъ приходилось мнѣ видѣть, какъ сидитъ себѣ какой-нибудь солдатикъ посерединѣ вагона, свѣситъ ноги наружу и вслухъ читаетъ какую-то книжку. Всѣ остальные, а ихъ человѣкъ сорокъ, сожмутся въ тѣсный кружокъ возлѣ читающаго и слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Устанетъ одинъ, начинаетъ читать другой, грамотныхъ въ арміи много, гораздо болѣе, чѣмъ было ихъ въ крымскую кампанію. Это уже несомнѣнный успѣхъ, сдѣланный съ того времени.

Остановится поѣздъ, войдешь въ залу, видишь кучку офицеровъ. Все народъ молодой, только-что выпущенный изъ различныхъ училищъ, 18-ти, 19-ти-лѣтніе юноши, съ едва пробившимся пушкомъ на мѣстѣ усовъ. Высокіе сапоги, бѣлый китель, бѣлая фуражка придаютъ имъ

стройный, воинственный видъ. Оживленный разговоръ не умолкаетъ въ ихъ средѣ, молодой смѣхъ звонко раздается въ залѣ. Жутко становилось отъ этого смѣха, когда въ головѣ промелькнетъ, бывало, мысль, сколько изъ этихъ полныхъ жизни юношей не вернется больше на родину, какъ многіе изъ нихъ сложатъ свои молодыя, красивыя головы вблизи какой-нибудь болгарской деревушки, имя которой война сдѣлаетъ историческимъ. Одинъ изъ такихъ юношей особенно останется памятенъ мнѣ. Мы пріѣхали въ Раздѣльную. Поѣздъ долженъ былъ простоять нѣсколько часовъ. Другой поѣздъ, военный, пришелъ еще раньше насъ и долженъ былъ ждать своей очереди. Въ залѣ сидѣла группа молодыхъ офицеровъ за столомъ и скромно пила пиво. Ни на одномъ изъ этихъ лицъ я не могъ прочесть унынія. Напротивъ, всѣ они, казалось, были горды сознаніемъ, что въ тѣ годы, когда на юношу смотрятъ еще свысока, они уже вступили въ жизнь, какъ полноправные члены общества, и несутъ своей родинѣ то, что́ считается самымъ драгоцѣннымъ благомъ—свою жизнь. Я разговорился съ однимъ изъ нихъ. Это былъ юноша лѣтъ 19-ти, двадцати, съ открытымъ, добрымъ лицомъ, умными глазами, здоровымъ цвѣтомъ лица, вся его фигура дышала энергіею, жизнь ему казалась такъ сладка, такъ цѣльно онъ пользовался ею.

— Что же, вы охотно идете на войну,—спросилъ я его,—вы довольны?

— Да, какъ же не быть довольнымъ,—съ живостью отвѣчалъ онъ мнѣ,—вѣдь другіе въ военной службѣ служатъ двадцать-тридцать лѣтъ и пороха не нюхали; какъ имъ не совѣстно носить-то военный мундиръ, для чего они и живутъ-то, не знаю, а намъ—счастье! Вся жизнь еще впереди, а мы уже идемъ въ дѣло. Тутъ есть смыслъ быть военнымъ, по крайней мѣрѣ знаешь, что не даромъ коптишь небо. Я, какъ кончится война,—добавилъ онъ —выйду въ отставку.

Я сталъ его разспрашивать о настроеніи солдатъ, офицеровъ, о духѣ дисциплины; обо всемъ онъ говорилъ

охотно, и, Боже—какія свѣтлыя, розовыя надежды питалъ онъ въ своей груди! Все-то ему улыбалось, онъ плавалъ въ тепломъ, яркомъ солнечномъ свѣтѣ.

— Настроеніе превосходное,—говорилъ онъ.—Всѣ, и солдаты и офицеры, съ радостью отправляются въ походъ. Да и какъ не радоваться, вѣдь столько времени мы не воевали. Подеремся немножко—и будетъ; мы вѣдь знаемъ, что война эта долго не продолжится, зимою должно быть жутко, но до зимы кампанія кончится — и мы возвратимся къ себѣ. Пожили, по крайней мѣрѣ, испытали сильныя ощущенія,—будетъ чѣмъ вспомнить военную жизнь. А то—ученье да парады,—тошно просто. Съ солдатами мы живемъ дружно, между нами нѣтъ почти вовсе бурбоновъ, не знаю, какъ будетъ дальше, а пока солдаты насъ любятъ. Война, право, хорошее дѣло.

Я не сталъ ему возражать. Къ чему смущать ясную душу юноши, отправляющагося въ огонь, зачѣмъ говорить ему о тѣхъ жертвахъ, которыя пожираетъ война, пусть не проносятся въ его воображеніи дикія сцены, поля, упитанныя людскою кровію, усѣянныя людскими трупами. Понялъ ли онъ, почувствовалъ ли инстинктивно, о чемъ я думалъ въ ту минуту, или просто это было дѣломъ случая, но онъ, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Развѣ неправда? Да вѣдь и цѣль войны хорошая! Прогонимъ турокъ въ Азію, освободимъ отъ этой чумы Европу,—развѣ не стóитъ изъ этого подраться? Народу положимъ немного, да хоть бы и много,—то не бѣда. Мало ли мретъ каждый годъ отъ всякихъ болѣзней. Холера появится, такъ больше унесетъ. Тутъ по крайней мѣрѣ смерть-то завидная.

— Вы не боитесь ея?

— Чего мнѣ ее бояться! Вотъ одного бы не хотѣлъ,—другимъ голосомъ сказалъ онъ,—это быть изуродованнымъ, искалѣчиться, а смерть—ничего, туда, значитъ дорога.

Въ словахъ его не было ни малѣйшей аффектаціи.

Военный поѣздъ, стоявшій нѣсколько часовъ, долженъ былъ тронуться.

— Скажите пожалуйста, — подошелъ онъ ко мнѣ передъ самымъ отходомъ поѣзда, — отчего это у насъ никакого порядка нѣтъ. Двигается нашъ поѣздъ точно черепаха. Тутъ постоялъ нѣсколько часовъ, въ другомъ мѣстѣ лишній часъ-два противъ росписанія, а тамъ, гдѣ нужно бы стоять дольше, тамъ — нѣтъ, торопятъ. Люди часто поѣсть порядкомъ не успѣютъ.

Мы простились какъ старые знакомые.

— Прощайте, — крикнулъ онъ мнѣ изъ вагона, — гдѣ-нибудь за Дунаемъ, Богъ дастъ, встрѣтимся.

Тогда былъ іюнь мѣсяцъ. Я побывалъ за Дунаемъ, но въ первое время нигдѣ не пришлось столкнуться съ этимъ, полнымъ жизни, симпатичнымъ юношей. Въ августѣ только припомнились мнѣ слова его: „а намъ — счастье". Обходя одинъ изъ госпиталей въ Систовѣ, я вошелъ въ занятый ранеными маленькій турецкій домикъ. Въ каждой комнатѣ лежало нѣсколько человѣкъ. Воздухъ былъ тяжелый, раненые тутъ все были серьёзные, слабые, едва слышные стоны говорили о страданіи этихъ людей.

— Здравствуйте! — произнесъ кто-то тихо.

Я посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда раздалось это слово, и остановился, не зная, къ кому оно относилось-ко мнѣ ли или къ той сестрѣ милосердія, которая обходила вмѣстѣ со мною палаты.

— Помните, мы повстрѣчались съ вами на Раздѣльной?

Боже мой! Неужели это могъ быть тотъ цвѣтущій юноша, котораго я видѣлъ, отправляясь на Дунай? Увы, это былъ онъ. Раненый въ ногу съ раздробленіемъ кости, онъ жестоко мучился, и страданія сдѣлали его неузнаваемымъ. Блѣдный, исхудалый, лежалъ онъ въ кровати, и только впалые глаза по-прежнему блестѣли. Война унесла его молодость, и въ двадцать лѣтъ онъ проклиналъ свою жизнь.

— Кто могъ думать, — произнесъ онъ съ видимою болью, — что дѣла пойдутъ такъ. И мнѣ тоже не повезло!

Убить не убило, а искалѣчило. Куда я теперь буду годенъ!—и суровый упрекъ судьбѣ послышался въ словахъ этого юноши и больно сжалось сердце, вспоминая недавнее прошлое и настоящее.

Счастье людямъ, что они не могутъ знать будущаго. Если бы знали его, не слышно было бы того здороваго смѣха, неразлучнаго спутника этой молодежи, которая смѣло шла на войну, полная розовыхъ надеждъ и отваги...

Отправился, наконецъ, военный поѣздъ, а мы все оставались на Раздѣльной. Подошелъ поѣздъ изъ Одессы, который привезъ новыя газеты, депеши. По вокзалу забѣгалъ какой-то мальчуганъ, выкрикивая: послѣднія депеши! но публика не обращала на него вниманія. Три-четыре человѣка купили листокъ, и этимъ все ограничилось! Даже досада брала. Мы двинулись далѣе.

Чуть свѣтъ пріѣхали мы въ Кишиневъ, но дѣятельность, движеніе, бѣготня, были уже во всемъ разгарѣ. Толпа военныхъ, въ статскомъ платьѣ почти никого, сестры милосердія, носилки, масса брошенныхъ въ одну кучу тюковъ, всѣ бѣгаютъ, суетятся, ищутъ что-то и не находятъ, безпорядокъ, хаосъ. Точно столпотвореніе вавилонское.

Вы не имѣете понятія о Кишиневѣ, и дай Богъ, чтобы судьба когда-нибудь не наказала васъ, забросивъ въ этотъ многолюдный нашъ городъ. И когда это небо смилостивится надъ нами, — невольно размышляешь, проѣзжая по этимъ широкимъ, запущеннымъ, грязнымъ, немощенымъ улицамъ Кишинева. Да и не улицы вовсе, а какія-то степи, съ разбросанными по ней грязными домишками. Среди этой массы несчастныхъ домишекъ точно въ укоръ имъ возвышаются нѣсколько большихъ каменныхъ домовъ богатыхъ бессарабскихъ помѣщиковъ, но эти дома еще рельефнѣе выказываютъ какой-то азіатскій характеръ всего остального. Если бы вамъ предложилъ кто-нибудь вопросъ: гдѣ вы, въ Европѣ или Азіи, вы ни одной секунды не колебались бы въ отвѣтѣ — ужъ не въ Европѣ, конечно, отвѣчали бы вы. Цивилизація

не пропустила сюда ни одного своего луча, она не коснулась общественной жизни. А между тѣмъ это городъ, въ которомъ до 115 тысячъ населенія. Живутъ себѣ здѣсь эти сто пятнадцать тысячъ, и, повидимому, не нуждаются въ лучшемъ устройствѣ, а если не нуждаются они, то значитъ и потребности ихъ стоятъ еще на степени потребностей совсѣмъ первобытнаго народа.

— Чего же вы хотите, — говорилъ мнѣ одинъ изъ жалкихъ жителей Кишинева,—каждый живетъ себѣ въ своей канурѣ, общественной жизни нѣтъ, общественныхъ интересовъ не существуетъ, прикажетъ начальство почистить, ну, почистятъ, но начальство доброе; оно не безпокоитъ, не приказываетъ, вотъ такъ и живемъ, купаясь во всякой грязи. Дайте просторъ общественной жизни, черезъ нѣсколько лѣтъ не узнаете ни людей, ни самаго города. А то вѣдь вездѣ такъ, вы вѣрно мало ѣзжали по русскимъ-то городамъ, что удивляетесь,—сказалъ онъ мнѣ какъ бы съ укоромъ. — А вотъ поѣздите, да посмотрите, такъ и увидите, что не одинъ Кишиневъ, какъ вы называете—Азія, а вся-то наша матушка-Русь сидитъ себѣ, бѣдная, по шею въ грязи.

— Но вѣдь теперь же, — спрашиваю я, — интересъ пробудился, неужели и война не вызвала у васъ жизни? война вѣдь такъ близко отъ васъ!

— Человѣкъ крѣпко уснетъ, такъ вы его долго не добудитесь, а вы хотите съ-разу пробудить общественную жизнь,—не такъ-то легко! Вы говорите, что война близко, а я вамъ скажу, что война отъ насъ дальше и многимъ дальше, чѣмъ отъ Петербурга. Чтó мы здѣсь знаемъ?—ничего, ровно ничего. А причина все та же: общественной жизни нѣтъ. Знаемъ мы то, чтò намъ пишутъ въ вашихъ же газетахъ,—и только!

Какъ было не удивиться такой апатіи.

— Удивляться нечего,—возразилъ онъ мнѣ.—Апатія эта вполнѣ естественна. Когда человѣкъ живетъ чужимъ мозгомъ, такъ жаль смотрѣть на него, а ужъ когда народъ цѣлый живетъ такъ, ужъ лучше тогда и не говорить.

Кишиневскій житель былъ въ одномъ неправъ. Война была близка, здѣсь она понималась не только разсудкомъ, — нѣтъ, слѣды ея являлись уже во-очію. Тутъ я увидѣлъ первыхъ раненыхъ, первыхъ плѣнныхъ, тутъ я услышалъ первые разсказы о войнѣ отъ самихъ дѣйствующихъ лицъ, и эти первые разсказы надолго останутся въ моей памяти. Привычка, время, дѣлаютъ свое, нервы мало-по-малу притупятся, и то, что въ началѣ поражаетъ васъ, довольно скоро представляется уже мелочью, на которую едва обращаешь вниманіе. Трудно передать отчетливо то чувство, которое испытываешь, входя въ первый разъ въ госпиталь, гдѣ лежатъ раненые. Противъ вашей воли вы чувствуете что-то весьма близко похожее на чувство уваженія, любви, какого-то благоговѣнія. Всего этого, — я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ этомъ впослѣдствіи, — вполнѣ заслуживаетъ русскій солдатъ, это, по выраженію одного изъ молодыхъ и самыхъ популярныхъ русскихъ генераловъ, „сѣрое, бѣдное, беззавѣтно-преданное русское существо". Военный госпиталь помѣщается въ одномъ частномъ домѣ. Когда я вошелъ туда, меня поразила тишина, спокойствіе, опрятность, чистота, отсутствіе больничнаго воздуха. Въ каждой комнатѣ сидѣло по сестрѣ милосердія, которая спѣшила удовлетворить каждое желаніе больного и — чѣмъ могла только — облегчить его горькую долю. Всѣ раненые лежали на кроватяхъ, вездѣ чистое постельное бѣлье, на нихъ самихъ рубашки, не пропитанныя кровью, простые, но опрятные халаты, раны перевязывались каждый день, у иныхъ даже два раза, словомъ—госпиталь не оставлялъ желать ничего лучшаго. Быстро въ головѣ замелькало сравненіе съ тѣмъ тяжелымъ временемъ въ эпоху крымской кампаніи, когда уходъ за ранеными былъ въ такомъ жалкомъ, такомъ отвратительномъ состояніи. Да, теперь не то! думалось мнѣ въ то время, но скоро — увы! должно было наступить разочарованіе, и какое горькое, обидное разочарованіе! Въ госпиталѣ находилось всего около двадцати раненыхъ,

большая часть постелей оставалась незанятыми. Это были счастливые раненые, немного ихъ было въ трехсотъ-тысячной русской арміи. Но будущее было скрыто, и потому первое общее впечатлѣніе было самое отрадное.

Легко раненые солдаты охотно и много разсказывали о переправѣ, передавали свои впечатлѣнія перваго боя. Все было хорошо, по ихъ словамъ, только одна была бѣда—у турокъ ружья оказались лучше нашихъ! Я не повѣрилъ этимъ словамъ раненаго солдата, мнѣ казалось это невозможнымъ, да и кто тогда повѣрилъ бы, чтобы „турецкая челядь" была вооружена лучше нашей арміи.

Среди этихъ раненыхъ одинъ только поразилъ меня. Странное дѣло! Впослѣдствіи мнѣ пришлось увидѣть тысячи раненыхъ, и несравненно болѣе тяжело раненыхъ, умиравшихъ на моихъ глазахъ, но немногіе врѣзались въ мою память, какъ этотъ бѣдный солдатикъ волынскаго полка, который неподвижно лежалъ въ своей кровати. Такъ и вижу я эти черные, коротко обстриженные волосы, щеткой стоявшіе на головѣ, смуглый цвѣтъ лица, эти каріе, блестѣвшіе лихорадочнымъ жаромъ глаза, засохшія губы, которыя какъ-то болѣзненно сжимались, во всей фигурѣ его читалось одно страданіе, пересиливавшее его волю и выходившее наружу тяжелыми вздохами. Такова сила перваго впечатлѣнія.

Какъ ново и сильно было впечатлѣніе, произведенное на меня первыми нашими ранеными, такъ же ново и въ одинаковой степени непріятно было впечатлѣніе, которое произвели на меня первые плѣнные, сидѣвшіе въ кишиневскомъ тюремномъ зàмкѣ. Тамъ было нѣсколько человѣкъ башибузуковъ, пойманныхъ въ Добруджѣ, и нѣсколько болгаръ, которые были взяты по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Двое изъ первой группы были извѣстные своимъ звѣрствомъ башибузуки, Арабъ-Аадемъ и Кара-Мустафа. Этотъ послѣдній гордился тѣмъ, что пріобрѣлъ навыкъ, схвативъ ребенка за ножки, разрывать его съ-разу на двѣ части.

Оба они сидѣли въ подземныхъ казематахъ, оба скованные, на рукахъ желѣзные наручники, на ногахъ тяжелые кандалы. Одинъ изъ нихъ, Арабъ-Аадемъ, какъ только мы вошли, приложилъ руку къ груди и потомъ ко лбу, выражая свое привѣтствіе; другой же, весь скованный, колоссальнаго роста, съ красивымъ, если хотите, но истинно-звѣрскимъ лицомъ, окинулъ всѣхъ вошедшихъ гордымъ взглядомъ и остался неподвиженъ. Плѣнъ, мысль о разстрѣляніи не смущали его, онъ остался ненавистникомъ гяуровъ и давалъ намъ чувствовать это своими глазами. Въ то время я не былъ еще за Балканами, и потому не освободился еще отъ чувства гуманности къ извергамъ, и мнѣ показалось излишнею суровостью держать ихъ закованными. Подземныхъ казематовъ, казалось, было довольно.

— Наши кандалы для нихъ не тяжелы!—сказалъ мнѣ смотритель тюрьмы, и я не могъ съ этимъ не согласиться, когда мнѣ принесли турецкіе кандалы, въ которыхъ эти башибузуки были привезены въ Кишиневъ. Когда ихъ схватили въ плѣнъ въ Добруджѣ и нужно было ихъ заковать, пришлось прибѣгнуть къ тѣмъ кандаламъ, въ которыхъ турки заковывали обыкновенно „недовольныхъ“ болгаръ. Но что это были за кандалы, страшно подумать. Около двухъ пудовъ вѣса должны были таскать на себѣ провинившіеся болгары: достаточно было одного дня, чтобы ноги и руки распухли, и человѣкъ началъ испытывать непомѣрное физическое страданіе. Кандалы эти представлялись орудіемъ пытки.

Болгары, сидѣвшіе здѣсь по подозрѣнію въ шпіонствѣ, ходили свободно по тюремному двору, цѣлою кучкою; ихъ было человѣкъ пятнадцать, и всѣ они, когда мы подошли къ нимъ, горько стали жаловаться на свою судьбу. Они всячески старались убѣдить насъ, что они попали сюда вслѣдствіе одного недоразумѣнія, и молили, чтобы поскорѣе приступлено было къ слѣдствію, которое должно было, по ихъ словамъ, доказать ихъ полную невиновность. Нѣкоторые изъ нихъ были раздражены до

послѣдней крайности, и въ особенности одинъ болгаринъ со слезами на глазахъ молилъ, чтобы поскорѣе былъ положенъ конецъ его униженію, его нравственнымъ страданіямъ.

— Всю жизнь, — говорилъ онъ съ неподдѣльною горячностью, — я посвятилъ славянскому дѣлу, всю жизнь работалъ я для нашего освобожденія отъ турецкаго ига, подвергался преслѣдованіямъ, гоненіямъ, но я зналъ, что наступитъ же когда-нибудь для насъ часъ спасенія. Я благословлялъ судьбу, когда Россіи объявила наконецъ войну, рѣшаясь положить предѣлъ нашимъ бѣдствіямъ, и что́ же я вижу! Я зналъ, что въ Турціи нѣтъ законовъ для христіанъ, я зналъ, что правосудіе имъ чуждо, я жилъ только вѣрою въ Россію, надеждою на нее! И что же! вмѣсто свободы, я нахожу тюрьму, вмѣсто правосудія — цѣпи; если такъ продлится еще десять дней, мнѣ нѐчего болѣе жить, я убью себя!

На всѣхъ присутствовавшихъ этотъ болгаринъ произвелъ самое тяжелое впечатлѣніе. Мы старались всячески его успокоить, но никакія слова не помогали, а бумаги, на основаніи которыхъ они посажены были въ тюрьму, заставляли себя ждать. Искренни были его слова или нѣтъ, трудно сказать съ увѣренностью, но всѣмъ намъ казалось, что такъ можетъ говорить только человѣкъ, сильный сознаніемъ своей невинности. Во время войны нѣтъ ничего легче, какъ заподозрить человѣка въ шпіонствѣ.

Въ Кишиневѣ находилось также управленіе того отдѣла Краснаго-Креста, районъ котораго шелъ отъ Яссъ во внутрь Россіи. Сюда стекались сестры милосердія, русская молодежь: молодые доктора, студенты, студентки, всѣ полные самопожертвованія, глубоко проникнутые любовью къ своей родинѣ, любовью къ русскому народу. Но все то, что́ я видѣлъ въ этомъ отношеніи на пути, все то, что́ мнѣ удалось подмѣтить, я не стану передавать вамъ теперь, все это должно найти себѣ мѣсто въ отдѣльной главѣ, исключительно посвященной военно-

медицинскому управленію и дѣятельности Краснаго-Креста, какъ на театрѣ войны, такъ и въ тылу арміи.

Медленно двигался поѣздъ отъ Кишинева до границы. Мы останавливались часто, останавливались по-долгу, встрѣчая на каждомъ шагу военные, товарные, санитарные поѣзды. По всей дорогѣ шла усиленная дѣятельность. Во многихъ мѣстахъ строились бараки для раненыхъ, одни приходили къ концу, другіе находились еще только въ проектѣ, или едва было приступлено къ ихъ постройкѣ. Но вѣдь все это давнымъ-давно должно было уже быть оконченнымъ, вѣдь прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, что война была объявлена, и мы были въ Румыніи. Отчего же мы до сихъ поръ не сдѣлали почти ничего, отчего только теперь начинается работа? Отчего, отчего? Мнѣ такъ часто въ будущемъ приходилось задаваться этимъ вопросомъ, такъ часто теперь, когда я пишу эти замѣтки, подвертывается это слово: отчего? и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ часто я чувствую невозможность дать правдивый отвѣтъ на этотъ вопросъ, что лучше ужъ съ-разу сказать вамъ: нѣтъ, я не буду давать отвѣта на всѣ эти „отчего"; пусть факты, сами событія отвѣтятъ вамъ на это одно большое „отчего".

Вотъ и Унгены. На платформѣ толпа народа, толкотня, давка, офицеры суетятся, выправляютъ свои „предложенія", идутъ отъ одного къ другому, возятся съ своимъ багажомъ, не могутъ добиться толку; другіе заботятся о своихъ видахъ, требуютъ паспортовъ, по всей платформѣ разбросаны громадные тюки, говорятъ — это письма въ армію, терпѣливо, слишкомъ терпѣливо ожидающія своей очереди, чтобы быть отправленными. Многія, конечно, ждутъ эту очередь и по сію минуту. Словомъ, порядокъ изумительный! На платформѣ, среди этой толкотни, расположились у столика нѣсколько барынь, въ изящныхъ туалетахъ, и продаютъ въ пользу раненыхъ сельтерскую воду съ сиропомъ. Барынь этихъ окружаетъ молодежь—все это такъ весело, такъ мило. Чтó говорить,—онѣ дѣлаютъ доброе дѣло, но къ этому доброму

дѣлу примѣшивается еще и другое кое-что. Я невольно припоминалъ французскихъ женщинъ въ простыхъ, черныхъ платьяхъ, задумчивыхъ и подходившихъ къ вамъ съ кружкою безъ всякаго желанія обратить на себя чье-либо вниманіе, сравнивалъ—и это сравненіе было не въ нашу пользу.

Скоро русская граница была позади. Черезъ два, три часа мы были уже въ Яссахъ.

„Европа!“ невольно вырывалось у всѣхъ. Да, Европа,—всѣ это чувствовали, всѣ это видѣли, всѣ это понимали. Яссы — маленькій городокъ, и въ этомъ городкѣ прекрасныя мостовыя, чистыя улицы, отличные дома, магазины, великолѣпный общественный садъ, вездѣ проведена вода, городъ освѣщенъ газомъ, весь складъ жизни чисто европейскій, въ этомъ нельзя было усомниться. Въ чемъ же это выражается, этотъ европеизмъ?—спросите вы. Да какъ вамъ сказать? — во всемъ, что̀ проходитъ передъ вашими глазами. Люди какъ-то иначе ведутъ себя, иначе говорятъ; хотите прислушиваться о чемъ они разсуждаютъ,—сколько угодно. У нихъ нѣтъ ни малѣйшей боязни, чтобы кто-нибудь ихъ услышалъ, о всемъ они говорятъ громко, свободно высказываютъ свое мнѣніе. Политическія событія, вопросы государственные, это ихъ личныя дѣла, они всѣмъ этимъ интересуются, во всемъ принимаютъ участіе. Они знаютъ, что отъ нихъ зависитъ дать иное направленіе ихъ политикѣ, они сознаютъ свое право требовать отчета во всемъ, что̀ касается внутренняго управленія. Вотъ почему они читаютъ газеты, и не только потому, что „любопытно знать, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ“ — нѣтъ, они слѣдятъ за собственнымъ дѣломъ. Утромъ и вечеромъ мальчуганы бѣгаютъ по улицамъ и выкрикиваютъ различныя названія газетъ, и нѣтъ почти человѣка, который не сунулъ бы такому мальчугану десять бани и не взялъ бы у него свѣжаго листа. Нѣтъ, тутъ вы не скажете, что люди спятъ, что надъ всѣмъ населеніемъ тяготѣетъ роковая апатія. Нѣтъ, здѣсь люди живутъ

полною жизнію; эти люди, эта жизнь могутъ не нравиться,—это другое дѣло, но это не мѣшаетъ все-таки видѣть, что свою жизнь они устроили недурно.

Оттого ли, что Кишиневъ такъ близко отъ Яссъ, или отъ чего другого, но сколько разъ приходилось мнѣ слышать:

— Скажите пожалуйста, отчего это мы такіе злополучные, отчего мы не умѣемъ устроить порядочно нашей жизни, нашихъ городовъ? Вѣдь не обидно ли, не беретъ ли васъ зло, когда вы сравниваете Кишиневъ, который вы оставили только нѣсколько часовъ назадъ, съ Яссами? Что̀ такое Яссы? маленькій городокъ, нѣсколько тысячъ жителей, а между тѣмъ здѣсь жить—наслажденіе, въ то время какъ Кишиневъ — точно мѣсто ссылки для преступниковъ, какая-то пустыня, грязная яма, а вѣдь тамъ жителей больше ста тысячъ, и живутъ-то люди съ достаткомъ, даже богатые. Утромъ вы были въ Азіи, проѣхали нѣсколько часовъ—попали въ Европу. Отчего это, въ самомъ дѣлѣ?

Опять „отчего", но вѣдь я уже сказалъ, что не стану отвѣчать на этотъ однообразный вопросъ.

Я спѣшилъ дальше и дальше. Въ Яссахъ получено было извѣстіе, что главная квартира находится уже въ Тырновѣ. Нужно было торопиться. Чего добраго, приходило на умъ, читая это радостное извѣстіе, что правы окажутся тѣ, которые говорили: вы опоздали, вы пріѣдете, когда война будетъ уже окончена!

Выбраться изъ Яссъ было не легко. Народу тьма, румыны потеряли совсѣмъ голову. Желѣзная дорога не успѣвала перевозить всѣхъ пассажировъ.

— Позвольте билетъ до Бухареста!

— Нѣтъ билетовъ больше!—отвѣчалъ кассиръ.

И дѣйствительно, не было билетовъ. Толпа, отъѣзжавшая изъ Яссъ, волновалась, но что̀ было дѣлать, мѣстъ не было больше въ поѣздѣ. Лица, имѣвшія билеты I-го класса, ѣхали въ третьемъ, всякій распоряжался самъ, хаосъ невообразимый. Багажъ сплошь и рядомъ куда-

то исчезалъ, и многіе потеряли даже надежду когда-нибудь его отыскать.

Несмотря на категорическій отвѣтъ, что билетовъ нѣтъ, въ концѣ-концовъ я все-таки получилъ его, и въ отдѣленіи на шесть человѣкъ, когда мы тронулись, сидѣло девять пассажировъ. По всей дорогѣ мы обгоняемъ военные поѣзды, медленно двигается артиллерія, на каждомъ шагу все остановки, задержки. Румыны не знаютъ, что́ имъ дѣлать; никогда они не видѣли такой массы народа, и потому естественно, что въ первое время совсѣмъ растерялись. Поѣздъ состоялъ почти изъ однихъ русскихъ, всѣ торопились въ Бухарестъ, а тутъ какъ на грѣхъ еще нашъ локомотивъ сошелъ съ рельсовъ, и волей-неволей ночью мы должны были простоять нѣсколько часовъ въ чистомъ полѣ. Дорога имѣла вся уже чисто-военный видъ, тутъ разбросанъ небольшой лагерь, тамъ стоитъ артиллерійскій паркъ, сложены въ большихъ массахъ грозные снаряды, двигается санитарный поѣздъ съ ранеными, война становится все ближе и ближе.

Наконецъ, слышатся все уже знакомыя имена станцій, къ которымъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ такъ привыкъ каждый изъ насъ: Галацъ, Браиловъ, Плоэшти и наконецъ—Бухарестъ. Этотъ послѣдній городъ весьма естественно превратился почти въ русскій. Въ гостинницахъ, на улицахъ, въ ресторанахъ, кафе́, магазинахъ, вы слышите только русскій языкъ, видите только русскія формы,—и какое разнообразіе! Помимо военныхъ, вы встрѣчаете на каждомъ шагу чиновниковъ полевого контроля, полевого интендантства, полевого суда, полевой почты, полевого казначейства, телеграфистовъ, путейцевъ и т. д. и т. д., словомъ—всѣ отрасли управленія имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Но нигдѣ не видно такъ много русскихъ, какъ въ публичныхъ садахъ, гдѣ каждый вечеръ даютъ себѣ точно rendez-vous представители всѣхъ частей военнаго управленія, какъ молодежь, такъ и старики. Румыны совершенно исчезаютъ въ густомъ слоѣ русскаго населенія.

Каковы же, спрашивается, тѣ отношенія, которыя установились между нами и нашими союзниками, между русскими и румынами? Чтобы опредѣлить характеръ этихъ отношеній однимъ словомъ, я долженъ сказать, что отношенія эти самыя неправильныя, самыя ненормальныя. Съ самаго перваго нашего появленія среди румынъ, мы усвоили себѣ какой-то презрительный тонъ, стали относиться къ нимъ свысока и—что́ еще хуже—съ насмѣшкою. Румыны на эти насмѣшки, на это презрительное къ нимъ отношеніе, очевидно, не могли отвѣчать любовью, расточать намъ свои ласки: волей-неволей они должны были почувствовать къ намъ нѣкоторую непріязнь. Но заслуживаютъ ли румыны этихъ насмѣшекъ, этого презрѣнія? Я думаю, что нѣтъ.

Несмотря на крайне двусмысленное политическое положеніе, которое создано для Румыніи парижскимъ миромъ 1856 года и конвенціею 1858 года, румыны успѣли все-таки фактически добиться почти полной самостоятельности и независимости, и—что еще важнѣе—успѣли свою жизнь устроить совершенно по-европейски. Этотъ европеизмъ выражается не только въ матеріальныхъ условіяхъ ихъ жизни, но и въ сферѣ политической. Румыны пользуются представительнымъ правленіемъ, а ихъ здѣсь упрекаютъ за это, какъ за политическій развратъ; посредствомъ своихъ представителей, они управляютъ всѣми своими внутренними дѣлами, и оттого дѣла нейдутъ хуже. Образованіе румынъ стоитъ сравнительно на довольно-высокой степени: каждая деревня имѣетъ школу, въ каждомъ городѣ существуетъ среднее училище; наконецъ, Бухарестъ обладаетъ университетомъ. Румыны пользуются полною свободою печати и полною вѣротерпимостью; за то или другое религіозное убѣжденіе никто не подвергается у нихъ никакому преслѣдованію. За что же, спрашивается, относиться къ нимъ съ насмѣшкою и даже презрѣніемъ?

— Да взгляните вы на ихъ офицеровъ, на этихъ

солдатъ въ круглыхъ шляпахъ съ перьями,—развѣ все это не смѣшно?

Конечно, такой аргументъ не заслуживаетъ возраженія, но и въ этомъ отношеніи румыны не вызываютъ насмѣшки. Офицеры ихъ всегда очень чисто одѣты,—иные ставятъ въ упрекъ, что слишкомъ чисто,—но вѣдь упрекъ этотъ обращается противъ тѣхъ, кто его дѣлаетъ; всегда они, какъ европейцы учтивы, скромны, крайне-любезны, когда къ нимъ обратитесь съ какимъ-нибудь вопросомъ. Форма солдатъ ихъ кажется намъ смѣшною, но вѣдь кто знаетъ—не кажется ли имъ наша, въ свою очередь, еще болѣе смѣшною? Конечно, у нихъ нѣтъ и не можетъ быть милліонной арміи, нѣтъ знаменитыхъ полководцевъ, замѣчательныхъ стратеговъ, но они всетаки могли выставить нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ хорошо-вооруженнаго войска, съ прекрасною артиллеріею, и это войско потомъ показало, что оно умѣетъ умирать, защищая свою родину. Притомъ никакъ не слѣдуетъ забывать, что румынская армія, это—армія безъ военныхъ традицій; что она впервые вступаетъ въ войну, и въ войну съ сильнымъ противникомъ,—въ чемъ, къ несчастью, мы убѣдились слишкомъ поздно,—а при такихъ условіяхъ ея поведеніе еще болѣе заслуживаетъ уваженія.

Откуда же идетъ наше презрѣніе къ румынамъ? Мнѣ кажется, главный источникъ его лежитъ въ недоразумѣніи. Двинувшись въ Румынію, мы воображали себѣ, что румыны должны будутъ пасть къ нашимъ ногамъ и смотрѣть на насъ, какъ на какихъ-то боговъ. Этого не случилось, и, признаться-сказать, къ тому не было никакихъ основаній,—и мы обидѣлись. Мы были возмущены, что не встрѣтили въ румынахъ подобострастнаго къ намъ отношенія, и что, къ удивленію нашему, они не поспѣшили отказаться отъ права сказать и свое слово въ вопросѣ, который затрогивалъ ихъ политическое существованіе, „быть или не быть“ ихъ политической независимости. Въ самомъ дѣлѣ, какая странная претензія!—

желать имѣть право голоса. Какъ только мы подмѣтили въ нихъ стремленіе къ нѣкоторой равноправности во взаимныхъ отношеніяхъ, такъ тотчасъ мы стали пользоваться каждымъ мелкимъ случаемъ, чтобы обвинять ихъ чуть не въ самой „черной неблагодарности", и въ другихъ аналогичныхъ преступленіяхъ, но столь же мало основательныхъ. Каждый ничтожный фактъ мы спѣшили обобщать.

Въ гостинницѣ, покажется вамъ, взяли дорого, — и мы тотчасъ начинаемъ трубить, что румыны насъ грабятъ! Вамъ покажется, что съ васъ взяли лишнее въ ресторанѣ,—тотчасъ мы говоримъ: „румыны эксплуатируютъ русскихъ" и т. д. Я не хочу сказать, чтобы румыны были свободны отъ всякаго упрека. Разсказываютъ, что ихъ желѣзныя дороги, напримѣръ, представляютъ какіе-то невообразимые счеты русскому правительству за перевозку войскъ. Но намъ ли удивляться, что нашу казну обираютъ? Познакомимся мы когда-нибудь съ тѣми счетами, которые подноситъ намъ наше знаменитое товарищество, не менѣе знаменитое интендантство и т. д.,— что̀ мы тогда скажемъ?

Газеты румынъ разсуждаютъ на тэму, какое матеріальное вознагражденіе получитъ Румынія за помощь, оказываемую ею Россіи въ войнѣ противъ Турціи,—помощь, какъ всѣ теперь убѣдились, весьма дѣйствительную, а не фиктивную, и мы громко начинаемъ возмущаться страшною продерзостью нашихъ, съ насмѣшкою прибавляютъ, союзниковъ! А, между тѣмъ, кто же не понимаетъ, что вопросъ этотъ вполнѣ законенъ и что политика не знаетъ платоническихъ отношеній.

Румыны относятся къ намъ безъ особеннаго дружелюбія,—это правда, но, спрашивается,—кто же въ этомъ виноватъ? Съ самаго начала мы высказали имъ самое полное пренебреженіе, часто даже презрѣніе; съ самаго начала, т.-е. при первомъ вступленіи нашихъ войскъ, въ нашей печати чуть не каждый день стали раздаваться голоса, до-нѐльзя враждебные румынамъ,—волей-не-

волей приходилось жать то, что́ было посѣяно. Наше отношеніе къ румынамъ, къ нашимъ союзникамъ, нельзя не признать, было таки-довольно безтактно, чтобъ не сказать хуже.

Если бы даже все то, что̀ говорилось о румынахъ, было безусловно справедливо, то и въ такомъ даже случаѣ мы не должны были выносить до поры до времени сора изъ избы, хотя бы только для того, чтобы не доставить европейской печати удовольствія на всѣ лады повторять: „союзники грызутся между собою! пусть это служитъ предостереженіемъ тѣмъ народамъ, которыхъ русскіе идутъ освобождать!"

Помимо, впрочемъ, нашего непріязненнаго отношенія къ румынамъ, существуетъ и другая причина, въ силу которой румыны какъ-бы остерегаются насъ. Недовѣріе ихъ, если хотите, довольно понятно. Румынія — государство маленькое, Россія — могущественная держава. Исторія представляетъ такую замѣчательную коллекцію примѣровъ проглатыванія маленькаго государства большимъ, что румыны, зная эти примѣры, чувствовали себя какъ-то не по-себѣ, когда трехсотъ-тысячная армія наводнила ихъ государство! „А ну, какъ эта армія, или частица ея, да навсегда у насъ останется!" разсуждали они. А они привыкли уже къ самостоятельности; они дорожатъ своими учрежденіями, хороши они или дурны; они пользуются своимъ извѣстнымъ политическимъ строемъ, который они вовсе не желаютъ мѣнять на чуждый имъ строй. Конечно, такое опасеніе представляется вполнѣ неосновательнымъ, но кто же не знаетъ, что неосновательныя опасенія пугаютъ иной разъ даже больше, чѣмъ основательныя.

Пріѣзжая въ Румынію, я былъ, подъ вліяніемъ газетныхъ толковъ, до извѣстной степени настроенъ противъ нихъ, я зналъ то непріязненное отношеніе, которое установилось между нами и нашими союзниками, и потому не разъ бывалъ пріятно пораженъ, наталкиваясь на факты, шедшіе прямо въ разрѣзъ съ установившимся на-счетъ

румынъ мнѣніемъ. Въ частныхъ разговорахъ, въ газетахъ я всегда читалъ самые восторженные отзывы о русской арміи: всегда они восхваляли солдатъ, всегда они признавали, что русскіе офицеры въ огромномъ большинствѣ честно исполняютъ свой долгъ и не щадятъ своей жизни, когда требуетъ того польза дѣла.

„Я пораженъ былъ духомъ вашихъ солдатъ, ихъ природной добротой, — говорилъ мнѣ одинъ румынъ,— когда я въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ видѣлъ ихъ среди нашего населенія; я не могу ими нахвалиться, и не думайте, чтобы это было только мое личное мнѣніе,— это мнѣніе почти всѣхъ румынъ. Они стоятъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ нашихъ деревняхъ и никого никогда не обидятъ, ничего не возьмутъ силою, не оскорбляютъ ни женщинъ, ни дѣвушекъ. Мы ждали,—прибавилъ онъ,— признаюсь, совсѣмъ другого. Мы боялись вашей арміи".

Если они хвалятъ только солдатъ и офицеровъ и часто строго критикуютъ все остальное, то, скажите сами, ихъ ли въ томъ вина? Но это дружеское отношеніе къ нашимъ солдатамъ выражается не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Вотъ факты.

Пріѣхавъ въ Яссы, я отправился осматривать огромный эвакуаціонный баракъ Краснаго-Креста, устроенный на триста кроватей, но вмѣщавшій въ себѣ впослѣдствіи болѣе тысячи человѣкъ. Баракъ этотъ прилегалъ къ самому желѣзно-дорожному пути и тѣмъ самымъ представлялъ большое удобство. На мой вопросъ, во что обошелся этотъ баракъ, я получилъ отвѣтъ, что баракъ этотъ принадлежитъ румынамъ, но что они безвозмездно отдали его въ наше полное распоряженіе. Значитъ, подумалось мнѣ, румыны уже не такъ алчны, какъ то утверждаютъ въ одинъ почти голосъ. Послѣдующіе факты меня еще болѣе убѣдили, что среди всяческихъ обвиненій, взводимыхъ на румынъ, есть много напраслины. Въ тѣхъ же Яссахъ существуетъ огромное зданіе — военный румынскій госпиталь. Румыны весьма любезно предложили—и опять тоже безвозмездно—половину этого зданія,

и его лучшую половину, въ распоряженіе нашего военнаго медицинскаго управленія. Осматривая румынское отдѣленіе, я былъ пораженъ тѣснымъ помѣщеніемъ больныхъ, всегда вызывающимъ извѣстный безпорядокъ. Румынскій докторъ, съ большою предупредительностью и любезностью показывавшій намъ этотъ госпиталь, на мой вопросъ о причинахъ этого безпорядка, очень скромно отвѣтилъ:

— Что́ дѣлать, мы рѣшились потѣсниться, чтобы имѣть возможность уступить половину госпиталя русскимъ, а гостямъ мы желали отдать лучшую половину.

То, что́ меня поразило въ Яссахъ, то нашелъ я еще въ бо́льшихъ размѣрахъ въ Бухарестѣ. Тутъ существуетъ колоссальный и весьма богато, со всѣми удобствами устроенный Пантелеймоновскій госпиталь. Какъ только русскія войска перешли черезъ границу, румыны тотчасъ предложили намъ взять въ свое распоряженіе этотъ госпиталь, исключительно для русскихъ раненыхъ. Въ другомъ роскошномъ, самомъ роскошномъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ жизни госпитатей, Бранкованъ, они точно также уступили намъ сто кроватей для нашихъ раненыхъ офицеровъ, и въ этомъ госпиталѣ раненые пользуются всѣми удобствами. Наконецъ, въ томъ же Бухарестѣ устроенъ превосходный николаевскій госпиталь въ только-что отстроенныхъ румынскихъ казармахъ, и въ которыхъ никогда еще никто не жилъ, что̀ составляетъ такое важное условіе при помѣщеніи раненыхъ. И эти казармы точно также, лишь только было заявлено наше желаніе имѣть ихъ, весьма охотно были уступлены намъ румынами безъ всякаго матеріальнаго вознагражденія. Словомъ, если существуютъ у насъ порядочныя помѣщенія для раненыхъ близъ театра войны, то за все это мы должны быть благодарны румынамъ, такъ какъ все то, что́ мы устроили для нашихъ больныхъ и раненыхъ сами, то, за весьма ничтожными исключеніями, вызываетъ одно только осужденіе. Но, впрочемъ, объ этомъ рѣчь еще впереди.

И не подумайте, чтобы румыны отдавали только то, что́ не нужно имъ самимъ, чтобы они дѣлились съ нами своимъ излишкомъ. Вовсе нѣтъ. Уступивъ намъ свои лучшіе госпитали, для своихъ собственныхъ раненыхъ они должны были строить новые бараки, наполнявшіеся, увы! слишкомъ быстро тѣми тысячами раненыхъ, которыхъ слала роковая для насъ Плевна.

Будемъ же помнить, что румыны раздѣляли съ нами всю горечь этой кровавой войны за святое дѣло, что ихъ кровь обильно лилась рядомъ съ кровью русскаго народа, что тѣла румынъ и русскихъ, павшихъ въ честномъ бою на одномъ полѣ брани, опускались въ одну общую могилу, и пусть на этотъ братскій союзъ не ложится тѣнь самолюбивыхъ мелкихъ раздоровъ. Я невольно подумалъ о нашей несправедливости, когда, покинувъ Бухарестъ, увидѣлъ разрушенный турецкими гранатами Журжево, когда вспомнилъ о румынскихъ женщинахъ и дѣтяхъ, погребенныхъ уже подъ развалинами разгромленныхъ зданій...

ГЛАВА III.

На Дунаѣ.

Поздно, ночью уже пріѣхали мы въ Журжево. Машина еле-еле тащила за собою громадный поѣздъ, на которомъ, кромѣ русскихъ, не было, кажется, рѣшительно никого. Вся дорога и тутъ была загромождена складами артиллерійскихъ снарядовъ, громадными пирамидами всевозможныхъ кулей, вездѣ разбросаны были артиллерійскіе парки. Страшно думать, сколько усилій тратится на истребленіе человѣчества! На каждой станціи продолжительныя остановки, люди бѣгаютъ точно угорѣлые, суетня, хаосъ невообразимый. И все это усталое, замученное! Болѣе часа простояли мы во Фратештахъ, которые скоро должны были получить такую печальную извѣстность, какъ одинъ изъ главныхъ центровъ скопленія раненыхъ, но теперь тамъ еле-еле распускались только „цвѣточки". Въ пестрой толпѣ всякаго люда разглядѣлъ я одного знакомаго юношу. Онъ подошелъ ко мнѣ. На немъ не было лица: цѣлыя двѣ ночи онъ не спалъ, поглощенный заботами о раненыхъ, привезенныхъ во Фратешти.

— Знаете, это ужасно!—говорилъ онъ мнѣ съ горячностью,—вѣдь у насъ ровно ничего не сдѣлано, ничего не готово; намъ начинаютъ подвозить раненыхъ,

а между тѣмъ, повидимому, никому до нихъ нѣтъ дѣла, точно мы шли на войну, думая, что все будетъ сдаваться безъ боя, и мы даже не узнаемъ значенія грозныхъ словъ: жертвы войны!

Я отнесся съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ его горячности, и съ улыбкою, не довѣряя юношескому пылу, спросилъ, что же его такъ возмутило.

— Да никто даже не далъ себѣ труда извѣстить насъ во-время, что будетъ доставлена партія раненыхъ; нужно кормить,—кормить нечѣмъ; нужно надѣть чистое бѣлье, — бѣлья нѣтъ; нужно сдѣлать перевязки, — нѣтъ бинтовъ, раненые раздражаются, здоровые теряютъ голову. Просто бѣда. Вотъ я и бѣгалъ по городу, закупая хлѣбъ, барановъ, разсылая депеши въ Бухарестъ, въ складъ, чтобы поскорѣе выслали все необходимое! Цѣлую ночь перевязывалъ!—прибавилъ онъ съ радостнымъ чувствомъ сознанія, что и ему судьба дала возможность быть полезнымъ своей родинѣ.

Скоро, слишкомъ скоро, я долженъ былъ перестать удивляться подобнымъ фактамъ, но въ то время меня нѣсколько смутилъ его разсказъ, хотя я и постарался и себя и его успокоить разсужденіемъ, что вѣдь во время войны такого рода случайности всегда неизбѣжны.

— По-вашему, это случайность, а по-моему — безпечность и безсердечіе! — не безъ досады отвѣтилъ этотъ славный юноша.

Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ я въ Журжево. На улицахъ мракъ, пустота, и наши шаги какъ-то непріятно громко раздаются среди невозмутимой тишины кругомъ. Не знайте вы, что этотъ городъ вынесъ уже не одну бомбардировку, и тогда эта пустота, мракъ, импонирующая тишина, нисколько не поразятъ васъ, все это покажется вполнѣ естественнымъ и вполнѣ объяснимымъ тѣмъ позднимъ часомъ, когда люди давно уже успокоились отъ дневной суеты. Но, пріѣзжая въ городъ, расположенный какъ разъ противъ грозной турецкой крѣпости, осыпавшей его уже не одною сотнею гранатъ, бросившихъ

въ могилу безъ разбора много ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ, воображеніе волей-неволей настраивается совершенно особымъ образомъ, и въ этой естественной пустотѣ, понятной тишинѣ и мракѣ вы чувствуете что-то жуткое, необычное. Какое-то уваженіе, состраданіе пронизываетъ васъ насквозь къ этому городу, постигнутому несчастьемъ. Мнѣ кажется, что это чувство похоже на то, которое каждый испытываетъ, входя въ хорошо знакомую пустую комнату, когда только-что вынесли изъ нея дорогого ему покойника. Улицы, церкви, дома — точно все это получило жизнь и требовало уваженія, состраданія къ своему горю.

Сознаніе, что такая безпокойная тишина каждую минуту можетъ быть нарушена рѣзкимъ свистомъ турецкихъ гранатъ, вызывало совсѣмъ особое настроеніе. Но турецкія батареи молчали. Ночь была душная, балконъ открытъ настежь, кругомъ не раздавалось ни единаго звука, и только слышалось ровное дыханіе спящаго юноши, какъ снопъ повалившагося на постель.

Много приходилось мнѣ, во время пребыванія въ Болгаріи, встрѣчаться съ русскою молодежью, явившеюся туда въ качествѣ студентовъ-медиковъ, докторовъ, вольноопредѣляющихся, и я видѣлъ, что эта молодежь производила всегда и на всѣхъ самое отрадное впечатлѣніе. На мрачномъ фонѣ картины общей безурядицы, часто бездарности и даже подчасъ безчестности, русская молодежь да русская боевая сила представляли собою свѣтлыя пятна, поддерживавшія въ тяжелыя минуты,—а ихъ было такъ много,—несокрушимую вѣру въ будущее русскаго народа. Пусть настоящее будетъ уныло и тревожно, пусть общество страдаетъ тяжелою хроническою болѣзнію, но когда въ народѣ есть такія силы, какъ простой русскій человѣкъ да преданная родинѣ молодежь, тогда нѣчего бояться, что и въ будущемъ эта хроническая болѣзнь окажется неизлечимою: рано или поздно, и скорѣе рано, чѣмъ поздно, эти здоровые элементы превозмогутъ хроническую болѣзнь и откроется въ жизни на-

рода пора быстраго поправленія, могучаго роста. Часто, любуясь энергическою дѣятельностію и готовностію къ самопожертвованію этихъ молодыхъ силъ русскаго общества, я мысленно возвращался къ берегамъ Невы да Москвы-рѣки, гдѣ такъ часто и безсмысленно въ нашемъ обществѣ клянутъ эту самую молодежь. Но, впрочемъ, рѣчь объ этой молодежи еще впереди, въ тѣхъ главахъ, которыя будутъ посвящены арміи и медицинскому управленію...

Рано утромъ отправился я бродить по пустыннымъ улицамъ Журжева. Дневной свѣтъ мало въ чемъ измѣнилъ то впечатлѣніе, которое произвелъ на меня этотъ городъ ночью. Жизни почти никакой, большинство домовъ, магазиновъ, заколочено наглухо, жители исчезли, разбѣжались; если и промелькнетъ какая-нибудь человѣческая фигура, то промелькнетъ какъ-то робко, точно для того, чтобы пустота и уныніе поразили васъ еще больше. Ни одной женщины, ни одного ребенка не встрѣтите вы на улицѣ: все или покинуло этотъ точно зачумленный городъ, или заперлось у себя, не смѣя показываться на улицу. Страхъ обуялъ все и всѣхъ. Каждый думаетъ про себя: въ эту минуту тихо, турки не громятъ своими гранатами и бомбами; но кто знаетъ, можетъ быть, черезъ нѣсколько минутъ снова послышится зловѣщій свистъ. Эта неувѣренность въ жизни и производитъ то особое впечатлѣніе, которому невольно поддаются всѣ остающіеся въ бомбардируемомъ городѣ. Да и остаются-то только совсѣмъ несчастные. Одинъ не знаетъ, куда ему дѣваться, другой добываетъ, но еще не добылъ средствъ, чтобы получить возможность бѣжать изъ своего родного города, и не одну подводу приходилось мнѣ встрѣтить, подводу съ невольными переселенцами.

По разоренной и разрушенной улицѣ направился я къ берегу Дуная, чтобы взглянуть на грозную турецкую крѣпость, которая, какъ тогда говорили, черезъ нѣсколько дней должна была перейти въ руки побѣдителей. На этой

улицѣ, напоминавшей Помпею, не было ни одного дома, ни одного зданія, которое не носило на себѣ слѣдовъ страшнаго огня. Обрушившіяся крыши, развалившіяся стѣны, оторванный уголъ дома, всюду кучи мусора — вотъ что представлялось глазу въ то время, какъ воображеніе дополняло эту картину разрушенія заставлявшими содрогаться мыслями объ обезображенныхъ трупахъ, нашедшихъ себѣ подъ этими развалинами страшную могилу. Вдоволь насмотрѣвшись, я вышелъ на берегъ Дуная, откуда, какъ на ладони, видѣнъ былъ Рущукъ, съ его грозными укрѣпленіями, съ его, казалось, неприступною Леванъ-Табіею, этою гордо смотрящею на противоположный берегъ высотою -- главнымъ оплотомъ турецкой крѣпости. Турецкій лагерь, видимый простымъ глазомъ, разбросанъ былъ по всѣмъ высотамъ, турецкіе часовые стояли на укрѣпленіяхъ и спокойно разсматривали, что дѣлается на нашемъ берегу.

— Скажите, — спросилъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, — вы не испытываете никакого особеннаго ощущенія при видѣ этихъ часовыхъ, этихъ пушекъ, точно смотрящихъ на васъ: вѣдь стоитъ только, чтобы туркамъ пришла фантазія пустить въ насъ одну, другую гранату, и тогда, кто знаетъ, не найдемъ ли мы здѣсь, на этомъ мѣстѣ, „тихаго пристанища“.

— А развѣ страшно?—произнесъ другой, не отнимая бинокля отъ глазъ.

— Страшно, не страшно, а оригинально! Но, знаете, какъ посмотрю я хорошенько на Рущукъ, то, право, мнѣ приходитъ въ голову мысль, что ужъ не такъ-то легко его взять!

— Что вы, полноте, да развѣ для насъ есть что-либо трудное, развѣ мы знаемъ препятствія, — все пустяки, черезъ десять дней Рущукъ, черезъ двадцать Адріанополь, а черезъ тридцать Константинополь!

— Дай Богъ, чтобы сбылись эти пророчества, но мнѣ что-то плохо вѣрится; вѣдь, по-нашему, у турокъ все картонное: крѣпости картонныя, пушки картонныя,

гранаты картонныя, да и турки сами—за-одно ужъ—тоже картонные!

Тотъ, кто иронизировалъ такъ, былъ вторымъ экземпляромъ знакомаго намъ пессимиста; я прозвалъ его маркизомъ Пóза. Мой маркизъ Пóза обладалъ всѣми свойствами своего петербургскаго двойника, его скептицизмомъ, его недовѣріемъ къ нашимъ внутреннимъ силамъ, недовѣріемъ, проистекавшимъ точно также изъ чувства глубокой любви къ своей родинѣ. Встрѣтившись въ первый разъ съ нимъ въ Журжевѣ, я не разставался болѣе съ моимъ случайнымъ спутникомъ до послѣдняго дня пребыванія въ Болгаріи, и часто, слушая его разсужденія, мнѣ казалось, что я присутствую при продолженіи того спора, который происходилъ у насъ въ Петербургѣ еще до объявленія войны, только при иной обстановкѣ и при иныхъ условіяхъ, оправдывавшихъ, увы!—слишкомъ часто его мрачное настроеніе. Не разъ приходилось мнѣ вспоминать впослѣдствіи слова, произнесенныя имъ по поводу близкаго паденія Рущука: „не жду я добра отъ нашей похвальбы, отъ нашего презрѣнія къ врагу!“ Видъ Рущука былъ, впрочемъ, такъ внушителенъ, что и тогда я не рѣшался съ нимъ спорить...

Въ тотъ же день мы покинули Журжево. Я ожидалъ, что на всемъ пути отъ этого несчастнаго города до самой Зимницы я встрѣчу кипучую военную дѣятельность; я думалъ, что вдоволь придется наглядѣться на всевозможные обозы, бивуаки, разбросанные парки, направляющіеся въ Болгарію, словомъ, совершить этотъ путь среди многолюднаго движенія. Въ дѣйствительности же ничего подобнаго не было. Полное, мертвое затишье кругомъ. Мы ѣхали среди необозримыхъ полей, засѣянныхъ кукурузой, утомлявшей своимъ однообразіемъ глазъ; но людей, жизни—не было и признака. Точно вымершая страна. На разстояніи 60-ти или 70-ти верстъ намъ повстрѣчалась всего одна деревня. За исключеніемъ этой деревни, „Бригадира“, по всей дорогѣ населенія точно не существовало. Только впослѣдствіи, когда приходилось возвра-

щаться изъ Зимницы въ Журжево, для меня сдѣлалось понятно это отсутствіе всякаго движенія, всякихъ слѣдовъ военной дѣятельности. Бойкая дорога изъ Журжева въ Зимницу пролегаетъ вдоль берега Дуная, густо заселеннаго, со множествомъ деревень и большихъ селъ, ничѣмъ, за исключеніемъ несравненно большей чистоты, не отличающихся отъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Но мирные румынскіе граждане, оправдывавшіе русскую пословицу: у страха глаза велики!—предпочитали дѣлать крюкъ и ѣхать на деревню Бригадиръ, внутри страны, чѣмъ вдоль берега Дуная, изъ вполнѣ неосновательнаго опасенія подвергнуться удару какой-нибудь шальной гранаты, пущенной изъ Рущука. Насколько одна дорога скучна и безжизненна, настолько же другая интересна и полна движенія. Тутъ вездѣ, на каждомъ шагу, попадаются наши солдаты, всюду тянутся военные обозы, телѣги, запряженныя четырьмя и шестью волами и съ отвратительнымъ скрипомъ тащущія снаряды всевозможныхъ размѣровъ. Наши солдаты тутъ точно у себя дома, и не разъ я бывалъ пораженъ тою легкостью, съ которою они усвоиваютъ языкъ, умѣнье обходиться съ чуждымъ народомъ. Все-то солдатъ разузнаетъ, все добудетъ, съ каждымъ какъ-то умудряется объясняться. Сколько разъ приходилось видѣть русскаго солдатика разговаривающимъ съ румыномъ, котораго никто изъ насъ не могъ, конечно, понимать, а онъ ведетъ-себѣ съ нимъ бесѣду, какъ будто бы всю жизнь прожилъ вмѣстѣ.

— Да на какомъ же языкѣ вы разговариваете между собою?—спрашивали при мнѣ солдата.

— Какъ на какомъ,—отвѣчалъ тотъ,—онъ по-своему, и я по-своему.

— Такъ вѣдь вы же не понимаете другъ друга?

— Какъ не понимать? Все понимаемъ!

И самое удивительное, это—то, что дѣйствительно понимали. Запомнилъ солдатикъ нѣсколько словъ по-румынски, а остальное дѣлаютъ жесты, мимика. Часто случалось войти въ какую-нибудь корчму или „ханъ“,

спросить что-либо, яйцо или арбузъ, не понимаютъ; — скажете солдату, онъ все сейчасъ объяснитъ и добудетъ. Вотъ ужъ тутъ безъ всякой ироніи можно сказать—удивительная способность у простого русскаго человѣка приспособляться ко всякому положенію. Много разъ приходилось впослѣдствіи ее подмѣчать въ нашемъ солдатѣ. По берегу Дуная весело было ѣхать,—все свое, все родное.

Но первый нашъ путь лежалъ среди пустыни, гдѣ не слышно человѣческаго звука, и мы думали только о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до Систова, этого перваго болгарскаго города. Уже поздно въѣхали мы въ Зимницу. Среди густого мрака ничего нельзя было разобрать, слышенъ былъ только шумъ, чувствовалась толкотня, но оріентироваться ночью не было возможности. На улицахъ, на площади, на которой, какъ мнѣ сказали, мы остановились,—ни единаго фонаря, ни единой плошки. Дальше ѣхать было нельзя, черезъ выстроенный нами мостъ вечеромъ не пускали, волей-неволей до утра пришлось оставаться въ Зимницѣ, совершенно незаслуженно получившей громкую извѣстность: лучше было-бы, если-бы никогда никто и не догадывался о существованіи этого гнилого мѣстечка.

Зимница производила какое-то одуряющее впечатлѣніе. Всюду толкается народъ, масса офицеровъ, всевозможныхъ чиновниковъ, все чего-то ищетъ и не находитъ, чего-то требуетъ и не получаетъ, все кричитъ, все сердится, все раздражено. Всюду сплошная грязь, грязь на улицахъ, грязь въ домахъ, грязь въ лавчонкахъ, и все биткомъ набито. Люди спятъ на дворѣ, на телѣгахъ, балконахъ, нѣтъ такого грязнаго пола, который не служилъ бы ложемъ для отправляющихся въ Болгарію. Торгаши ликуютъ, эксплуатируютъ минуту, всячески васъ отравляютъ, и вы волей-неволей отравляетесь. Вотъ ужъ когда можно было произнести: à la guerre comme à la guerre! Правда, потомъ, скоро приходилось испытывать несравненно бо́льшія лишенія, но за то эти лишенія не замѣча-

лись: то было время, когда вообще исчезало сознаніе о личной жизни.

Рано утромъ мы тронулись далѣе, въ Систово. Двѣ-три версты нужно было проѣхать, чтобы спуститься къ Дунаю, къ понтонному мосту на турецкій берегъ, наведеніе котораго такъ долго и съ такимъ трепетнымъ чувствомъ ожидалось всѣми русскими. Вотъ онъ, вотъ этотъ мостъ! Какъ хорошо вы ни знали бы по описаніямъ, по картамъ, по рисункамъ ту мѣстность, на которой происходили событія, вызывавшія въ васъ чуть не горячечное настроеніе, но когда въ дѣйствительности вы видите эту мѣстность своими собственными глазами, вы ощущаете совсѣмъ особое чувство.

— Смотрите, вотъ отсюда тронулись наши войска ночью, 14-го іюня!

— Видите, вонъ ту ложбинку, видите, тамъ два деревца, вонъ туда присталъ первый понтонъ!

— Взгляните на эту гору, тамъ вонъ и началась отчаянная схватка!

Вы слышите эти слова, вы смотрите туда, куда вамъ указываютъ, и вы точно переживаете этотъ моментъ, если только этотъ моментъ вызывалъ тревогу въ вашей душѣ.

Приблизительно такого рода чувство испытывалъ я, по дорогѣ къ понтонному мосту, въ то время, когда мой спутникъ, уже прежде здѣсь побывавшій, указывалъ мнѣ на различные пункты той мѣстности, гдѣ совершилась переправа.

Мы подъѣхали къ мосту. Повидимому, приходилось прождать здѣсь нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ переправиться на ту сторону, такъ какъ къ мосту тянулась безконечная вереница военныхъ повозокъ,—экипажи не должны были служить помѣхой. Но время проходило незамѣтно, все было ново, все интересовало, все увлекало. Пришла и наша очередь. Никто не спросилъ у насъ никакого разрѣшенія, и насъ пропустили. Трудно, ужасно трудно передать то ощущеніе—не то радости,

не то гордости,—которое невольно испытывалось, переходя черезъ этотъ длинный, въ 700 саженъ мостъ. Но не передать этого ощущенія, значило бы не передать и того настроенія, которое подчиняло себѣ, или, вѣрнѣе, заражало собою почти всѣхъ безъ исключенія, даже многихъ изъ самыхъ невѣрующихъ. Издали ко всему можно было, конечно, относиться трезвѣе, даже къ самымъ громкимъ, повидимому, успѣхамъ, но вблизи, на мѣстѣ, трудно было устоять противъ всеобщаго опьянѣнія.

Что же это за ощущеніе, что это за чувство? Словомъ „патріотизмъ" такъ часто злоупотребляютъ, такъ часто прикрываютъ имъ самыя недостойныя побужденія, самыя презрѣнныя стремленія, что когда это слово нужно произнести во всемъ его святомъ значеніи, является невольный страхъ: оно вызоветъ, пожалуй, одну улыбку. А между тѣмъ, какъ иначе выразить то чувство радости или горя, счастія или отчаянія, восторга или негодованія за родину, какъ именно этимъ словомъ „патріотизмъ". Кто не испыталъ никогда восторженнаго патріотизма, тому никогда не понять, съ какою силою этотъ самый патріотизмъ можетъ подчасъ вызывать негодованіе рядомъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ.

Да, чувство патріотизма, самаго чистаго, самаго восторженнаго, громко заявляло о себѣ въ эту минуту! Видъ съ боя взятаго Дуная, видъ турецкаго берега, орошеннаго уже русскою кровью, сознаніе, что Россія несетъ съ собою освобожденіе цѣлаго народа,—все это вмѣстѣ отуманивало голову и заглушало всѣ тревожныя думы о непрочности успѣховъ, созданныхъ не силою внутренняго развитія народа, а исключительно силою штыка или пушки. Это чувство патріотизма заставляло высоко подниматься грудь, воодушевляло сознаніемъ какой-то мощи, вѣры въ непобѣдимую силу народа, и впереди представлялось все такъ свѣтло, такъ радужно, что на душѣ становилось легко и отрадно. Не даромъ,—проносилась въ головѣ мысль,—русскіе солдаты нашли

здѣсь могилу, не даромъ пролилась русская кровь: весь Дунай, казалось, уже въ нашихъ рукахъ. Болгарія представлялась уже свободною, и если бы кто-нибудь, въ эту минуту, прервалъ такія мысли словами: не торопитесь радоваться, что-то будетъ еще впереди!—мнѣ кажется, нельзя было бы даже разсердиться, а только громко расхохотаться.

Переходя черезъ этотъ длинный мостъ, я въ воображеніи рисовалъ различныя сцены переправы. Вонъ, у той лощинки, что́ на-лѣво, на томъ берегу, пристаетъ первый понтонъ, среди ночной, безмолвной тишины высаживаются наши солдаты, смѣло смотрятъ они въ глаза смерти, раздаются первые выстрѣлы, подходитъ другой, третій понтонъ, и загорается первая отчаянная схватка, въ воздухѣ пронзительно свистятъ пули, и стоны падающихъ въ бою заглушаются грохотомъ пушекъ, все застилается дымомъ отъ ружейнаго и пушечнаго огня. Бой идетъ не на жизнь, а на смерть: нестройныя массы двигаются другъ на друга, все сближаясь и сближаясь, а отдѣльныя кучки народа все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ остервененіемъ завязываютъ смертельную борьбу. „Ну, гвардейцы, помогайте!"—раздается крикъ среди оглушающаго свиста пуль, и гвардейцы бросаются въ огонь—и выручаютъ товарищей, тѣснимыхъ врагомъ. Кровь льется, люди падаютъ, многихъ уже нѣтъ, и напрасно слышится крикъ: полковникъ, примите начальство! „Онъ убитъ!"—раздается гдѣ-то отвѣтъ.—„Ну, такъ майоръ, ведите солдатъ!"—Онъ раненъ!—„Батальонный командиръ... заступите мѣсто"...—Убитъ!—„Ну, кто остался въ живыхъ, пусть приметъ начальство!"—Но солдаты не ждутъ начальства, какъ львы бросаются они на врага, свистъ пуль становится рѣже, громъ орудійныхъ выстрѣловъ начинаетъ замирать, и тамъ, гдѣ только-что кипѣлъ бой, тамъ все уже стихло—слышатся только слабые стоны раненыхъ среди массы валяющихся окровавленныхъ труповъ!

Такова была картина, рисовавшаяся въ воображеніи,

когда я слушалъ безконечные разсказы о переправѣ—офицеровъ, участвовавшихъ въ бою, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ этотъ бой. Но, конечно, воображеніе во многомъ, если не во всемъ, уклонялось отъ дѣйствительности. Какъ бы то ни было, эти воспоминанія, эти мѣста, эти люди, даже этотъ несчастный понтонъ-инвалидъ, градомъ пуль превращенный въ какое-то рѣшето, и стоявшій теперь на берегу Дуная, гордо показывая свои раны,—все это вмѣстѣ взятое высоко поднимало ваше настроеніе, и вы не могли не ощущать, какъ сильная волна обдавала всѣ ваши чувства, всѣ ваши помыслы,—вы не могли устоять противъ могучаго прилива патріотизма. Сладкія иллюзіи мерещились вамъ! Вы видѣли, вы сознавали себя свободнымъ сыномъ своей родины, несущей жертвы для освобожденія родственнаго народа, иллюзія подсказывала вамъ, что сбросить цѣпи съ народа, томящагося въ неволѣ, можетъ только та сила, которая проникнута сознаніемъ безнравственности азіатскихъ порядковъ, препятствующихъ широкому развитію народной самостоятельности. Вы дышали уже свободно, принимая миражъ за дѣйствительность,—чувство ликующаго патріотизма до послѣднихъ предѣловъ возбуждало всѣ ваши нервы. Но чѣмъ сильнѣе испытывалось это чувство гордаго патріотизма, тѣмъ мучительнѣе было другое чувство, тоже патріотизма, но еще болѣе чистаго, вызывавшагося горечью, скорбью и униженіемъ. Къ счастію, или, пожалуй, несчастію, на это чувство пока была накинута еще завѣса. Тогда думалось одно: какъ счастливо и легко началась война, такъ должна она и кончиться! Слово критики—какъ ни дико звучало оно среди всеобщаго восторга—но это слово прорывалось по-временамъ и тогда. Какъ сейчасъ помню, въ первый же день моего пріѣзда въ Систово, мы отправились бродить по городу и вышли на берегъ Дуная. Пропасть народа, русскіе солдаты и болгары толпятся на берегу. Всѣ хотѣли посмотрѣть на турецкихъ плѣнныхъ, которыхъ должны были привести изъ Никополя.

Скоро показалась первая партія, и все зашевелилось. Мое вниманіе было поглощено не столько видомъ этого крѣпкаго и сильнаго народа, хорошо одѣтаго и обутаго, сколько наблюденіемъ надъ высыпавшими на улицу болгарами: какъ-то они будутъ относиться къ своимъ обезоруженнымъ врагамъ. Ни насмѣшекъ, ни крика, ни брани, никакихъ озлобленій не дозволяли себѣ болгары. Всегда сердечный, всегда добрый русскій солдатъ сказался и здѣсь,—какъ въ тѣхъ замѣчаніяхъ, какія слышались на счетъ турокъ въ толпѣ, такъ и въ тѣхъ подачкахъ, которыя нѣкоторыми изъ нихъ дѣлались плѣннымъ туркамъ. Я замѣтилъ, какъ двое, трое сунули имъ въ руки табачку.

— Жаль развѣ тебѣ *его?*—спросилъ кто-то у одного изъ толпы солдатиковъ.

— Жаль, не жаль,—отвѣчалъ онъ,—а вѣдь тоже не своей волей пошелъ онъ. Приказали драться, ну—онъ и дерется!

Теперь не разсуждаетъ болѣе такъ русскій солдатъ, но ужъ, конечно, не его въ томъ вина, если нѣтъ у него больше жалости къ туркамъ. Чаша истязаній, звѣрствъ, варварскаго обращенія турокъ съ ранеными и убитыми русскими переполнилась черезъ край.

На берегу стоялъ понтонъ, готовившійся отчалить, мы сѣли въ него и переѣхали на румынскій берегъ. У самаго почти моста разбросаны были палатки моряковъ, къ нимъ-то мы и направились. Двадцать разъ описывалось то особое чувство какой-то близости, нѣжности, испытываемое на чужбинѣ, на войнѣ, при встрѣчѣ съ старымъ знакомымъ, да еще военнымъ. Мысль, невольно мелькающая въ головѣ: ну, слава Богу, еще живъ, не раненъ!—какъ-то согрѣваетъ людскія отношенія. Я встрѣтилъ среди моряковъ нѣсколькихъ знакомыхъ, и послѣ обычныхъ вопросовъ: „ну, что́, ка̀къ живете“ и т. д. въ этомъ же родѣ, разговоръ тотчасъ же перешелъ къ военнымъ дѣйствіямъ и, конечно, прежде всего къ переправѣ. Я не рѣшаюсь передавать слышанныхъ мною эпи-

зодовъ, разсказовъ о геройскихъ чертахъ нашего войска: большинство изъ нихъ или извѣстно, или сдѣлается извѣстнымъ черезъ самихъ очевидцевъ.

Наслушавшись и начитавшись о переправѣ всевозможныхъ описаній, я уже какъ-то свыкся съ мыслію, что переправа 15-го іюня была результатомъ геніальнаго плана, геніально приведеннаго въ исполненіе. Тѣмъ болѣе сильно было мое удивленіе, когда среди живыхъ разсказовъ я услышалъ объ этой самой переправѣ совсѣмъ противоположное мнѣніе.

— Полноте, пожалуйста, восхищаться,—заговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ:—мнѣ, признаюсь, даже скучно читать, какой вздоръ пишутъ объ этой переправѣ: удалось, ну, и стали толковать о глубокой обдуманности плана, о невѣроятномъ военномъ подвигѣ,—все это пустяки, тутъ было не искусство, а счастье да совершенная неприготовленность турокъ къ защитѣ своихъ береговъ.

Это рѣзкое мнѣніе обрушило цѣлую бурю на нашего собесѣдника, всѣ моряки протестовали и доказывали противное.

Не будучи военнымъ, я, разумѣется, не могъ имѣть своего мнѣнія, и такъ какъ большинство опытныхъ людей считали это дѣло геніальнымъ, то значитъ, рѣшилъ я, оно было дѣйствительно геніально. Одно, конечно, нѣсколько смущало меня—это видъ крутого берега Дуная. Будь эти горы, представлявшія неприступныя позиціи, сколько-нибудь защищены, во всякомъ случаѣ, переправа не стоила бы намъ такъ дешево. А если укрѣплены и защищаемы сколько-нибудь порядочно они не были, то, значитъ, не было и никакой геніальности. Впрочемъ, побѣдителя не судятъ, и потому я продолжалъ считать переправу дѣломъ геніальнымъ, и постарался забыть легкомысленное сужденіе одного изъ нашихъ собесѣдниковъ.

Но не прошло и шести недѣль, какъ мнѣ пришлось вспомнить эти слова. Мы переживали критическія, отврати-

тельныя минуты. Вмѣсто громкихъ побѣдъ, вмѣсто тріумфальнаго шествія въ Константинополь, одна неудача слѣдовала за другою, страшная боль щемила сердце, и ѣдкіе упреки раздавались всюду разнымъ начальствующимъ лицамъ.

— Какъ же вы объясняете, — спросилъ я однажды, слушая рѣзкую критику нашихъ военныхъ дѣйствій, у одного изъ самыхъ компетентныхъ лицъ: — что тѣ же лица, которыя съумѣли такъ геніально совершить переправу, оказались такъ несостоятельны въ осуществленіи дальнѣйшаго плана кампаніи?

— Во-первыхъ, — запальчиво отвѣчалъ онъ, — для меня совершенно ясно, что никакого плана тутъ никогда и не было, а если онъ и былъ, то лучше ужъ не говорить о немъ, если, впрочемъ, этотъ планъ — съ горькою ироніею добавилъ онъ — не состоялъ въ томъ, чтобы турки били насъ послѣ на каждомъ шагу и чтобы мы утратили всякое обаяніе хотя бы только военнаго могущества! А во-вторыхъ, самая переправа, которая представляется вамъ такою геніальною, въ дѣйствительности ничего подобнаго въ себѣ не заключаетъ. Переправа эта удалась, да,—но только потому, что турки въ первое время не были вовсе готовы къ войнѣ. Вы знаете, что̀ они придумали для охраны своихъ береговъ?

Я охотно сознался, что ничего не знаю.

— Вотъ они такъ придумали, — продолжалъ почтенный старецъ: — по-истинѣ геніальный планъ!

И онъ сталъ мнѣ разсказывать, въ чемъ заключался этотъ планъ. По его словамъ, у турокъ въ первое время было такъ мало войска, и войско это было притомъ такъ разбросано, что турецкій главнокомандующій рѣшилъ, что ему нѣтъ возможности защищать весь берегъ, а нужно ограничиться однимъ наблюденіемъ. Для наблюденія же берега отъ Рущука до самаго Никополя онъ учредилъ отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы ходить взадъ да впередъ. Сегодня выйдетъ отрядъ изъ Рущука по направленію къ

Никополю, дѣлаетъ себѣ стоянки, дойдетъ до Никополя, и снова тѣмъ же порядкомъ обратно.

— Нужно было такъ случиться,—говорилъ мой собесѣдникъ,—какъ разъ въ ту ночь, когда совершалась переправа, этотъ отрядъ подошелъ къ Систову и тутъ сдѣлалъ привалъ. Будь переправа рѣшена наканунѣ или на слѣдующій день, когда этотъ отрядъ вышелъ бы изъ Систова, переходъ черезъ Дунай не стоилъ бы намъ, можетъ быть, и ста человѣкъ!

Я рѣшительно недоумѣвалъ, говорилъ онъ серьёзно или нѣтъ, было ли въ дѣйствительности что-либо подобное, или этотъ турецкій планъ былъ придуманъ ироніи ради; я, разумѣется, склонялся болѣе къ послѣднему, но для меня было ясно одно, что къ удачному переходу черезъ Дунай стали относиться съ большимъ скептицизмомъ.

Быть можетъ, генералъ замѣтилъ мои недоумѣнія, и потому прибавилъ еще:

— Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, вы полагаете, что переправа могла бы совершиться такъ благополучно, если бы турки мало-мальски защищали свои великолѣпныя позиціи. Конечно, хорошо сдѣлали, что воспользовались неслыханною оплошностью врага, можно радоваться, что переходъ черезъ Дунай стоилъ сравнительно такъ мало крови, но не нужно же и кричать о восьмомъ чудѣ свѣта, когда чуда въ дѣйствительности не было, не нужно кричать о великой страницѣ въ военной исторіи.

Я не могъ не вспомнить французскаго выраженія: les vaincus ont tort; но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не согласиться, что послѣдующія военныя событія какъ будто нарочно оправдывали тѣхъ, которые понимали эти слова въ ихъ подлинномъ смыслѣ.

ГЛАВА IV.

Въ Систовѣ—и до Тырнова.

Мостъ былъ уже позади. Мы стояли на турецкомъ берегу. Какое отрадное чувство испытывалъ каждый, вступая на непріятельскую землю! Трудно передать вѣрную картину настроенія, о немъ можно только догадываться. Словомъ, вы присутствовали при какомъ-то праздникѣ, народномъ торжествѣ, когда забываются всѣ будничныя тревоги, когда съ сердца спадаетъ всякое горе. Вы увлечены общимъ потокомъ веселья, ликованья; когда толпа улыбается,—ея улыбка дѣйствуетъ на васъ точно электрическимъ токомъ, прогоняя отъ васъ все тревожное, все подавляющее. На турецкомъ берегу, на который въ то время мы смотрѣли уже какъ на „нашъ" берегъ, была еще бо́льшая давка, чѣмъ на румынскомъ. Фуры, экипажи, конные, пѣшіе,—все толпилось, тѣснилось, каждый старался какъ-нибудь опередить другого—и отсюда еще бо́льшій хаосъ. Коляски сталкивались съ обозами, лошади цѣплялись, люди кричали, понукая лошадей, вязшихъ въ грязи. Дорога страшная: грязь въ полъ-аршина глубины, еле-еле можно двигаться, а тутъ нужно карабкаться на гору. Казалось, конца не будетъ, лишь бы добраться до Систова. Несчастныя, замученныя лошади, выбившись изъ силъ, все-таки втащили насъ въ городъ.

Систово былъ первый непріятельскій городъ, попавшійся на моемъ пути, — и, какъ первый, онъ не могъ особенно не поразить своимъ видомъ. Узкія, грязныя улицы, мечети съ красивыми минаретами, точно кипарисы, высящіеся въ воздухѣ, дома, окруженные каменными заборами,—все, естественно, носило на себѣ тотъ ярко-восточный характеръ, который тутъ производилъ на меня еще, можетъ быть, бо́льшее впечатлѣніе, чѣмъ даже въ Константинополѣ, куда европейская жизнь пропустила все-таки свои слабые лучи.

Если и въ обыкновенное время Систово должно было производить какое-то новое, оригинальное впечатлѣніе, то теперь это впечатлѣніе еще усиливалось тѣмъ характеромъ „завоеваннаго" города, который такъ рѣзко сказывался на каждомъ шагу. Пройдите по любой улицѣ, присмотритесь къ любому дому,—и вы невольно будете озадачены тѣми знаками, тѣми надписями, которые вы замѣтите или прочтете на каждой стѣнѣ. На одномъ домѣ стоитъ огромный крестъ, начерченный мѣломъ, на другомъ поражаетъ васъ надпись на русскомъ языкѣ, но съ ошибками: „домъ христіанина!" или: „домъ болгарина". Точно послѣ Варѳоломеевской ночи! Да,—что́ говорить,—эта роковая ночь должна была придти на память, если бы кто-либо въ Систовѣ, въ памятную ночь съ 14 на 15 іюня, могъ спокойно думать о томъ, что̀ происходило въ этомъ городѣ!

На турецкихъ домахъ не было никакой надписи, но за то эти дома были покинуты, разорены и даже, увы!—разграблены. Понимаете вы теперь смыслъ этихъ крестовъ, этихъ надписей? Не трудно было догадаться, но я все-таки, не испытывая еще тогда всей силы страстнаго чувства мести и несмотря на боязнь услышать отвѣтъ, подтверждающій мои опасенія, не могъ удержаться, чтобы не спросить, что́ значатъ эти фатальныя помѣты?

— Они означаютъ, — получилъ я въ отвѣтъ, — что люди, прежде всего, — звѣри, со всѣми ихъ хищническими инстинктами. Эти кресты, эти надписи остались

отъ 15-го числа: они должны были спасать отмѣченные такимъ образомъ дома отъ разъяренной толпы болгарскихъ жителей, которая, при приближеніи русскихъ, накинулась на турокъ, на ихъ жилища, на ихъ достояніе, на ихъ жизнь. Видите вы этотъ домъ, полу-разрушившійся, опустѣлый? загляните во внутрь—тамъ все переломано, перебито; присмотритесь ближе,—быть можетъ, вы замѣтите еще слѣды запекшейся крови; это домъ турка: тутъ произошло разграбленіе, убійство, а тотъ, кто грабилъ, кто убивалъ, — тотъ зовется болгариномъ, котораго вы пришли спасать, освобождать отъ необузданнаго турецкаго звѣрства! Посмотрите на другіе турецкіе дома: какъ одинъ, такъ и другой, — исключеній нѣтъ, дикая толпа сравняла ихъ всѣ до одного!

Едва ли это было не первое обвиненіе, не первое свирѣпое нападеніе на болгаръ, которое мнѣ приходилось слышать,—и, высказанное въ такой рѣзкой формѣ, оно должно было поразить болѣе, чѣмъ непріятно. Впослѣдствіи, и даже очень скоро, я привыкъ къ этимъ нападкамъ,—кто ихъ только не дѣлалъ!—обвиненіе болгаръ получило право гражданства, оно превратилось въ самое общее, банальное мѣсто. Но тогда, въ Систовѣ, оно было для меня еще ново. Въ то время у меня не было еще запаса фактовъ, которыми я могъ бы доказать всю несправедливость такого обвиненія, я не понималъ еще такъ ясно нечеловѣческаго турецкаго гнета, лишавшаго болгаръ даже права считать себя людьми, потому я не могъ заставить моего противника замолчать, развертывая передъ нимъ картину душу-потрясающихъ турецкихъ изувѣрствъ, не только оправдывавшихъ, но дѣлавшихъ справедливою — и даже законною — вспышку безумной, неистовой мести.

Волей-неволей, мнѣ приходилось защищаться теоретически, доказывая, что сила мести опредѣляется силою гнета, вѣковыхъ преслѣдованій и униженія человѣческаго достоинства. Но противъ теоріи такъ легко было возражать другою теоріею, пожалуй, болѣе возвышенною, но,

во всякомъ случаѣ, менѣе справедливою Этою теоріею и пользовался мой собесѣдникъ.

— Если вы допускаете, — возражалъ онъ на мои теоретическіе доводы, — месть, какъ законный элементъ въ жизни народовъ, то чѣмъ же тогда отличается міръ христіанскій отъ міра магометанскаго,—люди евангелія отъ людей корана? Если одни, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣлаютъ то же, что́ и другіе, то тогда идите до конца и признайте, что въ мірѣ господствуетъ только право сильнаго! Кто сильнѣе—тотъ бьетъ, угнетаетъ, убиваетъ болѣе слабаго, до тѣхъ поръ, пока послѣдній, въ свою очередь, не сдѣлается болѣе сильнымъ! И тогда снова начинается та же исторія, только въ обратномъ отношеніи. Слабый сегодня, сильный завтра,—оба держатся одного начала, до котораго только и доработалась европейская цивилизація,—начала дикаго, варварскаго, выражающагося въ словахъ: „огонь и желѣзо!“

Съ отвлеченной точки зрѣнія, въ этихъ словахъ, конечно, была истина, но отвлеченная точка зрѣнія менѣе всего примѣнима къ временамъ острыхъ кризисовъ въ народной жизни. Золотой вѣкъ справедливости не наступилъ еще для народовъ, а пока не пришло еще его царство, до тѣхъ поръ не смиреніе и покорность нужно проповѣдывать людямъ, а страстную борьбу и ненависть къ тѣмъ, кто ихъ угнетаетъ. Если болгарамъ можетъ быть сдѣланъ какой-либо упрекъ, то развѣ только тотъ, что, благодаря пятисотлѣтнему гнету, они утратили энергію сопротивленія, силу къ систематической борьбѣ съ врагомъ, въ ихъ характерѣ явилась какая-то усталость, робость, въ нихъ приниженъ тотъ гордый народный духъ, который воспитывается вѣковымъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства. Но у однихъ ли болгаръ замѣчаются такія черты? У нихъ, по крайней мѣрѣ, онѣ нѣсколько оправдываются дикимъ чужеземнымъ гнетомъ.

Мудрено ли, что когда, вслѣдствіе внутренняго броженія, поддержаннаго постороннею силою, наступаетъ,

наконецъ, пробужденіе народнаго духа, появляется горькое сознаніе своего вѣкового униженія,—тогда выходитъ наружу вся скопившаяся злоба, и эта злоба брызжетъ сценами насилій, разграбленій, убійствъ. Неужели несправедливо будетъ признать, что во всѣхъ яростныхъ проявленіяхъ этой законной злобы двигаетъ не алчность, не корысть, а рука мщенія за попранную честь, за погибшія десятками тысячъ жизни, за поруганную народную независимость.

— Оправдывайте эти болгарскіе грабежи и убійства нравственными и историческими соображеніями,—оттого они мнѣ не сдѣлаются менѣе ненавистны, только я предупреждаю васъ, что вы скоро откажетесь отъ этой модной защиты болгарскаго народа. Они не меньше звѣри, какъ и тѣ турки, которыхъ вы такъ обвиняете!

Но пророчество это не сбылось, и болѣе близкое знакомство съ болгарскимъ народомъ и болгарскими несчастьями убѣдило меня только въ нравственной слѣпотѣ всѣхъ тѣхъ, которые разсуждаютъ подобнымъ образомъ. О причинахъ такого отношенія къ болгарамъ мнѣ придется говорить въ слѣдующей главѣ,—теперь же, передавая этотъ разговоръ, мнѣ хотѣлось только показать, что съ самыхъ первыхъ дней, почти-что съ первыхъ минутъ вступленія въ Болгарію, прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ приглядѣться къ болгарамъ,—пошла уже въ ходъ эта брань сплеча, свидѣтельствующая только о крайне-легкомысленномъ и часто невѣжественномъ отношеніи къ болгарамъ, а вовсе не доказывающая, чтобы брань эта была заслуженная.

И съ какою поразительною легкостью устанавливается и распространяется подобное отношеніе къ народу, какого не должна была бы допускать ужъ если не справедливость, то самая элементарная политика. Наши войска идутъ умирать за освобожденіе славянъ, а мы не находимъ ничего лучшаго и болѣе умнаго, какъ предавать осмѣянію и даже поруганію этихъ самыхъ славянъ. Многое, конечно, оправдывается размашистостью

натуры, но однако и этой размашистости долженъ же быть предѣлъ. А то, пришли мы въ Румынію—и спѣшимъ всячески осмѣять ихъ и доказать имъ наше презрѣніе; пришли въ Болгарію—и тотчасъ же принимаемъ въ отношеніи къ цѣлому народу, да еще какому—забитому и замученному!—тотъ старый крѣпостническій помѣщичій тонъ, который переводится на брань да извѣстное количество ударовъ нагайкою.

У насъ довольно одного какого-нибудь самаго пустого частнаго случая, чтобы вывести общее заключеніе о цѣломъ народѣ: пусть это заключеніе будетъ несправедливо,—стóитъ ли о томъ думать и говорить? Частные же случаи, возбуждавшіе наше недовольство болгарами, разумѣется, представлялись, и въ Болгаріи, по эту сторону Балканъ, не могли не представляться уже просто въ силу тѣхъ историческихъ событій, съ которыми связаны были наши предшествовавшія войны съ Турціею. Я живо помню непріятное впечатлѣніе, произведенное на меня въ первый же день моего пребыванія въ Болгаріи, при самомъ первомъ столкновеніи съ болгарами. Въ Систовѣ не было ни одного дома, ни одного угла, не занятаго нашими офицерами, солдатами и другими лицами громадной военной администраціи. Многимъ приходилось ночевать на улицѣ, и я думаю, что это не были еще самые несчастные. Я не зналъ, куда мнѣ дѣваться, когда я встрѣтилъ одного знакомаго симпатичнаго офицера, который, прежде чѣмъ даже поздороваться, спросилъ меня, гдѣ я остановился. Получивъ въ отвѣтъ лаконическое „нигдѣ", онъ тотчасъ же предложилъ мнѣ раздѣлить съ нимъ, да еще съ двумя офицерами, небольшую, отведенную имъ комнатку въ одномъ изъ болгарскихъ домовъ. Мы отправились.

— Ну „братушки!" вотъ народецъ-то! не стоитъ изъ-за нихъ воевать!

— А чтó, въ чемъ они провинились?

— Представьте себѣ,—сталъ онъ разсказывать мнѣ,—какая исторія! Въ Систовѣ, вы сами видите, народу тьма,

дѣваться некуда; а не проводить же намъ ночи на дворѣ, еще успѣемъ—будетъ всего! Комендантъ переписалъ всѣ дома, всѣ квартиры, которыя и отводитъ пріѣзжающимъ въ армію офицерамъ. Двумъ молодымъ офицерамъ и мнѣ указали на одинъ домъ. Мы отправились. Ворота на запорѣ. Стучимъ. Нѣтъ отвѣта. Еще стучимъ. Изъ-за воротъ, слышимъ, кричитъ какая-то баба. Спрашиваемъ у переводчика: да въ чемъ же дѣло? Оказывается, что хозяйка не хочетъ пускать. Мы къ коменданту. Дали намъ полицейскую стражу, которая должна была болѣе убѣдительно подѣйствовать на хозяйку. Та покорилась и впустила насъ. Но ужъ за то всячески старалась намъ доказать свою нелюбовь. Спросишь что нибудь, только и получишь одинъ отвѣтъ: не-ма! Предлагаешь деньги, показываешь хозяевамъ, берите, только давайте,—ничего добиться нельзя. Насъ было трое, дала намъ она крошечную комнату, а большая, пустая, комната рядомъ, а пустить насъ не хочетъ, такъ и не пустила. Вотъ они, болгары-то, ихъ любовь, симпатія, родственное чувство, благодарность! а за нихъ льется русская кровь!

Непріятно подѣйствовалъ на меня этотъ разсказъ, какое-то сомнѣніе закрадывалось въ душу. Хотя я и зналъ, что, строго говоря, болгарамъ не за что насъ особенно любить, не много мы сдѣлали имъ прежде добра, но все-таки побольше радушія бы не мѣшало! Убѣдившись, впрочемъ, еще въ Румыніи, въ существованіи у насъ замашки требовать себѣ поклоненія и возмущаться и негодовать, не встрѣчая въ нашихъ активныхъ или пассивныхъ союзникахъ подобострастнаго къ себѣ отношенія, я невольно подумалъ, что, должно быть, и здѣсь, въ этомъ частномъ случаѣ, случилось что-либо подобное, вызвавшее въ хозяевахъ-болгарахъ нѣкоторое сопротивленіе. Но на этотъ разъ я ошибался. Хозяева-болгары, изъ зажиточнаго класса, оказались дѣйствительно негостепріимными. Всѣ убѣжденія, всѣ просьбы, предложеніе денегъ, ничто не помогло, и какъ мы ни уговаривали ихъ, они не дали намъ сосѣдней пустой комнаты и въ крошечной коморкѣ застави-

ли провести двѣ ночи цѣлыхъ пять человѣкъ. Ничего отъ нихъ нельзя было добиться, даже воды не давали они намъ охотно. Какъ ни смутило меня это первое непріятное знакомство съ болгарами, но я былъ далекъ отъ мысли выводить изъ него какое-либо заключеніе. Такое отношеніе къ намъ во время войны изъ-за болгаръ представлялось мнѣ болѣе или менѣе исключительнымъ, въ чемъ впослѣдствіи я и убѣдился вполнѣ. Мнѣ ни разу затѣмъ во все мое пребываніе въ Болгаріи не случалось встрѣчать больше такого негостепріимства, такой непріязни, какъ у систовскихъ хозяевъ, да и ихъ поведеніе для меня вполнѣ сдѣлалось понятно, когда я узналъ, что эти люди принадлежали къ тому элементу, который зовется чорбаджи.

А между тѣмъ именно на основаніи нѣсколькихъ подобныхъ фактовъ и пошла среди насъ дурная слава о болгарахъ. Нѣтъ ничего легче, вѣдь, какъ обобщать такого рода факты. Одно было все-таки поразительно, это— та быстрота, съ которою установилось неблагопріятное мнѣніе о болгарахъ. Достаточно было провести въ Систовѣ день, два, чтобы вполнѣ въ этомъ убѣдиться. Стоило лишь зайти въ небольшой, но отвратительно грязный трактиръ, расположившійся въ какомъ-то саду, чтобы вдоволь наслышаться самыхъ рѣзкихъ сужденій о болгарахъ. Этотъ трактиръ въ сущности былъ какимъ-то клубомъ, въ который стекались всѣ проѣзжающіе въ армію. Цѣлый день тутъ происходила оживленная бесѣда, незнакомыхъ между собою не было, война всѣхъ сблизила. Общій тонъ былъ самый радушный, ликующій. Одинъ съ увлеченіемъ передавалъ различные эпизоды переправы, которая носилась еще въ воздухѣ, другой разсказывалъ подробности занятія Тырнова, третій, только-что вернувшійся изъ Никополя, яркими красками рисовалъ наше новое торжество. Всѣ были веселы и такъ настроены, какъ будто бы война уже близилась къ концу: сегодня палъ Никополь, завтра падетъ Рущукъ, затѣмъ быстро Адріано-

поль, и мы достигли нашей желанной цѣли—столицы магометанскаго міра.

— Въ сентябрѣ вернемся домой!—произнесъ кто-то, и, разумѣется, никто не рѣшался возражать, всѣ были одного мнѣнія. Кто не былъ увлеченъ!

— Поѣзжайте скорѣе въ Тырново, чего добраго, тамъ ужъ не застанете главной квартиры, придется вамъ опять догонять! Я соглашался, что нужно спѣшить, и торопилъ моего спутника.

— Успѣете, не безпокойтесь, вы ужъ, кажется, и въ самомъ дѣлѣ повѣрили, что война близится къ развязкѣ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается! Не знаю, какъ на васъ, а на меня вся эта хвастливость производитъ самое дурное впечатлѣніе. Судите сами, ни одна изъ сильныхъ турецкихъ крѣпостей не досталась еще намъ въ руки, не было ни одного настоящаго сраженія, а мы ужъ стоимъ подъ стѣнами Константинополя.... въ воображеніи, конечно! Каждый народъ, а народъ-фанатикъ въ особенности, такъ легко не отдастъ своей независимости,—вѣдь и у турокъ есть же національная честь! Покамѣстъ мы еще дешевые побѣдители, а что̀ будетъ дальше—не знаю!

Я не сталъ настаивать на немедленномъ отъѣздѣ, отсрочивъ его до ближайшаго утра. На слѣдующій день я выѣхалъ изъ Систова по пути въ Тырново въ самомъ радужномъ настроеніи. Погода стояла великолѣпная, солнечные лучи палили, все имѣло какой-то веселый, довольный видъ, и люди, и природа, и этотъ общій розовый колоритъ отзывался и на вашемъ внутреннемъ настроеніи. Правда, иной разъ, точно тучка, промелькнетъ въ головѣ дума о будущемъ, что̀-то впереди, воображеніе спѣшило на помощь этому внутреннему запросу, и показывало въ туманѣ едва замѣтный уголокъ той картины, которая со страхомъ заставляла васъ отступать передъ этимъ багровымъ будущимъ. Я гналъ отъ себя эти докучливыя думы и, отгоняя прочь свои невольныя сомнѣнія и опасенія, на всѣ лады повторялъ себѣ: ну,

что-жъ! да, придется быть свидѣтелемъ тяжелыхъ кровавыхъ сценъ, но за то я буду свидѣтелемъ и самыхъ отрадныхъ, славныхъ событій!... Ахъ, какъ мучитъ васъ подчасъ тотъ другой духъ, слившійся съ вами, и все-таки точно живущій независимою отъ васъ жизнію, который точно бѣсъ мутитъ всѣ ваши думы, заостряетъ горе, общипываетъ радости. Этотъ внутренній духъ не покидаетъ васъ никогда, не покинулъ онъ меня и теперь, не вторилъ онъ моимъ розовымъ надеждамъ быть свидѣтелемъ счастливыхъ событій, а, точно поддразнивая и раздражая, не переставалъ нашептывать: да такъ ли! это еще не рѣшеный вопросъ! Я чувствовалъ себя безсильнымъ бороться съ этимъ лукавымъ духомъ сомнѣнія и напрасно старался заглушить раздражающій шопотъ стихомъ родного поэта: даромъ ничто не дается, судьба жертвъ искупительныхъ проситъ! Но сколько же этихъ жертвъ еще впереди!

Великолѣпная дорога разстилалась передъ нами, красивая природа, превосходное шоссе, образцовые мосты, мраморные фонтаны съ чистою, холодною водою. Да гдѣ мы? неужели въ нецивилизованной, дикой Турціи, и мысль о родинѣ опять возникала въ вашемъ представленіи и горькія сравненія повергали васъ снова въ неотвязчивую хандру. Эта родина, любовь къ ней, разжигаемая военными событіями, да еще на чужбинѣ, точно полонитъ всѣ ваши чувства, всѣ ваши помыслы. Все, что́ ни видите вы, все, что́ ни слышите, все заставляетъ васъ переноситься туда, далеко, къ непривѣтливымъ деревнямъ, селамъ, городамъ, лѣсамъ и степямъ, непривѣтливымъ— да, но, тѣмъ не менѣе, роднымъ, близкимъ вашему сердцу. Что бы тамъ ни говорили, не наступила еще пора космополитизма. Если въ мирное время онъ порой и закрадывается въ душу, то война уноситъ его, не оставляя по немъ даже и слѣда.

Некрасивое, безъ сомнѣнія, чувство зависть, а вѣдь зависть, и ничто другое, вызывала во мнѣ неотрадныя мысли о родинѣ, въ то время, когда взоръ останавли-

вался на этихъ дорогахъ, мостахъ, фонтанахъ, убѣдительно говорившихъ объ извѣстной благоустроенности страны. Вонъ турки, думалось мнѣ, и тѣ обзавелись внѣшнимъ европеизмомъ, а ужъ на что варвары, отчего же у насъ нѣтъ ни такихъ дорогъ, ни такихъ мостовъ и фонтановъ! Какая-то досада заговорила во мнѣ, когда одинъ изъ моихъ спутниковъ, точно подслушавъ эти разсужденія съ самимъ собою, обратился ко мнѣ почти съ тѣми же словами.

— Вотъ,—заговорилъ онъ,—вы браните все турокъ, а посмотрите, какъ эта дикая, по-вашему, орда заботится о нуждахъ края. Гдѣ у насъ такія дороги, такіе мосты и фонтаны? Развѣ кругомъ Петербурга, да Москвы, а тамъ, гдѣ эти дороги, мосты, да вода нужны для русскаго мужика, тамъ всюду вы встрѣтите одни ухабы, развалившіяся жердочки, да гнилую воду, если по близости, по счастію, нѣтъ здоровой рѣчной воды.

— Чему же вы это приписываете?—робко попробовалъ я начать споръ.—Я бы еще понималъ васъ, если бы турецкій политическій строй предоставлялъ бо́льшій просторъ общественной дѣятельности, чѣмъ то́ существуетъ у насъ, но вѣдь этого нѣтъ. Вы никакъ не можете утверждать, чтобы Турція опередила насъ въ развитіи общественной жизни; слишкомъ достаточно мнѣ кажется и того, если вы признаете, что мы стоимъ въ этомъ отношеніи на одной съ ними ступени, чтобы нужно было еще усиливать сѣрыя краски нашихъ общественныхъ неурядицъ.

— Не горячитесь,—услышалъ я возраженіе:—къ чему переносить споръ на почву общихъ началъ государственной жизни; я говорю вѣдь только о будничныхъ интересахъ, о дорогахъ, мостахъ, а вы желаете бросить мнѣ укоръ, что я защищаю преимущество турецкой системы передъ нашей. Я вѣдь знаю, что вы тотчасъ осѣдлаете вашего боевого коня и растопчете меня турецкими злодѣяніями, рѣзнею христіанъ, замученными болгарами. Я могъ бы, можетъ быть, сказать кое-что и по этому по-

воду, но къ чему задѣвать струны, видимо васъ раздражающія. Будемъ лучше разсуждать о дорогахъ да мостахъ.

Я былъ радъ, что завязавшійся между нами споръ такъ неожиданно обрывался, я не чувствовалъ себя особенно сильнымъ, а потому охотно отвѣчалъ:

— Извольте, будемъ говорить о дорогахъ и мостахъ. Да, шоссе вездѣ великолѣпное, мосты превосходные, но что же изъ этого? Все это созданіе Митхада-паши, плоды его фантазіи, его каприза.

— А не думаете ли вы, что капризы капризамъ рознь, и что уже если во всемъ, что̀ мы видимъ, вы не желаете признавать ничего иного, какъ капризы, то ужъ лучше такіе капризы, чѣмъ многіе другіе, и что такихъ капризовъ дай Богъ побольше, а другихъ капризовъ дай Богъ поменьше.

Я молчалъ, да и что̀ было возражать! Соглашаться не дозволяло мнѣ вѣрно или фальшиво понимаемое чувство національнаго достоинства, оспаривать не допускало чувство справедливости. Умолкъ и мой собесѣдникъ, каждый ушелъ въ свои думы, и опять заговорилъ тотъ внутренній, безпокойный духъ анализа и сомнѣнія, незнающій жалости къ безсильному человѣчеству. Этотъ безпокойный духъ не давалъ отдыха, онъ мѣшалъ сосредоточиться на окружавшихъ насъ красотахъ природы, на прелести балканскихъ отроговъ, среди которыхъ такъ картинно—то тутъ, то тамъ разбросаны были лагери небольшихъ русскихъ отрядовъ. „Не время,—твердилъ этотъ духъ,—наслаждаться природою, постыдно предаваться эстетическимъ ощущеніямъ, когда судьба потребовала отъ твоей родины столько кровавыхъ жертвъ, когда наступилъ день свести счеты за все, что̀ сдѣлано и что̀ не сдѣлано“. А счетъ этотъ былъ грозный.

Повидимому, въ этотъ день судьба сговорилась съ этимъ внутреннимъ бичующимъ духомъ и пожелала наказать гордую увѣренность въ нашемъ превосходствѣ надъ вѣковымъ врагомъ болгарскаго народа. Она показала намъ кусочекъ той картины, такъ быстро развер-

нувшейся во всей ея грандіозной величинѣ, которая должна была бы заставить русское общество сгорѣть со стыда, содрогнуться отъ отчаянія и напрячь всѣ свои силы,—чтобы поскорѣе раздѣлаться съ его нравственной дремотой, съ его крохотными практическими стремленіями и мощною рукою взяться за крупные интересы родины. Не доѣзжая двухъ-трехъ верстъ до села Павло, мы издалека заслышали уже раздражающій скрипъ болгарскихъ телѣгъ, запряженныхъ волами.

— Ну, опять везутъ снаряды!—замѣтилъ одинъ изъ насъ.

Но везли не снаряды. Приблизился обозъ изъ двадцати или тридцати телѣгъ, и воздухъ огласился такою отвратительною музыкою, что всѣ ваши нервы приходили въ движеніе. Передъ нами былъ первый встрѣченный мною транспортъ раненыхъ. Какими словами могу я передать то невыносимо ѣдкое впечатлѣніе, которое не могъ не испытывать самый бездушный человѣкъ при подобной ошеломляющей встрѣчѣ. Нѣтъ такихъ словъ. Для того, чтобы каждый понялъ всю безчеловѣчность той пытки, которой подвергали русскихъ раненыхъ солдатъ, вызывающихъ къ себѣ на словахъ такое нѣжное участіе, такую подчасъ приторную сентиментальность, нужно взять человѣка, подвести его къ одной изъ такихъ телѣгъ и сказать: смотри! видишь ты, какъ въ этой телѣгѣ лежатъ нѣсколько страдальцевъ, видишь ты эти изнуренныя, нѣтъ—не изнуренныя, изможденныя лица, эту мертвенную блѣдность, нѣтъ—даже не блѣдность, а какія-то маски смерти, съ тѣмъ только различіемъ, что на этихъ маскахъ видно спокойствіе смерти, а тутъ во взглядѣ, въ выраженіи, въ складкѣ губъ, въ глазахъ не спокойствіе чувствуется, а невыносимыя муки, нечеловѣческія страданія. Когда кто не видѣлъ собственными глазами этихъ мучениковъ, брошенныхъ въ отвратительныя, тряскія телѣги, безъ всякихъ приспособленій, сплошь и рядомъ безъ соломы, брошенныхъ такъ, что одинъ невольно причиняетъ страданіе другому, развереживая

страшныя раны,—тому не понять этихъ адскихъ истязаній. Каждый оборотъ колеса, каждое движеніе, этотъ безостановочный скрипъ—все это источникъ мучительной пытки. Подойдите къ телѣгѣ, вы не простоите и пяти минутъ; гной отъ ранъ, видъ запекшейся крови, грязныхъ рубахъ, окровавленнаго и часто разодраннаго платья, наконецъ эти стоны, леденящіе ваше сердце, эти слезы, крупными каплями падающія на провалившіяся щеки—все это такая ужасающая картина, которую нужно видѣть, чтобы понимать, казнить и казниться.

Говорите себѣ, утѣшайтесь мыслію, что вы невиновны,—нѣтъ, совѣсть кричитъ вамъ, что вы не можете снять и съ себя вины. Вы виновны вашей апатіей, вашей безучастностью, вашимъ девизомъ: моя хата съ краю! Если бы всѣ мы не были поглощены нашими личными интересами, если бы интересы народа, родины были намъ близки, мы съумѣли бы тогда найти средства, чтобы даже во время войны создать для людей иныя условія. Мы съумѣли бы облегчить переносимыя ими съ поразительною кротостью страданія.

— Нѣтъ мочи терпѣть! — вырывается у несчастнаго, и это единственный упрекъ, который посылаетъ онъ людямъ.

— Господи! хоть-бы смерть поскорѣй! — и это единственная жалоба, съ которою онъ обращается къ небу!

Картина этого страшнаго транспорта раненыхъ, точно вырванная изъ описаній Дантовскаго ада, заставляла болѣзненно сжиматься сердце. Если бы въ этихъ скрипучихъ и тряскихъ телѣгахъ везли не русскихъ, а турецкихъ раненыхъ плѣнныхъ, то и тогда, думалось мнѣ, несмотря на страстную ненависть, вызванную цѣлыми вѣками кроваваго разгула, человѣколюбіе вырвало бы изъ васъ, наперекоръ вашей законной злобѣ и жаждѣ мщенія, порывистый крикъ: сжальтесь, вѣдь это все-таки люди! Но на эти телѣги были брошены дѣти вашей родной страны, отдавшія родинѣ безропотно свою

жизнь. И припомнились мнѣ въ эту минуту обездоленная русская деревня, черная мужицкая изба! Вотъ откуда выходитъ этотъ горемычный русскій солдатъ, героемъ бьющійся со врагомъ, героемъ умирающій на чужбинѣ.

Но что́ ему проку въ этомъ имени героя! Не услышитъ онъ его, покоясь въ братской могилѣ.

Легче, казалось бы, сдѣлалось на душѣ, если бы эти несчастные роптали, проклинали, а то нѣтъ! Хватитъ его непріятельская граната или пуля, оторветъ ему руку или ногу, раздробитъ ему кость, бросятъ его, какъ ненужную больше вещь, на двадцать разъ проклятую телѣгу,—и везутъ. Вотъ и вся благодарность! Покорно выноситъ онъ всяческія страданія, пока смерть не подойдетъ къ нему и не сжалится надъ нимъ, а онъ все терпитъ, ни слова ропота, точно такъ и должно быть!

Исчезъ этотъ транспортъ, а картина его все стояла передъ глазами, вызывая одну думу за другой, и какія все безотрадныя, мрачныя! И теперь, когда я пишу эти строки, точно живыя возстаютъ предо мною эти страдальческія лица, я и теперь вижу ту страшную вереницу скрипучихъ телѣгъ. Быть можетъ, это первое потрясающее впечатлѣніе давно бы изгладилось изъ моей памяти, если бы это были вмѣстѣ и послѣднія телѣги, какія мнѣ случилось видѣть. Пусть не говорятъ мнѣ, что подобныя, возмущающія душу, картины — неизбѣжныя спутницы всякой войны. Я былъ на театрѣ войны 1870 года—но все же я тамъ не видалъ ничего подобнаго. Правда, и тамъ насмотрѣлся я на тяжелыя сцены, и тамъ сердце сжималось при видѣ человѣческихъ страданій,—но за то тамъ было сдѣлано все возможное для облегченія ихъ, все было на лицо, когда наступила страдная пора...

Ужъ стемнѣло. Дороги почти никто не зналъ. Мы остановились въ какой-то болгарской деревнѣ. Подозвали болгарина, стали его разспрашивать; мы не понимали

его; онъ не понималъ насъ. Нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ пришли въ раздраженіе, возвысился голосъ, посыпалась брань на голову бѣднаго болгарина, видимо оробѣвшаго.

— Посадить его на кòзла, пусть показываетъ дорогу!

И какъ ни молился бѣдный болгаринъ, усадили его и увезли.

Положимъ, разсуждалъ я, болгары обязаны оказывать намъ всякую помощь, а все же круто! Ночь была такая непроглядная, что волей-неволей нужно было гдѣ-нибудь остановиться и пообождать до разсвѣта. Скоро показалась на пути опять болгарская деревня, и мы рѣшились сдѣлать привалъ. Насъ подвезли къ хатѣ мухтара, или сельскаго старосты, бóльшею частью избираемаго изъ самыхъ зажиточныхъ людей. Едва ли эта хата не была лучшею во всей довольно большой деревнѣ. Я заглянулъ во внутрь. Одна небольшая комната, и въ этой комнатѣ на полу валялось душъ десять. Мало чѣмъ, или почти ничѣмъ, не отличалась эта хата отъ бòльшей части избъ въ нашихъ деревняхъ. Та же грязь, та же тѣснота, такъ же скученъ людъ въ душной, спертой атмосферѣ. По одной, двумъ хатамъ, по одной-двумъ деревнямъ, разумѣется, нельзя было дѣлать никакихъ выводовъ, никакихъ обобщеній, но одинъ все-таки выводъ такъ и просился наружу: не всѣ же, однако, болгары процвѣтаютъ, не всѣ живутъ въ довольствѣ, чуть не въ роскоши, какъ объ этомъ говорилось съ перваго дня вступленія нашего въ Болгарію.

Передавая теперь только первыя впечатлѣнія, полученныя при встрѣчѣ съ болгарами на пути въ Тырново, и оставляя въ сторонѣ общую характеристику болгарскаго народа, я не могу не отмѣтить одной черты, которая поражала васъ при каждомъ столкновеніи съ болгарами. Черта эта — какая-то боязливость, робость, невольно бросавшаяся въ глаза. Всего и всѣхъ они опасались; они знали очень хорошо, что нашимъ лозун-

гомъ въ этой войнѣ служитъ освобожденіе Болгаріи, и *все-таки они относились къ намъ*, по эту сторону Балканъ, съ какимъ-то недовѣріемъ, точно немыслимо имъ казалось, что ради того, чтобы свергнуть съ нихъ тяжелыя рабскія цѣпи, можетъ подняться какой-нибудь народъ. Пожалуй, это было даже не недовѣріе именно къ намъ, хотя и оно было бы естественно въ силу историческаго прошлаго, а скорѣе какая-то неувѣренность въ возможности какого-либо улучшенія въ ихъ судьбѣ. Въ этой неувѣренности съ необыкновенною силою сказывался пятисотлѣтній турецкій гнетъ, точно вырвавшій у нихъ самую надежду на тотъ счастливый день, когда они получатъ возможность дышать свободною грудью. А мы, забывая, или даже вовсе не зная тѣхъ историческихъ событій, которыя отливаютъ народъ въ извѣстныя формы, и учитывая задолго впередъ требуемую нами благодарность, не хотѣли видѣть въ этой робости, забитости ничего иного, какъ только несочувствіе, неблагодарность или скупость и испорченность.

— Сколько слѣдуетъ тебѣ заплатить, — спрашивали мы у болгарина, — за ночлегъ, за яйца, за овесъ или ячмень для лошади?

Болгаринъ только кланяется и отнѣкивается.

— Ну, сколько же?—горячится кто-нибудь.

— Ничего,—отвѣчаетъ болгаринъ.

Онъ такъ привыкъ къ тому, что у него всегда берутъ все даромъ, или, иными словами, грабятъ, что онъ ужъ самъ говоритъ, что ему ничего не нужно! А вѣдь даромъ онъ давать не можетъ, потому что десять разъ на день у него потребуютъ—и овса, и яицъ, а откуда *же ему взять*.

— Гдѣ твоя жена, дѣти?—приходилось спрашивать.

Но жена и дѣти не выходятъ, они забились гдѣ-нибудь въ углу.

— Есть у тебя коровы, лошади, овцы?

— Ничего нѣтъ!—отвѣчаетъ болгаринъ, хотя въ полѣ у него пасутся и тѣ, и другія и третьи.

Ка́къ, кажется, не выбранить болгарина, вѣдь лжетъ, не краснѣя лжетъ, — и рушится же на него брань самая вѣская. А спросите, задается ли кто-нибудь вопросомъ: отчего такъ отвѣтилъ этотъ болгаринъ, почему онъ лжетъ?—Куда!—этотъ вопросъ и въ голову не приходитъ. А между тѣмъ его отвѣтъ долженъ былъ бы дать пищу не брани, а искреннему состраданію. Вся жизнь его прошла въ такихъ условіяхъ, при которыхъ правдивый отвѣтъ его несъ вмѣстѣ съ собою отреченіе отъ всѣхъ своихъ правъ на его достояніе. Вотъ, и говори правду. А то, что́ выработалось цѣлыми вѣками, того не сбросить въ одинъ день, въ одинъ часъ. Впрочемъ, объ этомъ мы могли бы судить по собственному опыту. Привычка къ рабству вообще не скоро вытравляется. Вотъ откуда идетъ та робость, запуганность, которая невольно поражала при первой встрѣчѣ съ болгарами.

Распростившись съ нашимъ болгариномъ, мы тронулись далѣе. Медленно подвигались мы впередъ. На каждой почти верстѣ приходилось дѣлать невольную стоянку. На всемъ пути происходило движеніе войскъ. То мы догоняли пѣхоту, шедшую по дорогѣ къ Тырнову, то встрѣчали кавалерію, возвращавшуюся изъ Тырнова, то, наконецъ, массивная артиллерія загораживала намъ дорогу. Весь путь представлялъ самую воинственную картину; она дѣйствовала увлекательно; мнѣ казалось, что чѣмъ больше встрѣчаемъ мы войскъ, тѣмъ больше мы сами проникаемся воинственнымъ духомъ. Да, что́ ни говорите, какъ ни возмущайтесь, война, точно чума, заражаетъ своимъ духомъ все, что́ соприкасается съ ней. Мы подъѣхали къ великолѣпному каменному мосту, съ нѣсколькими арками, перекинутому черезъ Янтру. Черезъ этотъ мостъ тянулась тяжелая артиллерія; чутъ не цѣлый часъ могли мы предаваться размышленіямъ на тэму нашего военнаго могущества, грозной непобѣдимой силы русскаго государства, изумительности нашего вооруженія и т. д. Штыки такъ весело играли на солнцѣ, пушки все были такія новыя, чистыя.

— Знаете, какъ посмотрю я на всю это мощь, то какъ-то стыдно становится думать, что мы должны воевать съ турками. Наша война походитъ на войну великановъ съ лиллипутами.

Какъ теперь помню я эти слова, такъ искренно вырвавшіяся у одного изъ моихъ случайныхъ спутниковъ, въ то время, какъ мимо насъ стройно двигалась артиллерія. А, впрочемъ, можетъ быть, эта фраза такъ сильно врѣзалась въ мою память еще и потому, что мнѣ слишкомъ часто приходилось ее слышать во всѣхъ видахъ, во всѣхъ формахъ, на всѣ лады повторявшуюся, въ мое кратковременное пребываніе въ Тырновѣ.

Да, это было счастливое время какой-то слѣпой вѣры въ свою непобѣдимость, въ свое превосходство надъ врагомъ. Все казалось такъ совершенно! оружіе великолѣпное, пушки — какихъ въ свѣтѣ нѣтъ; правда, стоявшіе во главѣ различныхъ частей начальники не имѣли военной, боевой опытности, практики войны, но что все это значитъ, когда природа надѣлила насъ всѣми талантами, чтобы не сказать—геніемъ. Всѣмъ мы восторгались, во все мы вѣрили—и какъ вѣрили! Но гдѣ же лежала причина этой вѣры, кто объяснитъ еще разъ это роковое „отчего?“

Разсказываютъ, что римляне имѣли обыкновеніе говорить, что когда Юпитеръ захочетъ кого-нибудь наказать, то онъ начнетъ съ того, что лишитъ свою жертву разсудка. Впрочемъ, я вѣдь сказалъ уже давно, что не стану даже пытаться объяснять всѣ эти „отчего“ да „почему“.

Прошла артиллерія, и мы въѣхали на высокій мостъ.

— Послушайте, — заговорилъ мой спутникъ, — вѣдь турки-то наши благодѣтели: чего стоило бы имъ, кажется, взорвать всѣ эти мосты, такъ нѣтъ, они видимо заботились объ удобствахъ нашихъ сообщеній. Въ самомъ дѣлѣ,—прибавилъ онъ серьёзно,—возможно ли представить себѣ бо́льшую безпечность, непредусмотрительность, веденіе дѣлъ, что называется, спустя рукава.

Эта безпечность поражала дѣйствительно всюду. Телеграфные столбы не попорчены, мосты цѣлы; тамъ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога, рельсы не сняты,—словомъ, все было въ порядкѣ. Впослѣдствіи, впрочемъ, я узналъ, что турецкими властями былъ уже отданъ приказъ всюду истреблять мосты, портить дорогу, короче, принимать всѣ мѣры для того, чтобы затруднить движеніе нашимъ войскамъ; но приказъ этотъ запоздалъ, времени уже не было привести его въ исполненіе. Русскій передовой отрядъ былъ уже у Тырнова. Съ изумительною быстротою двигались мы впередъ въ началѣ войны. Правда, турки въ то время не оказывали намъ почти никакого сопротивленія.

— Турки не ждали, что русскіе подойдутъ къ намъ такъ быстро, — разсказывалъ одинъ болгаринъ-монахъ въ Преображенскомъ монастырѣ, расположенномъ на страшной крутизнѣ, — иначе, можетъ быть, все, что́ вы видите здѣсь, было бы разграблено, и всѣ мы погибли бы въ неистовыхъ мученіяхъ!

Кто бывалъ въ Тырновѣ, тому не забыть этой живописной дороги, этого таинственнаго ущелья, тѣснимаго со всѣхъ сторонъ крутыми высотами, пріютившими на самыхъ вершинахъ два болгарскихъ монастыря, св. Троицы и Преображенскій. Цѣлыя страницы можно было бы посвятить описанію красотъ природы, все идущихъ crescendo по мѣрѣ *приближенія къ Тырнову, но не до* описаній природы, не до восхищеній ея красотами въ тѣ дни, когда со всѣхъ сторонъ до васъ доносится стонъ распятаго народа, въ той странѣ, гдѣ такъ обильно льется дорогая кровь тысячами падающихъ жертвъ.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть на болгарскій монастырь, на жизнь болгарскихъ монаховъ, и я взобрался на самую вершину горы. О болгарскомъ монастырѣ не судите по русскимъ монастырямъ. Не поведутъ васъ здѣсь въ сокровищницу и не ослѣпятъ ваши глаза серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями. Тутъ все бѣдно, все говоритъ о жизни, полной всяческихъ лишеній. Ихъ

роскошь, ихъ богатство заключаются въ природѣ, горномъ воздухѣ да синемъ небѣ. Люди спасаются здѣсь не молитвою, а тѣмъ вѣчнымъ страхомъ, который держитъ ихъ въ своихъ острыхъ когтяхъ. Люди встаютъ на разсвѣтѣ, ложатся съ зарею съ одною тяжелою думою, а что́ это за дума,—пожалуй, и говорить не нужно. Вся она выражается въ одномъ словѣ: турки. Не спасетъ ихъ и крутизна, на которой стоитъ монастырь: турки найдутъ дорогу и не разъ уже ее находили.

Вотъ почему и здѣсь, въ этой тихой и бѣдной обители, вы встрѣтите только наружное спокойствіе, внѣшнюю тишину, а на душѣ у каждаго вы прочтете тревогу. Та же боязливость, та же робость, которая бросалась мнѣ въ глаза на всемъ пути изъ Систова въ Тырново, поразила меня и здѣсь. Монахи опасались говорить откровенно, въ ихъ словахъ чувствовалась сдержанность, точно боялись они, что стѣны услышатъ ихъ жалобы на турецкій гнетъ.

„Сегодня вы здѣсь, — подсказывало имъ запуганное чувство, — завтра уйдете, бросите насъ, и снова мы встрѣтимся лицомъ къ лицу съ нашимъ безжалостнымъ врагомъ-властелиномъ!“

Эта неувѣренность болгаръ въ нашей твердой рѣшимости возвратить имъ вѣками утраченную свободу какъ-то больно царапала ваше сердце. Но въ правѣ ли мы винить ихъ за это недовѣріе къ нашей силѣ, къ нашей славянской политикѣ.

Съ невеселымъ чувствомъ покинулъ я старавшуюся укрыться отъ людскихъ взглядовъ на вершинѣ высокой горы болѣе чѣмъ скромную обитель, и только выглянувшіе минареты тырновскихъ мечетей отвлекли мои думы отъ болгарскаго монастыря. Тырново!—древняя столица болгарскаго народа, а теперь мѣстопребываніе русской главной квартиры, — можно ли, судите сами, было бороться съ тѣмъ внутреннимъ трепетомъ, который охватывалъ васъ при въѣздѣ въ этотъ городъ. Здѣсь, казалось, сосредоточивались мысль, желанія, твердая, разум-

ная воля цѣлой Россіи. Представьте себѣ чувство вѣрующаго, входящаго въ храмъ, проникающаго въ святую святыхъ, — такое почти чувство испытывалось каждымъ, кто только въ то время пріѣзжалъ въ этотъ болгарскій городъ. Чувство это скрадывало отъ васъ грязныя улицы, грязные маленькіе домишки, прилѣпившіеся другъ къ другу, вывѣшенныя грязныя лохмотья, игравшія роль флаговъ.

Во всемъ и во всѣхъ я ожидалъ встрѣтить здѣсь какое-то серьёзное, сосредоточенное спокойствіе, мужественное, но чуждое всякаго легкомыслія настроеніе, сдержанное, но строгое чувство собственнаго достоинства, — словомъ, мощный, суровый духъ, гармонирующій съ важностію того историческаго момента, который переживала вся Россія. Впечатлѣніе, произведенное на меня Тырновомъ, было совсѣмъ иное, — оно было прямо противоположно всему тому, что́ я ожидалъ услышать и увидѣть.

Музыка гремѣла по всему Тырново, масса всевозможнаго люда, довольнаго, веселаго, счастливаго — бродила по улицамъ, среди большого разбросаннаго на широкомъ полѣ лагеря; все ликовало, торжествовало. Сердце забилось радостно! Несомнѣнно побѣда, большая побѣда одержана нами? съ этимъ вопросомъ я къ кому-то и обратился.

— Какая побѣда, нѣтъ! отчего вы думаете?—получилъ я въ отвѣтъ.

— Но вѣдь что же нибудь да значитъ это веселье, эта радость, раскаты военной музыки?—не безъ робости уже спрашивалъ я.

— О, нѣтъ, вы по этому не судите, у насъ всегда такъ,—музыка, веселье каждый день! Вы что же думали?—не бойтесь, здѣсь не соскучитесь!

Получивъ этотъ отвѣтъ, я пришелъ въ нѣкоторое недоумѣніе, и отправился въ лагерь. Впереди—нѣсколько шатровъ маркитантовъ. Я вошелъ въ одну изъ этихъ палатокъ. Крикъ, шумъ, громкій смѣхъ, за всѣми столиками

веселыя компаніи. Неожиданность картины заставила меня совсѣмъ растеряться.

Да гдѣ же я?—невольно выростала одна мысль за другою:—на войнѣ,—нѣтъ, быть не можетъ, я присутствовалъ на какомъ-то военномъ торжествѣ, при блестящихъ военныхъ маневрахъ. Чего мнѣ мерещилась кровь, стоны раненыхъ, умирающихъ? Я во снѣ видѣлъ этотъ страшный транспортъ, наполненный несчастными жертвами войны и отталкивавшій васъ смраднымъ воздухомъ отъ гноившихся ранъ русскихъ солдатъ. Нѣтъ, все это было на яву, ужасающая картина была вызвана въ памяти, сердце упало, и жутко дѣлалось отъ этого веселья. Разговоръ становился все оживленнѣе, шумнѣе, смѣхъ звучалъ еще громче, впереди палатокъ уставились столики, стаканы и бокалы наполнились пѣнящимся французскимъ виномъ, и веселые возгласы чаще и чаще раздавались въ воздухѣ. Могъ ли я довѣрять вскользь услышанному мною извѣстію, что гдѣ-то, у какой-то Плевны, было неудачное для насъ дѣло? Я рѣшился побезпокоить моего сосѣда вопросомъ, правда-ли, что 8-го іюля случилось подъ этой Плевной что-то непріятное.

— Нѣтъ, пустяки: насунулись тамъ наши войска на большія непріятельскія силы, ну, и отступили. Ничего серьёзнаго!

Отвѣтъ этотъ меня вполнѣ успокоилъ. Я отлично понималъ, что если бы въ дѣйствительности было что-либо серьёзное, то, конечно, общее настроеніе не обличало бы такой беззаботной и легкомысленной самоувѣренности. Послѣдующіе дни моего пребыванія въ Тырновѣ, всѣ разговоры, при которыхъ я присутствовалъ, меня еще болѣе убѣдили, что ничего серьёзнаго не было, что произошло какое-то пустое дѣло, окончившееся для насъ не совсѣмъ удачно, но развѣ можно вести войну даже съ турками безъ такихъ мелкихъ, случайныхъ неудачъ.

— Все это плохо,—заговорилъ мой маркизъ Пôза, когда мы остались наединѣ.

Я не зналъ, къ чему относились эти слова и попросилъ у него разъясненія.

— Да плевненское-то дѣло! или вы вѣрите, что это было пустое дѣло, а я такъ боюсь, что все это гораздо серьёзнѣе, чѣмъ кажется! Я всегда думалъ, что нельзя зарываться въ глубь страны, не обезопасивъ себя съ той стороны, не очистивъ, какъ слѣдуетъ, западной Болгаріи. А то—растянулись безъ всякаго толку,—ну, вотъ и результатъ!

Съ раздраженіемъ опрокинулся я на моего собесѣдника, доказывая ему, что ничего серьёзнаго быть не могло.

— Да отчего вы такъ увѣрены, что̀ же мы—непобѣдимы, что-ли?

— Нѣтъ, не потому,—приходилось мнѣ возражать,—но развѣ вы не понимаете, что если бы была какая-нибудь серьёзная неудача, то Тырново не имѣлъ бы такого праздничнаго и торжественнаго вида.

— А по-моему,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—этотъ праздничный и торжествующій видъ доказываетъ только безпечность и несерьёзность отношенія къ дѣлу, и ровно ничего больше.

У него на все было возраженіе!

Только много времени спустя, когда, какъ-то случайно, попался мнѣ въ руки старый уже нумеръ какой-то газеты, я узналъ всю горькую правду, но и тогда еще, въ первую минуту, читая о потрясающемъ впечатлѣніи, произведенномъ на русское общество „первою“ Плевною, я только подумалъ: какъ однако преувеличиваютъ! Но когда я увидѣлъ грозную цифру: три тысячи убитыхъ и раненыхъ!—я убѣдился, что не въ Петербургѣ преувеличиваютъ, а въ Тырновѣ сглаживается всякое непріятное впечатлѣніе до микроскопическихъ размѣровъ.

Поздно, почти до ночи, доносилось изъ лагеря эхо шумнаго веселья. Ошеломила ли меня неожиданность той картины, которая предстала передъ моими глазами, или подъ впечатлѣніемъ мрачнаго разговора съ моимъ спут-

никомъ, но почему-то жутко было возвращаться изъ этого блестящаго лагеря.

„Господи!“ — думалось мнѣ, — „какъ страшно!“ и все это веселіе нагнало на меня уныніе, тоску и чувство какой-то неизъяснимой боли! Не спрашивайте меня — „отчего?“

Знаю одно, что не прошло и трехъ недѣль, какъ картина быстро перемѣнилась, все сдѣлалось мрачно, уныло, и я не могъ узнать въ этомъ городѣ, въ этомъ лагерѣ, того беззаботнаго, шумнаго, безпричинно ликующаго Тырнова, который я такъ недавно оставилъ. Вмѣсто не въ мѣру гордой самоувѣренности, я былъ пораженъ уже безмѣрнымъ малодушіемъ. Но за то — что́ это и были за три недѣли! Никогда мнѣ ихъ не забыть.

выполненія, хотя съ нѣкоторымъ успѣхомъ, этой трудной роли—необходимо прежде всего пройти ту школу, которая научаетъ управлять собою, а пока эта школа еще впереди, до тѣхъ поръ не слѣдуетъ забывать глубокаго смысла упомянутой уже прописной истины.

Но какъ бы отчетливо ни было сознаніе въ непригодности русскаго общественнаго строя—служить краеугольнымъ камнемъ для политической организаціи другого народа, тѣмъ не менѣе введеніе нами гражданскаго управленія въ Болгаріи волей-неволей заставляло задаваться вопросомъ—съумѣемъ ли мы по отношенію къ болгарамъ остаться въ тѣхъ скромныхъ границахъ, къ которымъ обязываетъ насъ весьма многое. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе просился наружу, что вся почти западная Европа никогда не переставала твердить, что она не вѣритъ въ безкорыстіе русской политики на Востокѣ, что намъ въ дѣйствительности нѣтъ никакого дѣла до права народа на самостоятельное политическое существованіе, что мы будто бы не имѣемъ даже основанія возмущаться системою турецкаго гнета, практикуемаго въ Болгаріи, а, наконецъ, и это главное, что будто бы даже провозглашеніе самаго принципа свободы противорѣчитъ всѣмъ нашимъ традиціямъ, и т. п.

Какъ ни оскорбительны казались для національнаго самолюбія подобныя варіаціи на старую тэму нашего политическаго обскурантизма, но все-таки эти толки заставляли задумываться и слѣдить еще болѣе за всѣми мѣрами, принимаемыми относительно Болгаріи. Но если еще въ далекѣ отъ Болгаріи задача гражданскаго управленія представлялась какою-то туманною, двусмысленною, то тутъ, на мѣстѣ, въ Тырновѣ, этомъ центрѣ болгарской жизни и вмѣстѣ центрѣ гражданскаго управленія, она не только не становилась для васъ болѣе ясною, но, напротивъ,—присматриваясь и къ этой задачѣ и къ самому гражданскому управленію нѣсколько ближе, вы не могли не чувствовать, какъ смущеніе, уже прежде закравшись въ вашу душу, теперь только усиливается

и вызываетъ въ васъ цѣлый рядъ сомнѣній — такъ ли мы понимаемъ нашу настоящую роль въ дѣлѣ освобожденія южныхъ славянъ?

Мой скептицизмъ относительно гражданскаго управленія былъ, разумѣется, ничто по сравненію съ скептицизмомъ моего спутника-пессимиста.

— Что же вамъ кажется страннымъ въ этомъ гражданскомъ управленіи? — спрашивалъ его одинъ изъ защитниковъ этого управленія, имя которыхъ, впрочемъ, далеко не было легіонъ.

— Да какъ вамъ сказать? Я просто не вижу въ немъ смысла, не понимаю я, для чего оно вводится, какая его цѣль, что-то ужъ очень мудреное захотѣли мы придумать,—отвѣчалъ знакомый читателю „маркизъ Пóза".

— А между тѣмъ—возражали ему—дѣло чрезвычайно просто и какъ нельзя болѣе ясно. Вдумайтесь только въ особый характеръ этой войны, и тогда, можетъ быть, гражданское управленіе получитъ и для васъ смыслъ. Война эта совсѣмъ особенная, и нисколько не походитъ на обыкновенныя войны. Мы пришли сюда не завоевывать, а освобождать, мы вступаемъ въ страну не какъ враги населенія, а какъ его друзья, какъ старшіе братья, какъ покровители, и потому совершенно естественно, что между покровителями и покровительствуемыми устанавливаются совсѣмъ особыя отношенія.

Въ этомъ аргументѣ была, безъ сомнѣнія, доля правды. Трудно было не согласиться, что эта война, которую исторія, быть можетъ, назоветъ славянскою войною, носитъ на себѣ совершенно исключительный характеръ. Обыкновенно непріятель, вступая въ чужую страну, ничего не щадитъ, нимало не интересуется внутреннимъ управленіемъ края, онъ видитъ передъ собою только враговъ, и въ силу этого задача его чрезвычайно проста. Тутъ же было прямо противоположное. Начиная войну за освобожденіе болгаръ отъ турецкаго владычества, мы вступили въ страну и въ качествѣ друзей и въ качествѣ враговъ, въ одно и то же время мы должны были и

оберегать населеніе отъ разоренія, всюду щадить его, и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно подвергать его тяжелому испытанію; съ одной стороны, мы должны были смести турецкое безправное управленіе, съ другой—дать возможность установиться такому порядку, который отвѣчалъ бы желаніямъ и интересамъ болгарскаго населенія. Но „дать возможность“ очевидно не означаетъ „навязывать“ покровительствуемому народу тотъ или другой порядокъ, а предоставить ему устроить свою судьбу по своему усмотрѣнію. Но не такъ понималъ „покровительство“ защитникъ гражданскаго управленія, и потому онъ вызвалъ ѣдкій отвѣтъ.

— Въ томъ-то и горе,—отвѣчалъ его противникъ,—что покровители слишкомъ часто склонны смотрѣть на покровительствуемыхъ какъ на нѣчто безгласное, что̀ должно только слушаться и благодарить! И ужъ если говорить откровенно, то я опасаюсь, чтобы мы именно не впали въ эту грустную ошибку.

— Однако же, согласитесь,—возражали ему,—что мы оказали бы крайне плохую услугу цивилизаціи, если бы не позаботились о томъ, что̀ станется съ этимъ „бѣднымъ“ народомъ, послѣ того, что мы избавимъ его отъ турецкаго правительства. Это народъ не развитой, не подготовленный, не привыкшій управлять собою, и потому на комъ же, какъ не на насъ, лежитъ обязанность указать ему тотъ путь, по которому онъ долженъ идти?

— Вы стоите на самой опасной почвѣ, какую можно себѣ только представить, и я шлю мольбы къ небу, чтобы наша политика не усвоила себѣ подобныхъ воззрѣній. Для меня вопросъ чрезвычайно простъ. Россія, безъ сомнѣнія, представляетъ собою изъ всѣхъ славянскихъ государствъ самое сильное, самое могущественное, и я радуюсь, что Россія отдаетъ „свою силу“ въ услуженіе угнетеннымъ славянскимъ національностямъ. Но этой силой и должно исчерпываться наше служеніе, другого мы ничего дать не можемъ, да главное—и не

должны, хотя бы только для того, чтобы не умалить значенія нашей услуги. При другихъ условіяхъ, мы, конечно, помимо физической силы, могли бы служить и нашей нравственной силой. Но вѣдь вы хорошо знаете, что на нѣтъ и суда нѣтъ. Вотъ почему мы должны устранить всякое намѣреніе внести въ Болгарію какую-то цивилизующую силу, такъ какъ такое намѣреніе было бы принято, и не безъ основанія, за стремленіе водворить среди болгаръ порядокъ, основанный на всемъ, что угодно, только не на широкомъ пониманіи свободы народа.

— Вы не отвѣчаете на вопросъ,—возражалъ защитникъ гражданскаго управленія.—Неужели же, по вашему мнѣнію, исполнивъ нашу высокую задачу освобожденія болгаръ, мы можемъ сдѣлаться равнодушными зрителями той неурядицы, той, пожалуй, анархіи, которая станетъ поѣдать страну нисколько не хуже, чѣмъ поѣдали ее турки. Развѣ не погибнутъ въ такомъ случаѣ безплодно всѣ принесенныя нами тяжелыя жертвы?

— А неужели,—послышался отвѣтъ,—вы до сихъ поръ еще не убѣдились, что самое гибельное для народа, это когда являются на сцену непрошенные спасители отъ какой-то фантастической анархіи. Я пойду еще дальше, и скажу, что даже временная неурядица въ странѣ несравненно менѣе пагубна для народа, чѣмъ чужеземное вмѣшательство, а извѣстно, что въ нашемъ обществѣ слишкомъ склонны обзывать неурядицею такой порядокъ, при которомъ народъ самостоятельно управляетъ своею судьбою. Ваше опасеніе на счетъ болгаръ проистекаетъ изъ давно знакомаго намъ всѣмъ источника, изъ традиціонной привычки смотрѣть на каждый народъ какъ на малое неразумное дитя, требующее себѣ строгой няньки. Довольно турки няньчили болгаръ, предоставьте ихъ самимъ себѣ, и повѣрьте, что они прочно станутъ на обѣ ноги и безъ отеческаго надзора пойдутъ прямою дорогою. Если вамъ нужны примѣры, взгляните на Румынію, Сербію! вѣдь онѣ также находились въ такомъ же положеніи, какъ и болгары,—однако посмотрите,

какъ они устроились! Конечно, онѣ не представляютъ собою могущественныхъ державъ, но вѣдь могущество, хотя бы даже и не мишурное, какъ часто случается, не составляетъ еще счастія народовъ. Вотъ почему ограничимся тѣмъ, что при помощи нашей силы вырвемъ болгаръ изъ турецкихъ когтей; я думаю, что это достаточно святая задача и немалая услуга славянскому дѣлу, и не будемъ помышлять о внесеніи къ нимъ непремѣнно нашихъ порядковъ, хотя бы только для того, чтобы, вмѣсто благодарности, не получить отъ нихъ очень скоро горькаго упрека!..

Я привелъ этотъ отрывокъ изъ большого спора по поводу введенія гражданскаго управленія въ Болгаріи, такъ какъ въ немъ достаточно ясно обрисовываются тѣ два мнѣнія, которыя такъ часто приходилось потомъ выслушивать, бесѣдуя объ этомъ вопросѣ. Едва ли возможны были какія-нибудь колебанія и сомнѣнія относительно того, которое изъ этихъ двухъ мнѣній было болѣе справедливо. Самая плачевная судьба, могущая только выпасть на долю какого-либо народа, это—подпасть подъ опеку, лишиться своей полноправности. Пусть народъ переживаетъ эпохи колебанія, пусть онъ выбивается изъ силъ, терпитъ неудачи, лишь бы не брали его подъ опеку, потому что въ такомъ случаѣ онъ утрачиваетъ вѣру въ самого себя и мало-по-малу становится слѣпымъ орудіемъ своихъ опекуновъ. Внутренняя борьба, какими бы бурями она ни была преисполнена несомнѣнно только воспитаетъ, закалитъ народъ, опека же разслабитъ его политическое тѣло, самое существованіе его подвергнетъ опасности постепеннаго разложенія. Опека не только опасна, но она, сверхъ того, и безполезна. Если въ народѣ существуетъ внутренняя сила, способность къ жизни, къ развитію, тогда опека излишня, она только задержитъ ростъ народа; если же этой жизненной силы въ немъ нѣтъ, то никакая опека не поможетъ, не спасетъ его отъ смерти. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, не утратили ли болгары этой

жизненной силы, не убита ли въ нихъ способность къ прогрессивному движенію впередъ. На такой вопросъ отвѣчать немудрено. Если пятисотлѣтнее суровое владычество, если разлагающее *византійское вліяніе*, *вся коварная* работа греческаго духовенства оказались безсильны заглушить громкіе стоны болгарскаго народа, если безчеловѣчные удары, наносимые ему въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, не заставили умолкнуть, наконецъ, его вопля, то нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ народѣ таится жизненная сила, способная выдти наружу, какъ только ей будетъ предоставленъ просторъ. Къ чему же тогда опека, задерживающая проявленіе этой силы? Неужели изъ опасенія, что эта сила направится по иному пути, нежели тотъ, который, быть можетъ, былъ бы желателенъ въ интересахъ того или другого направленія.

Вопросъ объ отношеніи нашемъ къ болгарскому народу не могъ, разумѣется, не возбуждаться, когда мы рѣшались поднять знамя освобожденія его изъ-подъ турецкаго ига, онъ неминуемо долженъ былъ представиться, когда мы готовились вступить въ Болгарію. Но какъ же онъ разрѣшался? Я вовсе не желаю утверждать, чтобы его разрѣшили въ смыслѣ опеки, но самая практика гражданскаго управленія могла давать инымъ поводъ подозрѣвать, что рѣшеніе послѣдовало именно такое, а не другое. Конечно, подозрительность рѣдко даетъ хорошіе результаты, и потому лучше прямо и откровенно задаться вопросомъ: каково же было наше оффиціальное отношеніе къ болгарскому народу?

Первое слово, обращенное къ этому народу, было слово любви и мира. Россія рѣшилась, говорилось болгарамъ въ воззваніи, обнародованномъ при вступленіи въ ихъ страну нашихъ войскъ, „оградить вашу народность и утвердить за вами тѣ священныя права, безъ которыхъ немыслимо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни. Права эти вы пріобрѣли не силою вооруженнаго отпора, а дорогою цѣною вѣковыхъ страданій и мученической крови, въ которой такъ долго

тонули вы и ваши покорные предки". Если бы прошлыя историческія событія не поколебали до извѣстной степени вѣру въ нашу силу, въ твердую рѣшимость положить предѣлъ мученическому существованію болгарскаго народа, какъ свободно вздохнулъ бы этотъ народъ, читая гуманныя слова обращеннаго къ нему воззванія: „отселѣ русское оружіе оградитъ отъ всякаго насилія каждаго христіанина, ни одинъ волосъ не спадетъ безнаказанно съ его головы, ни одна крупица его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманиномъ или кѣмъ-либо другимъ. За каждое преступленіе послѣдуетъ безпощадное наказаніе. Одинаково будутъ обезпечены жизнь, свобода, честь, имущество каждаго христіанина, къ какой бы церкви онъ ни принадлежалъ. Но не месть будетъ руководить нами, а сознаніе строгой справедливости, стремленіе создать постепенно право и порядокъ тамъ, гдѣ доселѣ господствовалъ лишь дикій произволъ".

Нѣсколько разъ и въ Систовѣ, и въ Тырновѣ мнѣ приходилось наблюдать болгаръ, читавшихъ это воззваніе, прибитое къ стѣнѣ. Я присматривался къ тому, какое впечатлѣніе производятъ на нихъ знаменательныя слова, обѣщающія имъ свободу и возрожденіе къ новой политической и общественной жизни; но едва ли какой-либо безпристрастный наблюдатель подмѣтилъ бы уже тогда въ ихъ глазахъ, выраженіи, даже словахъ—чувство увѣренности, что дѣйствительно уже тогда пробилъ часъ освобожденія отъ мусульманскаго безправнаго гнета.

— Отчего,—приходилось мнѣ спрашивать у болѣе развитыхъ и не лишенныхъ образованія болгаръ,—у нихъ не дрогнетъ ни одинъ мускулъ, когда они читаютъ это воззваніе? Чѣмъ объяснить этотъ индифферентизмъ, который, повидимому, проглядываетъ у нихъ даже въ дѣлѣ ихъ собственнаго возрожденія?

— Скажите—не индифферентизмъ, а утрата вѣры,—было мнѣ отвѣтомъ!—Мы съ вами понимаемъ, что̀ такое

это мѣсто воззванія—и онъ указалъ мнѣ на строки: „Сплотитесь твердо подъ сѣнію русскаго знамени, побѣды котораго уже столько разъ оглашали Дунай и Балканы. Содѣйствуя успѣхамъ русскаго оружія, помогая ему усердно всѣми вашими силами, всѣми зависящими отъ васъ средствами, вы будете служить вашему собственному—дѣлу прочнаго возрожденія болгарскаго края“—мы съ вами понимаемъ,—добавилъ болгаринъ,—что въ этихъ словахъ кроется рѣшимость, обѣщаніе добиться нашего освобожденія, но масса населенія относится къ нимъ съ скептицизмомъ, обусловленнымъ боязнію, что за свое сочувствіе вамъ, русскимъ, они дорого заплатятъ туркамъ. И не обвиняйте насъ за такое недовѣріе! Справедливо, конечно, что побѣды русскаго знамени не разъ уже оглашали Дунай и Балканы, но развѣ эти побѣды до сихъ поръ дали намъ что-либо, кромѣ горя и лишнихъ страданій! Развѣ болгары не помогали вамъ во всѣхъ предшествовавшихъ войнахъ съ нашимъ врагомъ, помогали немногимъ, конечно, но, по крайней мѣрѣ, всѣмъ, чѣмъ могли только,—и что же? Турки кровью каждый разъ заставляли платить насъ за ту посильную помощь, за то сочувствіе, которое мы выказывали вамъ! Мы вѣримъ, безъ сомнѣнія, въ ваше братское къ намъ чувство, но мы не увѣрены, что вы въ силахъ будете сдѣлать все то, что̀ вы обѣщаете намъ. Вотъ причина,—закончилъ онъ,—почему болгары, храня въ своемъ сердцѣ любовь къ вамъ и благодарность, относятся, повидимому, холодно къ теплому воззванію, возвѣщающему имъ новую зарю въ ихъ политической жизни.

Каковъ долженъ быть новый строй политической жизни болгарскаго народа, объ этомъ, разумѣется, не говорилось въ воззваніи, хотя инымъ и казалось, что въ концѣ прокламаціи къ болгарамъ указывались не только контуры этого строя, но даже и отношеніе къ нему Россіи. „По мѣрѣ того,—упоминалось въ воззваніи,—какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ

управленіемъ. Къ дѣятельному участію въ немъ будутъ немедленно призваны мѣстные жители, подъ высшимъ руководствомъ установленной для сего власти, а новыя болгарскія дружины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности... Слушайтесь русской власти, исполняйте въ точности ея указанія. Въ этомъ ваша сила и спасеніе". Едва ли однако изъ этихъ словъ можно было дѣлать выводъ, что Россія возьметъ на себя трудную задачу продиктовать болгарамъ тѣ начала, на которыхъ долженъ быть созданъ новый строй ихъ общественной жизни. Правда, въ воззваніи говорится, что мѣстное управленіе будетъ дѣйствовать подъ руководствомъ „установленной для сего власти", но нигдѣ не высказано, что власть эта будетъ русская, и что такимъ образомъ освобожденные болгары попадутъ подъ бдительную опеку Россіи. Но если бы такая мысль и заключалась въ концѣ обращенія къ болгарамъ, то она стояла бы въ противорѣчіи со вступительными словами воззванія, съ указаніемъ на примѣры Румыніи и Сербіи, освобожденныхъ, какъ сказано, русскимъ вліяніемъ и оружіемъ. Сербія, вырванная изъ турецкаго гнета, была предоставлена вполнѣ сама себѣ, несмотря на то, что сербы при своемъ освобожденіи вовсе не находились на высшей степени политическаго развитія, чѣмъ болгары. Сербія представляла собою, такъ сказать, мужицкое государство, безъ образованнаго сословія, ея могучіе народные дѣятели, Милоши и Карагеорги, были простыми мужиками, стоявшими въ ряду гайдуковъ, и все это однако не помѣшало сербамъ тотчасъ выбрать мужицкую скупщину, принявшую въ свои руки бразды правленія. Только въ управленіи Румыніею Россія, начиная съ сороковыхъ годовъ до 1856 г., принимала болѣе непосредственное участіе, но оно и не ознаменовало однако себя никакими благодѣяніями и вызвало къ себѣ только всеобщую нелюбовь среди румынскаго населенія. И только тогда, когда прекратилось наше непосредственное вліяніе на политиче-

скую судьбу Румыніи, она быстро двинулась впередъ и усвоила себѣ тѣ государственныя начала, которыя выработаны западно-европейскою жизнію. Примѣръ Сербіи, предоставленной собственному попеченію и оттого не поглощенной анархіей, примѣръ Румыніи, для которой началась новая эра только съ той минуты, когда она была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ, говорятъ достаточно громко для того, чтобы никто не считалъ себя обязаннымъ брать въ опеку и болгаръ, освобождаемыхъ русскою силою.

Повидимому, все это ясно и просто, но въ дѣйствительности оказывается не совсѣмъ такъ. Введеніе гражданскаго управленія, обрисовывая наше отношеніе къ болгарамъ болѣе ярко, чѣмъ воззваніе, набрасываетъ сомнѣніе и вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ и думъ самаго разнохарактернаго свойства. Еще до объявленія войны стало извѣстнымъ, что если только война дѣйствительно вспыхнетъ между Россіею и Турціею, то водвореніе новаго порядка вещей въ Болгаріи выпадетъ на долю князя Черкасскаго, что именно онъ и не кто иной будетъ поставленъ во главѣ гражданскаго управленія освобождаемаго нами края. Очень скоро дѣйствительно состоялось назначеніе этого государственнаго человѣка на должность завѣдывающаго гражданскими дѣлами. Это назначеніе, хотя въ то время никто еще не зналъ, въ чемъ должно заключаться гражданское управленіе, быть можетъ, не исключая и самого князя Черкасскаго, встрѣтило всеобщее сочувствіе. Князь Черкасскій пользовался довольно значительною популярностью, притомъ—популярностью либеральнаго человѣка. Я не желаю, конечно, ни мало отрицать либерализмъ устроителя Болгаріи, но меня всегда занималъ вопросъ, какими именно заслугами князь Черкасскій пріобрѣлъ себѣ столь громкую извѣстность. Правда, онъ былъ однимъ изъ дѣятелей въ важную эпоху освобожденія крестьянъ, но вѣдь были же тамъ и другіе, не менѣе видные дѣятели, о которыхъ едва помнятъ, а ужъ во всякомъ случаѣ не

пользующіеся и сотою долею популярности князя Черкасскаго.

Вообще говоря, чуднымъ образомъ, — я не отношу этого къ князю Черкасскому, — складываются у насъ репутаціи. Какъ ничего не стóитъ набросить на человѣка не совсѣмъ выгодную тѣнь, даже хуже—унизить его въ глазахъ общества, подчасъ предать даже проклятію всѣхъ вселенскихъ соборовъ, такъ точно также легко создать у насъ человѣку совершенно незаслуженную репутацію — чуть не благодѣтеля человѣческаго рода. И дурные и хорошіе поступки нигдѣ съ такою быстротою не забываются, какъ у насъ. Справедливой оцѣнки человѣка, безъ увлеченія въ ту или другую сторону, не существуетъ. Общество судитъ людей не по ихъ достоинствамъ, а по своему минутному настроенію. Сегодня безъ всякихъ основательныхъ поводовъ оно начинаетъ превозносить человѣка, и тогда ужъ нѣтъ, что называется, удержу. Ему припишутъ всѣ прекрасныя качества: онъ и уменъ, и талантливъ, и великодушенъ, природа наградила его всѣми дарами. Попробуйте спорить, — васъ покроютъ дружнымъ шиканьемъ.

— Помилуйте, — говоришь имъ, — вѣдь этотъ человѣкъ всю жизнь свою считался слабоумнымъ.

— Мало ли что! онъ былъ не понятъ, но теперь никто не имѣетъ права сомнѣваться въ томъ, что это замѣчательный человѣкъ! Онъ доказалъ и свой умъ, и свой талантъ, и свой геній и свою аристидовскую честность!

Нечего дѣлать, нужно подчиниться, и у васъ отнято даже право сомнѣваться публично въ томъ, въ чемъ вы даже не сомнѣваетесь, а чему просто вѣрите.

Какъ этого счастливца ни за что превознесли, такъ другого ни за что втопчутъ въ грязь, и нужно большое мужество, рѣдко встрѣчающееся среди насъ, чтобы, наперекоръ безсмысленному приговору, отстаивать и талантъ, и честь, и даже честность человѣка. Едва ли нужно приводить примѣры, съ какою легкостью создаютъ

у насъ фальшивыя репутаціи? Зачѣмъ искать далеко, время войны дало уже не одно тому доказательство.

Вотъ почему я не рѣшаюсь дѣлать характеристики и князя Черкасскаго, опасаясь впасть въ преувеличеніе въ ту или другую сторону, хотя такая характеристика представлялась бы весьма интересною въ виду той роли, какую онъ игралъ въ качествѣ губернатора Болгаріи. Роль эта была такъ значительна, что и теперь, несмотря на его смерть, имя его нельзя обойти молчаніемъ.

Отказываясь отъ всякой личной характеристики губернатора Болгаріи, я все-таки, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, долженъ пополнить его послужной списокъ, съ общественной точки зрѣнія. Итакъ, его положительная заслуга—это участіе въ важномъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, доставившее ему репутацію либеральнаго человѣка, отстаивавшаго освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ. Далѣе идетъ его дѣятельность въ царствѣ польскомъ, въ эпоху „умиротворенія" края послѣ революціоннаго движенія. Но эта дѣятельность менѣе всего могла упрочить за княземъ Черкасскимъ популярность либеральнаго человѣка, и въ Польшѣ нынѣшній губернаторъ Болгаріи былъ осуждаемъ общественнымъ мнѣніемъ за крутость своего нрава и т. п. Но въ Польшѣ для него было оправданіе—онъ „умиротворялъ" возставшій противъ Россіи край, хотя, конечно, умиротвореніе умиротворенію рознь, и цѣли правительства едва ли не лучше достигаются тѣми, которые никогда не разстаются съ справедливостью и гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ. Покинувъ Польшу, князь Черкасскій возвратился въ Москву, гдѣ принялъ на себя должность городского головы. Эта новая его дѣятельность не усилила, а даже поколебала ту симпатію, которою всегда дарила его Москва, и въ глазахъ весьма многихъ ослабила его репутацію. Упрекаютъ князя Черкасскаго за то, что либерализмъ не помѣшалъ ему быть защитникомъ тѣлесныхъ наказаній, но можно ли этому удивляться? И до настоящей минуты у

насъ не перевелись еще люди, пользующіеся даже нѣкоторымъ уваженіемъ извѣстной части общества и нестыдящіеся отстаивать розги. Какъ не сказать, что на нашихъ нравахъ вообще лежитъ еще печать чего-то дико-грубаго, и гр. Алексѣй Толстой зналъ свое общество, когда написалъ:

И будетъ онъ спины вамъ бить батожьёмъ,
А вы ему стукать да стукать челомъ!

Все это, однако, были детали, неспособные поколебать давно установившейся репутаціи человѣка, и потому назначеніе князя Черкасскаго возбудило самыя пылкія надежды и вызвало самые сочувственные ему толки. Толки эти, весьма естественно, быстро проникли въ Болгарію, и всѣ сколько-нибудь интеллигентные болгары спѣшили благодарить судьбу, что посылаетъ имъ въ управители такого либеральнаго, просвѣщеннаго, истинно-европейскаго государственнаго человѣка. Къ сожалѣнію, такое мнѣніе удерживалось недолго, и очень скоро уже многіе болгары жаловались, что надежды ихъ не сбылись.

Я хорошо помню, какъ въ первый, или во второй день моего пребыванія въ Тырновѣ, я встрѣтился съ однимъ болгариномъ, принадлежавшимъ къ партіи молодой Болгаріи, который на мои вопросы о гражданскомъ управленіи, о князѣ Черкаскомъ, сталъ горько жаловаться на вводимые порядки.

— Чѣмъ же вызвано ваше неудовольствіе?—спрашивалъ я его.

— О! намъ дали очень скоро почувствовать, какъ смотрятъ на насъ! Съ первыхъ же шаговъ показали намъ, что явились въ Болгарію не для того, чтобы войти въ наше положеніе, узнать близко край, внимательно относиться къ нашимъ нуждамъ, а только для того, чтобы приказывать и повелѣвать, не обращая нисколько вниманія на наши мнѣнія, на наши представленія!

Я находилъ этотъ отзывъ голословнымъ и домогался фактовъ.

— Вы требуете фактовъ,—продолжалъ болгаринъ:— извольте. Вотъ одинъ. Когда еще русскія войска,— сталъ онъ разсказывать,—не перешли черезъ Дунай, въ Плоэшти отправилась болгарская депутація. Она была крайне милостиво принята самимъ Государемъ, князь Горчаковъ точно также обласкалъ ее, а тутъ обошлись совсѣмъ иначе. Въ рѣзкой формѣ заявили имъ, что не хотятъ знать никакихъ депутацій, чтобы они не смѣли думать, что являются какъ представители болгарскаго народа, что Болгарія не знаетъ и не будетъ знать политическаго представительства, и грозно посовѣтовали имъ, чтобы они выбросили изъ головы всякія политическія затѣи. Представьте себѣ,—съ большою уже горячностью сталъ передавать болгаринъ, — когда одинъ изъ этой депутаціи пожелалъ высказать какое-то соображеніе, ему громко закричали: „Мы не нуждаемся въ вашихъ соображеніяхъ, вы должны только слушаться и повиноваться, а не разсуждать!“ Скажите пожалуйста,—прибавилъ онъ: — неужели у васъ принято такъ обращаться съ людьми, не совершившими никакого преступленія: мы вѣдь думали, что такъ обращаются только въ Турціи.

Я, разумѣется, не придалъ особаго значенія этому разсказу, полагая, что такой пріемъ болгарской депутаціи былъ результатомъ какого-нибудь недоумѣнія, или просто случайнаго дурного расположенія духа губернатора Болгаріи, но, къ сожалѣнію, это былъ далеко не послѣдній разсказъ въ такомъ родѣ, и далеко не послѣдняя жалоба болгаръ на суровое съ ними обращеніе.

Но, безъ сомнѣнія, дѣятельность гражданскаго управленія нужно судить не по тому, какое впечатлѣніе производитъ извѣстное лицо, хотя и это впечатлѣніе не лишено своего значенія—тамъ въ особенности, гдѣ мы являемся въ качествѣ освободителей. Дѣятельность эта не богата еще дѣлами, хотя она и началась еще до вступленія нашихъ войскъ въ Болгарію. Первымъ актомъ губернатора Болгаріи было назначеніе, какъ всегда почти бываетъ у насъ, коммиссіи для собранія матеріа-

ловъ, съ цѣлью изученія Болгаріи. Задача этой коммиссіи была весьма почтенная, и если она не выполнила ее особенно блестящимъ образомъ, то, разумѣется, только потому, что она должна была ее выполнить съ необыкновенною поспѣшностью. Собрать матеріалы для изученія Болгаріи въ какой-нибудь мѣсяцъ или два—дѣло не легкое! 30-го апрѣля была командирована коммиссія, получившая отъ князя Черкасскаго для руководства подробную программу работъ, изъ Кишенева въ Бухарестъ. 3-го мая она приступила съ своимъ трудамъ, а 21-го мая, т.-е. по прошествіи всего 18-ти дней, вышелъ уже въ свѣтъ первый выпускъ матеріаловъ, въ объемѣ девяти печатныхъ листовъ. Если принять въ разсчетъ то время, которое должно было быть употреблено на напечатаніе труда коммиссіи, да притомъ еще въ небольшой болгарской типографіи, гдѣ имѣются всего два наборщика, то надо полагать, что коммиссія употребила на составленіе первой книги не болѣе двухъ-трехъ дней. Какою бы исполинскою способностью къ труду ни отличались члены коммиссіи, нельзя, конечно, было и требовать, чтобы, при такой изумительной быстротѣ работы, выпущенные въ свѣтъ матеріалы обладали серьёзными достоинствами. Нѣтъ, эти матеріалы въ сущности представляютъ не что иное, какъ нà-скоро сдѣланные переводы отрывковъ изъ заграничныхъ сочиненій, попавшихъ подъ руку членамъ коммиссіи. Эта работа въ-попыхахъ представляетъ собою довольно характерную черту, она обрисовываетъ собою все гражданское управленіе. Не долго думая, не долго размышляя, сдѣлать поскорѣе, а затѣмъ—кàкъ будетъ сдѣлано,—это вопросъ совершенно второстепенный! Но отчего же, можно спросить, потребовалась такая поспѣшность? Она объясняется двумя причинами: первая, это полное незнаніе того края, въ который мы вступали; вторая—это повальное убѣжденіе, что въ два-три мѣсяца мы очутимся передъ стѣнами Константинополя, вся Болгарія будетъ въ нашихъ рукахъ, а нельзя же, полагали, оставить страну,

не водворивъ въ ней немедленно порядка, и не поручивъ охраны его русскимъ дѣятелямъ.

Куда ни шла вторая причина, хотя и къ ней нельзя относится серьёзно, но первая? Боже, какъ вѣрно она рисуетъ собою нашу размашистую натуру, наши нравы, всю нашу систему! Сколько войнъ вели мы съ Турціей, сколько разъ приходили въ соприкосновеніе съ болгарами, чуть не цѣлый вѣкъ твердимъ мы, что наша политика на Востокѣ заключается въ освобожденіи, сначала говорилось, — христіанскихъ, потомъ славянскихъ народностей, наконецъ, въ послѣднее время, въ теченіи почти двухъ лѣтъ, начиная съ герцеговинскаго возстанія, мы понимали уже, что эта искра можетъ вызвать цѣлый пожаръ, который заставитъ насъ вступить въ Болгарію, — и что же! мы даже не позаботились узнать, каково состояніе народа, ради котораго мы будемъ воевать, какой существуетъ порядокъ въ этой странѣ, какъ она управляется, какими средствами располагаетъ, — словомъ, можно было подумать, что Болгарія лежитъ гдѣ-то далеко, за тридевять земель, куда не проникало никогда никакое человѣческое существо. Возможно ли представить себѣ бо̀льшее легкомысліе, обличающее и съ этой стороны нашу полную неприготовленность въ моментъ начала войны; не могъ ли я не вспомнить слова петербургскаго пессимиста, что наше отношеніе къ болгарамъ не серьёзное, что вчера мы нисколько не помышляли о немъ, а сегодня вдругъ воспламенились, но этотъ пламень можетъ такъ же быстро погаснуть, какъ быстро онъ вспыхнулъ.

— Неужели вы этому удивляетесь, — говорилъ мнѣ одинъ изъ знакомыхъ незнакомцевъ, бесѣдуя о нашемъ отношеніи къ Болгаріи: — я бы, признаюсь, удивлялся, если бы было иначе, если бы, начиная эту войну, у насъ оказалось знаніе страны, народа, условій его жизни, законовъ, словомъ, — всего того, что̀ доказываетъ серьёзное отношеніе къ дѣлу. Мы вѣдь не нѣмцы! вотъ если бы тѣ предприняли подобную войну, то они, конечно, предварительно бы изучили каждое село, каждую деревню,

и лучше бы знали болгаръ, чѣмъ когда-либо ихъ знали турки или даже сами болгары. А намъ этого не нужно, мы все понимаемъ, не размышляя, все знаемъ, не изучая. Вы, я вижу, слишкомъ требовательны!

Увы! эта иронія находила себѣ полное оправданіе. Гражданское управленіе Болгаріи, очевидно, стремилось доказать, что можно прекрасно управлять страною, не имѣя никакого понятія о странѣ и народѣ, которымъ люди призваны управлять. Судя по тѣмъ лицамъ, которыя были призваны для управленія княземъ Черкасскимъ, можно, съ увѣренностью не ошибиться, сказать, что онъ вполнѣ раздѣлялъ этотъ взглядъ.

Выборъ лицъ, призванныхъ для гражданскаго управленія Болгаріею, былъ предоставленъ исключительно князю Черкасскому; поэтому этотъ выборъ какъ нельзя лучше обрисовываетъ отношеніе гражданскаго губернатора къ своей задачѣ. Во время моего пребыванія въ Тырновѣ и позже, мнѣ пришлось встрѣтиться и довольно близко узнать тѣхъ, на чью долю выпала благодарная роль — служить проводниками русскаго вліянія въ Болгаріи. Я могу говорить объ этихъ лицахъ совершенно свободно, не испытывая ни малѣйшаго стѣсненія, такъ какъ само собою разумѣется, что я вполнѣ отдѣляю ихъ личныя достоинства отъ качествъ, требуемыхъ извѣстною дѣятельностью.

Значительное большинство лицъ, приглашенныхъ княземъ Черкасскимъ для гражданскаго управленія Болгаріею, являлось изъ различныхъ гвардейскихъ полковъ, какъ мы уже о томъ упоминали. Преимущественно это были молодые еще офицеры, и тѣ, которыхъ мнѣ привелось узнать, люди крайне симпатичные, съ добрымъ сердцемъ и хорошими намѣреніями. Нѣкоторые изъ нихъ оставили въ моей памяти неизгладимое впечатлѣніе, отъ нихъ вѣяло какою-то теплотою и задушевностью.

Но между обладаніемъ личными достоинствами, дѣлающими человѣка привлекательнымъ, и обладаніемъ качествами, необходимыми для такой дѣятельности, какъ

управленіе чужою страною, еще громадная разница. Такая дѣятельность требуетъ извѣстныхъ знаній, высшаго образованія, пониманія историческихъ условій, благодаря которымъ сложилась общественная жизнь и воспитались такіе или другіе нравы, словомъ, она требуетъ извѣстной подготовки; а что ея не было у лицъ, призванныхъ въ Болгарію, въ этомъ они всегда сами сознавались, и отсутствіе такой подготовки менѣе всего можетъ быть имъ поставлено въ вину.

— Я точно въ дремучемъ лѣсу, — говорилъ мнѣ одинъ только-что назначенный начальникомъ округа, — я понятія не имѣю, что́ мнѣ дѣлать, а между тѣмъ, повидимому, у меня масса обязанностей; только и есть одно утѣшеніе, что не я одинъ въ такомъ положеніи, а всѣ мы бродимъ въ потьмахъ, не зная, зачѣмъ мы здѣсь, что́ мы имѣемъ право дѣлать, и чего нѣтъ.

Меня не могъ, конечно, не интересовать вопросъ, вслѣдствіе какихъ соображеній всѣ эти гвардейскіе офицеры, имѣвшіе до́ма извѣстное положеніе, хорошо имъ знакомую дѣятельность, рѣшились бросить Петербургъ и посвятить себя совершенно новому и незнакомому дѣлу. Всѣ почти отвѣты походили другъ на друга, какъ два листа одного и того же дерева.

— Видите ли, — говорилъ мнѣ тотъ же офицеръ, — гвардія оставалась въ Петербургѣ, между тѣмъ всѣ стремились за Дунай, перевода добиться было довольно трудно, а между тѣмъ предлагаютъ ѣхать сюда. Отчего же не попробовать? Понравится — хорошо, нѣтъ, я ничего не теряю. Изъ полка я не выхожу, производство идетъ своимъ чередомъ, наконецъ, разъ что́ я здѣсь, мнѣ уже легче попасть въ дѣйствующую армію, да если бы этого и не случилось, все-таки — не бѣда. Пробуду здѣсь нѣкоторое время, увижу новую страну, и въ-добавокъ получаю здѣсь хорошее жалованье, подъемные и т. д.

Что люди, пріѣхавшіе въ Болгарію для управленія этою страною, люди, вырванные изъ совершенно чуждой

этого рода дѣятельности среды, и нимало не подготовленные ни предшествовавшею дѣятельностью, ни своимъ чисто-спеціальнымъ образованіемъ, ни пріобрѣтенною опытностью, разсуждаютъ такимъ образомъ, это совершенно понятно и естественно, и, безъ сомнѣнія, не можетъ быть поставлено имъ въ вину; но что ихъ приглашаютъ, вызываютъ, ими завѣщаютъ весьма серьёзныя должности, этого не понимали они сами, какъ не понимаетъ, я полагаю, никто, кто только не былъ посвященъ въ преобразовательные замыслы гражданскаго губернатора Болгаріи. Но пока эти замыслы могли обнаружиться во всей глубинѣ ихъ, каждаго посторонняго человѣка поражалъ этотъ наплывъ гвардейскихъ офицеровъ, съ которыми въ большинствѣ случаевъ не знали что́ дѣлать. Въ Петербургѣ ихъ торопили словами: спѣшите на мѣсто вашего новаго служенія! — въ Тырновѣ говорятъ: подождите, намъ некуда васъ дѣвать!

А между тѣмъ, содержаніе этихъ лицъ было уже, конечно, опредѣлено, они его получали, и содержаніе не маленькое. О чемъ другомъ у насъ на Руси не подумаютъ, а ужъ о штатахъ безпокоиться нечего: они всегда составляли предметъ особой заботливости. Объ этихъ штатахъ сто́итъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ всѣ расходы по содержанію лицъ, вызванныхъ для гражданскаго управленія, должны были возмѣщаться изъ денежныхъ сборовъ болгарскаго края, и по нимъ болгары могли ознакомиться съ тѣмъ, какъ будутъ расходоваться ихъ деньги. Я знаю, что противъ этого сейчасъ же можетъ быть сдѣлано такое возраженіе: сколько-бы ни стоило болгарамъ русское управленіе, все-таки оно будетъ дешевле турецкаго! Спора нѣтъ, но вѣдь мы и пришли-то въ Болгарію, чтобы освободить ее отъ гнета и разоренія. Итакъ, каковы же опредѣленные штаты? Прежде всего—губернаторъ, получающій 7,000 р. жалованья, сверхъ чего на экстраординарные расходы ему полагается ежегодно отъ 6,000 до 10,000 р. с. Затѣмъ идетъ вице-губернаторъ, получающій 4,500 р.;

далѣе, начальникъ округа 2,500 р., получающій, сверхъ того, на экстраординарные расходы да разъѣзды еще 1,500 р.; полиціймейстеръ столько же и т. д. и т. д. Нельзя при этомъ не замѣтить, что, на основаніи положенія о штатахъ, „суммы, назначаемыя на экстраординарные расходы, остаются въ безотчетномъ распоряженіи лицъ, коимъ они назначены". Если къ этому прибавить еще, что значительная часть этихъ окладовъ должна была выдаваться золотомъ, что всѣ лица, призванныя въ Болгарію изъ Россіи, получали на подъемъ годовое жалованье „и двойные, по чинамъ, прогоны, на одинаковомъ основаніи съ чинами, отправляющимися на службу въ Туркестанскій край", что всѣмъ лицамъ „отводятся насчетъ городовъ и селеній соотвѣтственныя помѣщенія", — то дѣлается довольно понятнымъ, что матеріальныя условія представлялись настолько заманчивыми, что весьма легко могли бы преодолѣть въ людяхъ, призванныхъ въ Болгарію, сознаніе своей абсолютной неприготовленности къ тому дѣлу, которому они должны были служить.

Я далекъ, впрочемъ, отъ мысли дѣлать упрекъ тѣмъ лицамъ, которыя явились въ Болгарію для занятія различныхъ должностей по гражданскому управленію краемъ; принимая сдѣланное имъ предложеніе, они руководились не исключительно матеріальными выгодами, забывая о всемъ остальномъ. Многихъ изъ этихъ лицъ мнѣ пришлось узнать довольно близко, и я съ увѣренностью могу сказать, что большинство изъ нихъ стояло выше подобныхъ нареканій. Но къ чему же тогда, меня могутъ спросить, они принимали эти назначенія; если матеріальныя выгоды не пересиливали всѣхъ другихъ соображеній, то зачѣмъ они не отказались отъ приглашеній, если только они сознавали свою неприготовленность, свою неумѣлость?

Этотъ вопросъ приходилось дѣлать и мнѣ, и, выслушивая отвѣтъ, полный искренности, я отлично понималъ, что со стороны этихъ людей не было сдѣлано не только

ничего предосудительнаго, но что 99 на 100 поступили бы и другіе точно такъ же, какъ и они.

— Когда мнѣ предложили ѣхать въ Болгарію,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ этихъ офицеровъ,—я прежде всего поспѣшилъ отказаться. Отчего же вы отказываетесь, спрашивали меня: развѣ условія кажутся вамъ недостаточно выгодными?—Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—условія чрезвычайно выгодны, но я не могу принять этого предложенія, такъ какъ я ровно ничего не знаю и не понимаю въ дѣлѣ гражданскаго управленія!—„Помилуйте, вамъ ничего знать и не нужно, вы можете быть совершенно спокойны, вы получите точныя инструкціи и будете по нимъ дѣйствовать!"—Я чувствовалъ,—продолжалъ мнѣ разсказывать офицеръ,—что такой доводъ мало убѣдителенъ и продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ.

— Чѣмъ же васъ убѣдили?—спрашивалъ я.

— Меня убѣдили не доводами, а именемъ князя Черкасскаго. Я всегда слышалъ о немъ, какъ объ очень замѣчательномъ человѣкѣ, и потому когда мнѣ стали говорить:—повѣрьте, если князь Черкасскій предлагаетъ эти мѣста гвардейскимъ офицерамъ, онъ, значитъ, знаетъ, что́ дѣлаетъ! Это былъ для меня самый убѣдительный доводъ, я подумалъ-подумалъ — и рѣшился попробовать!

И я долженъ сказать, что большинство лицъ, пріѣхавшихъ въ Болгарію, смотрѣли на свои мѣста какъ на пробу, и весьма многіе изъ нихъ очень скоро убѣдились, что проба оказалась неудачною. Всѣ почти жаловались на то, что имъ приходилось дѣйствовать какъ Богъ пошлетъ на душу, никакихъ серьёзныхъ и дѣльныхъ инструкцій они не получали, а если получали, то такія, какимъ не было возможности слѣдовать. Двадцать разъ приходилось мнѣ слышать жалобы, что тѣ, которые должны были наставлять ихъ въ новой дѣятельности, сами не знали, что́ имъ дѣлать; отсюда происходило то, что сегодня дается какое-нибудь предписаніе, завтра отмѣняется, сегодня говорятъ—поступайте та́къ, завтра прямо наоборотъ. Словомъ, всѣ почти очень скоро убѣ-

дились, что хаосъ, еще естественно господствующій въ дѣлахъ во время войны, несравненно болѣе господствуетъ въ умахъ, что желали сочинить что-то очень мудрое, а сочинили только нѣчто очень мудреное.

Вслѣдствіе этого, единства въ дѣятельности не было никакого, все опредѣлялось чисто субъективными воззрѣніями того или другого лица. Одинъ являлся дѣйствительно защитникомъ болгаръ, и старался пріобрѣсти ихъ сочувствіе и любовь къ русскимъ, другой становился защитникомъ турокъ и весьма сурово обходился съ болгарами.

— Я знаю,—говорилъ мнѣ одинъ изъ начальниковъ округа, когда мы странствовали по его владѣніямъ, и останавливались въ деревняхъ, — что „братушки" меня терпѣть не могутъ, но мнѣ это все равно, это такой дрянной народецъ, съ которымъ нужно обходиться строго. Теперь они боятся меня, потому что знаютъ, что я имъ даромъ ничего не пропущу: виноватъ — двадцать пять нагаекъ! Пусть боятся!

— Послушайте, — возражалъ я ему, — однако вѣдь нагайка это очень дурное средство пріобрѣсти расположеніе болгаръ.

— А я вотъ бы сдѣлалъ васъ на недѣльку начальникомъ ка́зы, то вы бы и увидѣли, можно или нѣтъ обходиться безъ нагайки: вы каждый день сыпали бы двѣсти-триста штукъ! Вы не знаете болгаръ, а что касается ихъ расположенія,—да Богъ съ нимъ, на что́ оно намъ нужно?

— Да вѣдь вы все забываете, что мы пришли вѣдь освобождать ихъ! А вы съ нагайкой!

— Повѣрьте мнѣ, что для нихъ лучшее освобожденіе—это нагайка!

И сколько я съ нимъ ни спорилъ, онъ твердо стоялъ на своемъ, что управлять болгарами безъ нагайки невозможно, и продолжалъ ее считать лучшимъ орудіемъ правительственной мудрости.

И не подумайте, чтобы это былъ какой-то звѣрь,

которому бы доставляло удовольствіе сыпать ударами нагайки, — нѣтъ, это былъ чрезвычайно милый, добрый и умный человѣкъ. Нагайка вытекала вовсе не изъ звѣрскихъ инстинктовъ, а изъ извѣстной системы воспитанія и самаго крайняго непониманія нашей задачи среди южныхъ славянъ. Ему казалось почему-то справедливымъ отстаивать интересы турокъ, оставшихся въ мѣстности, занятой нашими войсками, и сурово преслѣдовать малѣйшее проявленіе вѣковой злобы болгарскаго населенія противъ ихъ угнетателей. Узнаетъ онъ, что какой-нибудь болгаринъ, послѣ занятія города или деревни русскими, дозволялъ себѣ присвоить что-либо изъ турецкой собственности, тотчасъ на сцену появляется нагайка.

— Да перестаньте, что́ вы дѣлаете, развѣ это возможно!

— А по-вашему можно дозволять грабить? я ихъ проучу, этихъ братушекъ!

И сколько ни стараешься убѣдить, что въ моменты остраго кризиса нельзя такимъ образомъ относиться къ людямъ, выстрадавшимъ, кажется, всѣ муки ада отъ турокъ, что грабежъ является подчасъ вовсе не результатомъ желанія ограбить, а желанія вполнѣ естественнаго — отмстить, ничто не дѣйствуетъ, всѣ доводы безсильны.

— Какое мнѣ дѣло до ихъ прежней вражды, я хочу, чтобы какъ турки, такъ и болгары жили спокойно. Посмотрите на турокъ, на которыхъ такъ нападаютъ, ка̀къ они ведутъ себя, ка́къ обращаются съ болгарами, — ни одинъ ихъ не тронетъ; такъ пусть же и болгары знаютъ, что они не смѣютъ ихъ обижать. А кто обижаетъ, тому — нагайка!

Тщетно было возражать, что нельзя скоро забыть вѣковой вражды, что турки ведутъ себя тихо и скромно только потому, что они побѣжденные, что они не грабятъ и не убиваютъ болгаръ только потому, что видятъ предъ собою русскихъ солдатъ, но что пусть только уйдутъ послѣдніе, пусть хоть на нѣсколько часовъ эта мѣстность снова будетъ занята турецкими войсками, и

тогда еще и еще разъ вся деревня или весь городъ будутъ залиты болгарскою кровью. До этихъ соображеній начальнику ка́зы, или округа, не было никакого дѣла, всѣ историческія условія онъ совершенно игнорировалъ. Онъ примѣнялъ къ управляемымъ имъ болгарамъ ту систему военной дисциплины, къ которой привыкъ еще съ юныхъ лѣтъ, и ему казалась дикою и невозможною всякая иная система. Онъ не могъ понять, что система военной дисциплины совершенно непригодна для гражданскаго управленія, и потому нагайка немилосердно ходила по спинамъ несчастныхъ болгаръ. Правда, спины эти были давно уже привычны къ безчеловѣчнымъ ударамъ. Сѣно не скошено въ срокъ — нагайка, мостъ не исправленъ — нагайка, не поставлено извѣстное число подводъ — нагайка! Но можно ли, спрашивается, было винить такого начальника округа за систему его управленія? Очевидно, нѣтъ: онъ дѣйствовалъ по своему крайнему разумѣнію, убѣжденный, что онъ руководится чувствомъ справедливости какъ въ отношеніи турокъ, такъ и въ отношеніи болгаръ. Винить, конечно, можно было только тѣхъ, кому ввѣрено было устройство гражданскаго управленія. Результаты такой системы мнѣ пришлось наблюдать въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ мы останавливались. Турки относились къ этому начальнику округа съ видимымъ расположеніемъ; въ своихъ домахъ оказывали ему всякія любезности, заявляли всевозможныя жалобы,—и получали, нужно сказать, полное удовлетвореніе. Болгары же безпрекословно исполняли приказанія, но на лицахъ ихъ нельзя было прочесть ни особаго довольства, ни радости. Они получали убѣжденіе, что если ихъ били произвольно турки, то также произвольно бьютъ ихъ и русскіе.

Если я указываю на такое нѣсколько оригинальное пониманіе своихъ обязанностей одного изъ должностныхъ лицъ гражданскаго управленія, то только потому, что оно далеко не представляло собою явленія исключительнаго, рѣзко-отличавшагося отъ всего остального. Напро-

тивъ, если меня что-либо поражало, то, конечно, это преобладающая, видная роль, которую такъ часто играла нагайка. Примѣръ заразителенъ, и употребленіе нагайки быстро переходило отъ одного къ другому. Она, къ сожалѣнію, получила право гражданства, и кто только не злоупотреблялъ этимъ оригинальнымъ орудіемъ цивилизаціи! Болгары, очевидно, не могли быть особенно довольны такимъ управленіемъ, сопряженнымъ при этомъ со всѣми бѣдствіями и страшными жертвами войны, между тѣмъ это подчасъ даже дурно-скрытое неудовольствіе служило источникомъ нареканій въ неблагодарности и испорченности. Всѣ точно забывали, что отъ народа, да притомъ забитаго и находящагося, въ силу турецкаго ига, въ невѣжественномъ состояніи, нельзя требовать разсужденій, отмѣченныхъ печатью философской зрѣлости, на тэму: мы должны претерпѣть новыя страданія въ настоящемъ, чтобы достигнуть лучшаго будущаго! Болгарскій народъ усталъ страдать; онъ жаждалъ чуть не царствія небеснаго на землѣ... можно ли винить его, что онъ не скрывалъ горечи своего разочарованія? Когда настоящее терзаетъ васъ, то надежда на будущее мало кого способна утѣшить!

Съ одной стороны, такое недовольство тѣхъ, кого мы пришли освобождать, съ другой—отсутствіе какой-либо ясно-установленной задачи отчетливаго пониманія своей роли, своихъ обязанностей, своего назначенія, вызывали въ свою очередь недовольство даже тѣхъ лицъ гражданскаго управленія, для которыхъ нашлось все-таки дѣло въ сѣверной части Болгаріи,—а такихъ, строго говоря, было не много. Если эти горько жаловались на свою судьбу и не разъ проклинали тотъ день, когда приняли приглашеніе князя Черкасскаго, то что́ же сказать о тѣхъ, для которыхъ изобрѣтали дѣло, потому-что въ дѣйствительности его не было? Множество лицъ наѣхало въ Болгарію съ цѣлью управлять страною, но управлять было не́чѣмъ, приходилось ждать у моря погоды.

Но гражданскій губернаторъ Болгаріи, повидимому,

не обращалъ на то вниманія, и, желая размѣстить вызванныя лица, назначалъ ихъ губернаторами, вице-губернаторами, начальниками округовъ въ Рущукъ, Филиппополь, Плевну. Всѣ эти назначенія происходили въ тотъ тревожный іюль мѣсяцъ, когда мы испытывали столько же неожиданныя, сколько и горькія неудачи. Подобныя назначенія имѣли своимъ прямымъ послѣдствіемъ — дискредитированіе гражданскаго управленія, и кто только не дѣлалъ обидныхъ ироническихъ замѣчаній:

— А что же, не назначенъ еще губернаторъ адріанопольскій?

— Да ужъ кстати было бы назначить губернатора въ Константинополь.

Такимъ образомъ, гражданское управленіе еще лѣтомъ завоевало и Рущукъ, и Филиппополь, и другіе города.

Представьте же себѣ положеніе человѣка, который на вопросъ — какую онъ занимаетъ должность? вынужденъ отвѣтить:

— Я назначенъ губернаторомъ Рущука!

— Рущука? да развѣ онъ взятъ?

— Нѣтъ, онъ не взятъ, но онъ можетъ быть взятъ!

И рущукскій губернаторъ получаетъ 7,000 р. жалованья, и филиппопольскій губернаторъ получаетъ тѣ же 7,000 р. Не въ правѣ ли были дивиться болгары такому оригинальному расходованію суммъ, собираемыхъ съ нихъ нашими властями.

Весьма многіе изъ офицеровъ гвардіи не могли мириться съ комическимъ положеніемъ, созданнымъ имъ гражданскимъ управленіемъ, и думали о томъ, какъ бы поскорѣй развязаться съ принятыми ими предложеніями.

— Нѣтъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ этихъ людей, — я ни за что не останусь служить въ этомъ гражданскомъ управленіи; если бы я только могъ предвидѣть всю эту комедію, я бы никогда сюда не пріѣхалъ. Слава Богу, гвардія, говорятъ, будетъ вызвана на театръ войны; какъ только она придетъ, я снова тотчасъ возвращусь въ свой полкъ. Я не могу играть роль какой-

то куклы, а служить тутъ съ пользою я не въ силахъ, у меня нѣтъ на то ни подготовки, ни опытности.

Гвардія пришла, и тотъ, который произносилъ эти слова съ такою искренностью, возвратился въ свой полкъ. Онъ сослужилъ службу русскому народу, но, увы! смертью заплатилъ онъ за принесенную имъ пользу. Турецкая граната подкосила его молодую жизнь въ сраженіи при Горнемъ-Дубникѣ,—онъ погибъ смертью человѣка, исполнившаго свой святой долгъ передъ родиной.

Но чѣмъ же, спрашивается, можетъ быть объяснено приглашеніе лицъ изъ военнаго сословія для занятія должностей по гражданскому управленію? Я не могъ довѣрять тому объясненію, которое мнѣ приходилось такъ часто слышать. Объясненіе это казалось мнѣ просто неправдоподобнымъ. Оно состояло въ томъ, что вызовъ лицъ, совершенно не приготовленныхъ къ такого рода дѣятельности, обусловливается будто бы исключительно личными свойствами самого начальника, его характеромъ, не терпѣвшимъ никакой самостоятельности во всѣхъ, кто только ему подчиненъ. Его противники рѣшительно настаивали, что, обладая свойствомъ, не рѣдко встрѣчающимся въ государственныхъ людяхъ, не выносить въ подчиненныхъ самаго легкаго противорѣчія и считать собственное мнѣніе непозволительнымъ вольнодумствомъ, князь Черкасскій остановился въ своемъ выборѣ на лицахъ военнаго сословія какъ на элементѣ, наиболѣе привыкшемъ къ дисциплинѣ и къ слѣпому повиновенію, безъ всякихъ разсужденій и безъ тѣни критики воли начальника. Они утверждали, что губернаторъ Болгаріи держался убѣжденія, что на землѣ существуетъ только одна разумная, сознательная воля—это его собственная, и что потому всѣ остальныя лица, которыя должны были помогать ему въ дѣлѣ управленія Болгаріи, не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ послушными орудіями въ его рукахъ. Тѣ же противники доказывали далѣе, что это убѣжденіе вытекало изъ общаго его политическаго міросозерцанія, краеугольнымъ камнемъ котораго

ОБЩЕСТВЕН. БИБЛИОТЕКА

служило положеніе, что народы созданы для управителей, а вовсе не управители, какъ кричатъ легкомысленные либералы, для народовъ.

— Все, что́ происходитъ въ Болгаріи въ сферѣ гражданскаго управленія, — говорили мнѣ противники князя Черкасскаго,—все это не ново, все это является сколкомъ съ того, что́ дѣлалось въ царствѣ польскомъ. Тамъ точно такъ же и преимущественно всѣ должности находились въ рукахъ лицъ военнаго сословія, привыкшихъ дѣйствовать рѣшительно, круто. Привычка къ кругости сохранилась, и отдѣлаться отъ нея, повидимому, не такъ-то легко. Она заставляетъ даже забывать различіе въ почвѣ для дѣятельности. Тамъ приходилось имѣть дѣло съ не-другами правительства, тутъ же вы встрѣчаете только друзей русскаго народа. Тамъ крутость могла побѣждать, тутъ она вооружаетъ тѣхъ, которые видятъ въ русскихъ старшихъ братьевъ, пришедшихъ на помощь. Вотъ почему система дѣйствій, устанавливаемая здѣсь и заключающаяся въ томъ, что въ одинъ прекрасный день назначатъ начальникомъ округа или даже губернаторомъ человѣка, видящаго въ нагайкѣ лучшее средство для управленія, а въ другой—высокомѣрно и рѣзко отнесутся къ болгарамъ, являющимся для выраженія чувства благодарности, сегодня заподозрятъ цѣлую партію, хотя бы партію молодой Болгаріи, въ политической неблагонадежности и обвинятъ ее чуть не въ революціонныхъ проискахъ, завтра устранятъ отъ общественной дѣятельности болгарина только за то, что онъ мечтаетъ для своей родины о самостоятельной политической жизни, о свободномъ, нестѣсненномъ опекою, развитіи — такая система дѣйствій едва ли доставитъ Россіи прочную любовь и беззавѣтную преданность со стороны болгаръ, на что́, безспорно, Россія пріобрѣла право цѣною обильно-пролитой дорогой крови русскаго солдата-героя. И будутъ ли виноваты, скажите, одни только болгары, если за сдѣланное имъ добро — освобожденіе отъ турецкаго ига, они не заплатятъ тою го-

рячею привязанностью, которая, кажется, на вѣки должна была бы соединить это несчастное племя съ русскимъ народомъ?

Что въ этомъ мнѣніи была значительная доля справедливаго, въ этомъ трудно было сомнѣваться тому, который хотя нѣсколько присмотрѣлся на мѣстѣ къ характеру гражданскаго управленія. Характеромъ этимъ объясняется, между прочимъ, и то, что въ числѣ лицъ, служившихъ въ гражданскомъ управленіи, было такъ мало дѣйствительно гражданскаго элемента. Казалось бы совершенно естественно, чтобы въ дѣлѣ введенія гражданскаго управленія въ Болгаріи приняли участіе люди, получившіе хоть какой-либо навыкъ къ такому дѣлу своею предшествовавшею дѣятельностью въ Россіи,— люди если и не спеціально знакомые съ болгарскимъ народомъ, то все же хоть получившіе высшее образованіе, болѣе способные освоиться съ историческими условіями близкаго намъ народа. Такихъ людей, однако, за исключеніемъ трехъ-четырехъ человѣкъ, на которыхъ была возложена разработка вопросовъ по финансовой, судебной части, въ дѣйствительности не оказалось. Почему? потому ли, что такихъ не находилось, людей не было желающихъ ѣхать въ Болгарію и посвятить себя скромной и невидной дѣятельности въ незнакомой странѣ? Это предположеніе казалось невѣроятнымъ въ виду того сочувствія, которое обнаружилось въ русскомъ обществѣ къ дѣлу освобожденія южныхъ славянъ. Нельзя же сказать, чтобы у всѣхъ это сочувствіе было только, по выраженію Гамлета, „слова́, слова́ и слова́!“ И на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Мнѣ приходилось встрѣчать людей съ прекраснымъ образованіемъ, полныхъ энергіи и готовности служить славянскому дѣлу, порѣшившихъ пріѣхать въ Болгарію, чтобы предложить свои услуги начальнику края, но предложеніе ихъ было принято такъ, что люди эти, дорожившіе чувствомъ собственнаго достоинства, должны были очень скоро отказаться

отъ мысли стать въ непосредственное дѣловое отношеніе къ болгарскому народу.

Зная это, я не могъ признавать вполнѣ справедливыми тѣ доводы, которыми сторонники принятой системы гражданскаго управленія защищали какъ самую систему, такъ и назначеніе на весьма серьёзныя должности лицъ, совершенно къ тому неподготовленныхъ.

— Что же вы хотите,—говорили они,—когда у насъ нѣтъ людей! Мы и у себя-то, въ Россіи, жалуемся постоянно на недостатокъ въ людяхъ, и жалуемся не безъ основанія. Посмотрите, что̀ дѣлается въ земствахъ, въ мировыхъ учрежденіяхъ, ка́къ пополняется составъ слѣдователей, прокуратуры, адвокатуры, вспомните, много ли находилось людей, дѣйствительно серьёзно подготовленныхъ для проведенія въ жизнь совершённыхъ реформъ, и тогда вы призна́ете, что лучшее можетъ быть, что̀ можно было придумать для Болгаріи — это призвать лицъ изъ военнаго сословія, которыя по крайней мѣрѣ слѣпо будутъ исполнять всѣ приказанія и, не разсуждая, хорошо ли то или другое, или дурно, будутъ безпрекословно держаться данныхъ имъ инструкцій.

— А не думаете ли вы,—возражали этимъ сторонникамъ установленной системы гражданскаго управленія,—что ваша защита, не говоря уже о томъ, что она несправедлива, гораздо болѣе походитъ на обвиненіе, нежели на защиту. Вы указываете на недостатокъ въ людяхъ, но не проистекаетъ ли этотъ недостатокъ, этотъ ограниченный кругъ настоящихъ „избранныхъ“ только оттого, что въ дѣйствительности было мало „званыхъ“, что условія, которыми постоянно обставлялось призваніе лицъ, были таковы, что многіе вынуждены были не откликаться на зовъ? Условія же эти все тѣ же, какихъ вы требуете для лицъ, явившихся въ Болгарію, и выражающіяся въ немногихъ словахъ: „слѣпое исполненіе“, „не разсуждать“, „безпрекословно“ повиноваться. Что̀ выйдетъ изъ такой системы въ Болгаріи, можно и не

говорить, такъ какъ нѣтъ разумной системы, основанной на неразумныхъ принципахъ!

Но противъ доводовъ первыхъ, т.-е. защитниковъ гражданскаго управленія, можно мнѣ кажется сдѣлать еще одно и самое вѣское возраженіе, Если, правда, что въ Россіи не существуетъ людей подготовленныхъ къ такой дѣятельности, то не служитъ ли это лучшимъ доказательствомъ, что мы не должны вносить въ Болгарію нашихъ порядковъ, что не нужно было задаваться цѣлью устроить въ этой странѣ гражданское управленіе, а слѣдовало только освободить этотъ народъ отъ пятисотлѣтняго рабства и предоставить ему устроить свою политическую жизнь по своему собственному усмотрѣнію? Авось болгары не оказались бы хуже сербовъ, съумѣвшихъ безъ посторонней опеки устроить себѣ политическую жизнь, и нельзя сказать, чтобы эта жизнь не покоилась на разумныхъ началахъ. Признавая вѣрнымъ положеніе, что наша общественная жизнь не выработала достаточно людей даже для собственнаго обихода,—единственная мораль, которую можно вывести изъ такого положенія, опять-таки сводится къ прописной истинѣ, что прежде чѣмъ воспитывать другихъ, нужно позаботиться о своемъ собственномъ воспитаніи. Исходя изъ этого положенія, нельзя не признать справедливымъ, что наше поведеніе въ отношеніи болгаръ было бы болѣе цѣлесообразно, если бы мы ограничились введеніемъ во время войны исключительно военнаго управленія, и отбросили бы въ сторону всякія поползновенія, не довольствуясь освобожденіемъ болгаръ отъ турецкаго ига, надѣлить ихъ еще высокимъ общественнымъ строемъ.

Итакъ, нельзя не согласиться, кажется, съ тѣмъ, что политическія соображенія были противъ введенія гражданскаго управленія въ Болгаріи русскими властями. Но къ политическимъ соображеніямъ должны быть также присоединены соображенія чисто практическія или, вѣрнѣе, военно-практическія. Время войны не создано вообще для того, чтобы могли быть предпринимаемы внут-

реннія реформы въ странѣ. Время это наступаетъ съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Какимъ бы блескомъ ни завершилась та или другая война, но блескъ этотъ никогда не долженъ ослѣплять глаза людей, которымъ дорого не мишурное, а истинное величіе своей родины. Та или другая война по своему исходу, благодаря героизму ли арміи или деморализаціи противника, можетъ быть вполнѣ блестящею, и все-таки на общественномъ организмѣ она можетъ обнаружить такія язвы, которыя ведутъ къ полному разложенію политическаго тѣла, если своевременно не будутъ приняты мѣры, способныя исцѣлить ихъ. Горе странѣ, если военные успѣхи настолько отуманятъ общественное сознаніе, что она возмечтаетъ о своемъ совершенствѣ и забудетъ о подтачивающихъ ее язвахъ. Но не прежде чѣмъ съ наступленіемъ мира можетъ быть, или, вѣрнѣе, должно быть приступлено къ внутреннимъ преобразованіямъ. Если такое положеніе справедливо вообще, то оно имѣетъ въ особенности значеніе, когда идетъ вопросъ о такой странѣ, какъ Болгарія, испытывающей на себѣ еще ближе такъ сказать горячечное состояніе, вызываемое неизбѣжными ужасами войны. Можно ли въ такой странѣ найти хотя единаго человѣка, который бы въ это тревожное время сохранялъ настолько спокойствіе духа, чтобы могъ отдаться всецѣло служенію мирныхъ интересовъ? Очевидно, нѣтъ. Притомъ, шансы войны бываютъ и перемѣнчивы. Сегодня вы вырываете изъ рукъ турокъ нѣсколько селеній и городовъ, вы установляете новый порядокъ вещей, избираете людей, которые должны служить этому новому порядку! Завтра враги торжествуютъ, положимъ и временно, но тѣмъ не менѣе этотъ, даже самый мимолетный переходъ власти достаточенъ для того, чтобы смести только-что установленный новый порядокъ и подвергнуть жестокимъ карамъ тѣхъ, кто дерзнулъ принять на себя роль его служителей. При такомъ положеніи неизбѣжно будетъ подорванъ авторитетъ всѣхъ тѣхъ, кто устанавливалъ этотъ новый порядокъ. Но помимо этого

условія, требованія войны крайне капризны. Сегодня нужно принять одну мѣру, завтра эти капризныя условія войны потребуютъ ея уничтоженія и замѣны ея мѣрою прямо противоположною. Вслѣдствіе этого является постоянное колебаніе, недопускающее установленіе чего-либо прочнаго, а между тѣмъ безъ этой прочности едвали возможно и помышлять о серьёзномъ проведеніи въ народную жизнь какихъ-либо началъ того или другого порядка.

ГЛАВА VI.

Отъ Тырнова до Казанлыка.

Введеніе гражданскаго управленія въ Болгаріи въ разгаръ самой войны должно было подтвердить все сказанное мною выше самымъ нагляднымъ образомъ, и потому—способъ введенія новыхъ порядковъ, результаты, которые достигались, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Мнѣ представился случай быть свидѣтелемъ введенія гражданскаго управленія и убѣдиться въ степени прочности водворяемаго порядка. Случаемъ этимъ я и воспользовался съ тѣмъ бо́льшею охотою, что онъ давалъ возможность ближе вглядѣться въ болгаръ и самому сдѣлать оцѣнку ихъ отношенія къ намъ, русскимъ.

Войска наши были уже за Балканами. Храбрый отрядъ генерала Гурко, преодолѣвъ страшныя трудности, занялъ уже Казанлыкъ. Кто не помнитъ этого времени, когда въ началѣ іюля мы мечтали уже черезъ мѣсяцъ или два окончить кампанію. Все, казалось, намъ улыбалось, мы не знали препятствій. Въ занятой нашими войсками мѣстности, очищенной отъ турецкаго правленія, предстояло ввести гражданское управленіе. Въ видахъ ближайшаго ознакомленія съ тѣмъ, въ какомъ положеніи находилась эта мѣстность и для введенія въ ней новаго порядка, изъ Тырнова должны были отправиться нѣсколько

человѣкъ офицеровъ, служившихъ въ гражданскомъ управленіи, но не посвященныхъ еще въ его сокровенный смыслъ. Съ ними долженъ былъ ѣхать одинъ изъ самыхъ умныхъ людей, стоявшій около князя Черкасскаго; ни у кого почти я не видѣлъ такого яснаго пониманія нашей задачи, такого свѣтлаго взгляда на наше отношеніе къ южнымъ славянамъ. Едвали это былъ не единственный человѣкъ, хорошо знакомый съ нравами, характеромъ болгарскаго народа и съ тѣми историческими условіями, которыя создали и этотъ характеръ и эти нравы. Примкнувъ къ этой небольшой партіи, состоявшей изъ людей какъ нельзя болѣе симпатичныхъ, 11-го или 12-го іюля мы выѣхали изъ Тырнова.

Съ этою-то „коммиссіей" по дѣламъ гражданскаго управленія я совершилъ весь путь отъ Тырнова до Казанлыка. Мы останавливались въ городахъ, селахъ и деревняхъ, и путь этотъ былъ интересенъ не только съ точки зрѣнія ознакомленія съ вводимыми нами порядками, но, быть можетъ, еще больше съ точки зрѣнія бытовой. Во время этого странствованія можно было вдоволь присмотрѣться къ болгарамъ и къ ихъ отношенію къ намъ, русскимъ. Нужно ли говорить, что на нашемъ пути часто встрѣчались суровые слѣды войны, съ ея неизбѣжными спутниками, разореніемъ и опустошеніемъ, хотя, быть можетъ, и не въ такой степени, какъ это представляется настроенной на ужасы фантазіи. Богатая природа, непривычная для нашего глаза растительность, стройный хлѣбъ на корню, роскошные виноградники скрадывали впечатлѣніе то покинутыхъ, то сожженныхъ деревень, попадавшихся нерѣдко по дорогѣ. Хлѣбъ, виноградники не пострадали отъ войны, они не подверглись уничтоженію по той же причинѣ, по которой сохранились всѣ мосты, телеграфы и многіе города и деревни, покинутые турками. Приказъ уже былъ отданъ уничтожать хлѣбъ на корню и другія произведенія земли, но приказъ запоздалъ; быстрое движеніе передового отряда вплоть до Казанлыка спасло до-балканскую

Болгарію отъ варварскаго опустошенія. Сожженныя деревни были турецкія, и сожгла ихъ народная месть. Большинство же другихъ турецкихъ деревень представляло собою полную картину запустѣнія: турки при приближеніи нашихъ войскъ бѣжали, но это бѣгство турокъ ни мало не было похоже на бѣгство десятковъ тысячъ болгаръ: тѣ бѣжали, захвативъ все свое имущество, и для спасенія его отобрали у болгаръ на прощаньи ихъ лошадей, воловъ, словомъ —весь скотъ. Попадались, впрочемъ, и смѣшанныя деревни, на половину турецкія, на половину болгарскія. Изъ одной деревни всѣ турки ушли, въ другой остались, и къ чести болгаръ нужно сказать, что ни жизнь, ни достояніе этихъ оставшихся на своихъ мѣстахъ турокъ не подвергались ни малѣйшей опасности. Я не скажу разумѣется, что ни одинъ турокъ не былъ лишенъ жизни, ни одна вещь не была насильственно отнята у нихъ,—быть можетъ, такіе факты и встрѣчались; но, во всякомъ случаѣ, если они и бывали, то настолько рѣдко, что о нихъ не говорили, и мнѣ не приходилось слышать такихъ жалобъ отъ турокъ. Быть можетъ, скажутъ: страхъ удерживалъ этихъ людей обирать оставшихся въ своихъ жилищахъ турокъ; но едва ли такое возраженіе было бы справедливо, такъ какъ неубѣжавшихъ турокъ сравнительно было такъ мало, что они были вполнѣ безсильны передъ болгарскимъ населеніемъ. Скажутъ: страхъ возвращенія турокъ и ихъ будущей мести! но и это было бы невѣрно, такъ какъ болгары—увы!—хорошо знали, что если турки восторжествуютъ, то ничто, никакое дружелюбное отношеніе къ оставшимся туркамъ, не спасетъ ихъ отъ поголовной рѣзни и дикаго истребленія.

Что болгары не ошибались въ этомъ, тому кровавыя доказательства дали Ловча, Казанлыкъ, Беброво, Ески-Загра, Іени-Загра, Елена и еще многія другія деревни и села. Но глазъ скоро привыкалъ къ этимъ покинутымъ или сожженнымъ жилищамъ, и мы двигались впередъ, не обращая на нихъ больше вниманія. Къ вечеру мы

пріѣхали въ Дряново, большое селеніе, имѣвшее полное право считать себя городомъ, да еще не изъ послѣднихъ. Не знать бы, что турки еще нѣсколько времени тому назадъ держали это селеніе въ страхѣ и трепетѣ, никогда бы по наружному виду и въ голову не пришло, что здѣсь людямъ жилось не привольно:—все такъ чисто, красиво, улицы, дома, украшенные зеленью, терявшіеся въ садахъ, вызывали отрадное впечатлѣніе, не только поддерживаемое, но еще усиливаемое довольнымъ видомъ высыпавшаго на улицу населенія. День былъ праздничный, женщины, дѣти, чисто и даже красиво одѣтые, смотрѣли на военные костюмы съ какимъ-то веселымъ любопытствомъ. Мужчины дружески кланялись, снимая свои шапки, и на всѣхъ этихъ шапкахъ красовались кресты. Да, сомнѣнія нѣтъ, мы были желанные гости, и какъ легко было настроиться, судя по внѣшнему виду, на самый радужный тонъ. Совсѣмъ идиллія! Но такъ ли безмятежно было на душѣ у всего этого люда? Рабство пріучаетъ ко лжи и притворству, и изъ этихъ „добродѣтелей“ создаетъ вторую натуру. Когда люди извѣстнымъ общественнымъ строемъ, знакомымъ не однимъ болгарамъ на свѣтѣ, доводятся до того животнаго состоянія, что они дѣлаются способными лобызать ту руку, которая наноситъ удары ихъ человѣческому достоинству, тогда трудно становится добраться до искренняго чувства. Любовь и ненависть выражаются тогда въ одинаковыхъ формахъ. Вотъ почему и здѣсь наружный видъ вовсе еще не доказывалъ, что весь этотъ людъ спокойно смотритъ на свое будущее. За видимой улыбкой скрывалась невидимая на первый взглядъ тревога; но присмотритесь ближе, и это скрытое чувство опасенія не уйдетъ отъ вашего наблюденія.

Мнѣ не мудрено было въ этомъ убѣдиться, когда я вмѣстѣ съ другими пришелъ въ конакъ, т.-е. полицейское управленіе, куда приказано было собрать членовъ временнаго управленія общиною, замѣнившаго собою турецкое управленіе. Такихъ членовъ было десять, кромѣ

предсѣдателя, но въ конакъ пришли не только члены временнаго управленія, но многіе изъ жителей, такъ что комната, корридоръ, дворъ—все наполнилось народомъ.

Необыкновеннымъ смиреніемъ, носившимъ на себѣ печать забитости, столь привычной для нашего глаза, проникнуты были собравшіеся тутъ болгары. Они стояли, и при первомъ почти словѣ кланялись и благодарили, благодарили и кланялись.

— Вамъ извѣстна прокламація русскаго царя къ болгарамъ?—спрашиваютъ ихъ черезъ молодого переводчика, сына извѣстнаго болгарскаго поэта Славейкова.

— Неизвѣстна!—отвѣчали болгары.

— Вамъ извѣстно, что впредь вы *навсегда* освобождаетесь отъ уплаты бедель?

— Неизвѣстно!—отвѣчаютъ болгары и кланяются.

Бедель, это—подать, которую турки брали со всѣхъ христіанъ за полное освобожденіе ихъ отъ воинской повинности. Подать эта, безъ сомнѣнія, не была особенно тяжела для болгаръ, особенно, если подумать, что, благодаря ей, они не несли самой тяжелой, хотя и самой высокой въ нравственномъ смыслѣ повинности. Но для того, чтобы дорожить этою повинностью, необходимо сознаніе, что обязанность каждаго человѣка—защищать свою родину, отстаивать независимость, свободу своего народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы существовало другое сознаніе, что человѣкъ отстаиваетъ дорогіе ему интересы, что эти интересы таковы, что для нихъ стоитъ жертвовать своею жизнію. Одинъ изъ самыхъ опасныхъ результатовъ порядка, основаннаго не на свободной волѣ народа, а на попраніи народныхъ правъ, какъ то было въ Болгаріи, заключается именно въ томъ, что это сознаніе исчезаетъ, что человѣкъ не только начинаетъ относиться равнодушно, но даже враждебно къ тому строю государственной жизни, который всегда болѣе или менѣе ставится на карту въ критическую минуту, когда всѣ граждане призываются подъ знамена. Нѣтъ болѣе важнаго симптома опасной болѣзни, неми-

нуемо грозящей жизненной силѣ государства, чѣмъ когда во время войны, люди, искренно преданные и горячо любящіе свою родину, вынуждены опасаться за успѣхъ оружія той страны, къ которой они принадлежатъ, страшась, что этотъ успѣхъ упрочитъ только безправный порядокъ. Теперь становится вполнѣ понятнымъ, что болгары не могли дорожить военною повинностью, что они предпочитали платить взамѣнъ ея извѣстный налогъ. У нихъ не могло быть сознанія высокой обязанности защищать свою родину—потому что Турція всегда была для нихъ злою, преступною мачихой, у нихъ не было интереса защищать ея государственный строй, потому что строй этотъ служилъ для нихъ источникомъ чудовищныхъ бѣдствій. Естественно поэтому, что болгары, подданные турецкой имперіи, каждый разъ, какъ начиналась въ ея предѣлахъ война, должны были горячо желать, чтобы турецкому оружію было нанесено рѣшительное и грозное пораженіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіе отъ этой повинности разслабляющимъ образомъ дѣйствуетъ на нравственныя силы людей. Они привыкаютъ къ мысли, что сами они безсильны, что охранять ихъ должны другіе, мало-помалу у нихъ исчезаетъ необходимое для народа мужество, и кончается тѣмъ, что въ освобожденіи своемъ отъ воинской повинности они видятъ не позоръ безправныхъ людей, а даже извѣстное преимущество. Причины эти, дѣйствовавшія въ продолженіи многихъ вѣковъ, должны были оказать свое вліяніе на болгарскій народъ, а потому едва ли можно удивляться и негодовать, что болгары не приняли съ особеннымъ восторгомъ мѣры, уничтожавшей бедель, но замѣненной общею воинскою повинностью. Скорѣе слѣдовало дивиться тому, что, несмотря на вѣковое вліяніе этихъ разлагающихъ мужество народа причинъ, среди его отыскался такой значительный процентъ гражданъ, охотно взявшихся за оружіе, вступившихъ въ болгарскіе легіоны, доказавшихъ еще разъ цѣлому свѣту, что не военная выправка научаетъ уми-

рать людей геройскою смертью, а святая любовь къ свободѣ личной и свободѣ своихъ ближнихъ.

Но если возвѣщеніе, что „всѣ вообще жители, безъ различія вѣроисповѣданія, освобождаются навсегда отъ уплаты этой подати“, не вызвало особаго восторга среди болгарскаго населенія, за то не вызвало и ни малѣйшаго ропота. Болгары признали такую мѣру справедливою и полезною, хотя и не могли видѣть въ ней дѣйствительнаго „освобожденія“ отъ этой подати, а только замѣну денежной подати повинностью натурою. Одно слово въ текстѣ оффиціальнаго возвѣщенія этой мѣры должно было бы, конечно, вызвать въ странѣ всеобщую радость, это слово: „навсегда“; но болгары давно уже, и не безъ причинъ, были заражены ядомъ сомнѣнія. Слово это выражало собою, такъ сказать, обязательство, принимаемое на себя Россіей, что начатая война не будетъ окончена прежде, чѣмъ вся Болгарія не будетъ вырвана изъ турецкихъ когтей, и это торжественное обѣщаніе болгары, безъ сомнѣнія, приняли къ свѣдѣнію, хотя послѣдующія событія, увы! слишкомъ скоро намъ всѣмъ доказали, что во время войны гораздо лучше избѣгать такихъ громкихъ словъ, какъ „навсегда“, „навѣки“ и т. д. Особенная осторожность требовалась именно въ Болгаріи, гдѣ во всѣхъ предшествующихъ войнахъ мы не дали вовсе доказательствъ въ твердости нашей политики. Вслѣдствіе этого болгары относились съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ громкимъ заявленіямъ гражданскаго управленія, и, несмотря на всю законность такого скептицизма, имъ часто ставили его въ вину, требуя отъ нихъ, чтобы слова они принимали уже какъ за совершившіеся факты.

— Какъ можемъ мы радоваться,—приходилось мнѣ слышать отъ болгаръ,—когда у насъ нѣтъ увѣренности, что все возвѣщенное намъ сбудется въ дѣйствительности и что слова надежды не превратятся въ слова горькой ироніи надъ нашею жалкою судьбою!

Рядомъ съ возвѣщеніемъ объ уничтоженіи навсегда

беделя, представители гражданскаго управленія объявили и объ уничтоженіи другой дѣйствительно страшной для болгаръ подати, это—ошуръ, или, въ переводѣ на русскій языкъ, — десятины со всѣхъ произведеній земли. Взамѣнъ отмѣняемой точно также „навсегда“ десятины должна была быть введена поземельная подать, взимаемая, какъ говорилось, на правильныхъ основаніяхъ. Съ этою мѣрою случилось то, что̀ должно было еще разъ подтвердить, что во время войны, въ странѣ, подвергнутой всѣмъ ея случайнымъ, противорѣчивымъ требованіямъ, невозможно задаваться мыслію вводить что-либо неизмѣнное. Такъ, первоначально, въ іюнѣ мѣсяцѣ, было положено въ 1877 г. собирать десятину натурою въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ произведенія земли будутъ необходимы для продовольствія войска. О такомъ сборѣ десятины натурою было объявлено болгарамъ. Мѣсяцъ спустя было принято другое рѣшеніе — не собирать натурою, а взимать десятину деньгами. Измѣненіе этой мѣры обусловливалось, разумѣется, необходимостью, соображеніями интендантства, контрактомъ съ товариществомъ гг. Горвица, Грегера и Когана, и мало ли еще чѣмъ могла быть вызвана необходимость собирать десятину не натурою, а деньгами. Разъ, что такое измѣненіе было признано полезнымъ, нечего и говорить, что необходимо было его совершить, несмотря ни на что, не обращая даже вниманія на то, что для болгаръ, особенно въ этомъ году, было бы выгоднѣе платить натурою, такъ какъ, благодаря войнѣ, сбыта продуктовъ, помимо интендантства или товарищества, никакого не было, но, разумѣется, для товарищества поступленіе десятины натурою было бы невыгодно, такъ какъ у арміи были бы запасы, которыхъ нельзя было бы поставлять по дорогой цѣнѣ. Но дѣло, конечно, не въ томъ, насколько то могло быть невыгодно для болгаръ, насколько выгодно, положимъ, хоть для товарищества,—эти соображенія не могли быть, безъ сомнѣнія, принимаемы въ разсчетъ при замѣнѣ одной мѣры другою: польза арміи—вотъ единственное соображеніе,

которымъ слѣдовало руководиться. Случайно это измѣненіе оказалось выгоднымъ товариществу, — что̀ дѣлать! значитъ, судьба! Фортуна покровительствуетъ ему, счастье во всемъ его преслѣдуетъ! Но эти измѣненія, выходившія изъ гражданскаго управленія, производили нѣкоторый хаосъ среди болгаръ. Пріѣзжаетъ къ нимъ одно лицо и объявляетъ: сборъ десятины будетъ производиться натурою! Они кланяются и благодарятъ. Черезъ нѣкоторое время является другое лицо и говоритъ: сборъ будетъ производиться деньгами. Болгары кланяются и недоумѣваютъ! Робко обращаются они съ вопросомъ:

— Не ошиблись ли вы, говоря, что десятина будетъ собираться деньгами: намъ только-что на-дняхъ объявили, что будутъ брать натурою.

И болгары не знаютъ кому вѣрить, тому или другому, а какъ тотъ, такъ и другой — власть! И никакъ они не могутъ объяснить себѣ, что̀ за перемѣна случилась въ нѣсколько дней, — сегодня та́къ, завтра иначе, сегодня одно распоряженіе, завтра прямо противоположное, и мало-по-малу у нихъ закрадывается мысль, что мы сами не знаемъ, чего хотимъ, что у насъ нѣтъ строго послѣдовательнаго, обдуманнаго плана, какъ слѣдуетъ дѣйствовать. А такая мысль вредна, она наноситъ ущербъ авторитету русской власти. Приведенный мною примѣръ былъ, разумѣется, не единственный. Объявляется, напримѣръ, болгарамъ посредствомъ органовъ гражданскаго управленія, что за каждую поставленную ими подводу они будутъ получать, положимъ, по 3 франка. Подводы поставляются, положимъ, для перевозки раненыхъ, нужно платить. Кто будетъ платить — военно-медицинское управленіе или гражданское управленіе, но болгары объ этомъ спорѣ не знаютъ, а знаютъ, что денегъ не получаютъ. Я привожу такой случай вовсе не для того, чтобы сказать, что мы обижали болгаръ; нѣтъ, можетъ быть, вполнѣ было бы справедливо, чтобы они поставляли подводы безъ всякаго вознагражденія, война вѣдь велась ради ихъ освобожденія, слѣдовательно, и на нихъ должны

падать тягости, жертвы войны,—но только для того, чтобы объяснить, почему къ гражданскому управленію они не относились съ большимъ довѣріемъ.

Вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ объявлялось болгарамъ о сборѣ податей въ 1877 г., нигдѣ не подмѣчалъ я ни тѣни ропота. Относительно сбора самаго тяжелаго налога—десятины, имъ было сдѣлано облегченіе въ томъ смыслѣ, что требовали его уплаты не за-разъ: въ сентябрѣ должна была быть уплачена половина, въ октябрѣ одна четверть и въ ноябрѣ остальная четверть. Строго говоря, болгары до нѣкоторой степени имѣли право роптать на сборъ податей во время войны; экономическая дѣятельность была остановлена, во многихъ мѣстностяхъ они подвергались разоренію и, наконецъ, мысль, тяжелая мысль, что турки во второй разъ заставятъ ихъ заплатить налоги, никогда ихъ не покидала. Вотъ почему отсутствіе ропота не можетъ не быть поставлено имъ въ заслугу.

Въ Дряновѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ избранія должностныхъ лицъ, такъ какъ послѣ ухода турокъ тотчасъ же образовался здѣсь изъ болгаръ совѣтъ старѣйшинъ, принявшій въ свои руки бразды правленія. Этимъ временнымъ управленіемъ далеко не всѣ жители были довольны, но не смѣли смѣнить его, такъ какъ это временное управленіе получило санкцію гражданскаго управленія. Причина недовольства лежала въ томъ, что весь онъ почти состоялъ изъ того элемента, который зовется чорбаджи, т.-е. тѣхъ болгаръ, которые примирились вполнѣ съ турками, сами въ значительной степени отуречились и всегда держали ихъ руку. Вслѣдствіе того, что они перешли на сторону турокъ, они быстро богатѣли, турки сдавали имъ на откупъ налоги и они немилосердно грабили своихъ соотечественниковъ. Когда кто-либо изъ другого класса, изъ людей, принадлежавшихъ къ „молодой Болгаріи", желалъ взять откупъ на болѣе льготныхъ для народа условіяхъ, тогда чорбаджи являлись къ пашѣ, давали большую взятку, и откупъ

оставался въ ихъ рукахъ. Взявъ откупъ, они безсовѣстно начинали притѣснять болгаръ; положимъ, требуютъ съ нихъ уплаты налога, у болгарина нѣтъ денегъ, они являются на помощь и предлагаютъ нужную сумму изъ 5% или 6% въ мѣсяцъ. Черезъ мѣсяцъ — требованіе уплаты, переписывается обязательство, прибавляются проценты, и въ концѣ-концовъ болгаринъ попадаетъ подъ страшное ярмо ростовщика. Благодаря такому способу дѣйствій, цѣлыя деревни очутились въ неволѣ. Естественно, что съ освобожденіемъ Болгаріи отъ турецкаго владычества наступитъ и освобожденіе отъ власти чорбаджи, которая держится только силою турецкаго гнета. Чорбаджи это прекрасно понимали, и потому разумѣется были крайне недовольны вспыхнувшею войною. Эти чорбаджи, составляющіе, разумѣется, незначительный процентъ всего болгарскаго народа, образуютъ собою, такъ сказать, болгарскую аристократію. Этотъ классъ, пользующійся такою справедливою ненавистью, до крымской кампаніи игралъ совсѣмъ иную роль. Чорбаджи были люди образованные, и въ силу своего образованія пользовались значительнымъ вліяніемъ. Населеніе относилось къ нимъ съ уваженіемъ, такъ какъ всегда въ столкновеніяхъ съ турецкими властями они отстаивали интересы народа. Но послѣ крымской кампаніи они утратили свой характеръ, образованіе среди нихъ начало исчезать, и изъ защитниковъ своего народа они превратились въ грубыхъ кулаковъ и ростовщиковъ, всячески притѣсняющихъ населеніе, и стали служить лучшимъ оплотомъ турецкой системы.

Такіе-то люди, прикрываясь своею болгарскою національностью, по уходѣ турокъ, старались забрать въ свои руки власть, что́ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Дряновѣ, имъ и удавалось; но населеніе знаетъ имъ цѣну, и какъ только наступитъ болѣе спокойное время и болгарамъ будетъ предоставлено устройство по своему усмотрѣнію, — они всюду потеряютъ свое вліяніе. Этотъ элементъ относился и относится къ намъ враждебно,

но элементъ этотъ отуреченный, а между тѣмъ весьма многіе, въ своихъ нападкахъ на болгаръ, судили именно о настроеніи всѣхъ болгаръ по этимъ лже-болгарскимъ экземплярамъ.

Не вездѣ было еще учреждено временное правленіе, не вездѣ были избраны должностныя лица, совѣты общинъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ происходило еще междуцарствіе. Такъ было въ мѣстечкѣ Травнѣ, куда мы пріѣхали на слѣдующій день. На дворъ конака или полицейскаго управленія были собраны всѣ жители, и на нашихъ глазахъ произошло избраніе на различныя должности въ общинѣ. Нельзя было не быть пораженнымъ тѣмъ спокойствіемъ, достоинствомъ, съ которымъ происходили эти выборы. Группы между собою совѣщались, толковали, и потомъ громко заявили, что такого-то они избираютъ на такую-то должность. Избранныя лица отвѣчали на всѣ предложенные вопросы, они все знали, что дѣлается у нихъ въ общинѣ; если кто не зналъ, другіе сейчасъ подсказывали. Объявляли, что у нихъ столько-то домовъ турецкихъ и болгарскихъ, столько-то семействъ турецкихъ бѣжало, столько-то осталось; сколько у нихъ школъ, учениковъ и ученицъ, сколько учителей и т. д. Ни разу мнѣ не пришлось услышать: у насъ нѣтъ школы! въ каждой общинѣ, немножко побольше, и двѣ и три школы, есть и учителя и учительницы и вездѣ много учениковъ. Эти отвѣты, я не могу не покаяться, постоянно приводили меня въ смущеніе. Не турки, правда, завели всѣ эти школы, но—надобно отдать справедливость и непріятелю—турки терпѣли, дозволяли заводить школы; они, несмотря на всю свою грубость и отсталость, не страшились въ послѣднее время распространенія образованія, они, какъ мнѣ говорили, не старались инквизиторскимъ образомъ забраться въ душу каждаго сельскаго учителя—не скрываетъ ли онъ въ себѣ замысла ниспровергнуть существующій государственный порядокъ. Турки предоставляли болгарамъ свободу обученія и только не дозволяли заводить выс-

шія училища, университеты. Что-жъ! Турки дѣйствовали въ этомъ случаѣ только откровенно, въ дѣйствительности они могли бы обставить вступленіе въ высшія заведенія такими колючими преградами, что все равно въ нихъ попадали бы только избранные. Болгары все-таки должны быть благодарны туркамъ за разрѣшеніе свободно обучать грамотѣ народъ.

Спокойствіе, простота, разумность, съ которою происходили выборы въ общинахъ, ясное пониманіе своихъ правъ и обязанностей, сознаніе того, что́ необходимо для Болгаріи, словомъ—всѣ наблюденія, какія приходилось дѣлать, служили подтвержденіемъ только того положенія, что самая большая ошибка, которую мы могли бы только сдѣлать, это—объявить болгаръ народомъ несовершеннолѣтнимъ и вообразить себя призванными опекунами и учителями. Сами болгары относительно своего будущаго разсуждаютъ какъ нельзя болѣе основательно.

— Пусть,—говорятъ они,—намъ будетъ предоставленъ только просторъ—и дѣло пойдетъ у насъ на ладъ. Мы изберемъ себѣ представителей, и они выработаютъ такую политическую организацію, которая будетъ наиболѣе соотвѣтствовать нашимъ интересамъ.

И все, что́ я видѣлъ, все, что̀ слышалъ, меня какъ нельзя болѣе убѣждаетъ въ справедливости этихъ словъ. Нѣтъ болѣе ошибочнаго положенія, какъ то, что представительное правленіе пригодно только для народовъ, стоящихъ на очень высокой ступени умственнаго и политическаго развитія. Если народъ способенъ выносить дурное правительство, каково было въ Болгаріи, то ужъ, конечно, онъ способенъ вынести хорошее правительство. Если бы нужно было представлять доказательства въ пользу этого положенія, то сто́итъ лишь сослаться на то, что́ происходило въ послѣднее время въ Турціи. Ужъ если какой-либо народъ могъ считаться неспособнымъ для усвоенія себѣ представительнаго правленія, то, конечно, это турки. Вотъ отчего провозглашеніе турецкой

конституціи было встрѣчено во многихъ государствахъ однимъ взрывомъ смѣха. Смѣялись тѣ, кто имѣлъ право смѣяться, но еще больше смѣялись, и главное—дурнымъ, притворнымъ смѣхомъ—тѣ, которые не имѣли на то ни тѣни права. И что же мы видѣли? Представительное правленіе, несмотря на всю свою молодость, вступало въ открытую борьбу съ вѣковымъ турецкимъ абсолютизмомъ, и кто знаетъ, можетъ быть побѣда останется не на сторонѣ послѣдняго. Если же турки выказали способность къ представительному правленію, то нѣтъ и не можетъ быть никакого основанія предполагать, что болгары окажутся менѣе къ нему способными. Тѣ, кто враждуютъ противъ него въ Болгаріи, доказываютъ только одно, что ихъ личныя выгоды наиболѣе удовлетворяются порядкомъ, прямо противоположнымъ представительному правленію. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы выказать бо́льшую откровенность и заявлять открыто: я противодѣйствую такой формѣ правленія, потому что не нахожу въ ней для себя личной выгоды! а не прикрываться въ нападеніяхъ на эту форму громкими словами о пользѣ и благѣ народа. Впрочемъ, въ Болгаріи и не встрѣчается много людей, не признающихъ возможнымъ введеніе представительнаго правленія.

Противники его живутъ въ лагерѣ приверженцевъ опеки и нашего гражданскаго управленія.

— Помилуйте,—восклицаютъ они,—какъ возможно думать о представительномъ правленіи для Болгаріи, когда мы не находимъ даже людей, годныхъ занять мѣста губернаторовъ, вице-губернаторовъ, начальниковъ округовъ и т. д. Мы нашли всего нѣсколько человѣкъ, но и тѣ оказались мало способными для такой дѣятельности.

— А не думаете ли вы,—возражалъ при мнѣ одинъ болгаринъ,—что вы не находите людей вовсе не потому, чтобы ихъ не было, а совсѣмъ по инымъ причинамъ, изъ которыхъ первая та, что вы не хотите искать ихъ,

а вторая, болѣе серьёзная, заключается въ томъ, что вы относитесь съ предубѣжденіемъ къ тѣмъ, которые дозволяютъ себѣ проявлять малѣйшую самостоятельность, что вы открещиваетесь точно отъ нечистой силы, отъ всѣхъ людей, принадлежащихъ къ партіи „молодой Болгаріи"; на всѣхъ этихъ людей вы наложили ваше veto, только потому, что, по какимъ-то невѣдомымъ мнѣ причинамъ, вы вездѣ чуете революціонный духъ. Если бы вы могли освободиться отъ этого ложнаго страха передъ краснымъ призракомъ, тогда вы убѣдились бы, что нашлись бы люди, если и не стоящіе на высотѣ европейскаго образованія, то вполнѣ все-таки пригодные, чтобы служить честно и добросовѣстно своему народу. Такіе люди существуютъ въ Болгаріи, и если только намъ будетъ предоставлено право располагать нашею судьбою сообразно нашимъ интересамъ, тогда вы убѣдитесь, что мы вовсе не будемъ вынуждены искать себѣ губернаторовъ, начальниковъ округовъ и иныхъ должностныхъ лицъ въ другой, хотя бы и родственной намъ странѣ.

Вопросъ, какъ относятся болгары къ нашей политикѣ, каковы стремленія, желанія народа относительно его будущаго, представлялся, безъ сомнѣнія, въ высшей степени интереснымъ, и потому, естественно, что разговоры съ болгарами, особенно изъ интеллигентнаго класса, очень часто вращались около этой тэмы. Нужно при этомъ замѣтить, что болгары вели себя въ этомъ отношеніи крайне осторожно, они не желали, точно опасались говорить откровенно, и требовалась извѣстная настойчивость, чтобы заставить ихъ, не стѣсняясь, выразить свое мнѣніе. Вопросъ этотъ можно нѣсколько обобщить.

Существуетъ ли дѣйствительно тѣсная связь между Россіей и южными славянами, или связь эта дѣланная, искусственная, изобрѣтенная? Не клонятся ли всѣ стремленія южныхъ славянъ только къ тому, чтобы высвободиться изъ-подъ тяжелаго ига турокъ, и не относятся ли они безразлично къ вопросу: кому будетъ принадле-

жать извѣстное главенство надъ ними, Россіи, Австріи, или какому-либо другому государству? Задаваясь этимъ вопросомъ, я не могу не припомнить словъ одного изъ вождей герцеговинскаго возстанія, Любобратича, съ которымъ мнѣ привелось встрѣтиться еще въ Бухарестѣ. Говоря о роли Австріи и Россіи среди южныхъ славянъ, онъ съ неподдѣльнымъ жаромъ сталъ доказывать, что только одной Россіи принадлежатъ всѣ ихъ симпатіи.

— Что̀ съ нами будетъ, я не знаю, только я говорю одно—лучше я приму исламъ и сдѣлаюсь туркомъ, лучше намъ навсегда оставаться подъ этимъ варварскимъ господствомъ, чѣмъ быть присоединенными къ Австріи и сдѣлаться нѣмцами. Неужели, — продолжалъ Любобратичъ, — мы боролись въ продолженіи пятисотъ лѣтъ за наше существованіе, за право остаться славянами, только для того, чтобы результатомъ этой борьбы сдѣлалось наше онѣмеченіе. Вопросъ стоитъ прямо: есть славянство или его нѣтъ? Если есть, то ни единая часть славянскаго племени не можетъ быть принесена въ жертву. Сербія, Черногорія, Боснія, Герцеговина, Болгарія—все это одна славянская семья, стремящаяся къ самостоятельному существованію. Въ какой формѣ она явится, будетъ ли какая-нибудь династія или не будетъ, это все равно. Россію мы любимъ, на Россію надѣемся, и если у девяти-десятыхъ населенія, — выразился онъ съ большою энергіею, — вы разрѣжете сердце, то вы прочтете въ немъ любовь къ Россіи, которую ничто не могло поколебать. Въ русской политикѣ мы часто видѣли колебаніе, сомнѣніе, опасеніе подчасъ начинало закрадываться въ душу, но мы вѣрили въ силу исторической необходимости, и событія оправдали нашу вѣру. Война явилась ея результатомъ. Будьте же увѣрены, что кровь русскаго народа льется не даромъ; пролитая кровь будетъ служить тѣмъ цементомъ, который скрѣпитъ славянское единство подъ сильнымъ главенствомъ Россіи. И чѣмъ больше впередъ будетъ идти ваше внутреннее

развитіе, тѣмъ связь Россіи съ южными славянами будетъ все крѣпче и крѣпче.

Я привелъ этотъ отрывокъ изъ разговора только потому, что онъ хорошо рисуетъ отношеніе южныхъ славянъ къ Россіи. То, что̀ говорилъ Любобратичъ, довольно часто мнѣ приходилось слышать въ Болгаріи. Болгары несомнѣнно чувствуютъ большое тяготѣніе къ Россіи, несмотря на печальныя страницы въ прошломъ, они любятъ Россію, но любовь эта, не нужно заблуждаться, вовсе не сантиментальнаго свойства. Они не ослѣплены нашимъ блескомъ, нашимъ могуществомъ; этотъ „бѣдный" народъ, по выраженію одного политическаго Юпитера, прекрасно понимаетъ наши сильныя и слабыя стороны и подвергаетъ критической оцѣнкѣ не только нашу внѣшнюю, но и внутреннюю политику. Несмотря на то, что уровень ихъ политическаго развитія далеко не высокъ, они понимаютъ, что̀ зовется въ политикѣ бѣлымъ, что̀ чернымъ, и въ своихъ разсужденіяхъ объ отношеніи Россіи къ славянамъ руководствуются все-таки примѣрами историческими, отношеніемъ нашимъ къ тѣмъ славянскимъ племенамъ, которыя уже состоятъ съ нами въ неравномъ бракѣ.

— Скажите,—приходилось мнѣ не разъ спрашивать у болгаръ,—чего желаетъ вашъ народъ, къ чему онъ стремится?

— Онъ стремится,—было мнѣ отвѣтомъ,—прежде всего получить право жить, потому что подъ владычествомъ Турціи мы не живемъ, а только медленно умираемъ. Мы просимъ жизни, просимъ освободить насъ отъ нашего вѣкового и жестокаго врага.

— Прекрасно. Положимъ, что это законное желаніе будетъ, наконецъ, удовлетворено, какія тогда ваши надежды на будущее? на что̀ вы разсчитываете?

— Все, что̀ съ нами ни сдѣлаютъ, все будетъ лучше того положенія, въ какомъ мы находимся теперь. Будемъ ли мы присоединены къ другому государству, образуютъ

ли изъ насъ отдѣльное княжество, мы всѣмъ будемъ довольны!

— Да, но чего вы сами желаете?

Молчаніе.

— Желали бы вы быть присоединенными къ Россіи?

— Если иначе нельзя, мы будемъ довольны!

— А если можно?

— Тогда лучше отдѣльное существованіе подъ покровительствомъ Россіи.

— Отчего же лучше?—допытывался я.

— Видите ли, мы къ Россіи очень привязаны, но быть присоединенными къ вамъ все-таки было бы неудобно. Мы народъ еще мало развитой, намъ нужно мало-по-малу выработать свои порядки, намъ необходимо устройство простое, несложное. Если бы мы подпали подъ власть Россіи, то вы стали бы примѣнять къ намъ ваши порядки, давно сложившіеся, къ которымъ мы не готовы, могли бы возникнуть недоразумѣнія, вы бы считали насъ неспособными, неразвитыми, ну, пожалуй, и не пошло бы хорошо!

Я отлично понималъ, что въ этихъ словахъ есть много недоговореннаго, что другая мысль шевелится въ головѣ, и только не выходитъ наружу по недостатку откровенности.

— Но отчего же вы думаете, что мы будемъ относиться къ намъ свысока?

— Да видите ли,—отвѣчалъ мнѣ болгаринъ: — если вы уже хотите, чтобы я былъ откровеннымъ, то я вамъ скажу, что и теперь ужъ, когда не рѣшенъ вопросъ, что съ нами будетъ, вы относитесь къ намъ слишкомъ строго...

— Въ чемъ же, однако, выражается эта строгость?

— Да хоть бы въ отношеніи къ намъ вашего управленія. Если ужъ теперь оно смотритъ на насъ какъ на своихъ подчиненныхъ, крѣпостныхъ, то что же было бы, если бы мы перешли подъ вашу власть. Обращаются съ нами круто, не желаютъ выслушать ни одного болгарина. Кто ни подойдетъ, только и слышитъ: „вы народъ нераз-

витой, вы не должны разсуждать; если вамъ говорятъ что-нибудь, вы должны слушаться и быть благодарны!" Мы, конечно, благодарны, но все-таки вѣдь мы лучше знаемъ, что́ намъ нужно, а между тѣмъ заявлять не смѣемъ. Да и не одинъ губернаторъ такъ обращается, его примѣру слѣдуютъ и другія лица гражданскаго управленія. Вотъ почему мы и желали бы лучше имѣть свое управленіе. Свои нужды и потребности мы знаемъ хорошо. А подъ главенствомъ Россіи мы хотимъ быть; мы были бы довольны, если бы намъ дали русскаго князя и у насъ установился бы такой порядокъ, какъ въ Румыніи или Сербіи.

Меня невольно поражало, какъ скоро среди болгаръ сдѣлалось непопулярно наше гражданское управленіе и съ какою быстротою распространялись различные разсказы о губернаторѣ Болгаріи. Какъ образецъ того, что́ вызывало недовольство, я приведу слѣдующій, переданный мнѣ разсказъ. Болгары не желали, чтобы ихъ духовенству была предоставлена особенно вліятельная роль въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ. Объ этомъ нежеланіи они скромно и заявили, но получили грозный отвѣтъ, чтобы они не смѣли разсуждать подобнымъ образомъ, что духовенство должно имѣть предпочтительное вліяніе, что болгары народъ неблагодарный, что они должны помнить, какъ духовенство поддерживало ихъ національность, сохранило ихъ языкъ, что они должны относиться къ нему съ особеннымъ уваженіемъ, что религія это — краеугольный камень и т. д.

— А мы никогда и не думали, — прибавляли мнѣ, — говорить что-нибудь о религіи, мы говорили только о духовенствѣ, потому что знали его хорошо.

Нужно при этомъ сказать, что дѣйствительно болгарское духовенство стоитъ на очень низкой степени развитія, и при этомъ большинство не пользуется особенно хорошею репутаціею, такъ какъ многіе изъ нихъ имѣли различныя отношенія съ турками. Отсюда проистекаетъ то, что болгары относятся безъ особеннаго

почтенія къ своему духовенству, хотя среди его, конечно, есть люди, глубоко преданные интересамъ своей родины.

Трудно, конечно, сказать, насколько справедливаго было во всемъ, чтó говорилось о гражданскомъ управленіи. Вѣрно только то, что его судили, въ большинствѣ случаевъ, не по дѣламъ его, а по словамъ. Иначе, впрочемъ, едва ли и могло быть, потому что настоящей дѣятельности его еще не было и не могло быть. Были единичные факты проявленія этой дѣятельности, но эти единичные факты далеко не всегда заслуживали одобренія. Непопулярность его, главнымъ образомъ, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что болгары опасались, чтобы оно изъ временнаго не превратилось въ постоянное, а опасались они потому, что въ дѣйствительности желали имѣть свое собственное управленіе, желали и надѣялись достигнуть самостоятельнаго существованія. Но это желаніе вовсе не стояло въ противорѣчіи съ ихъ вполнѣ искреннею привязанностью къ Россіи.

Въ этой привязанности, въ этой любви къ русскимъ нельзя было мнѣ не убѣдиться во время поѣздки отъ Тырнова до Казанлыка.

Оставивъ Травну, мы послѣ довольно тяжелаго перехода, вознаграждаемаго, впрочемъ, на всемъ пути необыкновенною красотою величественныхъ картинъ Балканскихъ горъ, сдѣлали привалъ въ небольшой чисто-болгарской деревнѣ Станче-Ханъ. Въ этой деревушкѣ не видѣли еще до насъ ни одного русскаго офицера, ни одного солдата, и потому жители стали разсматривать насъ съ особенно великимъ любопытствомъ. Они кланялись, улыбались, гурьбой проводили насъ до маленькаго домика, гдѣ помѣщалась школа, отданная на ночь въ наше распоряженіе. Черезъ переводчика они стали допрашивать насъ, откуда мы пришли, куда направляемся, гдѣ стоятъ русскія войска, много ли ихъ, и, въ свою очередь, передали, что въ нѣсколькихъ верстахъ, въ семи или девяти, есть баши-базуки, но что къ нимъ пока не приходили, ихъ не трогали.

— Вотъ, пожалуй, узнаютъ, что вы сегодня пришли къ намъ, такъ, чего добраго, сдѣлаютъ ночью набѣгъ!

На встрѣчу къ намъ вышелъ священникъ, старецъ лѣтъ 80, съ длинною бѣлою бородою, съ давно потухшими глазами. По внѣшнему его виду, онъ ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ болгаръ, развѣ только бѣдностью своего одѣянія. Эта бѣдность невольно говорила о жалкомъ положеніи православнаго духовенства, по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ, кто не держалъ руки турокъ. Съ этимъ старцемъ мы могли объясняться по-русски, но немного можно было вынести изъ разговора съ нимъ. По своему развитію онъ не стоялъ выше всѣхъ остальныхъ своихъ односельчанъ. Онъ пригласилъ насъ отслушать молебенъ, и мы отправились въ церковь, которая стояла тутъ же, возлѣ школы. Нужно было сказать, что это — церковь, чтобы догадаться о томъ, такъ какъ ничто во внѣшнемъ видѣ не подсказывало, что это былъ православный храмъ. Небольшой сарай съ плоскою крышей, безъ креста, не говоря уже о колокольнѣ. Колокольни нигдѣ не допускались, звонъ колоколовъ не раздавался въ Болгаріи до самаго вступленія нашего въ этотъ несчастный край. Даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Тырново, гдѣ населеніе по преимуществу болгарское, и тамъ впервые раздался колокольный звонъ послѣ занятія его нашими войсками. Но въ этой деревушкѣ турки не дозволяли даже выставить креста надъ этимъ жалкимъ сарайчикомъ, откуда неслась къ небу молитва презрѣнныхъ гяуровъ, несмотря на то, что тутъ не было даже ни единаго турецкаго дома. Внутреннее убранство церкви отвѣчало вполнѣ внѣшнему виду,—оно было по-истинѣ нищенское. Небольшой иконостасъ изъ бѣлаго простого дерева съ двумя бѣдными, ничѣмъ не украшенными образами. На царскихъ вратахъ, должно быть была когда-нибудь рѣдкая позолота, но она вся обвалилась, и отъ нея остались только едва видимые слѣды. Ни въ одной самой бѣдной русской деревнѣ никто не встрѣчалъ, конечно, никогда такой бѣдной, заброшенной церкви. Двѣ-

три восковыя свѣчи передъ образами освѣщали своимъ слабымъ свѣтомъ этотъ скромный, точно покинутый христіанскій уголокъ. Съ нами вошло еще нѣсколько человѣкъ болгаръ, и священникъ своимъ слабымъ, едва слышнымъ старческимъ голосомъ сталъ служить молебенъ. Риза на немъ была поношенная, вся истертая, и еле-еле держалась на его плечахъ. Не было пѣвчихъ, не было дьячка, и какъ-то глухо, замогильно раздавался дряхлый голосъ старца среди четырехъ голыхъ стѣнъ этого запретнаго храма. Трудно передать то впечатлѣніе, которое производила на насъ эта нищенская церковь, едва освѣщенная двумя-тремя мерцающими огоньками, безсильными разсѣять наступившій мракъ, эта забросанность, подсказывавшая, что имя Христа со страхомъ произносится среди этихъ людей, эта непривычная для глаза бѣдность одѣянія, видимо забитаго служителя церкви. Жутко дѣлалось на сердцѣ, и не смиреніе, а злобу вызывала эта скрывающаяся отъ людского взора молитва, злобу и ненависть противъ тѣхъ, кто угнетаетъ свободу совѣсти народа, кто похищаетъ у людей право свободно исповѣдывать свои убѣжденія, свои вѣрованія и даже право свободно молиться своему Богу.

Какъ-то заунывно раздалась здѣсь молитва о русскомъ воинствѣ, и какъ-то живѣе, судорожнѣе чувствовалась здѣсь боль за тѣ обильныя жертвы, которыя пали и должны были пасть еще и еще, за ту дорогую кровь, которая полилась изъ груди русскаго народа.

Слабый, едва внятный голосъ старца продолжалъ раздаваться. Онъ молился о здравіи живыхъ, и даже о здравіи давно отошедшихъ въ вѣчность; видно было, что жизнь давно здѣсь застыла, и давно уже не проникала сюда никакая газета. Отъ насъ впервые узналъ болгарскій священникъ о смерти покойнаго наслѣдника, и когда ему сказали о томъ, онъ взглянулъ только своими потухшими глазами, точно удивленный, ни слова не отвѣтилъ и вычеркнулъ осторожно это имя изъ своей книжки.

Не въ веселомъ настроеніи всѣ мы вышли изъ церкви.

Невольную жалость, состраданіе вызывали болгары. Когда мы вернулись къ нашему домику, болгары, человѣкъ двадцать, суетились около стола, приготовляя намъ ужинъ. Навѣрно они зарѣзали для насъ самаго жирнаго барана. Зарѣзанный баранъ свидѣтельствовалъ объ ихъ радости видѣть среди себя первыхъ русскихъ.

— Чего добраго, и баши-бузуки захотятъ на насъ посмотрѣть! — сказалъ кто-то.

Какъ ни мало было къ тому основаній, но опытные военные люди приняли мѣры предосторожности. Поставили на ночь въ деревнѣ двухъ-трехъ болгаръ съ ружьями, да казаки по-очереди должны были стоять на часахъ.

— Да прогоните вы часовыхъ, отпустите спать болгаръ, — заговорилъ одинъ изъ насъ, когда мы всѣ, сколько насъ было, размѣстились на ночь на полу въ маленькой комнатѣ болгарской школы.

— А вы поручитесь, что въ цѣлой деревнѣ не сыскалось никого, кто бы сбѣгалъ за нѣсколько верстъ и не предупредилъ турокъ о нашемъ прибытіи? — отвѣчалъ самый опытный изъ нашей компаніи. — Я вамъ совѣтую лучше, господа, положить револьверы около себя, на войнѣ вѣдь все случается.

И начались разсказы о различныхъ случаяхъ неожиданныхъ нападеній.

— Полноте, господа, страсти-то разсказывать! станутъ баши-бузуки изъ-за насъ себя безпокоить ночью!

Разсказы не унимались.

— Господа! кто помнитъ, какъ въ дѣтскіе годы старуха няня разсказывала на ночь страшныя сказки?

Всѣ разсмѣялись и умолкли. Часовые напрасно простояли на часахъ до разсвѣта. Баши-бузуки оказались въ этотъ разъ схожими съ сказочными разбойниками, которые никогда не тревожатъ безмятежнаго сна.

Рано утромъ тронулись мы далѣе. Путь предстоялъ тяжелый. Нужно было переваливать черезъ Балканы. Мы рѣшились спуститься въ долину Розъ не черезъ Шибку, не черезъ ханъ-кіойскій проходъ, а черезъ трав-

нянскій и сельчанскій, гдѣ не проходили еще русскія войска. Мнѣ живо рисуются тѣ сверхъестественныя усилія, тѣ страданія, тѣ мýки, которыя должны были испытать наши войска, переходя черезъ Балканы потомъ въ зимнюю пору, сопровождаемую на вершинахъ горъ страшными морозами, невыносимыми вьюгами и мятелями! Нужно было обладать гигантскою бодростью, быть воодушевленнымъ по истинѣ геройскимъ духомъ, чтобы совершить все то, что было совершено русскою арміею. Если лѣтомъ, въ то время, когда стояла прекрасная погода, когда солнце палило своими лучами, переходъ черезъ Балканы сопряженъ съ такими трудностями, какія намъ пришлось испытать, то что̀ же должно быть зимою, во время стужи, гололедицы и урагановъ? Морозъ пробѣгаетъ по кожѣ при одной мысли, какія терзанія должны были перенести люди, да еще безъ хорошихъ сапоговъ, безъ теплаго платья, совершая этотъ геройскій переходъ черезъ Балканы.

Бо̀льшую часть дороги приходилось не то идти, не то ползти, лошади еле-еле шли за нами, на каждомъ шагу оступаясь, скатываясь, выбиваясь изъ силъ. Крутизна ужасная, почва каменистая, и мѣстами до того скользкая, что не знаешь, ка́къ и ступить. Такъ и казалось въ горькую минуту, что вотъ-вотъ потеряешь равновѣсіе, ноги подкосятся и стремглавъ покатишься внизъ. Часовъ шесть продолжался этотъ тяжелый путь, пока мы не спустились съ страшной крутизны, пока мы не вошли въ великолѣпное ущелье, среди котораго пріютилась довольно большая болгарская деревня Сельцы.

Трудно подыскать слова̀, которыми бы можно было передать ту радость, которая охватила жителей этой деревни, когда они увидѣли небольшой русскій отрядъ, состоявшій изъ пятнадцати человѣкъ. Эта была самая искренняя, неподдѣльная радость, какую мнѣ только когда-либо удавалось видѣть. Я невольно подумалъ о томъ упрекѣ, который такъ часто слышался въ Болгаріи: „стоило намъ изъ-за братушекъ начинать войну, когда они относятся

къ намъ такъ недружелюбно!“ Вся эта деревня, имѣвшая отъ 55 до 60 домовъ или кыштъ, высыпала намъ на встрѣчу. Десятки рукъ протягивались къ намъ, многіе бросались къ нашимъ лошадямъ, хватали платье, руки и цѣловали ихъ. Точно подъ конвоемъ всего населенія деревни мы направились, по указанію болгаръ, на какую-то лужайку. Въ одну минуту они натаскали сюда ковровъ, подушекъ и подъ тѣнью вѣкового, орѣховаго дерева устроили намъ мѣсто для отдохновенія. Никогда, я думаю, никому не задавали они еще такого пиршества, какъ намъ. Сто человѣкъ, не ѣвшихъ нѣсколько дней, могли бы насытиться! Въ избыткѣ радости они принесли чуть не цѣлаго жаренаго барана, куръ, супъ съ цыплятами, какую-то болгарскую кашу съ медомъ, нѣсколько кувшиновъ вина, словомъ — каждый несъ, что̀ у него только было, и всѣ мы невольно вспомнили Демьянову уху. Густою толпою окружили они насъ и радостно шептались. Женщины засыпали насъ цвѣтами; не знали болгары, что̀ бы придумать, чтобы доказать намъ свою радость. Горько разобидѣлись они, когда мы хотѣли заплатить имъ за обѣдъ.

„Вы пришли насъ избавить отъ вѣкового врага, — говорили они, — и не хотите позволить намъ хоть накормить васъ!“

Какихъ только пожеланій не дѣлали намъ, когда мы сѣли на коней, чтобы продолжать нашъ путь до Казанлыка. Всячески сначала уговаривали они остановиться у нихъ, не ѣхать дальше, говоря, что выѣзжать подъ вечеръ не безопасно, что по дорогѣ могутъ встрѣтиться баши-бузуки, и лучше переждать до утра. Три - четыре человѣка изъ деревни отправились провожать насъ, чтобы указывать дорогу, хотя два другіе, сопровождавшіе насъ до деревни Сельцы, не рѣшились ѣхать дальше, опасаясь сдѣлаться жертвами баши-бузуковъ.

На пути отъ деревни Сельцы до Казанлыка лежало нѣсколько турецкихъ деревень. Наши болгарскіе проводники не переставали убѣждать насъ, что лучше сдѣ-

лать нѣсколько лишнихъ верстъ, но объѣхать эти деревни, чѣмъ повстрѣчаться съ оставшимися въ своихъ деревняхъ турками. Совѣтъ ихъ не былъ принятъ во вниманіе, такъ-какъ всѣ раздѣляли, вполнѣ основательно, убѣжденіе, что если турки ужъ остались, то они не рѣшатся сдѣлать что-либо въ родѣ нападенія.

— Да развѣ турокъ много, чего вы боитесь?—спрашивали болгаръ.

— Больше чѣмъ насъ,—отвѣчали они.

— Да вѣдь у нихъ оружіе отобрано; они покорились; значитъ, это мирные турки!

— Они мирные,—возражали проводники, не хотѣвшіе проходить мимо турокъ, — только до тѣхъ поръ, пока они боятся! А оружіе у нихъ есть! Они сдаютъ только старое оружіе, никуда негодное, а хорошее припрятываютъ!

Въ послѣднихъ словахъ заключалась правда. Сколько разъ случалось у турокъ отбирать оружіе; они сами несутъ его и складываютъ.

— У васъ нѣтъ больше ружей?

— Мы всѣ отдали; у насъ ничего не осталось.

Смотришь, черезъ нѣсколько дней они начинаютъ рѣзню, являются ружья, револьверы, ятаганы—все это такъ хорошо припрятано до поры-до-времени, что, несмотря на обыски, ничего нельзя было открыть.

Болгары имѣли, впрочемъ, основаніе не попадаться на глаза туркамъ. Послѣдніе слѣдили тщательно за тѣми изъ болгаръ, которые являлись проводниками или оказывали русскимъ какія-нибудь другія услуги, и ужъ эти болгары, при первомъ оборотѣ счастья на сторону турокъ, конечно, не могли избѣжать самаго лютаго истребленія.

Медленно двигались мы впередъ. Съ горной высоты мы еще издалека увидѣли двѣ деревни, какъ намъ сказали, турецкія; но, нѣсколько приблизившись, мы могли уже отличить, что деревни были сожжены, дома́ стояли

разрушенные, и среди развалинъ, еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дымившихся, уцѣлѣло нѣсколько домовъ.

— Кто сжегъ эти деревни?—спрашивали мы у болгаръ.

— Сами турки, какъ всегда отвѣчали болгары.

Иной разъ, впрочемъ, являлась варьяція въ отвѣтѣ, говорили, что сожгли русскіе. Подчасъ оно дѣйствительно такъ и бывало, но въ большинствѣ случаевъ деревни жгли сами болгары, и никогда почти они не хотѣли въ томъ сознаться, точно опасаясь чего-то. Я уже упоминалъ, что ставить болгарамъ въ упрекъ эти пожары, разрушенія,—едва ли было бы справедливо. Въ темпераментѣ народа нельзя не удѣлить извѣстнаго мѣста и чувству мести, особенно когда эта месть является такою законною, какъ здѣсь.

Казалось бы, что въ этихъ сожженныхъ и опустошенныхъ деревняхъ не могло быть турокъ, — гдѣ имъ тутъ жить!—но, въ дѣйствительности, когда мы подъѣхали,—увидѣли довольно много турокъ, бродящихъ среди развалинъ. Надъ деревней развѣвался бѣлый флагъ, какъ эмблема того, что деревня покорилась, и что въ ней живутъ только мирные турки. Это были турки, бѣжавшіе при приближеніи русскихъ, но затѣмъ, по занятіи Казанлыка, Эски-Загры и Іени-Загры, возвратившіеся на свои пепелища и испросившіе себѣ у казанлыкскаго коменданта билеты на свободное проживательство въ своихъ деревняхъ. Нужно сказать, что русскія власти, несмотря на то, что въ занятой мѣстности мы были окружены врагами, не только не препятствовали туркамъ оставаться на своихъ мѣстахъ, но всячески этому содѣйствовали, обѣщая покровительство противъ какой-либо вспышки болгарской ненависти.

— Зачѣмъ удерживаютъ турокъ,—говорили болгары, пусть бы они уходили, а то они будутъ намъ мстить.

Но русскія власти хотѣли выказать свою гуманность въ отношеніи турокъ, и нельзя не сказать, что это желаніе быть гуманнымъ, заслуживающее само по себѣ

полнаго одобренія, иногда шло слишкомъ далеко и становилось источникомъ страшныхъ бѣдствій для болгаръ. Дѣло въ томъ, что даже оставшіеся или возвратившіеся въ свои жилища турки вовсе не были склонны платить намъ тою же монетою. „Мирные“ турки, всячески показывавшіе намъ свою покорность, обнаруживавшіе, повидимому, такую кротость и отсутствіе вражды,—какъ только наши войска покидали ту или другую мѣстность, тотчасъ изъ „мирныхъ“ превращались въ звѣрей, и вымещали чудовищными неистовствами надъ болгарами свою временную покорность и кротость. Достаточно было дошедшаго до нихъ извѣстія, что русскіе потерпѣли гдѣ-нибудь пораженіе, что турецкія войска приближаются къ нимъ, чтобы тонъ немедленно измѣнился, и чтобы ихъ обхожденіе получало характеръ чего-то вызывающаго.

— Если бы туркамъ не предоставляли спокойно жить въ занятыхъ вашими войсками мѣстахъ, то нашихъ не погибло бы столько,—говорили болгары:—наши дѣти тогда не тонули бы въ крови!

Въ не-гуманное само-по-себѣ дѣло, какъ война, трудно вносить начала гуманности, особенно въ войнѣ съ фанатизированными турками, неостанавливавшимися ни передъ какимъ злодѣйствомъ. Послѣдовать ихъ примѣру мы, разумѣется, не могли: нужно было только принимать бо́льшія мѣры предосторожности противъ расходившейся ярости турокъ. Впрочемъ, ужъ если грѣшить, то лучше грѣшить въ избыткѣ гуманности, нежели въ презрѣніи къ ней. Гуманность въ отношеніи турокъ заставляла только желать, чтобы то же гуманное отношеніе было усвоено нами и во всѣхъ нашихъ собственныхъ, общественныхъ дѣлахъ. А то, чего добраго, насъ кольнутъ русской же пословицей: „въ людяхъ ангелъ—не жена, дома....“

Подъѣхавъ къ турецкой деревнѣ, мы увидѣли какого-то турка, стоявшаго въ сторонѣ; мы кликнули ему, чтобы онъ подошелъ къ намъ, но турокъ бросился безъ оглядки бѣжать въ сторону. Другіе же турки, замѣтивъ насъ,

собрались въ кучку и вышли на дорогу. Прежде, чѣмъ мы обратились къ нимъ съ какимъ-нибудь вопросомъ, они вытащили бѣлыя бумажки и стали показывать намъ. Это были разрѣшенія казанлыкскаго коменданта безпрепятственно проживать имъ въ этихъ деревняхъ. Видъ этихъ турокъ былъ довольно сумрачный, и видимо они не желали отвѣчать намъ на вопросы.

— Въ Казанлыкѣ есть русскія войска?

— Не знаемъ!

— А по-сосѣдству нѣтъ турокъ? баши-бузуковъ?

— Не знаемъ!

Одинъ только отвѣтъ мы и слышали отъ нихъ: „не знаемъ". Какъ они здѣсь жили, среди развалинъ и опустошенной мѣстности,—одному Богу извѣстно. Но что они вернулись въ надеждѣ, что мы вынуждены будемъ скоро оставить эту мѣстность, и что для нихъ наступитъ праздникъ,—въ этомъ трудно было сомнѣваться. Въ ихъ обращеніи была гордость, какая-то самоувѣренность, ихъ взглядъ говорилъ недоброе. Быть можетъ, въ это время они уже знали то, что́ было неизвѣстно намъ, это—о наступательномъ движеніи Сулеймана-паши съ огромными силами противъ небольшого отряда изъ нѣсколькихъ тысячъ генерала Гурко, столь блистательно—что̀ бы ни говорили—совершившаго нашъ первый переходъ черезъ Балканы: не вина, конечно, этого отряда и его начальника, что имъ не дали или не могли дать своевременно надлежащихъ подкрѣпленій. Наши проводники-болгары торопили насъ скорѣе отъѣхать подальше отъ этой турецкой деревни. Кто не знаетъ, что у страха глаза велики: напуганные болгары опасались, что турки пошлютъ намъ въ-тылъ нѣсколько пуль на память свиданія съ ними. „Мирные" турки—нужно отдать имъ эту справедливость—имѣли не-разъ случай доказать, что на ихъ покорность нельзя особенно полагаться. Они умѣли устраивать засады и въ полѣ, и въ домахъ. Ѣдетъ кто-нибудь себѣ тихо среди „мирныхъ" турокъ,—вдругъ

выстрѣлъ, и сѣдокъ сваливается съ коня, пораженный на́-смерть.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда мы пробирались къ Казанлыку по долинѣ Розъ. Никто, впрочемъ, изъ насъ не могъ получить понятія о той красотѣ, которая доставила этой мѣстности такое поэтическое прозвище. Ни одной розы мы не видѣли на пути: онѣ давно уже отцвѣли, и палящее солнце выжгло даже всю зелень.

Въ Казанлыкѣ мы надѣялись настигнуть отрядъ генерала Гурко, но надежды эти не сбылись. Мы пріѣхали въ Казанлыкъ поздно вечеромъ, а рано утромъ въ тотъ самый день генералъ Гурко оставилъ этотъ городъ. Изъ тѣхъ болгарскихъ городовъ, въ которыхъ мнѣ привелось быть, Казанлыку безспорно принадлежитъ первое мѣсто. Я не скажу, разумѣется, чтобы онъ походилъ на городъ европейскій, но онъ отличался отъ другихъ восточныхъ городовъ своею опрятностью, чистотою. Христіанская часть города съ открытыми домами, съ окнами на улицу, рѣзко отдѣлялась отъ мусульманской его части, съ домами, окруженными высокими каменными стѣнами, изъ-за которыхъ поднимались высокія деревья. Богатый болгаринъ, въ домѣ котораго мы остановились, принялъ насъ съ сдержанною любезностью. Всѣ мы пріѣхали въ Казанлыкъ съ самыми розовыми надеждами, и потому насъ невольно поразилъ характеръ его разсужденій о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

— Да, да, конечно, вы зашли далеко и скоро, но что́ будетъ еще впереди! Я опасаюсь,—говорилъ онъ, хотя въ голосѣ его и не слышалось ни опасенія, ни участія къ русскимъ,—чтобы вамъ не пришлось вернуться обратно.

Мы недоумѣвали, разспрашивали его, но хитрый болгаринъ, изъ чорбаджей, отдѣлывался самыми общими фразами. Это былъ одинъ изъ тѣхъ болгаръ, которые жили въ большой дружбѣ съ турками и, получая удовлетвореніе въ своихъ личныхъ выгодахъ, нимало не скорбѣли о бѣдственномъ и унизительномъ состояніи

болгарскаго народа. На нашихъ глазахъ онъ постоянно имѣлъ сношенія съ турками, по десяти разъ въ день къ нему приходили и турецкій кадій, т.-е. судья, и другія лица, завѣдомо стоявшія на сторонѣ турокъ. На другой день намъ объяснился его загадочный вечерній разговоръ. Въ Казанлыкѣ войскъ болѣе не было, всѣ ушли, оставалась только одна сотня казаковъ. Ночью еще распространился слухъ, что генералъ Гурко потерпѣлъ пораженіе, и что нѣсколько тысячъ баши-бузуковъ съ небольшимъ отрядомъ регулярныхъ войскъ идутъ изъ Карлова на Казанлыкъ. Чуть-свѣтъ насъ разбудили этимъ неожиданнымъ печальнымъ извѣстіемъ. Городъ, жители имѣли унылый, сумрачный видъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ того, что̀ зовется паникой, и никогда эта тяжелая картина не изгладится изъ моей памяти. Паника охватила всѣхъ жителей; не было болгарина, который не поддался бы ея гнету. Пропала улыбка, пропала радость, исчезли куда-то шапки съ крестами,—на улицахъ на взрослыхъ и мальчуганахъ показались фески, у всѣхъ на лицѣ было написано одно только чувство—страхъ. Болгары не кланялись намъ больше съ обычнымъ радушіемъ, на улицахъ не раздавались слова: „здравствуй, братушка!"—все стихло, притаилось,—у многихъ въ глазахъ уже можно было прочесть какъ-бы упрекъ: „что̀ теперь будетъ съ нами?" Турки заперлись въ своихъ домахъ, не показывались больше на улицахъ, и всѣ чувствовали, что тамъ, за этими стѣнами, они ведутъ оживленную радостную бесѣду и каждую минуту надѣятся услышать шумное приближеніе тѣхъ, кто освободитъ ихъ отъ власти ненавистнаго врага и снова принизитъ поднявшійся-было духъ ихъ вѣковыхъ рабовъ—болгаръ. Многія лавки закрылись, ставни домовъ захлопнулись, люди ходили растерянные, мужчины, женщины, дѣти—все было въ отвратительной власти испуга! Точно свинцовая доска придавила весь городъ.

— Что̀ дѣлать? что̀ предпринять?—вотъ вопросъ,

которымъ задавались немногіе русскіе, остававшіеся въ Казанлыкѣ. Положеніе коменданта Казанлыка было невеселое, можно было потерять энергію, но онъ не падалъ духомъ и старался успокоивать отчаявшихся болгаръ.

— Пошлите скорѣе на Шипку, дайте знать начальнику болгарской дружины: онъ, быть можетъ, спустится оттуда съ нѣсколькими орудіями,—говорили ему мои спутники, гвардейскіе офицеры.

Послали на Шипку, но когда оттуда придетъ отвѣтъ— и придетъ ли?—а между тѣмъ волненіе въ городѣ все усиливается. Что̀ тутъ дѣлать? И странное дѣло! когда паника охватываетъ городъ, никто какъ-бы не задается вопросомъ: „да откуда явился такой слухъ, правда ли все это? можетъ быть, въ дѣйствительности ничего особенно дурного и не случилось?“ Во время войны нѣтъ, кажется, хуже зла, какъ появленіе тревожнаго слуха, быстро разнесеннаго летящею молвою. Не разъ во время настоящей войны онъ вызывалъ отвратительную панику. Кто доставилъ извѣстіе, что баши-бузуки идутъ изъ Карлова на Казанлыкъ? кто сообщилъ о пораженіи передового отряда?—никто не знаетъ, а между тѣмъ всѣ вѣрятъ, всѣ считаютъ, благодаря охватившей городъ паникѣ, эти извѣстія несомнѣнными.

Комендантъ отправилъ двухъ-трехъ казаковъ охотниковъ въ передовой отрядъ, чтобы узнать что-либо вѣрное, но казаки не возвращались, точно пропали. А между тѣмъ населеніе нужно какъ-нибудь успокоить, нужно на что-нибудь рѣшаться, нужно принять какія-нибудь мѣры на случай приближенія турокъ. Оставлять городъ, уйти на Шипку, никому не приходило даже въ голову: каждый понималъ, что отъѣздъ въ такую минуту хотя бы одного русскаго только усилилъ бы панику и вызвалъ бы бѣгство всего болгарскаго населенія, бѣгство, сопряженное съ страшными жертвами.

— Что̀ же, какъ намъ быть? на что̀ мы рѣшимся?— спрашивали всѣ другъ друга на импровизованномъ военномъ совѣтѣ.

— Надо защищаться, принять мѣры къ сопротивленію, удержать турокъ хоть на нѣсколько часовъ, пока не подойдетъ помощь съ Шипки или не отступитъ къ Казанлыку передовой отрядъ.

Но какъ защищать Казанлыкъ, когда всѣ наши военныя силы въ эту минуту ограничивались сотнею казаковъ!

Какъ можно было оставить Казанлыкъ безъ прикрытія!

Но объ этомъ поздно было разсуждать. Рѣшеніе защищать Казанлыкъ было принято и тотчасъ приступлено къ организаціи обороны. Собрали болгаръ; тѣмъ, у кого не было оружія, его выдали; ихъ повели на большое поле на окраинѣ Казанлыка, впереди монастыря, и на этомъ полѣ закипѣла работа. Стали немедленно рыть ложементы, дѣлать вездѣ окопы, всѣ засуетились; гвардейскіе офицеры, пріѣхавшіе служить по гражданскому управленію, вновь попали въ свою колею: распоряжались, указывали мѣста, гдѣ нужно копать землю, и черезъ нѣсколько часовъ открытое поле было превращено— такъ или иначе — въ укрѣпленное мѣсто. Болгары, укрѣпляя земляными работами Казанлыкъ, какъ-то пріободрились. Рѣшеніе защищаться подѣйствовало на нихъ какъ нельзя лучше: лица нѣсколько просіяли, и когда къ вечеру работы были приведены къ концу, во всѣхъ ложементахъ были поставлены вооруженные болгары, городъ не имѣлъ уже такого встревоженнаго вида: паника ослабла, пробудилась энергія, твердость. Подойди турки,—Казанлыкъ не былъ бы занятъ ими безъ боя.

Ночь прошла благополучно, а на утро было получено радостное извѣстіе, что передовой отрядъ не только не разбитъ, но что генералъ Гурко нанесъ пораженіе туркамъ при Іени-Загрѣ, несмотря на превосходство непріятельскихъ силъ. Въ то же время сдѣлалось извѣстнымъ, что слухъ о приближеніи нѣсколькихъ тысячъ баши-бузуковъ былъ ложный, и что, такимъ образомъ, ничто не угрожаетъ болѣе Казанлыку. Городъ момен-

тально получилъ другой видъ, болгары опять сдѣлались веселы, привѣтливы, скрылись фески, появились опять шапки съ крестами, снова болгары радушно кланялись русскимъ, „мирные“ турки показались на улицахъ съ скромнымъ, покорнымъ видомъ. Исчезла свинцовая давившая доска, опять просвѣтлѣло небо. Въ этотъ день Казанлыкъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Вчера война тѣснила насъ со всѣхъ сторонъ, сегодня, казалось, она за тридевять земель!

Одинъ такой день, какъ тотъ, который мы провели въ Казанлыкѣ, среди всеобщей тревоги и паники, долженъ былъ бы, казалось, говорить о несвоевременности введенія гражданскаго управленія, предполагающаго извѣстную прочность порядка. Но мало ли что̀ можетъ казаться. Инструкціи должны были исполняться въ точности, гражданское управленіе должно было вводиться. Опять собраніе въ конакѣ, но только болѣе многолюдное, болѣе торжественное. Тотчасъ по занятіи Казанлыка было сдѣлано распоряженіе объ избраніи совѣта изъ всѣхъ сословій, какъ изъ болгаръ, такъ равно и изъ турокъ. Большая комната, съ турецкими диванами вдоль всѣхъ стѣнъ, была наполнена представителями болгаръ и турокъ. Тѣ и другіе сидѣли рядомъ, безъ видимыхъ признаковъ вражды, и только на нѣкоторыхъ лицахъ турецкихъ представителей можно было прочесть злобу и ненависть. Эта злоба и ненависть не была ложнымъ впечатлѣніемъ извѣстнымъ образомъ настроеннаго воображенія, нѣтъ, она существовала въ дѣйствительности, да и могло ли быть иначе. Правда, нѣкоторые турки умѣли отлично скрывать ее, но за то другіе не настолько владѣли собою. Мнѣ долго будетъ памятно выраженіе лица одного изъ турецкихъ представителей въ эфемерномъ совѣтѣ Казанлыка. Во все время онъ не произнесъ ни единаго слова, онъ сидѣлъ сумрачно, опустивъ глаза, но когда поднималъ ихъ, то во взглядѣ его было столько сдержанной злобы, бѣшенства, негодованія, что можно было только удивляться, какъ онъ рѣшился

присутствовать въ этомъ собраніи и выслушивать приказанія ненавистныхъ для него побѣдителей. Когда я смотрѣлъ на него, для меня какъ-то понятнѣе становились тѣ страшныя, звѣрскія сцены, которыя такъ часто обагряли кровью Болгарію. Это былъ кадій. За то нѣкоторые другіе турки имѣли довольно спокойный и добродушный видъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенный достоинства.

Въ этомъ собраніи происходило то же, что́ и на всѣхъ другихъ. Было объявлено, что „навсегда" уничтожается бедель, „навсегда" отмѣняется сборъ десятины, наконецъ, было сдѣлано внушеніе или, вѣрнѣе, увѣщаніе, чтобы болгары и турки жили между собою дружно, не обижая другъ друга, что „навсегда" должна исчезнуть всякая распря и что съ этой минуты наступаетъ для всѣхъ жителей, какъ болгаръ, такъ и турокъ, спокойствіе и миръ. Кланялись болгары, прикладывали руки къ своей груди турки, въ знакъ признательности, но, впрочемъ, не всѣ. Суровый кадій оставался неподвижнымъ. Наконецъ, имъ было объявлено, что отнынѣ „навсегда „устанавливается свобода вѣроисповѣданій, что магометанская религія будетъ пользоваться такимъ же уваженіемъ, какъ христіанская, что какъ мечеть, такъ и православный храмъ будутъ одинаково стоять подъ охраною закона. Болгары, повидимому, искренно радовались, слушая все, что́ имъ говорилось, они забыли о только-что пережитой паникѣ, и не подозрѣвали, несчастные, что торжественное слово „навсегда" означало въ то время не болѣе, какъ „на двадцать четыре часа". Несчастные не догадывались, что выражать свою радость на глазахъ турокъ значило совершать преступленіе, которое они должны были искупить такъ скоро не только своею кровью, но и кровью своихъ женъ, дѣтей, всѣхъ имъ близкихъ. Хорошо, что будущее закрыто отъ людей, а то жутко было бы намъ всѣмъ смотрѣть на ихъ „преступную" радость.

Окончилось собраніе. Шумная толпа довольныхъ и счастливыхъ болгаръ окружала насъ, когда мы увидѣли

двухъ протискивающихся впередъ болгаръ; они отыскивали въ конакѣ коменданта.

— Что вамъ нужно?—спросилъ ихъ черезъ переводчика комендантъ.

— Мы пришли просить оружія,—отвѣчали болгары, видимо крайне возбужденные,—мы хотимъ защищаться сами отъ турокъ, которые угрожаютъ нашей деревнѣ.

Эти два болгарина прибѣжали изъ какой-то деревни по близости къ Казанлыку; они явились отъ имени всѣхъ жителей, не желавшихъ бѣжать передъ турками, а сопротивляться, бороться, отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ свое достояніе, свою жизнь.

Мнѣ часто приходилось слышать жалобы на болгарское малодушіе, на ихъ трусость, на неспособность самимъ отстаивать свою независимость, свою свободу, свое право на существованіе. Эти два болгарина какъ-бы давали отвѣтъ на эти жалобы. Какъ защищаться безъ оружія, а между тѣмъ его-то и не было, да и не могло быть, такъ какъ ничто не навлекало на населеніе такихъ свирѣпыхъ преслѣдованій турокъ, какъ появленіе оружія у того или другого болгарина.

Мы вышли изъ конака, сдѣлавъ визитъ плѣнному каймакаму или начальнику уѣзда, бичу болгарскаго населенія, отличившемуся, какъ передавали, страшнымъ звѣрствомъ во время рѣзни въ Батакѣ. Болгары, естественно, ненавидѣли его, какъ только могли, и зорко стерегли своего врага, притворявшагося сумасшедшимъ. Мы посѣтили также „мирныхъ“ турокъ, пригласившихъ насъ посмотрѣть на ихъ жизнь, на ихъ дома. Они приняли насъ съ своимъ обычнымъ гостепріимствомъ. „Гость“ для турокъ—это нѣчто священное, пусть то будетъ даже самый заклятой ихъ врагъ.

— Ну, что,—спрашивали мы у нихъ:—когда русскіе вступили въ Казанлыкъ,—болгары не начали васъ грабить?

— Были такіе случаи, но не много,—говорили турки,

и, повидимому, въ словахъ ихъ не было никакого раздраженія. Точно забыта была вѣковая вражда.

Но не прошло и двухъ сутокъ, какъ турки доказали, что эта вражда не можетъ быть забыта, и что болгары и турки не могутъ жить подъ однимъ и тѣмъ же небомъ.

если мы не видѣли русскихъ постовъ, за то скоро намъ стали попадаться небольшія группы бѣгущихъ болгаръ.

— Куда они идутъ, отчего?—спрашивали мы другъ у друга въ недоумѣніи, и мало-по-малу стало закрадываться какое-то неопредѣленное, смутное сомнѣніе. Мы остановили какого-то болгарина, раскраснѣвшагося отъ жара и быстрой ходьбы, и поразившаго насъ своимъ растеряннымъ видомъ.

— Куда идешь?—спрашиваютъ его:—въ Казанлыкъ?

— Казанлыкъ!—не то говоритъ, не то кричитъ болгаринъ.

— Изъ Эски-Загры? Тамъ русскіе?—начинаемъ разспрашивать болгарина, но, увы! онъ не хорошо понимаетъ насъ, мы едва понимаемъ его.

— Турка много, много турка!

— Гдѣ, въ Эски-Загрѣ? Русскихъ тамъ нѣтъ?

— Русска бѣгутъ, русска много, турка много!

Ничего больше мы не могли добиться отъ обезумѣвшаго почти со страха болгарина.

Мы не могли вѣрить, чтобы въ Эски-Загрѣ были турки, послѣ того, какъ мы всего нѣсколько часовъ тому назадъ получили извѣстіе о побѣдѣ генерала Гурко при Іени-Загрѣ. Тѣмъ не менѣе слова бѣжавшаго болгарина заставили задуматься насъ.

— Что бы это значило?

На этотъ вопросъ никто, конечно, не могъ отвѣтить.

— Не будемъ и думать, все это вздоръ—замѣтилъ одинъ изъ военныхъ:—услышалъ болгаринъ выстрѣлы, испугался и побѣжалъ, другого ничего быть не можетъ!

— Скоро, однако, мы начали встрѣчать все больше и больше бѣгущихъ болгаръ, которые въ концѣ-концовъ объяснили намъ, что у Эски-Загры идетъ сраженіе, что турокъ много, русскихъ мало, и что наши должны были отступать. Казалось, теперь мы могли повѣрить, и все же—нѣтъ! Трудно объяснить то чувство, которое заставляло насъ сомнѣваться въ извѣстіи, передаваемомъ болгарами. Во время войны какъ-то легко и охотно вѣ-

ришь, когда разносится слово: побѣда! и точно защищаешься отъ другого рокового слова: пораженіе!

Мы ѣхали все дальше, точно не хотѣли обращать вниманія на эти группы бѣгущихъ болгаръ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Казалось, они ничего не видѣли передъ собою, кромѣ страха и ужаса, который гналъ ихъ немилосердно все впередъ и впередъ. Отъ времени до времени какой-нибудь болгаринъ посмотритъ на нашу небольшую партію изъ пятнадцати человѣкъ и покричитъ на насъ вслѣдъ:

— Турка, турка много!

— Господа, не остановиться ли намъ,—замѣтилъ одинъ изъ бывалыхъ въ такомъ положеніи людей:—это бѣгство не даромъ, оно не предвѣщаетъ ничего добраго, когда жители бѣгутъ, и бѣгутъ такъ, какъ эти, со страхомъ и съ плачемъ, значитъ, что-нибудь да случилось недоброе.

— Да, полноте, ничего не могло случиться, это бѣгутъ отъ сраженія, отъ пуль и гранатъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; но если сраженіе идетъ, то вѣдь это не значитъ, что мы понесли пораженіе, что турки заняли Эски-Загру. Поѣдемъ дальше!

— Какъ хотите, а все лучше было бы выяснить въ чемъ дѣло!

Увѣренность въ нашемъ успѣхѣ взяла верхъ, и мы продолжали слѣдовать своей дорогой, приближаясь къ Эски-Загрѣ.

Но чѣмъ далѣе двигались мы, тѣмъ больше сомнѣній закрадывалось въ душу. Постовъ русскихъ нигдѣ не было слѣда, число бѣгущихъ болгаръ все увеличивалось, крики: Эски-Загра! много турка!“ раздавались все чаще, и мысль, что—„что-то не ладно“—сквозила уже въ нашихъ разговорахъ, хотя первоначальное рѣшеніе доѣхать до находившагося уже въ нашемъ владѣніи города оставалось неизмѣннымъ.

— Прибавимъ, господа, ходу, а то вонъ ужъ сумерки наступаютъ, совсѣмъ ночь будетъ, когда пріѣдемъ въ

Эски-Загру,—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ,—и мы, безъ жалости къ нашимъ замученнымъ лошадямъ, поскакали впередъ.

Но не успѣли мы проѣхать и полъ-версты, когда одинъ изъ сопровождавшихъ насъ казаковъ крикнулъ:

— Ваше благородіе, налѣво пыль какая-то показалась, пыль большая,—должно быть: кавалерія идетъ!

Всѣ въ мигъ остановились. Налѣво отъ нашей дороги дѣйствительно, въ одной или двухъ верстахъ, поднималось цѣлое облако пыли.

— Что это можетъ быть? Обозъ,—нѣтъ! войско, что ли, идетъ?

— Несомнѣнно войско, кавалерія!

— Наши или турки?—спросили всѣ чуть не въ одинъ голосъ, но нужно ли говорить, что на этотъ вопросъ никто не могъ дать отвѣта. Вопросъ этотъ, однако, требовалъ какого-нибудь разрѣшенія, такъ какъ, только соображаясь съ тѣмъ, турки то или русскіе, мы могли окончательно избрать путь—назадъ или впередъ.

— Да откуда же могутъ очутиться здѣсь, вдругъ, турки!—говоритъ одинъ.

— А откуда могутъ быть русскіе?—возражаетъ другой.

И, дѣйствительно, сколько ни соображали, никакъ не могли объяснить себѣ этого внезапнаго появленія цѣлаго отряда.

— Однако, господа, нужно же на что-нибудь рѣшаться,—заговорилъ одинъ изъ офицеровъ:—если идутъ турки, то мы должны скорѣй скакать впередъ къ Эски-Загрѣ, чтобы пристать къ своимъ; если это наши, мы должны направиться къ нимъ, такъ какъ иначе мы сейчасъ нарѣжемся впереди на турокъ.

Всѣ мы повытащили наши бинокли и стали пристально всматриваться.

— Русскіе, несомнѣнно русскіе, мнѣ кажется, что я вижу бѣлое, это кителя!

— Гдѣ вы видите бѣлое, полноте, никакихъ кителей нѣтъ, да и разглядѣть нельзя.

— Да они удаляются отъ Эски-Загры,—не можетъ быть, чтобы это были турки.

— А наши зачѣмъ же тутъ: вѣдь они идутъ на Казанлыкъ!

— Можетъ быть, наши отступаютъ! — промолвилъ кто-то.

Ни одинъ человѣкъ не возразилъ. Это была первая минута, когда должны были допустить такое тяжелое предположеніе, и никто не рѣшился энергически возражать.

— Если наши отступаютъ, ѣхать впередъ невозможно, мы прямо попадемъ въ руки турокъ,—поѣдемъ къ этому отряду.

— А если этото турки!

Минута была довольно критическая. Самое отвратительное, безпокойное на войнѣ, это—нерѣшительность, когда сомнѣваешься, колеблешься, ка́къ слѣдуетъ поступить. Кончается сомнѣніе, принято то или другое рѣшеніе, сейчасъ является спокойствіе: что́ будетъ, то будетъ!

А мы находились именно въ такой нерѣшительности, и нельзя не признать, что колебанія наши были довольно законны.

Рѣшеніе, наконецъ, было принято и самое осторожное—послать на развѣдку трехъ казаковъ, а остальнымъ всѣмъ ждать на мѣстѣ ихъ возвращенія. Казаки ускакали, но споры о томъ, русскіе то, или турки, не прекратились. По-прежнему мы продолжали разсматривать въ бинокли, утѣшая себя, что что-то видимъ, хотя въ дѣйствительности было уже настолько темно, что ничего нельзя было разобрать. Нетерпѣливо ожидали мы возвращенія казаковъ, но прошло полчаса—ихъ не было, прошло три-четверти часа, а казаки наши точно пропали. Три-четверти часа провести въ ожиданіи, это—большое время, тѣмъ болѣе, что исчезновеніе ихъ наводило на мысль, не попались ли они въ руки турокъ.

— Да куда они дѣвались, вѣдь тутъ двѣ-три версты не больше, туда и назадъ можно доскакать въ четверть часа! — восклицалъ то одинъ, то другой. Но подобныя

разсужденія только разжигали нетерпѣніе, а ужъ вовсе не способствовали къ уясненію нашего положенія. Ожидать еще! но до которыхъ же поръ? Нѣтъ, ожидать болѣе не приходилось, нужно было на что-нибудь рѣшаться!

— Ну, господа, пропали наши казаки, ѣдемъ въ сторону идущаго отряда, это, должно, быть наши, а если подъѣдемъ поближе и увидимъ, что турки, то успѣемъ ускакать отъ нихъ. Насъ слишкомъ мало, чтобы имъ стоило насъ преслѣдовать!—проговорилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Ѣхать, такъ ѣхать, только куда же дѣвались казаки!—Рѣшеніе было принято, и мы свернули съ дороги по направленію къ двигавшемуся отряду.

— Ну, не быть добру! Неосторожно мы поступаемъ,— сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ спутниковъ,—хорошо говорить: удеремъ отъ турокъ! А какъ измученныя лошади откажутся удирать, что́ тогда?

Трудно было сказать, кто тутъ былъ правъ; ясно было одно, что намъ приходилось играть въ лотерею: вытащимъ хорошій нумеръ—попадемъ къ своимъ, дурной—нарвемся на турокъ. Столько же опасности было ѣхать впередъ, къ Эски-Загрѣ, если тамъ уже были турки, сколько и ѣхать по направленію къ отряду, если этотъ отрядъ чужой. Нужно было полагаться на счастье, на то „авось", которое не разъ уже выручало русскаго человѣка. Главное, — рѣшеніе было принято, и мы, не дождавшись нашихъ казаковъ, рысью поѣхали къ отряду. Едва ли, впрочемъ, у кого-либо на душѣ было совсѣмъ спокойно. Но тревожное состояніе продолжалось не долго. Очень скоро, черезъ десять минутъ или четверть часа, мы наткнулись на нашего драгуна, тащившаго охабку сѣна.

— Ты откуда?—спрашиваетъ одинъ изъ офицеровъ.

— Тутъ наши на бивуакѣ остановились!—отвѣчаетъ драгунъ.

Съ какою радостью мы всѣ услыхали слово „наши". Но радость эта, увы! была слишкомъ непродолжительна!

— Откуда идете?

— Изъ-подъ Эски-Загры!

Дальше мы не разспрашивали; мы увидѣли вблизи отрядъ, расположившійся на бивуакѣ, и сердце почуяло что-то недоброе. Въ этихъ словахъ: „изъ-подъ Эски-Загры", не трудно было услышать другое тяжелое слово — „отступленіе", но когда чему-нибудь не хочешь вѣрить, тогда такъ охотно цѣпляешься за самую неправдоподобную надежду. Такъ было и съ нами. Казалось бы, мы должны были поскорѣе разспросить встрѣтившагося солдата о причинахъ отступленія, совершилось ли оно послѣ сраженія, окончившагося пораженіемъ, или только ради стратегическихъ соображеній, но мы точно боялись спрашивать, точно страшились услышать жуткое слово: разбиты! У каждаго на умѣ шевелилась эта тревожная дума, но никто ее не хотѣлъ высказать, у каждаго сквозило что-то похожее на суевѣрное чувство, какъ будто бы отъ произносимаго слова могло зависѣть совершившееся уже событіе! Мы быстро поѣхали впередъ — и черезъ нѣсколько минутъ мы уже были среди русскаго лагеря.

Видъ этого лагеря производилъ самое тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. Небольшой отрядъ только-что остановился на бивуакѣ. Люди еще не размѣстились, не улеглись; не всѣ лошади были еще разсѣдланы, группы солдатъ и офицеровъ ходили изъ стороны въ сторону, и довольно было одного взгляда, чтобы угадать ихъ невеселое настроеніе. Страшно утомленный, измученный видъ; лица, точно закоптѣлыя отъ порохового дыма; платье, покрытое густымъ слоемъ пыли; разорванные рукава, пóлы, на-сторону свалившіеся погоны — все носило какой-то мрачный отпечатокъ. Не слышно было смѣха, не видно было улыбки, и только отъ времени до времени гдѣ-нибудь въ сторонѣ раздавался тяжелый вздохъ или вырванный страданіемъ стонъ раненаго. Видно было, что всѣ эти люди находились подъ суровымъ впечатлѣніемъ только-что окончившагося сраженія, а кàкъ оно окончилось, пораженіемъ или побѣдой, о томъ не нужно было и спрашивать. Угрюмый, сумрачный видъ цѣлаго

отряда слишкомъ ясно говорилъ за себя. Не было офицера, не было солдата, на лицѣ котораго нельзя было бы прочитать унынія, раздраженія, досады. Оно не мудрено. Впечатлѣніе было еще слишкомъ сильно, не прошло еще и трехъ часовъ, что отрядъ этотъ выдержалъ ожесточенный бой, окончившійся отступленіемъ отъ Эски-Загры.

Лишь только мы подъѣхали къ лагерю, и прежде еще, чѣмъ слѣзли съ коней, какъ насъ обступили офицеры, спѣшившіе передать намъ все, что́ случилось въ этотъ злополучный день 19-го или 20-го іюля. По тому тону, съ которымъ они говорили, можно было видѣть, какъ сильно на нихъ было впечатлѣніе, не по ихъ винѣ, неудачнаго боя. Ни одинъ изъ нихъ не могъ дать обстоятельнаго разсказа; у каждаго вырывалась только отрывистая фраза; всѣ говорили точно въ лихорадочномъ состояніи.

— Мы ничего не могли сдѣлать! турки наступили огромными силами!—вырывалось у одного.

— Намъ ничего не оставалось болѣе сдѣлать, какъ отступить, и то, славу Богу, что мы отступили въ порядкѣ, бѣгства не было!—говорилъ другой.

— Мы *понесли страшныя потери; болгарское ополченіе* на половину истреблено; болгары дрались молодцами, героями!—горячо прибавилъ третій.

— А Калитинъ, а Ѳедоровъ, ка̀къ они шли въ бой, лучшіе офицеры погибли!—вспомнилъ четвертый павшихъ въ бою храбрыхъ товарищей.

— Да развѣ мы могли держаться, когда насъ была кучка противъ цѣлаго полчища; мы были обречены на жертву! — горячо произносилъ одинъ изъ окружавшихъ насъ офицеровъ, и слова́ его нашли отголосокъ у всѣхъ остальныхъ, у которыхъ такъ тяжело было на душѣ.

Эти отрывистыя фразы, произносимыя взволнованнымъ голосомъ, производили болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ произвелъ бы, быть можетъ, подробный, обстоятельный разсказъ о нашемъ пораженіи подъ Эски-Загрой. Въ этихъ отрывистыхъ словахъ было такъ много глубокаго,

теплаго чувства. На душѣ становилось какъ-то больно и грустно, но эта боль и эта грусть заставляли васъ относиться ко всѣмъ окружающимъ съ несравненно большею теплотою, чѣмъ въ другое, счастливое время. Мнѣ ни разу не пришлось быть свидѣтелемъ побѣды, торжества,—я не видѣлъ ликующаго послѣ счастливаго боя лагеря, но едва ли самая бурная побѣдная радость вызываетъ такую задушевность, такую теплоту, какъ то скорбное чувство, которое послѣ пораженія опускается на душу тяжелымъ осадкомъ. Да оно, впрочемъ, и совершенно естественно! Въ радости, въ счастьи человѣкъ становится по преимуществу эгоистомъ: ему никого не нужно, онъ доволенъ собою, онъ не ищетъ себѣ опоры въ другихъ людяхъ, въ своихъ ближнихъ, и если даже чужое горе, чужое несчастье для него не безразличны, то онъ относится къ нимъ все-таки съ тѣмъ поверхностнымъ только сочувствіемъ, которое не выводитъ его изъ эгоистическаго чувства самодовольства. Много проходитъ времени, прежде чѣмъ въ людяхъ успѣваетъ окрѣпнуть сознаніе и чувство, что не можетъ быть личнаго счастья безъ счастья общаго; впереди еще та свѣтлая пора, когда людское горе, людскія страданія будутъ чувствоваться нами такъ сильно, что они лишатъ насъ возможности наслаждаться личнымъ, эгоистическимъ счастьемъ. Этотъ золотой вѣкъ человѣчества скрывается еще гдѣ-то за дальними, очень дальними облаками, и его заставляютъ предчувствовать только немногіе, всегда и вездѣ одиноко стоящіе люди, самоотверженно отказывающіеся отъ всякаго эгоистическаго счастья, которое онѣ приносятъ въ жертву грядущему счастью своихъ ближнихъ. Но такихъ людей мы, по свойственной намъ нравственной слѣпотѣ, именуемъ фантазерами и утопистами, забывая, что безъ такихъ фантазій и утопій—міръ давно бы окоченѣлъ со всѣми его „правдами“ и „неправдами“, со всѣмъ его зломъ. Этимъ „фантазерамъ“, этимъ „утопистамъ“ мы подчасъ сочувствуемъ теоретически, даже завидуемъ,—но жизнь, увы! слишкомъ исковеркала насъ, чтобы мы

способны были ради общественныхъ интересовъ жертвовать всецѣло своимъ личнымъ счастіемъ. Въ такомъ сознаніи своего безсилія, какъ ни обидно оно, все-таки больше достоинства, чѣмъ въ хвастливой гордости и напыщенномъ самомнѣніи людей, кричавшихъ о своей готовности нести крестъ и принимающихъ на себя самозванную роль руководителей „фантазеровъ“ и „утопистовъ“, но которые въ дѣйствительности не пожертвуютъ, да и едва ли способны пожертвовать даже мизинцемъ своимъ ради общихъ интересовъ. Для насъ, порочныхъ дѣтей порочнаго общества, нужны нравственныя страданія, злые удары судьбы, суровая школа личнаго несчастія, чтобы пробудить тò теплое участіе къ людямъ, которое возвышается надъ „практическими стремленіями“ и „эгоистическими интересами“.

Все это, примѣнимое къ отдѣльнымъ людямъ, примѣнимо также и къ цѣлому обществу, и вотъ почему до сихъ поръ громкій успѣхъ оружія, счастливыя войны рѣдко ознаменовывались быстрымъ прогрессомъ во внутренней жизни народа, между тѣмъ какъ удары, наносимые націи, заставляли ее почти всегда напрягать всю ея энергію, чтобы хотя нѣсколько освободить себя отъ накопившейся гнойной матеріи. Личные интересы прячутся, и наружу выступаютъ серьёзные общественные интересы, люди начинаютъ гораздо яснѣе сознавать неизбѣжную связь между личнымъ и общественнымъ благомъ. Пробужденіе же общественныхъ интересовъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ имѣетъ приливъ теплаго чувства въ людяхъ по отношенію къ ихъ ближнимъ. Такое забвеніе личныхъ интересовъ, такая теплота между людьми съ необыкновенною силою чувствуется послѣ несчастнаго боя, послѣ пораженія. Эта именно черта поразила меня въ томъ небольшомъ отрядѣ, который я встрѣтилъ тотчасъ послѣ дѣла подъ Эски-Загрой. Слово „я“ почти не слышалось въ разговорахъ; забыты были всѣ личныя невзгоды, лишенія; личная жизнь точно исчезла, и мѣсто ея заняли думы несравненно высшаго порядка.

— Можно ли думать о себѣ,—сказалъ мнѣ одинъ офицеръ, съ которымъ пришлось вскорѣ разговориться,— когда видишь, что̀ дѣлается кругомъ! Сто́итъ ли думать о томъ, свалишься или останешься живъ, когда кругомъ тебя валится народъ,—однимъ больше, однимъ меньше, вотъ и все. Просто—смѣшно дѣлается, когда вспомнишь, какой прежде страхъ нагоняла мысль о смерти. Нечего сказать, есть о чемъ безпокоиться! А лишенія, усталость, отсутствіе сна, пищи,—да, подчасъ оно и тяжело, да вѣдь не одинъ я, всѣ такъ! Какъ вспомнишь объ этомъ, такъ, право, точно легче станетъ. Вотъ ужъ правда, что на людяхъ и смерть красна. Знаете,—прибавилъ онъ,—здѣсь точно добрѣе дѣлаешься, всѣ тебѣ близки, всѣхъ тебѣ жаль, о всѣхъ болитъ сердце, офицеръ ли, солдатъ ли, своего полка, чужого ли, ко всѣмъ какъ-то иначе относишься, всѣхъ любишь, всѣ тебѣ точно братья!

Я запомнилъ эти слова́, потому-что они какъ нельзя лучше выражали собою общее настроеніе! Говоритъ ли офицеръ о солдатѣ,—въ его словахъ слышится что-то доброе, сочувственное; разсуждаетъ ли солдатъ объ офицерѣ,—въ его разсужденіи сквозитъ что-то дружеское, любовное. Во всѣхъ отношеніяхъ между людьми, отъ старшаго до младшаго, устанавливается какая-то простота, естественность; дисциплина соблюдается, но въ ней исчезаетъ все жесткое, суровое; она становится безъискусственною, человѣчною, и, конечно, ничего отъ того не проигрываетъ; что́ придавало еще бо́льшую теплоту отношеніямъ, это то, что жизнь не только офицера, но и самого начальника этого небольшого отряда нисколько не отличалась отъ жизни простого солдата. Отрядъ шелъ безъ обоза; какъ солдатъ спалъ на травѣ подъ открытымъ небомъ, положивъ подъ голову какой-нибудь свертокъ, такъ точно спалъ и офицеръ. Ни у одного человѣка въ отрядѣ не было даже самой крохотной палатки. Какъ солдатъ питался чернымъ сухаремъ, такъ точно также питался имъ офицеръ. Хорошо, если добудутъ гдѣ барана, живо зажарятъ его безъ масла, безъ вся-

кой приправы, и ѣдятъ. Жизнь въ полномъ смыслѣ слова спартанская. Да и гдѣ было думать объ удобствахъ жизни, когда чуть не каждый день приходилось драться и затѣмъ... хоронить своихъ товарищей. Мудрено ли, что общій тонъ былъ до-нельзя грустный, заставлявшій слишкомъ часто болѣзненно сжиматься сердце.

Для меня все тутъ было ново. Въ первый разъ пришлось увидѣть лагерь, и не тотъ беззаботный, веселый лагерь, среди котораго я провелъ нѣсколько дней въ Тырновѣ,—нѣтъ, лагерь боевой, полный тревоги, каждую минуту готовый всполошиться и идти на смерть,—лагерь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ непріятеля, въ пять разъ болѣе сильнаго количествомъ, но не духомъ.

Наступила ночь. Всѣ расположились на ночлегъ тамъ же, гдѣ и сидѣли, и только въ нѣсколькихъ мѣстахъ зажглись небольшіе костры. Красиво они освѣщали разбросанныя кое-гдѣ группы изъ нѣсколькихъ человѣкъ, нравственное возбужденіе которыхъ отъ проведеннаго дня оказалось сильнѣе физической усталости и измученности. Въ этихъ группахъ шла задушевная бесѣда; у каждаго были свои впечатлѣнія, свои совсѣмъ еще живыя воспоминанія. Сколько думъ они вызывали! Одно чувство связывало весь этотъ лагерь,—чувство, пронизавшее насквозь каждаго, отъ старшаго до младшаго, — чувство любви къ своей родинѣ, и какую силу, какую нравственную крѣпость придавало оно каждому, какъ вытѣсняло оно все личное! Чужого, посторонняго человѣка тутъ не могло быть. Какая-то близость устанавливается между знакомыми и незнакомыми. Вы видите въ первый разъ человѣка, вы сказали съ нимъ едва два слова; но вамъ кажется, что будто вы всегда были вмѣстѣ—вотъ что̀ значитъ общность высокихъ интересовъ. Въ этомъ пробужденіи общности интересовъ, въ этомъ сознаніи тѣсной родственной связи между людьми заключается несомнѣнно выгодная сторона войны, особенно для русскаго человѣка. Благодаря отсутствію у насъ высшихъ интересовъ, всѣ мы живемъ, какъ волки въ лѣсу, каждый копошится въ своей берлогѣ,

каждый думаетъ только о себѣ, и никому, кажется, нѣтъ и дѣла до той несправедливости, которой можетъ подвергнуться тотъ или другой членъ общества. Эта разрозненность вкореняется въ нравы, каждый старается подкапываться подъ другого, не замѣчая, что такіе подкопы какъ нельзя болѣе съ руки тѣмъ, которымъ выгодно поддерживать такую разрозненность среди людей, стремящихся, повидимому, къ одной и той же цѣли. На войнѣ, да въ особенности при какой-нибудь неудачѣ, все это исчезаетъ, оттого-то такъ сильно и чувствуется, несмотря на всѣ ея невзгоды, прелесть военной, походной жизни.

Я подсѣлъ къ одному изъ костровъ, примкнулъ къ небольшой группѣ, слушалъ простые, правдивые разсказы, и мнѣ казалось, что съ этими людьми, которыхъ я видѣлъ всего въ первый разъ, я никогда и не разставался. Мнѣ хочется отмѣтить здѣсь одну черту, которая, во все время моего пребыванія среди военнаго люда въ Болгаріи, во всѣхъ случаяхъ поражала меня какъ нельзя болѣе пріятно—это простое, радушное отношеніе нашихъ военныхъ къ не-военнымъ. Вы можете быть увѣрены, что всегда вы встрѣтите ласковый пріемъ, васъ не только не чуждаются, напротивъ, вамъ рады, и если въ чемъ-либо чувствуется различіе въ отношеніяхъ между военными и не-военными, то развѣ только въ томъ, что къ вамъ относятся съ бо̀льшею предупредительностью. Во время походной жизни мнѣ не разъ приходила въ голову мысль, что та рознь, которая какъ-бы установилась между военнымъ сословіемъ и не-военными, есть не что иное, какъ большое недоразумѣніе, несомнѣнно вредно вліяющее на нашу общественную жизнь.

— Не въ веселую минуту попали вы къ намъ,— обратился ко мнѣ одинъ изъ офицеровъ, — и передать нельзя какъ обидно, а до сегодняшняго дня все хорошо шло, какъ по маслу. Да что было дѣлать, наткнулись на страшную силу, насъ всѣхъ могли они искрошить, да и то сколько мы народу потеряли, однихъ „брату-

шекъ“ бѣдныхъ сколько погибло, а съ ними и наши лучшіе офицеры.

— А какъ же болгары дрались?—спросилъ я.

— Дай Богъ всѣмъ такъ драться, молодцы! первый разъ попали они въ жаркое дѣло, а шли впередъ точно старые солдаты, какъ львы бросались въ бой, за то и легло ихъ сколько, половины не осталось въ строю!

Отзывъ этотъ о болгарскомъ ополченіи былъ вовсе не единичный. Сколько ни приходилось въ этотъ и въ слѣдующіе дни говорить объ ихъ участіи въ сраженіи подъ Эски-Загрой, всѣ отъ простого солдата до начальника отряда отзывались съ одинаковою похвалою объ ихъ геройскомъ поведеніи въ этомъ злополучномъ боѣ. Отзывы эти были тѣмъ болѣе пріятны, что при самомъ началѣ, прежде даже, тѣмъ болгарское ополченіе имѣло случай встрѣтиться на полѣ брани съ своимъ вѣковымъ врагомъ, пошла о болгарахъ молва, что они никуда не годятся, что драться они неспособны, и поспѣшили отнестись къ нимъ съ крайнимъ пренебреженіемъ, чтобы не сказать съ презрѣніемъ. Сраженіе подъ Эски-Загрой фактически опровергало сложившееся слишкомъ быстро предубѣжденіе противъ готовности болгаръ своими костьми и своею кровью заплатить за независимость своей родины.

— Если бы они дрались дурно, если бы не смѣло шли на врага, тогда бы изъ 1800 человѣкъ болгарскаго ополченія не выбыла изъ строя цѣлая половина.

— Да какъ имъ и не драться съ остервененіемъ,— замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ,—когда они всюду встрѣчаются съ слѣдами страшнаго звѣрства, ежечасно, ежеминутно совершаемаго турками. У одного изъ нихъ убили отца; у другого изрубили брата; у третьяго изнасиловали жену или сестру — и, вдоволь наругавшись, замучили до-смерти; у четвертаго придушили ребенка — и такъ безъ конца!

Послѣднія слова вызвали цѣлый рядъ разсказовъ.

— У меня до сихъ поръ волосы поднимаются дыбомъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ вольноопредѣляющихся

кіевскаго гусарскаго полка, — когда я припоминаю ту безобразную, дикую картину, которой я на-дняхъ только былъ свидѣтелемъ. Послѣ небольшой перестрѣлки, мы вытѣснили изъ одной деревни турокъ. Я вошелъ въ маленькій домишко, и что̀ же я увидѣлъ? — на гвоздѣ, вбитомъ въ потолокъ, висѣлъ какой-то болгаринъ, головою внизъ, а на полу разложенъ былъ костеръ. Голова и верхняя часть туловища обгорѣли, обуглились! Прибавлять, кажется, не́чего. Что́ вы скажете объ этомъ ухищреніи варварства? Кажется, дальше идти нельзя! — однако нѣтъ: я видѣлъ другую сцену, которая произвела на меня еще бо́льшее впечатлѣніе. Я вошелъ какъ-то съ нѣсколькими гусарами въ брошенную болгарскую избу. Все въ ней было переломано, перебито, и въ одномъ только углу стоялъ столъ. На этомъ столѣ лежалъ на спинѣ ребенокъ двухъ-трехъ лѣтъ. Мы приблизились къ нему и увидѣли тогда, что онъ былъ пригвожденъ къ столу. Большой гвоздь проходилъ черезъ животъ!

Что̀ можно было, въ самомъ дѣлѣ, сказать по поводу подобныхъ разсказовъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію? Одно только слово и могло быть произнесено: изверги! Можно ли послѣ подобныхъ достовѣрныхъ разсказовъ обвинять легкомысленно болгаръ, если они зажигали ту или другую турецкую деревню, или отнимали впослѣдствіи награбленное у нихъ же добро. Ангельская кротость, смиреніе и прощеніе врагамъ, конечно, высокая добродѣтель, только проповѣдывать-то ее любятъ именно тѣ, кто часто меньше всѣхъ имѣетъ на то́ право.

Пришлось тоже услышать цѣлый рядъ разсказовъ о звѣрскомъ обращеніи турокъ съ русскими ранеными и убитыми, но эти разсказы слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было ихъ воспроизводить еще и еще разъ. Турки пожелали иллюстрировать, повидимому, передаваемые разсказы и дать лишнее доказательство своей гуманности. Въ то время, какъ огонь нашего костра все болѣе блѣднѣлъ, въ Эски-Загрѣ разложенъ былъ страшный костеръ,

все небо озарилось краснымъ заревомъ — Эски-Загра горѣла. Турки мстили болгарамъ за горячій дружескій пріемъ, оказанный ими русскому отряду—и зажгли болгарскій городъ!

— Разбойники!—вырвалось у многихъ.

— Разбойники-то, разбойники!—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ,—да то обидно, что ихъ дикая месть ложится немножко и на нашу совѣсть. Виноваты и мы передъ болгарами. Мы должны были знать, съ кѣмъ ведемъ войну—и уже вести дѣло такъ, чтобы не давать имъ возможности мстить тѣмъ мѣстностямъ, черезъ которыя проходили наши войска.

Всѣ почти были согласны съ выраженнымъ мнѣніемъ, да и трудно было съ нимъ не согласиться. Зная характеръ турокъ, нужно было подвигаться впередъ осторожно, такъ, чтобы, сдѣлавъ шагъ впередъ, не быть уже вынужденнымъ черезъ нѣсколько дней дѣлать шагъ назадъ и предоставлять покинутую нами мѣстность на страшный произволъ фанатизированнаго врага. Наше поведеніе объяснялось первоначальнымъ легкомысленнымъ и необдуманнымъ отношеніемъ къ дѣлу, которое мы искупили отчасти освобожденіемъ сѣверной Болгаріи, но все-таки наши первыя ошибки, наши тяжелыя неудачи, стоившія такъ дорого русскому народу, не должны быть забываемы, хотя эти ошибки, эти неудачи были заглажены геройскою стойкостью и необычайнымъ мужествомъ русскаго солдата и офицера.

Когда говорится о легкомысленномъ отношеніи къ врагу, то вовсе не нужно думать, что его раздѣляли наши солдаты, офицеры и всѣ военные начальники. Вовсе нѣтъ. Оно было удѣломъ главнымъ образомъ тѣхъ, кто непосредственно не соприкасался съ врагомъ. Тѣ же, которые дрались,—тѣ относились какъ нельзя болѣе справедливо къ военнымъ способностямъ турокъ и къ ихъ военной организаціи. Въ этомъ я могъ убѣдиться много разъ, и то, что́ пришлось услышать теперь, то́ находило себѣ подтвержденіе и послѣ,—въ особенности

послѣ тяжелыхъ плевненскихъ неуспѣховъ. Въ то время многіе стали даже преувеличивать совершенство турецкой арміи, ея духа, ея организаціи, но это преувеличеніе было естественнымъ послѣдствіемъ нашихъ горькихъ разочарованій. Пораженіе всегда имѣетъ свойство вызывать духъ критики, анализа причинъ, вызвавшихъ извѣстное положеніе дѣлъ, доходящій сплошь и рядомъ до самобичеванія, дѣлающаго, во всякомъ случаѣ, болѣе чести, чѣмъ самовосхваленіе, и—главное—приносящаго несомнѣнно добрые результаты. Этотъ духъ анализа, критики, съ необыкновенною силою сказался послѣ нашихъ первыхъ неуспѣховъ, и не только среди людей, жаждущихъ движенія впередъ по пути прогресса, но точно также и среди консервативнаго элемента уже по самому своему положенію, среди военнаго сословія, т.-е. того самаго элемента, который съ такимъ героизмомъ жертвовалъ своею жизнью во имя любви къ своей родинѣ. Тутъ этотъ духъ критики производилъ тѣмъ бо̀льшее впечатлѣніе, что въ немъ не чувствовалось никакой ѣдкости,—въ немъ сказывался только оттѣнокъ извѣстной грусти, порожденной пробудившимся сознаніемъ какого-то коренного недостатка, парализирующаго самую мощь русскаго народа. Такой отпечатокъ грусти отзывался и на той бесѣдѣ, которая велась вокругъ горящаго костра людьми замученными и физическою усталостью, и еще болѣе подавленными тѣми нравственными впечатлѣніями, которыя имъ пришлось вынести въ этотъ злополучный день.

— Да, что ни говорите, а турки дерутся хорошо,— тоже умѣютъ умирать! Съ ними нужно смотрѣть, что̀ называется, въ оба...

— Держатся хорошо, — спора нѣтъ, да вѣдь и то нужно сказать, что дерутся-то они при другихъ условіяхъ, чѣмъ мы!

— То-есть ка́къ при другихъ условіяхъ?—спрашивалъ я, не посвященный въ военное дѣло.

— Да тàкъ. Сравните ихъ вооруженіе—и наше! У насъ ружье беретъ на 600 шаговъ,—у нихъ больше чѣмъ на 1200 шаговъ; у насъ негодное ружье Крынка,—у нихъ отличное ружье Мартини; у насъ подчасъ нéчѣмъ стрѣлять, недостатокъ въ снарядахъ,—у нихъ такое изобиліе, что только поспѣвай стрѣлять. Вотъ тутъ и иди въ аттаку: пока подбѣжишь, сколько народу они уложатъ?—а атаковать необходимо, потому что все-равно они насъ бьютъ, а мы съ нашими ружьями ничего не можемъ подѣлать. Вотъ стрѣлкамъ—тѣмъ ничего: у тѣхъ берданки.

— А въ артиллеріи развѣ не то же самое, у нихъ отличныя стальныя орудія, а у насъ... ну, да что и говорить! Еще девятифунтовыя орудія ничего, да и тѣ послѣ 180-ти или двухсотъ выстрѣловъ, смотришь, или никуда не годятся, а если и годятся еще, то уже такъ попорчены, что только зло беретъ! Нѣтъ, у турокъ по части вооруженія арміи совсѣмъ другое дѣло, намъ не тягаться.

Весьма мало понимая или, вѣрнѣе, ничего не понимая въ военномъ дѣлѣ, я долженъ былъ только слушать да удивляться.

— Помилуйте, да какъ же это возможно, вѣдь ужъ что другое, а ужъ это-то дѣло мы дѣлали! Да, наконецъ, какихъ страшныхъ денегъ стоило перевооруженіе арміи, одинъ военный бюджетъ долженъ былъ ручаться за то, что, по сравненію съ турками по-крайней-мѣрѣ, у насъ дѣло будетъ поставлено не хуже!

— Мало ли чтó должно было бы быть, да когда нѣтъ этого, чтó же станете дѣлать? Видно дѣлали, да не додѣлали, или не съумѣли сдѣлать,—говорилъ мой огорченный собесѣдникъ.—Да и не въ одномъ только вооруженіи, не въ одной артиллеріи у насъ сказывается недочетъ. Возьмите интендантство,—хорошо оно? мы, слава Богу, безъ всякихъ интендантовъ здѣсь обходимся! А посмотрите-ка у турокъ; только и радости, когда они побросаютъ свой лагерь,—всего у нихъ найдешь, одни га-

леты ихъ чего стоятъ, просто лакомство. Какъ они дѣлаютъ, кто распоряжается, на чьи деньги,—только я знаю, что у нихъ всего много. Солдатъ у нихъ ѣстъ хорошо, патроновъ пропасть, идти ему легко, онъ только и знаетъ свою сумку съ патронами, а у насъ солдатъ точно вьючная лошадь. Просто удивляешься, какъ онъ еще такіе переходы дѣлаетъ!

— А палатки турецкія развѣ не прелесть!—досказалъ другой.—У насъ такъ чуть дождичекъ, насквозь промокнешь, а въ ихъ палаткахъ не то.

Цѣлый рядъ подобныхъ отрывочныхъ замѣчаній, выслушиваемыхъ въ первый разъ, естественно наводитъ на самыя грустныя размышенія. Привычка дѣлаетъ все, впослѣдствіи я уже ничему болѣе не удивлялся. Какъ-то съ трудомъ укладывалось, или, вѣрнѣе, вовсе не укладывалось въ головѣ, чтобы та часть, которой преимущественно были посвящены наши долговременныя заботы, находилась, сравнительно, въ томъ неудовлетворительномъ положеніи, о которомъ свидѣтельствовали люди, менѣе всего предубѣжденные. Нѣтъ, быть не можетъ,—работала въ головѣ мысль,—всѣ эти отзывы навѣрно являются не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ естественнаго минутнаго раздраженія! Но, увы! отзывы эти были справедливы, и нужно было видѣть, съ какимъ горькимъ чувствомъ разсуждали объ этихъ недочетахъ военные люди. Большинство изъ нихъ были совершенно убѣждены въ совершенствѣ нашей военной организаціи, и потому, когда они встрѣтились съ дѣйствительностью, они останавливались въ какомъ-то тяжеломъ недоумѣніи передъ сдѣланными ими открытіями. Въ одномъ только они не имѣли права разочаровываться, это въ своей собственной готовности, не колеблясь, идти на смерть, да въ необычайномъ мужествѣ русской арміи, по истинѣ, не знавшемъ никакихъ преградъ и заслонившемъ собою всѣ слабыя стороны нашей военной организаціи. Духъ критики искалъ причинъ этихъ темныхъ сторонъ и, какъ всегда бываетъ, накидывался, на первыхъ порахъ, только

на ближайшія. Такую ошибку дѣлали не одни мои собесѣдники, находившіеся тогда подъ давленіемъ тяжелой неудачи,—эту же ошибку потомъ повторяли и у насъ вдалекѣ отъ войны, толкуя о нашихъ военныхъ недостаткахъ и промахахъ, и ихъ причинахъ. Армія дурно продовольствуется—виновато интендантство, главный интендантъ со всѣми его подначальными; нѣтъ у насъ дальнобойныхъ орудій—виновато артиллерійское управленіе; ружья никуда не годятся—виноваты завѣдывающіе вооруженіемъ арміи; полевая почта изображаетъ собою хаосъ изъ хаосовъ—виноваты тѣ, на которыхъ была возложена эта важная часть; военно-медицинское управленіе выказало въ полномъ блескѣ всю свою неприготовленность—виноваты военно-медицинскій инспекторъ и остальной персоналъ; дѣлаются неудачныя военныя распоряженія—виноваты различные военные начальники и т. д. и т. д. Строгому осужденію подлежали тѣ и другія лица, но такое осужденіе казалось, да и до сихъ поръ кажется мнѣ несправедливымъ. Спору нѣтъ, были лица, заслуживавшія порицанія, злоупотреблявшія оказаннымъ имъ довѣріемъ, но вѣдь не всѣ же виноваты, не всѣми же руководила злая воля,—напротивъ, многіе, быть можетъ, большинство, были водушевляемы самыми благими намѣреніями! Отчего же всѣ почти оказываются въ бо́льшей или меньшей степени виновными, должна же быть какая-нибудь причина, независящая отъ воли отдѣльныхъ лицъ, которая была источникомъ всѣхъ оказавшихся недочетовъ. Никто изъ судей не обратилъ при этомъ вниманія на справедливое положеніе теоріи современной историко-литературной школы, что въ моменты высшаго напряженія силъ люди являются тѣмъ, чѣмъ дѣлаетъ ихъ среда, тѣ или другія ея условія, общій строй, среди котораго развивались или глохли ихъ умственныя и нравственныя силы. Несправедливо слагать всю вину на отдѣльное вѣдомство, когда оно осуждено черпать свои силы изъ общаго источника. Вотъ почему я не могъ соглашаться и съ обвиненіями, направленными противъ

того или другого лица, и старался защищать отъ несправедливыхъ, по моему мнѣнію, нападковъ.

— Такъ кто же виноватъ, по-вашему? спрашивали меня,—или нѣтъ виноватыхъ,—Богъ, что ли, караетъ насъ за тяжкія прегрѣшенія!

— Скажемъ лучше, что всѣ мы, сколько насъ есть, всѣ мы виноваты и помиримся на этомъ!

— Ну, нѣтъ, какой же это отвѣтъ! Чѣмъ же мы виноваты, мы вѣдь ни въ чемъ не принимали участія, голоса своего не подавали; сказали намъ: въ походъ! мы и пошли, и, слава Богу,—кажется, свое дѣло дѣлаемъ. Нѣтъ ужъ если, по-вашему, никто не виноватъ, такъ вы скажите, отчего показались всѣ эти прорѣхи въ нашей военной организаціи, отчего всюду поднимаются жалобы чуть не на всѣ части той громадной машины, на которую было затрачено столько денегъ, столько времени и столько силъ, отчего намъ, могущественному народу, послѣ двадцати лѣтъ мира, приходится, повидимому, дѣлать извѣстное напряженіе силъ, чтобы справиться съ такимъ безсильнымъ, и физически, и нравственно, государствомъ, какъ Турція. Вотъ, скажите, отчего это все, если, по-вашему, никто не виноватъ?

Опять я встрѣтился съ этимъ фатальнымъ „отчего", и еще разъ разговоръ оборвался. Острый кризисъ войны—не время для разъясненія внутреннихъ вопросовъ.

Всѣ на минуту утихли. Каждый ушелъ въ свои думы, въ свои живыя впечатлѣнія. Костеръ нашъ совсѣмъ ужъ потухалъ, и только зарево горѣвшей Эски-Загры становилось все ярче, да ярче.

— Ну, будемъ спать, господа, довольно бесѣдовать, авось не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ! А за сегодняшній день отплатимъ, не всегда же насъ будетъ три тысячи противъ пятнадцати.

— И то правда, будемъ спать, а то вѣдь завтра чуть свѣтъ нужно подниматься: говорятъ, въ четыре часа назначено выступленіе!

— Хорошо, если до четырехъ часовъ не придется вскочить:—чего добраго, турки и раньше разбудятъ!

— Пустяки, они ночью добрыхъ людей не безпокоятъ!

— Вотъ ужъ, правда, безмозглые! и что они насъ не преслѣдовали, вѣдь чего добраго, всѣхъ бы, сколько насъ есть, уложили. Нужно тоже отдать имъ справедливость, совсѣмъ не умѣютъ пользоваться побѣдой.

— Да полно, что ты бранишь ихъ, скажи лучше спасибо!

На нѣсколько минутъ разговоръ получилъ шутливый тонъ, но онъ не удержался—тяжелыя и мрачныя впечатлѣнія дня не могли такъ быстро изгладиться.

Всѣ замолчали, растянулись на опаленную солнечными лучами траву и стали жаться отъ быстро наступавшаго холода послѣ невозможнаго знойнаго дня. Оригинальность походной жизни, новость военныхъ впечатлѣній, прогоняли сонъ, а сверкавшее зарево горѣвшей Эски-Загры, то слабѣвшее, то снова усиливавшееся, вызывало цѣлую вереницу неотвязчивыхъ думъ. Прошло, можетъ быть, полчаса, какъ всѣ расположились на ночлегъ и сказано было послѣднее слово,—нѣкоторые уже уснули тѣмъ крѣпкимъ, могучимъ сномъ, какимъ могутъ спать только люди, сдѣлавшіе переходъ въ нѣсколько дней, когда я увидѣлъ, какъ кто-то привсталъ съ земли и нервно проговорилъ:

— Нѣтъ, не могу я отдѣлаться отъ этой сцены, не выходитъ она изъ головы, такъ и вижу передъ собою этого раненаго болгарина, этого турецкаго офицера, заносящаго надъ его головою шашку, точно слышу какъ онъ ударилъ ее разъ, два... и помочь ему было нельзя...

— Ну, спи, спи...

И опять все утихло!

Не одному человѣку въ эту ночь мерещились дикія сцены сраженія, не у одного сонъ былъ тревожный, мятежный. Долго я еще слышалъ, какъ тотъ или другой что-то бормоталъ во снѣ.

Впечатлѣнія этихъ людей были сильны, у многихъ

изъ нихъ точно прояснился взглядъ, отношеніе къ жизни сдѣлалось несравненно серьёзнѣй. Война заставила весьма многихъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣми темными сторонами нашей общественной жизни, на которыя до тѣхъ поръ не обращалось никакого вниманія. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы блескъ послѣдующихъ событій не изгладилъ первыхъ впечатлѣній, чтобы необычайное мужество и героизмъ арміи, пересилившей всѣ другіе недочеты, не заставилъ забыть все то, что̀ такъ ясно мы сознали въ первый періодъ войны. Впрочемъ, трудно вѣрилось тогда, чтобы этотъ первый періодъ могъ быть когда-нибудь забытъ, въ особенности тѣми, кто вблизи испыталъ мучительныя ощущенія, вызванныя нашими обидными неудачами. Онѣ тѣмъ болѣе были тяжелы для нравственнаго чувства, что сопровождались тѣми, по истинѣ, невѣроятными бѣдствіями, и безъ того замученнаго болгарскаго народа, въ которыхъ не далѣе какъ на слѣдующій день пришлось убѣдиться во-очію.

Прежде чѣмъ появились первые солнечные лучи, въ пятомъ часу утра, весь лагерь былъ уже на ногахъ, все пришло въ движеніе. Утро было холодное, всѣ, казалось, продрогли до костей, укрыться не во что, кутались въ свои подбитыя вѣтромъ пальто, не у многихъ счастливцевъ были бурки, за то съ какою завистью и смотрѣли на нихъ. Общій видъ лагеря былъ весьма прозаическій. Всѣ грязные, не выспавшіеся, всѣ зѣваютъ; лица посинѣлыя, только и думаешь о томъ, какъ бы солнце выступило поскорѣе, да хоть чуточку посогрѣло.

— Ну, что̀, какъ вы себя чувствуете,—спрашивалъ меня офицеръ;—не очень-то завидна походная жизнь!

И правда, не завидная жизнь! Нужна большая сила воли, большая энергія, чтобы всегда бодро переносить всѣ лишенія, какъ переносила ихъ русская армія—и холодъ, и голодъ, и нездоровье—всего было довольно.

— Я думаю, вы не отказались бы теперь отъ стакана чаю?

Но гдѣ тутъ было думать о чаѣ. Приходилось довольствоваться нѣсколькими глотками коньяку, который, нужно ему отдать справедливость, оказывалъ большія услуги; какъ ни мужественно переносили солдаты и офицеры всевозможныя лишенія, но физическая усталость, быстрая перемѣна температуры, питаніе кое-чѣмъ и кое-какъ дѣлали свое дѣло—въ отрядѣ было много больныхъ, хотя всѣ они оставались въ строю.

— Не хорошо себя чувствуете,—говорилъ мнѣ военный докторъ,—тошнота вѣрно мучитъ! Ничего не подѣлаешь, у насъ кажется 90% всѣ въ такомъ состояніи.

Но солдаты и офицеры не унывали. Въ отрядѣ началось сильное движеніе: тамъ казаки ведутъ лошадей поить, тутъ подкладываютъ имъ ячменю; въ одномъ мѣстѣ кучка солдатъ чинится, чистится, въ другомъ—развели себѣ огонь, поставили на деревяшки свою манерку и устраиваютъ себѣ какую-то варку, всѣ занялись какимъ-нибудь дѣломъ. Одна группа невольно привлекала къ себѣ вниманіе. Стоитъ солдатъ на колѣняхъ и на-распѣвъ читаетъ какую-то книгу, трое или четверо другихъ превратились въ одинъ слухъ и слѣдятъ за чтеніемъ съ такимъ неустаннымъ вниманіемъ, что, кажется, раздайся надъ ихъ ухомъ крикъ: турки! они не услышали бы его... Выступило солнце, точно повеселѣе стало, и перестали дрожать отъ холоду, разговоры сдѣлались оживленнѣе, всѣ ужъ готовы, собрались,—раздается сигналъ, не пройдетъ и пяти минутъ какъ всѣ на мѣстахъ.

— Что́ же, скоро ли выступаемъ?—спрашивали другъ у друга.

— Да кто знаетъ, говорили въ четыре часа, а вотъ ужъ теперь шестой, а ничего не слышно.

— Говорятъ, мы должны ждать какихъ-нибудь извѣстій отъ генерала Гурко, куда онъ отошелъ.

— Да вѣдь будемъ долго ждать, такъ чего добраго, турки спохватятся и перейдутъ въ преслѣдованіе. Намъ-то не очень удобно принимать бой.

— Да куда мы отступаемъ, это рѣшено или нѣтъ?

— Говорятъ, къ Казанлыку, а затѣмъ можетъ быть и дальше!

— Эхъ, плохо дѣло!

Трудно передать то чувство обиды, которое являлось у всѣхъ на душѣ при мысли о неизбѣжности отступленія.

— Господа, — проговорилъ какой-то подошедшій офицеръ, — можете не торопиться, рѣшено, что мы не выступимъ отсюда раньше девяти часовъ, если только прежде не получатся извѣстія отъ генерала Гурко.

Тотъ небольшой отрядъ, въ который я попалъ въ несчастный день сраженія подъ Эски-Загрой, былъ только частью отряда генерала Гурко. Эти части должны были соединиться послѣ сраженіи при Іени-Загрѣ, гдѣ турки были разбиты, но, увы! соединеніе не произошло во́-время, большія непріятельскія силы набросились на три, на четыре тысячи, и, послѣ упорнаго боя, заставили ихъ отступить. Съ этимъ-то отрядомъ я и встрѣтился наканунѣ.

Извѣстія отъ генерала Гурко все не было, и около девяти часовъ раздался сигналъ къ выступленію. Въ нѣсколько минутъ весь небольшой отрядъ выстроился, и мы начали отступать къ Казанлыку.

Несмотря на страшное утомленіе, солдаты шли бодро, ни въ чемъ нельзя было замѣтить упадка духа, хотя едва ли въ цѣломъ отрядѣ былъ хотя одинъ человѣкъ, у котораго весело было бы на душѣ. Мысль, что мы вынуждены отступать, сознаніе, что мы отдаемъ покидаемую нами мѣстность въ жертву необузданной мести турокъ, на всѣхъ производило подавляющее впечатлѣніе. Не знаю, каковъ былъ русскій солдатъ прежде, но я знаю, и много разъ имѣлъ въ томъ возможность убѣдиться, что теперь онъ разсуждаетъ и чувствуетъ не хуже другого.

— Плохо имъ теперь будетъ, какъ мы ушли, — случалось мнѣ слышать отъ солдатъ во время нашего перехода, — много народу турка перерѣжетъ, а ужъ что́ деревень сожжетъ....

Такъ говорили солдаты о „братушкахъ“. Подчасъ бранили они болгаръ, но за то умѣли также относиться къ нимъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ состраданія.

Было еще и другое чувство, которое точно точило этотъ небольшой отрядъ. Не знаю, какъ его назвать,— пожалуй, чувство военной чести. Конечно, въ томъ пораженіи, которое было нанесено ему турками, не было ничего постыднаго; напротивъ, всѣ участвовавшіе въ сраженіи исполнили свято свой долгъ, и не они были виновны, что имъ пришлось бороться съ непріятелемъ втрое болѣе сильнымъ. Притомъ, какая же война возможна безъ частныхъ неудачъ, и все-таки мысль, что они первые доставили туркамъ побѣду, производила на всѣхъ подавляющее впечатлѣніе. Думая же, что ихъ пораженіе было первою побѣдою турокъ, они горько ошибались. Въ нашу лѣтопись настоящей войны была вписана уже и вторая Плевна, но, разумѣется, никто изъ насъ ее и не подозрѣвалъ еще, во время этого отступленія къ Казанлыку. О первой же Плевнѣ, какъ я уже упоминалъ, мы имѣли слишкомъ смутное понятіе, чтобы считать дѣло 8-го іюля пораженіемъ.

Вотъ сколько было причинъ, чтобы среди нашего отряда было не особенно весело. Всѣ были озабочены. Трудно сказать, конечно, въ чемъ выражается такая озабоченность, она только чувствуется, и пожалуй, улавливается въ отрывочныхъ фразахъ, которыми отъ времени до времени перебрасываются люди.

— Что-то будетъ сегодня, чего добраго, турки перейдутъ въ наступленіе!

Такую мысль и нельзя было не допускать, а между тѣмъ эта мысль, какимъ бы мужествомъ ни былъ воодушевленъ отрядъ, была все-таки тяжела, такъ какъ всѣ прекрасно сознавали, что нашъ отрядъ слишкомъ малочисленъ и слишкомъ изнуренъ, чтобы могъ выдержать съ честью еще новый бой.

Впрочемъ, не доходя версты или двухъ до Казанлыка, отрядъ нашъ усилился новою болгарскою дружи-

ною, спустившеюся съ Шипки съ нѣсколькими орудіями. Теперь, если бы турки стали преслѣдовать отступавшій отрядъ, онъ все-таки могъ бы защищаться въ Казанлыкѣ и выждать еще новыхъ подкрѣпленій. Всего двадцать-четыре часа, какъ я оставилъ Казанлыкъ, и что за перемѣна! Я увидѣлъ тѣ же улицы, тѣ же дома, но я не узналъ города. Вѣсть о нашемъ пораженіи и неизбѣжнымъ за нимъ отступленіемъ еще вечеромъ облетѣла Казанлыкъ, и одна декорація, точно на сценѣ, быстро смѣнила другую.

Наканунѣ Казанлыкъ былъ совершенно спокоенъ, всѣ дома настежъ, лавки открыты, на улицѣ торгуютъ, вездѣ народъ, болгары ходятъ весело, привѣтливо кланяются вамъ, турки выражаютъ полную покорность, радушно васъ принимаютъ, засѣдаютъ въ городскомъ совѣтѣ, мы относимся къ нимъ съ достойнымъ великодушіемъ побѣдителей, объявляемъ имъ, что они будутъ пользоваться всѣми гражданскими правами наравнѣ съ болгарами, что религія ихъ будетъ почитаться, что русскія власти будутъ зорко слѣдить, чтобы болгары не дозволяли себѣ по отношенію къ нимъ никакого своеволія..... проходитъ нѣсколько часовъ и на Казанлыкъ опустилась точно свинцовая туча. Все измѣнилось. Дома заколочены, лавки закрыты, на улицахъ пустота, болгарское населеніе трепещетъ, одни заперлись въ своихъ домахъ, ни живы, ни мертвы; другіе, побросавъ свои дома, свое имущество, бросились бѣжать, преслѣдуемые страшною мыслію о томъ насиліи, о тѣхъ истязаніяхъ, которымъ они подвергнутся, если попадутъ живыми въ руки ихъ заклятыхъ враговъ. А тамъ, въ турецкомъ кварталѣ, за каменными стѣнами, турки ликуютъ, и ждутъ только удаленія послѣднихъ нашихъ солдатъ или приближенія своихъ, чтобы приступить къ страшной расправѣ. Вы чувствуете, проходя по этимъ пустыннымъ улицамъ, что тишина, спокойствіе это—только наружная оболочка, въ дѣйствительности тутъ все дышетъ непримиримою враждою, ожидающей только минуты, чтобы

вспыхнуть и вызвать страшную рѣзню. Впрочемъ, городъ уже обагрился кровью, ночью уже были зарѣзаны нѣсколько человѣкъ. По этимъ мрачнымъ и пустыннымъ улицамъ нашъ отрядъ прошелъ черезъ весь городъ и большое поле впереди монастыря, то самое, гдѣ за два, за три дня передъ тѣмъ, въ часы всеобщей паники, болгары такъ дружно рыли рвы, было выбрано мѣстомъ для бивуака. Какъ долго мы должны были оставаться въ Казанлыкѣ, нѣсколько часовъ или до другого дни,—никто еще не зналъ. Вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ отряда я направился въ самый монастырь, но лучше было не проникать за монастырскую ограду! Картина, которую мы встрѣтили тамъ, была по-истинѣ потрясающая! Никакое описаніе не въ силахъ передать ее; не существуетъ, мнѣ кажется, достаточно яркихъ красокъ, чтобы изобразить весь ея ужасъ. Прежде чѣмъ вы успѣли войти за ограду, до васъ доносились уже стоны, рыданія, вопли, крики, вырванные болью, страданіемъ, муками людей.

— Господи! что́ тамъ дѣлается?—невольно спрашивали вы себя, и чувство неизъяснимаго страха наполняло вашу душу.

Еще нѣсколько шаговъ, и вы становились лицомъ къ лицу съ картиной еще разъ въ эту войну напомнившею описаніе Дантовскаго ада. Надо было обладать закаленными нервами, чтобы она не потрясла васъ до мозга костей. Весь монастырскій дворъ былъ переполненъ народомъ, и чувство какого-то безпредѣльнаго ужаса, страха, оцѣпенѣнія невольно бросалось въ глаза; на землѣ, въ кучѣ, валялись мужчины, женщины, дѣти, испускавшіе пронзительные стоны, пронизывавшіе все ваше существо. Всѣ эти несчастные были изрѣзаны, переранены, прострѣлены, всѣ они носили на себѣ слѣды кинжаловъ, ятагановъ, револьверовъ, нѣкоторые изъ нихъ истекали кровью. Одна женщина лежитъ на землѣ страшно больная, почти мертвая, съ глубокою раною ножемъ на горлѣ, другая полунагая, съ открытою грудью, прострѣленною въ двухъ мѣстахъ, рядомъ молодой бол-

гаринъ съ провалившимися глазами, тяжело дышащій, по голой спинѣ его течетъ кровь изъ нѣсколькихъ широкихъ ранъ. Смерть слишкомъ долго заставляетъ его ждать своей очереди. Немножко дальше нѣсколько человѣкъ тупо смотрятъ на двухлѣтняго ребенка, валяющагося на землѣ. Ребенокъ лежитъ неподвижно.

— Что́ онъ, умеръ? неужели некому прибрать его? гдѣ его мать?

Матери нѣтъ, она убита, а ребенокъ живъ еще, онъ дышетъ, но надолго ли... можетъ быть, часъ, другой — и онъ умретъ, голодною смертію. Пришла монахиня, сжалилась, подобрала его и унесла въ комнату. Монастырь полонъ такими дѣтьми, куда ихъ дѣть, — они исторгаютъ слезы, но ихъ оставляютъ умирать. Такая смерть страшна, но что́ ужаснѣе смерти — это страданіе ребенка. Ничто, кажется, не въ силахъ произвести на человѣка такого ошеломляющаго впечатлѣнія, какъ видъ порубленнаго ребенка, ничто не въ силахъ поднять такой злобы, такой ненависти къ извергамъ, какъ видъ крови, струящейся изъ ранъ пяти или шести-лѣтняго дитяти; истекаетъ кровью взрослый — тяжелая картина, но дѣлать нечего, на то и война: сегодня онъ лежитъ въ предсмертныхъ мученіяхъ, вчера, быть можетъ, отъ его руки умиралъ другой, въ такихъ же страданіяхъ. Ранена женщина, ея стоны терзаютъ ваше сердце, но она все-таки могла бороться, защищаться, ей не чуждо было чувство мести; она, быть можетъ, мстила за мужа, за отца, брата — и ей отплатили ударомъ ножа или пулей. Но когда стонетъ ребенокъ, когда онъ, беззащитный, ни въ чемъ неповинный, истекаетъ кровью, и вы слышите его стоны, видите его глубокія раны, тогда одно только чувство охватываетъ васъ, чувство это — жажда мести, безъ жалости, безъ пощады, и будь вы самый гуманный человѣкъ, вы забудете вашу гуманность и съ остервененіемъ готовы будете наброситься на тѣхъ, кто способенъ былъ только совершить такое вопіющее по своему звѣрству дѣло. Это чувство невольно охватывало

каждаго изъ насъ, когда мы увидѣли ребенка пяти, шести лѣтъ, съ перерубленною рукою, всего облитаго кровью. Его мучительныя рыданія поднимали волосы дыбомъ; едва ли нашелся бы хоть одинъ человѣкъ, у котораго слезы негодованія не подступили бы къ горлу. Описывать такія сцены со всѣми подробностями ихъ и трудно, и не къ чему. Сколько такихъ описаній ни будетъ, сколько ни читай разсказовъ о самыхъ звѣрскихъ поступкахъ, сколько ни трогайся изображеніемъ судьбы нечеловѣческихъ страданій, претерпѣваемыхъ взрослыми, женщинами и даже дѣтьми, никакія книги, какъ бы талантливо онѣ ни были написаны, не могутъ сравниться, по силѣ впечатлѣній, съ одною минутою, когда вы въ первый разъ сдѣлаетесь очевидцемъ звѣрской жестокости, совершённой надъ ребенкомъ.

При видѣ подобныхъ сценъ на первый планъ выступаетъ страстное чувство ненависти, и это чувство заглушаетъ въ человѣкѣ, казалось, прочно укоренившуюся въ немъ гуманность. Вотъ почему нельзя было бы удивляться, если бы русскіе солдаты, сдѣлавшись свидѣтелями такого рода звѣрскихъ поступковъ, въ свою очередь явились бы мстителями за цѣлый рядъ насилій и изувѣрствъ, совершаемыхъ турками. Но меня удивляло другое, это— та человѣчность по отношенію къ врагу, которая никогда не пропадала среди русской арміи, несмотря на всѣ дикія картины, прошедшія передъ ея глазами. Увидѣвъ вблизи адскія расправы, учинявшіяся турками надъ болгарами, кто рѣшился бы бросить камнемъ въ послѣднихъ за тѣ, сравнительно, слишкомъ немногія вспышки мести, за которыя такъ несправедливо корили болгаръ. Такого укора не пошлетъ имъ никто, кому случалось быть свидѣтелемъ такихъ сценъ, какъ на монастырскомъ дворѣ въ Казанлыкѣ, гдѣ десятки людей, взрослыхъ и дѣтей, своими исполосованными тѣлами, своими воплями и брызгавшею кровью говорили о мукахъ цѣлаго народа.

На дворѣ было также нѣсколько офицеровъ, ране-

ныхъ въ послѣднемъ сраженіи. Одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и мы разговорились.

— На васъ дѣйствуютъ эти сцены?—спросилъ онъ меня.

Я только посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Да; но какъ же онѣ могутъ не дѣйствовать: нужно, чтобы нервы были изъ желѣза, чтобъ оставаться спокойнымъ при видѣ этихъ несчастныхъ.

— А вотъ на меня такъ больше не дѣйствуютъ. То, что́ вы видите, это сравнительно бездѣлица, пустяки; вотъ если бы вы насмотрѣлись на все то, на что́ мы насмотрѣлись, тогда дѣло другое!—и онъ сталъ разсказывать видѣнныя сцены.

И прежде уже я слышалъ, что послѣ занятія Эски-Загры небольшая рѣка, протекающая вблизи, окрасилась кровью въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Вся она была переполнена трупами замученныхъ болгаръ, были тутъ и женщины и дѣти, были и русскіе раненые, которыхъ не успѣли подобрать. Но прежде отчасти я не довѣрялъ этимъ разсказамъ, отчасти считалъ преувеличенными, полагая, что вѣдь и фанатизированные турки все-таки люди, и потому едва ли на всѣ подобные разсказы не наложены болѣе густыя краски, чѣмъ того требовала истина. Теперь только для меня сдѣлалось понятнымъ, что во всѣхъ разсказахъ о невѣроятныхъ неистовствахъ и жестокостяхъ турокъ не только краски не были усилены, но, напротивъ, всякое слово представляется слишкомъ блѣднымъ, чтобы передать истину. Все, что́ безсильны были передать слова, то дополнялъ видъ этихъ истерзанныхъ людей, искавшихъ убѣжища за монастырской оградой.

— Но, скажите, откуда эти несчастные, вѣдь не здѣсь же, не въ Казанлыкѣ происходила эта бойня,—спрашивалъ я у одной монахини, возившейся съ груднымъ еще ребенкомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она со слезами,—такія злодѣйства ждутъ Казанлыкъ еще въ будущемъ, когда вы уйдете

отсюда. Боже мой, сколько крови прольется, сколько невинныхъ жертвъ погибнетъ! Вотъ такихъ, какъ этотъ малютка!

— Откуда же онъ у васъ, вы давно его взяли къ себѣ?

— Нѣтъ, я сегодня подобрала его, онъ былъ брошенъ на улицѣ, но что̀ я буду съ нимъ дѣлать, я ужъ и не знаю!

— А матери у него нѣтъ?

— Богъ знаетъ, гдѣ она теперь, дѣтей много, всѣхъ захватить нельзя, силъ нѣтъ тащить, такъ и покидаютъ малютокъ; сколько ихъ погибло—одному Богу извѣстно! Всѣ бѣгутъ! когда-то наступитъ конецъ нашимъ страданіямъ!

Она говорила правду — все бѣжало. Одни изъ-подъ Эски-Загры, другіе изъ Карабунара, третьи изъ Іени-Загры, четвертые изъ сосѣднихъ селеній. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хоть близко показывались наши солдаты, турки свирѣпствовали, жгли и рѣзали, рѣзали и жгли. Немудрено, что они наводили на все населеніе панику, ужасъ, страхъ, и при словѣ: турки! все бросалось бѣжать.

— Уйдемъ отсюда, право слишкомъ тяжело, помочь мы не можемъ, а только одолѣваетъ безсильная злоба.

Я охотно послушался, и мы вышли изъ монастырской ограды и отправились бродить по городу. На улицахъ снуютъ только солдаты и офицеры, жители точно исчезли, и только изрѣдка проскользнетъ какой-нибудь болгаринъ, точно крадется, опасаясь, что кто-нибудь его увидитъ.

— Пойдемъ въ турецкій кварталъ, посмотримъ, что̀ тамъ дѣлается.

— Ну, нѣтъ, господа, туда я не пойду, да и вамъ не совѣтую: что за охота быть убитымъ изъ-за угла, того и смотри кто-нибудь выстрѣлитъ изъ-за стѣны,— отвѣчалъ одинъ изъ болѣе опытныхъ людей.

— Вотъ тоже! пока войско здѣсь, они не посмѣютъ!

— Не посмѣютъ! а отчего же они смѣли выкидывать такія штуки въ Эски-Загрѣ. Спросите-ка, что̀ тамъ

дѣлалось, да, впрочемъ, не только въ Эски-Загрѣ, то же было и въ Казанлыкѣ, когда мы заняли городъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ за предательскіе выстрѣлы было повѣшено нѣсколько человѣкъ. Здѣсь не знаю сколько, а въ Эски-Загрѣ было повѣшено семь человѣкъ на тѣхъ самыхъ окнахъ, изъ которыхъ были сдѣланы выстрѣлы!

— И что́ ужасно,—замѣтилъ при этомъ кто-то изъ присутствующихъ, — что болгары радовались этимъ повѣшеніямъ, точно празднику. Болгарскія женщины приходили смотрѣть на повѣшенныхъ турокъ, трогали ихъ, гуляли около труповъ, продолжая ѣсть свои сливы и груши! Удивительное жестокосердіе!

Такой упрекъ былъ очевидно несправедливъ. Люди не ангелы, да и не зачѣмъ ими быть. Свирѣпость, жестокость, насиліе не могутъ вызывать любви и мягкости. Если бы за зло люди всегда платили зломъ, на свѣтѣ, можетъ быть, было бы меньше до него охотниковъ.

— Такъ какъ же, господа, идемъ, что ли, въ турецкій кварталъ?

— Помните правило,—замѣтилъ одинъ военный, отъ опасности не бѣгите, но на нее не напрашивайтесь! Можетъ быть, мы и совершимъ нашу прогулку вполнѣ благополучно, но это будетъ ни для чего ненужной бравадой!..

Вчера мы преспокойно расхаживали мимо турецкихъ домовъ, заходили въ гости къ туркамъ, сегодня мы опасались, что эти самые „мирные“ турки будутъ по насъ стрѣлять. Мы были, правда, еще господами въ Казанлыкѣ, но наше господство, несмотря на присутствіе войска, было уже призрачное. А между тѣмъ не прошло еще и двухъ дней, что мы вводили здѣсь весьма торжественно гражданское управленіе! Боже, какая это была злая иронія? Припомнилось мнѣ, какъ ликовали болгары, когда мы объявляли, что „навсегда“ отмѣняется та мѣра, „навсегда“ вводится другая; какъ они были счастливы, выслушивая за двадцать-четыре часа

провозглашеніе ихъ независимости, конецъ гоненіямъ, конецъ турецкому игу. Правда, прошло шесть мѣсяцевъ, и то, что́ было имъ возвѣщено, для одной части Болгаріи превратилось въ историческій фактъ, но, къ несчастью, для забалканскихъ болгаръ громко возвѣщенное освобожденіе отъ турецкаго гнета оказалось еще разъ несбывшеюся мечтою.

Пробродивъ по пустынному городу часъ или два, мы возвратились къ монастырю. Въ этотъ небольшой промежутокъ времени увезли на подводахъ какъ нашихъ раненыхъ, такъ и перебитыхъ болгаръ. Въ Казанлыкѣ оставаться было нельзя. Получено было извѣстіе отъ генерала Гурко, отошедшаго къ Ханкіойскому проходу, и мы рѣшились покинуть злополучный городъ. Тѣ болгары, которые еще оставались въ Казанлыкѣ, собирались бѣжать изъ города. Они утратили послѣднюю надежду. Въ Казанлыкѣ мы оставили немногихъ русскихъ, но имъ нечего было больше опасаться ярости врага, они покоились подъ землею въ монастырской оградѣ. Шесть могилъ, одна подлѣ другой, тянулись въ рядъ у стѣны самаго монастыря, это были могилы тѣхъ, которые пали въ бою при первой атакѣ Шипки. Деревянный крестъ, окрашенный черною краскою съ бѣлою полоскою, стоялъ надъ этими бѣдными могилами, и на крестѣ скромная простая подпись: „15-го стрѣлковаго баталіона капитанъ Василій Шепелевъ убитъ въ сраженіи на высотахъ при селеніи Шипкѣ 6-го іюня 1877 г.“; дальше: „командиръ 13-го стрѣлковаго баталіона Аполлинарій Климантовичъ“, еще: „графъ Эдуардъ Казиміровичъ Роникеръ“. Простота этихъ надписей заставила меня припомнить другіе кресты на могилахъ, которыми усѣяна была Франція въ 70 году, и гдѣ не было почти ни одного безъ какой-либо надписи, въ видѣ: „mort pour la patrie“, или: „mort en brave“; каюсь, я любилъ эти надписи, онѣ дѣйствуютъ на чувство, какъ дѣйствуетъ теплое слово, сказанное надъ свѣжей могилой. Но мы, русскіе, боимся больше чумы обнаружить искреннее чувство, и щедры только на выраженіе казенныхъ чувствъ. Эти дорогія могилы—вотъ

все, что оставалось тогда здѣсь отъ нашего перваго похода за Балканы.

— Скоро ли мы выступаемъ, всѣ спрашивали другъ у друга, но никто не зналъ часа выступленія изъ Казанлыка; знали только, что мы отступаемъ къ Шипкѣ.

Вопросъ этотъ находился въ связи съ другимъ— успѣемъ ли мы отступить прежде, чѣмъ турки перейдутъ въ наступленіе? Мысль эта тѣмъ болѣе тревожила, что мы не обладали достаточными силами, чтобы оказать имъ успѣшное сопротивленіе. Весь отрядъ могъ сложить свои кости безъ всякаго добраго результата. На вопросъ о времени выступленія былъ одинъ отвѣтъ:

— Можетъ быть, выступимъ сегодня поздно вечеромъ, если же нѣтъ, то завтра, на разсвѣтѣ.

Въ 8 часовъ вечера было отдано приказаніе, чтобы никто не выходилъ изъ цѣпи, и только штабъ отправился опять въ монастырь. Тамъ опять было все биткомъ набито народомъ, въ двухъ комнаткахъ была тѣснота, на дворѣ не было мѣстечка, гдѣ можно было бы прилечь и хотя немного отдохнуть. А усталость ощущалась сильная, глаза смыкались, такъ и тянуло ко сну. Тщетно искали мы себѣ мѣста, гдѣ бы прилечь, все было занято, пришлось, волей-неволей забывъ обычное неловкое чувство, расположиться на могилахъ. Лошадей разсѣдлывать было нельзя, каждую минуту нужно было быть готовымъ вскочить, чтобы слѣдовать за отрядомъ. Говоръ, шумъ, люди ходятъ взадъ и впередъ, лошади топчатся на одномъ мѣстѣ; казалось бы, какъ тутъ заснуть, но утомленіе взяло верхъ, и мы заснули скоро самымъ крѣпкимъ сномъ...

— Вставайте, вставайте скорѣе, всѣ ужъ уѣхали, въ монастырѣ нѣтъ никого, всѣ вышли, нужно догонять.

Насъ, должно быть, въ темнотѣ не замѣтили и оставили однихъ въ монастырѣ. Я вскочилъ, зги не видать, мертвая тишина, ощущеніе самое тяжелое.

— Да куда же всѣ ушли?

— Не знаю, надо скорѣй догонять.

Было всего часовъ одиннадцать. Насъ предупреждали, что, можетъ быть, выступятъ поздно вечеромъ, вѣроятно такъ и сдѣлали.

Минуты черезъ двѣ, взнуздавъ лошадей, мы выѣхали изъ монастырскихъ воротъ. Лошади едва переступаютъ, тьма кромѣшная.

— Вѣрно, получено извѣстіе, что приближаются турки, потому и поторопились!

Минутъ черезъ десять добрались до поля, гдѣ былъ расположенъ бивуакъ. Насъ окликнулъ часовой.

Ну, отрядъ здѣсь!

— Штабъ проѣзжалъ?—спрашиваемъ мы у часового.

— Проѣзжалъ.

— Куда, въ какую сторону?

— Прямо.

Мы направляемся прямо. Опять часовой, опять тѣ же вопросы, опять тотъ же отвѣтъ: прямо!

Впереди ничего не видать, куда дальше ѣхать, дорогъ нѣсколько: которая ведетъ на Шипку, Богъ ее знаетъ. Присматриваемся къ лагерю, кажется, точно меньше народу.

— Ужъ не ушла ли большая часть отряда на Шипку? смотрите, вѣдь все почти пусто!

Какія только фантастическія мысли не приходили въ голову!

— Ну, что-жъ, дѣлать нечего! куда мы поѣдемъ дальше въ такую темень, подождемъ свѣта.

Разумѣется, это было единственное разумное рѣшеніе, которое можно было только принять. Мы подъѣхали къ одному изъ стоговъ соломы, слѣзли съ коней и улеглись. Ни звука, точно все вымерло. Лошадь привязать некуда, да и страшно: вдругъ кто-нибудь уведетъ; а безъ лошади на войнѣ человѣкъ пропалъ. Правду кто-то сказалъ, что человѣкъ безъ лошади на войнѣ только полчеловѣка. Нечего дѣлать, приходилось держать поводья въ рукахъ, а то, чего добраго, лошадь уйдетъ куда-нибудь, потомъ и ищи. Спать хочется, но только-что за-

дремлешь, лошадь осторожно своею мордою коснется вашего лица, просыпаешься; отгонишь ее отъ себя—смотришь, черезъ нѣсколько минутъ она опять васъ будитъ, и такъ всю ночь, т.-е. часовъ до четырехъ, когда начинаетъ свѣтать.

Поутру, когда можно было различать уже предметы, я увидѣлъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, у другого стога ячменя, показалось нѣсколько человѣкъ изъ штаба, о которомъ мы предполагали, правда, довольно легкомысленно, что онъ съ вечера еще покинулъ Казанлыкъ.

— Куда вы пропали вчера изъ монастыря—спрашивали насъ:—мы васъ искали; хотѣли сказать, что на ночь отправляемся въ поле; но васъ нигдѣ не было.

Мы сознались въ томъ, что подумали,—насъ просто забыли. Оказалось, штабъ, выѣхавъ изъ монастыря, объѣхалъ кругомъ цѣпи и расположился на ночь такъ точно, какъ и мы.

Не было еще четырехъ часовъ, когда всѣ ужъ были на ногахъ. Утро такое же холодное, дрожишь весь, и только одно утѣшеніе—коньякъ.

— Ну, кажется, все благополучно, турки, повидимому, и не думаютъ переходить въ наступленіе!

— Что же, слава Богу!

— Еще бы не слава Богу! намъ бы плохо пришлось, ну, а на Шипкѣ продержимся: оттуда насъ не такъ скоро прогонятъ!

Не потеряй турки послѣ боя при Эски-Загрѣ цѣлыхъ двухъ недѣль, если не больше, кто знаетъ, удалось ли бы намъ удержать въ нашихъ рукахъ этотъ важный пунктъ, отвоеванный генераломъ Гурко въ его первый балканскій походъ.

Черезъ полчаса, въ началѣ пятаго, раздался сигналъ, и отрядъ нашъ сталъ выступать.

Только-что мы свернули съ поля на большую дорогу, ведущую изъ Казанлыка на Шипку, мы были поражены новою картиною, производившею не менѣе сильное впе-

чатлѣніе, а, можетъ быть, еще и бо́льшее, чѣмъ та, которую мы застали вчера въ монастырѣ. По всей дорогѣ тянулась густая масса бѣгущаго населенія. Нужно было видѣть этихъ бѣглецовъ, чтобы понять весь ужасъ войны, чтобы постигнуть всю силу турецкаго ига, заостреннаго фанатизмомъ!

Вмѣстѣ съ нами покинули Казанлыкъ всѣ почти болгары, не успѣвшіе еще бѣжать, или не терявшіе надежду, что мы не отдадимъ въ руки непріятеля ихъ города. Знакомыя монахини казанлыкскаго монастыря вмѣстѣ съ нами покинули свою обитель; онѣ спасались не только сами, но спасали цѣлую кучу дѣтей. Весь экипажъ, въ которомъ онѣ сидѣли, былъ переполненъ дѣтьми; на рукахъ, на колѣняхъ, на днѣ экипажа, всюду показывались дѣтскія головы. Всѣ эти дѣти были буквально подобраны на дорогѣ, всѣ они были оставлены ихъ несчастными родителями. Крупныя слезы падали изъ глазъ этихъ женщинъ, и эти слезы составляли какой-то горькій контрастъ съ беззаботнымъ смѣхомъ брошенныхъ дѣтей, этихъ круглыхъ сиротъ при живыхъ родителяхъ. Такъ увѣрены были эти монахини до конца своихъ дней дожить въ скромномъ монастырѣ—и что же? Теперь онѣ должны были бѣжать, искать себѣ гдѣ-нибудь убѣжища, спасаться отъ насилія, отъ ножа, ятагана, свинца. Куда онѣ дѣнутъ дѣтей, чѣмъ будутъ кормить ихъ; онѣ приняли на себя тяжкую ношу, но что̀ было дѣлать? неужели оставлять умирать ихъ. И не однѣ женщины сжалились надъ брошенными малютками. Сердце русскаго солдата не уступало имъ въ добротѣ. Не было ни одного артиллерійскаго ящика, не было лафета, на которомъ не торчали бы ребятишки. Ихъ подбирали, сажали гдѣ только могли и везли. Что́ сталось со всѣми этими дѣтьми впослѣдствіи—лучше ужъ и не задаваться такимъ мрачнымъ вопросомъ. Девять-десятыхъ изъ нихъ, если не больше, безъ сомнѣнія, погибли. Но кто могъ думать въ ту минуту о будущемъ, настоящее было такъ страшно, что оно поглощало всѣ умы. Что̀ ни

говори, а слово „погибаетъ“ куда грознѣе слова „погибнетъ“, и это-то слово заставляло выходить наружу глубокую сердечность русскаго простого народа. Черты этой врожденной гуманности сказывались на каждомъ шагу, ихъ можно было бы привести десятками, но мнѣ хочется передать одинъ только случай, наиболѣе рельефно говорившій объ этой сердечности. Вижу я, идетъ себѣ солдатъ вмѣстѣ со всѣми остальными, въ одной рукѣ держитъ свое ружье, а другою поддерживаетъ ребенка, обхватившаго его шею обѣими ручонками. Я приблизился къ нему и сталъ разспрашивать, чей ребенокъ, кто ему передалъ его, куда онъ несетъ его и что́ съ нимъ будетъ дѣлать.

— Да кто его знаетъ,—отвѣчалъ равнодушно солдатъ,—чей онъ! Иду я себѣ вчера съ поля, вышелъ на дорогу, вижу лежитъ мальчуганъ вотъ въ этой самой одеждѣ и все кричитъ. Я подошелъ,—смотрю кругомъ никого нѣтъ, должно быть, потеряли его. Какъ тутъ быть? оставить его—грѣхъ, хоть онъ и маленькій, а все христіанская душа. Поднялъ я его и понесъ. Возьму, думаю, его съ собой, кто знаетъ, авось Господь приведетъ домой съ нимъ вернуться. Вотъ, тогда и сдѣлаю изъ „братушки“ русскаго.

— Да какъ же ты его донесешь, вѣдь, въ строю-то нельзя съ ребенкомъ носиться?

— Какъ ужъ тамъ будетъ—я не знаю! Можетъ, Господь и поможетъ.

Идетъ себѣ солдатъ и бодро шагаетъ съ своей новой ношей. Нѣтъ почти сомнѣнія, что скоро онъ долженъ былъ разстаться съ поднятымъ и усыновленнымъ имъ ребенкомъ, и самъ онъ, и ребенокъ давно, можетъ быть, погибли, осталось только еще одно доказательство теплоты и сердечности русскаго народа. Правда и то,—никогда, я думаю, не представлялось такъ много случаевъ, гдѣ сердечная доброта должна была сказываться со всею силою. Несчастье кругомъ разлилось точно безбрежное море. Не одни бѣжавшіе жители Казанлыка составляли

печальный эскортъ нашего отряда. Тысячи семействъ бѣжали изъ долинъ Тунджи и Марицы, бѣжали въ испугѣ, побросавъ свои дома, свое имущество, накопленное многими годами труда, спасались безъ всякихъ пожитковъ, часто безъ хлѣба, обрекая себя, не думая о томъ, на голодную смерть. Страхъ передъ турками сравнивалъ богатыхъ и бѣдныхъ. Вчера богатый, онъ бѣжалъ въ чемъ былъ, въ одной одеждѣ, отдавая въ жертву турецкой мести всѣ свои богатства. Онъ думалъ только о спасеніи своей жизни. Я знаю такой случай. Въ Эски-Загрѣ проживалъ одинъ богатый болгаринъ, принимавшій въ своемъ домѣ всѣ русскія власти. Онъ не жалѣлъ денегъ, чтобы показать, что болгары умѣютъ цѣнить жертвы, приносимыя русскимъ народомъ. Все было къ услугамъ русскихъ. Прошло нѣсколько дней, появились войска Сулейманъ-паши, разбитъ русскій отрядъ, и этотъ богатый болгаринъ бѣжалъ изъ родного города, бѣжалъ, не успѣвъ захватить съ собой даже самыхъ жалкихъ крохъ изъ всѣхъ его богатствъ. Онъ превратился въ нищаго, не вѣдающаго, чѣмъ онъ будетъ питаться завтра.

Куда шла эта несчастная толпа, о чемъ она думала, никто не могъ сказать. Вѣрнѣе всего, она ни о чемъ не думала: испугъ, страхъ парализировалъ ея сознаніе. Одни были болѣе счастливы, чѣмъ другіе, они успѣли захватить съ собою кое-какой скарбъ; были тутъ различныя тряпки, домашняя утварь, но того, чѣмъ могли они питаться, хлѣба, припасли себѣ слишкомъ немногіе. Трудно дать вѣрную картину этого бѣгства. Представьте себѣ пожаръ, грозное пламя охватило не одинъ какой-нибудь домъ, нѣтъ, цѣлый городъ. Спасенія нѣтъ, нужно бѣжать отъ этого всепожирающаго огня. Въ страшномъ смятеніи люди бросаются изъ своихъ домовъ, стараются спасти самыя драгоцѣнныя свои вещи, но спокойствіе исчезло, умъ помрачился, они хватаютъ первую попавшуюся ненужную и ничего не стоющую вещь, и бѣгутъ, думая, что несутъ драгоцѣнности. Страхъ обуялъ ихъ, они ничего не видятъ, ничего не слышатъ, ничего не сознаютъ.

Передъ ихъ глазами только одно—пламя, какъ передъ глазами этого несчастнаго населенія—безпощадный турецкій ножъ. Кто видѣлъ картину Брюллова „Послѣдній день Помпеи“, кто помнитъ эти лица, живыя воплощенія чувства ужаса, окаменѣлаго испуга, тотъ пусть вызоветъ ее въ своей памяти. Тѣ же лица, тотъ же ужасъ всю дорогу были нашими спутниками.

Если вся эта картина въ ея цѣломъ производила на всякаго угнетающее впечатлѣніе, то отдѣльныя ея части, вырванныя изъ нея клочки такъ больно щемили ваше сердце, что вамъ становилось просто невыносимо. Вглядитесь въ одну изъ группъ этой мучительной по своему трагизму картины, въ эту спасающуюся отъ смерти семью, и тогда вамъ сдѣлаются понятны вынесенныя страданія десятковъ,—нѣтъ, сотенъ тысячъ болгарскаго народа. Семья эта, точно я вижу ее передъ глазами, состоитъ изъ мужа, жены и семерыхъ дѣтей, одинъ другого меньше. Мужъ ведетъ ослика, на которомъ навьюченъ домашній скарбъ, на него взобралась дѣвочка лѣтъ пяти и обѣими ручонками цѣпляется за палку впереди вьюка. Лицо этого человѣка такое, какое бываетъ только у несчастнаго, пришибленнаго тяжелымъ горемъ; безсмысленно смотритъ онъ впередъ, точно никого не видитъ и не слышитъ. Рядомъ съ нимъ двое дѣтей, жалкихъ, уже оборванныхъ, еле передвигающихъ своими ножонками; они измучены длиннымъ путемъ, не по силамъ имъ идти десятки верстъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ идетъ за ними женщина. Я вовсе не имѣю намѣренія усиливать красокъ, но какъ не сказать, что видъ этой женщины былъ, по-истинѣ, ужасенъ. Она не выплакала еще всѣхъ своихъ слезъ, но глаза ея впали, волосы торчатъ клочьями изъ-подъ какой-то тряпки, она изнемогаетъ отъ усталости, да и не мудрено: она превратилась въ вьючное животное—троихъ дѣтей она несетъ на себѣ. Одинъ ребенокъ виситъ на спинѣ, обхвативъ ея шею, другой привязанъ какъ-то на груди, третьяго она поддерживаетъ одною рукою, и, наконецъ, за платье ея хватается ребенокъ лѣтъ четырехъ,

горько обливающійся слезами. Онъ не идетъ, онъ бѣжитъ за матерью; но она не видитъ, не замѣчаетъ его слезъ... Вглядываясь въ эту семью, въ эту жалкую мать, въ эту кучу дѣтей, для меня сдѣлался понятенъ возмущающій, повидимому, фактъ—оставленія дѣтей на большой дорогѣ. Выбьется изъ силъ эта женщина, утратитъ возможность нести на себѣ троихъ дѣтей, съѣденъ будетъ послѣдній захваченный съ собою кусокъ хлѣба, что́ тогда дѣлать? А между тѣмъ нужно идти впередъ, страхъ гонитъ дальше и дальше, что́ же ей больше остается? жертвуя однимъ, двумя, она спасаетъ другихъ. Были, впрочемъ, случаи и болѣе ужасные, чѣмъ оставленіе дѣтей на большой дорогѣ. Матери бросали своихъ родныхъ дѣтей, грудныхъ младенцевъ въ кручу, отъ страха подвергнуть ихъ истязаніямъ ихъ гонителей.

Чѣмъ дальше двигались мы впередъ, тѣмъ все становилось гуще бѣгущее населеніе. Долина розъ превратилась въ долину стенаній и воплей, провожавшихъ насъ до самой Шипки. Тамъ, дальше, за Балканами, казалось, намъ не придется больше быть свидѣтелями тѣхъ сценъ, которыя минутами заставляли проклинать начатую войну, раздувшую еще болѣе дикую злобу фанатиковъ, минутами заставлявшія еще болѣе сильно желать войны, войны до конца, войны до изгнанія турокъ изъ Европы, минутами, наконецъ, заставлявшія думать только объ одномъ: какъ бы уйти, убѣжать отъ этихъ сценъ, какъ бы забыть, что видѣлъ ихъ на яву, а не во снѣ. Но мы ошибались, думая, что за Балканами мы не встрѣтимся болѣе съ голодомъ, слезами, стонами спасающагося бѣгствомъ болгарскаго населенія.

Два-три часа поднимались мы на высоты Шипки. Вся долина Тунджи была подъ ногами, и все, что́ охватывалъ собою глазъ,—все было покрыто сплошною массою несчастнаго народа, гонимаго страхомъ передъ турецкою местью. Съ самой вершины Шипки видъ внизъ на уступы высотъ представлялъ собою такую необычайную картину, что вы съ трудомъ могли себѣ отдать отчетъ въ томъ

впечатлѣніи, которое она производила. Одно несомнѣнно—щемящая тоска овладѣвала вашею душою. Отъ подошвы до вершины Шипки не было пустого клочка земли. Десятки тысячъ болгаръ переваливали черезъ Балканы и, казалось, что движутся не отдѣльные люди, а сами высоты. Не знаю, съ чѣмъ и сравнить эту людскую громадную волну, чтобы дать хотя приблизительное понятіе о развернувшейся передъ нами картинѣ. Точно страшный, колоссальный муравейникъ усѣявалъ всѣ высоты, съ верху до низу, и, глядя на эту безпросвѣтную толпу, какъ было не думать о той безысходно-горькой участи, которая ждала ихъ въ ближайшемъ будущемъ. Если теперь, едва покинувъ свои жилища, они оставались безъ хлѣба, если теперь уже голодъ заставлялъ плакать не только дѣтей, но и взрослыхъ, то что же предстояло имъ впереди! А что голодъ давалъ уже себя чувствовать, въ этомъ мы слишкомъ скоро должны были убѣдиться.

Взобравшись на высоты, снабженныя турецкими орудіями, мы нашли здѣсь нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ. Питаясь послѣдніе дни чернымъ прокислымъ хлѣбомъ, да овечьимъ сыромъ, когда еще его находили, мы съ радостью приняли предложеніе раздѣлить скромный, но въ то время казавшійся намъ роскошнымъ, обѣдъ артиллеристовъ. Намъ принесли баранину, нѣсколько хлѣбовъ, но не успѣли мы приступить къ обѣду, какъ перекочевывавшіе болгары, и притомъ исключительно женщины и дѣти, густою толпою обступили нашу палатку. Не нужно было спрашивать, чего они просили! Плачъ дѣтей, молящіе взгляды матерей давали вполнѣ ясный отвѣтъ. Голодные, они просили куска хлѣба. Едва разрѣзали два хлѣба и роздали по куску дѣтямъ, какъ толпа вокругъ палатки стала увеличиваться и среди этой толпы слышалось одно только слово: хлѣба! Долго не переставали подходить несчастные, но—увы!—хлѣба не было больше! Они уходили, со слезами на глазахъ и тяжелыми вздохами!

Шипка была крайнимъ предѣломъ нашего отступле-

нія. Всѣ прекрасно и тогда понимали, что уступить ее, значитъ, почти-что признать себя побѣжденными и снова перебраться на ту сторону Дуная. Очевидно, этого никто не допускалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, глядя на страшныя высоты, мало кому могла придти въ голову мысль, что турки отважутся вытѣснять насъ съ этой позиціи.

— Здѣсь мы какъ у Христа за пазухой—говорилъ мнѣ одинъ артиллерійскій офицеръ:—пусть турки попробуютъ отнять у насъ Шипку, они убѣдятся тогда, что мы умѣемъ отстаивать такія позиціи лучше, нежели они. Я и до сихъ поръ не могу понять, какъ могли они уступить Шипку, особенно когда я думаю, какъ, сравнительно, мало стоила она намъ жертвъ. Да они, впрочемъ, и не сунутся.

Таково было въ то время почти всеобщее мнѣніе, но близкое будущее показало, что всѣ ошибались—турки, возбужденные своимъ успѣхомъ, скоро съ энергіею набросились на высоты, и нужна была по-истинѣ геройская оборона, чтобы заставить Сулеймана-пашу, по выраженію одного военнаго, разбить себѣ лобъ о Шипку.

Не считая аттаку Шипки возможною, увѣренные, что, съ этой стороны, т.-е. по ту сторону Балканъ, наступитъ періодъ остановки, затишья, всѣ, кто только могъ, всѣ спѣшили покинуть непривѣтливыя высоты и возвратиться въ Тырново, мѣстопребываніе главной квартиры. Послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ на высотахъ, мы стали спускаться по направленію къ Габрову. Спускъ съ вершины до подножья былъ прекрасно разработанъ нашими саперами, широкая дорога пролегала тамъ, гдѣ нѣсколько времени тому назадъ извивалась сравнительно узкая тропа. Но вся дорога была буквально загромождена. Безконечные обозы спускались внизъ, и, смотря на это передвиженіе, невольно приходилось задаваться вопросомъ:

— Да куда же все это направляется, неужели мы отступаемъ еще дальше, возможно ли, что въ главной квартирѣ рѣшено оставить шипкинскія высоты?

Повидимому, это передвиженіе было случайное, но оно несчастнымъ образомъ совпадало съ нашимъ отступленіемъ изъ долины Тунджи, и потому среди бѣжавшаго населенія вызывало еще бо́льшую панику. Оно бѣжало дальше и дальше, боясь останавливаться даже для необходимаго отдыха,—этимъ несчастнымъ казалось, что врагъ преслѣдуетъ ихъ по пятамъ. Масса бѣгущаго населенія была такъ велика, что едва можно было двигаться шагомъ, да и то приходилось чуть не на каждомъ шагу останавливаться, изъ опасенія не наѣхать на едва виднаго отъ земли ребенка или дряхлую старуху, слѣдовавшую за своею семьею.

Болгары смотрѣли на насъ, и, къ чему скрывать, на многихъ лицахъ не трудно было прочесть укоръ, обращенный къ намъ, русскимъ.

— Вы пришли насъ спасать, и вотъ что́ вы сдѣлали съ нами! Если бы не вы, мы, можетъ быть, преспокойно дожили бы нашъ вѣкъ въ нашихъ селахъ, а теперь... сколько погибло уже и сколько погибнетъ еще!

Если такую мысль и можно было прочесть въ ихъ глазахъ, то кто рѣшится бросить въ нихъ за нее камнемъ, кто рѣшится обвинить ихъ въ неблагодарности. Чаша страданій ихъ переполнилась, они знали только настоящее, въ этомъ настоящемъ они не видѣли ничего, кромѣ безпримѣрнаго несчастія.

Но если ни на секунду въ головѣ не являлась мысль винить болгаръ за эти нѣмые упреки, то они тѣмъ не менѣе производили тяжелое впечатлѣніе, на душѣ поднималось чувство досады, злобы, но не противъ болгаръ, а противъ насъ самихъ. Не поступай мы такъ легкомысленно при началѣ войны, не будь всѣхъ тѣхъ недочетовъ, которые оказались въ военной организаціи, мы не сдѣлались бы тогда невольною причиною невѣроятныхъ бѣдствій болгарскаго населенія. Теперь же эти нѣмые укоры, отрывистыя жалобы болгаръ не могли болѣзненно не затрогивать вашего чувства.

Шипка была уже позади, мы выѣхали на габров-

скую дорогу, а толпа невольныхъ переселенцевъ все не уменьшалась.

— Куда, наконецъ, они идутъ, гдѣ они остановятся?—слышался вопросъ; но какъ было на него отвѣчать, когда не знали того даже тѣ, которые перекочевывали.

— Турокъ нѣтъ, не бойтесь, остановитесь, Шипку мы не оставимъ!—приходилось говорить болгарамъ.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они шли впередъ, не обращая никакого вниманія на наши слова, и только разъ изъ толпы, на эти увѣщанія, послышался суровый, лаконическій отвѣтъ:

— Да, все не бойтесь!

Трудно передать, какъ тяжело отозвались въ насъ эти слова. Долго еще потомъ въ ушахъ раздавалось: „да, все не бойтесь". Страшно должна была наболѣть душа у того болгарина, у котораго вырвался этотъ суровый отвѣтъ. Въ этихъ словахъ сказывалось то, что̀ думали многіе, а думали они въ то суровое время обидную думу: „вамъ что̀, вы какъ пришли, такъ и ушли, а мы!" Они, погруженные въ свое несчастіе, забывали, что и наши ряды рѣдѣли, что и русской крови было уже пролито не мало.

Подъѣзжая къ Габрову, мы увидѣли на большомъ полѣ точно громадный цыганскій таборъ. Нѣсколько сотъ семействъ рѣшились здѣсь остановиться и выжидать, пока судьба сжалится надъ ними. Они были безъ крова, безъ всякихъ средствъ къ пропитанію, безъ теплой одежды. А ночи становились все холоднѣе. Страшно подумать, сколько дѣтей было схоронено на этомъ полѣ. Въ самомъ Габровѣ было не лучше. Главная улица, по которой мы проѣзжали, была запружена бѣжавшимъ изъ-за Балканъ населеніемъ. На каждой ступенькѣ каждаго дома сидѣли женщины, ребятишки, по всему городу стоялъ какой-то гулъ. Здѣсь впервые я увидѣлъ болгаръ, протягивавшихъ руку, прося милостыни.

Въ Габровѣ окончилась эта мрачная картина болгарскаго бѣгства. Дальше попадались отдѣльныя груп-

пы, изъ двухъ-трехъ семействъ, переселявшихся въ придунайскую Болгарію, но бѣгство не имѣло больше такого повальнаго характера. Впервые, казалось, послѣ нѣсколькихъ дней, можно было вздохнуть свободно.

Повидимому, было совершенно очевидно, что мы не можемъ оставаться равнодушными зрителями этихъ страшныхъ бѣдствій освобождаемаго нами народа, мы должны были явиться ему на помощь и чѣмъ-либо облегчить его положеніе въ эти тяжелые дни кризиса. Это понимали весьма многіе, и только одинъ вопросъ приводилъ въ смущеніе: чѣмъ мы можемъ помочь, какія у насъ средства, чтобы организовать сколько-нибудь правильно помощь? Гражданское управленіе Болгаріи, казалось, должно было дать отвѣтъ на эти заботы. Ему представлялась теперь возможность принести дѣйствительную пользу, пріобрѣсти заслуженную популярность, заняться настоящимъ дѣломъ, вмѣсто того, чтобы размѣщать губернаторовъ въ незанятыхъ нами городахъ да спѣшить на практикѣ доказывать болгарамъ, что самымъ могущественнымъ средствомъ нашей системы управленія служитъ не что иное, какъ нагайка. Весь вопросъ заключался только въ томъ, захочетъ ли гражданское управленіе заниматься такимъ „пустымъ" дѣломъ, какъ спасеніемъ десятковъ тысячъ населенія отъ голодной смерти, и если захочетъ, то съумѣетъ ли оно надлежащимъ образомъ взяться за него. За такое опасеніе нельзя было особенно винить себя, въ особенности тому, кто имѣлъ уже случай нѣсколько ознакомиться съ характеромъ и образомъ дѣйствій гражданскаго управленія, задавшимся мыслію облагодѣтельствовать болгаръ великими преобразованіями. Всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ должны были разсѣяться съ возвращеніемъ въ Тырново, гдѣ пока еще сосредоточивались всѣ нити гражданскаго управленія Болгаріи.

Трудно представить себѣ что-либо болѣе поразительное, чѣмъ та быстрота, съ которою совершается въ военное время перемѣна отъ самаго высокаго настроенія къ

полному упадку духа. Довольно одной, самой незначущей побѣды, чтобы вознестись за облака, достаточно перваго пораженія, чтобы въ сердца людей закралось самое недостойное малодушіе. Точно отъ самой высокой до самой низкой ноты въ гаммѣ не существуетъ среднихъ нотъ. Такая черта должна была броситься въ глаза каждому, кто въ то время возвращался въ Тырново послѣ самаго короткаго отсутствія, продолжавшагося десять дней или двѣ недѣли.

Я оставилъ Тырныво веселымъ, беззаботнымъ, праздничнымъ, а встрѣтилъ его теперь унылымъ, мрачнымъ, встревоженнымъ. Не гремѣла больше военная музыка, по вечерамъ у маркитантовъ не собирались больше веселыя компаніи, не пѣнилось французское вино, не видно было больше беззаботной, довольной собою молодежи. Вездѣ было какъ-то пусто, весь блескъ исчезъ, все стало скромно, точно опустили всѣ головы, и, вмѣсто игрывыхъ разговоровъ, вмѣсто споровъ о наградахъ, полученныхъ или неполученныхъ, всюду слышалась серьёзная рѣчь и слово „Россія“ чаще раздавалось въ воздухѣ. Что же случилось? Отступленіе ли наше за Балканами вызвало эту разительную перемѣну? Нѣтъ, о немъ почти никто еще не зналъ. Случилось тѣмъ бо̀льшее несчастіе, чѣмъ менѣе къ нему кто-либо былъ приготовленъ, случилась вторая Плевна, стоившая русскому народу до десяти тысячъ преданныхъ ему сыновъ и такъ неожиданно разстроившая не нашъ планъ,—нѣтъ, но всѣ наши планы.

Серьёзность настроенія была бы вполнѣ естественна, но это была не серьёзность, а какая-то приниженность, обидное малодушіе.

— Что̀, правда—турки двигаются на Тырново, когда мы выступаемъ?

— Вы слышали, турки грозятъ намъ изъ Османъ-Базара.

— Во всемъ виноватъ Левицкій! это онъ... и т. д.

— Какъ вы думаете, турки не отрѣжутъ намъ путь къ отступленію.

— Все дѣло погубилъ Крюднеръ, если бы не онъ...

Только подобныя фразы и приходилось слышать на каждомъ шагу. Затѣмъ начиналась критика, страстная, неудержимая всего военнаго устройства, и тѣ, которые находили, что tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles, теперь утверждали, что нѣтъ ни единаго годнаго винтика во всемъ общественномъ механизмѣ.

Слова нѣтъ, это пессимистическое настроеніе скоро исчезло, оно сгладилось громкими побѣдами, блистательнымъ исходомъ войны и превратилось по-прежнему въ самое высокое и радужное; но, правду сказать, было бы во сто кратъ лучше, если бы въ тяжелыя времена мы сохраняли больше спокойствія, твердости, но за то въ побѣдные дни не убаюкивали себя сладкими мечтаніями, что все у насъ совершенно и мы не нуждаемся ни въ какихъ цѣлебныхъ средствахъ.

Это унылое настроеніе, этотъ упадокъ духа, эта быстрая перемѣна въ отношеніи къ туркамъ, вчера еще несправедливо вызывавшимъ презрительную улыбку, сегодня преобразившимся вовсе безъ основанія чуть не въ сказочныхъ героевъ, производили самое невыгодное впечатлѣніе. Оно было тѣмъ болѣе обидно, что наше настроеніе вполнѣ естественно передавалось населенію, понурившему теперь свои головы. Весь городъ, всѣ жители представляли въ эти тревожные дни яркую противоположность тому, что́ было всего какихъ-нибудь десять дней назадъ. Давно ли, кажется, наши войска съ такимъ торжествомъ вступили въ древнюю столицу Болгаріи; тогда все ликовало, было охвачено какимъ-то восторгомъ, всюду гремѣла музыка, цвѣты падали къ ногамъ побѣдителей, начиная отъ главныхъ начальниковъ и кончая простымъ солдатомъ, всѣ улыбались, чувствовали себя на верху блаженства. Теперь всѣ объяты ужасомъ, всѣ трепещутъ, у всѣхъ на умѣ только одинъ вопросъ: что́ будетъ съ нами, когда вы совсѣмъ уйдете,

что́ ждетъ насъ впереди, если турки захватятъ Тырново? Отвѣтъ былъ готовъ — наступятъ дни страшнаго разгрома, дома наши будутъ сожжены и кровь польется широкой рѣкой!

На лицахъ тырновскихъ жителей можно было прочесть тотъ же затаенный укоръ, который мы прочли у тѣхъ, которые своими рыданіями и стонами провожали насъ отъ самаго Казанлыка вплоть до Габрова.

Такое мрачное настроеніе должно было неизбѣжно усилиться, если бы Тырнова и его окрестностей коснулась та волна, которая такъ неудержимо нахлынула изъ-за Балканъ. Вотъ почему слѣдовало ее остановить, а для того, чтобы остановить ея грозный приливъ, должны были быть приняты какія-нибудь мѣры. На всемъ пути отъ Шипки до Тырнова было множество покинутыхъ турецкихъ деревень, и эти деревни могли пріютить въ себѣ бѣжавшее населеніе. Но, прежде всего, оно нуждалось въ одномъ — въ хлѣбѣ, чтобы ко всѣмъ ужасамъ войны не прибавился еще ужасъ голодной смерти. Что́ же, слѣдуетъ спросить, было сдѣлано гражданскимъ управленіемъ для облегченія страданій этихъ десятковъ тысячъ бѣжавшаго населенія? Принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ всецѣло зависѣло отъ гражданскаго губернатора Болгаріи, который долженъ былъ, кажется, сознавать, что посильная помощь, какъ бы ни была она мала, предписывалась не только чувствомъ человѣколюбія, но самыми элементарными политическими соображеніями. Являясь на помощь въ такую минуту, гражданское управленіе несомнѣнно гораздо болѣе расположило бы болгаръ и привязало ихъ къ Россіи, чѣмъ назначеніе никому не нужныхъ губернаторовъ, введеніе новыхъ порядковъ въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Казанлыкъ, гдѣ оно имѣло одинъ только результатъ — указать туркамъ на тѣхъ лицъ, на которыхъ по преимуществу должна была пасть ихъ всесильная месть. Многія изъ лицъ, призванныхъ для управленія краемъ, повидимому ни во что считали привязанность народа къ намъ, и полагали, что

лучшее средство управленія — это желѣзная узда, и что отъ народа имъ ничего не нужно, кромѣ слѣпого повиновенія и покорности, основанной не на уваженіи, а на страхѣ. Какими же, позволительно задаться вопросомъ, высокими государственными соображеніями могло оправдывать гражданское управленіе свое безучастное отношеніе къ тѣмъ бѣдствіямъ болгарскаго населенія, которыя — разумѣется, противъ нашей воли — были вызваны все-таки отчасти нашею виною, т.-е. неуспѣхомъ перваго забалканскаго похода? Самое существенное возраженіе противъ такой помощи заключалось бы, конечно, въ двухъ словахъ: „нѣтъ денегъ!“ Но такое возраженіе было бы, очевидно, несостоятельнымъ. Не говоря уже о томъ, что въ Болгаріи собирались различныя подати, десятины, изъ которыхъ могла бы быть удовлетворена эта внезапная потребность — тѣмъ болѣе, что даже въ „проектѣ главныхъ основаній для устройства финансоваго управленія въ Болгаріи“ предвидѣлись „тѣ новые по внутреннему въ казахъ управленію расходы, необходимость которыхъ можетъ вновь обнаружиться, независимо отъ расходовъ, производившихся при прежнемъ, турецкомъ правительствѣ“ — но даже помимо этого, въ то время, когда русскій народъ жертвовалъ сотни милліоновъ для освобожденія Болгаріи, едва ли могло встрѣтиться серьёзное препятствіе употребить нѣсколько тысячъ рублей — для облегченія невыносимаго положенія бѣжавшаго населенія, хотя бы только въ первые дни.

Но не въ этомъ соображеніи заключалось главное возраженіе, — оно казалось слишкомъ мелкимъ. Соображенія были иного свойства, такъ-сказать, государственнаго характера.

— Мнѣ кажется, — отвѣчали мнѣ на мой разсказъ о бѣгствѣ несчастнаго народа, — что вы желаете, чтобы мы, вмѣсто того, чтобы управлять страною, предались филантропіи. Да, конечно, то, что̀ вы передаете, все это очень грустно, — но что̀ же мы можемъ дѣлать?

— Оказать помощь! — долженъ былъ отвѣчать я.

— То-есть явиться подстрекателями такого бѣгства? — если болгары узнаютъ, что мы обезпечиваемъ ихъ существованіе, тогда не десятки, а сотни тысячъ бросятся бѣжать.

— Неужели вы полагаете, что тотъ кусокъ чернаго хлѣба, который вы дадите голоднымъ людямъ, будетъ служить достаточной приманкой, чтобы заставить людей бросить свой кровъ, свое имущество, — чтобы вызвать такія явленія, какъ бросанье своихъ дѣтей въ кручу болгарскими матерями?

— Все это прекрасно, ко это не наше дѣло: пусть этимъ занимается славянскій комитетъ, — почему онъ ничего не дѣлаетъ? у насъ другіе, болѣе важные государственные интересы, которымъ должны быть посвящены наши заботы.

— Но позвольте васъ спросить: не заключается ли государственный интересъ также и въ томъ, чтобы не заставлять населеніе—или, по крайней мѣрѣ, извѣстную его часть—проклинать наше появленіе въ этой странѣ?

— Да развѣ мы виноваты въ ихъ бѣгствѣ?—мы ихъ къ тому не приглашали.

— Что касается приглашенія, то объ этомъ можно, конечно, говорить ради шутки; а относительно того, кто виноватъ въ этомъ бѣгствѣ, то виноваты немножко и мы.

— Ну, это другой вопросъ: о томъ будетъ судить исторія!

— А до суда исторіи люди будутъ умирать съ голоду!

— Умирать съ голоду—это красивая фраза!

— Если бы однако вы дали себѣ трудъ проѣхаться отъ Габрова до Шипки, то, быть можетъ, вы согласились бы, что эта красивая фраза есть горькая истина!

— Если такъ, то пусть болгары сами помогаютъ,— они достаточно богаты: дай Богъ, чтобы наши крестьяне черезъ двѣсти лѣтъ были такъ богаты, какъ они,— пусть научаются помогать другъ другу! Гражданское управленіе создано не для филантропіи!

И опять пошли въ ходъ „государственныя соображе-

нія", „высшіе интересы" и т. п. Въ этомъ родѣ болѣе нежели полчаса продолжался разговоръ. Я съ умысломъ привелъ изъ него небольшой отрывокъ, чтобы, съ одной стороны, показать, какая сухость, жесткость сердца и ума прикрываются подъ-часъ государственными соображеніями и идеями высшаго порядка,—а съ другой, чтобы сдѣлать нагляднымъ отношеніе къ болгарскому народу, а вмѣстѣ и къ нашей задачѣ среди южныхъ славянъ, даже такихъ людей, которые по преимуществу должны были бы заботиться о томъ, чтобы установить между нами и болгарами связь, основанную на прочной привязанности. Разговоръ же этотъ, я позабылъ сказать, происходилъ именно съ человѣкомъ, по преимуществу находившимся въ такомъ положеніи.

Чтобы быть справедливымъ, я долженъ прибавить, что хотя государственныя соображенія и стояли, повидимому, въ противорѣчіи съ помощью бѣгущему голодному населенію, тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ, представилась все-таки возможность согласить ихъ—и, вслѣдствіе этого, была послана, хотя и незначительная, но все-таки помощь забалканскимъ жителямъ, покинувшимъ свои жилища.

Представляя образчики такого отношенія къ болгарамъ, я весьма далекъ отъ мысли утверждать, чтобы тутъ было что-либо преднамѣренное, сознательное, чтобы мы систематически дурно относились къ болгарамъ. Вовсе нѣтъ. Весьма можетъ быть, что люди, разсуждавшіе такимъ образомъ, въ другихъ случаяхъ весьма энергично защищали болгаръ, отстаивали подъ-часъ горячо ихъ интересы,—все это весьма вѣроятно; я настаиваю только на одномъ: на отсутствіи опредѣленной системы, основанной на пониманіи нашей истинной задачи, которая заставляла бы неуклонно держаться извѣстнаго пути. Когда ея нѣтъ, тогда весьма серьёзные вопросы рѣшаются въ томъ или другомъ смыслѣ, смотря по расположенію духа. А между тѣмъ, кто же не знаетъ, что нѣтъ ничего хуже въ жизни народа, когда главную роль въ ней играютъ слова: „tel

est notre bon plaisir!“ При такомъ условіи, никто не знаетъ, на какой ногѣ слѣдуетъ плясать: сегодня принимается одна мѣра, завтра—прямо противоположная; а почему? вслѣдствіе какихъ причинъ? — объ этомъ не спрашивайте: „tel est notre bon plaisir“. Вотъ въ чемъ, между прочимъ, коренился также залогъ неуспѣшности дѣйствій нашего гражданскаго управленія. Другая причина лежала въ весьма маломъ знакомствѣ, на что̀ уже случалось указывать, не только съ настоящимъ, но и съ прошлымъ болгарскаго народа; но это незнаніе не было, конечно, удѣломъ одного гражданскаго управленія,—оно было почти всеобщимъ, и отзывалось тѣмъ болѣе вредно, что содѣйствовало установленію столько же неправильнаго, сколько и невыгоднаго мнѣнія о болгарахъ, и породило противъ нихъ цѣлый рядъ обвиненій, разбору которыхъ будетъ посвящена слѣдующая глава.

Какъ мы повторяли на каждомъ шагу: „болгары богаты, черезъ двѣсти лѣтъ русскій народъ не будетъ пользоваться такимъ благосостояніемъ“ — и въ то же время не давали себѣ ни малѣйшаго труда разобрать, насколько завидно было это благосостояніе, такъ точно мы говорили: „болгары не расположены къ намъ—смотрите, какъ смотрятъ они на насъ исподлобья“—и не нуждались больше ни въ какихъ объясненіяхъ. Послѣднюю фразу мнѣ пришлось часто слышать въ послѣдній день моего пребыванія въ Тырновѣ, когда болгары дѣйствительно были сумрачны, но за то, какой же это былъ и несчастный день. Ничто такъ не заразительно, какъ паника. Она летитъ на крыльяхъ. Не виноваты были жители Тырнова, что они поддались этому малодушному чувству: въ тѣ злопамятные дни оно охватило собою не однихъ болгаръ! Систовская паника послѣ второй Плевны служитъ тому лучшимъ доказательствомъ!

Тырновскіе болгары сдѣлались сумрачны и тревожны, когда по городу распространилась вѣсть, что главная квартира покидаетъ ихъ городъ. Двигайся она впередъ,

они ликовали бы, но она дѣлала нѣсколько шаговъ назадъ, и ими овладѣвало чувство страха.

Этой вѣсти сначала никто не хотѣлъ вѣрить; не вѣрили русскіе, не вѣрили болгары. Правда, нѣсколько дней уже, тотчасъ послѣ второй Плевны, точно ниспосланный судьбою для того, чтобы пробудить насъ отъ сладкихъ грезъ, главнокомандующій покинулъ Тырново, но никто почти не ждалъ, чтобы главная квартира была выведена изъ древней столицы Болгаріи.

— Вы не слышали, это правда, что главная квартира получила приказаніе оставить Тырново?

— Говорятъ, что правда!

— Господи, что̀ же это такое, какой стыдъ, позоръ, мы должны бѣжать отсюда!

— Полноте, какой тутъ стыдъ. Развѣ не естественно, что главная квартира переносится въ то мѣсто, которое въ данную минуту представляется наиболѣе центральнымъ?

— Какая тутъ центральность, просто мы опасаемся, что турки отнимутъ Тырново!

Когда исчезла увѣренность въ свои силы, тогда никакія разсужденія не помогаютъ!

Тѣ же тревожныя сомнѣнія, тѣ же вопросы мучили и болгаръ.

— Покидаете насъ?— не то спрашивали, не то сдержанно упрекали они.

— Нѣтъ, не покидаемъ! у васъ остается генералъ Радецкій съ своимъ корпусомъ!

— А онъ не уйдетъ?

— Нѣтъ, не уйдетъ!

Но болгары плохо вѣрили въ то. Имъ мерещились уже пламя и кровь. Волненіе, безпокойство, отчаяніе достигли высшей степени, когда вѣсть о выступленіи главной квартиры сдѣлалась достовѣрною.

Многіе болгары приготовлялись бѣжать, нѣкоторые уже оставили городъ. У всѣхъ, и у болгаръ, и у большинства русскихъ лица вытянулись, всѣ со страхомъ смотрѣли на

грядущія событія. При этомъ произошла оригинальная перемѣна роли. Тѣ, которые нѣсколько дней тому назадъ относились къ туркамъ съ полнымъ пренебреженіемъ и считали войну съ ними не чѣмъ инымъ какъ веселыми маневрами, тѣ теперь предались малодушному отчаянію и потеряли всякую вѣру въ нашу силу; тѣ же, которые ранѣе относились съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ нашему быстрому движенію впередъ и не довѣряли возвѣщенному совершенству нашей военной организаціи, тѣ, напротивъ, нимало не унывали и твердо уповали, что въ концѣ-концовъ своимъ мужествомъ, своимъ численнымъ превосходствомъ Россія восторжествуетъ надъ своимъ сравнительно слабымъ и малочисленнымъ противникомъ.

— Какъ можно такъ падать духомъ,—приходилось мнѣ слышать:—что́ же случилось такого особеннаго; да, безъ сомнѣнія, мы потерпѣли неудачи, они сбавятъ нѣсколько нашей самоувѣренности, они научатъ насъ только относиться съ бо́льшею серьёзностью къ такому дѣлу, какъ война, но развѣ можно считать дѣло проиграннымъ, развѣ можно говорить о возвращеніи за Дунай!

Такъ разсуждали „пессимисты".

— Хороши неудачи! вѣдь насъ тѣснятъ со всѣхъ сторонъ, два проигранныхъ сраженія подъ Плевной, за Балканами мы разбиты, не сегодня-завтра турки прижмутъ насъ въ Тырновѣ, и хорошо еще, если не отрѣжутъ отъ Дуная, а тогда что́? Нѣтъ, это нельзя назвать неудачей, это зовется проигранной кампаніей, позоромъ!

Такъ думали и говорили „оптимисты".

Весь день прошелъ въ самомъ возбужденномъ состояніи. Всѣ укладывались, маркитанты складывали свои палатки, убирали стулья, столы, фургоны выдвинулись на первый планъ, и все это дѣлалось какъ-то украдкой, исподтишка, точно опасались, что кто-нибудь замѣтитъ, словомъ—эти сборы производили самое тяжелое впечатлѣніе. Такъ и чувствовалось, что не на радости, не добровольно покидаемъ мы городъ. Покажется гдѣ-нибудь болгаринъ, такъ и хочется отвернуться отъ него, чтобы

не видѣть его глазъ,—обида, горечь, глубоко западала въ вашу душу. Выступленіе было назначено въ три часа ночи, и это позднее время, при общемъ мрачномъ настроеніи, давало еще болѣе чувствовать, что недобрыя причины заставляютъ насъ покидать Тырново.

— Вернемся сюда или нѣтъ, увидимъ еще разъ Тырново или навсегда съ нимъ разстаемся?—спрашивали другъ у друга, и въ этомъ вопросѣ звучала та же жалобная струна.

— Хоть бы поскорѣй ужъ выступить!—слышалось нѣсколько разъ,—а то жутко ужъ больно!—и это чувство испытывалось большинствомъ. Операція неизбѣжна, пусть по крайней мѣрѣ поскорѣй она будетъ окончена.

Ничто не утѣшало въ этотъ день. Провели довольно значительную партію плѣнныхъ, перевязанныхъ между собою веревкою, никто не бѣжитъ смотрѣть на нихъ, жители не высыпаютъ на улицу. Невольно закрадывается мысль: что́ въ этомъ проку! А у болгаръ была другая дума: другіе турки, другіе баши-бузуки, быть можетъ, войдутъ въ нашъ городъ и поступятъ съ нами такъ же, какъ поступили съ другими,—все выжгутъ, всѣхъ перерѣжутъ! Болгары не смотрятъ на плѣнныхъ, и связанныхъ теперь—они точно страшатся ихъ! Боже, какъ далеко то время, когда цвѣтами устилали путь вступавшему въ Тырново нашему войску.

Послѣдній вечеръ, послѣдніе часы ночи передъ выступленіемъ останутся навсегда, кажется, въ моей памяти. Куда ни обернешься, съ кѣмъ ни заговоришь, во всѣхъ и во всемъ вы читали зловѣщее слово—погромъ! Это слово звучало въ вашихъ ушахъ, оно больно заставляло сжиматься ваше сердце, оно преслѣдовало васъ, отъ него вы никуда не могли укрыться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слово это вызывало наружу одно доброе чувство—никогда такъ сильно, какъ въ такія минуты, не сказывалась въ человѣкѣ безграничная любовь къ своей родинѣ. Забыты были всѣ личные помыслы, личныя побужденія, всѣ

эгоистическіе интересы,—родина, народъ всецѣло наполняли собою сердца.

Около четырехъ часовъ ночи протрубили сигналъ выступленія. Въ городѣ была тишина, городское населеніе еще не пробудилось отъ сна, — минуя улицы точно тайкомъ, мы выступили изъ Тырнова. Нѣсколько человѣкъ болгаръ попались намъ на встѣчу, но лучше было бы не встрѣчаться и съ ними въ эту памятную для всѣхъ насъ ночь!

Да! что́ говорить, мы переживали тогда тяжелые дни...

ГЛАВА VIII.

Болгары и наши недоразумѣнія.

Медленно двигался безконечный обозъ нашей главной квартиры со всѣми частями военнаго управленія изъ Тырнова по направленію къ новому пункту его мѣстопребыванія. Гдѣ былъ этотъ пунктъ—навѣрное еще никто не зналъ, и, только прибывъ въ Аиджи, небольшую болгарскую деревню, сдѣлалось извѣстно, что избранъ—Горный-Студень. Весь этотъ путь былъ до-нельзя однообразенъ, унылъ, вполнѣ отвѣчая общему внутреннему настроенію. Мы шли точно похороннымъ маршемъ. Жители болгарскихъ деревень не встрѣчали насъ съ восторгомъ,—да и нéчего имъ было радоваться. Веселаго было немного. На первомъ же привалѣ, верстахъ въ десяти отъ Тырнова, около деревни „Болванъ", населенной преимущественно турками, къ намъ подвезли одного раненаго солдата, истекавшаго кровью, который, вмѣстѣ съ пятью или шестью другими солдатами, былъ отправленъ обезоружить „мирныхъ" турокъ. Эти мирные турки встрѣтили нашихъ солдатъ ружейными выстрѣлами. Такихъ случаевъ было множество послѣ нашихъ пораженій,—о нихъ, конечно, никто и не думалъ говорить, но тутъ эта встрѣча произвела какое-то тяжелое впечатлѣніе. Видъ раненаго солдата какъ-бы говорилъ, что путь нашъ

не совсѣмъ безопасенъ. Сознаніе, что „мирные“ турки поднимаютъ голову, заостряло чувство обиды, испытываемое всѣми русскими, и чувство страха, охватившаго собою болгарское населеніе. Казалось вполнѣ естественнымъ, чтобы мы были ужъ не очень-то требовательны по отношенію къ болгарамъ, — но мало ли что́ могло казаться! Напротивъ, во время нашихъ неудачъ мы особенно недружелюбно относились къ болгарамъ; намъ обидны, больны были наши пораженія, и мы вымещали на болгарахъ нашу злобу, обвиняя ихъ тѣмъ съ бо́льшею настойчивостью во всевозможныхъ порокахъ и преступленіяхъ. Никогда такъ часто, какъ въ это злополучное время, въ которомъ виноваты были, безъ сомнѣнія, только мы, и мы одни,— приходилось выслушивать при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ:

— Ну, ужъ народъ! сто́итъ изъ-за него проливать свою кровь! Неблагодарный, тупоумный—etc., etc.

Быть можетъ, эти обвиненія слышались чаще и потому, что во время этого передвиженія отъ Тырнова до Горнаго-Студеня приходилось часто останавливаться въ болгарскихъ деревняхъ, и, слѣдовательно, чаще сталкиваться съ болгарами. Поводы къ столкновеніямъ были самые мелкіе и въ высшей степени однообразные. Не оказанъ болгариномъ достаточно радушный пріемъ,— тотчасъ слышится:

— Вотъ такъ народецъ! да пропадай они вовсе, всѣ эти братушки!

Отвѣтитъ болгаринъ на требованіе корма для лошадей или курицы лаконическимъ: „нема̀“,—немедленно раздается:

— Турки знали, ка́къ съ ними справляться! мы съ ними нѣжничаемъ, а вотъ отодрать бы хорошенько, такъ другую бы пѣсню запѣли!—сто́итъ о нихъ еще думать, да освобождать!

Подобные отзывы повторялись слишкомъ часто, чтобы не вызвать, наконецъ, вопроса: въ чемъ же однако провинились болгары и къ чему сводятся всѣ наши обви-

ненія? Вопросъ этотъ не праздный: напротивъ, весьма серьёзный, если мы сознаемъ важность добрыхъ отношеній между Россіей и другими славянскими народностями. Положимъ, воззрѣнія и мнѣнія частныхъ людей, даже взятыхъ въ совокупности, т.-е. всего русскаго общества, не имѣютъ особаго значенія,—важно только на практикѣ одно,—чтобы правительство не относилось враждебно къ болгарамъ—но, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ противодѣйствовать неправильнымъ взглядамъ, закрадывающимся въ общество. Вотъ почему теперь, когда читатель познакомился хоть въ общихъ чертахъ съ оффиціальнымъ отношеніемъ къ болгарамъ, насколько оно выражалось въ гражданскомъ управленіи, и послѣ того, что передъ его глазами прошли неприкрашенныя картины бѣдствій, претерпѣваемыхъ болгарскимъ народомъ, нужно подвести итоги неоффиціальному отношенію къ болгарамъ, или—что́ то же—подвести итоги всѣмъ обвиненіямъ, направляемымъ противъ болгаръ, и спросить: насколько эти обвиненія справедливы?

Одно изъ первыхъ обвиненій противъ болгаръ, которое приходилось слышать какъ на мѣстѣ, въ Болгаріи, такъ и впослѣдствіи въ различныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ, заключается въ такъ-называемой „неблагодарности“ болгаръ.

„Неблагодарный народъ!“—вотъ слова, которыя слышались въ каждомъ разговорѣ—а ихъ было такъ много—касавшемся болгарскаго населенія.

— Да позвольте однако,—условимся, что́ называть неблагодарностью, и затѣмъ, въ чемъ она выражается?

— Да во всемъ,—получалъ я часто въ отвѣтъ:—развѣ та̀къ они должны были бы съ нами обходиться? развѣ та̀къ должны были бы принимать русскія войска?

Ка̀къ же,—слѣдуетъ задаться вопросомъ,—въ дѣйствительности принимали русскихъ болгары? Никто, вѣроятно, не станетъ отрицать, что въ первый періодъ войны, т.-е. до наступленія тяжелыхъ дней, когда мы на всемъ театрѣ войны начали претерпѣвать одну неудачу за дру-

гою,—болгары относились къ намъ какъ нельзя болѣе радушно, всюду встрѣчали наши войска, какъ своихъ освободителей, и ничего не жалѣли, чтобы выказать намъ свою преданность. При самомъ нашемъ вступленіи на болгарскую почву, при занятіи перваго города, Систова, болгары искренно привѣтствовали наши войска, какъ избавителей отъ вѣкового турецкаго гнета, и эти привѣтствія сопровождали нашу армію до самаго Тырнова, а ея передовой отрядъ — вплоть до Эски-Загры. Стòитъ лишь вспомнить тѣ встрѣчи, которыя болгары устроивали русскому войску въ Тырновѣ, въ Казанлыкѣ и другихъ городахъ, чтобы не обвинять огульно болгаръ въ черной неблагодарности. Всюду, гдѣ появлялись только наши войска въ первый періодъ кампаніи, болгары встрѣчали ихъ съ хоругвями, забрасывали цвѣтами какъ генераловъ, такъ и солдатъ, съ радостью принимали въ своихъ домахъ офицеровъ и старались дѣлать все, чтò могло быть только пріятно русскимъ. Много, разумѣется, разсказовъ приходилось выслушивать о вступленіи нашихъ войскъ въ Тырново, Габрово, Ловчу, Казанлыкъ, Эски-Загру и въ другіе небольшіе болгарскіе города и села, и всегда очевидцы передавали о восторженномъ пріемѣ, сдѣланномъ имъ болгарскимъ населеніемъ. Если эти встрѣчи въ общемъ были самыя радостныя и радушныя, то каждый изъ бывшихъ въ то время въ Болгаріи въ частности можетъ, мнѣ кажется, засвидѣтельствовать, что болгары относились къ намъ въ высшей степени дружелюбно. Я хорошо помню добродушныхъ хозяевъ тѣхъ домовъ, гдѣ пришлось прожить по нѣскольку дней въ Систовѣ, Тырновѣ, Порадимѣ; и во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ личныя наблюденія какъ нельзя болѣе совпадали съ тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, которое производили разсказы о появленіи нашихъ войскъ въ болгарскихъ городахъ. Были, разумѣется, случаи недовольства болгарами и въ первый періодъ войны, но случаи эти составляли болѣе или менѣе исключенія, и преимущественно касались столкновеній съ тѣмъ классомъ болѣе турецкаго, нежели бол-

гарскаго населенія, о которомъ я имѣлъ уже случай упомянуть, т.-е. съ чорбаджіями. Такъ какъ именно этому элементу населенія принадлежатъ въ селахъ и городахъ лучшіе дома, то неудивительно, что многіе офицеры предпочитали останавливаться именно у нихъ; но если при этомъ они выигрывали съ точки зрѣнія матеріальнаго удобства, то несомнѣнно проигрывали въ отношеніи радушія и теплоты пріема. Между тѣмъ, именно по образчикамъ такихъ отуреченныхъ болгаръ составляютъ часто мнѣніе о всемъ болгарскомъ населеніи.

Итакъ, если въ первый періодъ войны болгары ничѣмъ въ дѣйствительности не могли заслужить упрека въ холодности и неблагодарности къ русскимъ, то, разумѣется, нельзя сказать того же о второмъ періодѣ, столь несчастномъ въ исторіи послѣдней войны. Послѣ плевнинскихъ неудачъ, послѣ оставленія долины Тунджи, болгары не устилали больше нашъ путь цвѣтами, не встрѣчали русскихъ съ хоругвями, съ хлѣбомъ и солью, не выражали радости и восторга при появленіи нашихъ отрядовъ, и — какъ не сказать? они не имѣли къ тому никакихъ основаній. Привязанность народа никогда не бываетъ платоническая, и тѣ, которые желали, чтобы болгары въ самыя страшныя для нихъ минуты падали ницъ передъ русскими, доказывали только, что они не имѣли ни малѣйшаго представленія о характерѣ взаимныхъ отношеній между нами и славянскими народностями въ теченіи послѣдняго столѣтія. Наши притязанія на благодарность, наши требованія отъ болгаръ какого-то рабскаго благоговѣнія были по-истинѣ изумительны; и когда, послѣ неудачъ, болгары были объяты ужасомъ и страшились грозной перспективы поголовнаго истребленія, и мы встрѣчали извѣстную холодность, то немедленно на голову болгаръ обрушивались чуть не проклятія. И нужно было видѣть, какіе пустые предлоги вызывали наши обвиненія въ неблагодарности болгаръ, обвиненія, столь усердно разносимыя чуть не по всѣмъ русскимъ газетамъ. Какъ на примѣры, я укажу на два-три случая.

Во время перехода отъ Тырнова до Горнаго-Студеня, мы сдѣлали привалъ около какой-то небольшой болгарской деревни. Лишь только стали на бивуакъ, всѣ спѣшили отправить кто казака, кто деньщика — раздобыть въ деревнѣ барана, курицу, яицъ, — словомъ, всякую провизію. Всѣ были голодны. Деревня была верстахъ въ двухъ, и потому нѣкоторые сами отправлялись туда на поиски. Вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ пошелъ и я. По дорогѣ мы встрѣчали уже возвращавшихся изъ деревни солдатъ, и каждый почти несъ съ собою какую-нибудь провизію. Офицеръ опередилъ меня и вошелъ въ одинъ изъ домиковъ, откуда тотчасъ же я заслышалъ его громкій голосъ,—онъ кричалъ и бранился.

— О чемъ вы спорите? — спрашиваю я его, войдя во дворъ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ увидѣлъ двухъ женщинъ.

— Негодный народъ!—добромъ съ нимъ ничего не подѣлаешь!

— Да вы, кажется, не очень-то добромъ ихъ берете!

— Всякаго изъ себя выведутъ! Чего ни попросишь, все говорятъ, что у нихъ нѣтъ.

— Позвольте, однако, развѣ они обязаны вамъ давать все, что̀ вы спрашиваете? а затѣмъ,—какъ же вы хотите, чтобы они угождали вамъ, когда вы на нихъ только кричите?

То, что̀ не могъ сдѣлать грозный тонъ, то сдѣлало ласковое слово. Болгарки принесли хлѣба, молока, и тѣмъ вполнѣ успокоили моего горячаго спутника. Приходимъ въ другую деревню. И люди, и лошади — всѣ голодны; но первая забота все-таки о лошадяхъ. Сѣна нѣтъ нигдѣ, овса также, лошадей кормятъ ячменемъ.

— Дайте ячменя для лошадей, — спрашиваютъ у болгаръ.

— Нѣтъ ячменя! весь вышелъ!—отвѣчаютъ они.

— Да, что же, лошади околѣвать, что ли, должны?

Болгаринъ молчитъ.

— Ну, говори же, что̀ молчишь?

Отвѣта нѣтъ.

Мы сердимся; голосъ возвышается, и слышится брань.

— А это что̀, развѣ не ячмень, — говоритъ кто-то, указывая на цѣлую скирду, сложенную противъ избы.

Болгаринъ объясняетъ, что до этой скирды онъ дотронуться не смѣетъ.

— Какъ не смѣешь, почему?

Оказывается, что турки, покидая деревню, пригрозили имъ, что если они уберутъ съ поля хлѣбъ да ячмень, то когда они возвратятся, — сожгутъ всю деревню и жителей перерѣжутъ.

Наши неудачи напоминали имъ эту угрозу, и они оставляютъ гнить въ полѣ скирды ячменя.

— Трусы! презрѣнный народъ! — слышится восклицаніе и дѣлается справедливое, конечно, распоряженіе употребить въ дѣло этотъ ячмень.

Вотъ еще. Входимъ мы, нѣсколько человѣкъ, въ одинъ изъ деревенскихъ дворовъ. Зовемъ хозяевъ — никто не откликается. Отворяемъ дверь, и видимъ въ комнатѣ двухъ-трехъ мальчугановъ. Взрослые спрятались. Стараемся добиться толку отъ мальчугановъ, и узнаемъ только, что мать куда-то ушла. Спрашиваемъ у дѣтей, есть ли хлѣбъ, молоко, словомъ — какая-нибудь ѣда, отвѣтъ обычный: нема̀! Всѣ, конечно, отлично понимаютъ, что мать, отецъ нарочно ушли изъ дому, при нашемъ приближеніи къ деревнѣ, чтобы не быть поставленными въ необходимость еще и еще разъ давать своихъ куръ, свой хлѣбъ, яйца и т. п. Дѣлать нечего, мы покидаемъ пустую хату, и такъ какъ голодъ вовсе не располагаетъ къ спокойнымъ разсужденіямъ о причинахъ такого отношенія къ намъ болгаръ, то мы уходимъ, еще разъ проклиная болгаръ за ихъ черную, возмутительную неблагодарность. Такихъ фактовъ, безъ сомнѣнія, можно было бы привести довольно много. Въ сущности факты эти довольно мелкіе, на которыхъ не стоило бы, строго говоря, и останавливаться, если бы именно такіе случаи и не служили основаніемъ для всѣхъ разглагольствованій о неблагодарности болгарскаго народа. Что говорить, иной разъ

дѣйствительно такого рода ничтожныя столкновенія производили раздражающее впечатлѣніе. Придетъ человѣкъ усталый, голодный, надѣется встрѣтить радушный пріемъ, и вдругъ его обдаютъ холодомъ. Невольно является у него мысль: а вѣдь деремся мы изъ-за васъ! и затѣмъ въ его отношеніе къ населенію закрадывается недружелюбное чувство. О подобномъ столкновеніи мнѣ случалось нѣсколько разъ бесѣдовать съ болгарами, и я не могу не признать, что объясненія ихъ заслуживали большого вниманія.

— Конечно,—разсуждали они,—было бы лучше, если бы болгары не подавали ни малѣйшаго повода къ нареканіямъ въ неблагодарности, но войдите также и въ ихъ положеніе. Вся придунайская Болгарія, противъ населенія которой по преимуществу слышались жалобы, очень быстро была занята русскими войсками. Въ занятой мѣстности не было почти ни одной деревни, въ которой не побывали бы русскіе солдаты. Придутъ они въ первый разъ — ихъ примутъ хорошо: всего дадутъ; ни въ чемъ не откажутъ. Уходятъ они. Черезъ нѣсколько времени являются другіе — ихъ принимаютъ тоже дружелюбно, хотя, быть-можетъ, съ нѣсколько меньшимъ радушіемъ; снова дѣлятся съ ними своимъ добромъ болгары, но ужъ не такъ щедро. За этими вторыми являются третьи и т. д. Запасы не Богъ знаетъ какіе, скоро истощаются, и часто случается, что отъ болгаръ требуютъ всякаго провіанта, когда его ужъ дѣйствительно нѣтъ. Правда,—сознавались сами болгары,—случалось и такъ, что мы скрывали наше добро, но и за это строго винить насъ нельзя. Многіе, отдавъ все то, чѣмъ могли подѣлиться, приберегали для себя самихъ на черный день, на зиму, кое-какіе запасы, хорошо понимая, что иначе они могутъ обречь себя на голодную смерть. Нужно, вѣдь, было подумать, чѣмъ прокормить семью цѣлую зиму, чѣмъ засѣять поле, чѣмъ заплатить подати, особенно, если не вы, а турки станутъ ихъ собирать съ насъ.

Нѣтъ, разумѣется, ничего мудренаго, что болгары съ

тревожнымъ чувствомъ помышляли о черномъ днѣ, и эта мысль являлась какъ-бы нравственною причиною нѣкоторой холодности, за которую мы ихъ такъ винили. Но какъ имъ было и не думать объ этомъ черномъ днѣ, когда вся исторія предшествовавшихъ войнъ между Турціею и Россіею не давала имъ въ итогѣ ничего иного.

— Мы преданы, мы благодарны Россіи,—разсуждали болгары, — за ея желаніе, стараніе пособить нашему бѣдственному положенію, освободить насъ отъ тяжелаго мусульманскаго ига, но всѣ мы хорошо знаемъ, что между желаніемъ и осуществленіемъ такого желанія лежитъ еще цѣлая пропасть!

И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы требовать благодарности прежде, чѣмъ мы что-нибудь сдѣлали для болгарскаго народа, было бы лучше, если бы мы понимали, какъ тяжело отзывались на придунайской Болгаріи наши предшествовавшія войны съ Турціею. Войны эти всегда оканчивались тѣмъ, что турки съ страшною жестокостью вымещали на болгарахъ свои неудачи и заставляли дорого платиться за выказываемыя намъ симпатіи. Наше же обращеніе съ ними было вовсе не таково, чтобы болгары могли полагаться на насъ, какъ на каменную гору. Каково было это обращеніе, хотя бы, напримѣръ, во время Восточной войны, можно видѣть по тому небольшому образчику, который приводитъ въ извѣстномъ своемъ трудѣ генералъ Богдановичъ.

Разсказывая объ осадѣ Силистріи, авторъ исторіи Восточной войны 1853—1856 годовъ, между прочимъ, говоритъ: „Болгары были намъ совершенно преданы и старались доказать русскимъ, какъ единовѣрцамъ своимъ, безпредѣльное усердіе, извѣщая насъ о всѣхъ движеніяхъ турецкихъ войскъ, и доставляя въ нашъ лагерь, по самымъ сходнымъ цѣнамъ, сѣно, траву, зерновой фуражъ, хлѣбъ, барановъ, домашнюю птицу, молоко и яйцы. Многимъ изъ нихъ, по собственной ихъ просьбѣ, выдавались патроны, кремневыя ружья, тяжелые пистолеты и сабли, изъ запаса, присланнаго въ армію для

снабженія волонтеровъ. Какъ ни плохо было это оружіе, болгары, съ помощью посылаемыхъ къ нимъ охотниковъ: грековъ, сербовъ, молдаванъ и валаховъ, не только успѣвали защищать свои деревни отъ турецкихъ партій, но ловили по лѣсамъ непріятельскихъ мародёровъ и бѣглыхъ изъ Россіи раскольниковъ, служившихъ казаками въ Турціи"... Итакъ, безпристрастный во всякомъ случаѣ къ болгарамъ, историкъ свидѣтельствуетъ, что во время Восточной войны жители придунайской Болгаріи выказывали намъ свое „безпредѣльное усердіе" и всячески доказывали намъ свою преданность.

Какъ же, спрашивается, мы вознаградили тогда болгаръ за ихъ усердіе, какъ отнеслись мы къ нимъ, когда наступилъ для Болгаріи черный день? Тотъ же авторъ, описывая нѣсколько страницъ далѣе внезапное снятіе осады Силистріи, между прочимъ, передаетъ такой яркорисующій наше обращеніе съ болгарами фактъ: „Неожиданное отступленіе нашихъ войскъ поразило ужасомъ окрестныхъ жителей, болгаръ, опасавшихся мщенія со стороны силистрійскаго гарнизона за выказанную ими преданность русскимъ. Нѣсколько тысячъ семействъ, испросивъ у главнокомандующаго разрѣшенія переправиться вмѣстѣ съ нашими войсками на лѣвую сторону Дуная, прибыли къ мосту на подводахъ, со всѣмъ, что́ успѣли захватить съ собою и съ большими стадами скота; князь Горчаковъ предоставилъ нѣсколько часовъ для ихъ переправы, болгарскіе обозы потянулись къ мосту, и генералъ-полиціймейстеру арміи, генералъ-маіору Беваду, человѣку столько же энергическому, сколько доброму и сострадательному, со всею военною полиціею и нѣсколькими, присланными ему въ помощь офицерами, трудно было сохранить порядокъ въ этомъ сборищѣ. Передъ вечеромъ главнокомандующій счелъ необходимымъ воспретить дальнѣйшую переправу болгаръ, опасаясь замѣшательства въ случаѣ ночного нападенія турокъ. Генералъ Коцебу, по просьбѣ всѣхъ лицъ главнаго штаба, упрашивалъ князя о спасеніи жителей края,

столь усердно преданныхъ Россіи; одна изъ болгарокъ, прорвавшись сквозь цѣпь, не допускавшую туземцевъ къ мостамъ, обняла колѣни главнокомандующаго, умоляя его о дозволеніи перейти съ дѣтьми на другую сторону Дуная; но ничто не могло измѣнить рѣшенія князя Горчакова, по мостамъ продолжали переходить съ большими промежутками лишь войска, и только до ста болгарскихъ семействъ было перевезено на наемныхъ судахъ, приготовленныхъ для раненыхъ". Почтенный историкъ не разсказываетъ, что́ сталось съ болгарами, которымъ, за ихъ безпредѣльную преданность русскимъ, отказано было даже въ правѣ переправиться съ нашими войсками на лѣвый берегъ Дуная. Но, зная характеръ турокъ, мы легко можемъ себѣ представить, какая горькая судьба постигла эти нѣсколько тысячъ семействъ. Такой фактъ, какъ недопущеніе переправы, быстро облетаетъ страну, и при этомъ еще въ преувеличенномъ видѣ, и несомнѣнно сохраняется въ народной памяти. Можно ли удивляться, а тѣмъ болѣе роптать на болгаръ, если они, памятуя подобные примѣры великодушнаго обращенія, и страшась грознаго мщенія своихъ исконныхъ враговъ, теперь, при видѣ неудачи русскаго оружія, становились болѣе сдержанными въ своихъ сношеніяхъ съ нами.

Я потому только и рѣшился сослаться на одинъ изъ примѣровъ войны 1853—1856 г., что слишкомъ часто мнѣ приходилось слышать о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя будто бы щедрою рукою сыпала Россія на болгарскій народъ. Въ дѣйствительности же, до настоящей войны, нами ничего не было сдѣлано для существеннаго измѣненія, по-истинѣ, трагической судьбы болгарскаго народа. Если же ничего не было сдѣлано, то, очевидно, мы и не имѣли права требовать какой-то восторженной благодарности, а слѣдовательно и не имѣли основанія обвинять болгаръ, если бы даже намъ выказали они меньше ревности, чѣмъ то было въ дѣйствительности, для доказательства своего расположенія къ намъ. Для того, чтобы подвести итогъ этому об-

виненію, слѣдуетъ задаться вопросомъ: чѣмъ объясняется происхожденіе обвиненія болгаръ въ неблагодарности? Повидимому, — двумя причинами. Прежде всего весьма ограниченнымъ знакомствомъ съ исторіею болгарскаго народа, преувеличеннымъ представленіемъ о тѣхъ мнимыхъ благодѣяніяхъ, которыя мы оказывали болгарамъ въ ихъ прошломъ и, наконецъ, какимъ-то чисто-фантастическимъ понятіемъ о безпредѣльной любви, питаемой къ намъ южными славянами. Народъ чуждъ сантиментальности, онъ не знаетъ платонической любви. Любовью своею онъ платитъ только за дѣйствительно оказанныя ему услуги, а не за слова и намѣренія; между тѣмъ до результатовъ послѣдней войны, кромѣ добрыхъ намѣреній, болгары отъ насъ не имѣли ничего другого. Да, наконецъ, и эти намѣренія могли представляться имъ не вполнѣ искренними.

Другая причина нашихъ преувеличенныхъ требованій благодарности несомнѣнно скрывается въ нашихъ личныхъ свойствахъ, развившихся въ насъ историческимъ путемъ. Наше общественное развитіе двигается, по-истинѣ, черепашьимъ шагомъ. Въ теченіи долгихъ вѣковъ, мы, приниженные сначала внѣшнимъ татарскимъ игомъ, затѣмъ внутреннимъ игомъ московской эпохи, весьма близко соприкасавшимся съ татарскимъ, почти даже не ощущали потребности въ общественной самостоятельности, и она представлялась въ доброе старое время, какъ представляется и теперь еще нѣкоторымъ обскурантамъ, прикрывающимъ свои лакейскія чувства и мысли ширмами нашей общественной незрѣлости и неприготовленности, какою-то заморскою диковиной, вовсе непригодной, какъ говорится, для самобытной природы русскаго народа. Въ силу такого прошлаго, съ которымъ не совсѣмъ простилось еще и настоящее, мы разсматриваемъ каждый мало-мальскій успѣхъ въ нашей общественной жизни не какъ нѣчто такое, что́ совершенно въ порядкѣ вещей, а какъ подачку, на ту „на водку“, которая зависитъ отъ благопріятной случайности. Хотятъ—да-

дутъ, хотятъ—не дадутъ, сегодня дали, завтра взяли, и общественное чувство настолько принижено при этомъ, что подобное отношеніе къ обществу признается какъ-бы нормальнымъ. При существованіи такого отношенія къ самымъ, повидимому, неотъемлемымъ надеждамъ каждаго общества, вышедшаго, по собственному его мнѣнію, изъ дикаго состоянія, становится понятнымъ, что мы, въ силу историческихъ преданій, только и знаемъ, что благодаримъ. Благодарность не сходитъ съ нашихъ устъ. Погладятъ насъ по головкѣ—мы благодаримъ, стегнутъ хорошенько за какую-нибудь шалость, мы, конечно, немножко поворчимъ, но и въ нашемъ ворчаньѣ, какъ у послушныхъ дѣтей, слышатся слова благодарности за полученный урокъ. Чтó же мудренаго, если мы, такъ-сказать, исторически воспитавшіеся въ чувствѣ благодарности, требуемъ ея и въ другихъ, имѣющихъ счастье или несчастье приходить съ нами въ столкновеніе. За что должны быть благодарны, это другой вопросъ, а благодарны должы быть. Такъ, требовали мы и продолжаемъ требовать благодарности отъ румынъ, хотя, чтò грѣха таить, не Богъ знаетъ какія благодѣянія мы имъ оказали, и даже сердимся и называемъ ихъ неблагодарными за то, что они не пришли въ восхищеніе отъ того, чтò и насъ, и всякаго другого не привело бы въ восторгъ. Такъ, требовали мы съ перваго дня колѣнопреклоненія отъ болгаръ и требовали его даже въ тѣ дни, когда наше заступничество навлекло на нихъ страшныя бѣды, подобныя описаннымъ уже въ предшествовавшей главѣ. Неумѣренное требованіе благодарности въ то время, когда благодарить было еще не за чтó, имѣло своимъ послѣдствіемъ довольно значительное охлажденіе того внезапнаго влеченія, которое мы почувствовали къ южнымъ славянамъ. Вопросъ объ этой „благодарности“ вовсе не праздный, такъ какъ, порождая въ данную минуту нѣкоторую холодность, въ будущемъ онъ можетъ содѣйствовать установленію до извѣстной степени недружелюбныхъ отношеній между нами и другими сла-

вянскими народами, что̀ отозвалось бы особенно тяжело въ ту минуту, когда сдѣлается возможнымъ осуществленіе тѣснаго союза всѣхъ славянскихъ народностей.

Конечно, время это еще очень далеко, но и теперь уже не мѣшаетъ намъ относиться болѣе трезво къ тому, что̀ создаетъ прочную симпатію между однимъ и другимъ народомъ. Болгарскій народъ, какъ я уже упоминалъ, имѣетъ несомнѣнно извѣстное и довольно значительное тяготѣніе къ Россіи. Общность религій, близость языка, единство происхожденія—все это такіе элементы, которые не могутъ не устанавливать бо̀льшей или меньшей близости между двумя народами. Къ этимъ элементамъ теперь присоединился еще не менѣе важный—это та обильная русская кровь, благодаря которой если не вся, то все-таки часть Болгаріи избавлена отъ суроваго турецкаго господства. Тяготѣніе ея къ Россіи безспорно усилится и превратится въ неразрывную связь, когда западная Европа потеряетъ право удивляться, что мы, русскіе, принимаемъ на себя роль освободителей другого народа. Только тогда болгары, не колеблясь, отвернутся отъ враждебнаго намъ наговора западной Европы, что, поднимая знамя освобожденія, мы въ то же время будто бы куемъ цѣпи неволи.

Несмотря на всю несостоятельность обвиненія болгаръ въ неблагодарности къ русскому народу, оно тѣмъ не менѣе послужило какъ-бы источникомъ цѣлаго ряда другихъ обвиненій или во всякомъ случаѣ нареканій. Болгарскій народъ очень скоро превратился въ того Макара, на котораго, по русской пословицѣ,—валятся всѣ шишки; онъ оказался и грабителемъ, и жестокосердымъ, и не желающимъ отстаивать свою самостоятельность. Ему поставлено было въ вину и его невѣжество, и его апатія; мы даже стали чуть не упрекать его за то весьма относительное благосостояніе, которое встрѣтили тѣ, которые думали увидѣть цѣлый народъ нищихъ. Скоро даже стали раздаваться голоса, что болгарамъ ужъ вовсе не такъ дурно жилось подъ влады-

чествомъ турокъ, какъ объ этомъ разсказывали, и что въ концѣ-концовъ вовсе не стоило и войны-то начинать изъ-за этого неблагодарнаго народа. Если читатель припомнитъ, что́ писалось о болгарскомъ народѣ съ театра войны, то онъ несомнѣнно вызоветъ въ своей памяти и всѣ подобныя разсужденія по поводу болгарскаго народа.

Безъ сомнѣнія, я вовсе не претендую на то, чтобы произнести о болгарскомъ народѣ безапелляціонное сужденіе; но вѣдь и тѣ, которые возводили противъ него всяческія обвиненія, едва ли обладали бо́льшими данными, чтобы произносить грозный судъ надъ болгарами, что̀, однако, нимало не помѣшало во множествѣ корреспонденцій съ театра войны разсказывать объ этомъ народѣ всевозможныя небылицы и тѣмъ поселять въ русскомъ обществѣ совершенно неправильное о немъ мнѣніе. Одно, впрочемъ, смягчающее обстоятельство было на сторонѣ тѣхъ, которые такъ неблагопріятно отзывались о болгарахъ—они были выразителями довольно распространеннаго мнѣнія.

— Положимъ,—приходилось мнѣ слышать отъ одного изъ многочисленныхъ противниковъ болгарскаго народа,—что мы не имѣемъ достаточно основаній обвинять его въ неблагодарности; но неужели возможно отрицать, что болгары только немногимъ лучше турокъ, что они такіе же дикари: также жгутъ, грабятъ и убиваютъ?

Съ такимъ вопросомъ, съ такимъ мнѣніемъ приходилось встрѣчаться чуть не каждый день. Отголосокъ его можно было услышать даже въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ депешахъ, сообщавшихъ во время войны о тѣхъ грабежахъ, которымъ предавались освобожденные болгары.

Обвиненіе въ жестокости болгаръ такъ же мало основательно, какъ и обвиненіе ихъ въ неблагодарности. Сколько на мѣстѣ ни приходилось разспрашивать, сколько ни добивался я указанія фактовъ такой жестокости, никогда не приводилось мнѣ быть не только свидѣтелемъ, но не случалось слышать и разсказовъ очевидцевъ о

такихъ поступкахъ, которые говорили бы о жестокости болгарскаго народа. Были, разумѣется, случаи убійствъ, совершаемыхъ надъ турками, но чтобы убійства эти сопровождались вырѣзываніемъ ремней изъ тѣла, отсѣченіемъ той или другой части, прокалываніемъ живота или сожиганіемъ живыхъ турокъ, словомъ—всѣмъ тѣмъ, чѣмъ постоянно сопровождали свои убійства турки, объ этомъ не было и помину. Точно также мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы болгары насиловали турецкихъ женщинъ, чтобы они предавались всякимъ неистовствамъ надъ беззащитными людьми, чтобы они умерщвляли дѣтей и женщинъ. Вся ихъ жестокость заключалась въ томъ, что они не испытывали жалости къ тѣмъ туркамъ, которые, по распоряженію высшихъ властей, должны были быть повѣшены, что болгары даже радовались подобнымъ крутымъ мѣрамъ; но развѣ мыслимо для несчастной жертвы безстрастное отношеніе къ своимъ заклятымъ врагамъ? Когда надъ людьми издѣваются, когда ихъ всячески душатъ, когда безконечнымъ рядомъ самыхъ возмутительныхъ поступковъ и на каждомъ шагу попираютъ человѣческое достоинство, тогда въ груди людей невольно накопляется такой запасъ ненависти, злобы, столь долго остающейся безсильной, что неизбѣжно наступаетъ день, когда эта злоба прорывается въ тѣхъ или другихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ. Если чему-либо можно удивляться, то развѣ тому, что ожесточеніе болгаръ противъ турецкаго гнета не выразилось въ несравненно болѣе рѣзкой формѣ. Я всегда изумлялся, когда, проѣзжая по болгарскимъ деревнямъ, встрѣчалъ турокъ, живущихъ совершенно спокойно рядомъ съ преобладающимъ болгарскимъ населеніемъ, и эти турки должны были сознаваться, что болгары не покушались и не думаютъ покушаться ни на ихъ жизнь, ни на ихъ имущество. Однажды, это было уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, мнѣ пришлось, вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ на пути изъ-подъ Плевны въ Никополь, остановиться на нѣсколько часовъ въ одной изъ болгарскихъ деревень, не покинутой

тѣми турками и татарами, которые жили здѣсь среди болгаръ. Мой спутникъ предложилъ, любопытства ради, заѣхать въ турецкій, а не въ болгарскій домъ. Мы такъ и сдѣлали. Лишь только мы усѣлись на низкомъ, едва возвышавшемся надъ поломъ, диванѣ, въ комнату вошло нѣсколько человѣкъ единовѣрцевъ оказавшаго намъ гостепріимство хозяина. Всѣ они усѣлись въ кружокъ, подали намъ сейчасъ кофе, разговоръ завязался.

— Ну, какъ же вы теперь здѣсь живете?—спрашивалъ ихъ черезъ переводчика мой спутникъ.

Турки прикладываютъ руку къ сердцу и головѣ, выражая свое довольство.

— Что же, хорошо или дурно, васъ никто не обижаетъ?

— Мы благодарны, русскіе насъ не обижаютъ!

— Ну, а болгары не трогаютъ васъ?

— Нѣтъ, они не обижаютъ насъ, мы живемъ съ ними мирно.

— Изъ вашей деревни многіе изъ васъ ушли?

— Изъ нашей деревни почти никто не ушелъ.

— Случаевъ убійства у васъ не было?

Турки улыбаются.

— Мы живемъ мирно! — отвѣчаютъ они, предполагая, что вопросъ можетъ идти только объ убійствахъ, совершаемыхъ турками.

— Нѣтъ, не вы, а болгары,—не убивали?

— Нѣтъ, нѣтъ, они съ нами обходятся хорошо.

— За что́ болгарамъ обижать насъ, — вдругъ, къ нашему изумленію, заговорилъ одинъ изъ нихъ по-русски,—мы имъ зла никогда не дѣлали!

Оказалось, что это былъ одинъ изъ тѣхъ крымскихъ татаръ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ довольно значительными массами переселялись въ Турцію. Съ этимъ татариномъ мы разговорились, и повидимому онъ относился къ намъ довольно дружелюбно, очевидно не дѣлая насъ лично отвѣтственными за тѣ притѣсненія, которыя, по его словамъ, онъ испытывалъ въ Россіи.

Турецкое правительство разселило этихъ бѣжавшихъ отъ насъ татаръ по преимуществу въ придунайской Болгаріи, заставило болгаръ построить имъ дома, такъ что они здѣсь вполнѣ благоденствовали, чувствуя себя господствующею расою. Несмотря однако на это благоденствіе, нашъ татаринъ-турокъ съ любовью вспоминалъ о Крымѣ, и о тѣхъ горахъ, о томъ морѣ, вблизи котораго прошла почти вся его жизнь; но возвратиться въ Россію онъ все-таки не желалъ. Знаніе имъ русскаго языка значительно облегчило нашу бесѣду, тѣмъ болѣе, что онъ охотно и повидимому искренно отвѣчалъ на всѣ вопросы.

— Какъ же вы не боитесь здѣсь жить, среди болгаръ?—спрашивалъ я.

— А чего же ихъ бояться? что̀ они намъ сдѣлаютъ!

— Да вѣдь они могутъ же вамъ мстить, турки вѣдь обращались съ ними жестоко!

— Они не смѣютъ!

— Почему не смѣютъ?

— Да вѣдь они знаютъ, что вы не всегда же здѣсь останетесь, все-таки они будутъ опять подъ властью султана,—такъ они боятся!

И никакъ нельзя было выбить у него изъ головы, что власть султана надъ болгарами, быть можетъ, на вѣки покончена.

Но какою бы причиною ни объяснять то, что болгары не совершали злодѣйствъ, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что обвиненіе въ жестокости ихъ совершенно неосновательно. Турки, впрочемъ, объясняли добродушіе болгаръ не только страхомъ возстановленія власти султана, но также и тѣмъ, что русскіе не дозволяютъ болгарамъ обижать турокъ.

— Они знаютъ, — говорилъ тотъ же татаринъ-турокъ,—что если они будутъ поступать съ нами не хорошо, то вы же ихъ накажете!

И въ этомъ отношеніи турки не ошибались. Русскія власти строго преслѣдовали болгаръ за каждое враж-

дебное, насильственное дѣйствіе по отношенію къ оставшимся на мѣстахъ туркамъ.

— Должно быть, скоро будетъ свѣтопреставленіе!— замѣчалъ по этому поводу мой спутникъ-пессимистъ.

— А почему такъ?

— Да какъ же! Сами подумайте! Мы, именно мы, а никто другой, преслѣдуемъ всякое насиліе, мы становимся врагами всякаго произвола,—развѣ не конецъ міра?

Но если и правда, что русскія власти строго наблюдали въ этомъ отношеніи за болгарами, то и безъ того едва ли со стороны болгаръ было бы много случаевъ насилія или жестокости. Страхъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ мало, гораздо бо̀льшее вліяніе оказываетъ характеръ народа. Характеръ же болгарскаго народа вовсе не мстительный. Иначе не случалось бы, чтобы болгары сами оберегали турецкія деревни. А такіе случаи бывали, и сами турки свидѣтельствовали о томъ.

— Есть тутъ вблизи турецкія деревни?—спрашивали мы въ одномъ болгарскомъ селѣ.

— Есть одна деревня,—отвѣчали болгары.

— И турки не ушли?

— Нѣтъ, всѣ остались.

— Что же, ка́къ они себя держатъ?

— Живутъ спокойно, мы къ нимъ отправили нѣсколько человѣкъ.

— Зачѣмъ?

— Да какъ турецкія власти удалились, они къ намъ прислали просить охраны, мы и послали.

Фактъ этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; а когда существуютъ подобные факты, то нужно большое предубѣжденіе, чтобы обвинять болгарскій народъ въ жестокости.

Отрицая жестокость болгаръ, я вовсе не хочу утверждать, чтобы во время войны не обнаруживались иногда случаи насилія. Оно было бы совершенно неестественно. Случаи такіе бывали, какъ бывали случаи

грабежа, хотя изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы болгары, какъ многіе утверждали, предавались систематическому грабительству турокъ вездѣ, гдѣ русскія войска вытѣсняли турецкое господство.

Поводъ ко всѣмъ толкамъ о грабежахъ, совершаемыхъ болгарами, подали тѣ случаи, которые произошли въ Систовѣ и въ Тырновѣ при вступленіи русскихъ войскъ. Случаевъ этихъ отрицать нельзя, хотя размѣры ихъ были крайне преувеличены. Въ Систовѣ были разграблены два-три десятка домовъ, покинутыхъ бѣжавшими турками. Спрашивается: что́ же тутъ удивительнаго? Удивительно только то, что, на основаніи подобныхъ случаевъ, возводятъ на цѣлый народъ обвиненіе въ грабительствѣ. Турки бѣжали, всѣ власти скрылись, полиція исчезла, дома стоятъ съ открытыми настежъ дверями, это — съ одной стороны. Съ другой — населеніе, состоящее изъ рабовъ, скованныхъ въ продолженіи пяти столѣтій по рукамъ и ногамъ, съ безграничнымъ запасомъ злобы въ груди, злобы, которая никогда не могла вырываться наружу, а, напротивъ, всегда должна была прикрываться личиною покорности и любви. Такая злоба порождаетъ непреодолимую ненависть, а ненависть въ свою очередь разжигаетъ въ людяхъ чувство безпощадной мести. Что́ мудренаго, что когда для этого населенія наступаетъ часъ освобожденія, когда съ наболѣвшаго тѣла спадаютъ цѣпи, и злоба порывисто вырывается наружу, что въ такую минуту находятся люди, доставляющіе себѣ наслажденіе уничтоженіемъ собственности заклятыхъ враговъ. И что́ же сдѣлали болгары? Въ нѣкоторыхъ домахъ взломали двери, въ другихъ выбили окна, въ третьихъ уничтожили домашнюю утварь, въ четвертыхъ, унесли оставшіеся въ домахъ ковры, платья, тѣ или другія ткани. Безъ сомнѣнія, лучше было бы, если бы не было и такихъ случаевъ, но вѣдь люди — не ангелы. Дурно было бы, разумѣется, если бы такіе случаи превратились въ систему, хотя и эта система находила бы себѣ если не оправданіе, то до нѣкоторой степени извиненіе въ тѣхъ словахъ,

которыя я слышалъ отъ одного болгарина, бесѣдовавшаго со мною о „систематическомъ грабительствѣ“ своего народа.

— Вѣть все, что́ у нихъ есть, ими отнято у насъ! Они грабили насъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, и мы не имѣли права даже роптать. Ни одинъ изъ насъ не смѣлъ сказать: это мое! каждый день, каждый часъ они могли отнять все наше достояніе. И что́ тутъ достояніе, когда они были властелинами нашей свободы, нашей жизни! Никто изъ насъ не могъ быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ; каждый изъ насъ зналъ, что никто не заступится, если сегодня прикажутъ тебя взять, бросить въ тюрьму, даже убить Мы работали какъ волы и работали для того, чтобы имъ было что́ грабить.

Никто изъ болгаръ, за исключеніемъ, разумѣется, отуречившагося класса, не думалъ иначе, и сравнительно ничтожные размѣры, въ которыхъ проявлялось чувство мести, я могу себѣ объяснить лишь тѣмъ, что гнетъ, рабство погрузили значительное большинство въ апатію, отняли энергію и ослабили дорогое въ человѣческомъ существѣ чувство, которое выражается въ способности возмущаться несправедливостью. Будь это иначе, весьма вѣроятно, что насилія, грабежи, въ которыхъ обвиняли болгаръ, приняли бы несравненно бо́льшіе размѣры. Но вѣковая ненависть, явившаяся результатомъ вѣкового гнета, была только одною изъ причинъ, вызывавшихъ подобныя явленія. Другая причина такихъ явленій, причина, всегда сопровождающая войну, это—дезорганизація всякаго управленія и разнузданность страстей, не сдерживаемыхъ нравственными началами, невозможными въ томъ народѣ, гдѣ безнравственность служитъ основою существующаго строя вещей.

Въ любой странѣ, въ любомъ городѣ, если точно по мановенію волшебнаго жезла уничтожена будетъ всякая, даже самая отвратительная организація, то въ первыя тревожныя минуты могутъ произойти случаи насилій и грабежа Произошли бы они въ Парижѣ, Берлинѣ, Лон-

донѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ, Москвѣ и, безъ сомнѣнія, никому бы не пришло въ голову клеймить за то англичанъ, французовъ, нѣмцевъ или русскихъ именемъ грабителей, разбойниковъ. Плохо, когда насилія совершаются при такомъ теченіи вещей, которое признается нормальнымъ, когда расходившаяся толпа, обуреваемая самыми низкими побужденіями, на глазахъ организованнаго правленія, полиціи, или, что́ еще хуже, подстрекаемая полиціею, совершаетъ всяческія насилія и производитъ бойню надъ безоружными людьми. Развѣ мы не знаемъ такихъ примѣровъ въ исторіи второй имперіи, когда правительство подстрекало „бѣлыя блузы" бить на улицахъ тѣхъ, кого оно справедливо считало своими врагами. Наконецъ, можно было бы указать и на другіе болѣе близкіе намъ примѣры, когда дикіе инстинкты растлѣнной черни находили себѣ широкій просторъ, и когда эти инстинкты восхвалялись литературною чернью какъ народная добродѣтель. Эти двѣ причины, т.-е. вѣковая ненависть и дезорганизація правленія, достаточно объясняютъ тѣ случаи грабежа, на которые указываютъ обвинители болгарскаго народа. Еще менѣе заслуживаетъ вниманіе то, что́ произошло въ Тырновѣ при приближеніи русскихъ войскъ. Криковъ было чрезвычайно много: говорили, что весь турецкій кварталъ разграбленъ болгарами, что не было, какъ говорится, удержу—можно было подумать, что болгары награбили несмѣтныя сокровища. Слушая разсказы о всѣхъ этихъ ужасахъ, я, во время пребыванія въ Тырновѣ, между прочимъ, отправился посмотрѣть и на турецкій кварталъ. Много домовъ было дѣйствительно пустыхъ: въ двери, въ окна можно было видѣть, что все было вынесено изъ комнатъ.

— Все это братушки отличались! — говорили мнѣ:— они пообчистили турецкіе дома и захватили себѣ все имущество бѣжавшаго населенія.

Въ дѣйствительности въ этихъ словахъ было очень немного правды. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что при приближеніи русскихъ войскъ турецкое населеніе оста-

вило городъ, — именно оставило, а не бѣжало, и уходя — турки забрали съ собою все свое достояніе, такъ что особенно грабить не было и возможности. Если у турокъ не хватало своихъ воловъ, то они безъ всякой церемоніи захватывали скотъ, принадлежавшій болгарамъ, волей-неволей подчинявшимся обычному насилію. Турецкое населеніе такъ мало походило на бѣжавшихъ, какъ разсказываютъ, въ страхѣ, что, оставляя городъ, турки грозили болгарамъ, — они вернутся и предадутъ его пламени.

— Отвеземъ наши гаремы и вернемся, — говорили турки.

Многіе болгары вѣрили этой угрозѣ. Тѣ же нѣсколько десятковъ турецкихъ семействъ, которыя предпочли не покидать Тырнова, преспокойно жили въ своихъ домахъ, и, проходя по турецкому кварталу, можно было видѣть, что дома ихъ вовсе не были разорены. Болгары, слѣдовательно, имѣли возможность разграбить только брошенную рухлядь, да повыбить изъ оконъ стекла, да поломать двери. Это была слишкомъ ничтожная плата за все то, что́ они терпѣли длинные вѣка.

— Только тотъ можетъ понять, — разсказывалъ мнѣ одинъ болгаринъ, сельскій учитель близъ Тырнова, — какое чувство овладѣло нами, когда приблизились русскія войска и турки бѣжали, кто самъ испыталъ, что значитъ жить въ забросѣ, что значитъ ежечасное униженіе человѣческаго достоинства. Пусть бы они грабили насъ, пусть бы отнимали все, что имъ хотѣлось только имѣть, пусть они объявили бы, что все имущество, принадлежащее болгарамъ, переходитъ въ собственность турокъ, но пусть на каждомъ шагу всячески не унижали бы насъ. Вѣдь они никогда не смотрѣли на насъ какъ на людей; мы не должны были имѣть никакихъ человѣческихъ чувствъ. Здѣсь, въ Тырновѣ, болгарскомъ городѣ, мы едва смѣли ходить по улицамъ, а чуть праздникъ, мы должны были запираться въ своихъ домахъ. Каждый турокъ имѣлъ право оскорбить, прибить, даже

убить болгарина совершенно безнаказанно. Для болгаръ въ Турціи не было суда. Турокъ всегда оказывается правъ, а болгаринъ, будь онъ убитый, виноватъ. На судѣ принимались свидѣтельства только мусульманъ, которые никогда не показывали противъ своихъ единовѣрцевъ. Съ нами обращались хуже, чѣмъ со скотомъ, — этого хоть жалѣли. Только въ послѣдній годъ, когда поднялся вопросъ о войнѣ, турки стали обращаться съ нами, по крайней мѣрѣ здѣсь, нѣсколько лучше, да и за то мы должны быть благодарны Англіи.

— Какъ Англіи? — съ удивленіемъ спросилъ я его.

— Не подумайте, чтобы мы любили Англію, у насъ нѣтъ для того никакихъ основаній; напротивъ, болгары скорѣй ненавидятъ ее, потому что англичане никогда не желали намъ добра, и всегда поддерживали и защищали нашихъ враговъ; но мы за послѣдній годъ все-таки имъ благодарны, такъ какъ, съ одной стороны, они все обнадеживали Турцію, что поддержатъ ее и заступятся за нее, если вспыхнетъ война, а съ другой — они не допускали турокъ въ послѣднее время до звѣрствъ и грабежа, и турки слушались ихъ. Мы хорошо понимали, что только благодаря Англіи турки дѣлали видъ въ послѣднее время, что хотятъ жить въ мирѣ съ болгарами!

И онъ сталъ разсказывать, какъ въ Тырновѣ, незадолго до объявленія войны, глашатаи ходили по улицамъ и приглашали болгаръ не прятаться, выходить на улицу, объявляя, что ни одинъ турокъ не смѣетъ причинить вредъ или оскорбить болгарина. Случился даже невиданный дотолѣ фактъ, что нѣсколько турокъ публично были наказаны за то, что дозволили себѣ нападеніе на болгаръ. Нельзя, однако, не сказать, что появленіе на улицахъ Тырнова глашатаевъ, приглашающихъ болгаръ выходить на улицу, доказываетъ, въ какомъ черномъ тѣлѣ держали болгаръ, какъ велико было ихъ униженіе, прекрасно объясняющее тѣ минуты взрыва народной мести, которая выразилась въ нѣсколькихъ случаяхъ нападенія на турецкій кварталъ.

То же самое, въ чемъ обвиняютъ болгаръ систовскихъ, тырновскихъ, произошло и въ Казанлыкѣ, и не разъ мнѣ приходилось слышать, что болгары разграбили всю турецкую часть этого несчастнаго города. Если много было преувеличеннаго въ разсказахъ о насиліяхъ и грабежахъ, происходившихъ въ Систовѣ и Тырновѣ, то еще болѣе оказалось прикрасъ въ разсказахъ о разграбленіи Казанлыка.

Если въ Систовѣ и Тырновѣ приходилось видѣть опустошенные дома, съ выбитыми стеклами и повалившимися дверьми, то въ Казанлыкѣ и этого почти не было. Почти весь турецкій кварталъ остался нетронутымъ, турокъ отсюда бѣжало меньше, и жили они, повидимому, совсѣмъ спокойно. Мнѣ случалось зайти въ два-три турецкихъ дома, и я видѣлъ, что эти дома были наполнены всякимъ добромъ: диваны, ковры, скатерти, серебряныя вещи—все было на своемъ мѣстѣ.

— Васъ болгары, значитъ, не тронули? – спрашивалъ я черезъ переводчика турка, показавшаго намъ свой домъ.

— Нѣтъ, они ворвались и ко мнѣ.

— Но вашего дома не разграбили?

— Какъ не разграбили! они много утащили!

— Однако, у васъ все въ порядкѣ, все такъ хорошо и богато!

— Да вотъ у меня тутъ лежалъ красивый коверъ, такъ они утащили, да одѣяло было, тоже заграбили!

У одного исчезло одѣяло, у другого коверъ, у третьяго какая-нибудь ткань или серебряная вещь, и по поводу этихъ сравнительно ничтожныхъ случаевъ раздавались крики о поголовномъ грабежѣ. Я готовъ допустить, что были и болѣе крупные случаи насильственнаго отнятія имущества, но чтобы на основаніи такихъ случаевъ составлять обвинительный актъ противъ цѣлаго народа, для этого нужно совсѣмъ упустить изъ вида, что́ такое вообще война и ка́къ ведутся войны даже такими народами, которые стоятъ на сравнительно высокой степени образованности. Тамъ, гдѣ жизнь человѣческая

теряетъ всякую цѣну, если только эта жизнь простого смертнаго, тамъ возможно ли приходить въ ужасъ отъ разграбленія нѣсколькихъ домовъ или захвата чужой собственности. Если бы даже болгары не имѣли оправданія въ вѣковой ненависти, въ столѣтіяхъ гнета, то они нашли бы себѣ извиненіе въ одномъ словѣ—война. Слушая эти обвиненія, я невольно припоминалъ другую войну, не между націями, стоящими низко въ своемъ политическомъ и нравственномъ развитіи, а между двумя передовыми народами Европы. И что же? развѣ сыны Германіи чужды были упрековъ въ насиліи и грабежѣ? развѣ нѣмцы не разоряли города, не разграбляли домовъ, развѣ они не жгли деревень и не брали въ покинутыхъ въ страхѣ бѣжавшимъ населеніемъ домахъ всего, что̀ только имъ приходилось по вкусу? Все это дѣлали нѣмцы во время франко-нѣмецкой войны 1870 года, и, однако, много ли нашлось голосовъ, которые рѣшились высказать противъ нихъ слово обвиненія? Напротивъ, все преклонилось, слава покрыла насилія и грабежи, сила заставила думать, что все, что̀ они дѣлали,—все они имѣли право дѣлать. Болгары же народъ слабый, народъ забитый! какъ же отъ него не требовать всѣхъ добродѣтелей, которыхъ никогда не было и у насъ самихъ.

Къ этой же категоріи обвиненій относится также обвиненіе болгаръ въ мародерствѣ и шпіонствѣ.

— Болгары — это мародеры! — приходилось часто слышать о нихъ:—лишь только гдѣ-нибудь они почуятъ добычу, тотчасъ слетаются какъ коршуны; не будь нашихъ властей, они бы грабили живыхъ и мертвыхъ!

И когда потребуешь, бывало, фактовъ, доказательствъ, подкрѣпляющихъ подобный отзывъ, то собесѣдникъ приходилъ въ крайнее затрудненіе. Все, что̀ можно было услышать, это — разсказъ о томъ, какъ группа болгаръ вошла въ тотъ или другой городъ по пятамъ русскаго войска, какъ тѣ или другіе болгары были замѣчены шатающимися по полю сраженія на другой день боя; но чтобы вамъ ука-

зали на факты, гдѣ болгары были захвачены по обвиненію въ мародерствѣ, этого вы бы никогда не дождались. Въ этихъ огульныхъ сужденіяхъ сказывалось, разумѣется, главнымъ образомъ быстро установившееся нерасположеніе къ „братушкамъ", о причинахъ котораго я уже упоминалъ. Такое нерасположеніе точно затемняло глаза и заставляло объяснять хотя бы тотъ фактъ, что болгары устремлялись въ городъ, переходившій въ наши руки, стремленіями мародернаго свойства. Между тѣмъ, совершенно упускали изъ вида, что множество болгаръ, при началѣ войны, бѣжали изъ своихъ городовъ, часто оставляя свои дома, свое имущество, многіе близкихъ родственниковъ, и потому возвращеніе къ себѣ было самымъ естественнымъ дѣломъ. Наконецъ, мало кто хотѣлъ понимать, что мародерство вовсе не въ духѣ болгарскаго народа, забитаго, приниженнаго, вслѣдствіе этого боящагося всего и всѣхъ и потому всегда старающагося держать себя какъ-бы въ сторонѣ. Мародерство и шпіонство хотѣли видѣть, потому его видѣли всюду, даже тамъ, гдѣ его менѣе всего можно было подозрѣвать. Покажется какой-нибудь болгаринъ около русскаго лагеря, вы тотчасъ услышите: „это шпіонъ!" или: „пришелъ поживиться!" а ужъ если попадется болгаринъ въ то время, когда идетъ сраженіе, то ужъ вы ничѣмъ не выбьете изъ головы, чтобы это не былъ шпіонъ или мародеръ. Какъ теперь помню я роковой день 30-го августа, который долженъ былъ сдѣлаться днемъ паденія Плевны, а сдѣлался только днемъ нашего погрома, доставившаго развѣ случай русскому солдату еще лишній разъ доказать, что онъ безропотно умѣетъ умирать геройскою смертью, сражаясь за свою родину. Въ обществѣ знакомаго мнѣ полковника финляндскаго полка, заплатившаго въ одномъ изъ послѣдующихъ сраженій смертельною раною за свое безстрашіе и высокое пониманіе долга, да еще одного русскаго, пробирался я съ крайняго лѣваго фланга, оттуда, гдѣ шла атака за атакой слишкомъ извѣстныхъ Зеленыхъ-Горъ, на крайній

правый — къ Гривицкому редуту. На пути мы встрѣчаемъ трехъ болгаръ, одинъ изъ нихъ въ рукахъ несъ большіе сапоги, а на головѣ у него было русское кэпи.

— Смотрите, это навѣрно мародеры, — произнесъ одинъ изъ спутниковъ, — точно хищныя птицы слетаются на падаль, въ ожиданіи взятія Плевны: ворвутся туда и начнутъ грабить.

— Да отчего вы такъ думаете?

— Навѣрно такъ, вы видите, онъ ужъ стянулъ съ убитаго солдата и кэпи, и сапоги! вотъ негодяи!

— Полноте пожалуйста; откуда вы это берете?

— Я вамъ говорю, что это такъ, я этотъ народъ знаю, по лицамъ ихъ можно видѣть, что это мародеры, шпіоны!

— По лицамъ ихъ ровно ничего нельзя видѣть, люди — какъ люди!

Но куда было до разсужденій. Неизвѣстно ка́къ и почему — созрѣла мысль, что это должны быть мародеры или шпіоны, и онъ громко закричалъ на нихъ:

— Вы куда идете, чего вы шатаетесь?

Болгары что-то пробормотали, въ родѣ того, что пробираются въ Плевну, но, не разобравъ, не понявъ что́ они говорили, мой спутникъ, и это былъ не военный, кричалъ изъ всѣхъ силъ:

— Назадъ пошли, назадъ, не смѣть здѣсь шляться!

Болгары съ необычайною робостью быстро повернули и пошли назадъ. Казалось бы — чего больше, но нѣтъ, этого показалось мало, подозрѣніе быстро перешло въ слѣпую увѣренность, и онъ продолжалъ ихъ преслѣдовать.

— Поганый народишко, изъ-за нихъ тутъ люди ложатся тысячами, а они занимаются шпіонствомъ!

Собственная мысль разжигалась все больше и больше и, наконецъ, прорвалась въ самомъ дикомъ, отвратительномъ поступкѣ. Онъ догналъ на лошади трехъ пѣшихъ безоружныхъ болгаръ, и изъ всѣхъ силъ сталъ бить ихъ нагайкою, куда попало, по шеѣ, по лицу,

по головѣ, по спинѣ. Гадко было смотрѣть. Когда мы подъѣхали, болгары уже убѣжали. Тотъ, который, не имѣя къ тому никакихъ основаній, совершилъ эту дикую расправу, по существу вовсе не былъ злымъ человѣкомъ и принадлежалъ къ людямъ—увы!—съ университетскимъ образованіемъ. Несчастный примѣръ заражалъ собою все и всѣхъ! Какое ему было дѣло до того, что, быть можетъ, у этихъ людей въ Плевнѣ были родные, близкіе, что они надѣялись, что Плевна падетъ и спѣшили туда: онъ видѣлъ только сапоги и кэпи—значитъ, мародеры! Ему, повидимому, и въ голову не приходило, что кэпи онъ могъ подобрать гдѣ-нибудь на дорогѣ, что сапоги могъ купить у какого-нибудь солдата,—все это такія подробности, которыя не въ силахъ бороться съ установившимся предубѣжденіемъ. Такимъ именно путемъ возникали всѣ обвиненія противъ болгаръ. Какъ вы хотите, чтобы человѣкъ, избившій нагайкою болгарина, заподозривъ его въ мародерствѣ или шпіонствѣ, не поддерживалъ впослѣдствіи подобнаго обвиненія. Отказаться отъ него—значитъ обвинить себя въ нравахъ, по меньшей мѣрѣ, не европейскихъ. И обвиненіе такимъ образомъ, несмотря на всю его неосновательность, поддерживалось и распространялось дальше и дальше. Я привелъ этотъ случай потому только, что онъ довольно характерно рисуетъ наше отношеніе къ болгарамъ. Разсказы объ отдѣльныхъ случаяхъ, я хорошо это знаю, всегда вызываютъ такое возраженіе: мало ли что̀ бываетъ,—развѣ возможно, логично—обобщать такимъ образомъ единичныя явленія! Дѣло только въ томъ, что такихъ единичныхъ фактовъ было слишкомъ много, но нельзя же ихъ нанизывать какъ жемчужины одинъ на другой. Не передавать же подобныхъ случаевъ, значитъ впередъ себя обречь на другое возраженіе: помилуйте, непремѣнно скажутъ, да вѣдь это все общія мѣста, нѣтъ фактовъ!

Если много было такихъ случаевъ, гдѣ обвиненіе въ мародерствѣ или шпіонствѣ представлялось ни на чемъ

неоснованнымъ, кромѣ подозрительности, то такихъ случаевъ, гдѣ шпіонство болгаръ представлялось бы доказаннымъ, къ счастью, было весьма мало, а можетъ быть и совсѣмъ не было,—по крайней мѣрѣ о такихъ фактахъ совсѣмъ не приходилось слышать. Единственное оправданіе такому неосновательному обвиненію, которое раздавалось достаточно часто, можетъ заключаться развѣ въ томъ, что военное время довольно естественно вызываетъ крайнюю подозрительность. Во время неудачъ подозрительность эта возрастаетъ еще больше: такъ и кажется, что непріятель заранѣе узнаетъ о каждомъ движеніи, о каждомъ намѣреніи, о каждомъ вновь-возникающемъ планѣ. Точно существуетъ какая-то психологическая необходимость объяснить каждую неудачу не настоящею ея причиною, кроющеюся то въ малочисленности выставленныхъ противъ врага силъ, то въ неумѣньи распорядиться этими силами, то въ недостаточной или дурной организаціи той или другой части военнаго дѣла, а какими-нибудь чисто случайными, побочными обстоятельствами. Развѣ не утѣшительно сказать себѣ: „планъ былъ отличный, да случилась бѣда: турки впередъ разузнали о немъ и приняли свои мѣры!" И слышится обвиненіе: „у насъ повсюду шпіоны!" А такъ какъ болгары встрѣчаются вездѣ, то значительная доля такого обвиненія падала именно на нихъ. Впрочемъ, я нисколько не сомнѣваюсь, что теперь, когда наступилъ миръ, появятся воспоминанія военныхъ людей, и мы узнаемъ, что если болгары и занимались шпіонствомъ, то занимались имъ скорѣе въ интересахъ русской арміи.

— Однако вы не можете отрицать, что у турокъ шпіонство организовано отлично!—приходилось слышать.

— Положимъ, но что-жъ изъ этого?

— А то, что, кромѣ болгаръ, нѐкому и быть шпіонами!

Вотъ это и было невѣрно. Меня часто въ этомъ отношеніи поражала во время войны ширина и какое-то добродушіе русской натуры. Подозрительность страшная, всюду опасаемся шпіоновъ — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смот-

ришь: турки, такъ-называемые, „мирные турки“, преспокойно проходятъ себѣ съ своими подводами въ такихъ мѣстахъ расположенія нашихъ войскъ, гдѣ имъ, повидимому, вовсе не надлежало бы быть. Нѣсколько разъ случалось быть свидѣтелемъ, какъ тотъ или другой военный остановитъ такихъ проходящихъ турокъ, спрашивая, чего имъ здѣсь нужно, но турокъ преспокойно вытащитъ себѣ билетъ, разрѣшающій ему слѣдованіе по такой-то мѣстности. Трудно сомнѣваться, что между этими „мирными“ турками былъ не одинъ шпіонъ, какъ могли они находиться среди странствующихъ маркитантовъ, всевозможныхъ агентовъ и т. п. Но болгары отвѣчали, по крайней мѣрѣ, нравственно за всѣ прегрѣшенія, за всѣ недочеты другихъ.

Говоря объ обвиненіяхъ, направляемыхъ противъ болгаръ, нельзя не остановиться также на обвиненіи ихъ въ нежеланіи отстаивать свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ. Если это обвиненіе справедливо, то безспорно оно должно быть отнесено къ самымъ тяжкимъ, какое можетъ быть только выставлено противъ любого народа. Возможно ли питать сочувствіе къ націи, которая утрачиваетъ любовь къ свободѣ, перестаетъ тяготиться политическимъ гнетомъ и превращается въ громадное скопище рабовъ? Такой народъ достоинъ своей горькой участи, и проливать изъ-за его освобожденія свою кровь другому народу было бы безполезно, такъ какъ единственный результатъ освобожденія заключался бы развѣ въ замѣнѣ одного господства другимъ. Совсѣмъ иное дѣло, когда народъ борется, не примиряется съ подавляющимъ его гнетомъ, когда его жизненная сила сказывается въ постоянныхъ возстаніяхъ, къ которымъ прибѣгаетъ онъ, чтобы добиться своей независимости, осуществить дорогое для него право располагать своею судьбою совершенно самостоятельно. Помочь такому народу добиться свободы,—значитъ, дѣйствительно сослужить службу человѣчеству, если только эта помощь искренняя и не скрываетъ за собою иныхъ нечистыхъ

стремленій. Весь вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому — настолько ли турецкое господство развратило болгарскій народъ, что онъ утратилъ уже любовь къ свободѣ, потерялъ способность жертвовать изъ-за нея кровью своихъ лучшихъ дѣтей, — или жизненная сила оказалась въ немъ такъ велика, что пять вѣковъ суроваго гнета не поколебали въ немъ рѣшимости сбросить съ себя тяжелыя цѣпи турецкаго ига?

— Стоило намъ жертвовать десятками тысячъ человѣческихъ жизней и сотнями милліоновъ изъ-за освобожденія болгаръ, когда они сами не хотятъ пошевельнуть мизинцемъ, чтобы сбросить турецкое господство. Посмотрите, пожалуйста, — говорили мнѣ: — много ли болгаръ вступило въ образовавшіяся дружины?—стыдно сказать: не нашлось и десяти тысячъ! Если бы это былъ народъ, который не хочетъ примириться съ гнетомъ и униженіемъ, если бы онъ не потерялъ всякую энергію и не впалъ въ апатію, развѣ вы думаете, что болгары массами не стекались бы въ дружины, не составляли бы бандъ, не начали бы на всемъ пространствѣ партизанской войны?.. Гдѣ это все? — они преспокойно, точно бабы, сидятъ на своихъ мѣстахъ и страшатся, какъ бы не услышать гдѣ-нибудь свиста пуль или грохота гранатъ. Нѣтъ, такъ народъ не отстаиваетъ своей свободы, если только онъ дорожитъ ею: онъ жертвуетъ всѣмъ, что̀ для него есть дорогого, ни во что не ставитъ жизни, а эти... ну, ужъ „братушки!“ да всѣ они вмѣстѣ не стоятъ одного русскаго солдата.

Отбрасывая изъ этого разсужденія все то, что̀ отзывается раздраженіемъ, естественно вызываемымъ войною, нельзя не признать, что съ внѣшней стороны, при поверхностномъ взглядѣ, тутъ была извѣстная доля справедливаго. Правда, что въ дружины не вступило столько народа, сколько можно было ожидать; правда, что болгары нигдѣ не начинали партизанской войны; правда, что они не обнаружили особенной энергіи въ помощи нашимъ войскамъ, хотя исполняли все то, что̀ имъ при-

казывали; правда, наконецъ, что они выказали въ теченіи этой войны, и особенно въ ея несчастный періодъ, значительную апатію. Но, несмотря на все это, обвинять болгаръ въ томъ, что они примирились съ турецкимъ господствомъ и не жаждутъ независимости и свободы, представляется все-таки несправедливымъ, если не ограничиваться самымъ поверхностнымъ отношеніемъ къ вопросу, а вникнуть нѣсколько глубже въ тѣ условія, въ которыхъ они очутились при возникновеніи послѣдней войны. Помимо, однако, этихъ условій, необходимо для разрѣшенія вопроса: примирились или нѣтъ болгары съ гнетущимъ ихъ порядкомъ, припомнить хоть въ самыхъ общихъ чертахъ историческіе факты, хотя бы только послѣдняго столѣтія, и эти факты ясно покажутъ, что болгары не переставали бороться за свою независимость, и не разъ въ продолженіи нашего столѣтія проливали свою кровь, пробуя своими собственными силами добиться свободы. Да и какъ могло быть иначе? Вообще говоря, невозможно допустить, чтобы какой-либо народъ могъ примириться съ такимъ порядкомъ вещей, при которомъ имущественная и личная безопасность каждаго гражданина зависитъ отъ произвола того или другого лица, дѣйствующаго во имя интересовъ, прямо противоположныхъ интересамъ народа. Когда народъ отягощенъ всяческими поборами, идущими на удовлетвореніе прихотливаго аппетита ничтожнаго господствующаго меньшинства, когда его стригутъ, какъ барана, вырѣзывая вмѣстѣ съ шерстью куски свѣжаго мяса, и стараются придушить всякое проявленіе человѣческой мысли, изъ опасенія, чтобы народъ не вздумалъ освободиться изъ-подъ желѣзной руки, — немыслимо, чтобы онъ не чувствовалъ тогда, что ему тяжело живется, неестественно, чтобы народъ не желалъ измѣнить своего положенія. При этомъ можетъ, конечно, случиться, что народъ не сознаетъ пока возможности высвободиться изъ-подъ гнета, и тогда онъ, повидимому, безропотно терпитъ свою горькую долю, но только повидимому, такъ какъ рано или поздно насту-

паетъ день, когда онъ пробуетъ сбросить съ себя гнетущее его ярмо. Попытки его бываютъ иногда неудачны, послѣ неудачи слѣдуетъ утомленіе, упадокъ энергіи, но затѣмъ снова силы пробуждаются, и онъ опять начинаетъ тяжелую работу своего освобожденія. Въ теченіи послѣдняго столѣтія, болгарскій народъ нѣсколько разъ дѣлалъ такія попытки, но всѣ онѣ, къ несчастью, оказывались безплодны. Тѣмъ не менѣе, когда рѣчь идетъ о нежеланіи болгаръ бороться за свою свободу, эти попытки не слѣдуетъ упускать изъ вида, если только существуетъ желаніе имѣть вѣрное представленіе о нравственномъ состояніи народа.

Глубоко трагично было положеніе болгарскаго народа во время могущества турецкой имперіи: онъ точно былъ отрѣзанъ отъ всего остального міра, и не было такихъ притѣсненій, которымъ не подвергалъ бы его суровый турецкій гнетъ. Болгары были подавлены всевозможными податями: подушная, десятина, налогъ на скотъ, барщина и масса другихъ налоговъ не давали вздохнуть болгарамъ. Но матеріальный гнетъ былъ ничто въ сравненіи съ нравственнымъ въ то время, когда каждыя пять лѣтъ производился наборъ дѣтей отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ, предназначавшихся въ янычары. Христіанинъ не признавался за человѣка: на судѣ его свидѣтельство не допускалось, и судъ былъ только предлогомъ для совершенія самыхъ дикихъ казней. Насильственный захватъ дѣвушекъ, почти дѣтей, молодыхъ женщинъ, поставляемыхъ въ гаремы, или просто служившихъ потѣхою любого турка, былъ обычнымъ явленіемъ, на которое никто не смѣлъ жаловаться. Болгарскому романисту не нужно вовсе обладать богатою фантазіею, чтобы рисовать потрясающія картины, выхваченныя изъ болгарской жизни, и такіе разсказы, какъ тѣ, которые писалъ болгарскій писатель Любенъ Каравеловъ, представляются скорѣе блѣдными копіями съ яркихъ оригиналовъ, чѣмъ умышленно преувеличивающими описаніе бѣдствій этого злополучнаго народа.

Какъ ни страшна была власть турокъ, какія казни ни изобрѣтали они, чтобы держать народъ въ вѣчномъ оцѣпенѣніи, но задушить порывовъ къ свободной жизни они все же были не въ силахъ, и эти порывы сказывались въ тѣхъ вольныхъ дружинахъ, которыя блуждали по горамъ и лѣсамъ. Эти вольныя дружины были тѣ, извѣстные читателю, гайдутины или гайдуки, которые выражали собою живой протестъ противъ системы насилія и порабощенія народа. Люди эти никогда не пропадали, они жили одною мыслью,—мстить за притѣсненіе ихъ братьевъ, и если они грабили и убивали, то только потому, что они не видѣли другихъ средствъ бороться съ своими заклятыми врагами. Вина за такія дѣянія падаетъ въ такихъ случаяхъ не на тѣхъ, кто ихъ совершаетъ, а на тѣхъ, кто ихъ вызываетъ. „Призваніе гайдука,—говоритъ историкъ болгарскаго народа,—состояло въ нападеніи, ограбленіи, убійствѣ магометанина и въ защитѣ и отмщеніи христіанина. Причины, заставлявшія того или другого хвататься за оружіе и уходить „гулять въ горы", были различны. Только люди, доведенные до отчаянія, могли избирать эту долю, такъ какъ рѣшившійся на такое бѣгство былъ заранѣе обреченъ турками на погибель. У одного турки зарѣзали родителей, или братьевъ, или сестеръ; у другого—похитили невѣсту или обезчестили сестру; иные были разорены вымогательствами беговъ; у другихъ было подкошено существованіе разграбленіемъ на пути ихъ товаровъ; многіе бѣжали изъ тюремъ...", и всѣ такіе люди предпочитали жить свободною жизнью въ горахъ, хотя подъ вѣчною угрозою лютой смерти, чѣмъ влачить жалкое существованіе рабовъ. А жизнь этихъ людей была полна самыхъ страшныхъ лишеній,—имъ негдѣ было укрываться отъ бурь, ливней и балканскихъ вѣтровъ, они знали тяжелые дни, когда ихъ пищею была черная земля и когда жажду свою они утоляли выступившею на землю росою. Смерть застигала ихъ въ чащахъ лѣсовъ, на высотѣ Балканъ, гдѣ „орлы копали имъ могилы"...

Эти вольныя дружины въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій поддерживали, какъ святыню, духъ независимости, они хранили традицію свободы болгарскаго народа, они были воплощеніемъ надежды, глубоко таившейся въ нѣдрахъ страны, что когда-нибудь да наступитъ великій часъ освобожденія. Только въ концѣ XVIII-го столѣтія, въ страшный мракъ, окутавшій Болгарію, стали еле-еле проникать блѣдные лучи свѣта. Съ этой поры, вспыхнетъ ли гдѣ возстаніе въ предѣлахъ турецкаго господства, вступитъ ли Турція въ войну съ тѣмъ или другимъ государствомъ,—болгарское населеніе, въ лицѣ своихъ вольныхъ дружинъ, всегда спѣшило откликнуться, принять участіе въ борьбѣ съ суровымъ врагомъ. Это участіе не приносило съ собою, разумѣется, серьёзной помощи, но въ немъ слышался крикъ болгарскаго народа: „мы еще живы, мы еще не схоронены!“ Начиная съ XVIII-го вѣка, послѣ того, какъ австрійскія войска были разбиты турками, взоры болгарскаго народа, его надежды стали обращаться къ Россіи. Война съ Турціей въ началѣ нашего столѣтія подняла-было духъ болгаръ, они мечтали уже о своей независимости, но этимъ мечтамъ не суждено было сбыться. Въ 1810 году довольно значительные отряды болгарскихъ повстанцевъ явились на подмогу русской арміи, занявшей значительную часть Болгаріи, но усилія ихъ были тщетны: Россія заключила миръ съ Турціею, встревоженная военными приготовленіями Наполеона, и болгары были предоставлены на произволъ ихъ разгнѣванныхъ побѣдителей. Многіе успѣли спастись бѣгствомъ въ Бессарабію, другіе сдѣлались жертвами турецкой мести. Но когда въ народѣ живетъ любовь къ свободѣ и ненависть къ своимъ угнетателямъ, тогда нѣчего опасаться, что грозныя казни заставятъ его навсегда смириться. Гоненія, казни только закрѣпляютъ ненависть. Когда нѣсколько лѣтъ спустя, въ Валахіи вспыхнуло возстаніе гетэристовъ, то въ рядахъ возставшихъ было много болгарскихъ удальцовъ, и цѣлый болгарскій легіонъ образовался въ Зимницѣ,

предлагая свои услуги князю Александру Ипсиланти, прибывшему въ Бухарестъ, чтобы служить дѣлу греческаго освобожденія. Этотъ легіонъ явился какъ-бы залогомъ, что Болгарія приготовилась къ возстанію, но и въ этотъ разъ исходъ затѣяннаго предпріятія былъ по-истинѣ плачевный для болгаръ. Россія отказалась подать помощь движенію, и результатомъ попытки къ освобожденію были еще болѣе черные дни для болгарскаго народа. Онъ былъ немилосердно наказанъ за желаніе поддержать возстаніе гетэристовъ. Всѣ христіане были обезоружены, самое изготовленіе оружія было строго воспрещено въ Болгаріи, множество семействъ искали спасенія отъ страшныхъ преслѣдованій въ бѣгствѣ за Дунай. Болгары пользовались каждымъ представлявшимся случаемъ, чтобы доказать свою непримиримую вражду съ своими угнетателями, и достаточно было, чтобы гдѣ-либо раздался выстрѣлъ, направленный противъ турокъ, чтобы болгары спѣшили туда. Когда вспыхнула борьба за греческую независимость, болгары бросили свою родину и вступили въ греческіе ряды, чтобы имѣть только возможность драться съ ненавистными имъ турками.

Никакіе удары судьбы не въ силахъ были искоренить въ болгарахъ надежду на освобожденіе, и при каждомъ столкновеніи Турціи съ подвластными ей народами или другими государствами, эта надежда вселяла въ нихъ снова бодрость и энергію. Жертвы ихъ не страшили, каждое новое разочарованіе быстро исчезало, не оставляя по себѣ, повидимому, и слѣда, и они, когда разгорѣлась война между Россіей и Турціей 1828 года, опять и опять горячо вѣрили, что война эта вырветъ ихъ изъ заостренныхъ когтей турецкаго господства. Съ бо́льшею чѣмъ когда-нибудь энергіею болгары всячески старались помогать русскимъ. Болгарскіе патріоты, съ Мамарчовымъ во главѣ, подготовили возстаніе, но Мамарчовъ былъ схваченъ русскими властями и отвезенъ въ главную квартиру. Адріанопольскій миръ былъ тяжелымъ ударомъ для болгарскаго народа, снова Россія пре-

доставила его судьбу на великодушіе турецкаго правительства, и вся награда болгарамъ за ихъ посильную помощь русскимъ войскамъ была ссылка въ Сибирь нѣкоторыхъ предводителей болгарскихъ дружинъ. Такъ, сосланъ былъ Бойчо, не желавшій сложить оружія послѣ заключенія мира. Поднявшееся чувство независимости не могло скоро улечься, и болгарскіе патріоты подготовляли возстаніе, которое готово было уже прорваться наружу, когда нашелся предатель, выдавшій туркамъ весь планъ заговорщиковъ. Казнямъ не было конца, въ Тырновѣ красовались висѣлицы. Какъ одного изъ предводителей возстанія, капитана Мамарчова, находившагося на русской службѣ, схватили и бросили въ тюрьму. Русское посольство, несмотря на его заслуги при взятіи Силистріи, не сочло нужнымъ вступиться за своего офицера.

Тяжелыя времена переживалъ тогда болгарскій народъ; его мечтамъ и надеждамъ на независимое существованіе напосились ударъ за ударомъ, какъ его врагами, такъ равно и тѣми, на кого онъ возлагалъ свои упованія. Ни въ комъ не находилъ онъ помощи. Казалось бы, что сгибнуть долженъ духъ свободы, исчезнуть вѣра въ возможность своего освобожденія, но болгары не теряли энергіи. Рѣдко, разумѣется, поднимается вся народная масса, только меньшинство способно жертвовать собою ради интересовъ своей родины, и тотъ народъ можетъ уже гордиться и не терять надежды на лучшее будущее, среди котораго такое меньшинство никогда не выпускаетъ оружія изъ своихъ рукъ. Это меньшинство болгарскихъ патріотовъ не отчаявалось. Убѣдившись, что нечего ждать посторонней помощи, оно начало организовывать возстанія, которыя и не прерывались до настоящаго времени. Произошло возстаніе въ 1841 году, повторилось оно въ 1851 году, и если эти возстанія были безуспѣшны, то они все-таки важны, такъ какъ показываютъ, что болгары никогда не примирялись съ своимъ положеніемъ рабовъ, и даже, не имѣя вѣры

въ окончательное торжество, они все-таки поднимали оружіе и выстрѣлами будили своихъ приниженныхъ согражданъ.

Неорганизованной массѣ трудно бороться съ организованною силою: на одной сторонѣ часто только дубины да старыя скверныя ружья, на другой — пушки и усовершенствованное оружіе. Вотъ почему такъ часто оканчиваются неудачно народныя возстанія; но какъ бы неудачно они ни оканчивались, тѣмъ не менѣе они нравственно разслабляють врага, дѣйствуя на него деморализующимъ образомъ. Вотъ почему ни про одно возстаніе нельзя сказать, чтобы оно оставалось совершенно безъ результатовъ, и это понимали болгарскіе патріоты. Они вѣрили, что конечная побѣда останется на ихъ сторонѣ, хотя и понимали, что скораго освобожденія нельзя добиться безъ посторонней помощи. Радостно забилось поэтому снова ихъ сердце, когда Россія объявила войну Турціи въ 1853 году, и болгары, не желая думать о томъ, какъ горько оканчивались для нихъ наши прежнія войны съ турками, опять стремились на помощь русскому войску.

И эта война плачевно кончилась для болгарскаго народа. Какъ не сказать, что болгары имѣли всѣ основанія потерять вѣру въ дѣйствительность помощи Россіи. Волей-неволей болгарамъ снова оставалось только одно — разсчитывать на свои собственныя, хотя и слабыя силы. Они такъ и поступили; всѣ неудачи не заставили ихъ бросить оружіе, и не позже, какъ въ 1862 году пали новыя жертвы, принесенныя болгарскимъ народомъ свободѣ и независимости его родины. Воспользовавшись сербскимъ движеніемъ, вольныя болгарскія дружины собрались на Балканахъ, захватили въ свои руки Шипку, но съ одной стороны миръ, заключенный Сербіей и Турціей, съ другой — превосходство турецкихъ силъ, еще разъ заставили разбрестись въ разныя стороны вольную дружину, во главѣ которой стоялъ извѣстный гайдукъ-патріотъ Панайотъ Хитовъ. Множество молодыхъ людей

были схвачены и брошены въ тюрьмы. Одною изъ причинъ этого возстанія было переселеніе въ Турцію нѣсколькихъ тысячъ крымскихъ татаръ, которымъ турецкое правительство оказало гостепріимство, надѣливъ ихъ лучшими землями болгаръ и обязавъ послѣднихъ уступить имъ свои благодатныя поля и отстроить имъ жилища. Множество болгаръ бѣжало, и бѣжало именно въ Крымъ, но очень скоро, по словамъ историка, болгарскія семьи вернулись изъ Россіи, глубоко разочарованныя. Послѣдовательные удары, наносимые завѣтнымъ мечтамъ болгарскаго населенія, не въ силахъ были поколебать ихъ рѣшимости не щадить себя для достиженія намѣченной цѣли — избавленія отъ турецкаго ига.

Въ это время оказывала уже вліяніе „молодая Болгарія", на долю которой выпало усиленное преслѣдованіе турецкихъ правителей, какъ выпало на ея долю впослѣдствіи, при началѣ настоящей войны, крайне подозрительное отношеніе тѣхъ, на кого было возложено гражданское управленіе Болгаріей; но, впрочемъ, объ этомъ я упомяну нѣсколько дальше. Пропаганда „молодой Болгаріи" старалась поднять народный революціонный духъ, и вліяніе этой партіи обнаружилось уже въ 1867 году, когда произошло новое возстаніе. Но и оно окончилось не менѣе трагично, чѣмъ предшествовавшія. Вскорѣ послѣ перехода черезъ Дунай одной части сформированнаго отряда около Систова, болгары были разбиты превосходными турецкими силами, и тогда началась кровавая расправа. Въ Тырновѣ былъ устроенъ судъ, который жестоко каралъ не только всѣхъ участвовавшихъ въ возстаніи, но также и всѣхъ тѣхъ, кто подозрѣвался только въ какомъ-либо отдаленномъ содѣйствіи или сочувствіи къ возстанію. Правда, не въ одной Турціи устраиваются подобные суды, но отъ того они не становятся менѣе возмутительными. Такими судами были, напримѣръ, „смѣшанныя коммиссіи" во Франціи послѣ декабрьскаго переворота.

Тырновскій судъ не исполнилъ, повидимому, всей

своей задачи, и потому расправа продолжалась въ Систовѣ, считавшемся центромъ „молодой Болгаріи". Тутъ постарались открыть обширный заговоръ, создали громадное тайное общество, разбросившее свои сѣти по турецкой имперіи, и этотъ заговоръ далъ возможность подвергнуть массу лицъ жестокимъ, безчеловѣчнымъ наказаніямъ. Все юношество, отъ 17-ти до 20-ти лѣтъ и даже старше, увидѣло себя въ страшной опасности; многіе спасались бѣгствомъ, другіе, и число этихъ другихъ было достаточно велико, были брошены въ тюрьмы. Но турецкое правительство не ограничилось преслѣдованіемъ одной молодежи: все, что́ принадлежало къ интеллигентному классу, все заподозрѣвалось въ принадлежности къ какому-нибудь тайному обществу, всюду правительство рыскало, какъ шакалъ, розыскивая новыя жертвы. „Полиціи, — разсказываетъ по этому поводу одинъ изъ знатоковъ недавняго прошлаго болгарскаго народа, — были предписаны строжайшія мѣры, и Дамокловъ мечъ висѣлъ надъ головой каждаго болѣе или менѣе развитаго человѣка". Лучшіе люди, самоотверженно жертвовавшіе своею жизнію ради свободы своей родины, падали подъ безчеловѣчными ударами необузданной власти. Пятьдесятъ-четыре человѣка въ цѣпяхъ были отправлены въ Рущукъ, многіе умирали въ тюрьмахъ и крѣпостяхъ. Какъ бы турецкое правительство ни оправдывало себя, утверждая, что такъ поступаютъ не въ одной Турціи, но подобныя дѣйствія, гдѣ бы они ни совершались, всегда вызываютъ глубокое негодованіе и непримиримую ненависть къ тѣмъ, кто ихъ совершаетъ. Эта ненависть, это негодованіе были причиною, что не далѣе, какъ на слѣдующій годъ, явилась снова рѣшимость, — доказавшая еще разъ, что крутыя мѣры, дикія преслѣдованія никогда не достигаютъ цѣли, — вызвать въ странѣ новое возстаніе. Нѣсколько болгарскихъ патріотовъ сформировали отрядъ, недалеко отъ Систово вступившій въ предѣлы несчастной Болгаріи. Отрядъ этотъ состоялъ весь изъ молодыхъ людей, бросившихся въ бой съ заклятымъ врагомъ, дер-

жа въ рукахъ знамя, на которомъ было написано: свобода и смерть! Первое сраженіе съ турками было побѣдой болгаръ, но скоро турецкое правительство выставило противъ нихъ регулярное войско вмѣстѣ съ баши-бузуками, и, благодаря численному перевѣсу, болгары были разбиты на-голову, несмотря на геройское мужество, съ которымъ они дрались. Весь почти отрядъ легъ костьми, ущелья Габрова сдѣлались могилою этой горсти геройской молодежи.

Каждая новая попытка къ возстанію заставляла турецкое правительство болѣе зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы болгары не имѣли оружія, и мѣры, принимаемыя имъ, не оставались безъ результатовъ. Ввозъ оружія сдѣлался крайне затруднителенъ, почти невозможенъ, а безъ оружія что́ могли подѣлать самые рѣшительные люди? Но, несмотря на такое безпомощное положеніе, можно было заранѣе быть увѣреннымъ, что если въ какой-либо мѣстности территоріи турецкой имперіи вспыхнетъ возстаніе, то оно, несомнѣнно, какъ эхо, откликнется въ той или другой части Болгаріи. Такъ оно было и въ дѣйствительности. Герцеговинское возстаніе 1875 года снова вызвало броженіе среди болгарскаго народа, и это броженіе выразилось въ томъ возстаніи, которое произошло въ Филиппопольскомъ округѣ. Возстаніе было подавлено, болѣе нежели восемьсотъ человѣкъ были брошены въ тюрьмы, по преимуществу молодежь, весь округъ обагрился мученическою кровью многострадальнаго народа, но эта кровь, выпущенная изъ жилъ болгарскихъ патріотовъ, не пропала безслѣдно. Дикая расправа, учиненная турками, всполошила на время всѣ народы, и въ концѣ-концовъ, послѣ цѣлаго ряда дипломатическихъ пререканій, во время которыхъ интересы болгарскаго народа скрылись за другими, выступившими, уже эгоистическими, интересами европейскихъ государствъ, эта расправа, эта пролитая болгарская кровь послужила поводомъ къ послѣдней войнѣ, которая, казалось, должна была положить предѣлъ вѣковымъ страда-

ніямъ этого злополучнаго народа и дать ему, наконецъ, то, чего такъ долго и настойчиво онъ добивался—свободу и независимость.

Приведенные историческіе штрихи съ достаточною силою, мнѣ кажется, убѣждаютъ, что болгарскій народъ вовсе не примирился съ своимъ вѣковымъ гнетомъ, и что, напротивъ, онъ обнаружилъ удивительную настойчивость въ борьбѣ съ своимъ заклятымъ врагомъ. Оставленный безъ помощи, обманутый много разъ въ тѣхъ надеждахъ, которыя возлагалъ онъ на другія государства, въ томъ числѣ и на Россію, лишенный всякихъ средствъ для борьбы, обезоруженный болгарскій народъ продолжалъ хранить святую традицію національной независимости и свободы, и въ теченіи долгаго періода приносилъ этой свободѣ обильныя, кровавыя жертвы. Все, что было сильнаго, молодого, энергичнаго — все это съ необычайною отвагою бросалось въ неравный бой, и одно поколѣніе гибло за другимъ, передавая по наслѣдству единственное свое достояніе—мощный лозунгъ: свобода и смерть! Но нѣтъ сомнѣнія, что эта отчаянная борьба, вырывавшая среди болгарскаго народа самый цвѣтъ населенія, порождала, вслѣдъ за вспышкою революціоннаго духа, извѣстный упадокъ силъ, всегда продолжающійся болѣе или менѣе длинный періодъ времени. Надо срокъ, чтобы зажили раны, надо время, чтобы подросло новое поколѣніе борцовъ, способныхъ и жертвовать собою и увлекать другихъ отдавать свою жизнь на служеніе родинѣ. Поэтому вполнѣ естественно, что между двумя взрывами народнаго негодованія всегда проходитъ промежутокъ затишья, искусственнаго замиренья, успокоенія, который такъ часто принимается современниками за окончательный упадокъ народныхъ силъ. Послѣднее десятилѣтіе было тяжелымъ временемъ для болгарскаго народа; возстанія 1867—1868 годовъ, затѣмъ вспышки 1876 года стоили ему дорого—тысячи молодыхъ людей, сокъ населенія, соль земли, были перебиты, перерѣзаны, брошены въ тюрьмы, гдѣ смерть спасала ихъ отъ му-

ченій, причиняемыхъ тяжелыми желѣзными цѣпями. Эта убыль лучшихъ силъ должна была отозваться въ настоящее время недостаткомъ иниціативы, нѣкоторымъ упадкомъ энергіи, что̀ весьма многими во время послѣдней войны принималось за полное разложеніе, за исчезновеніе среди болгарскаго народа стремленій къ освобожденію Болгаріи изъ-подъ турецкаго владычества.

Если, такимъ образомъ, болгары оказались болѣе пассивны, чѣмъ то предполагали, то теперь всякій видитъ, что эта пассивность обусловливалась чисто-историческими обстоятельствами, нѣкоторою усталостью, вызванною предшествовавшими возстаніями, поглотившими самые энергичные элементы населенія. Затѣмъ, эта пассивность проистекала отчасти и изъ недовѣрія къ серьёзному желанію Россіи помочь освобожденію ихъ родины, а что это недовѣріе было естественно, если хотите, законно, то въ этомъ едва ли возможно сомнѣваться, когда мы припомнимъ предшествовавшія войны между Россіею и Турціею, такъ печально окончившіяся съ точки зрѣнія болгарскихъ интересовъ.

Но помимо историческихъ данныхъ, объясняющихъ до извѣстной степени пассивное отношеніе болгаръ къ послѣдней войнѣ, существовали и другія причины, мѣшавшія болгарамъ принять болѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ, завязавшейся съ ихъ заклятымъ врагомъ. Эти другія причины заключаются, главнымъ образомъ, въ той системѣ, которая усвоена была нами по отношенію къ болгарамъ.

Съ точки зрѣнія теоретической, болѣе удобной для разсужденій, вопросъ, мнѣ кажется, можетъ ставиться прямо: когда извѣстный народъ задается, безъ всякихъ заднихъ мыслей, гуманною цѣлію сорвать цѣпи неволи съ другого народа, освободить его изъ-подъ власти дикаго, хотя и легальнаго, въ смыслѣ существующаго, правительства, тогда не только не слѣдуетъ опасаться проявленій революціонныхъ порывовъ, но, напротивъ, для успѣшности борьбы, необходимо дать этимъ поры-

вамъ возможный просторъ. Пусть революціонное движеніе охватитъ всю страну, пусть поднимется народный духъ, тогда война получитъ истинно-національный, народный характеръ, и какъ лавина, все болѣе и болѣе грозная, раздавитъ всякое сопротивленіе, попадающееся на пути такого революціоннаго движенія. Нѣтъ сомнѣнія, что только народъ, достигшій высокаго внутренняго развитія, можетъ не опасаться революціоннаго движенія среди другого народа, такъ какъ въ противномъ случаѣ явилось бы коренное противорѣчіе между тою системою, которая существуетъ внутри государства, и тою, которая побуждаетъ его дѣйствовать во внѣшней политикѣ. Отсюда логическій выводъ, что успѣшность освобожденія того или другого народа зависитъ не только отъ физической силы, которою обладаетъ государство, но и отъ его внутреннихъ условій, настолько прочныхъ, чтобы не опасаться заразы революціоннаго духа, неизбѣжнаго въ борьбѣ съ установленнымъ правительствомъ. При иныхъ условіяхъ освобожденіе народа другимъ государствомъ всегда будетъ сопровождаться тѣми или другими колебаніями, не говоря уже о препятствіяхъ и о возраженіяхъ, которыя могутъ быть встрѣчены со стороны неучаствующихъ въ борьбѣ государствъ,—возраженіяхъ, основанныхъ именно на указанномъ мною противорѣчіи.

Переходя отъ теоріи къ практикѣ, и говоря объ отношеніи Россіи къ болгарамъ во время послѣдней войны, нельзя не признать, что, задавшись цѣлію освобожденія болгарскаго народа изъ-подъ турецкаго господства, мы не только не желали воспользоваться подъемомъ его народнаго духа, считая это революціоннымъ движеніемъ, способнымъ вызвать партизанскую войну на всемъ пространствѣ театра войны, но мы сдѣлали все, что́ только отъ насъ зависѣло, чтобы удержать болгаръ отъ народнаго возстанія. Вступая въ Болгарію, мы говорили народу, что онъ пріобрѣлъ право на наше заступничество не силою вооруженнаго отпора, а дорогою цѣною вѣковыхъ страданій и мученической крови,

въ которой всегда тонули они и ихъ покорные предки. Мы ни во что не ставили ихъ вѣковую борьбу, ихъ попытки съ оружіемъ въ рукахъ достигнуть освобожденія, мы придавали цѣну только ихъ пассивнымъ страданіямъ. Вмѣсто того, чтобы призвать болгаръ къ поголовному возстанію противъ ненавистнаго имъ врага, мы, напротивъ, говорили имъ, что вся ихъ „сила и спасеніе" заключается только въ покорности русской власти, въ строгомъ исполненіи ея указаній. Повидимому, намъ должно было бы быть совершенно безразлично, какое знамя развернетъ та или другая болгарская партія, лишь бы на этомъ знамени написано было: борьба до послѣдней капли крови съ турецкимъ игомъ. Но мы относились далеко небезразлично. Вступая въ Болгарію, мы опасались революціонныхъ стремленій, и потому съ такою же подозрительностію относились къ „молодой Болгаріи", съ какою относился къ ней прежде Митхадъ-паша, старавшійся кознями и цѣпями заставить ее отказаться отъ лозунга: свобода и смерть. Чтобы слова мои не показались голословными, я приведу нѣсколько строкъ изъ одной инструкціи чинамъ консульскаго корпуса: „Знакомство ваше, — говорится въ этой инструкціи, — съ мѣстными языками и условіями жизни, безъ сомнѣнія, дастъ возможность военному начальству обращаться къ вашему содѣйствію по дѣлу наблюденія за туземными переводчиками, и я надѣюсь, что въ этомъ отношеніи вы, дѣятельно наблюдая за этими лицами, въ случаяхъ, когда это будетъ вамъ поручено военнымъ начальствомъ, облегчите заботы военныхъ властей и доставите имъ самыя точныя и правильныя свѣдѣнія. При этомъ не лишне обратить вниманіе (и это мѣсто особенно выдается) на тѣхъ изъ членовъ такъ-называемой „Болгарской Омладины", которые могутъ встрѣтиться между лицами мѣстнаго происхожденія, состоящими при войскахъ, немедленно докладывая о таковыхъ военному начальству, для предупрежденія со стороны означенныхъ переводчиковъ какихъ-либо недоразумѣній, къ которымъ

люди молодые и мало-опытные могли бы подать,—быть-можетъ и невольно и подчасъ съ лучшими намѣреніями,—поводъ, вслѣдствіе не чуждаго имъ увлеченія".

Инструкція эта помѣщена въ „Сборникѣ оффиціальныхъ распоряженій и документовъ по болгарскому краю". Сборникъ этотъ не секретный; слѣдовательно, легко могъ сдѣлаться, и сдѣлался въ дѣйствительности, извѣстнымъ болгарамъ. Не трудно, разумѣется, догадаться, какое впечатлѣніе должны были произвести выписанныя мною строки на членовъ „молодой Болгаріи". На ихъ готовность стать въ ряды борцовъ за освобожденіе рядомъ съ русскимъ войскомъ—впечатлѣніе ушата холодной воды; на ихъ отношеніе къ намъ—впечатлѣніе, которое всегда производитъ подозрительность „начальства", за которую обыкновенно скрываются, выражаясь языкомъ нашего сатирика, различныя „мѣропріятія". Такія распоряженія настраиваютъ, извѣстнымъ образомъ, чувство людей; чувство же анализируетъ мало, и потому немудрено, если сторонники „молодой Болгаріи", узнавъ о подобномъ предписаніи, составили себѣ мнѣніе, что русскіе относятся къ нимъ такъ же, какъ и турки. Правда, въ словахъ этого распоряженія звучитъ извѣстная мягкость; но, вѣдь, это документъ оффиціальный, а въ оффиціальныхъ документахъ принято выражаться дипломатически. Вообще такое распоряженіе имѣетъ то значеніе, что обрисовываетъ извѣстную усвоенную систему, такъ какъ нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы въ другихъ частяхъ, хотя бы въ гражданскомъ управленіи, существовало иное отношеніе къ „молодой Болгаріи", чѣмъ то, которое выражено въ инструкціи чинамъ консульскаго корпуса. Безъ опасенія быть опровергнутымъ, я могу даже сказать, что и въ гражданскомъ управленіи существовало именно такое отношеніе къ людямъ „молодой Болгаріи". Я знаю лицъ, получившихъ довольно высокія назначенія по гражданскому управленію,—лицъ, прежде получавшихъ жалованье отъ турецкаго правительства, но не знаю никого, по крайней-мѣрѣ не приходилось

слышать о томъ, чтобы такія назначенія получали люди, принадлежащіе къ партіи „молодой Болгаріи". Но гдѣ же, спрашивается, корень такого отношенія съ нашей стороны? Я понимаю его со стороны турокъ къ людямъ, преслѣдовавшимся только за горячую любовь къ своей родинѣ. Корень этотъ лежитъ въ нашемъ опасеніи соприкоснуться съ революціоннымъ элементомъ въ странѣ, не вводить въ соблазнъ другихъ, не показать даже вида, что мы, опирающіеся всегда на строгое уваженіе къ существующей власти, можемъ снисходительно относиться къ людямъ, хватающимся за оружіе для борьбы съ установленнымъ правительствомъ, какъ-будто бы мы, стараясь освободить болгаръ изъ-подъ власти его, такъ или иначе законнаго правительства, сами не совершаемъ подобнаго же дѣла. Насколько такое дѣло мирится съ тѣмъ или другимъ началомъ, это вопросъ иной; но логика требуетъ, чтобы вещи назывались ихъ собственными именами. Ниспровергать турецкое правительство и вмѣстѣ съ тѣмъ открещиваться отъ революціоннаго элемента, враждебнаго туркамъ, значитъ не держаться строгой послѣдовательности, а результатомъ такой непослѣдовательности является неувѣренность въ своихъ силахъ, отсюда шаткость въ политикѣ и въ концѣ-концовъ нерасположеніе того народа, ради котораго пролито такъ много драгоцѣнной крови.

По этому поводу я не могу не передать одного разговора именно съ человѣкомъ, принадлежащимъ къ партіи „молодой Болгаріи", съ которымъ пришлось вести бесѣду во время одного изъ переходовъ.

— Отчего, скажите пожалуйста, — спрашивалъ я его, — болгары не принимаютъ болѣе дѣятельнаго участія въ завязавшейся борьбѣ съ турками?

— Какъ вамъ сказать, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — однимъ словомъ на этотъ вопросъ не отвѣтишь, такъ какъ причины довольно сложныя, но, если хотите, я постараюсь вамъ объяснить ихъ.

Я настаивалъ, и онъ сталъ говорить.

— Я думаю, что болгары массами бы ополчились противъ турокъ и оказали бы вамъ довольно серьёзную помощь, если бы вы сами этого желали. Но дѣло быстро установилось такъ, что мы волей-неволей должны были ограничиваться сравнительно незначительными услугами. У насъ нѣтъ навыка къ дисциплинѣ, солдатомъ съ-разу не сдѣлаешься, но мы умѣемъ умирать, и не разъ доказывали это, за нашу независимость, за наше освобожденіе. Если бы мы были вооружены, то намъ ничего отъ васъ не было бы нужно; мы сами устроили бы вольныя дружины и разбрелись во всѣ стороны, и я думаю, не мало вреда причинили бы туркамъ. Но оружія у насъ нѣтъ послѣ послѣднихъ движеній. Турки по всей странѣ шарили, разыскивали оружіе, и когда находили его, то оружіе отбирали, а людей бросали въ тюрьму. Мы находимся въ другомъ положеніи, нежели сербы, или даже босняки и герцеговинцы. Они живутъ близко границы, и оружіе провезти не трудно, а намъ доставать его— совсѣмъ другое дѣло. Вотъ если бы русскія власти объявили, что оружіе намъ будутъ раздавать, и мы дѣйствительно получили бы его, тогда вы бы увидѣли, сколько народу ушло бы драться съ турками, тогда бы началась настоящая партизанская война, и я думаю, наша помощь была бы довольно серьёзна. Мы этого и ждали. Но случилось не такъ. Многіе болгары ходили просить оружія, чтобы биться съ турками, когда они приходятъ занимать деревню, а спросите, многимъ ли его роздали. Нѣкоторымъ удалось его получить, и тѣ не оставались безъ дѣла. Мнѣ кажется, что вы сами не желали вызвать народнаго возстанія; я только тѣмъ и могу себѣ объяснить, что намъ на каждомъ шагу говорили: вы только слушайтесь, исполняйте, что́ вамъ приказываютъ, и ни во что не смѣйте вмѣшиваться. Болгары не смѣли трогаться; они повиновались, а вотъ теперь вы говорите, да и не вы одни, что мы не хотимъ драться!

— Положимъ такъ,—приходилось возражать ему,— но вѣдь были же организованы болгарскія дружины, от-

чего въ нихъ поступало сравнительно такъ мало народу? Вѣдь ужъ тутъ не только не запрещали, но, напротивъ, приглашали записываться.

— Видите ли, и на это есть причина. Я уже сказалъ, что мы солдаты плохіе, между тѣмъ мы знали, что дружины эти будутъ подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ, они привыкли имѣть дѣло со своими солдатами, отъ насъ будутъ требовать того же, такой же дисциплины, станутъ учить, проучатъ сколько времени, а какое намъ ученье? Знали мы также и то, что дружины эти войдутъ въ составъ вашего войска, ваши солдаты хорошіе,—что-жъ мы стали бы дѣлать? А вотъ если бы отдѣльныя партіи,—возвращался онъ къ своей мысли,—то у насъ нашлись бы и вожаки, хотя ихъ и много погибло! А, затѣмъ, и о дружинахъ-то многіе ничего не знали. Вотъ въ Систовѣ въ первыя же двѣ недѣли явилось 400 человѣкъ волонтеровъ, а въ Тырновѣ сколько времени всего было 200 человѣкъ. Въ Габровѣ же и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ болгары совсѣмъ и не знали къ кому обращаться. Если бы намъ было объявлено, что каждая деревня должна поставить столько-то человѣкъ, то, конечно, сейчасъ было бы набрано сколько угодно, и тѣ самые люди, которые теперь сидятъ дома, дрались бы не дурно, постоять за себя съумѣли бы!

Возраженіе это было въ значительной степени справедливо, такъ какъ мнѣ самому приходилось бывать въ деревняхъ, гдѣ жители и не слыхали о томъ, что болгары призываются въ дружины. Правда, такъ было въ первый несчастный періодъ войны,—что́ было потомъ, я не берусь судить. Очевидно, что если бы мы желали при началѣ войны образовать изъ болгарскихъ дружинъ серьёзную силу, то мы, быть можетъ, съумѣли бы лучше организовать это дѣло, чѣмъ оно было организовано, распространить его по всей Болгаріи, и тогда, разумѣется, численность этихъ дружинъ не ограничилась бы шестью тысячами. Мнѣ кажется, смѣло можно сказать,—этого не желали, такъ какъ вообще къ болгарскому движенію

относились и съ пренебреженіемъ и съ нѣкоторою боязливостью. Боязливость эта имѣла своимъ источникомъ все ту же „молодую Болгарію“, по поводу которой такъ мѣтко выразился мой собесѣдникъ. Отвѣчая на мой вопросъ—вступаютъ ли тѣ, которые причисляютъ себя къ „молодой Болгаріи“, въ ряды болгарскихъ дружинъ, онъ между прочимъ сказалъ:

— Разумѣется, вступаютъ! Я знаю, что „молодую Болгарію“ вы не очень любите, но я только удивляюсь—почему. Вѣдь мы „молодая Болгарія“ для Турціи, а не для Россіи. Вы насъ вѣдь не хотите же завоевать!..— И онъ былъ правъ. Трудно даже понять, чѣмъ могла навлечь на себя подозрѣніе партія „молодой Болгаріи“, какія злокозненныя цѣли приписывались ей у насъ? Если мы были совершенно искренни, если мы дѣйствительно желали свободы и независимости болгарскаго народа, то наши стремленія не могли особенно расходиться съ стремленіями „молодой Болгаріи“, которая тѣмъ главнымъ образомъ и отличается отъ старой болгарской партіи, что въ дѣлѣ своего освобожденія и самостоятельности не признаетъ рѣшительно никакихъ компромисовъ съ существующимъ порядкомъ вещей, въ смыслѣ политическаго подчиненія Турціи. Наше непріязненное отношеніе къ „молодой Болгаріи“ должно быть объяснено главнымъ образомъ недоразумѣніемъ или, вѣрнѣе, незнаніемъ того, что́ такое „молодая Болгарія“.

— „Молодая Болгарія!“ должно быть что-нибудь нехорошее!

И сейчасъ же мерещится всесвѣтная революція, соціально-революціонная партія, въ то время какъ соціалистическія идеи почти-что не существуютъ въ Болгаріи или находятся въ такой зачаточной формѣ, что ужъ никоимъ образомъ не могутъ играть роли „краснаго призрака“. Партія „молодой Болгаріи“ представляетъ собою партію преимущественно политическую, состоящую изъ горячихъ патріотовъ, стремящихся только

къ одной цѣли—къ созданію независимой, свободной болгарской земли.

Люди этой партіи, равно какъ и другіе, шли въ болгарскія дружины, заявившія себя съ самой лучшей стороны. Первоначально, вслѣдствіе существовавшаго пренебреженія къ болгарскимъ силамъ, объ этихъ дружинахъ говорилось не иначе, какъ съ насмѣшкой.

— Ну, что̀ братушки! на что̀ они годны!

Другого отзыва не было слышно. Но пробилъ тяжелый часъ, исторія занесла въ свои скрижали бой подъ Эски-Загрой, изумительную по своему сказочному героизму защиту Шипкинскаго прохода—и мнѣніе о болгарскихъ дружинахъ быстро измѣнилось. И тутъ, и тамъ болгары вели себя блистательно, они не отставали въ отвагѣ отъ русскаго солдата и тѣмъ вызвали къ себѣ величайшее сочувствіе. Наши солдаты и офицеры были первые, которые спѣшили отдать имъ справедливость, и мнѣ не разъ приходилось слышать отъ солдатъ похвалу геройскому поведенію болгарскихъ дружинниковъ.

— Что говорить! „братушки“ дрались такъ, какъ дай Богъ каждому! Отъ нашихъ не отставали!

Большей похвалы не могли они сдѣлать болгарамъ. Поведеніе болгарскихъ дружинъ показало, какую пользу можно было бы извлечь изъ болгарскаго народа, если бы мы нѣсколько иначе взялись за дѣло и болѣе умѣло и съ большею рѣшительностью приступили къ организаціи мѣстныхъ народныхъ силъ.

Крайне несправедливо было бы утверждать, что все участіе болгарскаго народа въ войнѣ нашей съ турками ограничивалось исключительно болгарскими дружинами. Нѣтъ, помимо этихъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ масса людей служила другую службу. Одни являлись проводниками нашихъ отрядовъ, другіе занимались тѣмъ, что подъ градомъ пуль и гранатъ, какъ то было на Шипкѣ, таскали нашимъ войскамъ воду и доставляли провіантъ, третьи перевозили нашихъ раненыхъ, четвертые, наконецъ, хватались за оружіе и шли въ одиночку, въ раз-

сыпную. Я не могу забыть одного болгарскаго юноши, лѣтъ 15-ти или 16-ти, встрѣченнаго мною въ одномъ изъ госпиталей, уже съ ампутированною рукою, покорно, безъ малѣйшаго стона переносившаго жестокія страданія. Самъ онъ говорить не могъ, но докторъ разсказалъ мнѣ его короткую, но трогательную исторію. Онъ желалъ поступить въ болгарскую дружину, но родные его не отпускали, говоря, что дѣтей не принимаютъ въ легіонъ. Тогда онъ убѣжалъ изъ дому, досталъ себѣ ружье, присталъ къ какому-то отряду, бросился въ сраженіе, и его подняли полуживого, простреленнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ. И онъ былъ не одинъ. Наконецъ, развѣ та радость, которую обнаруживали болгары при вступленіи нашихъ войскъ въ любой городъ, въ любую деревушку за Балканами, та готовность оказать свою помощь, то желаніе быть полезнымъ всѣмъ, чѣмъ только они могли быть полезны, развѣ они ничего не говорятъ за себя, развѣ не доказываютъ, что болгары не относились пассивно къ освобожденію своей родины изъ-подъ турецкаго владычества? Сомнѣнія нѣтъ, они могли принять болѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ за свою независимость, но если они не приняли его, то главнымъ образомъ благодаря тому, что мы сами не желали дать просторъ взрыву народнаго чувства и сдѣлали все, чтобы не дать вспыхнуть партизанской войнѣ. Вотъ почему упрекъ, обращенный къ болгарамъ, что они не стоили вовсе, чтобы изъ-за нихъ начинать войну, что они достойны своей участи, и даже, что они не тяготятся турецкимъ гнетомъ, — представляется упрекомъ настолько же неосновательнымъ и несправедливымъ, какъ и обвиненіе ихъ въ неблагодарности, жестокости и прочихъ подобныхъ же свойствахъ.

Въ своемъ глазу не замѣчать бревна, въ чужомъ же видѣть сучокъ — это довольно общее человѣческое свойство, и рѣдко когда оно проявлялось такъ ярко, какъ въ нашемъ отношеніи къ болгарамъ. То и дѣло, что можно было слышать восклицаніе:

— Ну, что болгары, это народъ невѣжественный, тупой!

Я, конечно, не задаюсь мыслію представить въ этихъ очеркахъ полную картину нравственнаго состоянія, культуры болгарскаго народа, но какъ не сказать хотя нѣсколько словъ по поводу того мнѣнія, которое, мнѣ кажется, вполнѣ неправильно установилось объ этомъ народѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что народъ этотъ не находится на высокой степени развитія, онъ лишенъ высшаго университетскаго образованія, у него нѣтъ самостоятельной цвѣтущей литературы, печать находится въ самомъ загнанномъ положеніи, но едва ли мы имѣемъ особенныя основанія кичиться передъ болгарами и смотрѣть на нихъ въ этомъ отношеніи съ высоты нашего величія.

Если же мы припомнимъ, какъ недавно еще воскресъ самый болгарскій языкъ, какъ недавно явилась первая болгарская школа, то успѣхи, сдѣланные болгарами въ смыслѣ распространенія образованія, могутъ даже внушить нѣкоторую зависть. Для того, чтобы сколько-нибудь вѣрно судить о настоящемъ, прежде всего не слѣдуетъ забывать прошлаго. А это прошлое говоритъ намъ, что еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія болгарскій народъ былъ какъ-бы вытѣсненъ изъ исторической жизни европейскихъ народовъ, онъ какъ-бы пересталъ существовать, такъ что, выражаясь словами одного изъ историковъ этого народа, его нужно было почти вновь открывать. Болгарскій языкъ былъ позабытъ, и иные ученые признавали его только нарѣчіемъ сербскаго языка. Еще въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія никто не подозрѣвалъ о существованіи хотя одной ново-болгарской книги. Греческое вліяніе, господство фанаріотовъ было направлено къ тому, чтобы заставить забыть болгаръ, что у нихъ когда-либо была своя славная исторія, свое прошлое, свой языкъ. Единственныя школы, которыя существовали, были греческія, и каждый болгаринъ, проходившій черезъ такую школу, помимо своей воли переставалъ быть болгариномъ, а дѣлался грекомъ. Чувство національнаго до-

стоинства было до такой степени принижено, что болгары, получившіе какое-либо, хотя бы и самое поверхностное образованіе, совѣстились признавать себя болгарами, и на вопросъ предложенный: кто вы такой? болгаринъ отвѣчалъ: я грекъ! И это, нужно прибавить, было въ такомъ чисто-болгарскомъ городѣ, какъ Тырново. Только въ началѣ нашего столѣтія стали раздаваться слабые, едва слышные въ то время голоса, призывавшіе народъ вспомнить свой родной языкъ. Но прошло еще много времени, прежде чѣмъ этотъ языкъ получилъ право гражданства въ болгарской школѣ.

Первая болгарская школа была основана въ Габровѣ всего въ тридцатыхъ годахъ, но за то съ этого времени дѣло національнаго образованія пошло быстро впередъ. „Десять лѣтъ спустя послѣ основанія габровской школы (1845 г.), — говоритъ новѣйшій историкъ болгарскаго народа Иречекъ, — существовало уже 53 болгарскихъ школы, а именно, въ придунайской Болгаріи 31, во Фракіи 18, въ сѣверовосточной Македоніи 4. Вмѣстѣ со школами выросло и число читающихъ. Въ сороковыхъ годахъ литература, едва существовавшая двадцать лѣтъ, могла уже указать книги, на которыя было до 2000 подписчиковъ. Въ 1844 году сталъ выходить первый болгарскій журналъ“. Итакъ, прошло всего сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ возникла стараніями болгарскихъ патріотовъ первая національная школа, и въ эти сорокъ лѣтъ, нужно отдать справедливость болгарамъ, образованіе сдѣлало необычайно быстрые успѣхи, которымъ могутъ позавидовать націи, живущія болѣе тысячи лѣтъ. Сдѣлайте путешествіе у насъ, останавливайтесь въ деревняхъ, предлагайте всюду вопросы: есть ли у васъ школа, есть ли ученики? И вамъ не разъ придется услышать: у насъ нѣтъ школы, у насъ нѣтъ учениковъ! А между тѣмъ у насъ на народное просвѣщеніе ассигнуется значительная сумма, отъ которой иногда остается еще экономія, у насъ существуютъ всякіе институты, лицеи, существуютъ академіи, словомъ — существуетъ все, что́

слѣдуетъ, чтобы дѣло народнаго образованія представлялось въ самомъ блестящемъ видѣ. Совершивъ такое путешествіе, отправляйтесь странствовать по Болгаріи, останавливайтесь точно также въ селахъ и деревняхъ и предлагайте тѣ же вопросы о школахъ и ученикахъ. Скоро вы не станете спрашивать: есть ли школа, есть ли ученики? Нѣтъ, вы будете предлагать вопросъ въ другой формѣ: *сколько* у васъ школъ, сколько учениковъ?

Совершая переѣзды изъ одного пункта Болгаріи въ другой, и совершая ихъ постоянно верхомъ, естественно, мнѣ часто приходилось останавливаться въ попадавшихся на пути деревняхъ. Я не пропускалъ случая предлагать вопросы о школахъ, и, пусть не вѣритъ читатель, если ему болѣе пріятно не вѣрить по мотивамъ національнаго самолюбія, но я не запомню, чтобы хоть разъ пришлось мнѣ получить отвѣтъ, что въ деревнѣ вовсе нѣтъ школы. Въ одномъ селѣ съ 450 домами я нашелъ двѣ школы мужскихъ и одну женскую, и притомъ болѣе трехъ-сотъ учениковъ и ученицъ; въ другомъ селѣ, которое насчитываетъ 560 домовъ, существуетъ три школы мужскихъ и одна женская, 5 учителей, одна учительница, учениковъ и ученицъ 450; въ небольшой деревнѣ съ 50 домами одна школа, которую посѣщаютъ мальчики и дѣвочки вмѣстѣ, учителемъ состоитъ священникъ. Я сожалѣю теперь, что не всегда записывалъ цифры школъ, учениковъ; отвѣты на мои вопросы были почти однообразны: три школы, одна школа, двѣ школы,—и я, не думая собирать статистическія данныя, пересталъ заносить въ свою записную книжку монотонныя цифры. Я сожалѣю, потому что цифры эти были бы крайне назидательны для насъ, обладающихъ не такими средствами, какъ болгары, чтобы дать образованіе народу. При такомъ быстромъ распространеніи народнаго образованія въ Болгаріи, можно, съ увѣренностью не ошибиться, сказать, что не пройдетъ и двадцати лѣтъ, какъ среди болгаръ трудно будетъ отыскать людей неграмотныхъ; все подростающее въ настоящее время поколѣніе прой-

детъ черезъ школу. А, между тѣмъ, кто будетъ имѣть настолько смѣлости, чтобы утверждать, что въ тотъ же періодъ времени наше родное дѣло народнаго образованія сдѣлаетъ такіе исполинскіе успѣхи, что каждый крестьянинъ будетъ свободно читать и писать. Для того, чтобы утверждать что-нибудь подобное, необходимо быть большимъ оптимистомъ и имѣть увѣренность, что по прошествіи такого же періода времени, среди нашего общества и днемъ съ фонаремъ нельзя будетъ разыскать ни единаго защитника той, въ наше время оригинальной теоріи, защищаемой только врагами нашего прогресса, въ силу которой образованіе составляетъ предметъ роскоши, доступной для однихъ избранныхъ, для привилегированныхъ, а для чернаго люда оно не только не нужно, но еще вредно, такъ какъ способно развить въ немъ пагубныя идеи, грозящія нанести ударъ изобрѣтенной во Франціи троицѣ: семьѣ, собственности и религіи, т.-е. формулѣ „краснаго призрака", раскушенной теперь самыми умѣренными людьми въ Европѣ. Но какъ питать убѣжденіе, что такая теорія не привьется въ нашемъ обществѣ, когда она такъ энергически и беззастѣнчиво поддерживается нѣкоторыми изъ нашихъ литературныхъ органовъ. Вотъ отчего я и говорю, что не очень-то мы должны кичиться передъ болгарами, говоря объ ихъ необразованности и невѣжествѣ.

Тѣ немногіе сельскіе учителя, которыхъ мнѣ удалось встрѣчать, были люди не Богъ знаетъ, конечно, какого высокаго образованія, но всѣ они отличались яснымъ умомъ, разумнымъ отношеніемъ къ условіямъ жизни, созданнымъ болгарскому народу турецкимъ владычествомъ. Всѣ они способны были развить въ своихъ ученикахъ идеи, которыя, разумѣется, не могли нравиться турецкому правительству. Разговаривая съ ними, мнѣ пришлось только удивляться, что турецкое правительство терпитъ такого рода сельскихъ учителей, явно зараженныхъ, съ его точки зрѣнія, зловредными теоріями, развивающими идею свободы и независимости народа, что

оно давно не упрятало ихъ въ свободные казематы той или другой крѣпости. Волей-неволей пришлось придти къ убѣжденію, что тайная полиція въ Турціи находится въ состояніи крайняго упадка. Какъ было не пожалѣть и не сказать про себя: бѣдная Турція! Всѣ эти учителя вышли бо́льшею частью изъ габровской, тырновской, филиппопольской и нѣкоторыхъ другихъ школъ, и только немногіе окончили курсъ въ иностранныхъ гимназіяхъ или успѣли даже побывать въ заграничныхъ университетахъ.

Въ Болгаріи, молодые люди, имѣющіе хоть какія-либо средства, отправляются, если желаютъ получить высшее образованіе, въ иностранные университеты или даже гимназіи, такъ какъ Болгарія лишена высшихъ учебныхъ заведеній. Турецкое правительство, дѣйствуя подъ вліяніемъ грековъ, считаетъ ихъ также вредною роскошью, впрочемъ только для своихъ мятежныхъ подданныхъ болгаръ, и поступаетъ съ полною откровенностью, не давая ни средствъ, ни разрѣшенія на ихъ основаніе. Отсутствіе высшихъ образовательныхъ заведеній не можетъ, само собою разумѣется, не вліять на существованіе въ Болгаріи того, что̀ зовется интеллигентнымъ классомъ: кругъ его естественно не великъ, такъ какъ сравнительно очень немногіе имѣли до настоящаго времени возможность получать высшее образованіе. Да и тѣ, которые его получили, не имѣютъ достаточно случаевъ, чтобы употребить его въ дѣло. Кругъ дѣятельности такихъ людей крайне ограниченъ, арена общественной жизни для нихъ въ значительной степени закрыта. Несомнѣнно, что и это обстоятельство вліяло на то, помимо недостатка средствъ, чтобы болгары не очень заботились объ открытіи высшаго учебнаго заведенія. Имъ нужны были по преимуществу люди развитые, получившіе среднее образованіе, которое они и находили какъ въ габровской школѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ. У людей съ высшимъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ въ заграничныхъ университетахъ, было,

главнымъ образомъ, одно орудіе для того, чтобы работать на пользу своего народа, это орудіе—слово, которымъ они и пользовались, насколько хватало силъ. Они писали книги, издавали журналы и газеты, которыми будили болгарскій народъ, призывая его къ новой жизни.

При этомъ, конечно, каждый задастъ такой вопросъ: „да какъ же они могли пользоваться этимъ орудіемъ?—развѣ турецкое правительство дозволяло свободное слово?“ Въ Турціи, конечно, существуютъ законы о печати, заимствованные изъ временъ второй французской имперіи, т.-е. вооружающіе правительство такимъ оружіемъ, какъ предостереженіе, пріостановка и т. п.; законы эти даже усовершенствованы, посредствомъ запрещенія, которому могутъ подвергнуться опальные журналы во всякое время, независимо отъ предостереженій и пріостановокъ. Но, несмотря на все это, и какъ ни покажется страннымъ, болгарскіе журналы могли существовать и довольно свободно проводить свои идеи о необходимости независимой и свободной Болгаріи. Турки не обращали—или, если и обращали, то весьма мало—вниманія на то, что́ проповѣдуется болгарскими журналами, и нуженъ былъ какой-нибудь греческій доносъ, чтобы разразилась гроза надъ журналомъ. Такъ, въ Константинополѣ издавались болгарскія газеты: „Напрѣдъкъ“ г. Найденовымъ, „Вѣкъ“, „День“ г. Балабановымъ; „Источно время“; въ Рущукѣ „Дунавъ“, въ Адріанополѣ „Одринъ“; наконецъ, органъ болгарскаго поэта Славейкова „Македонія“. Помимо того, Бухарестъ, Бѣлградъ, Браиловъ оказывали свое гостепріимство тѣмъ болгарскимъ патріотамъ, которые вынуждены были эмигрировать вслѣдствіе политическихъ преслѣдованій, и тутъ они издавали журналы и газеты, звучавшіе уже совсѣмъ свободнымъ словомъ. Всѣ эти журналы находили доступъ въ Болгарію, гдѣ хотя и тайно, но все-таки распространялись. Что книги и журналы политическихъ эмигрантовъ запрещались турецкимъ правительствомъ, мы, конечно, этому не станемъ особенно удивляться, а тѣмъ болѣе возмущаться. Но что́ должно

было не мало удивить болгарскихъ патріотовъ, да и вообще всѣхъ болгаръ, это—когда они узнали, такія же вещи всегда узнаются, что мы, пришедшіе освободить Болгарію отъ турецкаго ига, смотримъ на вопросъ о свободѣ болгарскаго слова нисколько не иначе, чѣмъ смотрѣло турецкое правительство. А въ этомъ они не могли не убѣдиться изъ слѣдующаго факта. Одинъ изъ опальныхъ болгаръ, во время турецкаго господства въ Болгаріи, тотъ самый Каравеловъ, который издавалъ въ Бухарестѣ журналъ „Знаніе", отправился въ освобожденную Болгарію и просилъ разрѣшенія на изданіе болгарской газеты. Въ этомъ разрѣшеніи ему было отказано гражданскимъ управленіемъ. Какое поученіе должны были вынести изъ этого отказа болгары—не знаю, но гражданское управленіе руководилось, вѣроятно, самыми благими намѣреніями. Быть можетъ, тѣмъ соображеніемъ, что не нужно, чтобы болгары съ-разу почувствовали слишкомъ рѣзкій переходъ отъ рабства къ свободѣ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ прибавить, что, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, было получено разрѣшеніе издавать болгарскую газету въ Болгаріи.

Къ интеллигентному классу должна быть отнесена также значительная часть болгарскаго духовенства, не мало способствовавшаго возрожденію болгарскаго народа. Долгое время оно вело упорную борьбу съ фанаріотами, которые всячески старались искоренить его, какъ старались искоренить все болгарское. Ихъ ненависть къ болгарскому народу заходила такъ далеко, что она простиралась даже на болгарскія книги, памятники старины, которые они подвергали варварскому сожженію. Самое знаменитое „auto-da-fe" было устроено греческимъ духовенствомъ въ Тырновѣ, когда рѣдкая патріаршая библіотека была брошена на жертву пламени. Фактъ, конечно, вопіющій, но не безпримѣрный въ исторіи...

Борьба между болгарскимъ духовенствомъ и фанаріотами окончилась торжествомъ перваго всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ 1870 году появился фир-

манъ Абдулъ-Азиса, гласившій слѣдующее: „Моя императорская воля состоитъ въ томъ, чтобы всѣ жители моей державы и вѣрные мои подданные могли способствовать моимъ императорскимъ стараніямъ, которыя я прилагаю къ достиженію высшей степени образованія и благоденствія въ имперіи. Распри и пререканія, которыя съ нѣкотораго времени возникли между православными—болгарами, и константинопольской патріархіей, сдѣлавшись причиною моей печали, побудили меня, по обсужденіи вопроса, придти къ нижеслѣдующему окончательному рѣшенію...“ [1]), заключавшемуся въ образованіи отдѣльнаго духовнаго правленія подъ наименованіемъ „Болгарская экзархія“. Этотъ фирманъ, написанный, какъ можно замѣтить, въ стилѣ, ничѣмъ не отличающемся отъ стиля всѣхъ европейскихъ манифестовъ, далъ болгарскому духовенству еще бо̀льшій просторъ дѣйствовать въ смыслѣ національномъ. Далеко, конечно, не все духовенство могло принимать участіе въ работѣ болгарскаго возрожденія, такъ какъ значительная масса его мало возвышалась, относительно образованія, надъ общимъ уровнемъ болгарскаго народа, но нѣкоторые его члены послужили все-таки народному дѣлу. Въ распространеніи образованія, въ развитіи школьнаго дѣла имъ принадлежитъ, безспорно, большая заслуга, которую раздѣляетъ, впрочемъ, съ духовенствомъ и съ другими болгарскими патріотами, нужно сказать правду, отчасти и турецкое правительство. Заслуга его была, если можно такъ выразиться, отрицательная, т.-е. турецкое правительство не мѣшало распространенію школъ, не стремилось захватить ихъ въ свои руки для того, чтобы дать имъ извѣстное направленіе, не заводило инспекціи.

Эти народныя школы, учрежденныя всѣ на частныя средства, т.-е. на средства общинъ, безъ всякаго участія правительства, послужатъ прочнымъ фундаментомъ,

---

[1]) Матеріалы для изученія Болгаріи.—Выпускъ II. Бухарестъ, 1877 г. стр. 102.

на которомъ не трудно будетъ уже создать и высшее образованіе, какъ только ощутится въ немъ настоятельная потребность. А она ощутится, лишь только Болгарія достигнетъ, наконецъ, самостоятельнаго существованія, которое дастъ толчокъ ея дальнѣйшему развитію.

Изъ того немногаго, что̀ мною сказано, не трудно уже видѣть, насколько справедлива та фраза, которая такъ часто повторялась:

— Ну, что̀ болгары! это народъ невѣжественный, тупоумный!

Не настолько онъ оказался, однако, тупоуменъ, чтобы не понимать, чего не понимаютъ столь многіе, что въ образованіи сила, и потому охотно жертвуетъ довольно значительныя средства на устройство повсемѣстно народныхъ школъ, хотя богатство его, благосостояніе, не настолько ужъ колоссальны, какъ мы стали о томъ гремѣть, лишь только одною ногою вступили въ Болгарію.

Отправляясь въ Болгарію, мы ожидали встрѣтить въ конецъ разоренный край, заброшенныя поля, всюду развалины, людей, подобныхъ одичалымъ звѣрямъ, блуждающимъ, безъ пристанища, безъ крова; мы воображали, что увидимъ страшную картину людскихъ страданій, вызванныхъ терзаніями голодной смерти. Ничего подобнаго мы не нашли въ Болгаріи. Поля всюду засѣяны, необозримое пространство высоко поднявшейся кукурузы, роскошные хлѣбные колосья, цѣлыя стада барановъ, населеніе не протягиваетъ руки и не проситъ Христа ради; вездѣ села или деревни, и, пожалуй, домишки смотрятъ болѣе приглядно, чѣмъ у насъ. Мы недоумѣвали.

— Что же намъ толковали,—повторялась стереотипная фраза,—о бѣдствіяхъ болгарскаго народа, о какихъ это страданіяхъ говорили и писали, чего имъ еще нужно, они живутъ лучше, чѣмъ у насъ, куда богаче нашего народа!

И пошли въ Россію письма, корреспонденціи о не-

обычайномъ благосостояніи болгарскаго народа, что пресловутый гнетъ, о которомъ такъ много кричали, видѣлся только во снѣ, что болгарамъ живется такъ, какъ дай Богъ всякому. Все это говорилось на основаніи перваго впечатлѣнія, а о томъ, чтобы вдуматься въ положеніе болгарскаго населенія, разузнать поближе, какъ ему живется въ дѣйствительности, остановиться на тѣхъ вымогательствахъ, на томъ грабежѣ, которому оно подвергалось систематически, мало кто и заботился, мало кому и въ голову приходило. Притомъ слѣдуетъ сказать, что и первое впечатлѣніе было таково только потому, что разсчитывали встрѣтиться всюду съ нищетой и разореніемъ, а не будь такого предвзятаго мнѣнія, то удивительное благосостояніе болгаръ несомнѣнно показалось бы несравненно менѣе удивительнымъ.

Не задаваясь мыслію представить цѣльную картину матеріальнаго положенія болгарскаго народа, я постараюсь передать въ немногихъ словахъ нѣкоторыя личныя наблюденія, равно какъ и результаты того, что́ пришлось слышать на мѣстѣ отъ людей болѣе или менѣе компетентныхъ въ этомъ вопросѣ. Въ Болгаріи существуетъ несомнѣнно классъ зажиточный, это — чорбаджіи, купцы, торговцы, лавочники. Я встрѣчалъ людей обезпеченныхъ, живущихъ хорошо, въ домахъ, обставленныхъ даже роскошно, но по этимъ людямъ нельзя, разумѣется, судить о степени благосостоянія цѣлой страны. Классъ торговый гораздо менѣе всѣхъ другихъ страдаетъ отъ всевозможныхъ поборовъ, вымогательствъ, грабежа цѣлой арміи сборщиковъ податей, откупщиковъ, полиціи и даже высшаго губернскаго управленія. Все то, что́ онъ переплатитъ лишняго, онъ возьметъ, и подчасъ даже съ избыткомъ, на своихъ товарахъ, безъ которыхъ такъ или иначе не можетъ обходиться населеніе. Но и такого рода люди, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, кто живетъ въ дружбѣ съ турками, могутъ ли считать свое благосостояніе прочнымъ, обезпеченнымъ? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать отрицательно, такъ какъ до-

статочно не угодить туркамъ, не дать требуемой взятки, чтобы вызвать противъ себя вражду власть имѣющихъ, а съ этой враждой соединено разореніе, лишеніе свободы, имущества и часто жизни. Заподозрятъ человѣка въ заговорѣ, — засадятъ, а затѣмъ начинается торгъ, нужно откупаться, и случалось такъ, что человѣкъ не откупится до тѣхъ поръ, пока все его состояніе не перейдетъ въ карманы различныхъ турецкихъ властей. Деньги все, и это еще слава Богу: по крайней мѣрѣ, существуетъ возможность откупиться отъ политическаго преслѣдованія, отъ обвиненія въ заговорѣ. Что выиграли бы болгары при другой системѣ, при которой также легко можно было бы возбуждать политическое преслѣдованіе, также легко можно было бы бросать въ тюрьмы, высылать на какую-нибудь окраину, но труднѣе было бы подкупать сильныхъ міра, достаточно обезпеченныхъ, чтобы гнушаться сравнительно мелкими грабежами. Такъ разсуждали эти зажиточные болгары, и потому не очень роптали на подкупность своихъ управителей.

— По крайней мѣрѣ знаемъ, что деньгами можно все сдѣлать, — говорили они, а это уже большое успокоеніе!

— Однако согласитесь, что такая правительственная система до-нельзя безнравственна!

— Повѣрьте мнѣ, — отвѣчалъ на это замѣчаніе болгаринъ, уже старикъ, котораго я заподозрѣвалъ въ пріязни къ туркамъ, — что мало на свѣтѣ существуетъ правительствъ, при которыхъ деньгами нельзя всего сдѣлать. Деньги — сила, весь вопросъ въ томъ — много берутъ или мало. Въ одномъ государствѣ можно обдѣлать дѣло съ тысячею лиръ, а въ другомъ нужно сто тысячъ или больше. А дѣло оттого не измѣняется. У насъ, слава Богу, часто довольно и ста лиръ, ну, а если дѣло имѣть съ Константинополемъ, такъ нужно много!

Въ то время, когда мой старикъ-болгаринъ высказывалъ этотъ новый оригинальный аргументъ въ пользу децентрализаціи, я невольно подумалъ, открещиваясь

отъ подобной ереси, что такого рода скептицизмъ могъ родиться только на турецкой почвѣ. Я выразилъ ему мой взглядъ, но болгаринъ только посмотрѣлъ на меня пристально и отвѣтилъ, подозрительно качая головой:

— А вы развѣ не такъ же думаете? Впрочемъ, вы еще успѣете убѣдиться въ справедливости моихъ словъ.

Но какъ бы зажиточные болгары ни относились къ такой системѣ управленія, при которой подкупъ, взяточничество играютъ такую видную роль, все-таки нельзя не сказать, что при такой безнравственной системѣ благосостояніе людей не можетъ считаться серьёзно гарантированнымъ. Каждый такой болгаринъ волей-неволей подчасъ долженъ тревожиться мыслію: а что́ если сто, тысяча лиръ покажется недостаточно, и потребуютъ больше!

Какъ, поэтому, ни мало было прочно благосостояніе зажиточнаго класса, но все-таки его положеніе можно назвать цвѣтущимъ по сравненію съ массою деревенскаго населенія. Если довѣрять тому, что́ говорилось и писалось по этому предмету, то можно, пожалуй, составить себѣ такое представленіе, что каждый болгаринъ живетъ чуть не во дворцѣ. Въ дѣйствительности же, жизнь эта была далеко неприглядна. Мнѣ случалось не разъ заходить въ болгарскія жилища, и всегда я выносилъ одно и то же, далеко не отрадное впечатлѣніе. Домишко самый плохенькій, часто слѣпленный просто изъ глины, наружность его самая жалкая. Войдите во внутрь — и вы встрѣтите то же, что и въ русскихъ избахъ. Грязная комната, на полу ползаютъ дѣти, нѣтъ тутъ ни стула, ни порядочнаго стола, стоитъ какая-нибудь скамья, вотъ и все убранство. Разведутъ огонь — дымъ наполняетъ комнату. Спятъ они что называется въ повалку: вынесутъ на крыльцо, обыкновенно широкое, родъ балкона, нѣсколько цыновокъ, иногда какой-нибудь коверъ, — вотъ и вся постель. Пища у нихъ самая незавидная; молоко, творогъ, да какая-нибудь зелень — вотъ чѣмъ они питаются круглый годъ, если не считать прокислаго дурно-выпеченнаго хлѣба. Мясо подается въ

большіе только праздники, нѣсколько разъ въ годъ, да и какъ возможно иначе, когда каждый баранъ, каждая курица обложены налогомъ. Для того, чтобы восхвалять такую жизнь и находить, что народъ живетъ хорошо, нужно держаться, мнѣ кажется, того мнѣнія, что народъ ничѣмъ не лучше скота и что жизнь его должна быть скотская жизнь.

Въ одномъ отношеніи жизнь болгарскаго населенія представляетъ дѣйствительно нѣкоторыя преимущества,— завтрашній день, какъ ни странно это сказать, несмотря на грабительство турецкой системы, тамъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Съ одной стороны, въ этомъ преимуществѣ играетъ важную роль благодатная, плодородная почва, незнающая неурожаевъ, съ другой — сознаніе турокъ, что если они въ конецъ разорятъ болгарское населеніе, то имъ не съ чего будетъ поживиться. Турокъ никогда не отниметъ всего скота у болгарина, потому что онъ знаетъ, что, отними онъ у него лошадь, корову или вола, земля останется невспаханною; онъ не возьметъ у него всего хлѣба, такъ какъ ему первому было бы невыгодно, чтобы земля осталась незасѣянною; онъ не отберетъ у него всѣхъ барановъ, потому что въ будущемъ онъ потеряетъ вѣрный источникъ своего дохода. Безъ всякаго сомнѣнія, у болгаръ есть поля, покрытыя рожью, кукурузою, пшеницею, есть скотъ, есть стада барановъ, иначе они всѣ перемерли бы съ голода; турки не сожигаютъ хлѣбъ на корню, не отнимаютъ всего стада, спора нѣтъ, но тѣмъ не менѣе система ихъ управленія болгарскимъ населеніемъ была по-истинѣ возмутительна. Система эта была системою грабежа; въ этомъ можно убѣдиться, остановившись лишь на перечнѣ взимаемыхъ ими налоговъ. Не говоря уже о самой страшной подати, именуемой ошуръ, т.-е. десятина, взимается— съ каждой козы, съ каждой свиньи и поросенка, двойная подать съ земли, одна по оцѣнкѣ, другая по доходу, и т. д. и т. д. Но какъ ни страшны эти подати, болгарское населеніе съ ними бы примирилось, если бы

подати эти взимались по-человѣчески. Но тутъ-то, т.-е. въ самомъ способѣ взиманія, и заключалось грабительство турецкой системы, разореніе населенія, которое иначе, благодаря необыкновенному плодородію почвы, безъ сомнѣнія, въ матеріальномъ отношеніи, находилось бы въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Чтобы дать понять, что́ такое было это взиманіе податей, какимъ вымогательствамъ подвергалось болгарское населеніе, я приведу отрывокъ изъ одной записки о состояніи Турціи въ 1876 году, заимствуя его изъ „Матеріаловъ для изученія Болгаріи", такъ какъ едва ли можно дать болѣе вѣрную и наглядную картину практиковавшейся въ Турціи системы: „Взиманіе, или, вѣрнѣе, выжиманіе податей, составляетъ почти единственный поводъ къ нарушенію государственною властью правоотношеній. Власть эта проявляется всегда тѣмъ, что она все отбираетъ, но ничего не даетъ. Сборъ податей почти повсемѣстно отдается на откупъ, и откупная сумма обыкновенно уплачивается впередъ. Важнѣйшая подать съ земледѣльческаго населенія есть десятинный сборъ— десятая часть съ урожая, взимаемая въ натурѣ. Десятина эта, впрочемъ, лишь номинальная; въ дѣйствительности, съ населенія отбирается не только десятая, четвертая или третья часть, но половина и даже болѣе собраннаго имъ урожая. Когда наступаетъ жатвенная пора, когда хлѣбъ уже сжатъ и сложенъ на полѣ въ большіе снопы, то еще до уборки его начинается отчисленіе десятинъ. Пока сборщикъ податей или откупщикъ не окончитъ этого дѣла, ни одинъ снопъ, ни одинъ колосъ не можетъ быть убранъ для молотьбы или сложенъ подъ навѣсъ. Но сборщики десятины не являются, а сложенный въ полѣ хлѣбъ подвергается измѣнчивымъ вліяніямъ атмосферы. Несмотря на мольбы несчастныхъ тружениковъ-крестьянъ, и иногда цѣлыхъ депутацій отъ селеній, неумолимый сборщикъ отказывается приступить къ исполненію своей обязанности. Онъ ожидаетъ, пока въ сложенныхъ снопахъ, подвергавшихся все это время

дождю и дѣйствію росы и тумановъ, не появятся признаки гніенія. На поле, однако, онъ все не идетъ, но уже вступаетъ съ крестьянами въ переговоры. О десятой части урожая, конечно, нѣтъ и рѣчи; онъ требуетъ съ нихъ третью или четвертую часть. Пока поселяне колеблятся въ согласіи на подобное вымогательство, даже когда они уже рѣшились поступиться столь тяжко добытыми плодами своихъ трудовъ—сборщикъ заявляетъ, что не довольствуется прежде назначеннымъ размѣромъ подати и требуетъ даже половину и двѣ-трети урожая" [1]).

Самое взиманіе десятины производится посредствомъ не должностныхъ лицъ, а подрядчиковъ или откупщиковъ, которые въ своемъ распоряженіи, на случай какого-либо сопротивленія, имѣютъ заптіевъ, т.-е. полицейскихъ, всегда готовыхъ надавить, такъ какъ при такомъ надавливаніи и на ихъ долю перепадаетъ немного. Откупщиками въ Болгаріи являются очень часто чорбаджіи, дружащіе съ турками, получающіе себѣ эту выгодную добычу при помощи взятки, даваемой или губернатору, или начальнику округа. Откупщикъ не самъ собираетъ десятину; въ большинствѣ случаевъ онъ раздѣляетъ свою паству на части и, въ свою очередь, сдаетъ на откупъ сборъ съ десятины. Такіе подъ-подрядчики дробятъ точно такъ же, какъ и откупщикъ, свои части на болѣе мелкія, и такъ безъ конца. Каждый вноситъ извѣстную сумму, за которую онъ взялъ на откупъ десятину, и затѣмъ уже все, что́ соберетъ онъ лишняго, поступаетъ въ его собственный карманъ. А какъ великъ будетъ такой „излишекъ", это уже его дѣло, въ которое никто не вмѣшивается. Горе тому крестьянину, который рѣшится жаловаться, лучше бы ему не родиться на свѣтъ. Горе ему, впрочемъ, во всякомъ случаѣ, такъ какъ если провѣдаютъ власти, что, за уплатою десятины, у него остался еще богатый сборъ и онъ выручилъ много денегъ, то начи-

---

[1]) „Матеріалы для изученія Болгаріи". Выпускъ I-й, стр. 79. Бухарестъ, 1877 г.

нается цѣлый рядъ придирокъ и притѣсненій, имѣющихъ одну цѣль—выманить у него то, что̀ онъ пріобрѣлъ тяжелымъ трудомъ. Въ большинствѣ случаевъ вымогательство торжествуетъ, и деньги переходятъ въ карманъ каймакамовъ и его продажныхъ сподвижниковъ. Единственное средство отвратить отъ себя грозу — это какъ-нибудь скрыть полученный доходъ или показать его значительно меньше. Такъ именно и поступаютъ болгары, и потому увѣреніе, что у многихъ изъ нихъ припрятаны деньги на черный день, быть можетъ, и довольно основательно.

— Но почему, скажите,—предлагалъ я вопросъ,—если у болгаръ есть дѣйствительно деньги, почему они живутъ въ такой бѣдности, такъ грязно и питаются такъ плохо?

— Во-первыхъ,—отвѣчалъ мнѣ болгаринъ,—все, что̀ говорятъ о богатствѣ нашемъ, о томъ, что у каждаго изъ насъ припрятаны денежки, все это очень преувеличено. Есть, конечно, среди деревенскаго населенія люди, которые, работая какъ волы, успѣли припрятать небольшія деньги, но волей-неволей они должны жить въ такой же бѣдности, какъ и всѣ другіе. Не скупость, не скряжничество заставляетъ ихъ скрывать свои средства, а увѣренность, что лишь только узнаютъ о томъ турки, начнутся такія прижимки, такія вымогательства, что скоро оберутъ ихъ до-чиста. Они бы и хотѣли, можетъ быть, жить лучше, но не смѣютъ! Да притомъ каждый изъ насъ каждый день долженъ задаваться вопросомъ: а что̀ будетъ завтра, кто знаетъ, не придется ли спасаться бѣгствомъ? Чѣмъ мы обезпечены противъ произвола турокъ?—законами, но что̀ законы, когда они не обязательны для тѣхъ, кто ихъ долженъ исполнять; судомъ, но не настало еще время, когда для болгаръ будетъ судъ справедливый, турокъ же всегда правъ. Противъ произвола турокъ, противъ ихъ насилій, мы можемъ искать защиты только у тѣхъ же турокъ. Будь у насъ другая власть, другое правительство, мы жили бы такъ хорошо, что другимъ было бы завидно. Земля у насъ богатая, народъ

трудолюбивый, мы легко платили бы самые тяжелые налоги, если бы только турки не грабили, не разоряли насъ постоянно.

Разсужденіе этого болгарина было, конечно, весьма основательно. При иной системѣ управленія, матеріальное благосостояніе Болгаріи очень быстро достигнетъ самой высокой степени, если только, вмѣсто беззаконной турецкой системы, не будетъ введена иная система, при которой будетъ совершаться такой же грабежъ, только на „законныхъ“ основаніяхъ. А такія системы, кто не знаетъ, существуютъ на свѣтѣ. При честномъ же народномъ правительствѣ Болгарію въ нѣсколько лѣтъ трудно будетъ узнать. Едва ли въ Европѣ существуетъ другая болѣе благодатная страна, въ смыслѣ плодородія почвы. Притомъ болгары народъ крайне трудолюбивый, трезвый, разумный, доказательствомъ чего можетъ служить хоть тотъ фактъ, что всѣ болгары посылаютъ дѣтей своихъ въ школу. При иныхъ условіяхъ жизни народъ этотъ пойдетъ, едва ли въ томъ можно сомнѣваться, весьма быстро впередъ, и займетъ, освободившись какъ отъ турецкаго господства, такъ и отъ всякихъ иныхъ вліяній и покровительствъ, передовое мѣсто среди всѣхъ южныхъ славянъ. Но когда это случится, о томъ лучше не гадать.

Если насъ поразило „благосостояніе“ болгарскаго населенія, хотя поражаться особенно и нечего было, то все-таки одною изъ причинъ было также и то, что, благодаря вспыхнувшей войнѣ, населеніе было избавлено отъ тѣхъ коршуновъ, которые каждый годъ налетаютъ на населеніе въ образѣ откупщиковъ, турецкихъ чиновниковъ и всевозможныхъ стражей закона. Передъ войной эти коршуны волей-неволей оставили въ покоѣ свои несчастныя жертвы. Достаточно было одного года избавленія отъ этой системы насилій и вымогательствъ, чтобы болгарское населеніе сравнительно нѣсколько оперилось. Вотъ почему, хотя и теперь жизнь болгарскаго населенія должна была поражать своею скудостью,

но мы не видѣли все-таки того бѣдственнаго матеріальнаго положенія, какого мы ожидали. Не вникая въ причины тѣхъ или другихъ явленій, мы постоянно недоумѣваемъ, и нужно сказать, недоумѣнія наши были столь же велики, сколько и вредны, такъ какъ порождали собою холодность и безусловно несправедливое недружелюбное отношеніе къ болгарамъ. Такое недружелюбное отношеніе къ болгарамъ поражало меня во все время моего пребыванія въ этой угнетенной странѣ, и не одно доказательство его я видѣлъ во время того нѣсколькодневнаго перехода, который мы сдѣлали, передвигаясь изъ Тырнова въ Горный-Студень.

Въ Горномъ-Студенѣ было такъ же уныло, какъ и въ Тырновѣ. Вся небольшая деревушка была биткомъ набита народомъ, не было такого жалкаго домишка, въ которомъ не пріютилось бы нѣсколько человѣкъ. Небольшая компанія, гостепріимно принявшая меня въ свой кружокъ, отыскала вдалекѣ отъ лагеря и деревни какую-то заброшенную и разоренную лачугу, скорѣе хлѣвъ, нежели человѣческое жилище, въ которой мы и поселились. Не веселая была жизнь въ Горномъ-Студенѣ. Все смотритъ пасмурно, все какъ-то принижено, мало кто успѣлъ еще отойти послѣ невыносимо тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго второю Плевною, неуспѣхомъ перваго забалканскаго похода и продолжительнаго вынужденнаго бездѣйствія рущукскаго отряда. Куда ни взглянешь, все заволокло тучами. Вѣра въ успѣхъ, нужно говорить правду, была въ значительной степени подорвана. Никогда не было такъ страстно желаніе услышать о какой-нибудь блестящей побѣдѣ, которая пріободрила бы, приподняла духъ, но много еще должно было пройти времени, прежде чѣмъ фортуна повернула колесо въ нашу сторону. Будущее было сокрыто, а настоящее — куда какъ жутко.

— Раньше двухъ-трехъ недѣль нигдѣ ничего не будетъ, нужно ждать подкрѣпленій, авось тогда!

— Вотъ придетъ гвардія! она поможетъ!

Да, нужно было ждать! а между тѣмъ это ожиданіе у всѣхъ вызывало нервное, мрачное настроеніе. А тутъ еще къ пасмурному настроенію присоединилась пасмурная погода, пошли дожди, холодно, сыро. Развалившаяся крыша нашей лачуги нисколько не предохраняетъ отъ ливня. Поневолѣ одолѣваетъ какая-то безсильная злоба. Сумерки наступаютъ рано, и пошли длинные, темные, тоскливые вечера. Никакой разговоръ не идетъ на умъ. Только и знаешь, что бранишься. Одно развлеченіе — вечеромъ заслышишь зорю, доносятся звуки „Коль славенъ"; но теперь, вдалекѣ отъ Россіи, при общемъ тяжеломъ настроеніи, и безъ того заунывный мотивъ кажется вамъ какимъ-то скорбящимъ, плачущимъ. Далеко разносятся эти звуки и глубоко и больно захватываютъ они за душу.

Полное бездѣйствіе томило. Я рѣшился воспользоваться періодомъ выжиданія, чтобъ съѣздить въ Добруджу, гдѣ, разсказывали, ожидалось наступленіе турокъ, и покинулъ Горный-Студень. Дорога отъ Горнаго-Студеня, черезъ Царевичъ, въ Систово, имѣла самый оживленный видъ. Всюду разбросаны части тѣхъ корпусовъ, которые отошли отъ Плевны, по всей дорогѣ тянутся обозы, то и дѣло вы слышите:

— Ну, сѣрый! тяни!

Это голоса русскихъ крестьянъ-погонщиковъ, на ихъ горе, покинувшихъ екатеринославскую, херсонскую и другія южныя губерніи, чтобы забраться въ Болгарію, гдѣ ихъ такъ безсовѣстно разоряли и грабили... только не турки.

Вотъ и берегъ Дуная. Уже стемнѣло, когда я переправился черезъ мостъ. Съ берега раздалось дружное солдатское пѣніе, и въ эту недобрую минуту эта пѣсня производила такое впечатлѣніе, котораго во всю жизнь, кажется, никогда не забудешь. Знаетъ русскій солдатъ,

что насъ побили, знаетъ, что не ладно идетъ дѣло, но онъ не унываетъ и затягиваетъ свою пѣсню далеко, на чужбинѣ, и берега Дуная оглашаются задушевною солдатскою пѣснью. Онъ одинъ смотритъ бодро, онъ одинъ вѣритъ въ себя. Это были солдаты, которые шли дальше и остановились на бивуакѣ на берегу Дуная. Не думаютъ они о томъ, кто изъ нихъ вернется на родину, кто останется навсегда на чужбинѣ, и сложитъ свои кости, быть можетъ, подъ новою Плевною.

Они знаютъ только одно, что свою дорогую, геройскую кровь приносятъ они въ жертву своей родинѣ, и кажется имъ это такъ просто, что и заслуги точно нѣтъ никакой.

Долго слушалъ я это солдатское пѣніе, и тяжелыя думы невольно нагоняло оно, но въ этихъ думахъ не было мѣста ни для Турціи, ни для Болгаріи,—ихъ всецѣло поглощали причины нашего погрома, и больше погрома нравственнаго, нежели на полѣ битвы.

ГЛАВА IX.

Поѣздка въ Добруджу.

Чѣмъ дальше я удалялся отъ театра военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, тѣмъ болѣе вездѣ, во всемъ и во всѣхъ приходилось мнѣ встрѣчаться съ закравшимся въ умы духомъ сомнѣнія. Тревожное чувство—вотъ господствовавшая черта; оно свирѣпствовало, какъ злая эпидемія. Зараза была точно въ воздухѣ.

„Кампанія проиграна! дѣло нужно начинать сызнова!“ — вотъ что можно было слышать на каждомъ шагу, съ кѣмъ бы вы ни заговорили. Обвиненія сыпались на-право и на-лѣво,—обвиненія въ отсутствіи всякаго плана кампаніи, въ бездарности того или другого начальствующаго лица, въ плохой организаціи военнаго дѣла; раздавались, наконецъ, обвиненія въ продажности, въ воровствѣ, въ дорого заплаченномъ потворствѣ всяческимъ злоупотребленіямъ и мошенничествамъ.

„Нѣтъ, куда намъ воевать!“—съ неизъяснимою горечью произносили люди, у которыхъ наболѣла душа отъ тяжелыхъ разочарованій перваго періода войны. Въ этомъ духѣ самобичеванія чувствовалась спасительная реакція противъ той безграничной самонадѣянности, съ которою мы бросились въ войну, — и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ тылу арміи опасенія, озлобленіе и

негодованіе выражались болѣе ярко, чѣмъ на самомъ театрѣ войны. Отсутствіе точныхъ свѣдѣній, неизвѣстность того, что́ случилось или могло случиться вчера или сегодня, увеличивали тревожное состояніе, вызывавшее самыя мрачныя предположенія. Постоянно являвшіеся транспорты раненыхъ еще болѣе поддерживали мрачное настроеніе. Госпитали всюду стали переполняться. Въ Зимницѣ стоялъ стонъ, во Фратештахъ—стонъ, на всемъ пути до самаго Бухареста только и попадались, что поѣзды съ ранеными, увозившіе на родину тысячи жертвъ злополучныхъ сраженій.

„Подумайте, сколько пролито уже крови,—а чего мы достигли!"—повторялось на всемъ пути, точно всѣ сговорились произносить одни и тѣ же слова.

Уныніе господствовало не только среди насъ: нѣтъ, вмѣстѣ съ нами его раздѣляли и румыны. Они не радовались нашимъ неудачамъ,—они скорбѣли точно такъ же, какъ и мы, только къ ихъ скорби примѣшивалось чувство какого-то недоумѣнія и удивленія. Они, такъ сильно вѣровавшіе въ могущество Россіи, не могли опомниться отъ нашихъ неудачъ. Ихъ недоумѣніе намъ не нравилось, мы спѣшили въ немъ видѣть чувство злорадства, котораго въ то время въ дѣйствительности не существовало. Румынамъ было не до злорадства: они могли опасаться—и опасались уже—вторженія турокъ въ ихъ территорію, и не разъ по Бухаресту пробѣгалъ тревожный слухъ: „турки высадились на румынскій берегъ!" Слухъ такой, разумѣется, быстро опровергался, но появленіе его доказывало, какъ сильно была уже поколеблена вѣра въ наше неминуемое торжество. Бухарестъ,—все населеніе было точно пришиблено; въ гостинницахъ, въ кафе́, на улицахъ, казалось, даже говорили тише,—исчезло точно оживленіе; слѣды волненія, озабоченности видны были во всемъ. Городъ каждый часъ наполнялся самыми противорѣчивыми извѣстіями: то русскіе одержали, наконецъ, блистательную побѣду,—то турки прорвали нашу цѣпь и угрожаютъ отрѣзать отъ

переправы: то сдался Рущукъ,—то турки истребили рущукскій отрядъ; то Гассанъ-паша высадился въ Кюстенджи,—то генералъ Циммерманъ двинулся на Силистрію. Но никакіе слухи не вызывали такого трепета, какъ слухи о начавшихся аттакахъ Шипки. Двадцать разъ приходилось переживать тяжелыя минуты, когда разносилась вѣсть о томъ, что мы покинули этотъ болгарскій проходъ. Общее состояніе было въ высшей степени напряженное. Ничего вѣрнаго,—ничего опредѣленнаго; близко, кажется, отъ театра войны, а между тѣмъ все приходится ходить ощупью,—все потемки.

— Да, скажите, правда ли, что въ Добруджѣ что-то творится,—правда ли, что турки перешли въ наступленіе?

— Говорятъ—да; впрочемъ, не знаю.

И ни отъ кого нельзя было добиться вѣрныхъ извѣстій. Никто не зналъ, что̀ творится съ тридцати-тысячною арміею, такъ упорно бездѣйствовавшею въ Добруджѣ. Знали, впрочемъ, одно, что лихорадка не щадитъ нашихъ солдатъ. Поѣздка въ Добруджу не представляла ни малѣйшихъ затрудненій. До Браилова—по желѣзной дорогѣ, а изъ Браилова въ Черноводы два-три раза въ недѣлю ходили военные пароходы.

Въ Браиловѣ тишина и спокойствіе. Только присутствіе довольно значительнаго числа военныхъ, по-преимуществу—флотскихъ, напоминаетъ, что неподалеку происходитъ обильное истребленіе человѣческихъ жизней. Здѣсь военные не только не подвергаются никакимъ лишеніямъ, но живутъ даже привольно, если не весело. Дѣла почти никакого,—по-неволѣ приходится изыскивать средства, какъ бы пріятнѣе убить время. И время убивается. Каждый вечеръ въ одной изъ большихъ залъ обширной гостинницы собирается множество народа—и тутъ начинаются живые разговоры, споры. Румыны устроили въ залѣ родъ кафе-шантанъ, и заурядныя пѣвицы стараются развлекать общество. Одна черта поразила меня здѣсь—и мнѣ хочется ее отмѣтить. Въ Браиловѣ тѣ же русскіе

люди,—тѣ же военные, а между тѣмъ духъ, настроеніе нѣсколько иное, чѣмъ въ Петербургѣ, Москвѣ или любомъ русскомъ городѣ. Я не забуду, съ какимъ восторгомъ чуть не каждый вечеръ привѣтствовалось пѣніе „Марсельёзы", какъ заставляли повторять этотъ республиканскій гимнъ, какъ рукоплескали каждому куплету. Я только смотрѣлъ, слушалъ и дивился. Изъ тѣхъ, кто восторгался и рукоплескалъ, слушая звуки „Марсельёзы", никто, конечно, и не подозрѣвалъ, что онъ совершаетъ нѣчто предосудительное.

— Да что́ же вамъ кажется тутъ удивительнаго?—спросилъ меня одинъ изъ военныхъ, когда я заговорилъ съ нимъ по этому поводу.

— Да вы развѣ не знаете, что гимнъ этотъ строго воспрещенъ у насъ, въ Россіи?—развѣ вы рѣшились бы апплодировать ему, если бы кто-либо дерзнулъ публично пропѣть его хоть въ Петербургѣ?

— А почему же нѣтъ?

— Да потому, что васъ сейчасъ же заподозрили бы въ томъ, что вы заражены зловредными идеями.

— Богъ съ вами,—отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ:—да развѣ слушаніе „Марсельёзы" помѣшаетъ кому-либо изъ насъ, когда нужно, умереть за свою родину, взорвать себя на воздухъ,—словомъ, исполнить свой долгъ? Конечно, нѣтъ!

Онъ былъ совершенно правъ, и доказательство его правоты было на лицо. Изъ тѣхъ, кто рукоплескалъ „Марсельёзѣ", многіе были украшены уже Владиміромъ съ мечами и Георгіемъ. Но какъ бы то ни было, впечатлѣніе, которое производила эта зала, наполненная военными, рукоплещущими „Марсельёзѣ", было не совсѣмъ обычное. Конечно, придавать какое-либо особое значеніе этому факту было бы наивно, но онъ выражалъ собою все-таки, что здѣсь, на чужбинѣ, люди какъ-то вольнѣе дышатъ, свободнѣе чувствуютъ. Люди старались весело проводить время, и никого изъ нихъ, повидимому, не

смущала мысль, что можетъ быть завтра родина потребуетъ, чтобы они отдали ей свою жизнь.

— На войнѣ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ флотскихъ офицеровъ,—нужно жить, пока живется, и на смерть смотрѣть какъ на пустой случай! Придетъ—хорошо, нѣтъ—еще лучше, а если вѣчно думать о томъ, что̀ будетъ завтра, такъ лучше не жить!

И это не была фраза: онъ имѣлъ право такъ говорить, потому что ему пришлось уже лицомъ къ лицу встрѣтиться съ смертью! Но судьба пожелала, чтобы онъ остался живъ.

Всѣ почти одинаково относились къ своимъ обязанностямъ, и потому не мудрено, что здѣсь, въ Браиловѣ, люди томились отъ бездѣйствія. Знать, что вблизи постоянно дерутся, а самимъ сидѣть и выжидать у моря погоды, куда какъ тяжело.

— Если вы думаете, что мы очень веселимся, то вы глубоко заблуждаетесь. Каждый изъ насъ съ восторгомъ полетѣлъ бы туда, гдѣ есть что̀ дѣлать, лишь бы вырваться отсюда. Мы собираемся, смѣемся, апплодируемъ пѣвицамъ, стараемся всячески развлекаться, чтобы только не оставаться съ самими собою. И то ужъ жутко, а когда придетъ какая-нибудь депеша, такъ всю внутренность перевернетъ. Думать ни о чемъ не хочется, вотъ и идешь сюда, а на душѣ у каждаго кошки скребутъ. А со стороны посмотрѣть, такъ подумаешь: вотъ веселье-то! Богъ съ нимъ, съ такимъ весельемъ!

Подобныя разсужденія вы услышали бы отъ каждаго почти военнаго, невольно прикованнаго въ горячее время къ такому пункту, какъ Браиловъ или Черноводы, гдѣ можно было почти забыть, что находишься на войнѣ.

Моряки съ удовольствіемъ вспоминали то время, когда въ Мачинскомъ рукавѣ стояли турецкіе мониторы, на которые можно было предпринимать охоту, и, при счастьи, взрывать на воздухъ. Одинъ изъ погибшихъ мониторовъ, именно тотъ, который первымъ пошелъ ко

дну, привлекалъ теперь къ себѣ вниманіе. Вода въ Дунаѣ спала, изъ глубины показался турецкій мониторъ. Кормовая часть совсѣмъ вышла наружу, въ то время какъ носовая была еще погружена въ водѣ. Прогулка въ Мачинскій рукавъ къ турецкому монитору составляла одно изъ развлеченій Браилова, и я охотно воспользовался предложеніемъ взглянуть на этого утопленника-колосса, тѣмъ болѣе охотно, что въ Браиловѣ пришлось провести двое сутокъ, въ ожиданіи парохода въ Черноводы. Испросивъ разрѣшеніе осмотрѣть турецкій мониторъ, мы отправились туда на лодкѣ въ небольшой компаніи, въ сопровожденіи одного или двухъ матросовъ, участвовавшихъ во взрывѣ второго турецкаго монитора. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи, если не ошибаюсь, Рыжепа, представлялъ изъ себя превосходный типъ русскаго матроса. Онъ былъ, при взрывѣ монитора, на катерѣ Шестакова и Петрова. Его разсказъ, этого простого матроса, если бы записать его цѣликомъ, былъ несравненно живѣе всего того, что́ писалось по этому поводу, и несравненно картиннѣе передавалъ этотъ по-истинѣ удивительный по смѣлости подвигъ. Ни гордости, ни тѣмъ менѣе хвастовства не было и тѣни въ разсказѣ Рыжепы.

— Отчего же тебѣ не дали Георгія?—спрашиваю я его.

— Какъ не дали? я Георгія получилъ!

— Да, отчего же ты его не носишь?

— А чего его таскать! я его спряталъ.

Рыжепа не хвастаетъ своимъ Георгіемъ, полученнымъ за дѣйствительную заслугу.

— Что же, страшно было, когда подходили къ монитору?—спросилъ я его.

— Ужъ не могу сказать, не знаю, страшно было или не страшно,—отвѣчалъ онъ,—какъ стали стрѣлять, я дѣломъ своимъ занялся, и не помню, а какъ близко стали подходить, такъ страшно стало!

Онъ и не подумалъ о томъ, чтобы порисоваться и выставить себя человѣкомъ, не знающимъ страха.

— Какъ же не страшно!—продолжалъ онъ:—вѣдь что пуль они въ насъ пустили. Долго ли тутъ до грѣха!

Мы вошли въ Мачинскій рукавъ, гдѣ теперь все было такъ мирно, и только кости, лохмотья отъ турецкихъ мундировъ, да попадавшіеся черепа напоминали, что еще недавно въ этой мѣстности смерть забирала свои жертвы. Скоро показалась и оголившаяся часть монитора. На берегу, противъ утопленника, стояли часовые, наблюдавшіе, чтобы никто, не имѣющій разрѣшенія, не подходилъ къ нему слишкомъ близко. Охотниковъ до поисковъ на турецкомъ мониторѣ разныхъ вещественныхъ „воспоминаній" было довольно. Мы также были въ ихъ числѣ. Нужно ли говорить, что мониторъ, два мѣсяца пробывшій подъ водою, представлялъ собою страшную картину разрушенія. Мы взобрались на кормовую часть, гдѣ было разбросано безчисленное количество промокшихъ насквозь листовъ бумаги, полусгнившія, разодранныя турецкія куртки, всевозможные флаги, осколки посуды, какой-то утвари. Изъ каюты, наполненной грязною, мутною водою, шелъ смрадный запахъ. Мы всѣ не прочь были заняться легкимъ мародерствомъ, но у одного офицера въ особенности было страстное желаніе во что́ бы то ни стало раздобыть себѣ на память турецкое ружье.

— Не можетъ быть, — говорилъ онъ, — чтобы тутъ не сыскалось ружья, куда же они всѣ могли дѣваться?

Но на палубѣ не было не только ружья, но ничего такого, что̀ бы можно было взять себѣ „на память".

— Ваше благородіе позвольте мнѣ раздѣться, я пошарю въ каютѣ,—проговорилъ тотъ же Рыжепа.

— Да куда ты полѣзешь, вѣдь тамъ гнили сколько, однихъ турокъ сколько!

— Не страшны они, и съ живыми справлялись, а ужъ съ этими-то...

И полѣзъ онъ въ эту гнилую воду и сталъ шарить. Черезъ нѣсколько минутъ отыскалъ-таки ружье, но онъ этимъ не довольствовался.

— Ваше благородіе, — закричалъ онъ изъ-подъ воды: — турка лежитъ!

— Ну, вылѣзай!

— Да еще ящикъ какой-то стоитъ!

И сталъ онъ вытаскивать ящикъ. Это былъ цѣлый чемоданъ. Открыли его и увидѣли цѣлую коллекцію всевозможныхъ видовъ, фотографій и совсѣмъ новый мундиръ, шитый золотомъ, украшенный звѣздами и медалями.

Нужно покаяться. Мы сняли эти ордена и медали и по-братски раздѣлили между собою. Массу вещей находили на мониторѣ, всевозможныя книги, кораны, оружіе, но Рыжепа не могъ успокоиться. Ему хотѣлось отыскать „лиры". Съ кормовой части мы переѣхали на башню, но едва могли тамъ пробыть нѣсколько секундъ. Подъ желѣзною рѣшеткою торчали восемь или десять труповъ, находившихся въ состояніи самаго полнаго разложенія. Когда одинъ изъ матросовъ копнулъ багромъ одинъ изъ этихъ труповъ, послышался такой смрадъ, что какъ шальные всѣ бросились въ лодку и старались какъ можно скорѣе отплыть отъ монитора. Война укрѣпляетъ нервы и пріучаетъ къ самымъ оригинальнымъ ощущеніямъ. Чего хуже какъ рыться среди мертвыхъ, въ конецъ сгнившихъ труповъ, добывать ихъ вещи; въ обыкновенное время при одной мысли о томъ морозъ пробиралъ бы по кожѣ, а на войнѣ чувствительность притупляется, эти мертвецы почему-то не вызываютъ жалости, и смотришь на такое дѣло какъ вполнѣ естественное.

— Цѣлое кладбище! — проговорилъ одинъ изъ насъ, когда мы отъѣхали нѣсколько шаговъ, и страшное зловоніе перестало душить.

И правда, этотъ мониторъ былъ кладбищемъ болѣе чѣмъ сотни людей...

Браиловъ представлялъ и другой интересъ. Здѣсь расположены были нѣсколько отдѣленій военныхъ госпиталей, пріемный баракъ „Краснаго Креста", устроенный

въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега Дуная. Баракъ „Краснаго Креста“ никогда не оставался безъ дѣла,—напротивъ, онъ всегда былъ переполненъ, но не жертвами турецкихъ пуль, а жертвами различныхъ болѣзней и по преимуществу лихорадки, которыми такъ богата Добруджа. Для перевозки больныхъ и ходилъ каждые два дня пароходъ изъ Браилова въ Черноводы, гдѣ онъ забиралъ заболѣвавшихъ и привозилъ въ Браиловъ. На такомъ именно пароходѣ я и отправился на другой день въ Добруджу, и воспоминаніе объ этой поѣздкѣ въ Черноводы останется для меня однимъ изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній во все злополучное время войны. Я успѣлъ уже привыкнуть къ радушію и привѣтливому отношенію нашихъ офицеровъ, но едва ли гдѣ это радушіе достигало такихъ размѣровъ, какъ среди нашихъ моряковъ; довольно было двухъ, трехъ дней, чтобы привязаться и полюбить ихъ, до такой степени они располагали своею простотою и искренностью. Я ѣхалъ въ Черноводы на пароходѣ „Stephan cel More“, командиромъ котораго былъ лейтенантъ Петровъ, оставившій по себѣ память въ исторіи послѣдней войны.

Путь отъ Браилова до Черноводъ мы совершили въ четырнадцать часовъ, но я не замѣтилъ, какъ время пробѣжало. Мнѣ пришлось выслушать много интересныхъ разсказовъ, которые я не стану передавать, въ надеждѣ, что эти разсказы сдѣлаются извѣстны черезъ самихъ очевидцевъ, или, вѣрнѣе, участниковъ интересныхъ эпизодовъ въ исторіи послѣдняго года. Пройдя мимо цѣлаго ряда минныхъ загражденій, вдоль довольно красивыхъ береговъ Дуная, поздно вечеромъ мы пришли въ Черноводы.

— Объясните пожалуйста,—приходилось мнѣ спрашивать,—откуда распространился этотъ ужасный слухъ, что турки перешли здѣсь въ наступленіе, вышли изъ Варны, что Гассанъ-паша чуть не высадился въ Кюстенджи, было ли хоть что-либо похожее на такую исторію?

— Ни тѣни подобія! Турки сидятъ совершенно спо-

койно, мы не безпокоимъ ихъ, они не безпокоятъ насъ. Повидимому, мы живемъ въ мирѣ другъ съ другомъ. Никакимъ слухамъ о движеніи нашего корпуса вы никогда не вѣрьте. Турки не имѣютъ достаточно силъ, чтобы бросить противъ насъ армію, мы же въ свою очередь обречены на бездѣйствіе, и это самое обидное. Тутъ слишкомъ много войска, чтобы ничего не дѣлать, и слишкомъ мало, чтобы можно было предпринять что-либо рѣшительное.

Жалобы на вынужденное бездѣйствіе корпуса, расположеннаго въ Добруджѣ, были всеобщія. На бездѣйствіе жаловались низшіе офицеры, рвавшіеся въ бой, на него же жаловались начальствующія въ Добруджѣ лица, игравшія чисто пассивную роль.

— Я рѣшительно не понимаю плана настоящей кампаніи, — говорилъ мнѣ одинъ изъ опытныхъ генераловъ, — и порой даже сомнѣваюсь, — думали ли когда-нибудь о немъ. Всѣ движенія, расположеніе корпусовъ, все это, повидимому, совершается по наитію Святого Духа. Къ чему мы здѣсь стоимъ, конечно, — никто не съумѣетъ объяснить. Тамъ, подъ Плевной, подъ Рущукомъ, вездѣ жалуются на недостатокъ войскъ, все требуютъ новыхъ подкрѣпленій, а здѣсь оставляютъ въ полномъ бездѣйствіи болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, которые тамъ, конечно, пригодились бы! Разбросались по всей странѣ безъ всякаго прока, вотъ и приходится требовать все новыхъ и новыхъ войскъ. Я при самомъ началѣ кампаніи, когда мы еще не переходили Дуная, твердилъ, что армія въ Добруджѣ будетъ обречена на бездѣйствіе, что Силистрію обложить мы безсильны, слишкомъ малочисленны, а другого дѣла предпринимать не можемъ. Вотъ и ждемъ у моря погоды, прибѣгая для развлеченія къ мелкимъ стычкамъ...

Всѣ эти разсужденія сопровождались обычнымъ уже припѣвомъ: хорошо, что мы воюемъ съ турками, а то такое легкомысленное отношеніе къ дѣлу не прошло бы даромъ!

Я не берусь, разумѣется, судить, ничего не понимая въ военномъ дѣлѣ, насколько основательна была эта критика нашихъ военныхъ дѣйствій, но думаю, что подобные отзывы, если они исходятъ отъ людей, занимающихъ высокое положеніе въ военной іерархіи, слѣдуетъ приводить, хотя бы для того только, чтобы вызвать возраженіе, если отзывы эти несправедливы. Читатель не упрекнетъ меня, безъ сомнѣнія, что я не называю фамилій тѣхъ лицъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать. Я зналъ только одно, что наше легкомысліе и не обходилось намъ даромъ. Я съ избыткомъ могъ въ томъ убѣдиться 30-го августа, — день, о которомъ всѣ серьёзно любящіе свою родину должны вспоминать гораздо чаще, чѣмъ о дняхъ послѣдующихъ побѣдъ надъ деморализованнымъ уже и сравнительно малочисленнымъ непріятелемъ...

Въ Черноводахъ нечего было дѣлать. Жизнь тутъ шла изо дня въ день, вяло, скучно, всѣ томились бездѣйствіемъ и проклинали свою судьбу. Какъ только кто-нибудь заѣзжалъ въ эту забытую армію, всѣ набрасывались съ вопросомъ: что́ новаго? что́ дѣлается на театрѣ войны?—точно тутъ они были за тридевять земель отъ театра военныхъ дѣйствій. Я говорю: — всѣ, не дѣлая даже исключенія для корпуснаго командира, который только по слухамъ, да по старымъ газетамъ узнавалъ, что́ происходитъ вокругъ Плевны, подъ Тырновомъ или подъ Рущукомъ. Оффиціальныхъ извѣстій сюда никто не сообщалъ. Неудивительно, что всѣ, отъ старшаго до младшаго, тяготились своимъ положеніемъ. Одинъ только интересъ и былъ—сколько больныхъ, увеличивается или уменьшается лихорадка! Жизнь текла мирно до озлобленія, и мнѣ кажется, всѣ бы какъ манне небесной обрадовались, если бы узнали, что турки перешли въ наступленіе. Но турки бездѣйствовали тутъ точно такъ же, какъ и мы.

— Что́ же однако подало поводъ къ слуху, что турки съ моря хотятъ захватить Кюстенджи?—спрашивалъ я.

— Никакого повода не было, да къ Кюстенджи и подойти имъ нельзя, у насъ вездѣ минныя загражденія: пусть только попробуютъ.

Отъ Черноводъ до Кюстенджи шла желѣзная дорога, по которой было совершенно правильное сообщеніе. Какъ только мы заняли Черноводы, тотчасъ явились англичане, управляющіе этою дорогою, и объявили, что желѣзная дорога находится съ этой минуты въ нашемъ распоряженіи, что мы ея полные хозяева, словомъ, обошлись крайне почтительно. Разсказывали, что турки желали испортить весь путь, но англичане не дозволили имъ этого сдѣлать.

Убѣдившись, что въ Добруджѣ спокойствіе самое невозмутимое, я отправился въ Браиловъ. Пароходъ забралъ съ собою человѣкъ до ста-двадцати больныхъ, которыхъ сложили на палубѣ, ни мало, само собою разумѣется, не приспособленной для перевозки больныхъ и раненыхъ, которыхъ доставляли отъ времени до времени происходившія аванпостныя стычки и разъѣзды. Къ счастію, погода была превосходная, жаръ доходилъ до 40°, такъ что вызывалъ даже у больныхъ солнечные удары. Но можно ли было думать о защитѣ людей отъ зноя, когда ничего не было сдѣлано для защиты ихъ отъ холода и дождей! Въ томъ же миломъ, задушевномъ обществѣ нашихъ моряковъ я возвратился въ Браиловъ, и въ ту же ночь отправился обратно въ Бухарестъ.

ГЛАВА X.

На пути къ Плевнѣ.

Увѣренность въ близости большого, рѣшительнаго сраженія подъ Плевной сдѣлалась теперь всеобщей. На каждомъ шагу, на улицѣ, въ кафе́, въ отелѣ вездѣ можно было услышать слова: „на-дняхъ будетъ сраженіе!“ На чемъ это основывалось — никому не было извѣстно, но всѣ до такой степени чувствовали какую-то тягость, у всѣхъ было такое напряженное состояніе духа, что всѣ охотно вѣрили въ близость рѣшительнаго и, главное, несомнѣнно счастливаго боя.

— Да отчего вы думаете, что будетъ сраженіе?

— Будетъ навѣрное, такъ тянуться не можетъ, новыя войска уже подошли.

На войнѣ необыкновенно легко поддаешься всякимъ слухамъ, хотя и знаешь, что бо́льшею частію они бываютъ неосновательны. Знаешь, что не такъ, а все-таки вѣришь.

Подъ впечатлѣніемъ такого слуха, который на этотъ разъ оказался справедливымъ, я порѣшилъ покинуть Бухарестъ и возвратиться въ Горный-Студень.

Опять дорога отъ Бухареста до Журжева, испытавшаго еще нѣсколько бомбардировокъ, опять оживленный путь вдоль берега Дуная, отъ Журжева до Зимницы, теперь еще болѣе переполненной, болѣе грязной, опять пере-

права черезъ Дунай, только черезъ второй новый мостъ, опять Систово и мои добродушные хозяева болгары, принявшіе меня еще болѣе дружески и уступившіе мнѣ теперь свою лучшую комнату.

Въ Систовѣ никто уже не могъ сомнѣваться въ томъ, что мы готовимся дать рѣшительное сраженіе и, какихъ бы то ни стоило жертвъ, овладѣть, наконецъ, Плевною. Всюду были замѣтны слѣды приготовленія къ новому бою; каждый день изъ Систова тянулись обозы, военные госпитали старались освободить у себя мѣсто, „Красный Крестъ" также суетился, уполномоченные разъѣзжали взадъ и впередъ, въ складѣ всѣ были въ хлопотахъ, вездѣ, куда вы ни придите, былъ только одинъ разговоръ о предстоящемъ сраженіи.

— Ну, что-то Богъ дастъ, неужели и въ этотъ разъ не будетъ побѣды!

— Какъ можно, что вы! теперь все готово, Плевна будетъ взята, это навѣрно!

— Но, позвольте, отчего вы думаете, что мы рѣшимся еще разъ аттаковать Плевну, кто это сказалъ?

— Да объ этомъ и рѣчи быть не можетъ! Въ главной квартирѣ никто этого не скрываетъ!

Единственно о чемъ еще спорили, это о днѣ рѣшительнаго сраженія. Одни утверждали, что оно рѣшено на 26-е августа, другіе говорили, что Плевна будетъ взята только 30-го августа. Событія оправдали, какъ извѣстно, и тѣхъ и другихъ, такъ какъ 26-го августа съ разсвѣтомъ былъ открытъ артиллерійскій огонь, а 30-го августа была произведена генеральная аттака.

Одно мнѣ казалось удивительнымъ, это—необычайная откровенность, съ которою говорилось о предстоящемъ сраженіи. Будучи профаномъ въ военномъ дѣлѣ, я полагалъ, что такія дѣла, какъ рѣшеніе аттаки, назначеніе на тотъ или другой день сраженія, должны храниться въ величайшей тайнѣ, а не быть извѣстными всѣмъ и каждому чуть не за двѣ недѣли, такъ какъ извѣстіе несомнѣнно дойдетъ до непріятеля и онъ будетъ имѣть

возможность приготовиться къ энергическому сопротивленію. Повидимому, я совершенно заблуждался, тайны изъ предстоящаго сраженія никто не дѣлалъ: должно быть—увѣренность въ побѣдѣ была велика. Нужно было спѣшить—и я направился къ Горному-Студеню. Эта деревня, по волѣ капризной судьбы получившая историческую извѣстность, значительно повеселѣла въ тѣ двѣ недѣли, что я ее покинулъ. Вездѣ происходили сборы, всѣ приготовлялись къ выступленію, всюду чувствовалась здѣсь какая-то увѣренность въ успѣхѣ. Можно было думать, что побѣда уже одержана, а не то, чтобы ее предстояло еще одержать.

— Отчего вы такъ увѣрены въ побѣдѣ?—приходилось спрашивать.

— Еще бы не быть увѣреннымъ, у насъ теперь сосредоточены подъ Плевной огромныя силы! Если 18-го іюля мы чуть-было ея не взяли, то теперь нельзя и сомнѣваться въ успѣхѣ.

Вѣра въ успѣхъ заразительна, особенно когда этого успѣха такъ желаешь, и потому трудно было устоять противъ соблазна розовыхъ надеждъ. Да, наконецъ, и въ самомъ дѣлѣ, казалось, пора ужъ было счастью улыбнуться и въ нашу сторону. Вотъ отчего сборы подъ Плевну были такъ веселы. Мы отправлялись на торжество. Предзнаменованія были счастливыя. Часть арміи Османа-паши, желавшая перейти въ наступленіе, была оттиснута нашими войсками. Этотъ успѣхъ долженъ былъ вселить еще бóльшую бодрость. Два, три дня спустя новая побѣда—турки были выбиты изъ Ловчи послѣ упорнаго боя. Увѣренность въ побѣдѣ, во взятіи Плевны проникла даже въ тѣхъ, кто относился скептически къ предстоявшей борьбѣ на томъ самомъ полѣ, гдѣ 8-го и 18-го іюля сложила свои кости не одна тысяча русскихъ солдатъ и офицеровъ.

Съ большого поля, гдѣ расположенъ былъ лагерь, многія палатки уже были сняты, всѣ были точно на чеку, ожидая одного слова: выступать! Кого ни спро-

сишь: вы куда? одинъ отвѣтъ: подъ Плевну! Направлялись туда даже такія лица, которыя вовсе не должны были тамъ присутствовать, но никто не желалъ упустить случая быть свидѣтелемъ торжества изъ торжествъ. Я помню, какъ горько жаловался одинъ изъ уполномоченныхъ „Краснаго Креста", лежавшій больнымъ въ Горномъ-Студенѣ.

— Это ужасно!—говорилъ онъ:—сдѣлать всю кампанію, быть свидѣтелемъ всѣхъ тяжелыхъ событій, а теперь, когда наступилъ самый интересный моментъ, оставаться одному въ этой отвратительной ямѣ! Какъ я вамъ завидую, что вы будете тамъ!

И зависть эта въ то время казалась вполнѣ понятна! Кто могъ ожидать, что придется завидовать тѣмъ, кто не былъ свидѣтелемъ невыразимо тяжелыхъ дней, тянувшихся цѣлую вѣчность отъ 26-го августа по 1-ое сентября.

Примкнувъ къ небольшому отряду „Краснаго Креста", состоявшему изъ 15-ти, 16-ти студентовъ, 9-ти или 8-ми сестеръ милосердія, одного доктора, профессора московскаго университета, да еще трехъ, четырехъ человѣкъ, я оставилъ Горный-Студень, направляясь къ плевненскимъ позиціямъ. Воспоминаніе объ этомъ трехъ-четырехдневномъ переходѣ навсегда останется для меня однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ среди столькихъ другихъ тяжелыхъ и мрачныхъ! Благодаря этому переходу, я имѣлъ случай ближе присмотрѣться къ той русской молодежи, а также къ тѣмъ русскимъ женщинамъ, которыя, исключительно воодушевленныя любовью къ своей родинѣ, не думая о тяжеломъ, часто непосильномъ трудѣ, не помышляя объ опасности сдѣлаться жертвами тифа и другихъ заразительныхъ болѣзней, явились сюда съ одною цѣлію — облегчить безмѣрныя страданія нашихъ солдатъ и офицеровъ. Говорить о томъ, что дѣятельность ихъ была плодотворна, что всѣ они, безъ исключенія, были полны самоотверженія, было бы почти безполезно. Кто этого не знаетъ,—едва-ли это не единствен-

ная сторона пережитой войны, относительно которой не существуетъ двухъ мнѣній. Всѣ въ одинъ голосъ признаютъ, что сестры милосердія, студенты и студентки вели себя все время вполнѣ безукоризненно.

Зная нѣсколько, какъ относятся у насъ дома къ молодежи, студентамъ, студенткамъ, фельдшерицамъ и т. д. и слушая на Дунаѣ восторженныя похвалы, мнѣ невольно приходилъ не одинъ разъ въ голову вопросъ: что же, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ это быстрое превращеніе?—сюда ли явились другіе люди, здѣсь ли они быстро измѣнились, или все это одни и тѣ же люди, но только дома мы не желаемъ нисходить до нихъ, и принимаемъ на вѣру всѣ тѣ клеветы, которыя распространяются на ихъ счетъ людьми, любящими ловить рыбу въ мутной водѣ, а здѣсь, столкнувшись съ ними ближе, мы волей-неволей почувствовали уваженіе къ самоотверженности, къ самопожертвованію и другимъ свойствамъ, дома вызывающимъ одно только немилосердое бичеваніе. Вопросъ этотъ заслуживалъ вниманія, и я радовался представившемуся случаю поближе познакомиться съ тѣмъ элементомъ, который, наравнѣ съ нашимъ солдатомъ и скромнымъ офицеромъ, вызвалъ къ себѣ и любовь и уваженіе цѣлой Россіи.

Всѣ тѣ сестры милосердія, вся та молодежь, студенты и студентки, молодые врачи и фельдшерицы, которыхъ я видѣлъ и раньше и послѣ, въ госпиталѣ, и на перевязочномъ пунктѣ, убѣдили меня, что среди этого элемента не существовало почти исключеній, а если они и были, то такъ ничтожны, что о нихъ не стоитъ и говорить.

Всѣ, конечно, работали съ неутомимою энергіею, любовью, самоотверженіемъ, но все-таки на долю женщинъ выпало самое тяжелое дѣло. Женщина была душою госпиталя, она была и у кровати больного, она прислуживала во время ампутацій, она перевязывала раненаго, она смотрѣла за чистотою, она наблюдала, чтобы больной получалъ пищу, заглядывала въ котлы, заботясь,

чтобы раненаго не отравили гнилью, всюду чувствовалось ея присутствіе, но за то она и не знала покоя ни днемъ, ни ночью.

Нельзя себѣ представить ту громадную разницу, которая существовала между госпиталемъ съ сестрами милосердія и госпиталемъ, гдѣ ихъ не было. Стоило только войти въ любую палату, чтобы, не спрашивая, уже знать—есть тутъ сестры или нѣтъ. Тамъ, гдѣ были сестры милосердія, тамъ и воздухъ лучше, и въ комнатѣ чисто, и постельное бѣлье опрятно, тамъ, кажется—даже больные и раненые менѣе страдаютъ. Нѣтъ сестеръ,—все въ безпорядкѣ, все грязно, все производитъ отталкивающее впечатлѣніе, тамъ больные и раненые представляютъ несравненно болѣе жалкій видъ. Во время войны въ госпиталяхъ и баракахъ можно было вдоволь убѣдиться, что въ дѣлѣ помощи больнымъ и раненымъ ничто не способно замѣнить женской руки. Мнѣ приходилось, само собою разумѣется, наблюдать дѣятельность сестры милосердія и въ сравнительно спокойное время, т.-е. въ тѣ дни, когда ни откуда не доносился мучительный гулъ орудій, въ госпиталяхъ, не ожидавшихъ съ минуты на минуту подвоза новаго транспорта больныхъ и раненыхъ; — случалось видѣть ее и въ тревожные дни, наканунѣ сраженій; — наконецъ, она прошла передъ моими глазами въ страшныя ночи, слѣдующія за битвой, когда десятки тысячъ раненыхъ превращаютъ перевязочные пункты въ невообразимый адъ. И вездѣ, во всѣхъ случаяхъ сестра милосердія всегда оставалась вѣрна себѣ.

Войдите въ любой госпиталь, гдѣ есть только сестра милосердія, и вы всегда найдете ее на своемъ посту. По-истинѣ, она не знаетъ никакого покоя. Пробудьте въ госпиталѣ цѣлый день, и вы увидите, что сестра милосердія не знаетъ спокойной минуты. Раненый попроситъ пить, она подходитъ къ нему и напаиваетъ; раненому неловко, нужно поправить подушку, переложить на другой бокъ,—она исполняетъ это по первому

слову; часто требуется для этого не-женская сила, она находитъ ее въ себѣ; нужно перевязать рану, одинъ видъ которой обдаетъ васъ холодомъ, она перевяжетъ ему, и никогда ни словомъ, ни взглядомъ не покажетъ, чтобы ей было то тяжело или непріятно. Сестра милосердія не выходитъ изъ палаты, она цѣлый день то кормитъ больныхъ и раненыхъ, то помогаетъ врачу, когда тотъ промываетъ рану, то, наконецъ, присутствуетъ при тяжелыхъ операціяхъ, подавая воду, губку, обтирая кровь. Въ другое время, у себя, дома, одинъ видъ ампутаціи заставилъ бы убѣжать женщину или дѣвушку,— здѣсь же сила воли, сознаніе великаго долга заставляетъ молчать ея нервы. А это вовсе не легко. Иной мужчина, во время операціи, не выдержитъ и отойдетъ въ сторону, чтобы не видѣть только ужасной картины, а сестра милосердія стоитъ спокойно, и если вы станете судить по наружности, то вы скажете, что у нея не дрогнетъ ни одинъ мускулъ. Но это внѣшнее спокойствіе стóитъ ей тяжелыхъ внутреннихъ страданій.

— Какъ вы можете присутствовать при этомъ,— пришлось разъ спросить сестру милосердія, съ невозмутимымъ спокойствіемъ стоявшую около одного тяжело раненаго, которому только-что ампутировали всю руку по плечо.

— Что же дѣлать, я должна!—отвѣчала она.

— Но вы спокойно переносите эти стоны, видъ крови, инструмента, врѣзывающагося въ человѣческое тѣло?

— Не могу похвастаться; до сихъ поръ не могу привыкнуть, каждый разъ кажется, что вотъ-вотъ не выдержу, но нельзя: взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ.

— Но какъ же вы дѣлаете, чтобы казаться только спокойною!

— Да вѣдь я знаю, что я тутъ нужна, ну, и крѣплюсь!

И этой сестрѣ не было, можетъ быть, и двадцати лѣтъ, и до войны она была просто „барышня". Ничто не разви-

ваетъ такъ характера, энергіи, силы воли, какъ сознаніе своего долга служить своему обществу, быть полезнымъ людямъ, но, увы!—на пути къ этому долгу встрѣчается такъ много и такъ часто, у насъ въ особенности, всяческихъ постороннихъ препятствій. Война устранила ихъ для дѣятельности сестры милосердія, и множество русскихъ съ радостію откликнулись на зовъ—отдать всѣ свои силы, пожертвовать даже жизнію ради облегченія страданій своего ближняго. Нѣтъ никакого сомнѣнія что самымъ главнымъ двигателемъ всѣхъ тѣхъ, которыя спѣшили на помощь къ русскому солдату и офицеру, было чувство человѣколюбія, но былъ также и другой двигатель, который зовется жаждою дѣятельности. Множество русскихъ женщинъ скучаютъ, тяготятся своимъ сплошь и рядомъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, такъ какъ на какой бы путь серьёзнаго труда онѣ ни пожелали вступить, всюду и вездѣ они встрѣчаютъ разставленныя имъ преграды. Женщина жаждетъ работать, быть дѣятельнымъ членомъ общества, съ отвращеніемъ отворачивается отъ той пустоты, которая такъ многихъ бросаетъ въ утонченный свѣтскій „приличный“ и покрытый вуалью развратъ; но лишь только женщина принимается за работу, ее встрѣчаютъ какимъ-то недовѣріемъ и спѣшатъ дать пошлую кличку: нигилистка!—а съ этимъ словомъ неизбѣжно связана самая недвусмысленная подозрительность, такъ часто стоющая дѣвушкѣ или женщинѣ лишенія своей свободы. Вотъ почему только самыя сильныя натуры рѣшаются на борьбу съ этими преградами, а большинство скучаетъ, гибнетъ отъ пустоты, не сознавая въ себѣ силы и энергіи относиться равнодушно къ преслѣдующей ихъ клеветѣ. Война вдругъ устранила преграды на одномъ изъ путей женской дѣятельности, и громадное число дѣвушекъ и женщинъ бросаются въ госпитали, не спрашивая даже себя, обладаютъ ли онѣ достаточными физическими силами для такого часто непосильнаго труда. Многія нашли въ дѣятельности сестры милосердія для себя выходъ изъ тяжелаго положенія, и

о всемъ остальномъ уже больше не помышляли. И нужно было видѣть, съ какимъ рвеніемъ и самоотверженіемъ исполняли онѣ принятую на себя обязанность, съ какимъ инстинктивнымъ тактомъ съумѣли онѣ поставить себя во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ.

Отношеніе сестеръ милосердія къ солдатамъ и офицерамъ было по-истинѣ безукоризненное. Онѣ не знали никакого различія въ положеніяхъ, для нихъ существовало только одно—больной, раненый. Какъ за простымъ солдатомъ, такъ и за любымъ офицеромъ онѣ ухаживали съ одинаковою любовью, безропотно перенося капризы, дурное расположеніе духа, подъ-часъ даже раздражительность, доходившую до грубости. Опасеніе быть или казаться болѣе внимательною къ офицеру, чѣмъ къ солдату, заставляло даже иныхъ посвящать себя исключительно уходу за солдатами, что́, конечно, составляло уже отступленіе отъ строгаго правила сестры милосердія—не видѣть ничего, кромѣ страданія, требующаго помощи. Мнѣ пришлось встрѣтить одну сестру милосердія, принадлежащую къ кругу свѣтскихъ женщинъ, и она мнѣ говорила:

— Я ухаживаю только за солдатами, въ мою палату я не пускаю офицеровъ!

— Да развѣ для васъ не все равно, за кѣмъ вы ухаживаете: за солдатомъ или за офицеромъ, вы вѣдь знаете только раненаго, страдающаго человѣка!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала она:—офицерамъ всегда лучше, солдаты болѣе нуждаются въ уходѣ!

И дѣйствительно, все время, которое она оставалась сестрой милосердія, она исключительно посвящала свои силы солдатамъ. Строго говоря, въ этомъ исключительномъ служеніи солдатамъ было, разумѣется, такое же отступленіе отъ обязанности сестры милосердія, которая не должна дѣлать никакого различія между нуждающимися въ помощи, какъ и въ томъ, если бы какая-нибудь сестра милосердія отказалась ухаживать за солдатами и посвятила себя исключительно уходу за офицерами, но

я говорю это вовсе не для укора. Въ этомъ предпочтеніи солдатъ передъ офицерами, одинаково свято исполнявшими свой долгъ, можно видѣть только утрированное желаніе не дозволить себѣ ни малѣйшаго различія въ обращеніи между солдатами и офицерами.

Но если сестры милосердія не щадили своихъ силъ въ исполненіи ихъ тяжелой обязанности, то онѣ за то находили себѣ вознагражденіе въ томъ, какъ относились къ нимъ всѣ больные и раненые отъ нижняго чина до высшаго. Мнѣ нѣтъ надобности приводить слишкомъ хорошо извѣстныхъ примѣровъ той теплоты, сердечности, благодарности, которая выражалась въ словахъ, взглядахъ, во всемъ обращеніи раненыхъ съ сестрами. Такія чувства можно было наблюдать въ любомъ госпиталѣ, гдѣ были только сестры милосердія. Достаточно было слышать, какъ солдаты произносили слово „сестрица", чтобы понять, какую горячую любовь съ-разу завоевали себѣ сестры милосердія среди русской арміи. Весьма многія изъ сестеръ милосердія, по преимуществу изъ студентокъ, помимо мягкости, гуманности, безпредѣльной преданности своему святому дѣлу, обнаруживали такія знанія, опытность, что являлись весьма серьёзными помощницами часто недостаточнаго мужского врачебнаго персонала. Казалось бы, что опытъ послѣдней войны въ дѣлѣ женской медицинской дѣятельности, такъ блистательно доказавшій, какія важныя услуги могутъ оказывать женщины въ этомъ направленіи, навсегда долженъ былъ бы устранить всякія поползновенія къ стѣсненію женской дѣятельности, стѣсненію, обязанному своимъ существованіемъ недовѣрію и подозрительности начальства въ неблагонамѣренности учащихся и работающихъ женщинъ, но на дѣлѣ оказывается, что подозрительность эта нисколько не измѣнила своего характера, и не успѣла окончиться война, какъ появляются опять на сцену различныя мѣропріятія, направленныя къ стѣсненію женской дѣятельности. А между тѣмъ стоило бы лишь разузнать поближе, какъ вели себя всѣ

тѣ молодыя дѣвушки и женщины, которыя явились на театръ войны, какъ вели онѣ себя въ смыслѣ „направленія“, чтобы отказаться разъ навсегда отъ различныхъ стѣснительныхъ распоряженій. Если бы было произведено такое изслѣдованіе, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно дало бы самые великолѣпные результаты въ пользу поведенія и всей дѣятельности сестеръ милосердія. Не разъ, конечно, заходила о нихъ бесѣда, и всегда и вездѣ приходилось выслушивать одинаково хвалебные отзывы.

— Я каюсь, — говорилъ мнѣ одинъ изъ уполномоченныхъ „Краснаго Креста“, — я былъ до этой войны заклятымъ врагомъ всѣхъ этихъ женскихъ курсовъ, всѣхъ женскихъ университетовъ; мнѣ казалось, что все это стремленіе къ высшему образованію прикрываетъ собою только стремленіе къ синимъ очкамъ, да къ стриженымъ волосамъ, и что всѣ подобныя учрежденія являются только разсадниками нигилизма, распущенности нравовъ, словомъ—порождаютъ самое прискорбное направленіе! Но теперь, когда я увидѣлъ на дѣлѣ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, этихъ студентокъ, я совершенно измѣнилъ свой взглядъ и отношусь къ нимъ съ самымъ полнымъ уваженіемъ. И замѣтьте, я нисколько не заблуждаюсь относительно ихъ воззрѣній, убѣжденій, но что мнѣ за дѣло, что у нихъ такія убѣжденія, а у меня другія, я знаю теперь, что они горячо любятъ Россію, потому что, не любя, онѣ не могли бы работать, такъ, какъ онѣ работаютъ, а все остальное—дѣло второстепенное, кто тамъ правъ, кто виноватъ—я не знаю!

Я привелъ этотъ отзывъ, такъ какъ онъ хорошо характеризуетъ то отношеніе, которое установилось къ молодежи во время войны почти у всѣхъ, начиная отъ сильныхъ міра до скромнаго уполномоченнаго, взамѣнъ того повальнаго предубѣжденія, съ которымъ у насъ носились такъ долго, предубѣжденія, готоваго всегда видѣть въ каждой молодой дѣвушкѣ, въ каждомъ молодомъ человѣкѣ, думающемъ не по указанному образцу, чуть

не врага отечества. Къ сожалѣнію, не успѣла война окончиться, какъ старое предубѣжденіе снова стало выползать наружу, вытѣсняя болѣе справедливое отношеніе, вызванное на время энергическою дѣятельностью молодежи на благо Россіи. И много ли было нужно, чтобы совершилось это превращеніе, и чтобы старая истрепанная декорація была вновь установлена на сценѣ внутренней жизни русскаго общества.

Достойное поведеніе сестеръ милосердія сдѣлало то, что всѣ, кто имѣлъ только съ ними дѣло, относились къ нимъ съ самымъ полнымъ уваженіемъ. Не было слышно жалобъ, нареканій на тотъ многочисленный мужской персоналъ, который былъ поставленъ общимъ дѣломъ въ неизбѣжную близость къ сестрамъ милосердія. Врачи, санитары, студенты, уполномоченные „Краснаго Креста", вели себя по отношенію къ сестрамъ такъ, какъ того требовала серьёзность дѣла, которому они вмѣстѣ служили. Если въ послѣднее время и возбуждены были толки о томъ посягательствѣ на женскую честь, которое дозволили себѣ нѣсколько человѣкъ по отношенію къ одной изъ сестеръ милосердія, то, во-первыхъ, вся исторія представляется довольно темною и многое остается недосказаннымъ, а во-вторыхъ, если бы оно и было справедливо, то единичность обнаружившагося факта говоритъ уже за то, что сестры милосердія, всѣ дѣвушки и женщины были окружены такимъ уваженіемъ, которое защищало ихъ отъ какихъ-либо нечистыхъ поползновеній.

Такимъ образомъ, русскія женщины явились во время войны дѣятельными участницами въ общественномъ дѣлѣ и обнаружили необыкновенную энергію, готовность жертвовать даже своею жизнію на общее благо. Ихъ ничто не останавливало, ни страшный, непосильный трудъ, ни невообразимыя лишенія, которымъ онѣ подвергались, ни увѣренность въ томъ, что не избѣжать имъ заразы сыпного тифа, возвратной горячки, ни грозные примѣры столькихъ жертвъ, нашедшихъ себѣ холодную могилу на чужбинѣ. Испытавъ всевозможныя страданія, пролежавъ

цѣлыя недѣли въ мучительной болѣзни, онѣ снова являлись, едва ставъ на ноги, у изголовья больныхъ и раненыхъ, рискуя еще и еще разъ своею жизнію. Невольно многіе задавались вопросомъ: какіе мотивы потянули русскую женщину на такой сверхъ-естественный трудъ и самоотверженіе, и почему это теперь онѣ цѣлыми десятками гибнутъ отъ тифа и съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ опять возвращаются въ эту заразу, а въ Россіи между тѣмъ слышатся постоянныя жалобы, что нѣтъ учительницъ, нѣтъ фельдшерицъ, нѣтъ акушерокъ, которыя бы упорно и солидно вели свое дѣло? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что различныя преграды, разставленныя на всѣхъ путяхъ общественной дѣятельности, играютъ въ этомъ отношеніи значительную роль, но вся отвѣтственность все-таки не можетъ быть возложена исключительно на эти стѣсняющія человѣческую дѣятельность пути. Должна быть къ тому и другая причина, лежащая въ нашемъ собственномъ общественномъ темпераментѣ. Анализировать эту причину по отношенію къ сестрамъ милосердія могли, разумѣется, съ бо́льшимъ правомъ и съ бо́льшею авторитетностью тѣ, которые стояли ближе къ ихъ дѣятельности, которые удобнѣе могли присмотрѣться въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ къ характеру русскихъ женщинъ, явившихся на помощь русскому воинству. Вотъ почему я рѣшаюсь подѣлиться съ читателемъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое вынесъ изъ близкаго знакомства съ сестрами милосердія одинъ изъ молодыхъ докторовъ, болѣе восьми мѣсяцевъ пробывшій на театрѣ военныхъ дѣйствій.

„Среди всего безобразія военнаго времени и тяжелыхъ условій,—писалъ онъ мнѣ,—я съ-разу встрѣтилъ безукоризненно свѣтлое и отрадное явленіе—это дѣятельность русской женщины въ ея цѣломъ. И въ самомъ дѣлѣ, сестра милосердія заслужила глубокое уваженіе; нѣтъ никакой возможности оцѣнить это гигантское самоотверженіе, нѣтъ того краснорѣчія, которое дало бы хотя приблизительное описаніе изумленія, которое вызываетъ дѣвушка, 17, 18 и 20 лѣтъ, бросившая домашнюю,

уютную обстановку, съ ея маленькими развлеченіями, бросившая семью часто послѣ цѣлыхъ потоковъ слезъ— за тѣмъ, чтобы съ неутомимою стойкостію работать цѣлый годъ изо дня въ день по 10—14, а иногда и больше часовъ среди смрада, милліоновъ паразитовъ и стоновъ, раздирающихъ душу... Сталъ я приглядываться и по возможности узнавать мотивы, бросившіе эту массу женщинъ на неприглядную дѣятельность сестры милосердія. Выводы мои весьма грустные. Женщины эти пришли сюда потому, что знали, какъ тутъ много страданій. Почти каждая изъ нихъ уже по личному опыту знаетъ, что̀ такое несчастье и страданіе — и вотъ имъ захотѣлось непремѣнно принести свои силы, чтобы по возможности смягчить муки, терпимыя больными и ранеными. Спрашиваешь: а что̀ вы дѣлали дома, въ Россіи?—за рѣдкими исключеніями, оказывается—ничего не дѣлали. Не потому не дѣлали, чтобы не знали, что и тамъ есть не меньше страданій и горестей,—нѣтъ, это онѣ знаютъ. Но дѣло все въ томъ, что здѣсь обстановка работы очень удобная. Во-первыхъ, ѣхать сестрой милосердія не только разрѣшается, но и поощряется; во-вторыхъ, все это устроено, организовано; о своемъ существованіи и положеніи заботиться не надо—остается только отказаться отъ всякихъ наслажденій, жить среди заразы, паразитовъ и мужественно, молча умирать. Кромѣ того, не мало, конечно, содѣйствовала нѣкоторая фантастичность (если такъ можно выразиться о человѣческой бойнѣ): неизвѣстная страна, громъ орудій, походная обстановка— и т. д. и т. д. Тамъ же, дома, нужно *добиваться,* т.-е. дѣлать то, чего дѣйствительно мы не умѣемъ и не можемъ. Тамъ нужно не только умирать, но и бороться со всѣми окружающими физическими и въ особенности нравственными препятствіями—а на это не хватаетъ. Я видѣлъ много крайне симпатичныхъ и весьма неглупыхъ натуръ между здѣшними сестрами милосердія,—но не встрѣтилъ ни одной, которая бы серьёзно-критически продумала—приносятъ ли онѣ дѣйствительно пользу, и

зачѣмъ онѣ тратятъ свои силы тутъ, а не въ иномъ мѣстѣ, гдѣ бы эта трата силъ принесла можетъ быть болѣе прочные плоды,—такъ что въ концѣ-концовъ и выходитъ: много добрыхъ чувствъ—и никакой иниціативы и сознательной задачи жизни. Но у этого люда, т.-е. сестеръ милосердія, фельдшерицъ, нѣкоторыхъ студентовъ и врачей, осталось внутреннее сознаніе, что они приносили и приносятъ доброе дѣло...“

Если упрекъ въ отсутствіи иниціативы и сознательной задачи жизни и представляется, повидимому, слишкомъ суровымъ, то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что онъ тотчасъ теряетъ свой острый характеръ, какъ только мы припомнимъ, что отсутствіе иниціативы не есть вовсе черта, исключительно присущая русскимъ женщинамъ, а такъ-сказать національная черта нашего характера, объясняемая всѣмъ историческимъ ходомъ развитія нашего народа. На иниціативу никогда не было запроса на рынкѣ нашей общественной жизни, и потому не мудрено, что способность къ иниціативѣ какъ-бы выродилась и превратилась въ нѣчто пассивное, въ ту покорность судьбѣ, которою мы такъ богаты. Всякое проявленіе иниціативы въ теченіи весьма продолжительнаго періода нашей исторіи стояло подъ угрозою чуть не уголовной кары; люди отвыкли отъ нея и даже стали смотрѣть на нее какъ на нѣчто преступное, не было для нея простора, силой приходится ей врываться въ общество, и потому неудивительно, что проявленіе иниціативы въ общественныхъ дѣлахъ сопровождается подъ-часъ нѣкоторою рѣзкостью.

Но лишь только этой иниціативѣ предоставляется извѣстный просторъ, такъ рѣзкость тотчасъ исчезаетъ, и тѣ самые люди, на которыхъ мы вчера еще готовы были смотрѣть чуть не какъ на нарушителей общественнаго спокойствія, сегодня являются самыми полезными и ревностными слугами своей родины. Мнѣ часто приходилось объ этомъ думать, сталкиваясь съ дѣятельностью русской молодежи на театрѣ войны. Война дала

нѣкоторый выходъ накопившейся жаждѣ дѣятельности, стремленію принять непосредственное участіе въ общественномъ дѣлѣ, внѣ предѣловъ обычной рутины и казенщины, гдѣ требуется только безпрекословное исполненіе воли начальства, и тотчасъ множество молодыхъ людей, студентовъ-медиковъ, окончившихъ курсъ, студентовъ университета, превратившихся въ санитаровъ, почувствовали возможность принять самостоятельное участіе въ общемъ дѣлѣ, бросились къ Дунаю и за Дунай и все время несли тяжелую службу обществу. Среди этой молодежи мнѣ приходилось встрѣчать такихъ, которые въ предшествовавшій годъ успѣли уже побывать въ Сербіи, въ Черногоріи, въ то время, когда эти горсти славянъ начали снова борьбу съ оружіемъ въ рукахъ за свою независимость и свободу. Но это были уже не Рудины, безотчетно мыкавшіе и искавшіе по свѣту „гдѣ лучше" и, не находя этого „лучше" въ родной странѣ, съ отчаянія шли умирать на парижскихъ баррикадахъ. Эти люди спѣшили въ Сербію и Черногорію не ради охватившаго ихъ отчаянія,—нѣтъ, этого чувства не знали они; напротивъ, они бросались туда съ увѣренностью, съ убѣжденіемъ, можетъ быть, даже излишне оптимистическимъ, что независимость и свобода горсти славянъ сдѣлается удѣломъ всего славянскаго племени. Но что же, спрашивается, это за молодежь, изъ какихъ элементовъ состояла она? Да все изъ тѣхъ, приходится отвѣчать,— на которые изданія московскаго пошиба призываютъ обыкновенно громы и молніи, обсыпая ихъ всяческими клеветами. Ихъ воззрѣнія, не совсѣмъ сходныя съ воззрѣніями „охранителей" на московскій ладъ, нисколько, однако, не мѣшали имъ съ горячею любовію и самоотверженіемъ работать на благо Россіи, стараясь, не жалѣя своихъ силъ, облегчать страданія русскаго люда, гибнувшаго, какъ въ то время принято было говорить, за полное освобожденіе родственныхъ намъ народовъ. Ну, а что́ сталось съ этимъ полнымъ освобожденіемъ, о томъ

каждому предоставляется имѣть свое мнѣніе, наперекоръ даже безсмертному Грибоѣдову.

Нельзя было достаточно налюбоваться на дѣятельность этой молодежи. Она работала безъ устали, не зная отдыха, никогда ни на что не жалуясь, исполняя безъ малѣйшаго ропота все, чтó только имъ поручали, и ихъ обращеніе со всѣми, кто только имѣлъ съ ними соприкосновеніе, было такъ полно такта, что я не знаю почти человѣка, который не отзывался бы съ величайшею похвалою объ ихъ дѣятельности и поведеніи.

— Чтò мнѣ толковали о нашихъ студентахъ,—приходилось слышать не разъ,—Богъ вѣсть, чтó разсказывали,—можно было подумать, что и въ самомъ дѣлѣ въ нихъ главное зло Россіи, что нѣтъ въ нихъ ни любви къ народу, ни желанія добра своей родинѣ,—все это оказывается вздоръ, пустяки! Какъ присмотришься къ нимъ, такъ и видишь, что любятъ они народъ такъ, какъ дай Богъ, чтобы всѣ любили!

Удивительно, думалось мнѣ, какъ во время войны люди начинаютъ снисходительно относиться къ тому, чтó на языкѣ нѣкоторыхъ московскихъ и петербургскихъ „охранителей“ именуется, по словамъ Щедрина, „потрясеніемъ основъ“. Чтò бы тамъ про войну ни говорили, а и у нея есть выгодныя стороны.

Итакъ, съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ сестеръ милосердія да пятнадцати или двадцати студентовъ, находившихся въ распоряженіи двухъ хирурговъ профессоровъ, я отправлялся изъ Горнаго-Студеня къ плевненскимъ позиціямъ. Нашъ переходъ, длившійся цѣлыхъ три дня, оставилъ во мнѣ самое свѣтлое и отрадное впечатлѣніе. Всѣ были преисполнены бодрости, энергіи, всѣ были веселы, впередъ увѣренные, что заранѣе обдуманное сраженіе и аттака Плевны увѣнчаются полнымъ успѣхомъ, и точно изъ земли выросшія грозныя укрѣпленія падутъ передъ дружнымъ натискомъ русской арміи. Впередъ всѣ ликовали побѣду, точно забывая о той цѣнѣ, которою она будетъ куплена.

Радостное настроеніе поддерживалось тѣмъ дружескимъ согласіемъ, которое ни разу не нарушалось въ нашемъ отрядѣ, а веселость молодости заражала собою невольно и тѣхъ, кто не такъ радужно смотрѣлъ на будущее. Рѣдко, я думаю, большая болгарская дорога оглашалась такимъ неистощимымъ смѣхомъ и русскими народными пѣснями. Лишеній въ это время мы не терпѣли, и хотя у насъ не было съ собою запасовъ, но вездѣ, гдѣ мы останавливались, мы находили у болгаръ все, что́ нужно въ военное время для того, чтобы не роптать на свою судьбу. И болгары на всемъ пути относились крайне привѣтливо къ нашему небольшому отряду. Въ первый же день, къ вечеру, мы должны были достигнуть мѣстечка Булгарени, но ночь застигла насъ въ то время, когда оставалось еще сдѣлать съ добрыхъ десять верстъ. Волей-неволей пришлось своротить въ сторону отъ большой дороги и сдѣлать на ночь привалъ въ ближайшей болгарской деревушкѣ Хаджи-Муса. Вытянулись въ шеренгу наши нѣсколько санитарныхъ линеекъ „Краснаго Креста", и мы цѣлой гурьбой отправились разыскивать себѣ пристанище. Скоро нашли небольшую хату, и болгаринъ предложилъ намъ все, что́ только у него было, для утоленія голода. Ночь была темная, теплая, въ комнатахъ душно, и всѣ мы, сколько насъ было, тѣсно размѣстились на большомъ балконѣ. Сестры стали хлопотать, чтобы напоить насъ всѣхъ чаемъ, а молодежь усѣлась въ кружокъ и далеко стали разноситься русскія хоровыя пѣсни. Въ эти минуты забывалась война, стоны умирающихъ, кровь раненыхъ, и чувствовалось такъ привольно и свободно.

Долго за полночь тянулись эти беззаботныя пѣсни, возвращавшія каждаго изъ насъ—туда, далеко: одного на берега Невы, другого на Волгу, третьяго на берега Днѣпра, пока усталость не одолѣла, и глаза не стали смыкаться. Послѣ трехъ-четырехъ часовъ отдыха мы двинулись далѣе и скоро достигли Булгарени. Тутъ уже видны были слѣды приготовленія къ рѣшительному бою.

Невдалекѣ отъ Булгарени, въ какой-нибудь верстѣ, начинаетъ раскидываться госпиталь № 63, игравшій такую важную роль послѣ 30-го августа. Сюда направлялись десятки тысячъ людей, здѣсь должны были сортировать раненыхъ, перевязывать, направлять дальше. Здѣсь нѣсколько дней спустя происходилъ такой адъ, о которомъ тѣ, которые тутъ работали, не могутъ и вспомнить безъ ужаса. Работы по устройству госпиталя шли дѣятельно, старались поскорѣй какъ-нибудь устроить, опасаясь, что раненые начнутъ прибывать прежде, чѣмъ все будетъ готово къ ихъ пріему. Госпиталь № 63 былъ для меня уже старый знакомый, такъ какъ до Плевны онъ размѣщался въ Систово.

— Что̀ же вы сдѣлали съ вашими ранеными, — эвакуировали ихъ?

— Какой, — мы сдали ихъ госпиталю № 50.

— Да вѣдь онъ былъ не только полонъ, но въ немъ помѣщалось на триста человѣкъ больше противъ положенія?

— Знаю, знаю: тамъ больше тысячи, — да что̀ станете дѣлать? — такъ было приказано. Сказано — сдать, мы и сдали.

Впрочемъ, это были обычные порядки, и о нихъ рѣчь впереди. Погода не благопріятствовала намъ въ Булгарени. Полилъ проливной дождь; дворъ, на которомъ мы пріютились, покрылся сплошною слякостью, настроеніе духа быстро измѣнилось, и сколько разъ ни затягивали пѣсню, — все-таки пѣніе не ладилось. Оживленіе упало, и всѣ стали отыскивать себѣ — кто въ хатѣ, кто подъ навѣсомъ — сухой уголокъ. Мѣста достаточно не было, — мы стали размѣщаться въ линейкахъ. Лежать нельзя: узко, жестко, сырость пронизываетъ насквозь; всѣмъ стало какъ-то не по-себѣ, и мы были рады, когда на разсвѣтѣ, въ пятомъ часу, мы выступили изъ Булгарени по направленію къ Порадиму. Вдоль дороги тянулись безконечные, точно цыганскіе таборы, группы бѣжавшаго болгарскаго населенія. Всѣ поля были уставлены все-

возможными повозками, кибитками — одни пустые, другіе набитые всякимъ скарбомъ — тутъ же пасся скотъ, лошади, волы и рядомъ разношерстная толпа: женщины, дѣти, мужчины, пристроившіеся около своего спасеннаго добра. И должно быть, не первый день проводили они на одномъ и томъ же мѣстѣ: казалось, точно они обжились на этихъ поляхъ, и у всей этой толпы былъ одинъ общій кровъ — безконечный сводъ небесный. Стали попадаться чаще и чаще передвигавшіеся артиллерійскіе парки, длинныя вереницы возовъ съ гранатами и другимъ однороднымъ снадобьемъ, — наконецъ, то тутъ, то тамъ обгоняли насъ кавалерійскіе полки, — все устремлялось къ одному пункту: къ плевненскимъ позиціямъ. Вся мѣстность представляла теперь полную жизни картину и, среди всеобщаго оживленія, мы почти незамѣтно сдѣлали этотъ переходъ отъ Булгарени до Порадима. Тутъ уже дѣятельность кипѣла. Въ Порадимѣ находился штабъ и Карла румынскаго, и генерала Зотова, которому ввѣрено было главное начальство надъ русскою арміею, номинально находившейся подъ предводительствомъ князя румынскаго. Все стекалось къ Порадиму: поминутно взадъ и впередъ скакали курьеры, войска то-и-дѣло, что подходили, лазаретные фургоны, линейки „Краснаго Креста“ — все стягивалось сюда, въ ожиданіи приказанія, куда двигаться далѣе: на правый или на лѣвый флангъ расположенія нашихъ войскъ. Въ Порадимъ же съѣхались всѣ иностранные военные агенты, иностранные корреспонденты, съ которыми мнѣ тотчасъ же пришлось встрѣтиться.

На положеніи иностранныхъ корреспондентовъ, по сравненію съ положеніемъ русскихъ корреспондентовъ, можно было видѣть всю ту громадную разницу, которая существуетъ между литературой и прессой въ западной Европѣ — и литературой и прессой у насъ, въ Россіи. Завидное положеніе, въ какое поставлена западно-европейская печать, обязываетъ тамошнюю прессу: каждый журналъ, каждая газета должны держаться такого или

другого направленія, и имъ нѣтъ никакой надобности сегодня унижаться, воспѣвая сладость получаемыхъ назиданій и прося и впредь не забывать ихъ, а завтра пыжиться и принимать видъ „недовольныхъ", — смѣшной видъ, потому что на слѣдующій день они опять найдутъ необходимымъ быть всѣмъ довольными и за все благодарными. Тамъ каждый органъ служитъ извѣстной партіи и продолжаетъ ей служить какъ тогда, когда эта партія торжествуетъ, такъ и тогда, когда ея торжество смѣняется торжествомъ другой партіи. Тамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, все въ силу тѣхъ же причинъ, печать имѣетъ широкое развитіе: газета, журналъ служатъ тамъ не ради только забавы, развлеченія, моды, — тамъ каждый человѣкъ, интересующійся дѣлами своей родины, долженъ читать тотъ или другой органъ, если только онъ желаетъ слѣдить за всѣмъ, что̀ совершается въ его государствѣ. И дѣйствительно, тамъ печать отражаетъ всю жизнь, со всѣми ея вопросами — политическими, экономическими, нравственными. Тамъ человѣкъ не можетъ разсуждать такимъ образомъ: „зачѣмъ я стану тратить время на чтеніе отечественной газеты? Что̀ я изъ нея вынесу, — что̀ узнаю? О томъ, что въ данную минуту по-преимуществу интересуетъ, — я или ничего не прочту, или прочту пошлыя разглагольствованія, написанныя не по убѣжденію!" Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ на Западѣ разсуждать такъ не можетъ. Вотъ почему тамъ сплошь и рядомъ газета имѣетъ 50, 70 и даже 100 тысячъ подписчиковъ, а подъ-часъ и больше. Очевидно, что газета или журналъ, поставленные такимъ образомъ, располагаютъ громадными матеріальными средствами, и если газета желаетъ имѣть постоянный успѣхъ, то она обязана давать о всякомъ занимающемъ важномъ вопросѣ самыя полныя и точныя свѣдѣнія и должна, поэтому, выбирать людей дѣйствительно талантливыхъ и знающихъ.

Читатель, можетъ быть, спроситъ, къ чему я заго-

ворилъ о положеніи печати,—повидимому, ни къ селу, ни къ городу! Въ томъ-то и дѣло, что оно только повидимому, а въ дѣйствительности—и къ селу и къ городу. Во все время войны на нашихъ корреспондентовъ слышались постоянныя жалобы: и своевременно-то они ни о чемъ не сообщаютъ, и пишутъ-то всякій вздоръ, не говорятъ о томъ, что̀ составляетъ или, вѣрнѣе, составляло внутреннюю „злобу дня" каждаго русскаго и т. п. Спора нѣтъ, всѣ эти нареканія были довольно основательны,—корреспонденты были неудовлетворительны, но вопросъ въ томъ: ихъ ли была въ томъ вина?—и на этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Пусть тѣ, кто нападалъ на нихъ, спросятъ себя: имѣлъ ли возможность корреспондентъ о всѣхъ нашихъ военныхъ и не-военныхъ порядкахъ, обнаружившихся во всемъ своемъ блескѣ во время войны, разсуждать, совершенно не стѣсняясь? Отвѣтъ ясенъ: нѣтъ, не имѣлъ. Въ то время, какъ русскій корреспондентъ корпѣлъ часто надъ вопросомъ: какъ бы это мнѣ умудриться такъ, чтобы вотъ это мѣсто проскользнуло и не нанесло ущерба издателю, иностранный корреспондентъ пользовался привычною свободою обсужденія, и потому корреспонденціи его имѣли несомнѣнно большое значеніе. Далѣе, въ такія ли матеріальныя условія былъ поставленъ русскій корреспондентъ, какъ иностранный корреспондентъ? И тутъ отвѣтъ не затруднителенъ: нѣтъ, не въ такія. Встрѣтившись съ иностранными корреспондентами въ Порадимѣ, я былъ пораженъ тѣмъ комфортомъ, съ которымъ они совершали военный походъ. У нихъ было по двѣ и даже по три верховыхъ лошади, свои фургоны, наполненные провіантомъ и приспособленные для писанія и для спанья, — у нихъ были люди, которыхъ они могли посылать съ депешами, съ корреспонденціями, вмѣсто того, чтобы дожидать оказіи, когда-то можно будетъ отправить или депешу, или корреспонденцію. То ли было у нашихъ корреспондентовъ? Совсѣмъ не то. Обзавелся каждый изъ нихъ лошаденкою, куплен-

ною за нѣсколько золотыхъ,—вотъ и все, что у нихъ было. Часто негдѣ пристроиться, чтобы написать корреспонденцію, отправить депешу или письмо ужъ рѣшительно не съ кѣмъ,—вотъ и доставляй быстро извѣстія съ театра войны. Обыкновенно корреспондентъ игралъ самъ же роль и посыльнаго. Опишетъ что-нибудь — и скачетъ на своей лошаденкѣ въ Систово или въ иной пунктъ, чтобы бросить на почту свое произведеніе. Словомъ, самое жалкое матеріальное положеніе, какое можно только себѣ представить. Скажутъ, конечно: „виноваты издатели,— они слишкомъ скупились!“ Положимъ, издатели отчасти и были виноваты, но и они однако заслуживаютъ, какъ говорятъ наши присяжные засѣдатели, „полнаго“ снисхожденія. Во-первыхъ, вслѣдствіе того, что наша печать не можетъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ общества,—газеты у насъ не имѣютъ такого обширнаго круга читателей, и потому средства ихъ болѣе скудны, чѣмъ средства иностранныхъ газетъ; во-вторыхъ, хотя нѣкоторыя газеты и обладаютъ достаточнымъ числомъ подписчиковъ и могли бы держать своихъ корреспондентовъ не въ столь черномъ тѣлѣ, но, неувѣренные въ завтрашнемъ днѣ, издатели этихъ газетъ, естественно, ёжатся и часто размышляютъ о „черномъ днѣ“,—и этой мысли вполнѣ достаточно, чтобы соблюдать экономію. Такая мысль, очевидно, никогда даже не родится у западнаго издателя газеты или журнала—и потому онъ дѣйствуетъ несравненно шире, съ бо́льшею щедростью, не только не страшась лишней затраты, но съ увѣренностью, что эта затрата воздастся ему сторицею. Вотъ вслѣдствіе этихъ-то именно причинъ, въ то время какъ иностранныя корреспонденціи часто облетали весь міръ, вызывая всюду восхваленія и даже восторгъ, русскія корреспонденціи даже въ своемъ отечествѣ не пользовались особенною благосклонностью читающей публики. При этомъ нельзя не обратить вниманія также и на то, что корреспонденты, выставленные западною Европою, были уже заранѣе

извѣстны, какъ талантливые писатели, между тѣмъ какъ русскіе корреспонденты были по-преимуществу случайные, которые прежде, можетъ быть, рѣдко и брались-то за перо. Да и положеніе иностраннаго корреспондента было многимъ лучше, онъ могъ и держать себя, и писать съ несравненно бо́льшимъ достоинствомъ. Онъ самъ себѣ господинъ, — что́ ему сдѣлаешь? Пиши, что́ угодно. Естественно, иностранный корреспондентъ внушалъ бо́льшій страхъ, а бо́льшему страху соотвѣтствуетъ и большее, по крайней мѣрѣ, наружное уваженіе. Ну, а русскій корреспондентъ — свой человѣкъ: онъ долженъ опасаться, а его опасаться нечего.

Всѣ эти корреспонденты спѣшили къ Плевнѣ, но не торопясь, впередъ увѣренные, что дѣло обойдется не такъ-то ужъ скоро. Нашъ же небольшой отрядъ „Краснаго Креста", не теряя времени, приближался къ позиціямъ. Послѣ сутокъ въ Порадимѣ мы вступили въ Сгалевицы, ближайшій пунктъ отъ Плевны, и рѣшились ожидать тамъ до полученія приказанія стать уже на то мѣсто, которое выбрано было для перевязочнаго пункта. Мы прошли черезъ то поле, или, вѣрнѣе, тѣ поля, гдѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, русскія войска дрались съ турецкими, и когда натискъ изъ Плевны Османа-паши былъ дружно отбитъ. Сраженіе происходило 19-го августа, и потому естественно, что 23-го, т.-е. четыре дня спустя, все поле носило на себѣ еще горячіе слѣды битвы. Земля была взрыта гранатами, осколки которыхъ попадались на каждомъ шагу, вездѣ валялись патроны, не убраны еще были убитыя лошади, даже трупы не всѣ были еще преданы землѣ. Но на такую картину, въ ожиданіи другой болѣе грозной и страшной, никто, конечно, и не обращалъ даже вниманія.

Въ Сгалевицахъ находился штабъ 9-го корпуса, при которомъ я и оставался въ теченіи всей третьей Плевны, благодаря любезному разрѣшенію командира 9-го корпуса барона Крюднера. Когда долженъ былъ выступить штабъ уже на самыя позиціи, мнѣ не было въ точности из-

вѣстно, и потому цѣлые двое сутокъ я оставался еще съ нашимъ маленькимъ отрядомъ. Сестры милосердія, студенты не бездѣйствовали въ это время. Они также приготовлялись усиленно къ большому, рѣшительному сраженію, и съ утра до вечера были заняты нарѣзываніемъ бинтовъ, сверткой ихъ, гипсованіемъ. Веселое настроеніе совсѣмъ исчезло, рѣшительный день былъ близокъ, и потому всѣ сдѣлались сосредоточены, угрюмы, всѣ находились въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Какъ ни велика была увѣренность къ побѣдѣ, а все же отъ времени до времени, то у одного, то у другого вырывалось изъ груди скорѣе восклицаніе, чѣмъ вопросъ:

— Что-то будетъ!.. а вдругъ...

Договаривать не было нужды, всѣ отлично понимали значеніе слова: „а вдругъ“.

Хотя всѣ въ сущности знали, что дѣло не начнется ранѣе 26-го августа, но, тѣмъ не менѣе, напряженіе было такъ велико, нервное возбужденіе такъ сильно, что подъчасъ въ нѣкоторыхъ оно просто вызывало галлюцинаціи слуха.

— Слышите, стрѣляютъ! дѣло, значитъ, началось!

— Ничего ровно не слышу, нигдѣ не стрѣляютъ!

— Какъ же не слышите, совсѣмъ явственно!

Въ дѣйствительности, разумѣется, нигдѣ не стрѣляли.

ГЛАВА XI.

„Третья Плевна“.

Наступилъ вечеръ 25-го августа. Около семи часовъ весь штабъ 9-го корпуса проѣхалъ мимо насъ. Мы не знали, совсѣмъ ли онъ покинулъ Сгалевицы, чтобы стать уже на позиціи, или выѣхалъ только, чтобы осмотрѣть еще разъ мѣстность и затѣмъ снова вернуться. Вслѣдъ за штабомъ тронулись и тѣ два кавалерійскіе полка, которые расположены были на одномъ полѣ съ нами.

— Штабъ уѣхалъ совсѣмъ, больше сюда не вернется!

— Когда же мы? зачѣмъ мы здѣсь стоимъ?

— Нѣтъ, вернется, они поѣхали только объѣзжать позиціи.

Но штабъ больше не возвращался. Мы пребывали въ невѣдѣніи, и потому нервное возбужденіе еще болѣе усиливалось во всѣхъ. Въ эту ночь никто почти не могъ уснуть. Все прислушивалось, не раздадутся ли выстрѣлы со стороны Плевны. Въ томительномъ ожиданіи протянулась вся ночь, до 5-ти часовъ утра.

Около этого времени мы услышали отдаленный ударъ: одинъ, два, пальба началась.

— Господа, усаживайтесь скорѣе, мы трогаемся на позиціи.

Не у одного человѣка ёкнуло сердце. Казалось, рѣ-

шительная минута наступила, хотя до нея должно было пройти еще нѣсколько дней. Всѣ собрались въ одинъ мигъ, и мы тронулись къ позиціямъ. Пять, шесть верстъ отдѣляли насъ теперь отъ той мѣстности, гдѣ завязался бой, и по мѣрѣ приближенія громъ орудій становился все оглушительнѣе. Скоро мы увидѣли уже на возвышеніи нашу батарею, грохотъ орудій раздавался уже въ ушахъ.

Линейки остановились, дальше было подвигаться нельзя. Отряду „Краснаго Креста" указано было мѣсто перевязочнаго пункта.

„Вотъ оно! сраженіе!".. въ одинъ голосъ произнесли нѣсколько человѣкъ, хотя до сраженія было далеко. Простившись съ моими спутниками, я поѣхалъ впередъ разыскивать мѣсторасположеніе штаба 9-го корпуса. Кому никогда не приводилось быть свидѣтелемъ большого военнаго дѣла, тому трудно представить себѣ тотъ водоворотъ впечатлѣній, въ который попадаетъ человѣкъ не-военный, никогда ясно не отдававшій себѣ отчета, какъ происходитъ сраженіе, битва, аттака. Тутъ я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе и оговориться передъ читателемъ для избѣжанія всякихъ недоразумѣній и нареканій. Напрасно кто-либо вздумалъ бы искать въ моихъ воспоминаніяхъ подробнаго описанія „третьей" Плевны. Военныя реляціи не входятъ совершенно въ мой планъ. Не будучи военнымъ, я вовсе не намѣренъ разсказывать о томъ, ка́къ производилась аттака Зеленыхъ горъ, ка́къ былъ взятъ Гривицкій редутъ, ка́къ двигалась такая колонна, изъ какихъ полковъ состояла другая и т. д. Все это отчасти описано, но главнымъ образомъ будетъ описано въ военной исторіи послѣдней войны. Я зналъ только одно, что дралась русская армія, что лилась кровь русскаго солдата, русскаго офицера, а какого корпуса, дивизіи, бригады, полка, мнѣ мало было до этого дѣла; мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ потрясающихъ сценъ, кровавыхъ эпизодовъ, во-очію увидѣть то, что зовется „ужасомъ" войны; въ теченіи нѣ-

сколькихъ дней пришлось выносить самыя тяжелыя впечатлѣнія, и вотъ эти-то сцены, эти впечатлѣнія мнѣ только и хочется передать читателю. Я видѣлъ, конечно, только небольшой уголокъ той несчастной картины, которая развертывалась передъ Плевной съ 26-го августа по 1-е сентября, и только объ этомъ уголкѣ я и буду говорить. Словомъ, мнѣ хотѣлось бы поставить читателя въ то положеніе, въ которомъ я находился, т.-е. въ положеніе профана въ военномъ дѣлѣ, случайно сдѣлавшагося зрителемъ рѣшительной битвы со всѣми ея трагическими послѣдствіями. Въ моихъ сужденіяхъ о военномъ дѣлѣ, военныхъ, такъ-сказать, вопросахъ, быть можетъ, будетъ много ошибочнаго, невѣрнаго, но я впередъ слагаю съ себя всякую отвѣтственность; въ этомъ случаѣ я буду только, какъ эхо, передавать то, что́ составляло предметъ оживленныхъ толковъ и споровъ среди военныхъ людей, а передавать я буду потому, что даже въ ошибочныхъ мнѣніяхъ попадаются крупицы истины, а мы вообще слишкомъ долго пренебрегали истиною, такъ что теперь, наученные опытомъ, не должны пренебрегать и ея крупицами.

Первое мое впечатлѣніе, какъ только я оставилъ моихъ спутниковъ и приблизился къ большой батареѣ, расположенной на большой высотѣ, было впечатлѣніе необычайнаго хаоса, въ который я внезапно попалъ. Я долженъ покаяться, что то, что́ я себѣ представлялъ заранѣе, было совершенно не похоже на дѣйствительность. Я представлялъ себѣ, что я встрѣчу компактную массу войска, расположенную въ порядкѣ, что полки стоятъ цѣлыми группами въ ожиданіи того момента, когда они должны будутъ вступить въ бой. Вмѣсто этой компактной массы, я увидѣлъ по скатамъ горъ разбросанныя кучки солдатъ батальонами и ротами. Въ одномъ мѣстѣ кучка солдатъ, лежащихъ на травѣ; проѣзжаешь нѣсколько шаговъ дальше—другая кучка, и такъ далѣе, безъ конца. Словомъ, никакой картины, никакой „импозантности“.

— Да гдѣ же расположено войско?—спрашиваешь вначалѣ.

— Какъ гдѣ! вотъ тутъ, тамъ, дальше, развѣ вы не видите этихъ группъ?

— А я ожидалъ совсѣмъ другого.

Я увѣренъ, что не одинъ изъ моихъ читателей, непричастныхъ, разумѣется, военному дѣлу, рисовалъ въ воображеніи картину сраженія точно такъ же, какъ и я грѣшный. Дѣйствительность нѣсколько разочаровываетъ и разочаровывала бы еще больше, если бы ваше вниманіе не отвлекалось каждую минуту свистомъ летящихъ гранатъ. И каждый разъ, что раздается этотъ свистъ, вамъ кажется, что она летитъ такъ близко, что вотъ-вотъ должна упасть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ. А между тѣмъ эта граната падаетъ чуть не за версту. Тѣмъ не менѣе свистъ этихъ гранатъ, покуда къ нимъ не привыкнешь, производитъ какое-то раздражающее впечатлѣніе. Является секундная остановка, ну, вотъ, кажется, конецъ,—нѣтъ, черезъ секунду опять свистъ, свистъ и свистъ безъ конца. Гранаты не даютъ отдыха; но ваши нервы мало-по-малу начинаютъ привыкать къ ихъ шипѣнію, и скоро вы уже разбираетесь въ охватившемъ васъ въ первую минуту хаосѣ. Что̀ производитъ самое успокоивающее дѣйствіе, это—то, что вездѣ вы видите людей, на каждомъ шагу вамъ встрѣчаются летящіе въ-скачь офицеры.

Но куда же дѣваться, гдѣ остановиться, куда пристать,—рыскать цѣлый день невозможно, даже во время битвы нужна какая-нибудь осѣдлость. Я сталъ отыскивать, гдѣ расположился штабъ 9-го корпуса.

— Ступайте на-право, подниметесь на высоту, тамъ спросите, увидите флагъ, знамя—объяснилъ какой-то офицеръ на лету, крича послѣднія слова.

Взобравшись на гору, я замѣтилъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ группу людей. Это и былъ штабъ 9-го корпуса. Подъѣхавъ еще ближе, я увидѣлъ человѣкъ двадцать, если не больше, тѣснившихся въ кучкѣ. Тутъ

были офицеры генеральнаго штаба, ординарцы корпуснаго командира, одинъ или два военныхъ агента, да два-три нѣмецкихъ корреспондента. Среди этихъ людей шелъ живой, но отрывистый, общій разговоръ; то вдругъ раздаются восклицанія, всѣ высказываютъ почти заразъ свои мнѣнія, то точно притаятъ дыханіе, будто выжидая чего-то. Вниманіе всѣхъ было приковано къ грозному турецкому укрѣпленію—Гривицкому редуту, расположенному какъ разъ противъ той высоты, которую штабъ выбралъ для своего мѣстопребыванія. Редутъ этотъ былъ ясно видѣнъ отсюда, и даже простымъ, невооруженнымъ глазомъ. Наши батареи обстрѣливали его изо всѣхъ силъ. Редутъ не оставался въ долгу, и то-и-дѣло посылалъ намъ одну гранату за другой. Всѣ почти держали въ своихъ рукахъ большіе бинокли и жадно слѣдили за направленіемъ нашихъ выстрѣловъ.

— Эхъ! перелетѣла граната! скверно!

— Силенки не хватило, не долетѣла!

— Вотъ такъ славно!—раздается за-разъ нѣсколько голосовъ,—прямо въ редутъ.

— Охъ, какъ ловко! Смотрите, смотрите, что-то взорвало!

— Пороховой ящикъ!

— Нѣтъ, тамъ загорѣлось что-то, видите, огонь, огонь показался!

— Вотъ отлично, такъ отлично!

— Должно быть, тамъ жарко стало, турки довольны!

И всѣ радуются, всѣ становятся какъ-то веселы.

Вотъ образчикъ того разговора, который длился цѣлые часы; и если читатель подумаетъ, что разговоръ этотъ былъ скученъ, то онъ жестоко ошибется. Война, огонь увлекаютъ, кровожадные инстинкты быстро выходятъ наружу, и человѣкъ самый невоинственный испытываетъ какое-то пріятное чувство при мысли, что вотъ эта граната, за полетомъ которой слѣдишь въ извѣстную минуту, уложитъ нѣсколько человѣкъ. Вы скажете: дикость нравовъ! спорить не стану, я только констатирую фактъ.

Мнѣ уже случалось упоминать, какъ быстро дѣлается на войнѣ знакомство; общее дѣло, общность интересовъ соединяетъ всѣхъ почти въ одну дружную семью. Черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ знакомъ со всѣми, и мнѣ даже казалось, что я ихъ всѣхъ давно и хорошо зналъ. Безъ сомнѣнія, вся честь въ этомъ отношеніи принадлежала военнымъ, которые такъ дружески и радушно принимали въ свою среду нашего брата, посторонняго человѣка. Благодаря этому радушію съ-разу пропадала всякая стѣсненность, уступавшая свое мѣсто простымъ, непринужденнымъ отношеніямъ, допускавшимъ полную откровенность и искренность. Каждый говорилъ то, что̀ онъ думалъ и что́ лежало у него на душѣ, и мало кому, вѣроятно, закрадывалась въ ту пору обычная мысль: не промолчать ли лучше; чего добраго, это можетъ мнѣ повредить по службѣ! Нѣтъ, теперь всѣ говорили, разсуждали, критиковали, порицали! Да и какъ въ такія минуты не быть искреннимъ! Сегодня живъ, завтра зарытъ въ могилу, изъ-за чего же лицемѣрить! Вотъ почему присутствіе посторонняго человѣка никого, разумѣется, не стѣсняло, и всѣ продолжали говорить такъ, какъ будто давно были знакомы между собою. Разговоръ о полетѣ гранатъ прекратился, всѣ пресытились этимъ зрѣлищемъ и перешли къ другимъ предметамъ, близкимъ, конечно, тому, что̀ занимало всѣхъ въ эту минуту.

— А вѣдь сегодня день знаменательный,—замѣтилъ кто-то:—годовщина Бородинской битвы.

Въ самомъ дѣлѣ, начало плевненскаго боя пришлось, вслѣдствіе особыхъ соображеній, совершенно чуждыхъ годовщинѣ Бородинской битвы, въ тотъ же самый день, т.-е. 26-го августа.

— Посмотримъ, что́ будетъ! Вѣдь какъ тогда стояла на картѣ честь Россіи, такъ стоитъ она и теперь, тогда она осталась неприкосновенною,—посмотримъ, что́ Богъ дастъ!

— Да, ставка большая! можетъ быть, слѣдовало бы играть осторожнѣе.

И начались разсчеты нашихъ силъ и вычисленіе численности турецкой арміи.

— А все-таки учены мы мало: вѣдь дѣло-то начинаемъ опять съ шансами противъ насъ, вѣдь у насъ силъ-то меньше, чѣмъ у непріятеля!

— Какъ, помилуйте! вѣдь сколько же корпусовъ у насъ участвуютъ сегодня въ дѣлѣ!

— Да что въ этихъ корпусахъ, на бумагѣ-то разсчетъ выходитъ прекрасный, а на дѣлѣ посчитайте. Вѣдь въ каждомъ корпусѣ мало-мало должно быть до 30 тысячъ, а спросите-ка у генерала, какъ велика численность 9-го корпуса.

— Однако?

— Да такъ, что меньше 15-ти тысячъ.

— А развѣ въ четвертомъ корпусѣ не то же—тысячъ 16, 18,—и то дай Богъ.

— Да, но за то теперь мы не сунемся больше въ воду, не спросясь броду, теперь аттака будетъ подготовлена отлично артиллерійскимъ огнемъ; смотрите, какъ дѣйствуютъ осадныя орудія, просто прелесть.

— Еще спасибо туману, что ихъ можно было установить, а то турки не оставили бы насъ въ покоѣ.

— Разумѣется, дѣло начинается теперь при другихъ условіяхъ, да притомъ развѣ возможно допустить, чтобы въ главной квартирѣ рѣшились на третью аттаку, если бы всѣ шансы на успѣхъ не были впередъ разсчитаны; вѣдь опытъ, да еще горькій, чему-нибудь да учитъ!

Такъ какъ тутъ собрались люди, почти всѣ участвовавшіе въ сраженіи 18-го іюля, и такъ какъ мы стояли противъ тѣхъ самыхъ укрѣпленій, о которыя мы такъ страшно разбились, потерявъ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ, то естественно, что теперь вспоминали это несчастное второе плевненское дѣло, начатое безъ предварительной достаточной артиллерійской подготовки. За то теперь, казалось, осадныя 24-хъ-фунтовыя и 9-ти-фунтовыя орудія съ достаточною силою мстили за 18-е іюля.

Кто былъ правъ, кто виноватъ въ такомъ несчаст-

номъ дѣлѣ, до сихъ поръ, несмотря на то, что уже много воды утекло, остается неразгаданною тайною. Въ то время, да и послѣ, всѣ обвиненія обрушивались на генерала Крюднера, но былъ ли онъ въ дѣйствительности виноватъ, это большой еще вопросъ. Повидимому, главная его вина заключалась въ двухъ словахъ: vae victis! По крайней мѣрѣ, я, съ увѣренностью не быть опровергнутымъ, могу сказать, что генералъ Крюднеръ доносилъ о невозможности аттаки, онъ представлялъ на усмотрѣніе кого слѣдуетъ, что шансовъ на успѣхъ не только мало, но ихъ вовсе нѣтъ, и что наша армія должна будетъ потерпѣть неудачу. На всѣ его представленія онъ получалъ одинъ отвѣтъ: аттаковать. Ну, и аттаковалъ! Отвѣтственность легла на него, потому что онъ былъ главное лицо въ отрядѣ, другія же высшія начальствующія лица въ арміи оставались въ Тырново, съ трепетомъ ожидая исхода начатаго по ихъ иниціативѣ дѣла. Быть можетъ, генералъ Крюднеръ и былъ виноватъ, что, предвидя неуспѣхъ, онъ не сложилъ съ себя званіе корпуснаго командира, но имѣлъ ли онъ право это сдѣлать въ рѣшительную минуту, это вопросъ военной дисциплины, въ которомъ компетентными могутъ быть только военные люди.

18-е іюля было больнымъ мѣстомъ у всего 9-го корпуса, такъ-что каждый разъ воспоминаніе о немъ вызывало самые горячіе споры, множество разсказовъ, приводить которые я не считаю себя въ правѣ, опасаясь злоупотребить оказаннымъ мнѣ довѣріемъ.

— Знаете, скучно здѣсь сидѣть, поѣдемъ осматривать батареи, — предложилъ мнѣ одинъ гвардейскій полковникъ, финляндецъ по происхожденію, который, къ несчастью всѣхъ близко его знавшихъ, погибъ въ одномъ изъ слѣдующихъ сраженій.

Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе.

— Вѣдь всего не переслушаешь, — добавилъ онъ: — да мнѣ всегда и досадно вспоминать объ этомъ днѣ.

Нужно прибавить, что этотъ полковникъ весь день

18-го іюля, въ качествѣ посторонняго человѣка, находился въ постоянномъ огнѣ: онъ опередилъ свой полкъ и поджидалъ его.

Мы стали спускаться вправо съ высоты, на которой стояли со штабомъ, приближаясь къ 8-ми-орудійной осадной батареѣ. Турки не жалѣли гранатъ и обсыпали наши батареи точно градомъ. Шипѣніе гранатъ не умолкало, казалось, ни на секунду.

— Только ѣдемъ съ условіемъ, — обратился онъ ко мнѣ: — смотрите, не кланяйтесь гранатамъ, скажите себѣ, что въ томъ лагерѣ у васъ нѣтъ знакомыхъ, и дѣло съ концомъ. Во-первыхъ, вы должны знать, что это ни къ чему не поведетъ; если вамъ суждено быть убитымъ, — убиты будете, а во-вторыхъ, поклонитесь разъ, всегда будете кланяться; ну, а среди военныхъ это не годится: будутъ насмѣхаться, а это совсѣмъ не къ чему.

Подъѣхавъ къ батареѣ, мы услышали оттуда крикъ: слѣзьте съ лошадей! Турки, я уже сказалъ, гранатъ не жалѣли и направляли выстрѣлы даже въ двухъ-трехъ конныхъ. Не успѣли мы подойти къ батареѣ, оставалось сдѣлать четыре-пять шаговъ, какъ на турецкомъ редутѣ показался бѣлый дымокъ.

— Намъ отвѣчаютъ, это намъ!

Граната была пущена именно въ эту батарею, и въ ту же секунду надъ нашими головами пронесся пронзительный не то свистъ, не то шипѣніе; еще мгновеніе — и раздается какой-то странный звукъ, точно лопнули всѣ струны контрбаса, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, шагахъ въ десяти или пятнадцати, разорвалась граната, перелетѣвшая черезъ батарею. Всѣ были цѣлы; она никого не задѣла.

Ощущеніе не было пріятно. Не то, чтобы на васъ дѣйствовало чувство страха, нѣтъ, его быть не можетъ, такъ какъ сознаніе опасности является уже тогда, когда всякая опасность миновала, но состояніе духа дѣлается какимъ-то острымъ, напряженнымъ, и въ васъ появляется какое-то необычайное чувство озлобленія.

Мы пробыли еще нѣсколько минутъ на этой батареѣ, но турки не послали въ нее больше ни одной гранаты. Мы поѣхали дальше, по направленію къ Гривицѣ; но едва мы вступили въ лощину, какъ на разстояніи трехъ-четырехъ саженъ снова упали одна за другою двѣ гранаты. Но такъ какъ человѣкъ ко всему привыкаетъ, даже къ самымъ непріятнымъ ощущеніямъ, то эти всѣ гранаты, какъ и послѣдующія, производили уже весьма слабое впечатлѣніе.

Вездѣ, гдѣ только мы ни проѣзжали, вездѣ одна и та же картина, вездѣ виднѣются небольшія группы, кучки людей, солдаты лежатъ во рвахъ, на склонахъ высотъ, какъ-будто дѣло до нихъ вовсе не касается. Старое фантастическое представленіе о битвѣ не даетъ покоя, и все никакъ не можешь освоиться съ новымъ, уже дѣйствительнымъ представленіемъ. Такъ и ждешь каждую минуту — вотъ покажутся стройныя массы, готовыя къ бою.

Мы доѣхали до крайняго праваго фланга, гдѣ расположены были румынскія батареи и румынская армія. Румынскіе офицеры встрѣтили моего спутника съ величайшею любезностью. Они показали намъ свою батарею, свои стальныя дальнобойныя орудія, которыхъ не было у насъ, и безъ всякой хвастливости, о которой у насъ такъ много писалось, говорили о своемъ участіи въ общемъ дѣлѣ. Солдаты ихъ имѣли чрезвычайно бодрый видъ: они были стройны, чисто одѣты, и точно такъ же, какъ и наши, кучками были разбросаны на скатахъ высотъ. Неподалеку отъ одной изъ кучекъ въ это время упала граната; солдаты, по командѣ офицера, встали, не суетясь, и перешли въ другое мѣсто, шаговъ на тридцать дальше.

— Вотъ вамъ ничего, а меня эти румыны бѣсятъ,— обратился ко мнѣ мой спутникъ, когда мы отъѣхали отъ батареи.

— Отчего же, чѣмъ они васъ прогнѣвили?

— Вы видѣли ихъ орудія? Ну, что же, у насъ

есть такія? Нѣтъ, а между тѣмъ давно ли они изъ яйца вылупились! На какую часть ни посмотришь, оказывается, что все у нихъ лучше, а вѣдь они карлики по сравненію съ нами.

— Такъ вы бы досадовали на насъ самихъ, а за что же на нихъ?

— Да, вѣдь, какъ хотите, обидно, чувствуешь себя униженнымъ!

— Но отчего же, скажите, у нихъ есть то, чего у насъ нѣтъ, вѣдь мы кажется и богаче...

— Ну, извините, они богаче, только богаче не деньгами, а умомъ, честностью... воруютъ меньше.

Румынскія батареи, нужно сказать правду, дѣйствовали отлично: умно расположенныя, онѣ прекрасно обстрѣливали турецкія укрѣпленія, хотя турки и не оставались у нихъ въ долгу.

— Изъ нихъ выйдутъ отличные солдаты,—говорилъ полковникъ:—не нужно забывать, что, вѣдь, они въ первый разъ нюхаютъ огонь, а смотрите, какъ они спокойно относятся къ падающимъ гранатамъ. И офицеры народъ толковый; нѣтъ, изъ нихъ будетъ прокъ, это не то, что „братушки".

Мой спутникъ не любилъ болгаръ.

Чрезъ кустарники, съ большимъ затрудненіемъ пробрались мы отъ ру́мынъ къ батареямъ 31-й дивизіи. Батарея была расположена на высокой горѣ, и, казалось, чрезвычайно мѣтко обстрѣливала турецкій редутъ. Каждыя пять минутъ раздавался грозный выстрѣлъ, и пушка съ шумомъ отскакивала съ своего мѣста на два, на три шага. Артиллеристы, занятые дѣломъ, тѣмъ не менѣе продолжали бесѣдовать съ нами и подъ шипящіе звуки артиллерійскаго огня весьма спокойно попивали чай, совершенно довольные, что въ теченіи всего дня ни одна турецкая граната не упала на самую батарею. Пробывъ съ часъ времени на этой батареѣ, мы стали направляться обратно къ штабу 9-го корпуса, и когда мы доѣхали, то выстрѣлы раздавались уже рѣже. Наступалъ темный

вечеръ. Первый день былъ благопріятный; у насъ отъ дѣйствія артиллерійскаго огня погибло всего нѣсколько человѣкъ, а между тѣмъ, какъ казалось, турецкія укрѣпленія, и въ особенности гривицкій редутъ, пострадали-таки достаточно.

— Еще нѣсколько дней будемъ подчивать мы гранатами, такъ поразрушимъ ихъ укрѣпленія, и аттаковать будетъ не то, что̀ 18-го іюля.

Всѣ были довольны результатомъ перваго дня артиллерійскаго боя; надежда на успѣхъ становилась какъ-то осязательнѣе; на душѣ сдѣлалось легче. Ночь была тихая, теплая, только мракъ, зги не видать. Для насъ добыли свѣжей соломы, и, конечно, никогда никакой мягкій, пружинный тюфякъ не былъ такъ пріятенъ, какъ эта постель на свѣжемъ воздухѣ послѣ длиннаго дня, утомившаго насъ и физически, и еще болѣе нравственно. Отъ времени до времени въ теченіи всей ночи раздавались пушечные выстрѣлы, но я не думаю, чтобы кто-нибудь ихъ уже слышалъ. Всѣ спали здоровымъ, крѣпкимъ сномъ, успокоившимъ напряженные не въ мѣру нервы.

Около пяти часовъ утра на слѣдующій день мы были разбужены вновь начавшеюся музыкою перебрасываемыхъ гранатъ, и первыя минуты пробужденія не дали ничего пріятнаго. Мы взглянули на гривицкій редутъ и съ покоробившимъ насъ изумленіемъ увидѣли, что вчера нанесеннаго ему ущерба точно и не существовало. За ночь турки задѣлали всѣ поврежденія, и онъ опять стоялъ передъ нами въ своемъ прежнемъ грозномъ видѣ, готовый переносить желѣзные удары всѣхъ нашихъ орудій.

Опять началась та же трескотня, опять всѣ слѣдили за полетомъ нашихъ гранатъ: не долетѣла, перелетѣла, попала,—и въ этомъ занятіи проходили цѣлые часы. Однообразіе утомляло; монотонный свистъ надоѣдалъ; скука начинала одолѣвать; единственное развлеченіе—снова ѣхать на батареи. Я сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ молодого полковника, и мы на этотъ разъ отпра-

вились на лѣвый флангъ взглянуть, что тамъ дѣлалось. Тамъ дѣлалось то же, что и у насъ. Батареи обстрѣливали редуты, самый городъ, который съ одной изъ батарей можно было прекрасно видѣть. Издали каждый турецкій городъ кажется красивъ—высокіе, стройные минареты всегда придаютъ красивый обликъ. Плевна манила къ себѣ. Въ эти дни, кажется, общею любимою мечтою было поскорѣй имѣть возможность пройтись по грязнымъ улицамъ этого городишка. Монотонность артиллерійскаго боя нарушалась, впрочемъ, подчасъ трагическими случаями. Одинъ изъ этихъ случаевъ, хотя и весьма обыкновенный, почему-то врѣзался въ мою память и особенно живо возстаетъ передо мною. Мы пріѣхали на одну изъ батарей и застали всѣхъ людей, и офицеръ, и солдатъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ поразившаго ихъ удара. Трое артиллеристовъ, все офицеры, преспокойно вели между собою бесѣду, какъ граната ворвалась въ батарею, разорвалась, и въ одинъ мигъ сорвала половину черепа у одного, у другого оторвала ногу, а третьяго осколкомъ только легко ранила. Одинъ изъ погибшихъ былъ совсѣмъ юный офицеръ, тѣшившійся только-что за десять минутъ передъ тѣмъ полученнымъ крестомъ и мечтавшій о томъ днѣ, когда онъ попадетъ въ Петербургъ и съ гордостью покажетъ свой крестъ, полученный за храбрость. Мечтѣ его не суждено было сбыться; ее унесла турецкая граната. Но стòитъ ли останавливаться на такихъ случаяхъ, когда ихъ потомъ можно было насчитывать сотнями.

Проѣздивъ нѣколько часовъ, мы возвратились къ штабу, гдѣ все было по-прежнему однообразно. Офицеры разбрелись въ различныя стороны, по группамъ въ два-три человѣка; на полетъ гранатъ никто больше не обращалъ вниманія. Одни вели между собою бесѣду о совершенно постороннихъ войнѣ предметахъ; другіе, растянувшись на травѣ, отдыхали; третьи строили планы о заключеніи мира и возвращеніи домой. Можно было подумать, что артиллерійскій бой, жужжавшій въ ушахъ,

никого не касался, такъ мало обращалось на него вниманія. Только отъ времени до времени слышались слова:

— Хоть бы конецъ поскорѣй! аттака—и шабашъ!

Въ то время, когда мы меньше всего помышляли о какой-нибудь неожиданности, вдругъ совершенно явственно послышалась безостановочная трескотня. Въ этой трескотнѣ бывалые люди тотчасъ признали учащенную ружейную пальбу. Отдѣльныхъ звуковъ нельзя было разобрать, это былъ одинъ сплошной продолжающійся звукъ пронзительной трещотки.

Въ одну секунду всѣ столпились въ кучку и у всѣхъ вырвался одинъ вопросъ: это что? гдѣ началась стрѣльба? Какое-то волненіе охватило всѣхъ присутствовавшихъ; всѣ навострили уши и стали прислушиваться, откуда, съ какой стороны раздается ружейная пальба, гдѣ завязалось внезапно дѣло. Вниманіе тѣмъ болѣе было напряжено, что никто не ожидалъ ничего подобнаго; всѣ знали, что артиллерійскій бой долженъ продолжаться еще нѣсколько дней, пока орудійный огонь не подготовитъ какъ слѣдуетъ аттаку, т.-е. до извѣстной степени не разрушитъ мастерскихъ земляныхъ укрѣпленій, созданныхъ искусствомъ Османа-паши. Опредѣлить съ-разу, гдѣ завязался бой, было довольно мудрено, такъ какъ линія нашего расположенія была страшно вытянута, захватывая болѣе нежели пятнадцати-верстное пространство.

— Турки перешли въ аттаку!—вотъ первая мысль, которая блеснула у многихъ.

— Дѣло завязалось на лѣвомъ флангѣ, ружейная пальба слышится въ томъ направленіи!—рѣшили компетентные люди.

— Должно быть, что Скобелеву не терпится, онъ вѣрно впутался!

Тотчасъ же корпусный командиръ сѣлъ на лошадь, и весь штабъ, въ сопровожденіи полсотни казаковъ, поскакалъ по направленію къ лѣвому флангу. Мы спустились съ высоты, на которой стояли и, сдѣлавъ три-че-

тыре версты, остановились на небольшой полянѣ, откуда удобнѣе было наблюдать за тѣмъ, что́ будетъ происходить далѣе. Турки лишь только замѣтили довольно густую группу, тотчасъ салютовали насъ нѣсколькими гранатами. Всѣ онѣ упали, не причинивъ никакого вреда, ни одна изъ нихъ не разорвалась. Но теперь на эти гранаты никто не обращалъ вниманія; всѣ заняты были одною мыслію, что̀ дѣлается тамъ, на лѣвомъ флангѣ: завяжется ли серьёзное дѣло или вся тревога ограничится непродолжительною перестрѣлкою. Мы стояли на мѣстѣ уже болѣе получаса, а ружейный огонь не только не умолкалъ, но становился, казалось, все злѣе. Генералъ Крюднеръ тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ ординарцевъ узнать въ чемъ дѣло; мы прождали довольно долго, прежде чѣмъ кто-нибудь вернулся съ отвѣтомъ. Наконецъ, прискакалъ казакъ, посланный ординарцемъ, съ клочкомъ бумаги, въ которомъ тотъ сообщалъ, что онъ встрѣтилъ какого-то офицера съ лѣваго фланга, передавшаго ему, что Скобелевъ съ развернутыми знаменами идетъ на Плевну.

— Что за вздоръ, быть не можетъ!—раздалось почти вдругъ, и дѣйствительно такому извѣстію никто не могъ довѣрять ни одной минуты.

Мыслимо-ли въ самомъ дѣлѣ, что-бы подобное что-либо могло произойти, и корпусный командиръ не былъ бы о томъ предувѣдомленъ.

Учащенная пальба между тѣмъ все продолжалась, и мы по прежнему въ нерѣшительности, въ неизвѣстности стояли на полянѣ. Наконецъ, ружейный огонь сталъ стихать и совсѣмъ прекратился. Мы простояли еще нѣсколько минутъ и поѣхали обратно, стараясь отгадать, что́ тамъ произошло.

— Скажите пожалуйста, — спрашивалъ я по своей наивности,—неужели это всегда такъ бываетъ, что корпусный командиръ, лицо, слѣдовательно, весьма важное въ арміи, остается въ неизвѣстности, гдѣ что́ происхо-

дитъ? Развѣ ему не должны были немедленно дать знать, что въ такомъ-то пунктѣ завязалось дѣло?

— Вѣроятно, и пошлютъ сказать; можетъ завтра, а не то послѣ-завтра и узнаемъ.

— Правда, я ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ, но мнѣ кажется какъ-то странно, чтобы корпусный командиръ не былъ немедленно увѣдомленъ о всякомъ происходящемъ дѣйствіи! Вѣдь, согласитесь, что изъ этого можетъ выдти такая неурядица, которая дурно отзовется на ходѣ дѣла.

— Совершенно согласенъ, что этого не должно было бы быть, но что вы прикажете; у насъ все вѣдь такъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова.

— Да развѣ это такъ трудно сдѣлать?

— И не легко. Какъ же вы хотите? завязалась перестрѣлка на одномъ флангѣ, о другомъ никто не помышляетъ; ну, потомъ вспомнятъ и пришлютъ кого-нибудь сказать, что вотъ произошло такъ и такъ, да и то если заблагоразсудится.

— Да развѣ вся линія нашихъ войскъ не соединена телеграфомъ?

— Какъ видите, нѣтъ!

— Почему же?

— Да, вѣроятно, полагаютъ, что лишнее, авось и безъ телеграфной проволоки обойдемся. Столбиковъ и проволоки много, конечно, такъ какъ денегъ на нихъ отпускается вдоволь, но, вѣроятно, они гдѣ-нибудь сложены въ кучу; куда еще хлопотать, разставлять, а впрочемъ кто знаетъ, можетъ быть, нѣтъ ни столбиковъ, ни проволоки, а деньги, отпускаемыя на нихъ, сложены въ чьемъ-нибудь карманѣ.

— Полноте, какъ это возможно!

— Да вы поприсмотритесь поближе, такъ увидите, что и не то еще у насъ возможно.

Основателенъ или неоснователенъ былъ такой пессимизмъ, я не берусь рѣшать; для меня ясны были только два факта: первый тотъ, что растянутая на десятки

верстъ армія не была соединена телеграфной проволокой, и второй тотъ, что никто не считалъ себя обязаннымъ увѣдомлять такую крупную единицу въ арміи какъ корпуснаго командира, стоящаго на правомъ флангѣ, о томъ, что̀ совершается на разстояніи нѣсколькихъ верстъ на лѣвомъ.

Только-что мы возвратились на мѣсто и улеглись спать, не прошло и часа, какъ въ томъ же направленіи послышалась опять та же учащенная ружейная пальба, возобновившаяся, повидимому, съ новою силою. Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ мы снова были уже на лошадяхъ. Тьма была кромѣшная, лошади пугались на каждомъ шагу, и мы медленно стали спускаться съ высоты, но не успѣли выѣхать на дорогу, какъ трескотня прекратилась и все замолкло.

— Ну, должно быть всю ночь насъ не оставятъ въ покоѣ, — замѣтилъ кто-то. Но предсказаніе не исполнилось, и мы до разсвѣта покоились на нашемъ первобытномъ ложѣ.

На другой день только мы узнали, что причиною двухъ вспышекъ, смутившихъ нашъ покой, было желаніе нѣсколько выдвинуться впередъ на лѣвомъ флангѣ, но это желаніе пришлось не по нраву туркамъ, и они каждый разъ открывали сильный ружейный огонь. Третій день артиллерійскаго боя прошелъ для насъ безъ всякихъ сюрпризовъ, вездѣ, повидимому, было спокойно и тихо. Но это спокойствіе какъ-бы усиливало нетерпѣніе, и каждый въ это время носился только съ одною думою: скорѣй, скорѣй бы окончился этотъ кошмаръ Плевна! Неизвѣстность будущаго, сомнѣніе въ успѣхѣ начинало все болѣе и болѣе тревожить. Всѣмъ какъ-то прискучили методичные орудійные выстрѣлы, артиллерійскій бой утомлялъ, монотонность ожиданія разнообразилась только тѣмъ, что то съ одной, то съ другой батареи приносили печальныя извѣстія о смерти то того, то другого офицера.

И что̀ замѣчательно — чѣмъ дальше длился артиллерійскій бой, тѣмъ болѣе спадала первоначальная увѣрен-

ность въ несомнѣнномъ успѣхѣ. Отчего же это происходило? Оттого ли, что мы ясно видѣли, что наши орудія не причиняютъ почти никакого ущерба туркамъ, что все то, что́ мы разрушали за день, за ночь ими приводилось въ порядокъ. Три дня мы обстрѣливали турецкія укрѣпленія и почти безъ всякаго результата.

— Мы тратимъ только напрасно шрапнель и гранаты, успѣха никакого, — вырывалось у болѣе нетерпѣливыхъ, — такъ, очевидно, мы ничего не добьемся, наши батареи дурно расположены, артиллерійскій огонь не достигаетъ цѣли!

— Подождите, — говорили другіе, — на-обумъ аттаковать нельзя; если начать артиллерійскій бой, то онъ долженъ быть доведенъ до конца, т.-е. до тѣхъ поръ, пока явится, наконецъ, возможность повесть аттаку съ увѣренностью въ успѣхѣ.

— А если нужно будетъ для этого десять дней?

— Ну, что-жъ, пусть лучше десять дней! только бы прокъ былъ, а то, пожалуй, еще разъ повторится 18-е іюля; у насъ вѣдь все на авось!

— Теперь-то ужъ, кажется, не на авось; вотъ три дня обстрѣливаемъ ихъ, а результатъ гдѣ?

Во всѣхъ подобныхъ разговорахъ выражалось только одно—опасеніе пораженія и неувѣренность въ собственныхъ силахъ.

Быть можетъ, существовала и другая причина упадка увѣренности, кромѣ отсутствія видимыхъ результатовъ трехдневнаго артиллерійскаго боя; причина эта заключалась въ томъ, что нигдѣ и ни въ чемъ не чувствовалось руки, которая бы управляла всѣмъ дѣломъ, такъ что невольно каждый задавался вопросомъ: да кто же, наконецъ, командуетъ въ эту минуту, когда вся Россія съ трепетомъ ожидаетъ извѣстія объ исходѣ начатаго боя? и врядъ ли можно было сыскать человѣка, который далъ бы отвѣтъ на этотъ вопросъ. Не князь же румынскій въ самомъ дѣлѣ, котораго никто, какъ говорится, можетъ быть и совсѣмъ напрасно, не бралъ au serieux. Недоволь-

ство главнымъ штабомъ было всеобщее. Я не возьму, конечно, на себя утверждать справедливость того, что̀ высказывалось громко и единогласно, но высказывались серьёзныя обвиненія. Главный штабъ упрекали въ бездѣятельности, въ небрежности, въ необдуманности плана, котораго никто ни понималъ. Еще разъ повторяю, было ли это справедливо или нѣтъ, не знаю; быть можетъ, въ этомъ рѣзкомъ осужденіи играла значительную роль естественная раздражительность, вызванная рядомъ неудачъ, но лично для меня, не посвященнаго въ тайны военнаго дѣла, было совершенно ясно то, что среди арміи, окружавшей Плевну и готовившейся къ аттакѣ, господствовала дѣйствительно какая-то неурядица. Не было, что̀ называется, головы дѣла, каждый—самъ по себѣ. Постоянно въ теченіи нѣсколькихъ дней находясь при штабѣ 9-го корпуса, я былъ пораженъ тѣмъ положеніемъ, въ какое былъ поставленъ корпусный командиръ. Никто ему ничего не говорилъ, его ни о чемъ не спрашивали, ни разу его не приглашали въ эти дни на какой-нибудь военный совѣтъ, онъ ничего не знаетъ, что̀ дѣлается кругомъ, ему никто не сообщаетъ о томъ, что̀ творится въ другихъ мѣстахъ расположенія войскъ, о тѣхъ перемѣнахъ, которыя могли и дѣйствительно происходили въ другихъ частяхъ.

Мы и́здали подъ-часъ видѣли, что происходитъ какое-то передвиженіе войскъ, но объ этихъ передвиженіяхъ нѣкоторыхъ частей, бригадъ или полковъ корпусный командиръ зналъ не больше, чѣмъ и всѣ мы, простые смертные. Ему, какъ и всѣмъ остальнымъ, предоставлялось догадываться, что тамъ на лѣвомъ флангѣ мы выдвинулись впередъ, или турки оттѣснили насъ, но никто не считалъ себя обязаннымъ увѣдомлять его о каждомъ происходящемъ движеніи, дѣйствіи или распоряженіи. Если одинъ корпусный командиръ находился въ такомъ положеніи, то не было основанія предполагать, чтобы и другіе были въ лучшемъ. Отъ этого или отъ чего другого, но вездѣ замѣчалась какая-то вялость, апатія; отсутство-

вала та энергія, которая всѣхъ возбуждаетъ, воодушевляетъ и заставляетъ вѣрить въ успѣхъ. А безъ такой вѣры половина дѣла проиграна уже напередъ.

При такихъ условіяхъ наступилъ и четвертый день рѣшительной борьбы. По-прежнему наши батареи обстрѣливали турецкія укрѣпленія, по-прежнему же турки на каждую нашу гранату посылали свою отвѣтную. Замѣтимъ мы, что съ какого-нибудь турецкаго редута перестали отвѣчать, мы торопимся радоваться.

— Вонъ тотъ редутъ больше не отвѣчаетъ: должно быть, мы подбили у нихъ всѣ орудія.

Но проходитъ часъ или еще меньше, и изъ подбитыхъ, казалось, орудій снова летятъ къ намъ гранаты. И быстро радость смѣняется уныніемъ.

— Только даромъ время да гранаты тратимъ,—слышится голосъ,—а солдаты такъ совсѣмъ замучились!

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней быть постоянно, что̀ называется, на чеку, ожидать каждую минуту услышать: аттака! иными словами, въ продолженіи нѣсколькихъ дней ожидать приказа идти на смерть и быть готовыми къ ней—не каждому по плечу! И нельзя было не удивляться и не чувствовать уваженія къ русскому солдату, относившемуся съ невозмутимымъ спокойствіемъ къ своему положенію, ни мало не роптавшему на свою судьбу и продолжавшему, несмотря на всѣ неудачи, съ гордостью, увѣренностью смотрѣть на будущее. Одни солдаты только и вѣрили, кажется, въ свою собственную несокрушимую силу. Изрѣдка только то у одного, то у другого вырывались слова: эхъ, поскорѣй бы въ дѣло!

До „дѣла“ было уже недалеко.

Въ этотъ день мы покинули ту высоту, на которой провели трое сутокъ. Командиру 9-го корпуса было отдано приказаніе перенести свой штабъ и нѣкоторыя части находившагося въ его распоряженіи войска ближе къ лѣвому флангу.

„Къ чему, зачѣмъ дѣлается это передвиженіе,—гово-

рили между собою офицеры — вѣдь никакого измѣненія не произошло?"

И отсюда слѣдовалъ прямой выводъ: значитъ, первоначально не было строго-обдуманнаго плана, ка́къ дѣйствовать, — значитъ, существуетъ колебаніе. А возможность подобныхъ выводовъ, я не могъ въ этомъ не убѣдиться, дѣйствуетъ крайне-деморализующимъ образомъ. Строгая обдуманность плана, рѣшительность и энергія — вотъ существенныя условія успѣха. Но, увы! ни одного изъ этихъ условій не существовало въ тѣ печальные дни.

Около трехъ часовъ мы тронулись съ первоначальной позиціи. Погода становилась пасмурная, — небо хмурилось, набѣжавшія тучи грозили дождемъ, который къ вечеру и разразился съ невѣроятною силою. Холодный ливень усилилъ всеобщее дурное расположеніе духа. Укрыться отъ него было не́куда, — волей-неволей пришлось смириться и безпощадно мокнуть. Скверная погода вообще не располагаетъ людей къ веселью, но скверная погода, холодный падающій дождь, когда люди стоятъ на позиціяхъ, приводитъ просто въ негодованіе. Палатокъ въ то время ни у кого не было, — оставалось закутаться во что̀ только нашлось у каждаго и постараться уснуть на промокшей травѣ. Въ этотъ день улеглись всѣ чуть только наступилъ вечеръ. Мы узнали, что на-завтра, т.-е. 30-го августа, назначена была общая аттака.

— Ну, что̀? — я говорилъ вамъ, что сраженіе будетъ дано 30-го, — кто же правъ?

— Правы-то вы, а все-таки я повторяю, что это не ладно, — отвѣчалъ другой. — Какой же спрашивается, былъ смыслъ въ артиллерійскомъ боѣ, если они рѣшаются аттаковать, ничего, въ сущности, не подготовивъ орудійнымъ огнемъ?

— Ну, ужъ и это не нашего ума дѣло: про то начальство знаетъ, а я какъ говорилъ, что дѣло будетъ тридцатаго, — такъ по-моему и вышло.

И нужно сказать при этомъ, что громадное большинство въ арміи было увѣрено точно также, что атта-

ка произойдетъ 30-го,—вѣроятно и турки увѣрены были въ томъ не меньше.

Вечеромъ 29-го, въ штабѣ была получена диспозиція на слѣдующій день. Съ ранняго утра должна начаться усиленная канонада, отъ одиннадцати часовъ до часа, если не ошибаюсь, затишье, съ часа до трехъ опять усиленная канонада — и, наконецъ, въ три часа общая аттака по всей линіи. Съ трепетомъ читали всѣ эту диспозицію, дума о завтрашнемъ днѣ никому не давала покоя — и рѣдко, я думаю, у кого такъ билось сердце, какъ у тѣхъ, которые стояли теперь противъ Плевны въ ожиданіи рѣшительной минуты.

Невеселую ночь провели мы съ 29-го на 30-е августа. Холодно, дождь продолжаетъ лить, образуя на соломѣ, травѣ, гдѣ мы пріютились, цѣлыя лужи. Вода пробирается до самаго тѣла, сапоги разбухаютъ,—боишься пошевелиться, а природа все-таки беретъ свое, и васъ клонитъ ко сну. Около четырехъ часовъ утра всѣ, холодные, мокрые, были уже на ногахъ. Разговоръ не клеился, каждый слонялся изъ стороны въ сторону, нервное напряженіе достигло, повидимому, своего крайняго предѣла. Съ минуты на минуту мы ждали услышать трескъ усиленной канонады, — назначенный для нея часъ уже наступилъ, но усиленная канонада не начиналась.

— Немножко запоздали,—вотъ сейчасъ начнется!

Но проходитъ полчаса, часъ, а усиленной канонады все нѣтъ. Раздаются время отъ времени орудійные выстрѣлы, но они раздаются не только не чаще, но, пожалуй, рѣже, чѣмъ въ предшествующіе дни.

— Что это значитъ?—ужъ не перемѣнена ли диспозиція?

Но нѣтъ, — корпусный командиръ ни о какой перемѣнѣ не былъ извѣщенъ. Нетерпѣніе возрастаетъ,—ожиданіе становится тревожно: за каждымъ пушечнымъ выстрѣломъ ждешь немедленно другого, третьяго, — надѣешься услышать, наконецъ, грозный гулъ всѣхъ ору-

дій, но время идетъ, а желаннаго теперь гула все нѣтъ, и, по-прежнему, только слышится сравнительно рѣдкое шипѣніе вылетающихъ гранатъ.

Наконецъ, выстрѣлы совсѣмъ какъ-бы прекратились, и наступило затишье. Усиленной канонады такъ и не было. Среди тишины вдругъ мы услышали неистовый, съ каждой секундой все усиливавшійся ружейный огонь. Сомнѣнія не могло быть никакого. Дѣло завязалось на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Снова всеобщее смущеніе.

— Что̀ же это, наконецъ?—вѣдь аттака назначена въ три часа, а теперь еще нѣтъ одиннадцати! Что̀ они дѣлаютъ?

Но до разсужденій ли было въ эту минуту.

— Вѣдь нужно однако знать, — можетъ быть, мы должны будемъ тотчасъ втянуться въ дѣло!

Люди терялись, не зная, что̀ предпринять. Одинъ изъ ординарцевъ поскакалъ къ генералу Зотову. Ожидать, въ неизвѣстности, что̀ совершается въ эту минуту, было болѣе, чѣмъ жутко. Дѣло завязалось въ отрядѣ князя Имеретинскаго, но кто аттаковалъ: турки ли перешли въ наступленіе, или наши вынуждены были ринуться въ бой, — никто, конечно, не зналъ въ эту минуту.

— Поѣдемъ на лѣвый флангъ, что здѣсь ждать, — сказалъ мнѣ мой неизмѣнный въ эти дни спутникъ—и мы въ ту же секунду поскакали въ сторону, откуда доносилась раздражающая музыка ружейнаго огня.

По дорогѣ мы встрѣтили штабъ генерала Зотова, командовавшаго въ этотъ день всѣми боевыми силами. Генералъ Зотовъ стоялъ съ своимъ штабомъ на возвышенномъ мѣстѣ, но отсюда, какимъ бы совершеннымъ биноклемъ или трубой ни былъ вооруженъ человѣкъ, ничего нельзя было видѣть. Туманъ, перемѣшавшійся съ дымомъ застилалъ все кругомъ. Мы остановились, чтобы разузнать въ чемъ дѣло, но и здѣсь никто ничего положительнаго не могъ намъ сказать. Одинъ говорилъ, начали турки; другой утверждалъ, начали наши; видимо

было, что въ штабѣ генерала Зотова не было еще точныхъ извѣстій.

— Боюсь я, что добра не будетъ.

— Почему?

— Да вы развѣ не видите, — договорилъ полковникъ, — что всѣ они растерялись, точно въ воду отпущенные.

Такое впечатлѣніе, дѣйствительно, производилъ штабъ генерала Зотова. Трудно, разумѣется, передать, въ чемъ выражалась эта растерянность, но она колола глаза. Во всемъ чувствовалась какая-то робость и вялость. Можетъ быть, впрочемъ, я и ошибаюсь, но такое именно впечатлѣніе испытывалъ какъ я, такъ и почти всѣ тѣ, съ которыми случилось тогда говорить.

Въ штабѣ генерала Зотова я встрѣтилъ случайно одного полковника генеральнаго штаба.

— Что это, полковникъ, — обратился я къ нему, — диспозиція-то совсѣмъ не выполняется.

— А въ чемъ?

— Да какъ же? въ диспозиціи было сказано: до 11 часовъ утра усиленная канонада, а въ дѣйствительности ее не было.

— Да мы съ кѣмъ воюемъ? — прервалъ онъ меня неожиданнымъ вопросомъ.

Турецкія гранаты отвѣчали за меня.

— Ошибиться трудно.

— А вотъ въ томъ-то и дѣло, что ошибаетесь, мы не съ турками воюемъ, а съ артиллерійскимъ управленіемъ: у насъ не хватаетъ снарядовъ!

Болѣе я не разспрашивалъ, для меня сдѣлалось совершенно ясно, отчего диспозиція не была выполнена и не слышалась усиленная канонада.

И это была не шутка, а горькая дѣйствительность: снаряды не были подвезены въ достаточномъ количествѣ, и ихъ не хватало.

— Куда намъ воевать! — со злобою произнесъ мой спутникъ, слышавшій этотъ разговоръ.

— Если мы разобьемъ турокъ, то развѣ только грудью нашего солдата, — добавилъ одинъ офицеръ, стоявшій возлѣ насъ.

Мнѣ нечего говорить, въ какомъ настроеніи мы отъѣхали отъ штаба генерала Зотова, продолжая нашъ путь. По красивѣйшей дорогѣ, по горамъ, ложбинамъ, ущельямъ, проѣхали мы на крайній лѣвый флангъ, но, далеко еще не доѣзжая до мѣста сраженія, намъ стали попадаться на встрѣчу плетущіеся раненые. Одинъ изъ нихъ шелъ съ окровавленнымъ лицомъ, и вся одежда его, пропитавшись кровью, получила багровый цвѣтъ. Другой плелся еле-еле, таща свою прострѣленную ногу, и каждый шагъ, который онъ дѣлалъ, сопровождался мучительнымъ стономъ. Третій едва слышно произнесъ въ ту минуту, когда мы проѣзжали: гдѣ лазаретъ? и опустился на землю, истекая кровью... И потянулась затѣмъ длинная вереница раненыхъ, разбредшихся въ разныя стороны, отыскивая перевязочный пунктъ.

Это была первая тяжелая минута близъ поля сраженія, и этой минуты не забыть тому, кто разъ ее пережилъ. И сколько было подобныхъ минутъ! Вотъ еще раненые, еще и еще! и скоро вы теряете счетъ и стараетесь не смотрѣть на эти страдальческія лица и не слышать этихъ мучительныхъ стоновъ!

Но все это было ничто въ сравненіи съ тою картиною, которая представилась намъ черезъ четверть часа, когда мы ближе подъѣхали къ мѣсту сраженія. Картина эта была картиною смерти! Иначе нельзя ее назвать. Выѣхавъ изъ оврага, за которымъ открывалось уже поле сраженія, я увидѣлъ нѣсколько линеекъ „Краснаго Креста“, около которыхъ толпился народъ съ носилками. Къ этимъ линейкамъ и фургонамъ тянулись или, вѣрнѣе, ползли раненые. Одинъ двигается, и изъ груди у него вырываются потрясающіе васъ стоны, другой ползетъ, лежа почти на животѣ, третьяго съ поднятою ногою поддерживаютъ двое солдатъ, причемъ у одного изъ нихъ течетъ кровь изъ руки. Но эти еще болѣе счастливые,

они, по крайней мѣрѣ, имѣютъ еще возможность двигаться. А вотъ носилки, и окровавленныя, и на нихъ лежитъ какая-то масса, въ которой трудно признать человѣческое существо. Рядомъ другія носилки, но вы видите только голову съ открытыми, но закатившимися глазами, на лицѣ нѣтъ кровинки, на тѣло наброшенъ кусокъ холста. Не слышно звука, не видно движенія. На пути онъ успѣлъ уже скончаться. Санитары тащутъ мертвеца. Вся дорога усѣяна ранеными, множество валяется на дорогѣ; они вылѣзли сами изъ огня, но силы измѣнили имъ, и они повалились какъ пласты. Солдаты и санитары суетятся, бѣгаютъ, но подобрать всѣхъ не въ силахъ, раненыхъ прибавляется все больше и больше, и вы не можете сдѣлать шага, чтобы не слышать страдальческихъ стоновъ. А тутъ еще дождь льетъ какъ изъ ведра, по дорогѣ образовались лужи; сыро, холодно, и къ этой грязи, слякоти примѣшивается кровь раненыхъ, на многія лица которыхъ смерть близкая, неминуемая, наложила уже свое грозное клеймо. Среди этой полумертвой, полуживой толпы скачутъ офицеры, адъютанты, ординарцы, все и всѣ въ попыхахъ, тащутъ артиллерійскіе ящики, двигаются впередъ посланные батальоны... въ глазахъ рябитъ невообразимый, но устрашающій хаосъ, сопровождаемый аккомпаниментомъ терзающихъ звуковъ ружейнаго огня. Болѣе раздражающаго нервы, чѣмъ этотъ ружейный огонь, кажется, ничего не существуетъ на свѣтѣ. Онъ не даетъ вамъ ни одной секунды отдыха, онъ пронизываетъ все ваше существо; вамъ кажется, что вы были бы счастливы, если бы онъ хоть на минуту пріостановился; но онъ не даетъ пощады, и вамъ подъ конецъ чудится, что эта трескотня, безъ малѣйшей паузы, происходитъ въ вашемъ собственномъ организмѣ.

Вы ѣдете дальше, картина все та же, но вы начинаете уже относиться къ ней какъ-то безсознательно. Вы смотрите и не видите. Убитая лошадь, вяляющаяся по дорогѣ, разбитый артиллерійскій ящикъ, истекшій

кровью солдатъ — все это перепутывается вмѣстѣ. Нервы ваши начинаютъ мертвѣть.

И среди этого хаоса въ вашихъ ушахъ раздаются отдѣльныя фразы, брошенныя на-лету.

— Наши потери громадны, идетъ третья тысяча! двѣ аттаки отбиты!

— Онъ убитъ! бѣдняга, только-что подъѣхалъ къ цѣпи.

— А что̀ дѣлается тамъ, на правомъ флангѣ?

— Охъ! помогите! не могу! — раздается рядомъ стонъ смертельно раненаго, на котораго никто не обращаетъ вниманія.

И все это точно также переплетается между собою, вы запоминаете слова, но не понимаете смысла. Голова кружится, сердце бьется болѣзненно скоро, во рту пересыхаетъ, горло сдавливаетъ! И внутри васъ опять раздаются слова.

— Поѣдемъ въ цѣпь, право нестрашно! смотрите: пуля пробила козырекъ, меня не тронула.

— Посторонитесь! не толкните!

Опять носильщики, опять плетутся раненые, опять стоны, еще и еще кровь!

— Да когда же конецъ! Война! проклятіе тебѣ! — невольно вырывается изъ груди.

Смерть торжествуетъ кругомъ, но живые требуютъ своего, и среди этого моря крови и хора стоновъ вы видите группу изъ нѣсколькихъ человѣкъ, которая жадно набросилась на кусокъ захваченнаго кѣмъ-то съ собою сыра.

— Хотите сыру?

— Хочу.

Смерть, кровь, стоны окружаютъ васъ, а жизнь продолжаетъ идти своимъ чередомъ.

Уйти отсюда, убѣжать, чтобы ничего не видѣть и ничего не слышать, говоришь самому себѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ тянетъ остаться, тянетъ дальше, поближе къ тѣмъ, которые падаютъ подъ градомъ вражескихъ пуль.

А впереди ничего не было видно, точно опущена

была тяжелая, густая, дымовая завѣса, за которою слышалось только адское жужжаніе пуль. За эту завѣсу уходили люди здоровые, сильные, бодрые, и черезъ нѣсколько минутъ возвращались окровавленные, истерзанные, несчастные. А многіе, цѣлыя тысячи вышли на страшную арену и никогда болѣе не возвращались оттуда!

Нѣтъ художника, который былъ бы въ силахъ воспроизвести эту картину, нѣтъ пера, которое способно было бы дать хотя приблизительное понятіе объ этомъ праздникѣ, объ этой вакханаліи смерти.

Былъ уже четвертый часъ дня, аттака должна была идти по всей линіи.

— Поѣдемъ назадъ, посмотримъ, что дѣлается у насъ!

„У насъ“ — это былъ правый флангъ, 9-ый корпусъ.

При нашемъ возвращеніи, картина, представившаяся глазамъ, была, если возможно, еще страшнѣе, еще ужаснѣе. Тамъ, гдѣ были десятки раненыхъ, теперь были сотни, гдѣ были сотни, теперь тысячи. Я не могу передать читателю той массы потрясающихъ подробностей, которыя дѣлаютъ общее впечатлѣніе еще болѣе жгучимъ, еще болѣе ошеломляющимъ. Дорога несвободна, лошадь идетъ шагомъ, и что ни минута, то остановка. То вашъ путь загораживаетъ какой-нибудь фургонъ, и тутъ же, немного въ сторонкѣ, лежитъ убитый офицеръ, прикрытый чѣмъ-то чернымъ. Друзья вынесли его съ поля сраженія. То васъ останавливаетъ линейка „Краснаго Креста“; около нея чего-то суетится медицинскій студентъ, все платье его забрызгано кровью, и на немъ самомъ лица нѣтъ, видимо онъ такъ замученъ, что ничего ужъ не разбираетъ. Внутри линейки ничего не видно, она закрыта, но оттуда доносятся еле-слышные вздохи, стоны, хрипѣніе. Куда ни обернешься, отовсюду жизнь убѣгаетъ и подступаетъ смерть.

Дорога была длинная, замученныя лошади едва двигались, и когда мы подъѣхали къ правому флангу, уже совсѣмъ стемнѣло. По пути попадается знакомый ординарецъ командира 9-го корпуса.

— Что̀ у насъ новаго?

— Плохо, аттака отбита!

Немного дальше летитъ въ карьеръ другой офицеръ и на-лету бросаетъ крикъ:

— Гривицкій редутъ взятъ!

Кому вѣрить—не знаешь, но ничто уже болѣе васъ не волнуетъ, точно находитъ на васъ какой-то столбнякъ. „Взятъ", „не взятъ", въ головѣ все путается и какъ-то все кругомъ становится безразлично. Умъ больше не работаетъ, а чувство притупѣло.

На правомъ флангѣ было затишье. Но что̀ оно означало, доброе или дурное, въ ту минуту въ этомъ нельзя было отдать себѣ отчета. Да и было ли еще затишье? Въ этотъ пасмурный, дождливый и холодный день ночь наступила быстро. Мы спустились съ высоты, свернули на большую дорогу и направились къ дивизіонному лазарету. Если что-либо могло на время заставить забыть прошедшую передъ глазами картину, если что-либо способно было вывести изъ нравственнаго оцѣпенѣнія, нагнаннаго на васъ видомъ поля сраженія, то, конечно, то, еще болѣе потрясающее, зрѣлище, которое представилось намъ на перевязочномъ пунктѣ.

Выѣхавъ на большую дорогу и привыкнувъ къ мраку, я сталъ различать медленно двигавшіяся человѣческія фигуры, и если бы дорога даже не оглашалась стонами, то сердце подсказало бы, кто были тѣ изнуренные, измученные, истекающіе кровью люди, которые двигались по дорогѣ къ перевязочному пункту. На каждомъ шагу попадались фургоны. Не нужно было спрашивать, кого или что̀ везутъ? Слабые крики говорили громко за себя. Лошадь моя нѣсколько разъ спотыкалась, встрѣчая на землѣ лежащихъ солдатъ, которые не могли двигаться далѣе. Почти часъ нужно было употребить, чтобы сдѣлать полторы или двѣ версты и достигнуть, наконецъ, перевязочнаго пункта, но лучше, кажется, было бы и не достигать его.

Ошибиться, что тутъ именно перевязочный пунктъ, не

было возможности. Масса людей, гулъ, стоны, крики: сюда, вносите, идите далѣе, тутъ нѣтъ мѣста! наполняли собою воздухъ. Тьма кромѣшная! пробѣжитъ какая-то фигура съ фонаремъ и на секунду освѣтитъ всю эту толпу людей, эти носилки, эти фургоны съ ранеными, которые подвозили одинъ за другимъ. Я слѣзъ съ лошади и направился въ палатку. Я не стану и стараться передать то впечатлѣніе, которое испытываетъ человѣкъ, опускаясь въ эту преисподнюю. Всякая передача будетъ блѣдна и ничтожна. Небо въ этотъ разъ, кажется, сговорилось съ людьми, чтобы сдѣлать эту картину, и безъ того страшную, еще болѣе ужасающею. Грязь, слякоть, дождь, холодъ, ноги то вязнутъ, то скользишь и падаешь, не видно не единой звѣзды; и среди этой-то грязи, слякоти, стужи, масса раненыхъ окружаютъ палатки, толкутся, падаютъ, вскрикиваютъ отъ невыносимой боли. Мучительный стонъ наполняетъ собою воздухъ. Вѣтеръ колышетъ полотняныя стѣны палатокъ, дождь смачиваетъ ихъ. Холодная струя воздуха врывается со всѣхъ сторонъ. Раненые густою толпою стоятъ у входа въ палатку, стараются протиснуться туда, задѣваютъ раны, наступаютъ на окровавленныя ноги, хватаются за прострѣленныя руки.

— Бога побойтесь! пособите!—стонетъ одинъ.

— Ваше благородіе! нельзя ли перевязать, всѣ кости разбило!—жалуется другой.

— Приберите хоть его-то!—проситъ одинъ раненый, указывая на товарища, лежащаго въ грязи, подъ дождемъ, съ открытою грудью, изъ которой течетъ кровь.

Этотъ уже ничего не говоритъ, онъ полулежитъ, полусидитъ безъ движенія. Еще нѣсколько минутъ, и страданія его прекратятся.

И такъ не одинъ, не два, не десятки людей. Кругомъ всѣхъ палатокъ подъ дождемъ, на холоду валяются сотни истекающихъ кровью. Внутри палатки картина еще страшнѣй, волосы становятся дыбомъ. Вся она биткомъ набита народомъ, прохода нѣтъ, нужно тискаться, и тискаться

среди раненыхъ, наступая на пораненыя ноги, толкая въ руки, у которыхъ кости раздроблены. Каждую секунду раздаются невыносимые крики. Доктора накладываютъ повязки, среди толкотни производятъ операціи. Всего не хватаетъ. Медики, сестры, студенты выбились изъ силъ. На носилкахъ, на полу валяются раненые, всѣ члены ихъ окоченѣли, многіе въ забытьи, и только когда наступитъ кто-нибудь на рану, слышится безсознательное оханіе.

— Пропустите! дайте дорогу! — кричатъ двое студентовъ, которые несутъ на рукахъ раненаго солдата, но пропустить нельзя: давка, всѣ толкаютъ другъ друга и крики, мучительные крики раздаются во всѣхъ углахъ.

— Гдѣ санитары? — зоветъ докторъ: — унесите его, онъ умеръ.

Вы проходите мимо, зачѣмъ-нибудь васъ послали, васъ останавливаютъ на пути.

— Подержите эту ногу.

Вы берете окровавленную ногу, раненый кричитъ, а хирургъ что-то ворочаетъ въ ранѣ, стараясь вытащить пулю.

— Ваше благородіе! нельзя ли пропустить въ операціонную, полковникъ, тяжело раненый.

Втискиваютъ носилки. Вы присматриваетесь и узнаете человѣка, котораго нѣсколько часовъ назадъ видѣли здоровымъ, полнымъ силъ.

— Это Шлитеръ, командиръ архангелогородскаго полка!

Профессоръ осматриваетъ рану, прикладываетъ компрессъ.

— Унесите, рана смертельная.

Но выносить некому. Онъ не умеръ еще, раздается хрипѣніе.

Подойдетъ кто-нибудь, вы берете вдвоемъ носилки, выносите, но силъ не хватаетъ, ноги скользятъ по слякоти, вы спотыкаетесь, носилки выпадаютъ.

— Отнесите полковника въ офицерскую палатку.

Является помощь, и вы несете его въ офицерскую,

но и тамъ все полно: вы втискиваете носилки съ умирающимъ человѣкомъ между двухъ другихъ носилокъ, на которыхъ лежатъ два молодыхъ офицера, раненыхъ, повидимому, сравнительно легко, и оставляете. Тѣла ихъ соприкасаются, съ минуты на минуту онъ долженъ скончаться. Живые лежатъ рядомъ съ трупомъ

Вы становитесь безчувственнѣе. Вы ходите, толкаете раненыхъ, слышите стоны, кровь кругомъ васъ, но вамъ уже все равно; вы не испытываете больше никакихъ ощущеній, для васъ не существуетъ больше людей, страданія не трогаютъ, вы окаменѣли, превратились въ машину, готовую исполнять только то, что вамъ скажутъ.

А тутъ же, рядомъ съ этою палаткою, раскинута другая; сюда собрались нѣсколько человѣкъ, пьютъ, ѣдятъ, громко спорятъ.

— Да вѣдь взяты Зеленыя-горы!

— Мы не въ силахъ ихъ удержать.

— На Гривицкомъ редутѣ погибла тысяча человѣкъ!

Но вамъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, ни до Гривицкаго редута, ни до Зеленыхъ-горъ. Васъ преслѣдуетъ кошмаръ, кошмаръ на яву, кошмаръ во снѣ; передъ вашими глазами проходитъ окровавленная вереница раненыхъ, мертвыхъ, и вы какъ автоматъ твердите одно лишь слово: „война! проклятіе тебѣ!“

Не одну тысячу смерть унесла въ тотъ день! и, увы! о тѣхъ несчастныхъ, которые сдѣлались жертвами „третьей“ Плевны, нельзя даже сказать вмѣстѣ съ Фаустомъ:

О, счастливъ тотъ, кому въ побѣдномъ гулѣ
Она вѣнокъ кровавый сплететъ...

Смерть сплела имъ вѣнокъ, но не въ побѣдномъ гулѣ, а среди гула пораженія.

ГЛАВА XII.

Послѣ пораженія.

Тяжело было пробужденіе послѣ страшной ночи съ 30-го на 31-е августа. Нѣсколькихъ часовъ сна, хотя и тревожнаго, съ непрерывными видѣніями кровавыхъ картинъ, все-таки было достаточно, чтобы вывести изъ того угнетеннаго состоянія, изъ того столбняка, въ который ввержены были люди, сдѣлавшіеся свидѣтелями отчаянной, но несчастной борьбы. Пробужденіе было тяжелое, потому что оно сопровождалось грознымъ вопросомъ: неужели эта рѣзня была безплодна? Въ первыя минуты умъ рѣшительно отказывался допустить подобную мысль, и кáкъ было ее допустить въ виду той новой картины, которая представилась теперь глазамъ. На перевязочномъ пунктѣ, т.-е. въ палаткахъ, гдѣ еще ночью стоялъ сплошной стонъ и гдѣ каждый клочокъ былъ смоченъ человѣческою кровью, не проносились больше, одна за другою, тѣ ошеломляющія сцены людскихъ страданій, подобныхъ которымъ не создавала ни суровая фантазія творца „Божественной Комедіи", ни даже мрачно-болѣзненное воображеніе Эдгара Поэ. Въ палаткахъ было сравнительно тепло, раненые не толпились сотнями, всѣ были кое-какъ размѣщены, и хотя все было переполнено такъ, что между ранеными не

оставалось, кажется, промежуточнаго пространства и въ одинъ вершокъ, но по сравненію съ тѣмъ, что́ происходило за нѣсколько часовъ, вы невольно поражались порядкомъ. Кровь не бросалась больше въ глаза, раненые были перевязаны, гулъ стоновъ, исторгаемый страданіями, умолкъ, и только по временамъ, то въ одномъ концѣ, то въ другомъ раздавались слабые крики. Куда же дѣвалась вся эта обезображенная, искалѣченная, окровавленная масса людей? Безконечные ряды тянувшихся по большой дорогѣ подводъ, безъ словъ, но не безъ стоновъ, отвѣчали на этотъ вопросъ. Нѣсколько тысячъ человѣкъ были торопливо отправлены съ перевязочныхъ пунктовъ, и ваше сердце невольно сжималось, когда вы становились зрителемъ того, ка̀къ отправляли этихъ людей, и что́ за муки заставляли выносить тѣхъ, которые такъ безропотно отдавали родинѣ свою жизнь, не зная страха, не думая о страданіяхъ. Подводы эти были злѣе непріятельскихъ пуль, въ нихъ было больше безсердечія, точно созданы онѣ были для того, чтобы заставлять умирать людей медленною, мучительною смертію. На эти телѣги, безъ всякихъ приспособленій, зачастую не устланныя даже соломою, клали раненыхъ по нѣскольку „штукъ", не разбирая даже, въ состояніи ли вынести тотъ или другой двухъ, трехъ поворотовъ колеса. Работа, такимъ образомъ, шла быстро, одна подвода уходила за другою, и страшный хаосъ смѣнялся порядкомъ. Но сколькихъ жизней стоилъ такой порядокъ—о томъ не будемъ говорить.

И всѣ жертвы даромъ, по-напрасну? Нѣтъ, быть не можетъ, мы должны были достигнуть какихъ-нибудь результатовъ! Такова была логика мысли, возвращавшей васъ снова послѣ страшнаго дня и болѣе страшной ночи къ вопросу, мучившему васъ нѣсколько дней: побѣда или пораженіе?

Въ первыя минуты утра 31-го августа мало кто изъ непосвященныхъ отвѣчалъ прямо на этотъ вопросъ. Положеніе не выяснилось. Плевна взята не была; но въ

нашихъ рукахъ былъ Гривицкій редутъ, мы владѣли Зелеными-горами, — этого, казалось, было довольно для перваго дня боя. Что скажетъ второй день? аттака несомнѣнно должна будетъ возобновиться. Вѣдь не исчерпали же они въ одинъ день всѣхъ нашихъ силъ? Съ такимъ вопросомъ на умѣ я снова отправился въ штабъ 9-го корпуса, предполагая встрѣтить тамъ лихорадочную дѣятельность, приготовленія къ новой аттакѣ; но то, что пришлось тамъ встрѣтить, совершенно не отвѣчало общимъ ожиданіямъ. Достаточно было одного взгляда, чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ, что дѣло кончено, что надежда на взятіе Плевны исчезла, и что вчерашній день прошелъ не безслѣдно только въ томъ отношеніи, что онъ вычеркнулъ изъ списка живыхъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, да нѣсколько другихъ тысячъ превратилъ изъ сильныхъ и здоровыхъ людей въ несчастныхъ калѣкъ. Уныніе и апатія — вотъ черты, господствовавшія какъ въ штабѣ 9-го корпуса, такъ и у всѣхъ, съ кѣмъ только приходилось встрѣчаться. Всѣ сидѣли небольшими группами, понуря голову, мысленно предавались горькимъ размышленіямъ, говорили неохотно, а если и мѣнялись подъ-часъ отрывочными мыслями, то онѣ служили только яркимъ доказательствомъ, какъ тяжело было у всѣхъ на душѣ.

— Развѣ сраженіе окончилось, развѣ аттака не возобновится? — приходилось спрашивать.

— Съ чьей стороны?

— Да съ нашей, разумѣется!

— Шутите вы, что ли? развѣ мы въ силахъ аттаковать?

— Почему же нѣтъ? Вѣдь перевѣсъ все-таки остался на нашей сторонѣ, мы взяли Гривицкій редутъ, Зеленыя-горы въ нашихъ рукахъ! Результатъ перваго дня благопріятный.

— А что́ проку въ томъ, что мы выбили турокъ изъ Гривицкаго редута да Зеленыхъ-горъ, когда мы все-таки по всей линіи отбиты, — и чего стоило намъ запя-

тіе этихъ редутовъ! Убыль въ людяхъ страшная, дай Богъ только удержать въ нашихъ рукахъ то, за что мы такъ дорого заплатили. Нѣтъ, куда аттаковать, теперь нужно ждать подкрѣпленій. Вотъ придетъ гвардія, авось тогда станетъ полегче!

— Ну, придетъ гвардія! что же вы думаете, такъ сейчасъ все и перемѣнится?—какъ бы да не такъ! Будутъ ее бить такъ же, какъ и насъ бьютъ, если распоряжаться будутъ такъ же, какъ вотъ теперь распорядились!—съ сердцемъ замѣтилъ одинъ изъ сидѣвшихъ тутъ офицеровъ.

— Значитъ, вчера побѣда осталась не на нашей сторонѣ?

— А вы что̀ же думали? еще одна такая побѣда, такъ только дай Богъ убраться поскорѣе во-свояси! Нѣтъ, это не побѣда, а пораженіе, и кто виноватъ? Дрались, кажется, не дурно: нѣтъ арміи въ цѣломъ мірѣ, которая съумѣла бы лучше умирать!

Я привожу этотъ отрывокъ изъ разговора, чтобы показать, какъ трудно бываетъ, даже присутствуя при сраженіи, знать, что̀ происходитъ въ дѣйствительности. Частный успѣхъ, какъ взятіе того или другого редута, имѣетъ мало значенія; на вѣсахъ, на которыхъ взвѣшивается побѣда и пораженіе, рѣшающее значеніе имѣетъ только одно: достигнута или нѣтъ имѣвшаяся въ виду сраженія цѣль. Достигнута она, какихъ бы жертвъ это ни стоило,—побѣда! не достигнута—пораженіе!

Плевна не была взята, мы были отбиты съ страшнымъ урономъ, отнявшимъ у насъ даже возможность новой аттаки—и всѣ военные люди тотчасъ произнесли убійственное слово: пораженіе. Взятіемъ нѣсколькихъ редутовъ утѣшались только тѣ, кто отворачивался отъ истины....

Время тянулось такъ уныло, такъ медленно, что, казалось, этому дню и конца не будетъ. Можно было подумать, что судьба съ умысломъ протягивала часы, чтобы суровыя впечатлѣнія, вынесенныя каждымъ изъ

„третьей Плевны“, глубже и рѣзче врѣзались въ сознаніе. Такіе дни выдаются рѣдко, это дни всеобщей печали, когда нѣтъ человѣка, у котораго можно было бы подмѣтить веселое, или даже просто беззаботное выраженіе на лицѣ; всѣ настроены мрачно, у всѣхъ упадокъ духа, перемѣшанный съ озлобленіемъ. Въ такіе дни, кто что́ ни скажетъ, каждое слово такъ и кольнетъ вашу душу. Люди предавались воспоминаніямъ; но когда эти воспоминанія вчерашняго дня, тогда они особенно жгучи и ѣдки. А не было человѣка, который бы не вспоминалъ пережитыхъ минутъ. Воспоминанія эти обхватывали какъ общіе, всѣмъ равно близкіе, интересы, такъ и чисто личные, интимные. Одинъ передавалъ съ ужасающими подробностями ходъ той или другой аттаки, какъ дружно шла впередъ команда, какъ встрѣчена она была адскимъ ружейнымъ огнемъ, и какъ быстро таяла она, точно снѣгъ подъ палящими лучами солнца, подъ цѣлымъ градомъ непріятельскихъ пуль. Другой вспоминалъ своего близкаго друга, весело шедшаго впередъ, увѣреннаго въ своей счастливой звѣздѣ, и менѣе всего думавшаго о смерти; но этотъ другъ на его глазахъ зашатался, сдѣлалъ еще два-три шага впередъ, потомъ колѣни подломились—и онъ упалъ, смертельно раненый, хотя и съ признаками еще жизни. Турецкая пуля взяла верхъ надъ его счастливою звѣздою. Третій, съ благоговѣніемъ, всегда вызываемымъ геройскою смертью, говорилъ объ одномъ полковомъ командирѣ, предчувствовавшемъ наше пораженіе, свою гибель, и тѣмъ не менѣе шедшемъ впереди своего полка: онъ воодушевлялъ своихъ солдатъ собственнымъ примѣромъ. Предчувствіе его не обмануло: онъ былъ убитъ однимъ изъ первыхъ.

— И что́ поразительно,—прибавлялъ тотъ, который передавалъ свои воспоминанія: — онъ поутру говорилъ мнѣ о томъ, что будетъ убитъ съ такою увѣренностью, что я самъ не могъ въ томъ сомнѣваться; смерть его ни мало не страшила, но я никогда не забуду, — прибавлялъ нашъ собесѣдникъ,—съ какою грустью онъ ска-

залъ: что́ же, быть убитымъ на полѣ сраженія — ничего, нужно же быть кому-нибудь убитымъ, но умирать съ увѣренностью, что мы будемъ разбиты, впередъ испытывать стыдъ поражанія, вотъ что́ обидно, даже злость беретъ!

Цѣлые листы можно было наполнить, если бы только пожелать и передать всѣ слышанные въ этотъ день разсказы и воспоминанія,—но моя цѣль вовсе не та, чтобы растрогать чувствительность читателя,—мнѣ хочется выразить только общее впечатлѣніе. Въ этихъ воспоминаніяхъ медленно проходили часы, и долго не прекратилась бы, можетъ быть, завязавшаяся въ этотъ день бесѣда, если бы она не была прервана на полусловѣ внезапно послышавшимся знакомымъ уже пронзительнымъ напѣвомъ ружейнаго огня. Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ, выхватили изъ футляровъ бинокли и трубы и стали смотрѣть въ ту сторону, откуда неслись трещоточные звуки. День былъ сравнительно ясный, и мы вдалекѣ, на лѣвомъ флангѣ, увидѣли движеніе группъ. То была турецкая аттака Зеленыхъ-горъ. Съ неимовѣрнымъ остервененіемъ, притянувъ значительныя силы, турки бросились на отнятые у нихъ наканунѣ редуты, и въ какой-нибудь часъ, казалось даже меньше, они вырвали изъ нашихъ рукъ то, что́ стоило намъ столькихъ жертвъ. Когда вѣсть объ отнятіи у насъ редутовъ достигла до нашего штаба, настроеніе сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ.

— Этого еще недоставало!—произносилъ одинъ.

— Меня оно нисколько не удивляетъ:—такъ и слѣдовало ожидать!—говорилъ другой, котораго видимо душила злоба.

Въ такія минуты становится легче, когда есть кого обвинять, и вотъ почему посыпались обвиненія. Одинъ обвинялъ такого-то генерала, который въ рѣшительную минуту отказалъ въ помощи, несмотря на то, что одинъ офицеръ скакалъ къ нему за другимъ, прося дать хоть какое-нибудь подкрѣпленіе, но отвѣтъ былъ всегда одинъ: у меня нѣтъ свободнаго войска. Другой обвинялъ

генерала, бросившагося въ аттаку Зеленыхъ-горъ, не разсчитавъ своихъ силъ, и понапрасну предавшаго смерти нѣсколько тысячъ беззавѣтно храбрыхъ солдатъ. Кто былъ правъ, кто неправъ въ этомъ спорѣ,—я, разумѣется, судить не берусь; ясно было только изъ этого спора одно, что у насъ было слишкомъ мало силъ, и что этими недостаточными силами распорядились неудовлетворительно. Всѣ сходились только въ одномъ, что мы бросились въ страшный бой безъ строго обдуманнаго плана, не сообразивъ соотношенія между своими и непріятельскими силами.

Отнятіемъ Зеленыхъ-горъ окончилась кровавая драма 30-го августа.

Въ монотонные дни, наступившіе за страшнымъ побоищемъ, съ новою силою вставалъ передъ всѣми суровый вопросъ: гдѣ же причина всѣхъ нашихъ неудачъ, гдѣ корень разразившагося погрома? Вопросъ этотъ не давалъ покоя; естественно, что каждый имъ задавался въ свою очередь. Легче всего и успокоительнѣе казалось отыскивать эту причину въ дѣйствіяхъ того или другого генерала, и потому обвиненія сыпались направо и налѣво. Не было, кажется, невиноватыхъ, всѣхъ перебирали и всѣхъ заносили на черную доску. Но когда всѣ оказываются виноваты, это лучшее доказательство, что никто лично не виноватъ, и я понялъ справедливость того, когда во время одного изъ такихъ разговоровъ, гдѣ наскоро составлялись обвинительные акты противъ разныхъ начальствующихъ лицъ, одинъ изъ собесѣдниковъ, еще молодой полковникъ, спокойно прервалъ спорившихъ и выразилъ свой взглядъ на дѣло.

— Полно вамъ спорить,—сказалъ онъ,—о томъ, кто виноватъ больше, кто меньше: объ этомъ, по моему мнѣнію, и говорить не стóитъ! Для меня по крайней мѣрѣ совсѣмъ ясно, что отдѣльныя лица тутъ не причемъ. Никого мы не имѣемъ права заподозрѣвать въ недостаточной любви къ своей родинѣ, въ предательствѣ Россіи, каждый старается дѣлать по-своему лучше, за весьма

немногими исключеніями, а если выходитъ все дурно, то чѣмъ они виноваты, что не умѣютъ сдѣлать лучше. Дѣло-то въ томъ, что корень зла лежитъ глубже, чѣмъ вы предполагаете, лежитъ онъ не въ лицахъ, а въ недостаткахъ нашей общей организаціи. Возьмите, господа, любую часть—и вездѣ вы встрѣтите неурядицу, сплошь и рядомъ недочетъ. Для кого же теперь тайна, что старыя привычки, „невинные" доходы, всякаго рода злоупотребленія не исчезли среди насъ? Лучше ужъ будемъ молчать, а если говорить, то не нужно зажмуривать глазъ.

Слова эти, сказанныя безъ раздраженія, безъ злобы, а спокойно, съ неподдѣльною искренностью, носившею на себѣ отпечатокъ глубокой грусти, заставили на нѣсколько минутъ умолкнуть всѣхъ. Молчаніе это ясно говорило, что слова молодого полковника всѣ признавали справедливыми. Черезъ нѣсколько времени разговоръ снова завязался, но онъ получилъ уже иное направленіе, при которомъ не отдѣльныя лица выносили нападки, а различныя части нашей военной организаціи подвергались суровой критикѣ.

Нѣчто изъ того, что́ въ этомъ отношеніи мнѣ приходилось услышать, а подъ-часъ и увидѣть собственными глазами, мнѣ хочется передать теперь читателю. Что́ въ моихъ впечатлѣніяхъ и сужденіяхъ вѣрно, что̀ нѣтъ, самъ я судить не берусь, пусть то рѣшаютъ люди болѣе компетентные, люди ближе знакомые съ нашимъ военнымъ положеніемъ; я же знаю только одно, что впечатлѣнія эти вѣрно отражаютъ то настроеніе, то отношеніе къ различнымъ вопросамъ, которые съ такою силою сказались въ тяжелые дни, слѣдовавшіе за погромомъ. Если же все то, что̀ мнѣ пришлось видѣть и слышать въ тѣ печальные дни, окажется не отвѣчающимъ истинѣ, то, разумѣется, я первый буду счастливъ признать, что впечатлѣнія, черезъ призму пораженія, оказались слишкомъ мрачными и не отвѣчающими дѣйствительности, хотя, вообще говоря, призма пораженія, при оцѣнкѣ ха-

рактеровъ или недостатковъ извѣстной системы, даетъ возможность судить болѣе трезво, чѣмъ призма побѣды. Недаромъ пораженіе всегда раскрываетъ глаза, въ то время какъ побѣда ослѣпляетъ каждаго мишурнымъ блескомъ.

Что̀ чаще всего другого и въ болѣе рѣзкой формѣ вызывало критику, это—вооруженіе нашей арміи.

— Развѣ это вѣроятно, — приходилось часто слышать, — что въ то время, когда турецкія войска вооружены прекрасными ружьями Мартини и Пибоди, да магазинными, мы должны отстрѣливаться старыми ружьями Крынка.

Жалобы на наше вооруженіе и на превосходство турецкаго были дѣйствительно всеобщія; слышались онѣ отъ офицеровъ, слышались и отъ солдатъ, которые часто, разсказывая о какомъ-нибудь дѣлѣ, прибавляли: эхъ, кабы у насъ были такія ружья, какъ у нихъ! И ка̀къ, въ самомъ дѣлѣ, было не жаловаться, когда турецкія войска были вооружены ружьями, изъ которыхъ они имѣли возможность стрѣлять на три тысячи шаговъ, да притомъ со скоростью 15-ти выстрѣловъ въ минуту, въ то время какъ наши могли отвѣчать на ихъ выстрѣлы, приблизившись на 600, много на восемьсотъ шаговъ, а уже о скорости не могло быть и рѣчи. Результатомъ такого неравенства въ вооруженіи было то, что турки въ каждомъ дѣлѣ закидывали наши войска страшною массою свинца и причиняли страшную убыль, производя ужасающія опустошенія въ нашихъ рядахъ, въ то время какъ наши солдаты не имѣли даже возможности защищаться, а могли только съ непоколебимою стойкостью двигаться впередъ, подставивъ свои груди подъ турецкія пули. Нужно было, въ самомъ дѣлѣ, обладать мужествомъ русскаго солдата, чтобы двадцать разъ выдержать этотъ огонь, и не броситься въ бѣгство. Русскій солдатъ вынесъ, разумѣется, все, вынесетъ и въ другой, и въ третій разъ, грудью своею онъ пробилъ себѣ путь до Константинополя, но, спрашивается, какую массу лишнихъ жертвъ унесла эта война

исключительно благодаря тому, что вооруженіе нашей арміи находилось въ неудовлетворительномъ состояніи. Тутъ ужъ роковою „необходимостью войны“ ничего не объяснишь, а скорѣе приходится сослаться на нашу, можетъ быть, также роковую неурядицу.

Особенно приводило въ то время въ негодованіе то, что именно у турокъ оказалось превосходство въ вооруженіи. Будь война съ французами, австрійцами, нѣмцами, разсуждали военные люди, куда ни шло, самъ Богъ велѣлъ, чтобъ у нихъ было лучше: они и старше, и умнѣе насъ, и контроля у нихъ больше, ну, а вѣдь турки что!—народъ дикій, невѣжественный, сгнившій трупъ, какъ любятъ выражаться иные публицисты, а смотришь—у этихъ дикарей, у этого сгнившаго трупа нѣкоторыя части военной организаціи обставлены были лучше, чѣмъ у насъ. Правда, мы побѣдили, но никогда не нужно забывать, что мы побѣдили громаднымъ превосходствомъ силъ, да несравненными природными свойствами русскаго солдата, не признающаго для себя никакихъ препятствій въ борьбѣ съ врагомъ.

— Что же вы хотите,—возражали немногіе защитники,—перевооруженіе началось, гвардія вся вооружена берданками, стрѣлковыя бригады точно также, а армію не успѣли перевооружить, нельзя же все сдѣлать вдругъ!

Но такое возраженіе никогда не находило себѣ поддержки, а, напротивъ, вызывало болѣе ожесточенныя нападки.

Рѣдко договаривались до объясненія причины нашихъ бѣдъ, да и въ данномъ случаѣ эту, такъ-сказать, причину причинъ приходится обходить молчаніемъ, но фактъ несомнѣнный тотъ, что если ужъ турецкія войска могли быть перевооружены, то и наши войска могли бы драться скорозаряднымъ оружіемъ. Новая система выказалась уже во всемъ блескѣ во время франко-прусской войны, а съ тѣхъ поръ прошло достаточно времени, чтобы, при тѣхъ громадныхъ средствахъ, которыми располагаетъ нашъ военный бюджетъ, наши войска не были поставлены

въ худшія боевыя условія, чѣмъ войска „больного человѣка“.

Что́ значитъ хорошее или дурное вооруженіе—можно было уже видѣть по тому, какой страхъ нагоняло на турокъ появленіе нашихъ стрѣлковыхъ бригадъ, вооруженныхъ не Крынкомъ, а берданками. Черныя панталоны были для нихъ истиннымъ пугаломъ, какъ разсказывали сами плѣнные турки. Гвардія, которой принадлежитъ такое почетное мѣсто въ исторіи послѣдней войны, безъ сомнѣнія, точно также въ значительной степени обязана большими успѣхами лучшему вооруженію.

Въ самой тѣсной связи съ вопросомъ о превосходствѣ турецкаго ружья надъ ружьемъ Крынка, стоитъ вопросъ о достаточности или недостаточности патроновъ. Турки, введя у себя скорозарядное оружіе, оказались настолько предусмотрительны, что приготовили громадные, по-истинѣ неистощимые запасы патроновъ. Они не только не скупились на патроны, но съ какимъ-то остервенѣніемъ забрасывали своего непріятеля свинцомъ. Они стрѣляли такъ часто, какъ только могли, стрѣляли куда ни попало, безцѣльно, и тѣмъ не менѣе, благодаря массѣ пущенныхъ пуль, они причиняли страшный уронъ въ рядахъ нашихъ войскъ. Одинъ изъ очевидцевъ, или, вѣрнѣе, одинъ изъ участвовавшихъ въ послѣдней войнѣ, человѣкъ весьма компетентный въ военныхъ вопросахъ, высказываетъ по этому поводу, между прочимъ, слѣдующія мысли: „Правительство обратило въ то же время особое вниманіе на устраненіе серьёзной опасности, могущей возникнуть при принятіи такой системы, вслѣдствіе *недостатка патроновъ*, и потому не только заготовило ихъ въ громадныхъ размѣрахъ, но изыскало всѣ средства къ безостановочному питанію патроновъ во время самаго боя. Чего достигли въ этомъ отношеніи турки, по-истинѣ необыкновенно: несмотря на чудовищное расходованіе патроновъ, мы находили въ траншеяхъ, а иногда просто на позиціяхъ, груды сложенныхъ патроновъ или наполненные ими ящики; при наступленіяхъ

же, виднѣлось за передовыми частями множество лошадей, муловъ и ословъ, навьюченныхъ мѣшками съ патронами. Такимъ образомъ, видимъ, что, вводя въ свою армію скорозарядное оружіе, турки поставили правиломъ: не жалѣя патроновъ, воспользоваться до крайнихъ предѣловъ возможностью стрѣлять далеко и много, а вмѣстѣ съ тѣмъ озаботились обезпеченіемъ безотлагательнаго и правильнаго пополненія даже самой безразсудной траты патроновъ" [1]). Такъ же ли хорошо, слѣдуетъ теперь спросить, было обезпечено у насъ необходимое количество патроновъ? Правда, наша армія, вооруженная не скорозаряднымъ оружіемъ, не нуждалась въ такой массѣ патроновъ, какъ турецкая армія, и все-таки, несмотря на несравненно меньшую въ нихъ потребность, количество патроновъ было часто недостаточно. Какъ наши солдаты ни были экономны на трату патроновъ, но случалось, что отрядъ израсходывалъ всѣ патроны, и доставка новыхъ между тѣмъ вовсе не была обезпечена. За турецкими войсками слѣдовали лошади, мулы, ослы, навьюченные мѣшками съ патронами; за нашими ползли патронные ящики, доставка которыхъ была часто болѣе чѣмъ затруднительна. Хотя турки, по отзывамъ всѣхъ офицеровъ, совершенно безумно тратили патроны, нимало не жалѣя ихъ, а наши берегли ихъ какъ зеницу ока и стрѣляли послѣ тщательнаго прицѣла, въ итогѣ все-таки оказывалось, что у турокъ всегда было изобиліе въ патронахъ, а у насъ сплошь и рядомъ недостатокъ. А что́ лучше, излишекъ или недостатокъ, полагаю, говорить нѣтъ надобности, какъ нѣтъ надобности объяснять, что одна сторона въ этомъ отношеніи выказала несравненно больше предусмотрительности, чѣмъ другая.

— Чѣмъ же, однако, вы объясняете, — приходилось спрашивать, — что въ такомъ важномъ для войны дѣлѣ,

---

[1]) Баронъ Л. Зедделеръ: „Нѣсколько практическихъ выводовъ изъ нашей послѣдней войны".

какъ вооруженіе и заготовка патроновъ, турки оказываются впереди насъ? Вѣдь вы должны согласиться, что Турція дѣйствительно больное государство, и что турки — не что иное, какъ представители застоя, что это китайцы въ Европѣ.

— Очень просто, — отвѣчали мнѣ: — турки не такъ больны, какъ утверждали, а мы не такъ здоровы, какъ то думали.

Такое объясненіе представлялось, разумѣется, весьма мало удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что не только въ одномъ вооруженіи турки оказались впереди насъ, но на ихъ сторонѣ былъ явный перевѣсъ и въ нѣкоторыхъ другихъ еще отношеніяхъ. То же, что̀ пришлось слышать о преимуществѣ ихъ скорозарядныхъ ружей, то же самое говорилось, когда сравнивали нашу артиллерійскую часть съ турецкою.

Несмотря на жалкое состояніе турецкихъ финансовъ, гораздо болѣе жалкое, чѣмъ наше, турецкое правительство съумѣло, однако, распорядиться такъ, что могло выдвинуть на поле брани прекрасныя стальныя дальнобойныя орудія, какихъ не было, къ сожалѣнію, въ нашей артиллеріи. Благодаря этимъ орудіямъ, несмотря даже на безусловное превосходство нашего солдата, турки не разъ брали перевѣсъ, и во всякомъ случаѣ всегда имѣли возможность засыпать насъ гранатами прежде, чѣмъ мы могли съ выгодою пустить въ дѣло наши орудія.

Война всегда раскрываетъ тѣ или другія слабыя и сильныя стороны военной организаціи, и весьма часто случается, что суровый опытъ убѣждаетъ, что та часть, которая предполагалась совершенною, въ дѣйствительности оказывается крайне неудовлетворительною. До послѣдней войны многіе компетентные люди предполагали, что наши орудія, и въ особенности 9-ти-фунтовыя, представляются чуть не идеаломъ орудій. Практика показала, что орудія эти не прочны, что часто послѣ 80 или 100 выстрѣловъ они приходятъ въ такое состояніе, что не

могутъ болѣе служить съ пользою. Вины тутъ нѣтъ, разумѣется, ничьей, — людямъ свойственно заблуждаться. Но вотъ что̀ ставилось въ положительный упрекъ военному министерству или, тѣснѣе, артиллерійскому управленію. Преимущество стальныхъ дальнобойныхъ орудій передъ нашими было несомнѣнно доказано и до войны. Отчего, спрашивали, артиллерійское управленіе не позаботилось о томъ, чтобы такими орудіями была снабжена наша армія? Многіе утверждали, что вопросъ о такихъ орудіяхъ давно уже находился въ разсмотрѣніи, что были компетентныя лица, которыя настаивали на пріобрѣтеніи такихъ орудій, что, наконецъ, стальныя дальнобойныя орудія, и будто бы тѣ самыя, которыми громили насъ турки, предлагались предварительно нашему правительству, но что всѣ подобныя предложенія были рѣшительно отклонены. Указывали и на причину такого отказа, но о ней не будемъ говорить.

Быть можетъ, что съ окончаніемъ войны такое пессимистическое, недовѣрчивое отношеніе къ различнымъ частямъ нашего военнаго управленія исчезнетъ среди нашихъ военныхъ, но во время перваго періода войны, я не погрѣшу противъ истины, если скажу, что оно было господствующимъ. Оно и неудивительно. Такіе факты, какъ превосходство турецкаго вооруженія, превосходство ихъ орудій, должны были вызвать критическое отношеніе къ тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, на обязанности которыхъ лежало устройство военной части. Что превосходство турецкихъ орудій передъ нашими не выдумка, а правда, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить хоть то, что прежде даже чѣмъ окончилась турецкая война, наши арсеналы были заняты уже производствомъ стальныхъ дальнобойныхъ орудій. Давно вѣдь уже сказано, что русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ.

Но если о достоинствѣ нашихъ орудій сравнительно съ достоинствомъ орудій другого сорта могъ еще быть споръ, и люди, даже вполнѣ добросовѣстные могли быть убѣждены, прежде чѣмъ опытъ войны не разбилъ

этого убѣжденія, что наши орудія не только не хуже, но пожалуй и лучше другихъ, то о необходимомъ для войны количествѣ орудійныхъ снарядовъ спору, разумѣется, не могло ужъ быть никакого. А между тѣмъ, фактъ несомнѣнный, что бывали минуты, когда снарядовъ не хватало. Происходило ли это оттого, что не было заготовлено достаточнаго количества снарядовъ, или что не былъ организованъ правильный подвозъ ихъ даже къ такому мѣсту сраженія, какъ Плевна, это безразлично съ точки зрѣнія общей военной организаціи. Что́ было проку знать, что гдѣ-нибудь лежатъ колоссальные запасы снарядовъ, если въ данную минуту, въ данномъ пунктѣ, въ нихъ оказывается недостатокъ. Отъ кого это зависѣло, отъ центральнаго ли артиллерійскаго управленія, или отъ полевого управленія, — это вопросъ вовсе не интересный для тѣхъ, кто прямо этимъ не затронутъ. Для всѣхъ же важно только то, что въ концѣ-концовъ и тутъ, какъ и во многомъ другомъ, оказалась несостоятельность, непредусмотрительность, прибавляющая нѣчто къ общему выводу о нашей военной организаціи.

Точно такая же непредусмотрительность обнаружилась и въ недостаткѣ въ нашей арміи шанцевыхъ инструментовъ, — недостаткѣ, о которомъ заговорили въ обществѣ послѣ того, какъ одинъ изъ выдающихся генераловъ послѣдней войны указалъ на него въ своей реляціи. Турки изумили всѣхъ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ они неимовѣрно быстро окапывались. Не успѣли они занять или отбить извѣстную позицію, какъ смотришь — они уже окопались, а что значеніе подобной системы было дѣйствительно велико, въ этомъ соглашались всѣ военные люди. Благодаря такой системѣ, число убитыхъ и раненыхъ сокращалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ становилось труднѣе вытѣснить ихъ съ занятой ими позиціи. Очевидно, что если бы до начала войны турецкое правительство не позаботилось заготовить въ достаточномъ количествѣ шанцевые инструменты, то турки не

имѣли бы возможности защищаться такъ удачно отъ дѣйствія нашего огня. То ли было у насъ? Къ сожалѣнію, прямо противоположное. Сколько ни желали бы мы воспользоваться благимъ примѣромъ, поданнымъ турками, все-таки это желаніе было бы неосуществимо. А почему? Да потому, что у насъ, должно-быть, забыли изготовить или захватить съ собою шанцевые инструменты! Разумѣется, это мелочь, не стоющая того, чтобы о ней и говорить, въ виду конечнаго торжества, но и эта мелочь была причиною многихъ лишнихъ жертвъ, гибелью многихъ солдатскихъ душъ! Недосмотръ, конечно, всегда возможенъ, и къ нему нельзя относиться особенно строго среди лихорадочной дѣятельности военнаго времени, но не досмотрѣть того, чтобы каждый корпусъ былъ снабженъ необходимымъ количествомъ лопатъ, это казалось ужъ черезъ-чуръ много, и потому естественно, что подобная оплошность вызывала чуть не всеобщее неудовольствіе.

Кто въ этомъ виноватъ, это весьма мало интересно; по всей вѣроятности, никто не виноватъ, и въ этомъ, какъ и въ другомъ оказалось только одно изъ послѣдствій цѣлой системы. А хороша эта система или нѣтъ, это ужъ совсѣмъ особый вопросъ, котораго мы добровольно предпочитаемъ не касаться.

Многіе, впрочемъ, относились довольно пассивно къ пробѣламъ нашей военной организаціи, и это были тѣ, которые, всматриваясь глубже, перестали чему-либо удивляться. Пробѣлы эти представлялись имъ вполнѣ естественными. Но вотъ кто ужъ рѣшительно ничѣмъ не возмущался и ни на что не негодовалъ, это русскій солдатъ. Этотъ ни на что не роптал. Ружье хуже турецкаго — онъ молчитъ, патроновъ не хватаетъ — молчитъ, орудія хуже — молчитъ, лопатокъ нѣтъ — молчитъ. Но какъ бы безропотно онъ ни относился ко всему, что́ проходило у него предъ глазами, все-таки сравненіе того, что́ было у насъ, съ тѣмъ, какъ было у турокъ, не исчезало безслѣдно въ его головѣ. Сравненіе это выражалось иногда

въ отрывистой фразѣ, въ которой звучало не то чувство зависти, не то чувство обиды:

— Эхъ, ваше благородіе, будь у насъ такія ружья, какъ у него, такъ тутъ бы они всѣ легли!

Много было нужно, чтобы вызвать у солдата слово упрека; для этого нужна была боль, физическое страданіе, когда человѣка охватываетъ нетерпѣніе, отчаяніе. Я никогда не забуду, какъ вечеромъ, 30-го августа, я наткнулся на одного солдата, лежавшаго на дорогѣ и тихо стонавшаго.

— Что̀, братъ, съ тобой?

— Раненъ, ваше благородіе! Заставьте Бога молить, не оставьте здѣсь умереть, нѣтъ моихъ силъ больше идти.

— Ну, потерпи минутку, сейчасъ подберемъ тебя!

— Хоть бы перевязали, болитъ очень!

— Сейчасъ, сейчасъ, потерпи! за то свое дѣло сдѣлалъ.

— Мы-то свое дѣло сдѣлали! — произнесъ онъ голосомъ, въ которомъ рѣзко звучали и боль и досада.

Не истекай этотъ солдатъ кровью, не вырвались бы изъ его груди эти слова укора, ропота. Значитъ, ужъ слишкомъ онъ настрадался!

Но только ли ружьямъ, орудіямъ, богатству всяческихъ снарядовъ, лопатамъ у турокъ могъ завидовать русскій солдатъ? Нѣтъ, онъ могъ завидовать и тѣмъ матеріальнымъ условіямъ, въ которыя былъ поставленъ турокъ по сравненію съ нимъ, русскимъ солдатомъ. Возьмите, для примѣра, хоть наши палатки, и не только солдатскія, но и офицерскія, и сравните ихъ съ турецкими. Наши палатки были жиденькія, чуть пошелъ дождь — ихъ промачиваетъ насквозь, а если дождь продлится сколько-нибудь, то сквозь полотно начинаетъ преисправно поливать, такъ что, въ концѣ-концовъ, онѣ нимало не предохраняютъ отъ непогоды, и дѣло сводится къ тому, что люди спятъ все равно, что подъ открытымъ небомъ. На землѣ вода, сверху льетъ, такъ что есть палатка,

нѣтъ ея, выходитъ почти на одно. Если офицерскія палатки плохи, то про солдатскія ужъ и говорить нечего, —одно только названіе, а проку никакого. Между тѣмъ хорошія и солидныя палатки, дѣйствительно защищающія отъ непогоды, имѣютъ огромное значеніе, онѣ предохраняютъ до извѣстной степени отъ сырости, а слѣдовательно въ значительной степени уменьшаютъ процентъ заболѣвающихъ лихорадкою, тифомъ и т. п. болѣзнями. Повидимому, у насъ разсуждали такимъ образомъ: были бы палатки по положенію, а затѣмъ—какія онѣ, могутъ ли отвѣчать своему назначенію, это дѣло послѣднее, не стоющее заботы. Будь наши палатки получше, онѣ, конечно, обходились бы дороже. Впрочемъ, нужно еще знать — стоили ли онѣ казнѣ дѣйствительно дешевле, чѣмъ турецкія палатки. Пока вѣрно только то, что послѣднія были несравненно лучше нашихъ. Каждый разъ, что послѣ какого-нибудь дѣла наши успѣвали захватить турецкія палатки, радость была велика, и мнѣ не разъ приходилось слышать:

— У тебя какая палатка? — своя! а у меня, братъ, турецкая, прелесть просто!

Замѣчая, какъ сгущаются черныя краски, читатель можетъ подумать, что та параллель, которую я провожу между турецкими порядками и нашими, искусственна, что я до нѣкоторой степени тенденціозно стараюсь собрать все то, что́ у насъ было хуже, чѣмъ у турокъ, руководствуясь исключительно желаніемъ нарисовать мрачную картину нашей военной организаціи. Если читатель подумаетъ это, онъ крайне ошибется: онъ можетъ быть увѣренъ, что мною руководитъ исключительно чувство правды, и если эта правда инымъ можетъ не понравиться, то виноватъ, конечно, въ этомъ не я. Я никогда не умолчу о томъ, что́ у насъ было неизмѣримо выше, чѣмъ у турокъ, а неизмѣримо выше было самое главное въ арміи, по сравненію съ чѣмъ все остальное представляется дѣломъ второстепеннымъ. Неизмѣримо выше были наши солдаты, наши офицеры, и все, что́ я

говорю невыгоднаго о нашихъ внѣшнихъ военныхъ порядкахъ, все это только прибавляетъ къ личнымъ достоинствамъ нашей арміи, которая какъ-бы игнорировала всѣ неблагопріятныя условія и наперекоръ всѣмъ и всему преодолѣла всѣ преграды. Ниже я укажу на то, что именно создало такой отличный духъ арміи; но эти самыя достоинства нашихъ солдатъ и офицеровъ, ихъ беззавѣтная храбрость, ихъ безстрашіе передъ смертью, словомъ—тѣ безконечныя жертвы, которыя они принесли своей родинѣ, заставляютъ болѣе сурово относиться къ тѣмъ матеріальнымъ условіямъ, которыми была обставлена ихъ боевая жизнь и дѣятельность. Въ числѣ другихъ неблагопріятныхъ условій нужно поставить, и при томъ на одномъ изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, ту непредусмотрительность, которая обнаружилась въ обмундировальной части. Тутъ нужно отличать двѣ стороны: одна заключается въ томъ, что русскій солдатъ во время похода обременяется излишнею тяжестью, другая — это незаготовка сапоговъ, теплаго платья, полушубковъ, фуфаекъ и т. п. Мнѣ долго и часто приходилось бесѣдовать съ однимъ солдатомъ, поступившимъ на службу добровольно, и лежавшимъ, вслѣдствіе весьма тяжкой раны, нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ изъ госпиталей въ Бухарестѣ.

— Вы не можете себѣ и представить,—разсказывалъ онъ,—какую страшную тяжесть несетъ на себѣ солдатъ во время похода. Я не говорю о себѣ, положимъ, я человѣкъ непривычный, бѣлоручка, но я жилъ среди солдатъ, совершилъ съ ними походъ и видѣлъ, чего имъ это стоитъ. Солдатъ все долженъ нести на себѣ: и бѣлье, и шинель, и запасъ сухарей, и патроны! Наконецъ, одинъ ранецъ чего стоитъ. Правда, кончилось тѣмъ, что мы ранцы побросали, но доходило и до того, что бросали манерку, бѣлье, подъ-часъ и шинель. Ужъ совсѣмъ, какъ говорится, было не въ моготу. Вы себѣ вообразите 30-ти, 35-ти, а подъ-часъ 40-ка-градусную жару, солнце печетъ, зной невыносимый, самъ еле-идешь, а идти приходится десятки верстъ, а тутъ еще тебя на-

вьючили такъ, что хоть ложись, да умирай. Въ горлѣ пересохнетъ, пить нечего, ноги затекутъ—вотъ тутъ-то солдатикъ и чувствуетъ невыносимость быть вьючнымъ животнымъ. Кажется, что на васъ навалили чуть не десятки пудовъ. Что̀ вы станете дѣлать, идти нѣтъ мочи, а идти нужно! Я никогда не забуду, какъ мы шли подъ Плевну для 18-го іюля! Чего-чего мы не натерпѣлись за этотъ переходъ! Привалы короткіе, рѣдкіе, жара смертельная, мы идемъ и еле-дышемъ! Мы идемъ и все сбрасываемъ съ себя лишній грузъ. Что̀ будетъ, то будетъ! Начальство потребуетъ отъ насъ вещи, а какъ ихъ нести на себѣ, когда и самого-то себя насилу несешь. Дошли до того, что все побросали; да вотъ горе—побросали тогда, когда уже было поздно, когда такъ замучились, что силъ больше не было. И сколько тогда человѣкъ не дошло! Упадетъ солдатъ въ изнеможеніи, и подняться не можетъ, нѣсколько человѣкъ померли. Я было тоже упалъ, да спасибо одному товарищу, онъ раскрылъ мнѣ ротъ и влилъ воды, стало полегче, я полежалъ, полежалъ и снова пошелъ. Нѣтъ, если бы не грузъ, все было бы сподручнѣе.

Такъ разсуждалъ не только вольноопредѣляющійся, но то же повторяли и всѣ почти солдаты, жалуясь на тягость своей ноши. Практика дѣйствительно убѣдила, что ранцы, напримѣръ, никуда не годны во время похода, и потому волей-неволей пришлось отъ нихъ отказаться. Всю кампанію солдаты сдѣлали безъ ранцевъ. Но тѣмъ не менѣе они должны были нести на себѣ не малый грузъ. Положеніе турецкихъ солдатъ въ этомъ отношеніи было несравненно лучше. Шаровары, легкая куртка, ружье да сумка съ патронами, да другая съ галетами — вотъ и все, что у нихъ было на себѣ. Они могли идти легко и привольно. Все же остальное находилось въ обозѣ, который слѣдовалъ за отрядомъ. Все было разсчитано на то, чтобы сберегать силы солдатъ. У насъ же никто какъ будто не заботился о томъ, чтобы соразмѣрять извѣстныя требованія съ человѣческими си-

лами. Солдатъ, разсуждали вѣроятно, все вынесетъ, и чего въ самомъ дѣлѣ не выносилъ русскій солдатъ! На всѣ подобные упреки защитники принятыхъ порядковъ всегда возражали стереотипною фразою:

— Да вѣдь туркамъ хорошо воевать, они ведутъ войну у себя дома, въ своей странѣ, они могутъ распоряжаться какъ угодно, они имѣютъ возможность тащить за собою огромные обозы, они находятъ все, что̀ имъ нужно! А наше положеніе иное: мы ведемъ войну за нѣсколько сотъ верстъ отъ дома, въ чужой землѣ, гдѣ трудно найти и необходимое, а ужъ гдѣ тутъ заботиться о солдатскомъ комфортѣ.

Но такое возраженіе встрѣчало всегда энергическій отпоръ, которому трудно было не сочувствовать. Всѣ мы знали, гдѣ и съ кѣмъ будемъ воевать, мы знали или по крайней мѣрѣ должны были знать, какими средствами будемъ располагать въ этой странѣ, и потому сообразно съ этимъ, если хотѣли воевать, должны были заранѣе измыслить средства, поставить такъ дѣло, чтобы не требовать затѣмъ отъ людей невозможнаго, и удовлетворять ихъ необходимымъ потребностямъ.

Насколько однако эти послѣднія удовлетворялись, читатель знаетъ изъ тѣхъ многочисленныхъ разсказовъ очевидцевъ, которые доносились съ театра войны. А разсказы эти были, по-истинѣ, столько же страшные, сколько и возмутительные. Платье скоро износилось, порвалось, сапоги сдѣлались дырявыми, подошвы стали отставать, а новаго платья, новыхъ сапогъ не было. Наступила стужа, поднималась мятель, снѣгъ, морозъ, а солдатъ безъ сапогъ, да въ одной тощей шинелишкѣ. А тутъ еще длинные мучительные переходы, стоянки на Балканахъ, и въ такое-то время, въ зимніе мѣсяцы, армія осталась безъ сапогъ, безъ теплаго платья, безъ полушубковъ. Люди жертвовали своею жизнію ради своей родины, а эта родина не позаботилась даже, чтобы ея защитники не были полубосыми и полунагими. И это не преувеличеніе, что солдаты шли безъ сапогъ, и тѣ,

на чьей отвѣтственности лежитъ этотъ грѣхъ, тѣ знаютъ объ этомъ лучше, чѣмъ всѣ остальные. Голь, говорится, на выдумки хитра, и правда: чего только не придумывали русскіе солдаты, чтобы сколько-нибудь помочь горю; они доставали кожу и обвязывали ею ноги, сдирали шкуру съ барановъ и шерстяною стороною прикрѣпляли къ своимъ оледенѣвшимъ ногамъ. Но этими средствами располагалъ только ничтожный процентъ, а вся масса подвергалась настоящимъ страданіямъ, и страданія эти не были легче оттого, что они были, такъ сказать, родного происхожденія, а не шли со стороны турокъ. Какъ не было сапоговъ, такъ не было и теплаго платья, и замѣнить полушубокъ какимъ-нибудь собственнымъ изобрѣтеніемъ было, разумѣется, невозможно. Послѣдствія такой необычайной заботливости обнаружились чрезвычайно быстро. Процентъ заболѣвавшихъ росъ не по днямъ, а по часамъ, и не сотни, а тысячи отмораживали себѣ различныя части тѣла. И это были счастливые; другіе же просто-на-просто замерзали. Такого рода факты, которыхъ, разумѣется, никто не рѣшится оспоривать, сами по себѣ такъ краснорѣчивы, что нѣтъ надобности тратить красокъ, чтобы изобразить болѣе ярко невѣроятную картину лишеній русскаго солдата, умирающаго не отъ непріятельской пули, что̀ было бы сравнительно счастьемъ, а замерзающаго на вершинахъ Балканъ, благодаря безпечности тѣхъ, на комъ лежитъ обязанность заботиться о томъ, чтобы онъ не остался босымъ и нагимъ. Впрочемъ, такого рода фактъ, какъ отсутствіе сапогъ и теплаго одѣянія, слишкомъ крупенъ, чтобы онъ могъ быть объясненъ оплошностью или нерадѣніемъ того или другого лица. Подобная оплошность или нерадѣніе должны корениться въ какой-либо причинѣ, весьма близко соприкасающейся съ извѣстнымъ заведеннымъ порядкомъ среди интендантства, съ установленной системой военной организаціи. Что же однако за причина такого прискорбнаго явленія? Одно изъ двухъ: или знали, предполагали, что будетъ зимняя кампанія, и тогда незаготовка са-

поговъ и полушубковъ составляетъ весьма крупную ошибку; или же не знали, даже и не предполагали зимней кампаніи, а были убѣждены, что къ осени мы будемъ въ Константинополѣ, — тогда очевидно, твердое въ этомъ убѣжденіи военное вѣдомство не имѣло надобности заботиться о заготовкѣ теплой одежды. Послѣднее, конечно, болѣе вѣроятно, къ чему избирать всегда самое худшее предположеніе, — но только въ такомъ случаѣ такая увѣренность служитъ доказательствомъ недостаточно серьёзнаго отношенія къ дѣлу.

Несерьёзность эта сквозила во всемъ, какъ въ крупныхъ, такъ и въ сравнительно второстепенныхъ вопросахъ, и всюду она обнаруживалась тѣмъ, что то тутъ, то тамъ, что-нибудь было упущено, или чего-нибудь не хватало, во всемъ сказывалась поспѣшность и недостатокъ подготовки и зрѣлой мысли. Присутствуя при всевозможныхъ разговорахъ и спорахъ военныхъ людей, я волей-неволей все болѣе и болѣе убѣждался, что дѣйствительно не было ни одной отрасли военнаго управленія, про которую можно было сказать: ну, вотъ это вполнѣ хорошо, тутъ все сдѣлано! и убѣжденіе это крѣпло каждый разъ, что случай доставлялъ возможность на практикѣ провѣрять слышанныя сужденія. Многое, конечно, изъ того, что́ составляло предметъ споровъ, казалось мнѣ неважнымъ и неимѣющимъ значенія, но затѣмъ, соединяя всѣ звенья въ одну цѣпь, я признавалъ безусловную справедливость того, что́ мнѣ, какъ невоенному человѣку, часто повторяли: — Не думайте, что въ военномъ дѣлѣ, разумѣется, во время войны, существуетъ что-нибудь неважное: тутъ все имѣетъ значеніе, все одно съ другимъ соприкасается, потому что всѣ части, взятыя вмѣстѣ, и важныя, и неважныя, составляютъ одно цѣлое, зовущееся военной организаціей. Вотъ вамъ кажется, что вопросъ о картахъ да биноклях, о почтахъ да телеграфахъ, о раздачѣ военныхъ наградъ и т. д. — все это мелочи, о которыхъ не сто́итъ говорить, а между тѣмъ всѣ эти мелочи имѣютъ важное значеніе, и

если все это хромаетъ, то хромаетъ сама военная организація, и т. д.

И начинались разговоры, и притомъ не разъ, о биноклях да картахъ, о почтахъ да телеграфахъ, о томъ, какъ раздаются награды и совершаются назначенія. Можетъ быть, въ слышанныхъ мною сужденіяхъ и было много несправедливаго, я самъ, разумѣется, не судья въ военныхъ вопросахъ, но я только какъ эхо передаю то, что̀ въ періодъ нашихъ неудачъ было у всѣхъ не только на умѣ, но и на языкѣ. Я стараюсь только подводить итоги.

Въ Германіи, во время франко-нѣмецкой войны 70 года, не только не было офицера, у котораго не было бы карты Франціи, но почти каждый унтеръ-офицеръ обладалъ таковою. И нужно ли говорить, что карты эти отличались необыкновенною точностью, дѣлавшею честь нѣмецкому генеральному штабу. У насъ между тѣмъ картъ было сравнительно очень мало; карты не раздавались каждому офицеру, о солдатахъ и даже объ унтеръ-офицерахъ не можетъ быть и рѣчи, а просто нѣсколько картъ было разослано въ каждый полкъ и получали ихъ батальонные и эскадронные командиры, да высшіе офицеры, а всѣ остальные могли обходиться и безъ нихъ. Нѣкоторые офицеры, немногіе разумѣется, покупали сами, а большинство оставалось безъ картъ. Словомъ, въ каждый полкъ посылалось, если не ошибаюсь, всего на всего 6 картъ, что̀ конечно, составляло если и не каплю въ морѣ, то однако немногимъ больше. Притомъ карты театра военныхъ дѣйствій были далеко не удовлетворительны, и какъ 10-ти-верстная карта Артамонова, такъ и 7-ми-верстная австрійскаго штаба, оставляли желать весьма многаго. Не разъ каждому изъ бывшихъ на войнѣ приходилось убѣждаться лично, что указанія этихъ картъ совершенно не отвѣчаютъ дѣйствительности. Но, несмотря однако на ихъ недостатки, все-таки ими можно было пользоваться, и ужъ, конечно, лучше было обладать такими картами, чѣмъ никакими.

Не всѣ, однако, имѣли возможность и ими воспользоваться, а именно не воспользовались ими всѣ тѣ, кто въ первыхъ рядахъ вступалъ въ Турцію, такъ какъ карты эти печатались уже въ то время, когда война началась, и офицеры, уѣзжавшіе на войну въ маѣ мѣсяцѣ, не могли ихъ пріобрѣсти. Между тѣмъ, если бы въ этомъ отношеніи мы слѣдовали примѣру нѣмцевъ такъ же слѣпо, какъ слѣдуемъ ихъ примѣру въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, то карты эти должны были бы быть изготовлены въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, во всякомъ случаѣ до открытія военныхъ дѣйствій.

Если не было достаточно картъ, то само-собою разумѣется, что бинокли и трубки были очень рѣдки, а между тѣмъ бинокль для каждаго офицера во время военныхъ дѣйствій представляется почти необходимымъ. Посылаютъ ли его куда, двигаютъ ли его съ небольшимъ отрядомъ, каждую минуту можетъ потребоваться бинокль, чтобы разглядѣть, что̀ тамъ виднѣется, что̀ такое впереди, не показался ли гдѣ-нибудь вдали, на горѣ, непріятельскій отрядъ, — но бинокля нѣтъ, и офицеръ по-неволѣ долженъ идти впередъ на-авось. Развѣ не случалось въ дѣйствительности, что посланные въ развѣдку изъ двухъ пунктовъ нашего расположенія войскъ, при встрѣчѣ и хорошо не различая, стрѣляли другъ въ друга? Такіе случаи бывали, а между тѣмъ хорошіе бинокли могли бы ихъ всякій разъ устранить.

Подобные недостатки, безъ всякаго сомнѣнія, доказываютъ по крайней мѣрѣ одно — ка̀къ мало мы были готовы къ войнѣ съ Турціей. А между тѣмъ исторія учила, и событія послѣднихъ лѣтъ все болѣе и болѣе убѣждали, что такая война всегда возможна, и, несмотря на это, ничего не было сдѣлано, чтобы ближе ознакомить нашихъ военныхъ съ мѣстомъ всегда возможнаго театра войны. Военной литературы по этому вопросу почти не существовало, не было, кажется, ни одной статьи въ этой литературѣ, которая дала бы возможность нашимъ офицерамъ заранѣе ознакомиться съ тою страною, въ кото-

рую они должны были вступить, съ тѣмъ народомъ или тѣми народами, съ которыми они должны были встрѣтиться. Такъ какъ мода ссылаться на нашихъ могущественныхъ сосѣдей — нѣмцевъ — еще не прошла, то и по этому поводу можно указать на поданный ими примѣръ. Вступая во Францію, каждый нѣмецкій офицеръ зналъ эту страну едва ли не лучше природнаго француза. Конечно, могутъ сказать, что тутъ ужъ военное вѣдомство не причемъ! Едва ли. Генеральный штабъ могъ и долженъ былъ объ этомъ позаботиться.

Такого рода недостатки могли быть, разумѣется, весьма легко устранены, если бы только о нихъ подумали, какъ могли быть устранены при болѣе серьёзномъ отношеніи къ дѣлу такіе безпорядки, которые, напримѣръ, бросались въ глаза по почтовой и телеграфной части. Въ сущности — все было въ пользу того, чтобы эти части были вполнѣ удовлетворительны, были деньги, была извѣстная организація, о почтѣ и телеграфѣ не забыли, какъ забыли, можетъ быть, о сапогамъ да полушубкахъ, но не было одного — не было правильной системы въ организаціи этихъ частей. „Поскорѣй", „какъ-нибудь", „авось", — и тутъ играли ту же роль, какъ и во всемъ остальномъ.

Жалобы на полевую почту были всеобщія, и притомъ вполнѣ основательныя. Часть эта была устроена такъ дурно, какъ только можно себѣ представить, и результатомъ такого устройства было почти полное прекращеніе сношеній тѣхъ, которые были на театрѣ военныхъ дѣйствій, съ тѣми, которые съ такимъ безпокойствомъ, съ такою тревогою слѣдили въ Россіи за судьбою близкихъ людей. Письма десятками тысячъ валялись на границѣ, въ то время, когда эти письма съ такимъ волненіемъ и трепетомъ ожидались какъ въ Россіи, такъ и въ Турціи, среди русской арміи. Громадные тюки писемъ, которые мнѣ показывали при проѣздѣ, сложены были около платформы, и мало кто заботился о нихъ. Подобный безпорядокъ не могъ дѣйствительно не возмущать почти каждаго человѣка, потому что почти у каждаго

оставался въ Россіи кто-либо изъ дорогихъ его сердцу: онъ зналъ, что ему пишутъ, а между тѣмъ писемъ не получалось.

— Помилуйте,—часто слышались такія жалобы:—я вотъ три мѣсяца не получаю изъ дома никакихъ извѣстій, не знаю, что̀ тамъ дѣлается; часто въ голову лѣзетъ мысль: ужъ живы ли всѣ, не умерла ли жена, кто-нибудь изъ дѣтей, и право, прескверныя минуты приходится проводить. Только и есть одно утѣшеніе, что не получаю писемъ только благодаря милымъ порядкамъ полевой почты. Вотъ ужъ право—нѣтъ худа безъ добра. Никакъ не ожидалъ, что этимъ придется утѣшаться.

Если читатель представитъ себѣ въ какомъ-нибудь уголкѣ Россіи мать или жену, у которой на войнѣ сынъ или мужъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ каждый день, каждый часъ ожидающихъ вѣсточки дорогого существа, и не получающихъ ее недѣлю, двѣ, мѣсяцъ, другой, третій; если онъ представитъ себѣ, сколько тяжелыхъ, черныхъ думъ передумаетъ эта женщина, сколько слезъ выплачетъ она передъ страшнымъ сомнѣніемъ: ужъ живъ ли онъ?—тогда читателю будетъ понятно, съ какимъ дружелюбнымъ чувствомъ относились на войнѣ къ порядкамъ нашей полевой почты.

Безпорядокъ былъ почти одинаковый какъ относительно писемъ, отправлявшихся въ Россію, такъ и писемъ, приходившихъ оттуда. Отчего онъ происходилъ? Оттого ли, что было мало чиновниковъ или по другой причинѣ,—не знаю; но какова бы ни была причина — вѣрно одно, что дѣло, и дѣло вовсе не послѣдней важности, было организовано дурно. Единственнымъ средствомъ для увѣренности въ томъ, что письмо не пропадетъ или не будетъ нѣсколько мѣсяцевъ валяться, напримѣръ, въ Унгенахъ, было — отправлять черезъ Австрію и чтобы на письмѣ не было ни единаго слова написано по русски. Средство, не дѣлающее, разумѣется, особой чести тѣмъ, кто завѣдывалъ полевою почтою.

Такого рода устройство этого дѣла вело и къ другимъ нехорошаго свойства безпорядкамъ. Съ войны отправлялись, кромѣ обыкновенной корреспонденціи, также и денежные пакеты. И такіе пакеты пропадали точно также. Случалось такъ, что денежный пакетъ не полученъ вовсе, исчезъ онъ или залежался гдѣ-нибудь въ пути — неизвѣстно. А бывало и такъ, что пакетъ съ письмомъ дойдетъ, а денегъ въ немъ не оказывается. Такіе случаи бывали, и я именно помню одного солдата, лежавшаго въ госпиталѣ, и горько жаловавшагося, что не дошли до его жены посланные имъ три рубля.

— И что это такое, — говорилъ онъ, — не знаю: письмо-то получила, а внутри пусто!

Что̀ тутъ было: злоупотребленіе или неряшливость и безпорядокъ, я не возьмусь рѣшать. Одно, что̀ и было въ этомъ дѣлѣ утѣшительнаго — это равенство всѣхъ, не передъ закономъ, но передъ безпорядкомъ. Солдатскія, офицерскія письма, быть можетъ и генеральскія — полевая почта не разбирала, всѣ письма равно терялись, лежали по мѣсяцамъ въ какомъ-нибудь пунктѣ, и часто доходили по адресу тогда, когда тотъ, къ кому они были адресованы, лежалъ уже въ могилѣ. Я какъ теперь помню, какъ въ Казанлыкъ одинъ изъ офицеровъ привезъ съ собою толстую пачку писемъ разнымъ лицамъ, писемъ, отправленныхъ изъ Россіи мѣсяца за два, за полтора. Стали разбирать эти письма, и когда называли имена офицеровъ, поминутно раздавалось: убитъ, убитъ, убитъ! Было это въ то время, когда первый забалканскій походъ оканчивался такъ мрачно отступленіемъ къ Шипкѣ, благодаря всѣмъ, кому угодно, за исключеніемъ только генерала Гурко, выполнившаго свою задачу съ замѣчательною энергію и умомъ.

Какъ плохо было организовано дѣло полевой почты, такъ же плохо, или, вѣрнѣе, вовсе не было организовано телеграфное дѣло. Мы быстро, можетъ быть, слишкомъ быстро, заняли значительную часть турецкой территоріи. На томъ пространствѣ, которое мы занимали,

не было никакой особенной трудности установить телеграфное сообщеніе, и тогда все то, что́ дѣлалось въ одной части нашей арміи, немедленно было бы извѣстно въ другой. Люди компетентные, военные, и утверждали, что такое сообщеніе не только могло, но должно было быть установлено. Такого сообщенія однако не существовало, и вслѣдствіе этого происходило то неслыханное явленіе, что начальствующія лица въ одной части очень часто не знали, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ другой части арміи. Какъ анекдотъ, разумѣется, можно было бы разсказать, что начальникъ штаба одного изъ корпусовъ обращается съ письмомъ къ соотечественникамъ, и въ этомъ письмѣ проситъ высылать въ штабъ русскія газеты, при чемъ указываетъ, что изъ газетъ они черпаютъ извѣстія о движеніяхъ непріятеля. Но, увы! это не анекдотъ, а горькая дѣйствительность, и многіе, конечно, читали письмо начальника штаба 12-го корпуса Косича, входившаго въ Рущукскій отрядъ, въ которомъ онъ между прочимъ писалъ слѣдующее: „Скорое полученіе корреспонденцій имѣетъ для насъ весьма важное *военное* значеніе, не говоря уже о нравственной потребности, мы почерпаемъ часто изъ иностранныхъ газетъ *весьма драгоцѣнныя свѣдѣнія о планахъ* и движеніяхъ противника...“

Но пусть ужъ отдѣльныя арміи не были соединены между собою телеграфомъ — быть можетъ, къ тому представлялись какія-нибудь особыя соображенія, — но какъ объяснить, что, напримѣръ, армія, стоявшая передъ Плевной на протяженіи менѣе чѣмъ двухъ десятковъ верстъ, не имѣла въ своемъ распоряженіи телеграфной проволоки? Вѣдь для установленія ея потребовалось бы всего усиленной работы однихъ или, самое большее, двухъ сутокъ!

Подводя сжатые итоги всему тому, что́ въ свое время вызывало такую рѣзкую критику со стороны военныхъ людей, я не могу обойти молчаніемъ тѣхъ, такъ сказать, внутреннихъ распорядковъ въ арміи, которые зависѣли

уже не отъ центральнаго военнаго управленія, а отъ штаба. Эти распорядки подвергались точно также суровымъ нападкамъ.

— Не мудрено, — приходилось мнѣ слышать чуть не каждый день, — что все у насъ идетъ вкривь и вкось: тамъ, гдѣ должно было бы чувствоваться присутствіе высшихъ лицъ штаба, тамъ-то ихъ никогда и нѣтъ. Сидятъ они себѣ гдѣ-то въ безопасномъ мѣстѣ, слушаютъ музыку, завтракаютъ да обѣдаютъ, и только и знаютъ, что разсылать предписанія. Сегодня — взять Ловчу, завтра аттаковать Плевну, занять, пожалуй, Адріанополь или Константинополь, а какъ взять, какъ аттаковать, какъ велики наши силы и какъ значительны непріятельскія, — до всего этого имъ нѣтъ никакого дѣла. Вотъ и выходитъ, что кто въ лѣсъ, кто по дрова, и вездѣ-то лишнія жертвы, неудачи. А какъ случится что́ некрасивое, такъ сейчасъ выходитъ, что кто-нибудь да виноватъ. Сегодня виноватъ Гурко, завтра Крюднеръ, а послѣзавтра, должно быть, самъ Господь Богъ, только одинъ штабъ ни въ чемъ никогда не виноватъ. Идетъ-ли серьёзное дѣло, штабъ долженъ быть по близости, чтобы все знать, все видѣть, въ рѣшительную минуту руководить — куда!..

Конечно, всѣ такіе отзывы на дѣлѣ были гораздо рѣзче, и я привожу ихъ въ весьма смягченной формѣ — но дѣло въ сущности, а не въ словахъ. Такіе отзывы, правда, вызывали съ другой стороны возраженія и защиту штаба:

— Да въ чемъ же наконецъ заключается его вина?

— Въ чемъ? возьмите вы любую часть, любое распоряженіе! Ужъ не говорю о томъ, что безъ всякой надобности мы растянулись такъ, что вездѣ у насъ оказывается меньше силъ, чѣмъ у турокъ, вездѣ мы слабѣе, ну — да Богъ съ ними! Но посмотрите, какъ все это дѣлается! Сегодня получается приказъ — занять такой-то пунктъ! Доносятъ — занять можно, но для того чтобы удержать, необходимы подкрѣпленія, потому-что иначе

придется оставить занятый городъ или мѣстечко. Отвѣтъ: подкрѣпленій не будетъ, а все-таки занять! Прекрасно. Занимаемъ мы указанный пунктъ. Смотришь, черезъ нѣсколько дней, турки насъ прогоняютъ, и въ результатѣ оказывается только одно: съ нашей стороны лишнія жертвы, а ужъ о болгарахъ и говорить нечего. И такъ было не разъ, кто не знаетъ этихъ случаевъ! Хотите еще? Ну, спросите, какъ распоряжаются людьми, съ какою обдуманностью производятся передвиженія войскъ. Вотъ вамъ примѣръ. Стоитъ, положимъ, бригада 2-й дивизіи въ Сельви. Получается приказъ 19-го или 20-го августа — быстро двинуться изъ Сельви на Шипку. Приказъ полученъ, нужно тотчасъ исполнять. По страшной, изнурительной 40-ка-градусной жарѣ идетъ бригада на Шипку. Измученная жарою, переходомъ, приходитъ она на мѣсто. Но не успѣли люди даже отдохнуть, какъ получается новый приказъ: на Шипкѣ оставаться не нужно, немедленно выступать обратно въ Сельви. Дѣлать нечего. Пришли вечеромъ, а въ 4 часа утра нужно выступать обратно. Пришла бригада въ Сельви. Отдыхъ! нѣтъ, — завязалось дѣло подъ Ловчей, бригада эта тамъ нужна, и людей бросаютъ прямо въ дѣло, въ огонь. Люди были свѣжіе, сдѣлали два тяжелыхъ перехода, они замучены, естественно, что они не могутъ такъ драться, какъ дрались бы, еслибъ не совершали этихъ безцѣльныхъ переходовъ, благодаря тѣмъ приказамъ. И не подумайте, чтобы это былъ единственный случай. Я его привожу вамъ только, какъ образчикъ. Такихъ случаевъ было множество. А отчего они происходили? Да все по той же причинѣ. Нужно еще удивляться, что у насъ не было большихъ неудачъ.

Что вызывало критику въ одинаковой степени, это — перемѣщеніе, происходившее среди корпусныхъ командировъ.

— На что это похоже, — говорили военные люди, — корпуса, точно мячики, бросаютъ изъ рукъ одного корпуснаго командира въ руки другого. Корпусный коман-

диръ долженъ знать свой корпусъ, своихъ офицеровъ, солдатъ, а развѣ это возможно при постоянномъ перемѣщеніи?

Не будучи военнымъ, я, очевидно, не могъ раздѣлять такого взгляда. На неопытный глазъ дѣло представляется такъ: корпусный командиръ оказывается неспособнымъ, слѣдовательно, нужно замѣнить его другимъ болѣе талантливымъ. Мало ли въ мирное время кто получаетъ высшія назначенія! нельзя же ихъ оставлять въ томъ же положеніи и во время войны!

— Въ этомъ-то и бѣда, — отвѣчали мнѣ,—что въ мирное время слишкомъ быстро выдвигаются люди, которые оказываются непригодными для военнаго времени. Если человѣкъ не способенъ быть корпуснымъ командиромъ во время войны, то не слѣдуетъ его назначать на такую должность и въ мирное время.

— Положимъ, но развѣ въ этомъ виноватъ штабъ?

— А что́ же вы думаете, что теперь, во время войны, не происходитъ то же самое? Горько заблуждаетесь. Старшіе подчинены младшимъ, корпусомъ командуетъ новый человѣкъ, совершенно незнакомый съ дивизіонными, бригадными, полковыми командирами, а тутъ еще корпуса разбиваются, образуются отдѣльные отряды, часть возьмутъ отсюда, часть оттуда, а чего-нибудь непремѣнно не хватаетъ. При каждой части полагается штабъ опредѣленный, заранѣе составленный, а спросите, былъ ли, напримѣръ, опредѣленный штабъ при отрядѣ генерала Гурко? Назначатъ какого-нибудь полковника начальникомъ штаба такого-то отряда,—начальникъ есть, а штаба не оказывается. Да и больше того. При каждомъ корпусѣ долженъ быть свой интендантъ, а между тѣмъ у насъ бываетъ такъ, что образуется отрядъ, численностью больше цѣлаго корпуса, а при этомъ отрядѣ не оказывается интенданта. И въ результатѣ что̀ получается? Корпусъ не корпусъ, отрядъ не отрядъ. На бумагѣ все выходитъ прекрасно, а въ дѣйствительности — не то. Что мы не знали сплошь и рядомъ численности непрія-

тельскихъ силъ—это еще понятно, но что мы не знали часто, какія у насъ силы имѣются въ извѣстномъ пунктѣ, это ужъ невѣроятно, а между тѣмъ это—истина. Удивительно ли, что все шло мало согласно, другъ друга не поддерживали; можно было часто думать, что дѣйствуютъ не начальники одной и той же арміи, а начальники непріятельскихъ отрядовъ.

— Однако, какъ ни мрачно вы рисуете положеніе дѣлъ, вы все-таки сами не сомнѣваетесь, что въ концѣ-концовъ мы восторжествуемъ надъ турецкими силами?

— Разумѣется, не сомнѣваюсь—весь вопросъ заключается только въ томъ, сколько потребуется лишнихъ жертвъ.

И мой собесѣдникъ, или, вѣрнѣе, мои собесѣдники, были правы относительно своихъ надеждъ на окончательный успѣхъ нашего дѣла. Въ самыя грустныя минуты, когда невольно испытывалось самое тягостное чувство, боль, обида, единственное, чтó давало вѣру, силу и бодрость, это — мысль о русской арміи. Мнѣ нѣтъ надобности говорить о храбрости, мужествѣ, невообразимой стойкости въ виду всевозможныхъ лишеній, страданій, опасностей, присущихъ русскому солдату. Кто всего этого не знаетъ? Русскій солдатъ былъ такимъ всегда, такимъ онъ и остался понынѣ. Но вотъ гдѣ сказался необычайный успѣхъ, это — среди русскихъ офицеровъ. Русскіе офицеры вели себя въ послѣднюю войну, за немногими исключеніями, о которыхъ нѣтъ надобности и упоминать, въ полномъ смыслѣ слова безукоризненно, вели себя такъ, кàкъ едва ли когда-либо вели себя прежде, въ предшествовавшія войны. Они не оставались позади, они не только шли рядомъ съ своими солдатами, но они шли впереди, они вели солдатъ въ огонь. Правда, ни въ какую другую войну не былъ такъ великъ процентъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ, но за то ни въ какую другую войну русскіе офицеры до такой степени не стояли на высотѣ своего долга, какъ въ послѣднюю. Говоря такимъ образомъ, я не дѣлаю

никакого различія, по моему мнѣнію, неумѣстнаго, между гвардейскими и армейскими офицерами: и тѣ и другіе съ одинаковымъ мужествомъ смотрѣли въ глаза смерти. Такъ ли было хоть, напримѣръ, во время Восточной войны? Помню я, какъ два, три года назадъ, остановившись въ Севастополѣ, я отправился осматривать „Братское кладбище". Старый солдатъ, съ георгіевскимъ крестомъ, свидѣтель Севастопольской эпохи, водилъ меня по кладбищу, указывалъ на ту или другую могилу и вмѣстѣ съ тѣмъ въ живыхъ разсказахъ вспоминалъ тяжелую годину. Тутъ, на „Братскомъ кладбищѣ", въ первый разъ мнѣ пришлось, если можно такъ выразиться, живо почувствовать Восточную войну. Помнить ее я не могъ, — среди дѣтскихъ воспоминаній остались о ней самыя смутныя, туманныя представленія. Вотъ почему теперь, среди массы могилъ и крестовъ, я съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ разсказы старика-севастопольца, — разсказы, въ которыхъ, конечно, быль перемѣшивалась съ сложившейся легендой. Старикъ этотъ подвелъ меня къ одной могилѣ, снялъ шапку, перекрестился и съ неподдѣльнымъ чувствомъ сказалъ мнѣ:

— Царствіе ему небесное! Вотъ это былъ офицеръ? Немного ихъ было такихъ!

— А что?—спросилъ я его.

— Отцомъ роднымъ былъ для насъ, да и ужо̀ и себя не жалѣлъ: гдѣ мы, тамъ и онъ, впереди всѣхъ всегда, такъ въ огонь и лѣзетъ! И все его Господь хранилъ, только ужъ подъ самый конецъ пуля и его не обошла! Это ужъ не то, что другіе, — продолжалъ словоохотливый старикъ, другіе-то кричатъ: ребята, впередъ! а сами-то назадъ, прячутся гдѣ-нибудь, насъ-то посылаютъ, а сами смерти боятся...

— Да развѣ много было такихъ?

— Какъ же не много! Вотъ такихъ-то, — отвѣчалъ онъ, указывая на могилу, — было мало, да ужъ и любили его мы за то, съ нимъ и въ дѣло-то не страшно

было идти, ну, а другіе что! — только слава одна, что офицеръ.

Такого отзыва объ офицерахъ, который въ значительной степени былъ справедливъ, судя какъ по разсказамъ очевидцевъ, такъ и по проценту убитыхъ и раненыхъ офицеровъ въ Восточную войну, такого отзыва объ офицерахъ послѣдней войны не услышитъ грядущее поколѣніе. Во время этой войны офицеры не кричали солдатамъ: впередъ, ребята! — если сами не шли впереди ихъ или рядомъ съ ними; они не прятались отъ пуль, не притворялись больными. Если и были отдѣльные случаи, когда тотъ или другой, подъ давленіемъ непреодолимаго страха, уходилъ и зарывался въ кукурузу или шелъ въ лазаретъ, имѣя возможность оставаться въ строю, то случаи эти были такъ рѣдки, такъ быстро дѣлались извѣстными, что они служатъ только лишнимъ доказательствомъ безупречнаго поведенія всѣхъ вообще офицеровъ. Такое достойное поведеніе офицеровъ естественно снискало имъ любовь и уваженіе солдатъ, которые видѣли въ нихъ настоящихъ начальниковъ, а не только людей, носящихъ званіе офицеровъ.

— Солдаты теперь не то, что̀ прежде, — говорили иной разъ, — они не идутъ въ огонь, не идутъ въ аттаку, если офицеры ихъ не ведутъ въ бой!

И изъ этого дѣлался выводъ, что уровень русскаго солдата нѣсколько опустился. Выводъ этотъ былъ до очевидности неправильный. Не разъ бывали случаи, когда всѣ офицеры были перебиты, и солдаты, оставшись безъ начальниковъ, шли все впередъ и впередъ, несмотря на адскій огонь, и только тогда останавливались, когда девять-десятыхъ изъ нихъ простились ужъ съ жизнію, а одна десятая, перераненая, не могла уже держать въ рукахъ ружья. Если же солдаты не шли одни, то только потому, что всегда ихъ вели впередъ офицеры, и они быстро привыкли къ тому.

Но не только съ одной этой стороны, т.-е. мужества и серьёзнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, — офи-

церы (я не дѣлаю, конечно, различія въ чинахъ) поставили себя очень высоко въ теченіи послѣдней войны: была и другая, не менѣе важная, это — отношеніе къ солдатамъ, полное заботливости и гуманности. Какъ примѣръ, я приведу слѣдующій случай. Встрѣчаюсь я какъ-то съ однимъ офицеромъ, было это кажется въ Тырновѣ, разговорились, и въ разговорѣ, между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что идетъ въ госпиталь, расположенный въ верстахъ двухъ отъ города.

— Зачѣмъ?

— Да хочу провѣдать двухъ-трехъ человѣкъ солдатъ, которые лежатъ тамъ раненые. Пойдемъ вмѣстѣ.

Дѣлать было нечего, я отправился. Отыскали мы палатку, гдѣ лежали эти солдаты, вошли, и нужно было видѣть ту радость, съ которою встрѣтили они моего спутника. Съ каждымъ изъ нихъ онъ расцѣловался, у каждаго посидѣлъ, поговорилъ, пріободрилъ, и солдаты относились къ нему съ такою видимою теплотою, что отрадно было смотрѣть на эти человѣчныя отношенія. Я могъ бы привести еще довольно много аналогичныхъ примѣровъ для подтвержденія выставляемаго положенія, но вѣдь я знаю, что сколько бы я ихъ ни приводилъ, мнѣ всегда могутъ возразить, что отдѣльные случаи ничего не доказываютъ. Но что же противъ этого скажешь? кто не хочетъ вѣрить, пусть не вѣритъ, кто не хочетъ убѣждаться, пусть не убѣждается. Я только высказываю свой взглядъ.

Послѣдствіемъ такого отношенія офицеровъ къ солдатамъ была несравненно бо̀льшая близость, привязанность и уваженіе послѣднихъ къ первымъ. А. такая привязанность только усилила военную дисциплину. Прежде дисциплина поддерживалась однимъ страхомъ, теперь солдаты слушались офицеровъ не только какъ начальниковъ, но и какъ людей, которыхъ они любили и уважали. По крайней мѣрѣ, такое заключеніе я вывелъ изъ всѣхъ моихъ бесѣдъ какъ съ офицерами, такъ и съ солдатами. На всемъ этомъ сказалось огромное различіе прежняго

„кадетскаго“ образованія отъ нынѣшняго военнаго образованія.

Если солдаты никогда ни на что не роптали, и на вопросъ: всѣмъ ли довольны? по прежнему отвѣчали: всѣмъ довольны! — въ то время, когда они трое сутокъ голодали, то, тѣмъ не менѣе, это не были больше машины, которыя ничего не соображаютъ, ничего не понимаютъ, а только исполняютъ приказанія. И теперь они также безпрекословно исполняли каждое приказаніе, но рядомъ съ этимъ, про себя, они многое понимали, многое соображали. Каждый разъ, что приходилось разговаривать съ тѣмъ или другимъ солдатомъ, я убѣждался въ этомъ больше и больше. Главная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ бо́льшему распространенію грамотности, что̀ въ свою очередь составляетъ неотъемлемую заслугу военнаго министерства. Но не мало способствовало развитію въ солдатахъ бо̀льшаго человѣческаго достоинства и гуманное отношеніе къ нимъ нашихъ офицеровъ. Что̀ бы тамъ ни говорили, а время дѣлаетъ свое. Насколько же нравственный уровень нашихъ солдатъ возвысился, можно судить также по одному весьма характерному факту. Съ 1-го января 1877 г., т.-е. съ того времени, когда армія стянута была къ Кишиневу, по 1-ое августа того же года, т.-е. въ продолженіи семи мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ два мѣсяца она простояла въ Румыніи и затѣмъ находилась уже въ непріятельской странѣ, въ производствѣ находилось всего около трехъ-сотъ судебныхъ дѣлъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, что случаевъ насильственнаго оскорбленія женской чести, въ которыхъ по преимуществу сказывается проявленіе животныхъ инстинктовъ, былъ самый ничтожный процентъ.

Въ связи съ поведеніемъ нашихъ офицеровъ во время послѣдней войны, я не могу не упомянуть также объ одномъ обстоятельствѣ, вызывавшемъ всегда оживленные споры и серьёзныя нареканія на начальство. Обстоятельство это заключается въ системѣ раздачи наградъ. Послѣ того, что̀ мною уже сказано, излишне, кажется,

было бы говорить о томъ, что если офицеры не переставали выказывать свое мужество, если они всегда шли впереди своихъ солдатъ, то, разумѣется, не ради полученія такого или другого креста, не ради полученія какой-нибудь награды. Если бы никакихъ наградъ не существовало, то никто не можетъ сомнѣваться, что офицеры нисколько не съ меньшимъ рвеніемъ выполнили бы свой долгъ. И, несмотря на это, вопросъ о наградахъ, каждый разъ, что заходила о немъ рѣчь, вызывалъ раздраженіе и ѣдкія нападки на тѣхъ, отъ кого зависѣла раздача крестовъ, орденовъ и другихъ знаковъ отличія. Удивляться нечего. Разъ, что существуютъ награды, разъ, что они жалуются за военные подвиги, не мудрено, что одна мысль о неправильности распредѣленія ихъ могла огорчать чувство справедливости.

А нужно сказать правду, что при раздачѣ наградъ справедливость далеко не всегда была строго соблюдаема. Люди, которые по отзывамъ всѣхъ своихъ товарищей выказали себя съ самой блестящей стороны, случалось, не удостоивались никакой награды, или получали самую незначительную, а между тѣмъ, — которые едва нюхали порохъ и всегда находились на самой благородной дистанціи отъ пуль и гранатъ, тѣ получали, случалось, и не одну награду.

Быть можетъ, въ разсужденіяхъ по этому поводу и заключалось излишнее раздраженіе, нѣкоторая желчь, сказывалось чувство неудовлетвореннаго самолюбія, все это можетъ быть, но сущность все-таки могла быть вѣрною. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и среди штабныхъ были лица, совершенно справедливо получившія свои награды, люди, которые дѣлали дѣло и не разъ рисковали своею жизнію. Но говорили и о такихъ случаяхъ, гдѣ многіе изъ тѣхъ, которые какъ львы бились на Шипкѣ, отмораживали руки и ноги, многіе изъ участвовавшихъ въ трехъ первыхъ сраженіяхъ передъ Плевною и никогда не останавливавшіеся передъ необходимостью пожертвовать своею жизнію, или не полу-

чили еще никакой награды, или получили Станислава, или Анну въ петлицу.

Но ни что до такой степени не раздражало военныхъ людей, какъ слишкомъ щедрая раздача золотого оружія и георгіевскихъ крестовъ.

Долю отвѣтственности за несправедливую раздачу награды должны, конечно, нести и корпусные командиры. Очевидно, что самъ корпусный командиръ не можетъ знать лично всѣхъ отличившихся въ томъ или другомъ сраженіи, но онъ не только можетъ, но долженъ собирать свѣдѣнія у дивизіонныхъ, бригадныхъ, полковыхъ командировъ, и изъ цѣлаго ряда представленій выбирать наиболѣе отличившихся въ дѣлѣ. Въ дѣйствительности не всегда было такъ. Меня крайне поразилъ однажды случай, на которомъ я могъ вполнѣ убѣдиться, что отзывы военныхъ людей о системѣ раздачи наградъ какъ нельзя болѣе справедливы. Окончилось большое сраженіе, взятъ былъ одинъ изъ редутовъ, стоившій намъ не одну сотню людей. Солдаты и офицеры дрались съ необычайнымъ мужествомъ, увѣнчавшимся успѣхомъ. Весьма многіе изъ офицеровъ получили безусловное право на награду. Въ кружкѣ офицеровъ шелъ разговоръ о дѣлѣ, перебирали имена, вспоминали погибшихъ въ бою, восхваляли оставшихся въ живыхъ.

— Кто будетъ писать реляцію о взятіи редута? — спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Корпусный командиръ поручилъ написать ее мнѣ, — отвѣчалъ одинъ изъ его ординарцевъ, принимавшій непосредственное участіе въ бою, и смѣло встрѣтившій непріятельскій огонь.

На другой день реляція была написана, и такъ какъ всѣхъ интересовало описаніе этого дня, то молодого ординарца попросили ее прочитать. Въ реляціи этой восхвалялись всѣ участвовавшія въ дѣлѣ войска, но названы были всего три-четыре офицера, самъ ординарецъ, да двое-трое другихъ, какъ наиболѣе отличившіеся и потому естественно заслуживающіе награды.

— Да неужели не было другихъ отличившихся?— невольно вырвалось у меня удивленіе.

— Можетъ быть, и были, да я ихъ не знаю, я написалъ въ реляціи то, что́ я видѣлъ самъ!

— Нѣтъ, ужъ позвольте,—вступился одинъ изъ присутствующихъ:—если вы составляете реляцію, на основаніи которой будутъ дѣлаться представленія, то вы обязаны и разузнать, кто именно наиболѣе выказалъ храбрости. И узнать это не трудно. Подите къ бригадному командиру, къ полковымъ—и вы навѣрно узнаете, а вѣдь иначе выходитъ, что только вы да еще X. и отличились въ дѣлѣ.

Ординарцу замѣчаніе это крайне не понравилось, но въ концѣ-концовъ реляція была измѣнена и исправлена.

— Вотъ видите,—говорилъ мнѣ потомъ одинъ изъ офицеровъ,—у насъ вотъ всегда такъ, строевые офицеры гибнутъ, получаютъ тяжелыя раны, а награды, и притомъ самыя почетныя—получаютъ штабные, да всякіе ординарцы. Вотъ ужъ по-истинѣ: придутъ, взглянутъ и украсятся!

Если бы система раздачи наградъ, на которую такъ часто слышались жалобы, стояла совсѣмъ особнякомъ, то военные люди, нѣтъ сомнѣнія, охотно бы простили ее, и даже мало обратили на нее вниманіе. Но бѣда въ томъ, что все шло, такъ сказать, одно къ одному, а когда существуетъ уже общее недовольство, тогда каждая даже мелочь способна усиливать раздраженіе. Такой сумрачный взглядъ въ дѣйствительности и существовалъ, и я не возьму на себя рѣшительно утверждать, что онъ былъ справедливъ или несправедливъ. Я могу сказать только одно, что въ нѣкоторыхъ частяхъ нашей военной организаціи, поставленной, быть можетъ, лучше, нежели всѣ остальныя части нашей общей организаціи, существовали, дѣйствительно, довольно-таки мрачныя стороны, среди которыхъ усиленно темнымъ пятномъ представлялось какъ

продовольствіе арміи, такъ и все то, что входило въ кругъ обязанностей военно-медицинскаго управленія. Объ этихъ-то двухъ сторонахъ нашей военной организаціи и нужно вести теперь рѣчь, такъ какъ эти двѣ стороны вызывали, и я думаю — основательно, наибо́льшія нареканія.

ГЛАВА XIII.

Интендантство и поставщики.

Мнѣ кажется, можно смѣло сказать, что среди всей арміи, за исключеніемъ лицъ, прямо или косвенно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, не было человѣка, который рѣшился бы принять на себя добровольно роль защитника нашего интендантства. Когда рѣчь шла о другихъ вопросахъ, касавшихся нашей военной организаціи, то все-таки встрѣчались люди, которые отстаивали существовавшіе порядки нашей военной системы, хотя и это отстаиваніе походило часто на обвиненіе.

— Что дѣлать,— разсуждали такіе защитники, — когда наша новая военная организація была захвачена въ-расплохъ, когда не всѣ части были приведены въ гармонію, когда не всѣ предпринятыя реформы были доведены до окончанія! Отсюда всѣ пробѣлы, отсюда столько неудовлетворительнаго! Вотъ если бы война вспыхнула еще года черезъ два, тогда всѣ убѣдились бы, что все было и задумано и выполнено прекрасно, а теперь приходится судить работу, еще недовершенную, когда рядомъ съ различными новыми порядками существуютъ старыя злоупотребленія!

Такая защита, разумѣется, ни для кого не была убѣ-

дительна, такъ какъ естественно вызывала неопровержимое возраженіе, что времени было слишкомъ достаточно для проведенія новой системы, и что если ее теперь захватили въ-расплохъ, то вспыхни война и черезъ десять лѣтъ, эта система все-таки дала бы тождественные результаты.

Но даже и такіе защитники quand même нашей военной организаціи только пожимали плечами и не находили ни одного аргумента въ оправданіе дѣятельности нашего интендантства. Единодушіе въ этихъ нападкахъ на интендантское вѣдомство было самое полное, — то-и-дѣло приходилось слышать во время, не споровъ, нѣтъ,—но разговоровъ о немъ, одно весьма крѣпкое слово. Я весьма мало склоненъ обобщать такія понятія и потому никогда не могъ, да и не могу согласиться, чтобы всѣ служившіе по интендантскому вѣдомству были непремѣнно люди, потерявшіе совѣсть. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и между интендантскими чиновниками попадались люди честные, не положившіе во время всей войны ни копѣйки въ карманъ и не принявшіе на свою душу грѣха обкрадывать русскаго солдата. Но трагическое положеніе такихъ честныхъ людей въ томъ и заключалось, что, несмотря на всю добрую волю честно исполнять принятыя на себя обязанности, вся система была такова, что они безсильны были сдѣлать что-либо доброе и становились такимъ образомъ жертвами заведенныхъ порядковъ. Не было поэтому интендантскаго чиновника, на котораго не указывали бы пальцами, каждый заподозрѣвался въ злоупотребленіяхъ. Если такое необычайное единодушіе въ нападкахъ не могло еще служить доказательствомъ поголовной безчестности всѣхъ интендантскихъ чиновниковъ, за то оно несомнѣнно доказывало степень злоупотребленій въ этомъ вѣдомствѣ и абсолютную негодность установленной системы.

Такою же единодушною ненавистью, и только еще бо́льшимъ презрѣніемъ пользовалось то, что́ можетъ быть названо плоть отъ плоти и кость отъ кости интендант-

скаго вѣдомства—товарищество гг. Грегера, Горвица и Когана для продовольствія дѣйствующей арміи.

Не успѣла открыться кампанія, едва раздались первые выстрѣлы, какъ стали уже появляться первыя нареканія на интендантство и товарищество, и съ тѣхъ поръ эти нареканія, превратившіяся скоро въ самыя положительныя обвиненія въ злоупотребленіяхъ, въ мошенничествѣ, шли все crescendo и crescendo. Газеты наши тотчасъ же отозвались на эхо, пронесшееся съ театра военныхъ дѣйствій, и немного нужно было времени, чтобы столбцы нашихъ газетъ покрылись разнообразными извѣстіями съ указаніемъ на факты самой грубой эксплуатаціи, самаго систематическаго грабежа. Въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ точно также стали появляться однѣ сочувствующія, другія злорадныя корреспонденціи, въ которыхъ самыми мрачными красками изображалось то зло, охватившее русскую армію, которое зовется — казнокрадство, цѣлымъ моремъ, разлившимся по Болгаріи. Иностранные корреспонденты передавали, что они содрогались при мысли о размѣрахъ продажности, заражающей и обезсиливающей всю военную систему; они съ ужасомъ разсказывали, и кто изъ бывшихъ на театрѣ войны не подтвердитъ справедливости ихъ словъ, что не было почти нигдѣ такого склада провіантовъ, который былъ бы защищенъ отъ гибельнаго вліянія дурной погоды, дождей, вѣтровъ и т. п. И къ чему ихъ было предохранять отъ порчи, — разсуждали иностранные корреспонденты, — когда прямой интересъ всѣхъ и всего, за исключеніемъ состоянія арміи, заключался въ томъ, чтобы побольше провіанта подвергалось порчѣ и браковкѣ. Поставщики получали „коммиссію“ по количеству поставленнаго матеріала; эта коммиссія возрастала съ количествомъ вновь поставленнаго провіанта, вмѣсто признаннаго негоднымъ. Каждый интендантъ получалъ свою часть, бо́льшую или меньшую, сообразно съ его положеніемъ, отъ этой „коммиссіи“, и потому естественно, что для него также представлялось выгоднымъ, чтобы

провіантъ подвергался порчѣ по обстоятельствамъ, независящимъ „отъ воли“ людей. Выводъ, который дѣлается изъ такой системы продовольствія нашей арміи, былъ самый печальный —каждый предметъ потребленія, доставленный русской арміи, обходился казнѣ вдвое дороже, чѣмъ должно было бы быть при сколько-нибудь честной системѣ.

Злоупотребленія интендантства и товарищества не составляли тайны почти съ самаго начала кампаніи и для высшихъ начальствующихъ лицъ въ арміи, такъ какъ въ приказѣ по арміи начальника штаба генералъ-адъютанта Непокойчицкаго, отъ 2-го августа 1877 года, говорится: „Въ полевое интендантское управленіе поступаютъ заявленія о разныхъ неисправностяхъ товарищества по продовольствію войскъ, и о томъ, что, вслѣдствіе этихъ неисправностей, они или не дополучили нѣкоторыхъ предметовъ довольствія противъ положенія, или вынуждены были покупать ихъ своимъ попеченіемъ....“

Такъ-называемыя „неисправности“ все росли и росли, жалобы становились все настойчивѣе и настойчивѣе, всѣ о нихъ знали, всѣ возмущались почти съ самаго открытія военныхъ дѣйствій, и, несмотря на это, порядки, заведенные интендантствомъ и товариществомъ, продолжали преуспѣвать. Что́ же за причина? или въ контрактѣ съ товариществомъ не былъ предусмотрѣнъ случай злоупотребленій или неисправностей и приходилось волей-неволей терпѣть всяческую эксплуатацію? Нѣтъ. Въ пунктѣ 12-мъ контракта съ товариществомъ говорится: „При общей же неисправности нашей, намъ можетъ быть вовсе отказано отъ поставки, со взысканіемъ упомянутой неустойки“. И, несмотря на то, товарищество продолжало процвѣтать до самаго окончанія военныхъ дѣйствій. Едва-ли въ этомъ можно винить товарищество, и, быть можетъ, слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ, весьма распространеннымъ среди арміи, что „неисправности“ были съ руки не одному товариществу.

Или, быть можетъ, злоупотребленія или „неисправ-

ности" интендантства и товарищества были вовсе не таковы, какъ о томъ разсказывали наши и иностранныя газеты, и факты обнаруженія такихъ „неисправностей" были вовсе не такъ часты? Увы! такого предположенія сдѣлать нельзя, сообщавшіеся факты никогда не были опровергнуты, и фактовъ такихъ было, что-называется, вдоволь. Передавать ихъ снова въ настоящее время я считаю излишнимъ, это значило бы повторять то, что́ давно извѣстно, и напрасно только отнимать время у читателя.

Факты были, по-истинѣ, потрясающіе, и я приведу только для иллюстраціи нѣсколько примѣровъ, достаточно убѣдительно говорящихъ о той системѣ продовольствія нашихъ войскъ, которая практиковалась во время послѣдней войны.

Уѣзжая изъ Бухареста, мнѣ пришлось повстрѣчаться съ однимъ еще петербургскимъ знакомымъ, человѣкомъ военнымъ, завѣдывавшимъ теперь какою-то частью по желѣзнымъ дорогамъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете?— спрашиваю я его.

— Любуюсь!

— Чѣмъ?

— Да всѣмъ чѣмъ угодно! но по преимуществу доблестями нашего интендантства!

— А что такъ?

— Да ужъ очень хорошо! Я всегда думалъ, что дѣло у насъ не обойдется безъ воровства, но чтобы воровство, безсовѣстность доходили до такихъ крупныхъ размѣровъ, этого, признаюсь, не ожидалъ; хотите сами убѣдиться, такъ отправимся вмѣстѣ.

То, что́ приводило моего знакомаго въ такое негодованіе, это—громадные склады въ Бухарестѣ сухарей, поставленныхъ интендантскимъ вѣдомствомъ. По всѣмъ кучамъ совершенно безцеремонно ползали черви. Гнилость была совершенная.

— Вѣдь знаете, — говорилъ онъ, — когда вамъ показываютъ, что эти склады сгнили, на васъ это не мо-

жетъ производить впечатлѣнія. Вы волей-неволей думаете: ну что, стóитъ-ли обращать вниманіе на отдѣльные факты, гдѣ они не встрѣчаются! Но когда тутъ живешь, когда видишь все то, чтó проходитъ подъ носомъ, когда каждый день приходится сталкиваться съ подобными фактами, когда приходишь къ твердому убѣжденію, что вся эта поставляемая гниль не есть результатъ несчастнаго случая, а глубоко вкоренившейся системы, тогда становится такъ гадко, что просто хоть бѣги вонъ, и волей-неволей теряешь всякую вѣру въ такой порядокъ вещей, при которомъ возможны подобныя колоссальныя злоупотребленія.

Подъ „такимъ порядкомъ вещей" мой собесѣдникъ, очевидно, разумѣлъ тѣ условія, въ которыя поставлена была армія относительно интендантства и товарищества.

По поводу послѣдняго, негодованіе его выражалось одинаково сильно, и при этомъ онъ передалъ мнѣ одинъ изъ безчисленныхъ фактовъ, который настолько характеренъ, что заслуживаетъ быть разсказаннымъ. Во Фратештахъ, еще при началѣ кампаніи, были довольно значительные склады сѣна. Приходитъ въ эту румынскую деревню какая-то дивизія и требуетъ сѣна. Товарищество, или одинъ изъ его агентовъ, знали, что такая-то дивизія должна прибыть, и что сѣно понадобится. Сѣно, припасенное товариществомъ, между тѣмъ, никуда негодное. Какъ быть? агентъ не теряется. Въ ночь небольшая частица сѣна горитъ, и это сгорѣвшее сѣно выручаетъ товарищество. На требованіе сѣна, агентъ товарищества отвѣчалъ: все хорошее сѣно сгорѣло, осталось только дурное, хотите берите, хотите нѣтъ, а другого сѣна не будетъ. Остаться вовсе безъ сѣна дивизія не можетъ: нечего дѣлать, берутъ дурное, а выдаютъ квитанціи, что получено хорошее, и, такимъ образомъ, товарищество, скупивъ испорченное сѣно за безцѣнокъ, получаетъ за него такія деньги, какія могло бы стоить самое лучшее, при этомъ, разумѣется, плюсъ десять процентовъ.

— Что̀ интендантство, что̀ товарищество, все одно, — говорилъ онъ: — это какой-то заговоръ противъ русской арміи. Имъ трава не рости, лишь бы карманы ихъ пухли отъ золота, полученнаго за гнилой провіантъ!

Мнѣ самому также пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ въ Систовѣ, на берегу Дуная, закапывали въ землю нѣсколько тысячъ порцій приготовленныхъ интендантствомъ консервовъ. Консервы до того прогнили, что отъ нихъ распространялся самый отвратительный запахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ любой странѣ, при исключительныхъ обстоятельствахъ, во время войны, могутъ обнаруживаться случаи поставки гнилого провіанта, вездѣ могутъ встрѣтиться люди, желающіе поживиться на счетъ ближняго, но нигдѣ, конечно, эти случаи не возводятся, такъ-сказать, въ систему. Вездѣ воровство является исключеніемъ, у насъ же, къ сожалѣнію, во всемъ, что̀ касалось продовольствія арміи, исключеніемъ являлось честное отношеніе къ дѣлу. Люди, исполнявшіе добросовѣстно свою обязанность, были просто мучениками, до такой степени трудно было имъ бороться противъ общаго порока.

Я зналъ одного интендантскаго чиновника, работавшаго съ утра до ночи, выбивавшагося изъ силъ, и чистосердечно сознавшагося, что онъ ничего не можетъ сдѣлать.

— Представьте себѣ, — разсказывалъ онъ, — сдаютъ мнѣ нѣсколько тысячъ пудовъ муки въ мѣшкахъ. Говорятъ: въ каждомъ мѣшкѣ столько-то пудовъ. Принимаешь по числу мѣшковъ, а потомъ, смотришь, оказывается, что количество пудовъ несравненно меньше. Что̀ станешь дѣлать, — хоть бросай все, а то потомъ свои же тебя подведутъ.

Но далеко не одними злоупотребленіями ознаменовало себя въ эту войну интендантское вѣдомство; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно выказало себя неспособнымъ, непредусмотрительнымъ, неприготовленнымъ, — словомъ, оно отличалось тѣми же свойствами какъ и всѣ почти остальныя части военной организаціи. Къ чему, напримѣръ,

отнести такого рода фактъ: — въ Болгарію приходитъ 4-й корпусъ, интендантство прекрасно знаетъ о прибытіи этого корпуса. Казалось бы, что все должно было бы быть приготовлено, чтобы двадцать-пять или тридцать тысячъ человѣкъ не остались безъ продовольствія. И, однако, что́ же оказывается? Прибывъ въ Систово, 4-й корпусъ остается безъ всякаго провіанта. Командиръ корпуса генералъ Зотовъ телеграфируетъ.—Кому?—Главному интенданту?—Можетъ быть, онъ телеграфировалъ и ему, но онъ получилъ необходимое продовольствіе для своего корпуса, благодаря посланной телеграммѣ князю Черкасскому, который, въ качествѣ начальника гражданскаго управленія въ Болгаріи, распорядился, чтобы съ турецкихъ полей былъ снятъ хлѣбъ и переданъ 4-му корпусу. Если-бы кто-либо сталъ подвергать этотъ фактъ сомнѣнію, то служившіе въ гражданскомъ управленіи, безъ сомнѣнія, не откажутся подтвердить его несомнѣнной справедливости. Тутъ ужъ, конечно, не злоупотребленіе, а простая неспособность распорядиться, неумѣнье вести дѣло, со стороны интендантскаго управленія.

Другой фактъ, подтверждающій ту же неспособность, представляется еще рельефнѣе. Въ Тырновѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, много толковали объ одной депешѣ, полученной въ главной квартирѣ отъ начальника одного изъ отдѣльныхъ отрядовъ нашей арміи, отряда не маленькаго, а состоявшаго изъ двухъ корпусовъ. Въ депешѣ этой говорилось слѣдующее: „У меня въ отрядѣ нѣтъ никакого интендантства, войско остается безъ хлѣба, прошу, чтобы было сдѣлано хотя какое-либо распоряженіе“. Разсказывали, что депеша эта вызвала страшный переполохъ, главный интендантъ поскакалъ въ этотъ отрядъ, и, какъ говорили, единственное его извиненіе состояло въ словахъ: — повинную голову мечъ не сѣчетъ! Несомнѣнно, что поговорка эта свидѣтельствуетъ о великодушныхъ чувствахъ того народа, среди котораго она сложилась, подъ-часъ она можетъ служить даже доказа-

тельствомъ салонной ловкости того, кто ее произноситъ, но тутъ шло дѣло не о великодушіи народа, не о салонной ловкости, а объ арміи, остающейся безъ хлѣба, благодаря интендантскому управленію.

Что удивительнаго, что среди арміи, когда заходила рѣчь о продовольствіи арміи, подъ-часъ раздавались слова:

— Помилуйте, на что же это похоже, вѣдь у насъ теперь интендантство хуже даже, чѣмъ оно было въ крымскую кампанію, тогда хоть и воровали, но за то воровали люди способные, умѣвшіе позаботиться о томъ, чтобы продовольствіе арміи было обезпечено. А теперь! воруютъ также, да вдобавокъ еще совсѣмъ безголовые!

Положимъ, что это уже давно извѣстная истина, что современники всегда склонны смотрѣть на настоящее мрачнѣе, чѣмъ они смотрятъ на прошедшее, уже по той простой причинѣ, что настоящее причиняетъ имъ непосредственныя страданія, въ то время какъ прошедшее вызываетъ только тяжелыя воспоминанія. Воспоминаніе же о пережитомъ стыдѣ, о пережитыхъ бѣдахъ совсѣмъ не то, что переживаемый стыдъ, что переживаемыя страданія. Быть можетъ, отчасти этою строгостью къ настоящему объясняется тотъ фактъ, что находились люди, которые укоризненно сравнивали послѣднюю войну съ крымскою кампаніей, хотя, вообще говоря, нельзя не признать, что относительно продовольствія арміи, интендантскаго управленія, мы не имѣемъ права гордиться особыми успѣхами со времени Восточной войны. Говоря такимъ образомъ, я основываю мое мнѣніе на отзывахъ современниковъ той эпохи, на тѣхъ фактахъ, которые приводитъ въ своей безпристрастной исторіи Восточной войны генералъ М. И. Богдановичъ. Я допускаю даже, что отдаленіе почти на двадцать-пять лѣтъ, а можетъ быть — нѣкоторыя другія причины заставили автора смягчить нѣсколько свои краски при обрисовкѣ описываемыхъ имъ порядковъ, что въ дѣйствительности эти порядки давали худшіе результаты, и все-таки, дѣлая всѣ эти уступки, приходится сказать,

что если и въ ту эпоху были крупныя злоупотребленія, то они, тѣмъ не менѣе, не сопровождались такою неспособностью и непредусмотрительностью, какъ въ послѣднюю войну.

Въ ту эпоху императоръ Николай писалъ князю Меньшикову:

„Надѣюсь, что наши войска не терпятъ отъ нея (погоды), ибо мы зимы не боимся. Лишь бы удалось хорошо ихъ кормить и для того не щади ни трудовъ, ни издержекъ, дабы непремѣнно люди были сыты вдоволь. Прибавить можно водки; хорошо бы и сбитень завести, было бы изъ чего". Выраженная воля, „чтобы люди были сыты вдоволь", находила себѣ энергичныхъ и талантливыхъ исполнителей, и дѣйствіями генералъ-интенданта Затлера, генерала Анненкова и комитета министровъ было въ значительной степени обезпечено продовольствіе арміи. Что стоило Россіи это продовольствіе, это другой вопросъ, но фактъ тотъ, что „интендантская часть крымской арміи, по свидѣтельству участниковъ послѣдней Восточной войны, была весьма удовлетворительна, въ отношеніи къ снабженію войскъ провіантомъ и фуражомъ" [1]).

Едва ли участники войны 1877 года рѣшатся дать подобный же аттестатъ современному интендантству. Во время Восточной войны были факты, не встрѣчавшіеся въ теченіи послѣдней войны, какъ, напр., тотъ, что интендантство доставляло продовольствіе и фуражъ по такимъ цѣнамъ, по которымъ сами полки отказывались продовольствовать какъ людей, такъ и лошадей.

Когда въ теченіи послѣдней войны заходили разговоры объ интендантствѣ 53—56 годовъ, по сравненію его съ интендантскимъ вѣдомствомъ 1877 года, то люди, прямо или косвенно заинтересованные въ дѣлѣ, всегда возражали приблизительно въ такомъ родѣ: можно ли,

---

[1]) Восточная война 1853—56 годовъ. Соч. М. И. Богдановича, т. III, стр. 203.

молъ, сравнивать то, что было во время Восточной войны, съ тѣмъ, что́ дѣлается теперь. Тогда мы вели войну у себя дома, гдѣ все было въ нашемъ распоряженіи, а тутъ мы дѣйствуемъ среди чужихъ, болгары не оказываютъ намъ никакой помощи, а смотрятъ только какъ бы поживиться на нашъ счетъ; отъ Россіи мы отдалены страшнымъ пространствомъ, дороги часто ужасныя, словомъ, всѣ условія теперь иныя, чѣмъ были тогда.

Возраженіе это не представлялось серьёзнымъ, такъ какъ, строго говоря, условія для интендантства въ то время были, пожалуй, хуже, чѣмъ во время послѣдней войны. На болгаръ мы всячески нападали за то, что они не спѣшили отдавать намъ все свое добро, и не доставляли намъ по низкимъ цѣнамъ провіанта, соблюдая свои матеріальныя выгоды; а развѣ не то же дѣлали мы сами, во время крымской кампаніи, когда „мѣстные владѣльцы совершенно отказывались отъ продажи войскамъ сѣна, разсчитывая на возвышеніе его впослѣдствіи". Интендантство и его непремѣнный союзникъ — товарищество — жаловались на дороги, указывая на нихъ какъ на причину невозможности подъ-часъ доставлять провіантъ,—а развѣ не то же, если еще не хуже, было во время Восточной войны? „На всемъ протяженіи, отъ Перекопа до Севастополя, передаетъ тотъ же историкъ Восточной войны,—дороги были до того испорчены, что курьеры не рѣдко ѣхали шагомъ, съ остановками на пути. Пироговъ, на курьерскихъ, употребилъ на проѣздъ 72-хъ-верстнаго разстоянія, отъ Симферополя до Севастополя, болѣе полуторы сутокъ. Обозъ съ провіантомъ, высланный изъ Перекопа 17-го декабря, прибылъ въ Симферополь 21-го января, слѣдовательно, прошелъ 134 версты въ 34 дня, т.-е. кругомъ по 4 версты въ сутки". Справедливость требуетъ сказать, что въ сущности, во время Восточной войны, благодаря отсутствію путей сообщенія, дѣйствующая армія была болѣе отдалена отъ Россіи, чѣмъ во время послѣдней войны, такъ что жалобы интендантства и то-

варищества на отдаленность театра войны едва ли могутъ быть признаны основательными.

Дѣлая ссылку на интендантство, заботившееся о продовольствіи арміи во время Восточной войны, я, разумѣется, весьма далекъ отъ мысли сказать, что это продовольствіе было вполнѣ удовлетворительно: и тогда, разумѣется, случалось, что войска питались одними сухарями, которые „иногда доставлялись за нѣсколько сотъ верстъ и весьма часто хранились подъ открытымъ небомъ, осенью и зимою, во время проливныхъ дождей и мятелей. Въ такихъ обстоятельствахъ, иногда случалось войскамъ получать заплѣсневѣлые, гнилые сухари...“ Иначе, разумѣется, и не могло быть: одна и та же система, какъ тогда, такъ и теперь, должна была дать сходные результаты, съ тою только разницею, что въ то время во главѣ интендантства стоялъ человѣкъ болѣе способный, энергичный, въ рукахъ котораго стянуты были всѣ нити продовольствованія арміи. Тогда было одно отвѣтственное лицо, теперь же интендантство могло оправдываться товариществомъ, товарищество же оправдывалось интендантствомъ.

Къ сложной комбинаціи продовольствованія арміи товариществомъ изъ частныхъ лицъ, поставленнымъ въ зависимость отъ интендантства, надо думать, прибѣгли на томъ основаніи, что интендантское вѣдомство не было достаточно подготовлено, или организація его была такова, что не было надежды, чтобы интендантское вѣдомство справилось съ трудною задачею продовольствованія громадной арміи. Но пусть будетъ это предположеніе ошибочно, пусть будетъ допущено другое предположеніе, что военное управленіе признало, что способъ продовольствованія арміи посредствомъ товарищества окажется болѣе выгоднымъ для казны, болѣе цѣлесообразнымъ для обезпеченія продовольствованія арміи. Въ такомъ случаѣ товарищество должно было составиться изъ лицъ, добросовѣстность которыхъ была бы совершенно несомнѣнна для органовъ военной вла-

сти, которые сами по себѣ представляли бы гарантію, что дѣло продовольствованія арміи находится въ надежныхъ рукахъ. Очевидно, что въ такомъ важномъ дѣлѣ нельзя было придерживаться простого коммерческаго правила: кто предложитъ взять на себя подрядъ по болѣе дешевой цѣнѣ, тому и отдать подрядъ. Интересы арміи, естественно, должны были стоять выше большей или меньшей выгоды предпріятія. Могутъ, конечно, сказать, что контрактъ, заключенный съ товариществомъ, служилъ лучшею гарантіею добросовѣстности товарищества; но вѣдь увѣренность, что контрактъ будетъ въ точности соблюденъ, безъ ежечасныхъ попытокъ обойти его, безъ ловко скрытаго нарушенія его, могла существовать только подъ однимъ условіемъ, что люди, на которыхъ возложена эта важнѣйшая часть въ военное время, вполнѣ заслуживаютъ довѣрія и извѣстны военному управленію какъ люди вполнѣ добросовѣстные и способные съ успѣхомъ вести трудное дѣло. Такая увѣренность должна была стоять выше контракта, такъ какъ кому не извѣстно, что всякій контрактъ есть не что иное, какъ писанная бумага, подъ прикрытіемъ которой могутъ быть совершаемы всяческія злоупотребленія.

Товарищество, которому поручено было продовольствованіе арміи, составилось изъ лицъ, можетъ быть и близко извѣстныхъ военному управленію, но весьма мало извѣстныхъ русскому обществу, а если и извѣстныхъ, то вовсе не съ такой стороны, чтобы общество могло питать къ нимъ безусловное довѣріе. Я долженъ сказать при этомъ, что я вовсе не намѣренъ касаться извѣстныхъ лицъ, такъ какъ лица въ такомъ серьёзномъ дѣлѣ мало интересны, важность имѣетъ только та или другая система, при которой дѣйствуютъ эти лица. Будь составлено товарищество изъ другихъ лицъ, болѣе извѣстныхъ всему обществу и пользующихся бо́льшимъ довѣріемъ, вѣроятно, это товарищество не вызвало бы такъ быстро поголовной ненависти, которая несомнѣнно должна была отразиться и на дѣйствіяхъ товарищества.

Къ дѣйствіямъ этого товарищества можно было относиться съ ненавистью, съ презрѣніемъ, но винить его едва ли было основательно. Въ чемъ винить? въ томъ, что оно изо всѣхъ силъ старалось нажиться на счетъ русскаго солдата? Да развѣ это не вполнѣ естественно? Товарищество обработывало свои дѣла; цѣль, которую оно преслѣдовало, выражалась въ одномъ словѣ: нажива. Къ этой цѣли оно шло путемъ коммерческимъ въ томъ смыслѣ, какой принадлежитъ этому слову „коммерческій" въ современномъ промышленномъ обществѣ. Никто ничего другого не могъ и не имѣлъ основанія ожидать отъ товарищества, которое, очевидно, принялось за дѣло не ради высокихъ патріотическихъ побужденій, а смотрѣло на свои обязанности исключительно какъ на выгодное предпріятіе. Указывать на его злоупотребленія можно, но громить его, указывать на него какъ на корень зла, это значитъ переносить отвѣтственность на младшихъ, изъ боязни какъ бы не разсердились старшіе. Вотъ почему я не имѣю рѣшимости обвинять товарищество, такъ какъ вина, очевидно, падаетъ не на него, а на тѣхъ, кто сдѣлалъ возможною его смѣлую эксплуатацію. Было ли, спрашивается, поставлено товарищество гг. Грегера, Горвица и Когана въ такое положеніе, чтобы оно лишилось возможности злоупотреблять, какъ интересами русскаго войска, такъ и русской казны? Мнѣ кажется, что на вопросъ этотъ, безъ боязни ошибиться, можно отвѣчать отрицательно. Товарищество дѣйствовало на основаніи контракта, добровольно подписаннаго обѣими сторонами; поэтому, если контрактъ и оказался весь къ выгодѣ товарищества, то и съ этой стороны ему нельзя сдѣлать упрека; подписавшіе его, вѣроятно, знали и понимали, что́ они подписывали, и если подписали, то значитъ имѣли къ тому основанія. Были, конечно, и отступленія отъ этого контракта, но и за эти отступленія вся отвѣтственность не можетъ быть возложена на товарищество. Въ этихъ отступленіяхъ оно, также какъ и во всемъ осталь-

номъ, преслѣдовало свои выгоды, но я уже сказалъ, что ничего иного отъ него никто и не могъ ожидать.

Для справедливой оцѣнки дѣйствій какъ интендантства, такъ и товарищества будетъ крайне полезно познакомить читателя съ самымъ контрактомъ, заключеннымъ полевымъ интендантствомъ дѣйствующей арміи съ товариществомъ. На основаніи этого контракта, товарищество приняло на себя поставку всѣхъ продуктовъ для довольствія войскъ арміи, причемъ было выговорено, что товарищество не имѣетъ права отказываться отъ исполненія требованій интендантскаго управленія о производствѣ для войскъ арміи разнаго рода поставокъ, а полевое интендантство не въ правѣ отказать товариществу въ поставкѣ, „если оно не подастъ къ тому повода своею неисправностью".

Такимъ образомъ, въ первомъ пунктѣ контракта была предусмотрѣна возможность неисправности, а въ виду ея — и отказа товариществу отъ поставки; но этотъ пунктъ, несмотря на оффиціально констатированныя неисправности, остался мертвою буквою.

Такою же мертвою буквою остался и второй пунктъ контракта, въ которомъ опредѣлялось какого качества должны быть поставляемые продукты. Такъ, „мука — ржаная и пшеничная — изъ чистаго, сухого зерна, не гнилая, не затхлая, не комкованная, ни съ чѣмъ не смѣшанная... Крупа — гречневая, ячная и пшенная — свѣжая, сухая и хорошо вычищенная... Овесъ и ячмень — чистые, сухіе, безъ мякины и съ полными зернами... Сѣно — сухое, не осоковатое, не быльеватое, не гнилое, безъ подмочки... Солома — свѣжая, сухая, чистая, не смѣшанная съ другими произрастеніями... Мясо — какъ свѣжее, такъ для соленія — изъ мѣстныхъ быковъ перваго сорта, самое лучшее... Порціонный скотъ — изъ мѣстныхъ быковъ перваго сорта... Вино — вполнѣ доброкачественное, хлѣбное, кукурузное и фруктовое, или, вмѣсто него, спиртъ, безъ примѣси паточнаго вина, пригара и дурного запаха... Чай — черный, фамильный, не высокаго

сорта, но съ хорошимъ чайнымъ ароматомъ, дающій достаточный настой, безъ примѣси спитого чая... Сахаръ — рафинадъ перваго сорта, лучшихъ заводовъ...“

Вотъ перечень тѣхъ поставокъ, которыя товарищество принимало на себя. На бумагѣ, въ контрактѣ, все это выходило прекрасно,—и, читая такой пунктъ договора, можно было впередъ радоваться за русскую армію. Все должно было быть перваго сорта, все самаго лучшаго качества. Но было ли такъ въ дѣйствительности? Въ дѣйствительности, случилось съ этимъ контрактомъ — или, вѣрнѣе, съ этимъ вторымъ пунктомъ его—то, что̀ обыкновенно бываетъ съ магазинными объявленіями Гостинаго двора. Вы читаете объявленіе—и приходите въ умиленіе: какой все чудесный товаръ продается въ этой лавкѣ! Вы посылаете за покупками—и убѣждаетесь, что все это объявленіе представляетъ изъ себя не что иное, какъ самый дерзкій обманъ. Вмѣсто товара перваго сорта и лучшаго качества, вамъ нанесли цѣлый ворохъ гнили. Вѣдь невозможно же допустить, что все, что̀ говорилось о поставкахъ товарищества, что всѣ жалобы, ропотъ, негодованіе, — наконецъ, презрѣніе, вызванное его дѣйствіями, что все это было неосновательно, что все это было только результатомъ нелюбви къ еврейскому племени, изъ котораго вышло товарищество. Отдѣльныя лица могли увлекаться ненавистью къ еврейскому элементу, но цѣлая армія, конечно, нѣтъ. Если бы товарищество, состоявшее изъ евреевъ, добросовѣстно исполнило всѣ свои обязательства, то мало нашлось бы такихъ фанатиковъ, которые поставили бы имъ въ вину ихъ національность, а тѣ, которые и поставили бы, вызвали бы противъ себя среди всѣхъ порядочныхъ и сколько-нибудь образованныхъ людей одну лишь насмѣшку. Нѣтъ, источникомъ всѣхъ обвиненій противъ товарищества была вовсе не еврейская національность, а рѣзавшая глаза недобросовѣстность. Спросите любого офицера, какая поставлялась мука, какое давали мясо, какимъ поили виномъ, даже въ госпиталяхъ, и вы по-

стоянно услышите одинъ отвѣтъ: „мука—часто гнилая, мясо—испорченное, вино—какая-то желтая бурда, вызывавшая тошноту“.

Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что за неисполненіе этого второго пункта контракта отвѣтственность не должна падать опять исключительно на одно товарищество. Въ этомъ отношеніи также и другія лица должны раздѣлять вину, вмѣстѣ съ товариществомъ. Этотъ второй пунктъ контракта имѣетъ слѣдующее дополненіе: „поставка продуктовъ вышеизложенныхъ качествъ для насъ обязательна какъ при пріобрѣтеніи ихъ въ имперіи, такъ и за-границею; но за-границею съ тѣми исключеніями, въ отношеніи *сорта* и *качества* продуктовъ, которыя будутъ вызваны условіями мѣстнаго урожая и способами приготовленія означенныхъ продуктовъ...“ Такъ какъ война должна была быть ведена за-границею, то этими прибавочными словами уничтожался весь смыслъ второго пункта контракта, устанавливавшаго во всемъ и для всего первый сортъ и лучшее качество. Эта „невинная“ прибавка заранѣе, такъ-сказать, освобождала товарищество отъ поставки продуктовъ перваго сорта и лучшаго качества, и въ этомъ освобожденіи виновато, разумѣется, ужъ никакъ не товарищество.

— Помилуйте, — обращались къ агентамъ товарищества,—что̀ вы поставляете,—вѣдь это никуда не годится? Вы обязаны поставлять лучшаго качества, по контракту.

— Въ Болгаріи другого нѣтъ,—отвѣчали агенты,—что̀ есть, то и даемъ: будьте благодарны и за то.

Дѣлать нечего, все принимали—и сносное, и гниль, а квитанціи выдавались за продукты лучшаго качества, и деньги брались ужъ, конечно, не по качеству продуктовъ, а по контракту.

Въ пунктѣ третьемъ контракта говорится: „при расположеніи арміи на конечныхъ пунктахъ на лѣвомъ берегу Дуная, а также съ переходомъ ея за Дунай, и вообще во всѣхъ мѣстностяхъ театра войны, во все

время кампаніи, поставка должна производиться нами или въ магазины и склады, въ количествахъ и въ сроки, которые будутъ каждый разъ указываемы интендантствомъ,—или прямо въ войска, въ мѣста ихъ расположенія, по непосредственнымъ требованіямъ командировъ частей войскъ, въ пропорціи не болѣе десяти-дневной".

Отсюда можно было бы заключить, что тамъ, гдѣ войска, — тамъ и товарищество съ своими продуктами. Было ли такъ въ дѣйствительности? Совсѣмъ не было. Какъ на примѣръ, слишкомъ хорошо извѣстный, можно указать на то, что первый забалканскій походъ генерала Гурко былъ совершенъ безъ того, чтобы агенты товарищества были даже близко отъ отряда. Никакихъ поставокъ они не дѣлали—и люди, и лошади продовольствовались средствами отряда. То же самое повторилось и при второмъ забалканскомъ походѣ, — словомъ, вездѣ, гдѣ было трудно добывать провіантъ, тамъ товарищество его и не поставляло.

Такимъ образомъ, несмотря на обязательство товарищества доставлять необходимые продукты „прямо въ войска, въ мѣста ихъ расположенія", сплошь и рядомъ случалось, что войска оставались совершенно безъ провіанта, и по три, по четыре дня питались одними испорченными, заплѣсневѣлыми сухарями. Я далекъ отъ мысли утверждать, чтобы это былъ обычный, неизмѣнный фактъ, но не менѣе вѣрно и то, что такіе случаи не только не составляли исключенія, но были довольно заурядны. Въ этомъ отношеніи виновато, разумѣется, было столько же товарищество, сколько и интендантство, и даже послѣднее, можетъ быть, больше перваго. Агенты товарищества, когда имъ высказывались такія обвиненія, защищались обыкновенно тѣмъ, что извѣщенія о поставкѣ приходили къ нимъ слишкомъ поздно.

— Что̀ намъ дѣлать, — говорили они, — когда мы не знаемъ сплошь и рядомъ, куда и сколько нужно поставлять провіанта. По контракту, мы должны быть предувѣдомлены за недѣлю о необходимости поставки. Въ на-

рядѣ должно быть точно указано званіе части, мѣсто расположенія, количество продуктовъ; командиры частей, требуя продукты, должны заявлять намъ не позже, какъ за три дня до времени дѣйствительной потребности въ продуктахъ. А развѣ все это соблюдается? Развѣ сплошь и рядомъ не случается намъ получать такія требованія: „завтра поставить такіе-то продукты!“ А бываетъ еще хуже. Получаемъ приказъ, дѣлаемъ всевозможныя усилія, чтобы удовлетворить требованію, привозимъ продукты въ указанное мѣсто, а въ этомъ мѣстѣ оказывается никого нѣтъ,—и продукты валяются и часто подвергаются порчѣ.

Нельзя отрицать, что такіе случаи дѣйствительно бывали, и они указываютъ на непригодность принятой системы. Непригодность эта состояла въ томъ, что въ дѣйствіяхъ, приказахъ, распоряженіяхъ не существовало никакого единства. Всѣ врозь, каждый самъ-по-себѣ, приказы противорѣчивые, отсутствіе обдуманности въ передвиженіяхъ войскъ, противоположныя рѣшенія въ теченіи одного дня или нѣсколькихъ часовъ,—словомъ, неурядица,—вотъ что̀ отчасти можетъ служитъ оправданіемъ неисправностей товарищества.

Но то, что̀ можетъ до нѣкоторой степени оправдывать несвоевременную доставку, а подъ-часъ и вовсе недоставку продуктовъ, то̀ ужъ никоимъ образомъ не можетъ оправдывать, съ одной стороны, поставку дурного или гнилого провіанта, а съ другой—необычайно высокихъ цѣнъ, которые товарищество брало за этотъ провіантъ.

Нужно однако сказать, что и въ этомъ послѣднемъ отношеніи контрактъ, заключенный интендантствомъ съ товариществомъ, предоставлялъ послѣднему значительный просторъ и былъ написанъ такъ ловко, что серьёзный контроль оказывался крайне затруднительнымъ, если бы даже и допустить рискованное предположеніе, что у лицъ, обязанныхъ заботиться о сбереженіи казенныхъ суммъ, было серьёзное желаніе контролировать дѣйствія

товарищества. Но интендантство и товарищество оказались двумя близнецами, оказывавшими другъ другу самое полное довѣріе и поддержку,

Въ пунктѣ 6-мъ контракта говорится: „поставку всѣхъ предметовъ для продовольствія арміи во все время пребыванія ея за-границею, мы обязываемся производить на коммиссіонномъ началѣ по дѣйствительно существующимъ на мѣстахъ слѣдованія и стоянки войскъ цѣнамъ за продукты, обработку, оболочку и доставку ихъ и прочіе расходы, упомянутые въ 4-мъ пунктѣ, удостовѣреннымъ контрактами съ торговыми домами, банками и частными лицами, или счетами всѣхъ ихъ, или другими документами, какъ-то: торговыми и биржевыми бюллетенями, свидѣтельствами маклеровъ и т. п.“ Далѣе говорится: „къ покупнымъ цѣнамъ, присоединяется коммиссіонная плата, въ размѣрѣ 10% стоимости продуктовъ, въ вознагражденіе за трудъ по принятой нами на себя операціи и на расходы по устройству и содержанію администраціи...“

Повидимому, контрактъ обставляетъ поставку продуктовъ такими условіями, что товариществу трудно, что́ называется, разойтись и брать въ три-дорога за поставленные продукты. Но это только повидимому. Въ дѣйствительности же, что́ стоитъ, напр., тому или другому агенту явиться въ извѣстную мѣстность, скупить почти все находящееся въ этой мѣстности количество продуктовъ, и затѣмъ, когда вслѣдствіе скупки продуктовъ цѣны значительно возрастутъ, потребовать справочныхъ цѣнъ. Товаръ купленъ за 1 р., въ справочныхъ цѣнахъ окажется 10 р., и продукты, попортившіеся, скупленные по самой низкой цѣнѣ, пойдутъ какъ продукты перваго сорта и лучшаго качества по самой высокой цѣнѣ. Дѣло, такимъ образомъ, обработывается гладко и чисто: не угодно ли потомъ, по прошествіи многихъ мѣсяцевъ, доказывать обманъ. И къ такимъ-то дутымъ цѣнамъ прибавляется еще десять процентовъ!

Я знаю очень хорошо, что и по поводу этихъ словъ

защитники существовавшей системы продовольствованія войскъ могутъ представить такое возраженіе: ваши нападки голословны; если вы рѣшаетесь обвинять, то вы должны въ подкрѣпленіе вашихъ словъ представить письменныя доказательства, а иначе все, что̀ вы говорите, не можетъ имѣть никакого значенія! Такое возраженіе, если оно и будетъ сдѣлано, въ чемъ я мало сомнѣваюсь, нисколько не страшно, прежде всего потому, что оно крайне неосновательно. Собирать письменныя доказательства—это дѣло слѣдственной коммиссіи; моя задача гораздо скромнѣе: она ограничивается только простымъ разсказомъ о томъ, что̀ привелось увидѣть и услышать на мѣстѣ. Не составился же въ самомъ дѣлѣ заговоръ среди всей арміи, чтобы обвинять интендантство и товарищество, не лгали же безсовѣстно солдаты, офицеры и генералы, когда они утверждали, что по нѣскольку дней люди оставались безъ провіанта и питались заплѣсневѣлыми, гнилыми сухарями, не обманывали они всѣ, говоря, что агенты товарищества не только сбывали гнилые продукты, получая плату какъ за доброкачественные, но притомъ сплошь и рядомъ обмѣривали въ вѣсѣ; точно также не грѣшили противъ истины всѣ тѣ, которые утверждали, что когда самимъ приходилось покупать продукты, то ихъ покупали и лучшаго качества и по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ тѣ, по которымъ доставляло ихъ товарищество.

Всѣ такіе единодушные отзывы сто̀ятъ же, наконецъ, письменныхъ доказательствъ, тѣмъ болѣе, что письменныя доказательства, кто этого не знаетъ, самаго оффиціальнаго характера, всегда могутъ быть сфабрикованы по болѣе или менѣе сходнымъ цѣнамъ.

Если бы интересы интендантства не оказались солидарными съ интересами товарищества, если бы, какъ я сказалъ, они не были близнецами, тогда товарищество не встрѣтило бы такого простора для своей незавидной дѣятельности и вѣроятно не имѣло бы возможности вызвать противъ себя такихъ единодушныхъ нареканій.

Но интендантство находило для себя выгоднымъ прикрывать и высокія цѣны, и недоброкачественность продуктовъ. Интендантство и товарищество дѣйствовали тамъ, гдѣ была возможность обходиться и безъ ихъ дорогихъ услугъ, отсутствовали тамъ, гдѣ поставлять продукты было и невыгодно, и трудно. Если бы русская армія при своемъ движеніи впередъ, черезъ Балканы, не находила часто большихъ запасовъ, приготовленныхъ турками, то многія части постигла бы самая горькая участь. Къ испытанному холоду, къ испытаннымъ страданіямъ, благодаря отсутствію теплаго платья и обуви, присоединилось бы еще одно страшное воспоминаніе — испытанный голодъ.

Но не только путемъ искусственно высокихъ цѣнъ и поставки недоброкачественныхъ продуктовъ, товарищество, а косвенно интендантство, имѣло возможность извлекать выгоды изъ постигшаго Россію бѣдствія — войны. Средства къ тому представлялись самыя разнообразныя.

Въ пунктѣ девятомъ контракта, между прочимъ, говорится: „всѣ заподряженные продукты мы обязываемся отдавать въ натурѣ и потому не разсчитываться отнюдь ни съ кѣмъ ни за какую часть продуктовъ деньгами, какъ при сдачѣ въ войска, такъ и при сдачѣ въ магазины; за противное же этому, мы подвергаемся взысканію по всей строгости законовъ". Пунктъ этотъ доказалъ самымъ нагляднымъ образомъ, что бумага все терпитъ, и что контракты съ казною заключаются вовсе не для того, чтобы быть исполняемыми. Былъ ли когда-нибудь исполняемъ этотъ пунктъ контракта? Смѣло можно отвѣчать: исполняемъ онъ никогда не былъ, и среди арміи вовсе не было секретомъ, что цѣлые кавалерійскіе полки обходились безъ всякаго поставленнаго фуража для лошадей, находившихъ себѣ богатый кормъ на турецкихъ поляхъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что подножный кормъ доставлялъ сбереженіе казнѣ? разумѣется, нѣтъ. Между товариществомъ и лицами, завѣдывавшими фуражировкой,

установлялось соглашеніе, въ силу котораго товарищество получало квитанціи за доставленный будто бы фуражъ, а тѣ, которые выдавали квитанціи, получали за то приличное вознагражденіе. Такимъ образомъ, въ явной выгодѣ находились и товарищество, и тотъ или другой полковой командиръ, — въ убыткѣ оказывалась казна, — но кто же о ней думалъ! Бывали случаи и другого рода. Подножнаго корма нѣтъ, но цѣны на фуражъ въ извѣстной мѣстности довольно низкія. Товарищество уплачивало извѣстную сумму, получало квитанціи на сумму бо̀льшую —и всѣ были довольны. Мнѣ скажутъ конечно: однако тутъ ужъ виновато не одно товарищество! Да я никогда не утверждалъ и не утверждаю, что въ пережитую тяжелую годину эксплуатировало Россію одно товарищество, — вовсе нѣтъ, если бы оно было одно, то подтвердилось бы изреченіе, что одинъ въ полѣ не воинъ, и товарищество лишено было бы въ значительной степени возможности такъ обдѣлывать свои дѣла, какъ оно ихъ обдѣлывало въ дѣйствительности. Я даже готовъ сказать, что товарищество я обвиняю менѣе другихъ, такъ какъ задача товарищества въ томъ и заключалась, чтобы нажить какъ можно больше, — о средствахъ же стоило ли думать, — между тѣмъ какъ задача „другихъ“ была прямо противоположная. Товарищество не претендовало играть исторической роли, оно преслѣдовало исключительно коммерческія цѣли, между тѣмъ какъ „другіе“ должны были имѣть вовсе другія цѣли и иныя обязанности. Впрочемъ, и этихъ „другихъ“ обвинять нѣтъ основанія, такъ какъ они оказались такими, какими они и могли быть, какими ихъ сдѣлали наши историческія преданія, наши вѣковые порядки.

Если бы нужно было какое-нибудь доказательство того, что всѣ нападки, дѣлавшіяся на товарищество, были какъ нельзя болѣе справедливы, то лучшаго доказательства нельзя было бы и представить, какъ та записка о дѣятельности товарищества, которая была напечатана имъ самимъ. Записка эта представляетъ собою

самое дерзкое самовосхваленіе, до котораго могутъ только дойти люди, и ничто такъ не убѣждаетъ въ ихъ виновности, какъ эти нѣсколько страницъ, написанныхъ съ цѣлію опровергнуть всѣ заявленныя обвиненія. На этой запискѣ слѣдуетъ остановиться хотя бы для того, чтобы выполнить требованіе: audiatur et altera pars!

Я оставляю совершенно въ сторонѣ, какъ ни для кого неинтересныя заявленія, что товарищество исполняло продовольственную операцію „такъ, какъ никогда въ военное время такая операція никѣмъ не исполнялась"; что товарищество „употребило сверхъ-человѣческія усилія для доставки войскамъ необходимыхъ продуктовъ и успѣло удовлетворять всѣмъ требованіямъ войскъ"; что „войско ни при какихъ обстоятельствахъ не терпѣло дѣйствительной нужды"; что товарищество „всегда и вездѣ дѣйствовало исключительно въ огражденіе казенныхъ инресовъ"; что „ни единый честный русскій патріотъ, взвѣсивъ эти обстоятельства, не можетъ не признать той громадной услуги, какую товарищество оказало дѣлу русскихъ финансовъ въ Румыніи"; что, „заботясь лишь о правильномъ продовольствіи арміи среди столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, товарищество не могло не понести громадныхъ потерь, которыя представляются очевидными даже для лицъ, не посвященныхъ въ коммерческіе разсчеты и дѣла"; что, наконецъ, „ни одинъ изъ членовъ товарищества, ни единой минуты, никогда не руководствовался какою-либо корыстною цѣлью, и что всѣ мысли, всѣ желанія товарищества только и устремлялись на то, чтобы не щадить ни трудовъ, ни средствъ, ни даже здоровья, лишь бы доставлять госпиталямъ всѣ требуемые имъ предметы и продукты". Всѣ эти цитаты говорятъ сами за себя. Чего въ нихъ больше: самаго беззастѣнчиваго цинизма, или убѣжденія въ людской глупости, всему вѣрящей, — пусть рѣшаетъ самъ читатель.

Но помимо этого самовосхваленія, не требующаго осужденія, въ „краткомъ историческомъ очеркѣ дѣятельности товарищества" есть два-три указанія, касающіяся

общихъ распорядковъ, относящихся до продовольствованія арміи, и вотъ эти-то указанія только и заслуживаютъ вниманія, такъ какъ они дополняютъ характеристику установленной во время войны системы. Такъ, въ запискѣ говорится: „Вслѣдствіе несвоевременнаго извѣщенія войсками полевого интендантства о времени слѣдованія войскъ, а иногда и вслѣдствіе измѣненія маршрутовъ, — выдаваемые товариществу наряды на заготовленіе продовольствія для проходящихъ войскъ, иногда препровождались лишь черезъ нѣсколько дней послѣ того срока, когда нарядъ уже долженъ былъ быть исполненъ; другіе наряды выдавались въ тотъ же день или въ такое время, когда не было физической возможности исполнить нарядъ въ такой короткій промежутокъ времени; нѣкоторые наряды предлагали заготовить продукты, сколько понадобится, — но въ какихъ мѣстахъ, какихъ и сколько продуктовъ, этого не сообщалось; а такъ какъ товариществу неизвѣстно количество войскъ, то понятно, что подобные наряды представлялись вполнѣ неопредѣленными. Независимо отъ того, весьма часто данные наряды, по которымъ приступлено было къ исполненію, — отмѣнялись чрезъ 2 или 3 дня, а между тѣмъ продукты доставлялись въ пункты, гдѣ они вовсе не требовались“...

Было бы несправедливостью не согласиться, каковы бы ни были грѣхи товарищества, что и оно подъ-часъ, благодаря отсутствію единства въ дѣйствіяхъ, благодаря тому, что все дѣлалось какъ-то ощупью, безъ строгаго плана, попадало въ довольно тяжелое положеніе, и даже будь на лицо полная готовность добросовѣстно выполнять свои обязанности, все-таки оказывалось бы физически невозможнымъ, вслѣдствіе противорѣчивыхъ распоряженій, исправно выполнять задачу продовольствованія войскъ. Товарищество имѣетъ полное право утѣшать себя, если бы утѣшеніе ему было нужно, что если въ дѣлѣ продовольствованія арміи оказались всяческаго рода злоупотребленія, то вина за эти злоупотребленія падаетъ не на него одного, а также и на интендантство,

да притомъ и не на одно интендантство. Много было званыхъ на пиръ, но много оказалось и избранныхъ. Отчасти такимъ образомъ защищается и товарищество, и съ этой точки зрѣнія защита представляется наиболѣе заслуживающею вниманія. „Сущность оффиціальныхъ нареканій заключается въ томъ, что фуражъ въ апрѣлѣ и маѣ былъ весьма часто не надлежащаго качества, что хлѣбъ оказывался иногда не хорошо выпеченнымъ, и наконецъ, что наряды для складовъ не были всегда вовремя исполнены". Товарищество и не думаетъ отрицать справедливости этихъ фактовъ, оно только ставитъ себя подъ защиту контракта, на который, такимъ образомъ, по праву должны быть перенесены такія нареканія. „Но всѣ безъ исключенія замѣчанія эти, — говорится въ запискѣ, — произошли отъ незнакомства съ контрактомъ товарищества, отъ 16-го апрѣля 1877 г., въ первомъ пунктѣ котораго прямо выражено, что, при пріобрѣтеніи продуктовъ заграницею, въ отношеніи качества ихъ допускаются тѣ исключенія, которыя будутъ вызываться условіями мѣстнаго урожая и способами приготовленія означенныхъ продуктовъ". Иными словами: странно-молъ намъ слышать отъ васъ эти нареканія, когда вы сами подписывали контрактъ; вѣдь должны же вы были понимать, что́ подразумѣвалось подъ словами: въ отношеніи качества допускаются тѣ исключенія и т. д., — вы ихъ и понимали, вы не дѣти, что̀ же вы сваливаете теперь на насъ? Намъ, конечно, былъ выгоденъ этотъ контрактъ, но и вамъ онъ былъ выгоденъ, слѣдовательно — нечего на насъ и пенять... Вотъ сущность объясненія товарищества, и такое объясненіе, что́ называется, бьетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Въ этой запискѣ нельзя не указать еще на нѣсколько строкъ, строкъ крайне тяжелыхъ, такъ какъ справедливость заставляетъ сказать, что они вызваны дѣйствительными, хотя и очень прискорбными фактами. „Кромѣ этихъ спеціальныхъ причинъ неудовольствій, новая система продовольствія войскъ, чрезъ товарищество, конечно

временно измѣнила обычаи и основанія войскового хозяйства мирнаго времени, а такая перемѣна также не могла не повліять на неблагопріятныя отношенія къ товариществу, которое хотя дѣйствовало и на законномъ основаніи, но тѣмъ не менѣе соприкоснулось непосредственно своею дѣятельностью къ этому войсковому хозяйству".

Оставляя въ сторонѣ разсчитанныя на людскую глупость іереміады на несправедливое отношеніе къ товариществу и на оправданіе его, что оно дѣйствовало „на законномъ основаніи", нельзя не задуматься надъ тѣмъ уже не тонкимъ, не прозрачнымъ, а весьма осязательнымъ и яснымъ намекомъ, который бросается въ глаза въ приведенной мною цитатѣ. Переводя на обыкновенный языкъ, слова эти означаютъ слѣдующее: наша дѣятельность, наши злоупотребленія явились отчасти помѣхой злоупотребленіямъ въ войсковомъ хозяйствѣ, мы столкнулись въ однихъ и тѣхъ же стремленіяхъ къ наживѣ, и это столкновеніе озлобило противъ насъ тѣхъ, кому была не съ руки поставка нами продуктовъ.

Пусть будетъ такъ, пусть нѣкоторые полковые командиры, какъ это оказывается даже изъ происходившаго въ Адріанополѣ судебнаго процесса, уличаются въ злоупотребленіяхъ, но все же это не даетъ права товариществу говорить о своей феноменальной честности и высказывать убѣжденіе, „что какъ госпитальное, такъ и интендантское начальство засвидѣтельствуютъ передъ высшею военною администраціею, что всѣ члены товарищества, въ вопросѣ довольствія войскъ и госпиталей, не знали покоя ни днемъ, ни ночью, и что они заботились о доставленіи войскамъ потребныхъ продуктовъ не только какъ контрагенты интендантства по продовольствію войскъ, но и какъ русскіе граждане, сердцу которыхъ слишкомъ близки здоровье, нужды и успѣхи русской арміи". Во всемъ этомъ вѣрно только то, что интендантство удостовѣряетъ о великихъ заслугахъ товарищества. Кому же, спрашивается, о нихъ и удостовѣрять, какъ не интендантству!—вѣдь иначе оно было бы виновно

въ самой черной неблагодарности. Кто знаетъ, можетъ быть, у товарищества, помимо интендантства, найдутся и другіе защитники. Всѣ такіе защитники давали бы право товариществу поставить свою защиту нѣсколько иначе и сказать чистосердечно: мы не могли поступать добросовѣстно, такъ какъ съ нами поступали недобросовѣстно, мы не могли не эксплуатировать, когда насъ эксплуатировали, мы не могли чуждаться злоупотребленій, такъ какъ мы сами находились подъ властью людей, жаждавшихъ извлекать личную выгоду изъ нашихъ злоупотребленій!

Такая защита была бы куда дѣйствительнѣе, чѣмъ тотъ панегирикъ, пропитанный цинизмомъ, которымъ отвѣчало товарищество на всѣ выставленныя противъ него обвиненія.

Въ связи съ интендантствомъ и товариществомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ также и о подводномъ промыслѣ, или, вѣрнѣе, о подводномъ грабежѣ. Дѣло это по праву стоитъ на ряду съ дѣломъ интендантства и товарищества. Полевое интендантство нашло для себя выгоднымъ заключить съ г. Варшавскимъ контрактъ на поставку для арміи вольнонаемнаго транспорта, причемъ обязалось уплачивать по 20 франковъ золотомъ въ день за каждую пароконную подводу. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ въ рукахъ самаго контракта, который, надо полагать, также какъ и контрактъ съ товариществомъ, представилъ бы не одинъ любопытный пунктъ. Контрактъ былъ подписанъ, надо было приступать къ дѣлу, и вотъ агенты поставщика подводъ нахлынули по преимуществу на югъ Россіи и стали сманивать къ себѣ крестьянъ. Крестьянамъ обѣщаны были золотыя горы, они поддались на удочку, позаключали съ ними „ловкіе“ контракты, и поплелись, насчастные, въ Румынію и Болгарію. Именно —несчастные! Дотащились кое-какъ до мѣста, и тутъ-то начался истинный грабежъ. И кого грабили! Благо бы ужъ одну казну! кто ее не грабилъ! нѣтъ, грабили нищихъ, обирали голодныхъ, оттягивали у нихъ послѣднія

копѣйки и пускали по-міру просить Христа ради! Мнѣ нѣтъ основанія говорить много о той позорной эксплуатаціи, которой подвергались погонцы, нѣтъ основанія, такъ какъ къ тому, что̀ сдѣлалось уже извѣстнымъ, я не могу прибавить ничего новаго. Но все то, что̀ говорилось и писалось, было вѣрно, и нѣтъ такихъ словъ, которыя были бы достаточно сильны, чтобы охарактеризовать поведеніе тѣхъ, которые самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманывали и обирали русскихъ мужиковъ. Грустная исторія погонцевъ достаточно извѣстна, масса лошадей поколѣла, сами погонцы, испытавъ и холодъ и голодъ, вернулись домой еще болѣе нищими, чѣмъ ушли въ тотъ край, который имъ рисовали, какъ обѣтованную землю. Да и всѣ ли вернулись? далеко нѣтъ,—громадный процентъ погибъ отъ истощенія силъ, отъ болѣзней, легко доводившихъ до могилы разслабленные голодомъ и утомленіемъ организмы. И люди, и лошади испытали одну и ту же судьбу.

Но и въ этомъ вопросѣ о погонцахъ, также точно какъ и въ вопросѣ о товариществѣ, не столько интересно то, что контрагенты интендантства пользовались всѣми средствами, и законными и незаконными, чтобы выжать весь сокъ изъ дѣла, ни мало не обращая вниманія, что выжиманіе этого сока тѣсно связано съ страданіями десятковъ тысячъ людей, сколько интересенъ фактъ, что подобные контрагенты пользовались всею свободою въ преслѣдованіи своихъ личныхъ интересовъ прямо въ ущербъ общимъ интересамъ. Всегда существовали и будутъ, быть можетъ, еще многіе вѣка существовать люди, для которыхъ нѣтъ другого Бога, кромѣ золотого тельца; весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы та общественная система, тотъ порядокъ, при которомъ они дѣйствуютъ, не потворствовалъ ихъ самымъ грубымъ инстинктамъ. Существованіе тѣхъ или другихъ злоупотребленій не столько осуждаетъ людей, изобличенныхъ въ такихъ злоупотребленіяхъ, сколько систему, предоставившую широкій просторъ ихъ стремленію къ

самой вопіющей наживѣ. Вотъ почему изобличеніе, борьба должна быть направлена не противъ той или другой личности, а противъ того, чтобы потворствующіе грабежу порядки были на-вѣки схоронены.

Насколько такіе порядки оказались еще живучи у насъ, читатель могъ уже видѣть хотя бы на примѣрѣ товарищества. Лишнее подтвержденіе того, что̀ сказано, бросается въ глаза и на отношеніяхъ интендантства къ поставщику погонцевъ. По поводу этихъ отношеній всплылъ наружу одинъ фактъ, на который было указано въ нашихъ газетахъ. Факту этому не слѣдуетъ затеряться въ пучинѣ ежедневныхъ листовъ бумаги. Въ іюлѣ мѣсяцѣ съ г. Варшавскимъ былъ заключенъ контрактъ на поставку подводъ, съ платою по 20 франковъ металлическихъ въ день за каждую подводу. Въ сентябрѣ заключенъ былъ другой контрактъ на тотъ же предметъ съ гг. Барановымъ, Кауфманомъ, но уже не по 20 франковъ, а по 16-ти. Въ апрѣлѣ же 1878 г., слѣдовательно, послѣ того, что интендантство убѣдилось, что подводы могутъ быть поставлены по болѣе дешевой цѣнѣ, съ тѣмъ же г. Варшавскимъ былъ возобновленъ старый контрактъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ, съ платою опять по 20-ти франковъ, а затѣмъ, въ іюлѣ того же года, т.-е. два мѣсяца спустя, когда понадобились опять подводы, былъ объявленъ торгъ, и подрядъ былъ взятъ по 14-ти франковъ за подводу. Такимъ образомъ, оказывается, что полевое интендантство нашло выгоднымъ, разумѣется, для себя, а ужъ никакъ не для казны, сдѣлать г. Варшавскому подарокъ по 6-ти металлическихъ франковъ въ день съ каждой подводы, а такъ какъ весь подрядъ былъ на восемь тысячъ подводъ, то оказывается, что г. Варшавскій каждый день получалъ ни-за что, ни-про-что, лишнихъ 48 тысячъ металлическихъ франковъ въ день, а если 48 тысячъ помножить на 120, т.-е. количество дней, которые долженъ былъ длиться подрядъ, то и выходитъ, что Варшавскому предподнесенъ былъ подарокъ въ 5.760,000 металлическихъ франковъ.

Если даже г. Варшавскій и подѣлился бы этою суммою, то все же на его долю пришлась достаточно крупная сумма, чтобы дать ему возможность быть болѣе великодушнымъ въ отношеніи тѣхъ погонцевъ, которые ему доставили такую богатую жатву.

Русская казна и русскій народъ въ одинаковой степени эксплуатировались въ теченіи всей послѣдней войны. Насколько эксплуатировалась казна, читатель могъ уже убѣдиться не разъ, читая предшествующія страницы; до какихъ же размѣровъ эксплуатировался народъ, читатель можетъ постигнуть, пораздумавъ хоть на самомъ, повидимому, мелкомъ фактѣ, на который я сейчасъ укажу. До заключенія мира въ послѣдніе мѣсяцы или недѣли, въ Курскую губернію явились агенты главнаго поставщика погонцевъ и, какъ уже дѣлалось не разъ, стали сманивать крестьянъ въ обѣтованную землю, т.-е. въ Болгарію. Подрядили они нѣсколько десятковъ или больше,—точно не знаю, выдали имъ по 20 руб. въ задатокъ и, довольные обдѣланнымъ дѣломъ, уѣхали. Подряженные крестьяне собрались и потянулись въ Болгарію. Доплелись они до Полтавы, вдругъ получается вѣсть о мирѣ. Агенты поставщика погонцевъ объявляютъ имъ, что въ нихъ больше надобности нѣтъ, и что поэтому они могутъ возвратиться домой. Поплелись они съ своими лошадьми обратно. Дорога туда, назадъ, недѣли потраченнаго времени поглотили не только задаточныя деньги, но мужикамъ пришлось приплатить своихъ. Но гдѣ простячкамъ тягаться съ поставщикомъ,—помирились они съ своею судьбою и забыли о томъ, что они могли бы требовать съ поставщика еще дополнительной суммы. Вдругъ въ курскомъ окружномъ судѣ предъявляется ко всѣмъ этимъ крестьянамъ искъ. Съ крестьянъ поставщикъ погонцевъ требуетъ обратно задаточныя деньги. Какъ такъ, да вѣдь мы дошли до Полтавы,—обратно,—истратились! Какое дѣло поставщику! Пусть отдаютъ обратно задаточныя деньги. Въ судъ представленъ былъ поставщикомъ подводъ кон-

трактъ, на основаніи котораго и предъявленъ былъ искъ. Посмотрѣли крестьяне на этотъ контрактъ и заявили, что такого контракта они не видѣли. Судъ пріостановилъ гражданское дѣло до разслѣдованія уголовнымъ порядкомъ вопроса о подложности контракта.

Конечно, фактъ этотъ не громокъ, но мнѣ кажется, что онъ какъ нельзя лучше характеризуетъ отношеніе всѣхъ такихъ подрядчиковъ къ русскому забитому крестьянину.

Прочитавъ эти нѣсколько страницъ, посвященныхъ интендантству, товариществу и всяческимъ поставщикамъ, читатель, быть можетъ, скажетъ: вы дали мнѣ мало фактовъ, ваша оцѣнка дѣйствій всѣхъ этихъ частей общей военной организаціи представляется слишкомъ поверхностною. Говоря такимъ образомъ, читатель будетъ совершенно правъ, и все-таки упрекъ, обращенный ко мнѣ, едва-ли окажется справедливымъ. Но не моя вина, что вообще все, что́ мы знаемъ въ общественныхъ дѣлахъ — мы знаемъ урывками, по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, случайно выплывшимъ наружу, а потому естественно, что и самая оцѣнка можетъ быть всегда только отрывочная и поверхностная. Вотъ почему я и говорю, что упрекъ мнѣ въ поверхностности оцѣнки дѣйствій интендантства и его контрагентовъ едва-ли будетъ заслуженный.

ГЛАВА XIV.

Военно-медицинское управленіе.

Если способъ продовольствованія арміи составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ отдѣловъ общей военной организаціи, то способъ ухода за больными и ранеными воинами составляетъ, разумѣется, нисколько не менѣе важный отдѣлъ. Вотъ почему, если-бы я послѣднія страницы моихъ замѣтокъ и воспоминаній не посвятилъ дѣятельности военно-медицинскаго управленія, то въ этихъ замѣткахъ оказался бы весьма существенный пробѣлъ.

Да и какъ, спрашивается, возможно не говорить о дѣйствіяхъ военно-медицинскаго управленія, о госпиталяхъ, о способѣ транспортировки раненыхъ, о медицинскомъ персоналѣ, объ эвакуаціи раненыхъ и больныхъ, о продовольствіи ихъ, объ устройствѣ лазаретовъ тому, передъ глазами котораго прошли, по-истинѣ, страшныя картины транспортовъ раненыхъ, госпиталей, переполненныхъ тысячами страдающихъ людей, по нѣсколькимъ суткамъ оставляемыхъ безъ всякой помощи, безъ перевязки, безъ ухода, безъ пищи. Нѣтъ, обо всемъ этомъ нужно говорить и говорить! Пусть даже въ моихъ словахъ не будетъ ничего новаго, пусть я повторяю то же, что́ говорили и другіе, но есть образы, которые

чѣмъ чаще вызывать передъ обществомъ, тѣмъ лучше; есть событія, факты, поступки, о которыхъ слѣдуетъ твердить и твердить, въ надеждѣ, что авось къ голосу общества отнесутся когда-нибудь со вниманіемъ и положенъ будетъ предѣлъ тѣмъ укоренившимся порядкамъ, которые служатъ источникомъ столькихъ незаслуженныхъ страданій и влекутъ за собою массу лишнихъ жертвъ.

Я очень хорошо знаю, что для того, чтобы говорить авторитетно о нашемъ госпитальномъ дѣлѣ, нужно быть спеціалистомъ, врачомъ, и потому я вовсе не претендую на то, чтобы всѣ мои замѣчанія были безусловно вѣрны и основательны. Я желаю только подѣлиться съ читателями тѣми впечатлѣніями, которыя мнѣ пришлось въ этомъ отношеніи вынести въ первый несчастный періодъ нашей войны и передать хотя немногое изъ того, что̀ пришлось въ это время услышать отъ людей, несравненно болѣе компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, нежели я. О нашемъ госпитальномъ дѣлѣ высказались уже нѣкоторые изъ спеціалистовъ, но, къ несчастью, прекрасные труды ихъ появились въ чисто спеціальныхъ изданіяхъ, весьма мало обращающихся среди нашей читающей публики. Едва ли не единственное, что сдѣлалось извѣстно обществу, это—полныя интереса и крайне добросовѣстныя письма доктора Ильинскаго, благодаря тому, что онѣ печатались въ одной изъ самыхъ распространенныхъ нашихъ газетъ. Все же остальное, или почти все,—такъ и осталось для публики лежащимъ подъ спудомъ. Вотъ почему для читателя воспоминанія и неспеціалиста могутъ представить нѣкоторый интересъ.

Во время войны, когда не имѣешь опредѣленнаго дѣла, и единственная цѣль поближе увидѣть кровавую драму, — естественно, что устройство госпиталей прежде всего привлекаетъ вниманіе. Вы пріѣзжаете въ тотъ или другой городъ, въ Кишиневъ, Яссы, Бухарестъ, Браиловъ, Зимницу, Систово, Тырново, и первое, что̀ вы дѣлаете, вы отправляетесь осматривать госпитали. Куда

вамъ идти, чѣмъ наполнить день, что́ видѣть? Вы идете прежде всего въ госпиталь, такъ какъ тутъ волей-неволей вы встрѣтите самые горячіе слѣды войны, и вамъ кажется, что вы становитесь свидѣтелемъ всѣхъ ея ужасовъ. Вотъ почему не было такого города, такого мѣстечка, въ которомъ вы не посѣтили бы госпиталя или одного изъ его отдѣленій, если только въ немъ находилось что-либо подобное. Первое впечатлѣніе, доставленное мнѣ устройствомъ нашихъ госпиталей, было самое благопріятное. Госпитали стояли почти пустые, лежатъ нѣсколько человѣкъ, все чисто, воздухъ хорошій, бѣлье на славу, жалобъ никакихъ не раздается, такъ-что невольно въ голову приходила мысль: однако, какъ прекрасно устроена эта часть! Лицо сколько-нибудь свѣдущее, разумѣется, не сдѣлало бы такого поспѣшнаго вывода, но у человѣка, посторонняго дѣлу, другого впечатлѣнія и не могло составиться. Тѣ, которые видѣли госпитали въ то время, когда раненыхъ еще не было, или было очень мало, равно и тѣ, которые видѣли госпитали уже позже, когда были десятки тысячъ раненыхъ, но видѣли ихъ только въ такихъ мѣстахъ, какъ Тырново или Горный-Студень, тѣ, вѣроятно, такъ и остались съ тѣмъ впечатлѣніемъ, что у насъ военно-медицинская часть не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ такихъ мѣстахъ, какъ Тырново или Горный-Студень, раненымъ въ госпиталяхъ была просто благодать. Палатки прекрасныя, уходъ отличный, медикаментовъ вдоволь, бѣлье бѣлое, чистое, у каждаго своя постель, перевязки дѣлаются по нѣскольку разъ въ день, если нужно, пища прекрасная, словомъ, тамъ, гдѣ нужно было показать товаръ лицомъ, тамъ военно-медицинское управленіе оказалось вполнѣ на высотѣ своего призванія; но, Боже! какое ужасное чувство приходилось испытывать, когда изъ этихъ госпиталей случалось попадать въ какой-нибудь госпиталь, находящійся въ Систовѣ, Зимницѣ или Фратештахъ. Становилось яснымъ, какъ Божій день, что такіе госпитали, какъ въ Тырновѣ или Горномъ-Студенѣ,

устроены на показъ. Не по такимъ, разумѣется, госпиталямъ нужно судить о военно-медицинскомъ управленіи, а по тѣмъ, куда мало заглядывали, тамъ оказывались во всей силѣ неприготовленность къ дѣлу, безпечность и самое изумительное бездушіе.

Чѣмъ благопріятнѣе было, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ дѣломъ, первое впечатлѣніе, тѣмъ сильнѣе, естественно, была реакція, когда порядки нашего военно-медицинскаго управленія раскрылись для меня во всей наготѣ. Впрочемъ, не одни неопытные въ этомъ дѣлѣ люди испытывали какой-то ужасъ, смѣшанный съ негодованіемъ при посѣщеніи нашихъ госпиталей въ тотъ періодъ, когда раненые стекались сотнями и тысячами, пожалуй, еще бо́льшимъ негодованіемъ дышали врачи, всѣ усилія, энергія, добрая воля которыхъ разбивались сплошь и рядомъ о невозможность внести какой-либо порядокъ въ этотъ невообразимый хаосъ.

— Что́ я здѣсь могу сдѣлать,—говорилъ мнѣ одинъ изъ врачей систовскаго госпиталя, подавленный массою раненыхъ, — когда у меня нѣтъ въ распоряженіи ни достаточнаго числа врачей, ни госпитальной прислуги, когда медикаментовъ даже не хватаетъ, и когда несчастные остаются безъ пищи. Хоть бѣги вонъ или пускай себѣ пулю въ лобъ!—произносилъ онъ въ отчаяніи.

И нельзя не сказать — было отчего! Систовскіе военные госпитали были первые *настоящіе* наши госпитали, которые мнѣ пришлось увидѣть. Было это около 20-го августа. Масса раненыхъ, сотни, тысячи, были доставлены сюда послѣ второй Плевны, сраженія подъ Ловчею и шипкинскаго боя. Оттого-ли, что я видѣлъ тутъ впервые *настоящіе* госпитали, и не пріобрѣлъ еще достаточнаго навыка, или потому, что зрѣлище было дѣйствительно ужасно, даже и для привычнаго человѣка, но впечатлѣніе, во всякомъ случаѣ, было потрясающее. Госпитали помѣщались въ невообразимыхъ по грязи помѣщеніяхъ, страшное зловоніе обдавало васъ при самомъ входѣ, а видъ раненыхъ, валявшихся на полу, тѣсно прижатыхъ

другъ къ другу, въ грязныхъ, сплошь и рядомъ окровавленныхъ рубахахъ, съ сгнившею подстилкою изъ соломы, или какого-то подобія тюфяковъ довершали впечатлѣніе.

Какую картину представляли собою систовскіе госпитали, читатель можетъ увидѣть изъ описанія, сдѣланнаго однимъ изъ нашихъ уважаемыхъ докторовъ, который отдалъ въ мое распоряженіе свою записку о санитарной части во время войны. Къ этой запискѣ я буду обращаться еще не разъ, и, такимъ образомъ, мои личныя впечатлѣнія окажутся пополненными отзывами одного изъ самыхъ компетентныхъ людей.

„Въ этихъ-то покинутыхъ бѣжавшими турками, скорѣе лачужкахъ, нежели домахъ, по понятіямъ европейца,— говоритъ авторъ рукописной записки,—носящихъ на себѣ слѣды полнаго разрушенія, среди груды мусора и нечистотъ, и разбросаны негостепріимныя помѣщенія военновременныхъ госпиталей; и если внѣшній ихъ видъ уже наводитъ на грустныя размышленія, то внутреннее ихъ устройство, невообразимая нечистота, безурядица и хаосъ, а въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ мечети, въ которой помѣщались больные, и въ сараяхъ, безъ оконъ, кромѣшная темь,—совершенно озадачиваютъ всякаго, кто сталъ бы искать въ этихъ госпиталяхъ что-либо похожее на пріютъ для раненыхъ и больныхъ....“ Указывая на неопрятность и неряшливость, тотъ же авторъ прибавляетъ: „Пища разносилась въ ведрахъ, которые, по выполненіи этой задачи, снова наполнялись водою, предназначавшеюся для питья; раздача пищи производилась въ высшей степени неопрятными санитарами, которые въ полахъ почернѣвшихъ отъ грязи передниковъ приносили хлѣбъ и вареное мясо; моментъ передачи изъ грязныхъ рукъ санитара въ почернѣвшія, не мытыя мѣсяцами, мозолистыя отъ трудовъ, руки больныхъ и раненыхъ могъ заставить отвернуться каждаго человѣка, даже съ самыми загрубѣлыми нервами.....“

Естественно, что при такихъ условіяхъ, въ какихъ, напримѣръ, находились систовскіе госпитали,

не могло быть и рѣчи о соблюденіи какихъ-нибудь гигіеническихъ условій. Слово „война", конечно, оправдываетъ многое, но неоправдываетъ одного только отношенія къ дѣлу, которое исключительно проистекаетъ отъ крайняго легкомыслія, прикрывающагося напускною важностью. Трудно роптать, когда во время сраженія, продолжающагося день, два, среди массы раненыхъ, стекающихся на перевязочные пункты, въ дивизіонные лазареты, попадаются люди, которымъ наложили повязку кое-какъ, или даже вовсе не наложили; можно найти оправданіе, когда въ такіе дни раненыхъ оставляютъ безъ пищи,—что дѣлать, количество раненыхъ трудно разсчитать впередъ и довольно естественно, что не хватаетъ рукъ, не хватаетъ медицинскаго персонала, чтобы выполнить всѣ обязанности по отношенію къ раненымъ;—но когда то же самое встрѣчается въ мѣстахъ, отстоящихъ на большомъ разстояніи отъ мѣста военныхъ дѣйствій, гдѣ раскинуты временные военные госпитали, тогда такого рода факты представляются уже совершенно непростительными. А между тѣмъ, благодаря распорядительности военно-медицинскаго управленія, такіе факты попадались сплошь и рядомъ. Я очень хорошо помню, какъ, осматривая въ Систовѣ госпиталь, мнѣ пришлось зайти въ одинъ изъ турецкихъ домиковъ, гдѣ лежало человѣкъ двадцать раненыхъ, привезенныхъ изъ-подъ Шипки. Не возможно себѣ представить, что̀ тутъ происходило! Воздухъ такой, что у всякаго человѣка, приходившаго съ свѣжаго воздуха, начиналась тошнота, запахъ гноившихся ранъ былъ совершенно невыносимъ; раненые стонали и видимо страшно мучились. Какъ только мы вошли, со всѣхъ сторонъ послышались голоса:

— Ваше благородіе! явите божескую милость, прикажите перевязать!

— Охъ! хоть бы помереть поскорѣй!

— Мочи моей нѣтъ больше терпѣть!

Мы стали ихъ разспрашивать—и что̀ же оказалось:

сорокъ часовъ лежали они уже въ систовскомъ госпиталѣ, если не ошибаюсь № 50, и въ эти сорокъ часовъ къ нимъ ни разу не зашелъ врачъ, чтобы осмотрѣть ихъ раны и перевязать. У многихъ повязки спали и въ мѣстахъ раненій ползали черви. Больше трехъ сутокъ ихъ везли на тряскихъ телѣгахъ, и все это время они точно также оставались безъ перевязки. Въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ, которыя они лежали уже въ госпиталѣ, раненые оставались безъ всякой пищи. Словомъ, это были люди забытые, заброшенные—и гдѣ? благо бы еще близъ поля сраженія, а то въ одномъ изъ военныхъ госпиталей. Мы пошли къ старшему врачу. На него жалко было смотрѣть. Онъ нисколько не оправдывался.

— Да, можетъ быть, но я ничего не могу, насъ не хватаетъ, силъ больше нѣтъ, подумайте, вѣдь у насъ тройной комплектъ!

И дѣйствительно, тамъ, гдѣ должно было быть по положенію 420 или 630 раненыхъ, тамъ было 1000 или 1500 больныхъ. Очевидно, что когда на такую массу раненыхъ и больныхъ всего есть десять врачей или даже меньше, то человѣческія силы не выдерживаютъ, и люди по нѣскольку сутокъ остаются безъ перевязки. Виновно въ этомъ можетъ быть военно-медицинское управленіе, не способное справиться съ своей задачей, а ужъ никакъ не врачи.

Если бы такіе случаи были единичными, то о нихъ не стоило бы и упоминать. Но бѣда въ томъ, что съ такими фактами, только еще болѣе крупными, приходилось сталкиваться въ весьма многихъ мѣстахъ. По-крайней-мѣрѣ я былъ ихъ свидѣтелемъ и въ Зимницѣ, и во Фратештахъ.

Госпитали въ Зимницѣ далеко оставляли за собою систовскіе госпитали. Читателю трудно даже въ воображеніи представить себѣ ту картину, которую представлялъ собою хотя бы госпиталь № 57, раскинутый въ Зимницѣ. Нормальное число больныхъ или раненыхъ,

полагаемыхъ на каждый госпиталь, состоящій изъ трехъ отдѣленій, всего 630 человѣкъ, т.-е. по 210 человѣкъ на отдѣленіе. Въ этомъ же госпиталѣ, напримѣръ, 5-го сентября 1877 года находилось, вмѣсто 630 человѣкъ, 2886 раненыхъ. Послѣдствіемъ такого невозможнаго скопленія людей была полнѣйшая безурядица и самое жалкое состояніе, которое только можно себѣ представить, не только больныхъ и раненыхъ, но даже здоровыхъ, т.-е. врачей, сестеръ милосердія, санитаровъ и т. д. За что взяться, кого перевязывать, кому дать пищу, кто требуетъ скорѣйшей операціи—все это путалось въ головѣ, люди, воодушевленные самыми лучшими намѣреніями и безпредѣльною энергіею, терялись, опускали руки, и съ какою-то безсильною злобою, вызванною сознаніемъ физической невозможности что-либо сдѣлать, метались изъ стороны въ сторону.

— Докторъ, пожалуйста, подите вонъ въ ту палату, необходимо наложить новую повязку!

Едва онъ хочетъ идти, какъ ему кричатъ:

— Докторъ, идите скорѣе въ эту палатку, открылось сильное кровотеченіе.

— Докторъ, раненый лежитъ уже, онъ ждетъ операціи!

— Докторъ, торопитесь, скорѣй, кажется, онъ умираетъ!

И такъ цѣлый день, несчастнаго врача рвутъ на части, голова идетъ кругомъ, онъ превратился въ какую-то машину, каждую минуту готовую лопнуть.

Такую же адскую службу несли сестры милосердія, студенты и всѣ тѣ, которые находились при одномъ изъ подобныхъ госпиталей. Нужно было обладать сверхъестественными силами, чтобы выдерживать эту пытку. Если не было сверхъ-естественныхъ силъ, за то было особенное самоотверженіе, замѣнявшее ихъ.

Но если таково было положеніе здоровыхъ людей, ходившихъ за больными и ранеными, то каково же было положеніе этихъ послѣднихъ. Нужна была необыкновен-

ная привязанность къ жизни, чтобы каждый изъ этихъ раненыхъ двадцать разъ не пожелалъ себѣ смерти, чтобы каждый много разъ не пожалѣлъ, что непріятельская пуля не уложила его на мѣстѣ.

Всѣ палатки были такъ переполнены, что, казалось, точно одинъ раненый лежитъ на другомъ. Разстоянія между больными не существовало, волей-неволей одинъ толкалъ другого и часто причинялъ самую острую боль, то-и-дѣло вызывавшую мучительные стоны. Казалось бы, что хуже такого положенія для раненыхъ быть не можетъ. Грязь, вонь, отвратительный, удушливый воздухъ, милліоны всевозможныхъ насѣкомыхъ, отсутствіе всякой пищи въ теченіи 12—15-ти часовъ, со всѣхъ сторонъ жалобы, слезы; раны гноятся, ихъ не перевязываютъ, вездѣ кровь, страданіе, чего же кажется еще больше! И все же эти раненые, лежавшіе въ палаткахъ, на какихъ-то тонкихъ и грязныхъ подстилкахъ, были сравнительно съ другими еще наиболѣе счастливыми! Вокругъ этихъ палатокъ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженъ, на землѣ, безъ всякаго пріюта, безъ ухода, валялись въ изорванномъ платьѣ, въ окровавленномъ бѣльѣ сотни изнуренныхъ, истощенныхъ страдающихъ раненыхъ. Одинъ метался въ жару, другой трясся отъ холода, третій въ забытьи, съ безсмысленнымъ взоромъ, лежалъ безъ всякаго движенія; тѣ же, которыхъ силы не были еще окончательно надломлены, жалобно смотрѣли на проходившаго мимо врача и на каждомъ шагу осаждали его слишкомъ законными просьбами.

— Будьте отцомъ роднымъ, прикажите перемѣнить рубаху, она такъ и рѣжетъ меня.

Врачъ останавливался, убѣждался, что рубашка до того обильно пропиталась кровью, что превратилась во что-то жосткое, точно рогожа, и, естественно, была невыносима для раненаго, удесятеряя его страданіе.

— Прикажу, прикажу! — было отвѣтомъ, раненый успокоивался, и врачъ проходилъ далѣе.

— Ну что́ я могу сдѣлать: вы слышали, что я обѣ-

щалъ ему перемѣнить бѣлье, а между тѣмъ я не въ силахъ сдержать обѣщанія, у насъ нѣтъ бѣлья.

Нѣсколько шаговъ дальше опять мольба.

— Ваше благородіе, меня жжетъ всего, прикажите перевязать, нѣтъ силъ больше терпѣть!

Черви наполняютъ рану этого больного, но дѣлать нечего, онъ не одинъ,—ихъ сотни, рукъ не хватаетъ; врачи мучатся нравственно, больные мучатся физически.

Среди двухъ-трехъ группъ идетъ перевязка.

— Ну, какой прокъ будетъ отъ этой перевязки,— говоритъ мой спутникъ,—взгляните на эту воду, она мутная, грязная, а другой у насъ нѣтъ. Перевязка происходитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ большой дороги, гдѣ пыль стоитъ столбомъ, и пыль эта попадаетъ въ раны.

— Просто хоть вонъ бѣги отсюда, все-равно—никакого прока! Для того, чтобы показать, что впечатлѣніе посторонняго дѣлу медицины человѣка было довольно схоже съ впечатлѣніемъ опытнаго врача, я приведу отзывъ о госпиталяхъ въ Зимницѣ, сдѣланный въ запискѣ нашего доктора: „Къ сожалѣнію, по случаю постояннаго переполненія ихъ двойнымъ, а часто и тройнымъ противъ комплекта кроватей числомъ раненыхъ и больныхъ, не говоря уже о томъ, что кровати были размѣщены тѣсно, и что многимъ приходилось лежать на землѣ— мы были поражены необыкновенно примитивнымъ устройствомъ отхожихъ мѣстъ, повидимому, никогда не дезинфектируемыхъ, отъ которыхъ несло во всѣ стороны, сообразно направленію вѣтра; многимъ раненымъ, въ особенности диссентерикамъ, приходилось отправлять свои потребности вокругъ палатокъ, въ особенности ночью. Отъ долговременнаго пребыванія палатокъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, земля успѣла уже пропитаться кровью, гноемъ и неизбѣжными госпитальными міазмами...“

Точный снимокъ съ того, что происходило въ Зимницѣ, пришлось увидѣть и во Фратештахъ. Въ тотъ день, въ который я осматривалъ госпиталь, тамъ нахо-

дилось, вмѣсто 630 человѣкъ, больныхъ и раненыхъ свыше 3000 человѣкъ. Естественно, что и тутъ точно также люди валялись на землѣ въ грязи, и тутъ они оставались безъ пищи, безъ перевязки, словомъ—подвергались такимъ страданіямъ, которыя должны были заставить содрогнуться каждаго даже самаго невозмутимаго человѣка. Несмотря на энергическую помощь, которую оказывалъ здѣсь „Красный Крестъ", картина была все-таки по-истинѣ вопіющая. „Вышедши изъ перевязочнаго барака,—говоритъ докторъ Ильинскій,—я былъ пораженъ безотраднымъ зрѣлищемъ: около самаго барака, со стороны, противоположной линіи желѣзной дороги, на соломѣ, въ грязи лежитъ масса раненыхъ и больныхъ подъ открытымъ небомъ. Все это прибывшіе сегодня, еще не осмотрѣнные раненые; врядъ ли ихъ успѣютъ осмотрѣть и завтра. Большая часть ихъ пришла пѣшкомъ, остальные на подводахъ. Около нихъ никого не было, и по разспросамъ я узналъ, что они безъ пищи болѣе сутокъ, здѣсь ихъ было раненыхъ около 300; около товарной платформы то же зрѣлище: раненые и больные подъ открытымъ небомъ на соломѣ, нѣкоторые безъ соломы—всѣ въ чаяніи перевязокъ"...

Чѣмъ, спрашивается, такія картины отраднѣе тѣхъ, описаніе которыхъ мы находимъ въ „Исторіи Восточной войны" генерала М. И. Богдановича: „Цѣлая половина Симферополя обратилась въ громадный госпиталь, переполненный ранеными и больными; число первыхъ впослѣдствіи доходило до 18-ти тысячъ, а больныхъ къ марту 1855 года набралось до девяти тысячъ. Но и тамъ, по недостатку медицинскихъ средствъ, больные находились въ бѣдственномъ положеніи. Нерѣдко приходилось имъ, по прибытіи въ Симферополь, проводить на повозкѣ полдня и болѣе; затѣмъ, не снимая съ нихъ окровавленнаго платья, ихъ укладывали, за неимѣніемъ постелей, на полу, на рогожи или на солому. Госпитальная прислуга была крайне плоха. Изъ тысячи служителей, постоянныхъ было не болѣе ста; остальные же назнача-

лись временно изъ выздоровѣвшихъ, либо изъ музыкантовъ, и смѣнялись, еще не успѣвъ привыкнуть къ госпитальной службѣ".

При описаніи состоянія госпитальнаго дѣла во время Восточной войны, это — одно изъ выдающихся мѣстъ. Можно ли сказать, что военно-медицинское управленіе нашего времени сдѣлало по сравненію съ тѣмъ временемъ громадный успѣхъ? Въ этомъ позволительно усомниться послѣ всего того, чему всѣ мы были свидѣтелями въ Румыніи и Болгаріи. Несомнѣнно только одно, что въ то время никто заранѣе не провозглашалъ, что санитарная часть находится въ отличномъ состояніи, между тѣмъ какъ теперь, при началѣ войны, громогласно объявлялось, что военно-временные госпитали „отлично устроены" и что все санитарное дѣло вполнѣ „согласно съ современнымъ состояніемъ науки".

Быть можетъ, впрочемъ, военно-медицинское управленіе не причемъ въ этомъ чрезвычайномъ переполненіи госпиталей и въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ находились наши раненые. Но, къ сожалѣнію, этого никакъ нельзя сказать. Переполненіе госпиталей, такъ пагубно отзывавшееся на нашихъ больныхъ и раненыхъ воинахъ, находилось въ прямой зависимости отъ тѣхъ распоряженій, которыя дѣлались относительно распредѣленія госпиталей. Въ данной мѣстности, гдѣ должны были быть развернуты госпитали, они развернуты не были, а тамъ, гдѣ въ нихъ представлялось наименѣе надобности, тамъ они существовали. Несмотря на то, что съ самаго почти начала раздавались голоса весьма компетентныхъ людей, требовавшихъ, чтобы какъ въ Болгаріи, такъ въ особенности въ Румыніи, было развернуто большое количество госпиталей, военно-медицинское управленіе оставалось глухо къ этимъ требованіямъ, какъ почти ко всѣмъ остальнымъ. Повидимому, оно весьма мало смущалось тѣмъ, что въ томъ или другомъ госпиталѣ число раненыхъ превышало въ три-четыре раза нормальное число больныхъ, по крайней мѣрѣ, для устра-

ненія такого несчастнаго стеченія оно не принимало своевременныхъ мѣръ. Конечно, очень возможно, что военно-медицинское управленіе растерялось при видѣ все увеличивавшагося числа раненыхъ, котораго оно могло не ожидать, что оно не приготовлено было къ такимъ цифрамъ, но въ томъ-то и дѣло, что оно обязано было быть предусмотрительнѣе, тѣмъ болѣе, что предусмотрительность тутъ вовсе не требовала никакой особой геніальности.

Мнѣ приходилось слышать такое разсужденіе:

— Мы не можемъ развернуть теперь бо́льшее количество госпиталей, мало ли что можетъ еще случиться въ будущемъ, и тогда мы останемся безъ всякихъ средствъ.

— Помилуйте, возражали, чего же еще ждать, когда въ госпиталѣ, вмѣсто 630 человѣкъ, валяется сплошь и рядомъ 1500, 2000 и даже 3000 человѣкъ.

Повидимому, такіе факты не были еще достаточно убѣдительны для военно-медицинскаго управленія, и оно, не смущаясь, продолжало утверждать, что санитарная часть находится въ самомъ блестящемъ положеніи. Что́ же, однако, говорятъ люди компетентные? Авторъ рукописной записки замѣчаетъ: „Итакъ, 22 военно-временныхъ госпиталя, о которыхъ такъ громко было заявлено военнымъ вѣдомствомъ въ началѣ войны, съ своими 13,860 госпитальными помѣщеніями оказались недостаточными! И неужели же этого нельзя было предвидѣть... численность заболѣваній арміи можно было предсказать напередъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, въ виду тѣхъ санитарныхъ условій, съ которыми предстояло бороться нашей славной арміи въ мѣстности, искони знакомой намъ, какъ нездоровой, по прежнимъ войнамъ, а тѣмъ болѣе не только предугадать, но положительно знать, что нашъ госпитальный бытъ и у себя дома, строго говоря, съ гигіеной очень мало имѣющій общаго, тамъ же, внѣ родины, на полѣ брани, не могъ выдержать не только научной, но и обыкновенной, даже фельетонной, критики“. Въ такомъ же смыслѣ, хотя и въ болѣе мягкой формѣ высказался профессоръ Склифасовскій въ сво-

ихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ“ и посвященныхъ вопросу о перевозкѣ раненыхъ и госпитальномъ дѣлѣ на войнѣ: „Своевременное и цѣлесообразное распредѣленіе военно-временныхъ госпиталей на театрѣ военныхъ дѣйствій составляетъ одну изъ трудныхъ задачъ полевой военно-медицинской администраціи. Нельзя сказать, что задача эта разрѣшилась удовлетворительно во время настоящей войны. Мы видѣли чрезмѣрное переполненіе госпиталей, вслѣдствіе недостаточнаго числа ихъ и несоотвѣтственнаго территоріальнаго распредѣленія. Вѣроятно, полевое военно-медицинское управленіе получало извѣщеніе о предстоящихъ дѣлахъ и посвящаемо было заранѣе въ тѣ планы, сообразно съ которыми слѣдовало распредѣлять госпитальныя учрежденія. Если, несмотря на это, госпитали распредѣлялись не во-время и не цѣлесообразно, вина падаетъ на медицинскую администрацію. Здѣсь мы указываемъ на явленіе, которое, по нашему мнѣнію, составляетъ ближайшую причину многихъ упущеній и недоразумѣній въ области полевой военно-медицинской администраціи, — именно, на *дуализмъ* во главѣ администраціи. Полевой военно-медицинскій инспекторъ есть врачъ; а полевой инспекторъ госпиталей есть генералъ-маіоръ, никогда, можетъ быть, въ жизни своей не интересовавшійся госпитальнымъ дѣломъ, и, не получивши спеціальнаго медицинскаго образованія, не имѣющій средствъ изучить это дѣло основательно. Выборъ мѣста для военно-временныхъ госпиталей, открываніе ихъ, снабженіе всѣмъ необходимымъ для веденія хозяйственной части въ госпиталяхъ, однимъ словомъ, все дѣло организаціи тѣхъ учрежденій, въ которыхъ должны функціонировать врачи, въ которыхъ будутъ помѣщены тысячи раненыхъ, здоровье и жизнь которыхъ довѣряется врачебному персоналу, — все это дѣло отдано въ руки лица некомпетентнаго“...

Но недостаточное количество развернутыхъ госпиталей вблизи театра военныхъ дѣйствій и, связанное съ

этимъ обстоятельствомъ, чрезмѣрное переполненіе ихъ ранеными и больными воинами представляется далеко не единственнымъ фактомъ, въ которомъ выразилась неприготовленность военно-медицинскаго управленія и крайне плохое состояніе этой важной части военной организаціи. Пусть бы ужъ было недостаточное количество госпиталей, пусть разпредѣленіе ихъ было неправильное, но были ли эти госпитали такими, какими они должны быть при порядочномъ устройствѣ военно-медицинской части? Къ сожалѣнію, и этого не было. Въ понятіе сформированнаго госпиталя входитъ не только извѣстное количество палатокъ съ извѣстнымъ количествомъ постелей, но также опредѣленное число врачей, именно — десять, опредѣленное количество инструментовъ, аптека, бѣлье, двѣ смѣны на полный комплектъ, котлы для варки пищи, извѣстный запасъ перевязочныхъ средствъ и т. д. Когда всего этого нѣтъ, тогда — строго говоря — и нѣтъ госпиталя. Между тѣмъ, во время послѣдней войны военно-медицинское управленіе объявляло, что такой-то госпиталь сформированъ, въ то время, когда у этого госпиталя не было штатнаго числа докторовъ, ни бѣлья, ни инструментовъ, ни лекарствъ, а между тѣмъ въ такой госпиталь начинали сотнями, чуть не тысячами, подвозить раненыхъ. Когда на полторы, на двѣ тысячи человѣкъ оказываются одинъ главный докторъ да два-три ординатора, не располагающихъ никакими средствами, тогда все равно, что нѣтъ госпиталя. При такихъ условіяхъ не мудрено, что люди по восьми сутокъ оставались безъ перевязки, на которую у трехъ-четырехъ врачей не было времени. Волей-неволей, они могли подавать помощь только наиболѣе труднымъ больнымъ, наиболѣе тяжело раненымъ. Да не подумаетъ читатель, что подобныхъ фантастическихъ госпиталей вовсе не существовало. Чтобы не быть голословнымъ, я укажу, какъ на примѣръ, на 8-й госпиталь, развернутый въ Тырново именно при такихъ несчастныхъ условіяхъ. Доктора, прикомандированные къ этому госпиталю, до сихъ поръ не

могутъ вспомнить безъ ужаса о томъ, что̀ въ нихъ происходило. Существованіе подобныхъ госпиталей служитъ лишнимъ доказательствомъ, что въ военно-медицинскомъ управленіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ, многое, что̀ выходило весьма красиво на бумагѣ, въ дѣйствительности выходило далеко не такъ красиво. Мнѣ, разумѣется, по поводу такихъ фактовъ, могутъ сдѣлать довольно рутинное возраженіе: „вы, значитъ, не знаете, что̀ такое война! — всякія оплошности, промахи на войнѣ слишкомъ возможны!“ Пусть такъ. Я готовъ даже согласиться, что подобные случаи были исключеніями, хотя, строго говоря, и такихъ „исключеній“ не должно было существовать. Возьмемъ не исключенія и спросимъ: каково было состояніе обыкновенныхъ военно-временныхъ госпиталей? Очень печальное, крайне жалкое, — вотъ что̀ слѣдуетъ отвѣтить. Заходя въ любой госпиталь и заговаривая съ тѣмъ или другимъ врачомъ, вы впередъ могли быть увѣрены, что услышите самыя горькія жалобы на общее положеніе госпиталя.

— Наше дѣло, — говорили не разъ, — съ каждымъ днемъ становится невыносимѣе. Не говоря уже о томъ, что нашъ персоналъ слишкомъ малъ и совершенно не отвѣчаетъ числу больныхъ и раненыхъ, но мы нуждаемся въ самомъ необходимомъ. Не говоря уже о томъ, что у насъ нѣтъ усовершенствованныхъ перевязочныхъ средствъ, нѣтъ шинъ, нѣтъ лубковъ, но у насъ не хватаетъ такихъ простыхъ средствъ, какъ гигроскопическая вата, вощанки, и сплошь и рядомъ даже такихъ необходимыхъ медикаментовъ, какъ хининъ, карболовая кислота и т. п. Что̀ же вы станете дѣлать? — бьешься какъ рыба объ ледъ, а прока никакого. Спасибо еще „Красному Кресту“ — хоть онъ помогаетъ, чѣмъ можетъ, а то совсѣмъ скверно пришлось бы.

Относительно перевязочныхъ средствъ, нѣкоторыхъ медикаментовъ, „Красный Крестъ“ дѣйствительно оказывалъ военнымъ госпиталямъ серьёзную помощь, и часто, безъ этой помощи, врачи военныхъ госпиталей не знали

бы, что̀ и дѣлать. Но всего однако „Красный Крестъ“ давать не могъ, а военные госпитали нуждались почти во всемъ. Аптекъ нѣтъ, или самыя бѣдныя, инструменты плохіе,—послѣ одной, двухъ операцій, сплошь и рядомъ оказывались никуда негодными, въ бѣльѣ постоянная нужда, о необходимой даже перемѣнѣ нельзя было и думать, котловъ мало,— словомъ, самая грустная госпитальная обстановка, какую только можно себѣ представить.

На пищевое довольствіе точно также приходилось слышать постоянныя жалобы отъ врачей.

— Отъ этой рутины, отъ этой казенщины, отъ всей этой китайской формалистики просто житья нѣтъ,—говорили они.—Представьте себѣ такое положеніе: больной поступаетъ въ госпиталь, прежде всего сплошь и рядомъ его нужно накормить, такъ какъ вслѣдствіе голода является упадокъ силъ, которыхъ у раненаго и безъ того не много. Не тутъ-то было. Не угодно ли прежде, чтобы больной былъ записанъ, чтобы затѣмъ была составлена вѣдомость, чтобы послѣдовало затѣмъ приказаніе, и тогда только больной имѣетъ право получить продовольствіе. Порція, видите ли, полагается дневная, опредѣляется заранѣе, такъ-что кто попадаетъ въ госпиталь часовъ въ 12-ть, то сплошь и рядомъ до 7-ми часовъ утра слѣдующаго дня остается безъ пищи. А если вы прибавите къ такимъ „порядкамъ“ еще безпорядки, то и выйдетъ, что больные часовъ по тридцати, а подъчасъ и болѣе, остаются безъ пищи!

Глубоко ошибется тотъ, который подумаетъ, что такіе отзывы преувеличены, что они вызваны только раздраженіемъ минуты, когда все, что̀ совершается вокругъ, представляется въ несравненно болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Справедливость подобныхъ жалобъ на военно-медицинское управленіе подтверждается свидѣтельствами лицъ вполнѣ компетентныхъ, спокойныхъ, заносившихъ жалобы на бумагу вдали уже отъ театра военныхъ дѣйствій, въ тиши кабинета. Вотъ,

между прочимъ, что̀ говоритъ уважаемый авторъ доставленной мнѣ записки: „Хозяйственная часть военно-госпитальныхъ лазаретовъ оставляетъ желать, какъ извѣстно, многаго. Недостатки интендантскаго довольствія кидались въ глаза каждому и повсюду, въ особенности—какъ мы это много разъ замѣчали—госпитали были скудно снабжены бѣльемъ и хозяйственною утварью. Бѣлье не выдерживало часто ни одной стирки даже, рубахи не закрывали и половины живота, а исподнее бѣлье кроилось чуть ли не на дѣтскій ростъ... Освященные временемъ формальности, своеобразность воззрѣній коммиссаровъ и смотрителей на ихъ обязанности много доставляли тревогъ и неудовольствій главнымъ врачамъ госпиталей; чтобы получить фонарь для встрѣчи ожидавшагося ночью транспорта раненыхъ—слѣдовало входить съ „представленіемъ" въ госпитальный комитетъ, ждать „разрѣшенія", „предписанія"—и потомъ уже слѣдовало исполненіе, ежели только комитетъ проникался убѣжденіемъ, что требуемое не терпитъ отлагательства. О несвоевременности, посему, снабженія госпиталей необходимымъ инвентаремъ, какъ-то: палатками, шатрами, говорить нéчего... Едвали возможно,—говорится далѣе въ запискѣ,—согласиться и съ тѣмъ, что перевязочныхъ (собственно хирургическихъ) средствъ было повсюду вдоволь; въ Систовѣ и въ Зимницѣ—напримѣръ, въ концѣ іюля—не было ни ваты, ни дренажа; въ операціонныхъ—мы напрасно искали карболизованныхъ струнъ, марли, салициловой ваты, шинъ; правда, мы видѣли замѣну простой ваты—гигроскопической, за недостаткомъ простой, при обвертываніи, напримѣръ, цѣлой конечности, и вмѣсто рѣшетокъ, для устраненія давленія одѣялъ, обручи отъ обыкновенныхъ бочекъ...."

Наконецъ, что касается пищи въ госпиталяхъ, то тотъ же авторъ весьма сдержанно замѣчаетъ: „что касается собственно продовольствія, то, независимо отъ неисправнаго поступленія продуктовъ, качество послѣднихъ бывало часто болѣе чѣмъ сомнительно, что̀ застав-

ляло врачей постоянно составлять акты и вооружаться слабыми аргументами *ихъ права* быть *услышанными* тѣми, кому это вѣдать надлежало".

Но какъ ни прискорбны всѣ тѣ факты, на которые указываютъ люди компетентные въ нашемъ госпитальномъ дѣлѣ, всѣ эти факты – ничто, по сравненію съ тою системою транспортировки раненыхъ, которая практиковалась во время послѣдней войны. Эта перевозка раненыхъ представляется тяжелымъ грѣхомъ, отвѣтственность за который всецѣло ложится на военно-медицинское управленіе. Кто не видѣлъ во-очію этихъ транспортовъ съ ранеными, кто не слышалъ этого невыносимаго скрипа несмазанныхъ телѣгъ, сливавшагося съ мучительными стонами несчастныхъ, страданія которыхъ, казалось, усиливались съ каждымъ оборотомъ колеса, кто не видѣлъ этихъ изнуренныхъ лицъ, отражавшихъ на себѣ невыносимыя муки,—тому никогда не понять того негодованія, той злобы, которую вызывали лица или порядки, виноватые въ такомъ бездушномъ отношеніи къ людямъ, отдавшимъ безропотно свою жизнь въ жертву родинѣ.

Ни въ чемъ и нигдѣ такъ ярко не сказались неприготовленность, беззаботность и неспособность военно-медицинскаго управленія, какъ въ дѣлѣ перевозки раненыхъ. О чемъ оно думало до начала войны, сказать, разумѣется, трудно, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что о перевозкѣ раненыхъ оно вовсе не думало. А если думало, то тѣмъ хуже, значитъ существовали другія причины, почему это дѣло было поставлено такимъ вопіющимъ образомъ.

При какихъ же, спрашивается, условіяхъ производилась перевозка раненыхъ и больныхъ воиновъ какъ съ мѣста сраженія въ ближайшіе военно-временные госпитали, такъ и эвакуація ихъ въ госпитали, находившіеся внутри Россіи?

Мнѣ нѣтъ, я полагаю, надобности подробно говорить о перевозочныхъ средствахъ нашей арміи. Едва ли ко-

му-либо изъ читателей не приходилось уже много разъ читать о томъ, вполнѣ примитивномъ и безчеловѣчномъ способѣ перевозки, который практиковался во время послѣдней войны. Кто не знакомъ теперь съ этими отвратительными телѣгами, не устланными часто ни сѣномъ, ни соломой, на которыя бросали нѣсколькихъ раненыхъ и часто тяжело раненыхъ, съ раздробленіемъ костей. Не нужно обладать богатою фантазіею, чтобы живо представить себѣ положеніе несчастныхъ, отданныхъ на заботливое попеченіе военно-медицинскаго управленія, которое ничего лучше этихъ телѣгъ, этого орудія пытки, для нихъ не приготовило. И не часъ, не два, а три, четыре дня, оставались эти раненые въ мучительномъ пути. Вотъ ужъ когда, по-истинѣ, можно было сказать, что везли не людей, отдавшихъ свою жизнь родинѣ, а только „пушечное мясо". Немного было счастливцевъ, которые попадали въ дивизіонныя линейки, или въ линейки „Краснаго Креста", приспособленныя для перевозки раненыхъ, громадный же процентъ, вся масса больныхъ и раненыхъ испытала на себѣ весь ужасъ тряскихъ телѣгъ.

Но вовсе не исключительно однѣми телѣгами исчерпывались всѣ бѣдствія перевозки, обусловливавшіяся дурною организаціею этой важнѣйшей части санитарнаго дѣла. Мнѣ случалось встрѣчать транспорты раненыхъ въ триста, четыреста человѣкъ, и при такомъ транспортѣ находился всего одинъ врачъ съ двумя фельдшерами. Существовала ли какая-нибудь возможность для этого врача перевязывать всѣхъ раненыхъ на пути? Очевидно, нѣтъ. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, существовала возможность въ экстренныхъ случаяхъ подать медицинскую помощь, а вѣдь были же транспорты, которые шли вовсе безъ врача. Мудрено ли, что изъ такихъ транспортовъ вынимали иной разъ не живыхъ людей, а окоченѣлые трупы.

Дѣлались ли какія-нибудь распоряженія о пріемѣ раненыхъ? Должны были дѣлаться, но зачастую не дѣла-

лись. Результатомъ такой необычайной распорядительности было то, что раненыхъ, какъ это было послѣ Плевны, двое сутокъ везли до Систова, а по прибытіи въ Систово оказывалось, что нѣтъ мѣста для вновь прибывшихъ, что госпитали и безъ того вмѣщаютъ въ себѣ тройной и болѣе комплектъ.

Приходится везти дальше, но раненые въ продолженіи двухъ сутокъ оставались безъ пищи, они голодны, ихъ нужно накормить, но вопросъ—какъ? если накормить весь транспортъ, то госпитальные раненые и больные останутся безъ пищи. „Красный Крестъ", правда, являлся подъ-часъ на помощь, но помощь его слишкомъ часто не могла быть достаточна.

Если бы транспорты были устроены сколько-нибудь человѣчно, то за ними слѣдовали бы походныя кухни, но о нихъ не было и помину.

Чего, кажется, хуже транспорта, состоящаго изъ тряскихъ, несмазанныхъ, жесткихъ телѣгъ, транспорта безъ врача, безъ пищи, и все же мы умудрились изобрѣсти транспортъ еще болѣе мучительный, еще болѣе безчеловѣчный. Это транспортъ пѣшихъ. Въ то время, когда я былъ въ Зимницѣ, при мнѣ пришли послѣ третьей Плевны 574 человѣка раненыхъ, отправленныхъ изъ Булгарени пѣшкомъ. Въ теченіи пяти дней они не были перевязаны, въ теченіи пяти дней ихъ почти не кормили. Какой видъ былъ у этихъ людей, я отказываюсь передать читателю, не чувствуя въ себѣ на то силы. Ихъ отправили пѣшкомъ, говоря, что это легко раненые. Среди этихъ легко раненыхъ было множество съ раздробленіемъ кости въ верхнихъ конечностяхъ. Что̀ перенесли эти „легко" раненые, о томъ лучше не говорить.

Но противъ всего этого, вѣроятно, скажутъ: иная транспортировка раненыхъ съ мѣста сраженія невозможна, нельзя же къ полю битвы подвезти нѣсколько тысячъ линеекъ. Хотя такой аргументъ представляется вовсе не убѣдительнымъ, такъ какъ нѣтъ и надобности

подвозить къ полю битвы нѣсколько тысячъ линеекъ, чтобы перевозка совершалась болѣе гуманнымъ образомъ; но допустимъ, что транспортировка раненыхъ съ мѣста сраженія обставлена совсѣмъ особыми условіями, не допускающими заранѣе точнаго опредѣленія цифры раненыхъ, но дѣло въ томъ, что подобный способъ перевозки раненыхъ существовалъ не только съ поля битвы до военно-временнаго госпиталя, но существовалъ во всемъ своемъ безобразіи и между двумя постоянными пунктами, было ли то между Тырновымъ и Систово, или между Зимницей и Фратештами. Сколько, спрашивается, погибло лишнихъ жертвъ благодаря тому, что военно-медицинское управленіе ничего не сдѣлало, чтобы перевозка раненыхъ была сколько-нибудь сносно организована. Сколько разъ мнѣ приходилось видѣть въ госпиталяхъ умиравшихъ людей, про которыхъ доктора говорили:—Онъ никогда бы не умеръ отъ раны, если бы только перевозка была иначе устроена!

Говоря о транспортировкѣ раненыхъ, нельзя также не упомянуть о перевозкѣ ихъ по желѣзнымъ дорогамъ. Тутъ существовало рѣзкое различіе между санитарными поѣздами „Краснаго Креста“ и военно-санитарными поѣздами. Насколько хороши были первые, настолько же отвратительны вторые. Первые были устроены со всѣми удобствами, нѣкоторые даже съ роскошью и изяществомъ, но, къ сожалѣнію, по количеству раненыхъ ихъ было слишкомъ мало. Военно же санитарные поѣзды были лишены всякихъ удобствъ, всякихъ приспособленій для раненыхъ. Ихъ размѣщали въ вагоны третьяго класса, слегка устланные соломою. Военно-санитарные поѣзды шли сплошь и рядомъ съ однимъ лишь врачомъ, и притомъ вагоны, по крайней мѣрѣ, въ первое время, не были соединены между собою, вслѣдствіе чего между станціями оказывалось совершенно невозможнымъ произвести перевязку или принять мѣры для остановки открывшагося кровотеченія, когда къ тому представлялась существенная необходимость. При такихъ поѣздахъ не су-

ществовало ничего похожаго на кухню, такъ что раненые лишены были часто самаго необходимаго и зачастую оставались безъ пищи.

Правда, лицо, сопровождавшее поѣздъ, обязано было давать знать коменданту на той или другой станціи, о прибытіи въ такое-то время такого-то числа раненыхъ и о приготовленіи извѣстнаго количества порцій, но слишкомъ часто такія увѣдомленія оставались безъ всякихъ послѣдствій. Поѣздъ приходилъ, а пища не была приготовлена.

Въ такомъ прискорбномъ состояніи находилась перевозка раненыхъ во время послѣдней войны. Между тѣмъ транспортировка раненыхъ представляется однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій при организаціи военнаго дѣла.

Каждый разъ, что вблизи театра войны заходилъ разговоръ о транспортировкѣ раненыхъ, защитники военно-медицинскаго управленія говорили:

— Да не забывайте вы, пожалуйста, что мы ведемъ войну не въ Германіи, не во Франціи, а въ Турціи, а условія войны въ Турціи совершенно особыя, ставящія насъ въ исключительное положеніе. Страна эта нецивилизованная, полудикая, лишающая насъ всякихъ средствъ поставить дѣло на иныхъ основаніяхъ!

Но такое возраженіе было явно несостоятельно. Въ томъ-то и дѣло, что хорошо организованная система съумѣетъ приспособиться и къ невыгоднымъ условіямъ, а дурная система той или другой отрасли управленія не найдется и среди самыхъ благопріятныхъ условій. Война съ Турціей не была сюрпризомъ для военно-медицинскаго управленія. Время, чтобы приготовиться къ ней, было слишкомъ достаточно, больше чѣмъ нужно, чтобы предупредить такіе возмутительные факты, какъ перевозка раненыхъ въ отвратительныхъ телѣгахъ, безъ всякихъ приспособленій, какъ оставленіе ихъ въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ безъ пищи и перевязки, какъ скопленіе ихъ въ госпиталяхъ въ такихъ размѣрахъ, что раненые по

недѣлямъ должны валяться въ грязи, въ пыли, въ жаръ и въ непогоду, безъ всякой медицинской помощи, испытывая самыя невѣроятныя лишенія и страданія. Едва ли военно-медицинское управленіе въ силахъ будетъ когда-либо оправдаться противъ такихъ обвиненій. И наконецъ то, на что̀ мнѣ пришлось указать, это только еще двадцатая доля, да даже и не двадцатая, — того, что̀ было въ дѣйствительности.

Чтобы меня никто не обвинилъ въ преувеличеніи и въ слишкомъ пессимистическомъ взглядѣ на дѣятельность военно-медицинскаго управленія относительно перевозки раненыхъ, я приведу въ заключеніе нѣсколько строкъ изъ труда профессора Склифасовскаго, посвященнаго тому же вопросу. „Что̀ же мы сдѣлали, — спрашиваетъ авторъ, — для перевозки раненыхъ по грунтовымъ и шоссейнымъ дорогамъ? Почти ничего. У насъ есть нѣсколько госпитальныхъ линеекъ; но число ихъ такъ ограничено сравнительно съ дѣйствительною потребностью, что онѣ составляютъ самое скромное подспорье при перевозкѣ раненыхъ. При современномъ огнестрѣльномъ оружіи каждая битва даетъ очень большія потери въ людяхъ. Для перевозки раненыхъ мы употребляемъ обыкновенныя интендантскія повозки, которыми пользуются для перевозки тяжестей въ походѣ, и крестьянскія телѣги, въ которыхъ иногда только встрѣчаются лошади, а обыкновенно — волы. Никакихъ приспособленій на этихъ повозкахъ не дѣлается. Хорошо, если можно бывало подостлать соломы; не то и безъ соломы обходились. Это первобытный способъ перевозки раненыхъ, который употреблялся въ прежнее время и который въ Сербіи, въ прошедшемъ году, вызывалъ въ насъ чувство негодованія..... Если картины, представляемыя первобытнымъ способомъ перевозки раненыхъ на воловыхъ телѣгахъ, по дурной дорогѣ и въ ненастную погоду, возмущаютъ наблюдателя вообще, то какъ тяжело онѣ дѣйствуютъ на чувства врача, сознающаго, къ тому же, громадный вредъ, причиняемый больнымъ и раненымъ...“ Этотъ вредъ и выражался въ томъ, что сплошь

и рядомъ вмѣстѣ съ ранеными въ госпиталь привозили трупы.

Указывая на то, что „мы производимъ эвакуацію ради эвакуаціи, но не ради удобствъ и разумной помощи раненымъ“, что раненые въ пути по нѣскольку дней голодали, вслѣдствіе того, что не были надлежащимъ образомъ организованы питательные пункты, что „многое дѣлалось какъ-то странно, не ради сущности дѣла, а для дѣланія“, профессоръ Склифасовскій указываетъ также и на то, что, помимо перевозочныхъ средствъ, „перевозка раненыхъ въ Болгаріи страдаетъ еще отъ недостатка правильной и прочной организаціи дѣла. Владѣя желѣзной дорогой и телеграфной проволокой, мы отправляемъ цѣлые поѣзды раненыхъ, предоставляя ихъ случайности. Отправленный изъ N поѣздъ можетъ попасть въ госпиталь А, а можетъ и не попасть въ него, застрянувъ въ госпиталѣ Б. Подобное явленіе непростительно. Оно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи строгой организаціи дѣла, или, можетъ быть, объ отсутствіи лицъ, проникнутыхъ чувствомъ законности, и вполнѣ подготовленныхъ для правильнаго веденія дѣла“.

Выводъ этотъ относится ко всей дѣятельности военно-медицинскаго управленія. Тому, кто былъ вблизи театра военныхъ дѣйствій, кто видѣлъ во-очію порядки военно-медицинскаго управленія, выразиться объ этихъ порядкахъ въ болѣе мягкой формѣ рѣшительно невозможно. Споръ можетъ быть только въ одномъ — виноваты отдѣльныя лица или виновата вся система? Обвинять отдѣльныя лица, по-моему, едва ли было бы справедливо въ виду той гармоніи, которая существовала между всѣми частями военной организаціи.

„Третья“ Плевна, перевязочные пункты, госпитали, безконечные транспорты съ ранеными — таковы были послѣднія впечатлѣнія, которыя я уносилъ, оставляя театръ войны. Жутко становилось отъ всего видѣннаго

и слышаннаго. Жутко не потому, чтобы я не вѣрилъ въ конечный успѣхъ нашего оружія, — жутко потому, что съ большею ясностью, чѣмъ когда-либо прежде, для меня раскрылись всѣ печальныя стороны, вся горечь нашего домашняго неустройства. Среди всеобщаго мрака, на горизонтѣ виднѣлось одно лишь свѣтлое облако — надежда, что до наготы обнажившееся сознаніе нашей собственной несостоятельности пробудитъ наши силы, освѣжитъ новымъ духомъ нашу общественную жизнь и дастъ толчокъ нашему внутреннему развитію. Казалось, что послѣ всѣхъ перенесенныхъ тяжкихъ испытаній въ Россіи все и всѣ должны преобразиться. Наступила зима. Пала Плевна. Началось побѣдоносное шествіе русской арміи, черезъ Балканы, до самыхъ стѣнъ Константинополя. 19-ое февраля 1878 года было нашей отместкой за 30-е августа 1877 года. Санъ-Стефанскій договоръ заставилъ забыть „три“ Плевны, но не надолго; собрался европейскій ареопагъ и замѣнилъ санъ-стефанскій договоръ берлинскимъ трактатомъ... Съ особою силою припомнился мнѣ теперь тотъ споръ между пессимистомъ и оптимистомъ, благодаря которому я сдѣлался свидѣтелемъ неудачнаго періода нашей войны, и волей-неволей я долженъ былъ сознаться, что если кто-либо былъ правъ въ томъ спорѣ, то только одинъ пессимистъ: онъ высказывалъ безусловную истину, утверждая, что прежде всего и скорѣе всего Россія должна поработать у себя и надъ самой собою.

КОНЕЦЪ.

КАРАМЗИНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 л., 7.

РФ(КБ)6
734